Весь

ХАЙНЛАЙН

ФРАЙДИ

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ

SCI-FI FOUNDATION

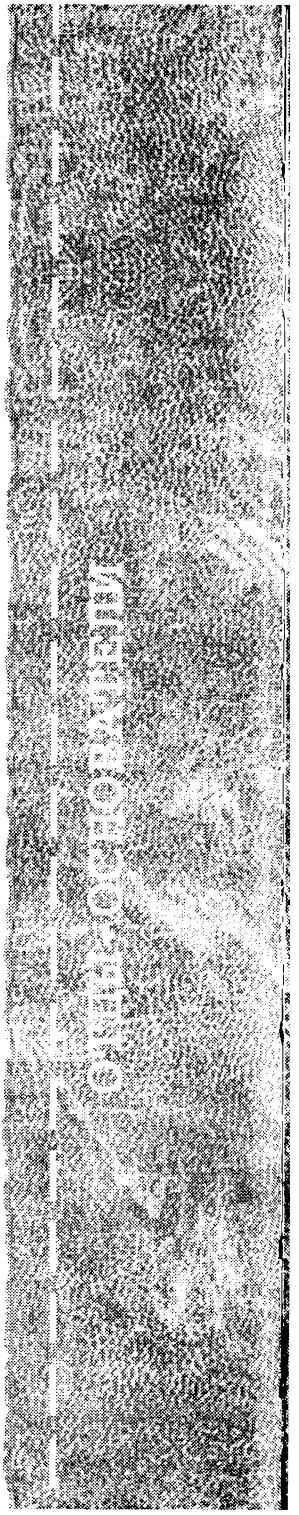

Весь

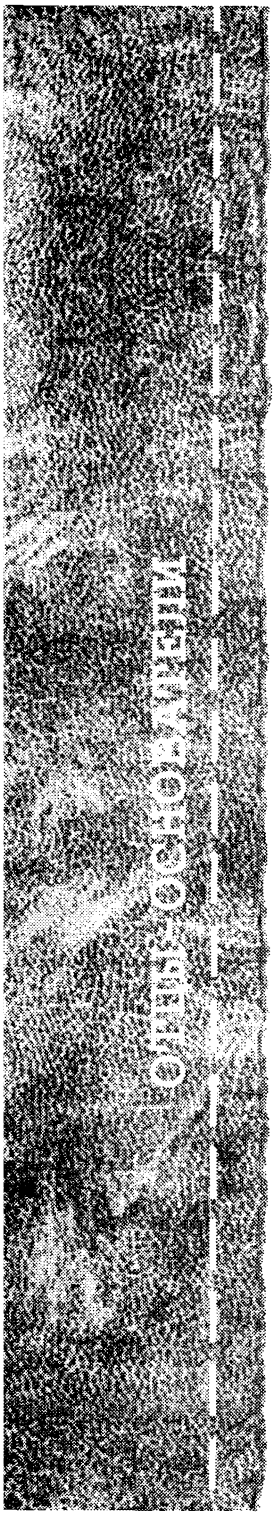
ХАЙНЛАЙН

Весь

ХАЙНЛАЙН

КУКЛОВОДЫ
ПАСЫНКИ ВСЕЛЕННОЙ
ДОРОГА ДОБЛЕСТИ
ГРАЖДАНИН ГАЛАКТИКИ
ТУННЕЛЬ В НЕБЕ
ЧУЖАК В СТРАНЕ ЧУЖОЙ
СВОБОДНОЕ ВЛАДЕНИЕ ФАРНХЭМА
КОТ, ПРОХОДЯЩИЙ СКВОЗЬ СТЕНЫ
УГРОЗА С ЗЕМЛИ
ЧИСЛО ЗВЕРЯ
ВНЕ ВСЯКИХ СОМНЕНИЙ
ДОСТАТОЧНО ВРЕМЕНИ ДЛЯ ЛЮБВИ
РАКЕТНЫЙ КОРАБЛЬ «ГАЛИЛЕЙ»
ФРАЙДИ

Роберт

ХАЙНЛАЙН

ФРАЙДИ

ЭКСМО
Москва
2010

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)
Х 12

Robert A. Heinlein

FRIDAY

Copyright © 1982 by Robert A. Heinlein

I WILL FEAR NO EVIL

Copyright © 1970 by Robert A. Heinlein

Оформление серии *А. Саукова*

Серия основана в 2003 году

Хайнлайн Р.

Х 12 Фрайди : фантастические романы / Роберт Хайнлайн ; [пер. с англ. А. Лазарчука, Н. Сосновской]. — М. : Эксмо, 2010. — 768 с. — (Весь Хайнлайн).

ISBN 978-5-699-46045-8

Фрайди — девушка непростая. Она с легкостью уходит от слежки, способна убивать голыми руками и выносить нечеловеческие пытки, а также обладает массой других достоинств. Она — агент могущественной тайной организации, сфера деятельности которой — вся Земля, а также другие планеты. А еще Фрайди отличается от окружающих своим происхождением — она искусственный человек, выращенный в лаборатории...

«Если я пойду и долиной смертной тени, не убоюсь зла, потому что Ты со мной...» — псалом двадцать второй, тот, который традиционно читают на похоронах.

Роман, название которого взято из этих строк, Роберт Хайнлайн писал как последний роман в своей жизни, будучи тяжело, почти безнадежно больным. Те, кто знал его. говорили, что в образе несгибаемого старика Йоханна Смита автор изобразил себя. Йоханн Смит тоже стар и тоже безнадежно болен, но он не просто отчаянно цепляется за жизнь — он готовится дать решительный бой самой смерти. И — побеждает! А поскольку любая победа — дочь случая, то результаты оказываются совершенно неожиданные...

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)

© Лазарчук А., Сосновская Н., перевод на русский язык, 2010
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2010

ISBN 978-5-699-46045-8

ФРАЙДИ

Когда я, позеленевшая от тошноты, покачиваясь, вышла из чечевицеобразной капсулы «Бобового стебля» — космической канатной дороги на вершине горы Кения, — этот наглец мне буквально на пятки наступал. Поэтому, как только мы остались с ним наедине в переходе, ведущем ко входу в зал таможенного, санитарного и иммиграционного контроля, я была вынуждена разделаться с ним.

Честно признаться, я никогда не испытывала особой страсти к путешествиям по канатке. Невзлюбила я «Бобовый стебель» задолго до печально известной катастрофы в Кито. Просто, понимаете — когда, задрав голову, глядишь на этот трос, уходящий в небо, и не видишь, где он кончается, становится здорово не по себе. Но, увы, единственная, кроме канатки, дорога с Эль-Пятого на Землю слишком длинна и довольно дорога. А я торопилась, да и денег у меня было в обрез.

В общем, и самочувствие, и настроение у меня были самые паршивые уже тогда, когда я вышла из шаттла, доставившего меня с Эль-Пятого на стационарную станцию, но, черт подери, разве плохое настроение, да и пусть даже и тошнота — причина, чтобы вот так взять и убить человека? Нет, надоел он мне до смерти, но ведь вполне достаточно было просто избавиться от него на пару часов! Но видимо, у подсознания — своя логика...

Подхватив его под мышки, пока он не успел повалиться на пол, я быстро оттащила его к секции стоявших вдоль стен бронированных автоматических камер хранения. Торопливо обшарив верхние карманы, я нашла бумажник, в котором оказался паспорт, несколько кредитных карточек

и немного наличных. Пустой бумажник я сунула обратно в карман, кредитную карточку «Дайнерз клаб»[1] вставила в прорезь на дверце и положила на ручку еще теплую ладонь своей жертвы. Дверца открылась.

Я запихнула тело в камеру и захлопнула дверцу носком ботинка, предусмотрительно вытащив кредитную карточку. Обернувшись, я увидела, что прямо надо мной в воздухе парит полицейский телеглаз.

Ну и что? В девяти случаях из десяти телеглаз мотается где ни попадя, и за время его двенадцатичасового дежурства никто может и не взглянуть на стационарный монитор.

Поэтому я решила не обращать на телеглаз внимания и поспешила к выходу, в конец перехода. Но проклятый глаз потащился-таки за мной — как я и опасалась, потому что я была единственным в переходе объектом с температурой тридцать семь градусов. Не тут-то было: секунды на три телеглаз задержался, сканируя дверцу той самой камеры, куда я заперла труп, а потом снова развернулся в мою сторону.

Только я успела задуматься, что же мне делать, как подсознание снова решило все за меня: моя карманная авторучка мигом превратилась в миниатюрный лазерный пистолет и «убила» телеглаз: он был не только «ослеплен» пучком лучей, но утратил антигравитацию и грохнулся на пол. Его компьютерная память, судя по всему, тоже не уцелела.

Пришлось еще раз воспользоваться кредитной карточкой моего незадачливого преследователя. На этот раз я подцепила ручку на дверце авторучкой, чтобы не задеть отпечатков пальцев несчастного. Я была вынуждена как следует подпихнуть «мертвый» телеглаз ногой: внутри было уже, честно говоря, тесновато. Захлопнув дверцу, я поторопилась исчезнуть из коридора. Нужно было как можно скорее поменять внешность. На счастье, станция в Кении, как и большинство портов канатки, оборудована всяческими удобствами для пассажиров по обе стороны таможенного барьера. Это мне и было нужно — вместо то-

[1] «Дайнерз клаб» — международная банковская кредитная система. *(Здесь и далее примеч. перев.)*

го чтобы сразу пойти на досмотр, я нашла ванную комнату и расплатилась наличными, чтобы принять душ и переодеться.

Двадцать семь минут спустя я не только вымылась, но успела сменить прическу, одежду и лицо — да, представьте себе, за пятнадцать минут с помощью теплой воды и мыла можно запросто уничтожить то, на создание чего уходит добрых полтора часа. Не то чтобы я горела желанием явиться перед таможенниками в своем истинном облике — просто нужно было избавиться от того внешнего вида, в котором я выполняла задание. То, что не могло быть смыто водой, отправилось в мусорный бачок-дезинтегратор: комбинезон, парик, ботинки, дорожная сумка, перчатки с фальшивыми отпечатками пальцев, контактные линзы, паспорт. В новом паспорте значилось мое настоящее имя — вернее, одно из моих настоящих имен. Там была вклеена стереофотография, на которой я была запечатлена в самом что ни на есть натуральном виде, и стоял совершенно взаправдашний штамп транзита в Эль-Пятом.

Я собралась было отправить в дезинтегратор и документы, вынутые из бумажника своей жертвы, но, проглядев их, призадумалась...

Кредитные карточки были выписаны на четыре разные фамилии. Ну а где же в таком случае еще три паспорта?

Наверное, остались в других карманах. Ну вот, поторопилась, не поискала как следует! Вернуться, что ли, и поискать? Ну да, а вдруг меня застукают за этим занятием? Я ведь как думала: заберу документы, и полицейским будет труднее установить личность убитого, а я тем самым выиграю время и успею смотать удочки, а тут... Минуточку, минуточку, это что же получается? Паспорт и карточка «Дайнерз клаб» — на имя Альфреда Белсена. Кредитная карточка «Американ экспресс»[1] — на имя Альберта Бомона. Карточка гонконгского банка — на имя Артура Букмана, а карточка «Мастер Чардж» — на имя Арчибальда Буханана.

---

[1] «Американ экспресс», «Мастер Чардж» — международные банковские кредитные системы.

Я попробовала нарисовать в уме картину преступления. Ну что-нибудь в таком роде: Бомон — Букман — Буханан только успел, бедняга, открыть дверцу камеры хранения, как на него сзади навалился проклятый злодей Белсен — убил, засунул в камеру, воспользовавшись собственной карточкой «Дайнерз клаб», закрыл дверцу и был таков. Нормально. Просто замечательно. Ну а теперь надо было замутить воду еще сильнее.

Все документы я сунула в карман жилетки: решила, что они мне еще пригодятся. Конечно, если меня станут обыскивать полностью — мне несдобровать, но я знаю уйму способов, как избежать полного досмотра: взятку сунуть, пококетничать, зубы заговорить — в общем, по обстоятельствам.

Когда я вышла из ванной, как раз шел досмотр пассажиров со следующего рейса. Подошла моя очередь. Таможенник весьма недоверчиво повертел в руках мою легкую сумочку и как бы невзначай поинтересовался ценами на черном рынке. Взгляд, которым я его одарила, вполне соответствовал тому, каким я на него взирала с фотографии в паспорте, — глупее не придумаешь. Перевернув страничку, он обнаружил вложенную в паспорт крупную купюру и тут же переменился в лице.

Я спросила у него, как добраться до лучшей гостиницы и хорошего ресторана. Он немного помялся, пробурчав, что вообще-то это не входит в его обязанности, но потом все-таки сказал, что, по его мнению, лучше всего было бы остановиться в «Хилтоне» в Найроби. Что же касается ресторана, то, если мой кошелек выдержит, он бы мне порекомендовал ресторан «Толстяк» прямо через дорогу от «Хилтона» — там лучшая кухня в Африке. На прощание он пожелал мне приятно провести время в Кении.

Я поблагодарила его от всей души и через несколько минут спустилась с горы Кения в город, о чем тотчас же пожалела. Найроби расположен выше Денвера — практически на одной высоте с Мехико, но лежит у подножия горы Кения, и отсюда рукой подать до экватора. Наверху, в космопорте, расположенном на высоте пяти с лишним километров, воздух был такой прохладный, а в городе стояла

невыносимая жара и духота. Одежда моя тут же насквозь промокла от пота, ноги распухли и разболелись — сказывались перенесенные на канатке перегрузки. Да... Терпеть не могу заданий за пределами Земли, но возвращаться люблю и того меньше.

Я попыталась призвать на помощь все свои познания в области аутогенной тренировки, чтобы хоть как-то отвлечься от жары. Никакого эффекта. Пожалуй, если бы мой наставник-йог проводил поменьше времени сидя в «лотосе» и хоть раз в жизни смотался бы в Кению, пользы от его наставлений было бы побольше. Гораздо разумней было попросту скрыться куда-нибудь из-под палящих лучей африканского солнца.

На счастье, «Хилтон» я отыскала довольно быстро. В фойе было прохладно. А самое лучшее — там было автоматизированное бюро путешествий. Найдя свободную кабинку, я вошла и уселась перед терминалом. Следом за мной в кабинку впорхнула служащая гостиницы — молоденькая негритяночка.

— Чем могу быть полезна, мисс? — спросила она.

Я ответила, что, пожалуй, справлюсь сама — терминал как терминал, стандартный «Кенсингтон-400».

Но она настаивала:

— Я буду так рада вам помочь! Я совершенно свободна...

На вид ей было лет шестнадцать — мордашка милая и голос приятный. Похоже было, она и вправду хотела мне помочь. Но посудите сами — нуждалась ли я в посторонней помощи, когда собиралась воспользоваться кучей чужих кредитных карточек? Пришлось отделаться от нее: я всучила ей небольшую взятку и повторила, что отлично справлюсь сама, но, если мне понадобится помощь, я ее непременно позову.

Она слабо запротестовала — дескать, деньги ей ни к чему, но обратно их не вернула и ретировалась.

Я принялась за дело. «Альфред Белсен» отправился скоростной подземкой в Каир, а оттуда на полубаллистическом корабле — в Гонконг, где забронировал себе номер в отеле «Полуостров» по карточке «Дайнерз клаб».

У «Альберта Бомона» был отпуск. Он покинул Найроби на борту суперлайнера фирмы «Сафари». Карточка «Американ экспресс» помогла ему без проблем поселиться на две недели в шикарной гостинице «Шангри-Ла» на побережье Гвинейского залива.

Гонконгский банк щедро оплатил дорогу «Артура Букмана» в Буэнос-Айрес.

«Арчибальд Буханан» стосковался по родине — он отправился в Эдинбург, оплатив свою дорогу по карточке «Мастер Чардж». Ему предстоял путь подземкой, с пересадкой в Каире, остановкой в Копенгагене, а оттуда — до самого дома. По моим подсчетам, он должен был там оказаться уже через пару часов.

Всем счастливого пути, господа!

Довольная собой, я вышла из кабинки и спросила ту самую девушку, что так рвалась мне помочь, не ведет ли подземный переход из фойе к ресторану «Толстяк». Она объяснила мне, где нужно повернуть, чтобы выйти к ресторану. Поблагодарив, я спустилась в переход, но повернула вовсе не к ресторану, а прошла дальше и очень скоро уже неслась в капсуле подземки по направлению к Бомбасе. Расплатилась за билет я, естественно, наличными.

Бомбаса всего в пятистах километрах от Кении — полчаса пути, но даже кошмарное пекло Найроби по сравнению со здешним климатом — прямо-таки райская погодка. Причин задерживаться там, как вы понимаете, у меня не было, поэтому через двадцать семь часов я уже была в провинции Иллинойс Чикагской Империи. Вы можете возразить — не долговато ли? — всего-то тринадцать тысяч километров по прямой. Но в том-то и дело, что двигалась я вовсе не по прямой, но зато ни разу не натолкнулась ни на таможенные, ни на иммиграционные барьеры. Не пользовалась я и кредитными карточками — ни собственной, ни взятыми напрокат. Ну а кроме того, мне удалось целых семь часов соснуть в свободном штате Аляска — ведь за два дня я глаз не сомкнула.

Как мне все это удалось? Секрет фирмы. Может, мне больше и не понадобится эта дорога, но кто знает — вдруг пригодится кому-то из сотрудников? Вот разве что в самых

общих чертах... В общем, слушайте — этому меня научил Босс: все правительства на свете только к тому и стремятся, чтобы понаставить где только можно побольше компьютеров, таможенных барьеров, напустить уйму телеглазов и всяческих других хитроумных электронных штуковин. Поэтому святой долг каждого свободного человека — противиться этому безобразию насколько возможно: избегать подземок, обходить барьеры, дезинформировать компьютеры. Да-да, компьютеры тупы как пробки, перехитрить их довольно просто: достаточно, например, при наличии свободных денег заплатить больше положенного. Одно это заставит компьютер крепко «призадуматься». Ну а еще можно поиграть под дурачка и нажимать клавиши как попало. И так далее.

Но главный принцип путешествия через полпланеты, не оставляя следов, такой: платите наличными! Никакого кредита, никакой информации о себе, которая могла бы задержаться в памяти компьютера. Ну и, конечно, взятки, взятки, где только выйдет. Ведь чего там греха таить — взятки давно воспринимаются как должное теми, кто их получает. Понимаете, дело в том, что, как бы чиновникам ни переплачивали, они все равно будут уверены, что им недоплатили. Это все их воровская психология — честный человек разве стал бы кормиться из общественной кормушки? Имейте это в виду, но будьте предельно осторожны — вежливость, вежливость и еще раз вежливость: чиновник, он, может, сам себя не уважает, но нуждается в постоянном проявлении уважения к своей персоне с вашей стороны.

Ну а поскольку я всегда живо откликаюсь на эту их насущную потребность — и на этот раз мое путешествие прошло без сучка и задоринки. (Если не считать, что «Хилтон» в Найроби взорвался и сгорел дотла буквально через несколько часов после того, как я отправилась подземкой в Бомбасу. Но манией величия я не страдаю, поэтому мне и в голову не пришло связывать эту катастрофу с моим кратким визитом в гостиницу.)

Правда, услышав сообщение о взрыве, я тут же избавилась от чужих кредитных карточек и паспорта, но это я и так собиралась сделать. Если бы оппозиция хотела та-

ким образом разделаться со мной — возможно, но маловероятно, — неужели они стали бы уничтожать прекрасное здание стоимостью в несколько миллионов и убивать сотни тысяч ни в чем не повинных людей? Это же все равно что пытаться муху топором убить! Нет, непрофессионально.

Как бы то ни было, наконец я оказалась в Империи, и очередное задание было выполнено при минимуме издержек. Я вышла из капсулы скоростного экспресса на станции «Линкольн Медоуз», прикидывая в уме, достаточно ли я набрала очков в плюсе, чтобы Босс расщедрился и дал мне пару недель отпуска, дабы я могла слетать в Новую Зеландию и навестить свое многочисленное семейство. Я вышла замуж в «С»-семью. Но об этом потом. Семья моя живет в Крайстчерче. Уже несколько месяцев я не была дома — пора бы повидаться.

Ну а пока я всей грудью с наслаждением вдыхала чистый, прохладный воздух Иллинойса — не Южный остров, конечно, но после него уж точно второе по красоте место на свете. Говорят, когда-то изумрудные луга были усеяны сотнями громыхающих и гремящих фабрик — трудно поверить! Ведь сегодня единственным зданием на всю округу было лошадиное стойло фирмы «Авис» — через дорогу от станции.

Неподалеку от стойла стояло два запряженных лошадьми дилижанса и несколько обычных фермерских фургончиков-багги. Я уже собралась было купить билет на дилижанс, когда заметила, что к стойлу подкатила знакомая повозка — пара великолепных гнедых была запряжена в изящное ландо от «Локхида».

— Дядюшка Джим? Сюда, я здесь!

Кучер кончиком кнута сдвинул со лба «стетсон», остановил лошадей, и повозка встала прямо рядом с лестницей, Джим слез с облучка, снял шляпу и низко поклонился:

— Какая радость, что вы вернулись, мисс Фрайди[1]!

Я весело хлопнула его по плечу. Он стоически перенес

[1]Фрайди — от «Friday» *(англ.)* — пятница, день недели, названный в честь Фреи — скандинавской богини красоты, любви и плодородия.

удар — рука у меня тяжелая. Надо сказать, у дядюшки Джима были четкие и непоколебимые понятия о субординации. Поговаривали, что якобы в свое время он был под судом за пропаганду католичества, а кое-кто прямо-таки с пеной у рта утверждал, что он был взят под стражу безоружным в тот самый момент, когда служил мессу. А другие — так те просто какую-то чепуху несли: будто бы он состоял в какой-то шайке, пойманной на воровстве, а он вроде бы взял всю вину на себя, чтобы выгородить остальных. Что до меня, то насчет первой сплетни я сильно сомневаюсь — думаю, будь он священником, у него обязательно были бы какие-то особенные манеры. Но я могу и ошибиться — ведь я ни разу в жизни в глаза не видела ни одного настоящего священника.

Когда он подсаживал меня в повозку, изо всех сил стараясь дать мне почувствовать себя «госпожой», я спросила:

— Джим, а как ты тут оказался?

— Босс послал меня встретить вас, мисс.

— Вот как? Но я ему не сообщала, когда приеду.

Я отчаянно пыталась сообразить, кто из тех, с кем я была связана на задании, мог известить Босса о времени моего прибытия.

— Знаешь, Джим, порой мне кажется, что у него есть что-то вроде магического кристалла...

— А что, мисс, может, так оно и есть! — ответил Джим, хлестнул кнутом Гога и Магога, и мы отправились в путь — на нашу конспиративную ферму.

Я откинулась на мягкую подушку и с удовольствием задремала под милое, уютное, такое домашнее цоканье копыт...

Я открыла глаза, когда мы въезжали в ворота фермы, а окончательно проснулась, когда повозка встала у крыльца. Я спрыгнула на землю, не ожидая, пока Джим подаст мне руку, чтобы я еще раз почувствовала себя «госпожой». Обернулась, чтобы поблагодарить его... и тут на меня набросились сразу со всех сторон. А милый, добрый дядюшка Джим даже не предупредил меня!

Наоборот — он спокойно смотрел, как меня уводили...

ГЛАВА 2

Сама виновата! А ведь сколько раз мне твердили, что безопасных мест на свете вообще нет, а самое опасное из них — то, куда чаще всего возвращаешься. Именно там тебя может ожидать засада.

Учить-то меня учили, но, увы, все эти мудрые истины я просто повторяла как попугай — считая себя жутко опытным профессионалом, я их игнорировала. Вот и попалась.

Это печальное правило сродни той убийственной статистике, что скорее всего тебя прикончит самый близкий тебе человек — да-да, именно так, кто-нибудь из членов семьи. В это так трудно и больно поверить — ну представьте себе: жить и бояться своих домашних, — что чаще всего большинство людей предпочитают об этом даже не задумываться. «Брат мой — враг мой»? Нет, лучше умереть!

А самая большая моя глупость заключалась в том, что я не только махнула рукой на общие правила, а пропустила мимо ушей четкое, громкое, ясное предупреждение. Каким образом ухитрился милый, добрый дядюшка Джим встретить меня день в день, час в час, минута в минуту? Магический кристалл? Да нет, Босс — он, спору нет, мудрее любого из нас, но, будь он волшебником, никто из нас ему бы просто не понадобился.

Я о своих передвижениях Боссу не сообщала. Даже не дала ему знать, когда улетела с Эль-Пятого. Таково правило: мы не обязаны отчитываться о каждом своем шаге — Босс знает, что любая утечка информации может стать фатальной.

Да что там говорить — я сама не знала, что сяду именно в этот экспресс! Я заказала завтрак в кафетерии отеля «Стюард», встала из-за стола, не притронувшись к еде, оставила мелочь на стойке и уже через три минуты неслась в капсуле экспресса. Ну и каким же образом?

Видимо, хвост, обрубленный мною на станции канатки в Кении, не был единственным. Похоже, кто-то быстро сменил мистера Белсена (он же Бомон, Букман, Буханан). Очень может быть, что печальная участь Белсена заставила врагов быть осторожней и не наступать мне на пятки

так откровенно, как он. А может, та ночь, что я проспала в Аляске, дала им время догнать меня.

Что ж, вполне похоже на правду. Я довольно живо представила себе, что, как только я скрылась за дверями экспресса в Аляске, кто-то из врагов передал по терминалу что-нибудь вроде: «Светлячок» — «Стрекозе». «Комарик» отбыл в скоростном экспрессе по международному коридору девять минут назад. Судя по данным, полученным на станции, «Комарик» следует до станции «Линкольн Медоуз», куда прибудет в одиннадцать ноль-три по местному времени». Ну или что-нибудь еще в таком духе. Главное, кто-то видел, как я садилась в экспресс, и кого-то предупредил. Иначе — как бы милейший дядюшка Джим ухитрился меня встретить? Все логично.

Да, что ни говори, а великое дело — логика и дедукция. Очень помогают понять, почему тебе череп раскроили, — увы, к сожалению, после того, как это случится.

Но я все-таки заставила их попотеть, хотя, по идее, надо было сдаться сразу, как только я увидела, сколько их. Но я — дура набитая и прекрасно это доказала. Да уже тогда надо было удирать во все лопатки, когда Джим заявил, что Босс прислал его, вместо того чтобы садиться в ландо и подписывать себе приговор. О господи...

А убила я вроде бы только одного из них.

Ну, может, двоих. Но почему они отважились так грубо напасть на меня? Могли ведь спокойно дождаться, когда я войду в дом, могли брызнуть мне в лицо дрянью какой-нибудь, усыпить, аркан набросить, в конце концов. Они хотели взять меня живой, это ясно, но неужели они не знали, что агент с моим опытом и тренировкой, будучи в опасности, автоматически переключается на суперрежим? Да, похоже, не одна я тут дурочка...

Но вот зачем они понапрасну тратили время, насилуя меня, — ума не приложу. Вообще вся операция отдавала любительством. Ни одна профессиональная организация сегодня не практикует побои или изнасилование перед допросами. Пользы в этом нет ни грамма — любой профессионал обучен вести себя так, чтобы не пострадать ни физически, ни морально. Что касается изнасилования, то

самое милое дело (прошу учесть: мои советы — для женщин; я слыхала, что мужчинам приходится потяжелее) — либо отключить сознание (метод «А»), либо терпеливо ждать, когда все закончится (метод «Б»), либо (если вы хорошо подготовлены) вспоминать все, какие знаете, древнекитайские пословицы (метод «В»).

В случаях использования первых двух методов (если темперамент позволяет, можно их объединить), жертва может даже использовать изнасилование, чтобы переиграть своих мучителей. Я не такая уж блестящая актриса, но я стараюсь, и, хотя мне еще ни разу не удавалось сразить противника его оружием, однажды это спасло мне жизнь.

Метод «В» на этот раз не повлиял на общий исход, но, по крайней мере, вызвал законное удивление. Насколько я могла судить по манерам и запаху, их было четверо и они поочередно пользовали меня в одной из спален наверху. Не исключено, что это была моя собственная комната, хотя я не могла быть в этом уверена, так как какое-то время была без сознания, а глаза у меня и теперь заклеивал пластырь. Как в кино — матрасик на полу и групповое изнасилование с элементами садизма... но я ни о чем таком не думала, клянусь, — все мои старания были направлены на выполнение метода «В».

В уме я окрестила их так: «Шеф» (похоже, его слушались остальные), «Рокс»[1] (это они его так называли — почему, не знаю, но не иначе как этими самыми булыжниками у него башка была набита), «Коротышка» (это уж как хотите, так и понимайте), «еще один» (у этого никаких отличительных особенностей не отмечалось).

Я старалась изо всех сил с каждым из них — это, скажу я вам, особое искусство — нужно сначала преодолеть физическое отвращение, потом заставить себя работать, а потом тобой вроде бы овладевает физиологическая страсть и ты как бы ничего не можешь поделать. Любой мужчина клюнет, уверяю вас — они просто не могут не поверить.

Но особенно я старалась с Шефом, поскольку надея-

[1] Р о к с — от «rocks» *(англ.)* — камни, булыжники.

лась заработать его благосклонность. Он вообще-то не был так уж мерзок, при условии сочетания методов «Б» и «В».

Но гораздо труднее мне пришлось с Роксом — тут я комбинировала методы «А» и «В» — у этого подлеца жутко воняло изо рта, да и в остальном он был не слишком чистоплотен. Увы, пришлось и на это не обращать внимания и изо всех сил льстить его мужицкому самолюбию.

Порядочно измотавшись со мной, он процедил сквозь зубы:

— Мак, мы зря время теряем! Эта сволочь довольна!

— Ну так вставай, пусть малыш позабавится еще. Он готов.

— Ладно. Только сначала я ей наподдам как следует, чтобы знала, с кем дело имеет!

И он отвесил мне пощечину. Я вскрикнула.

— Не смей бить ее! — прозвучал властный голос.

— Это кто говорит-то? Мак, что-то ты много на себя берешь!

— Это я говорю.

Что-то новенькое — этого голоса я еще не слышала. Доносился он из радиосистемы на потолке комнаты.

— Рокс, Мак — руководитель группы, и ты это знаешь не хуже меня. Мак, пошли Рокса ко мне, мне нужно ему пару слов сказать.

— Шеф, но я только помочь хотел!

— Рокс, ты слышал, что тебе сказано было? — спокойно спросил Шеф. — Штаны надень — и вперед.

Тут я ощутила, что вес тела Рокса больше не давит на меня и его зловонное дыхание исчезло. Вот тебе и вся любовь!

Голос с потолка зазвучал вновь:

— Что, Мак, мисс Фрайди действительно наслаждается маленькой церемонией, которую мы устроили в ее честь?

— Похоже на то, Шеф, — медленно и неохотно отозвался Мак. — Ну, по крайней мере, так она себя ведет.

— Что скажете, мисс Фрайди? Вам и правда понравилось?

На его вопрос я не ответила. Вместо этого я детально прошлась по его семейству, уделив особое внимание его матушке и сестренкам. Если бы я сказала ему правду: что Мак был бы очень даже ничего себе в других обстоятельст-

вах, что Коротышка не произвел на меня никакого впечатления, а Рокса я, будь моя воля, прикончила бы при первой возможности, — прости-прощай тогда метод «В».

— И тебе того же, милашка, — дружелюбно отозвался голос с потолка. — Ужасно жаль огорчать тебя, но дело в том, что я — сирота. Нет у меня ни мамочки, ни сестриц. Мак, надень ей наручники и укрой одеялом. Укол не делай. Я с ней попозже разберусь.

Жалкий любитель! Босс никогда не стал бы предупреждать пленного, что собирается допрашивать его!

— Эй, сиротка!

— Да, дорогая?

Тут я обвинила его в грехе, который к матерям и сестрам отношения не имеет, но с анатомической точки зрения вполне возможен (ну, так мне, по крайней мере, говорили). Голос ответил:

— А как же? Каждую ночку, лапушка! Очень успокаивает!

Одно очко в пользу Шефа. Пожалуй, подучись он немного, из него вышел бы неплохой профессионал. Ну а пока он для меня продолжал оставаться слюнявым любителем, и никакого уважения я к нему не испытывала. Он потерял одного — а то и двух — из своих людей, заставил меня переносить совершенно ненужные пытки и побои. Нет, не будь я тренирована соответствующим образом, можно было запросто отправиться на тот свет. А так — он впустую часа два потерял. Будь на его месте мой Босс, из пленного сразу бы кишки выпустили и он бы уже пару часов наговаривал на магнитофон все, что знал. Мак даже не жалел времени и сил, чтобы всюду таскаться со мной, — даже в туалет поперся — смотрел, как я мочилась. Ну не дураки, спрашивается? Ведь одна из самых мучительных пыток как раз и состоит в том, чтобы лишить жертву возможности совершать естественные отправления!

Ничуть не хуже, чем болевые пытки, уверяю вас, а уж в сочетании с ними и другими унижениями потрясающе быстро развязывает языки.

Наверное, Мак этого не знал. Вообще я решила, что он довольно мил, если бы не его склонность — да нет, чего

там — несмотря на его склонность к насилию. Все мужчины таковы, тут уж ничего не поделаешь.

Кто-то положил матрас обратно на кровать. Мак довел меня до нее, велел лечь на спину и закинуть руки за голову, после чего пристегнул мои руки и ноги к спинкам кровати браслетами. Это были не те «строгие» наручники, которыми обычно пользуются полицейские, а весьма, сказала бы я, гуманные, с бархатной подкладкой, с такими детишки играют в космических шерифов. Да кто же тут дурак все-таки? Шеф, что ли?

Мак проверил, надежно ли закреплены наручники, и заботливо укрыл меня одеялом. Черт подери, я бы не удивилась, если бы он поцеловал меня на ночь! Но он этого не сделал — тихо ушел.

Ну а если бы поцеловал, следовало ли бы мне снова полностью использовать метод «В»? Или отвернуться? Вопрос, конечно, на засыпку... Метод «В» — он ведь целиком основан на принципе «Я-ничего-не-могу-с-собой-поделать» и все время требует точного расчета, когда и сколько энтузиазма проявить. Если насильник заподозрит жертву в том, что она притворяется, — игре конец.

В конце концов я решила, что от этого гипотетического поцелуя следовало бы отказаться — и заснула.

Но долго поспать мне не удалось. По правде говоря, я зверски устала от всего происшедшего и заснула как убитая, но только я успела погрузиться в сон, как меня разбудила пощечина. Это был не Мак. Рокс, конечно. Ударил он меня не так сильно, как в прошлый раз, — впрочем, опять без толку. Наверное, решил отомстить мне за взбучку, которую получил от Шефа. Я решила, что, когда настанет мое время пытать его, я буду делать это долго и нудно...

Раздался хриплый, тонкий голос Коротышки:

— Мак не велел ее бить!

— А я ее бил? Просто потрепал по щечке любя — и все. Чтобы проснулась. Так что заткнись и делай свое дело, понял? Стой и держи ее на прицеле. Ее, балда, не меня!

Они поволокли меня на нижний этаж — в одну из наших камер для допроса. Коротышка и Рокс ушли. То есть

насчет Коротышки я только догадывалась, а про Рокса знала точно — исчез его тошнотворный «аромат». Начался допрос. Сколько человек меня допрашивали, не знаю, потому что слышала все время один и тот же голос — того, кого называли Шефом. Он явно опять разговаривал со мной через радиосистему.

— Доброе утро, мисс Фрайди!

(Утро? Что-то не похоже!)

— Привет, сиротка!

— Рад, что ты в хорошем настроении, милашка, поскольку разговор у нас будет долгий и неприятный. Мне хотелось бы узнать о тебе все-все, моя радость.

— Валяй спрашивай. С чего начнем?

— Для начала расскажи-ка мне о твоем последнем путешествии — все до капельки. И скажи, на кого ты работаешь. Собственно, это я и сам мог бы тебе сказать: мы уже много чего знаем — и поэтому, если ты будешь врать, будет сразу ясно. Врать не стоит, совсем не стоит, дорогуша моя. А будешь врать — будет тебе плохо, и мне будет очень жаль, а тебе будет жаль еще больше.

— Да нет, чего там, врать не буду. Магнитофон работает? Говорить я буду долго.

— Магнитофон работает.

— О'кей.

Три часа я выворачивалась наизнанку.

Все было в соответствии с «легендой». Мой Босс прекрасно понимает, что девяносто девять агентов из ста раскалываются под пытками, примерно столько же не выдерживают долгих допросов чисто психологически, и только сам всемогущий Будда мог бы перенести без вреда для себя кое-какие уколы. Поскольку он не надеется на чудо и бережет своих агентов, стандартный принцип для таких ситуаций такой: «Если тебя сцапали, заливайся соловьем!»

Поэтому все устроено в нашей системе так, что ни один из полевых агентов никогда не знает ничего сверхважного. Курьер никогда не знает, что именно он доставляет. Я ничего не смыслю в политике. Я не знаю, как зовут моего Босса. Я даже не знаю наверняка — правительственная ли мы организация или филиал какой-то космополитической

корпорации. Я не знаю, где находится ферма — другие знают, а мне было известно только, что она неплохо охраняется. Однажды меня возили на автомобиле на полигон, расположенный, по всей видимости, у дальней границы фермы. А может, и нет. Так что, как видите, много из меня не выжмешь при всем желании.

— Шеф, можно спросить? Как вам удалось захватить эту ферму? Она здорово охранялась.

— Ласточка, вопросы тут задаю я. А теперь вернись к тому моменту, когда ты заметила за собой слежку в Кении...

Долгое-долгое время спустя, когда я рассказала все, что помнила, и повторила сказанное раз десять, Шеф остановил меня.

— Дорогая, все это очень мило, но я верю только каждому третьему твоему слову. Ребята, переходите к процедуре «В».

Кто-то схватил меня за левую руку. В нее вошла игла. «Нектар болтливости»! Господи, может, хоть в том, как уколы делать, эти тупицы чего-нибудь смыслят: от передозировки этого препарата недолго и ноги протянуть!

— Шеф, можно я сяду?

— Принесите ей стул!

Кто-то принес стул.

Еще целую, как мне казалось, тысячу лет я рассказывала одну и ту же историю, а чувствовала себя при этом все хуже и хуже. В одно прекрасное мгновение я упала со стула. Они не стали меня усаживать обратно, а оставили на холодном цементном полу. Я продолжала говорить без умолку.

Прошло какое-то время, и мне вкатили еще один укол. У меня заболели все зубы сразу, глаза, казалось, вот-вот вылезут из орбит, но я очнулась.

— Мисс Фрайди!

— Да, сэр?

— Вы проснулись? Ну отлично. Видимо, моя прелесть, тебя изрядно поднатаскали под гипнозом и научили и под наркотиками рассказывать одну и ту же историю. Это весьма прискорбно, потому что придется применить другой метод. Встать можешь?

— Думаю, да... Постараюсь...

— Помогите ей встать. Поддержите ее...

Двое подхватили меня под руки. Стояла я так себе, но они крепко держали меня.

— Переходите к процедуре «В», пункт пятый! — раздался приказ.

Кто-то наступил тяжеленным ботинком на мои босые ноги. Я дико вскрикнула.

Зарубите себе на носу: когда вас пытают — кричите! Поверьте моему опыту. Орите благим матом и раскалывайтесь как можно скорее!

Не хочу описывать дальнейшие события в подробностях. Скажу только, что длилось это бесконечно долго. Начни я про это рассказывать, вытошнит любого, имей он хоть каплю воображения. Меня самое вытошнило там несколько раз. Пару раз я теряла сознание, но они снова и снова приводили меня в чувство, и голос Шефа продолжал задавать вопросы — одни и те же, одни и те же...

Но видимо, настал-таки момент, когда привести меня в сознание им не удалось. В очередной раз я очнулась в кровати — скорее всего, кровать была та же самая, и я снова была пристегнута к спинкам «браслетами». Нестерпимо ныло и горело все тело.

Голос у меня над головой проговорил:

— Мисс Фрайди!

— Какого дьявола?

— Ничего особенного. Если тебе будет приятно, ты — единственная, кого я допрашивал, но так и не дознался правды.

— Пошел ты...

— И тебе доброй ночи, радость моя!

Жалкий, грязный любитель! А ведь я говорила ему чистую правду, одну только правду, ничего, кроме правды!

ГЛАВА 3

Кто-то пришел и сделал мне еще один укол. Боль утихла, и я уснула.

На этот раз проспала я, похоже, долго. Крепкий сон чередовался с периодами полузабытья. А может быть, я все-таки не спала? Нет, вряд ли... Ведь я видела сны — навер-

няка это были сны. Конечно, говорящие собаки существуют, я их не раз видела, но чтобы они читали лекции о правах живых артефактов? Сквозь сон до меня доносились звуки — суета, беготня по лестницам вниз-вверх, какие-то приглушенные крики. Вот это, скорее всего, было наяву. Но потом все утихло. Я попыталась встать с кровати, но поняла, что не то что встать — голову от подушки оторвать не могу.

Настало мгновение, когда я решила, что теперь я, пожалуй, точно не сплю, потому что ощутила, что руки мои и ноги свободны от браслетов и пластырь с глаз исчез. Открыв глаза, я почувствовала себя самым счастливым человеком на свете и тут же решила, что надо бежать.

Не двигаясь, я напрягла мышцы. Похоже, все было на месте, хотя кое-где ощущалась небольшая боль. Одежда? Бог с ней! До одежды ли, когда речь идет о спасении собственной жизни!

Теперь нужно было все быстренько продумать... Похоже, в комнате никого не было. А на этаже? Лежать. Тихо лежать и слушать. Только когда убедишься, что ты одна-одинешенька на этаже, тихо встань с кровати и поднимись по лестнице — тихо, как мышка... На третий этаж, потом на чердак и там спрячься. Дождись темноты. Потом — из чердачного окна на крышу, вниз по задней стене — и в лес. Если удастся добежать до леса за фермой, там им меня уже не поймать... Но пока буду бежать, я буду прекрасной мишенью.

Шансы? Один из девяти. Ну, может, один из семи, если я и вправду в порядке физически. Самым слабым пунктом в моем плане была весьма высокая вероятность того, что меня заметят еще до того, как я выберусь из дома. Если меня заметят, мне придется снова убить кого-нибудь и сделать это надо будет совершенно хладнокровно... но больше ничего не придумаешь. В противном случае оставалось только лежать и ждать, когда они меня прикончат... а случится это тогда, когда Шеф решит, что больше от меня ничего не добиться. Как бы они ни были тупы, эти гады, не настолько же они глупы, чтобы оставить в живых изнасилованную и избитую свидетельницу.

Я напрягла слух.

Ни одного звука. Ждать не имело смысла. Каждое мгновение только приближало момент, когда кто-то мог появиться. Я открыла глаза...

— Проснулась, похоже? Прекрасно.

— Босс?! Где я?

— Боже мой, как банально... Фрайди, а поновее что-нибудь придумать не могла? Ну-ка, попробуй еще разок.

Я огляделась по сторонам. Спальня. Похоже на больничную палату. Окон нет. Мягкое освещение. Характерная гробовая тишина, которую скорее подчеркивало, чем нарушало мягкое урчание кондиционера.

Я перевела взгляд на Босса. Как рада я была его видеть! Все та же черная повязка на глазу... Я всегда удивлялась — почему он не хочет регенерировать глаз? Костыли его были прислонены к столику. На Боссе был его всегдашний просторный мешковатый костюм из натурального шелка, который смахивал на плохо сшитую пижаму. Господи, как же я рада его видеть!

— Все равно — хочу знать, где я. И как? И почему? Где-то под землей, определенно, но где?

— Правильно, под землей, но не слишком глубоко — всего несколько метров. «Где» — узнаешь в свое время. По крайней мере, узнаешь, как войти и выйти. У нашей фермы был один большой недостаток — слишком много людей знало, где она находится. «Почему» — очевидно. А вот с «как» пока повременим. Докладывай.

— Босс, вы самый страшный зануда на свете!

— Что поделаешь, долгая практика. Докладывай.

— И... ваша мама познакомилась с вашим папой в кровати. И он даже шляпу не снял!

— Они познакомились на пикнике баптистской воскресной школы, и оба верили в добрых волшебниц. Докладывай.

— Черт бы вас побрал! Докладываю. Путь до Эль-Пятого был без происшествий. Нашла там мистера Мортенсона, передала ему содержимое моего «карманчика». Все было нормально, но вдруг в городе ни с того ни с сего разразилась эпидемия респираторной инфекции неясной этиоло-

гии, и я ухитрилась заразиться. Мистер Мортенсон был исключительно добр ко мне. Он держал меня у себя дома, и его жены заботливо выхаживали меня. Босс, мне бы хотелось, чтобы они были вознаграждены.

— Учту. Дальше.

— Болела я тяжело. Поэтому-то я на неделю выбилась из графика. Но как только я пришла в себя, мистер Мортенсон сообщил мне, что я могу лететь обратно и что капсулу с информацией он уже поместил в «карманчик». Точно я не знаю. А вы знаете, Босс? В «карманчик»?

— И да и нет.

— Ничего себе ответик!

— «Карманчик» под пупком был использован.

— Так я и думала. Знаете, хотя считается, что там нет нервных окончаний, я всегда чувствую, когда там полная капсула, — что-то вроде небольшой тяжести, что ли.

Я нажала на кожу около пупка и напрягла мышцы брюшной стенки.

— Э, да тут пусто! Вы вынули?

— Нет, не я. Враги.

— Значит, я провалилась? О боже, Босс, какой кошмар!

— Нет, — мягко возразил он. — Ты не провалилась. Все хорошо. И вела ты себя перед лицом смертельной опасности просто молодцом.

— Правда?

(Вас никогда не награждали орденом королевы Виктории?)

— Босс, перестаньте говорить загадками и объясните толком, в чем дело?

— Постараюсь.

Но лучше для начала в общих чертах кое-что объясню я. Дело в том, что с помощью пластической операции у меня под пупком создана небольшая полость — «карманчик». Небольшая, но размеров ее вполне достаточно, чтобы наполнить микропленкой. Снаружи ничего не заметно, поскольку клапан сфинктера, закрывающего полость, держит закрытым и шов на пупке. Пупок как пупок — не придерешься. Беспристрастные судьи говорили мне, что у меня исключительно красивый живот и очень аккуратнень-

кий пупочек — а это в некоторых случаях, поверьте мне, будет поважнее смазливой мордашки, которой я как раз не обладаю.

Сфинктер изготовлен из эластичного силиконового полимера, который держит пупок в закрытом состоянии всегда, даже когда я сплю. Это необходимо, поскольку в области пупка нет нервных окончаний, с помощью которых можно было бы регулировать произвольное напряжение и расслабление, как это происходит со сфинктерами прямой кишки и влагалища, а у некоторых людей — с мышцами гортани. Для того чтобы раскрыть «карманчик», нужно смазать пупок каким-нибудь мягким смазочным средством — главное, не забывайте стричь ногти! — а потом нажать на пупок большим пальцем. Я, чтобы разгрузить «карманчик», растягиваю искусственный сфинктер двумя большими пальцами и резко напрягаю мышцы живота. Капсула вылетает из меня, как пробка из бутылки шампанского.

К слову сказать, искусство прятать предметы в теле человека имеет давнюю историю. «Классические» места для этого — рот, нос, желудок, кишечник, прямая кишка, влагалище, мочевой пузырь, глазница отсутствующего глаза, ухо. Иногда прибегают к помощи татуировок, которые порой приходится покрывать волосами — жутко неэстетичный способ, на мой взгляд.

Но каждый из этих классических способов отлично известен каждому таможеннику и сыщику — как государственному, так и частному: на Земле, на Луне, на космических станциях типа Эль-Пятого, на других планетах — словом, везде, где только живут люди. Поэтому забудьте о них. Единственный метод, которым может продолжать пользоваться профессионал в наше время, — это имплантированная информация. Но это — большое искусство, и имплантировать капсулу можно только человеку, который либо ничего не знает о ней, либо не проболтается даже под наркотиками.

Но вернемся к нашим пупкам. Может, я зря про это распространяюсь? Стоит ведь об этом только слуху пройти, что тогда начнется... Таможенники начнут всем без

разбору лезть в пупки грязными лапами и нажимать, нажимать... Можно себе представить, какую бурю недовольства это вызовет — пупки так чувствительны!

— Фрайди, видишь ли, с твоим «карманчиком» — дело тонкое. Под пытками ты могла проговориться о его существовании.

— Тоже мне пытки!

— Или под наркотиками могла сболтнуть что-нибудь.

— Разве только когда они мне вогнали «нектар болтливости»... Но все равно не припомню, чтобы я хоть словом о нем обмолвилась.

— Может, и так. А может, они разузнали о нем по своим каналам — почему бы и нет? Ведь знают об этом довольно многие — ты, я, три медсестры, два хирурга, один анестезиолог, а может, и еще кое-кто. Слишком многие. Но неважно, каким образом враги узнали об этом — капсулу с информацией они вынули. Но ты не огорчайся. То, что они получили, представляет собой длиннющий список ресторанов из телефонной книги города Нью-Йорка, изданной в 1928 году. Не сомневаюсь, что сейчас какой-нибудь несчастный компьютер вовсю пыхтит над этим списком, пытаясь расшифровать его, найти код... Пыхтеть ему придется долгонько, потому что никакого кода там нет. Это фальшивка. Так что будь спокойна.

— И ради этого вы меня гоняли на Эль-Пятый? Ради этого я там питалась какими-то консервированными гадостями, а потом меня выворачивало наизнанку на канатке, а потом меня тут избили до полусмерти и изнасиловали эти ублюдки?!

— Насчет последнего прими мои соболезнования, Фрайди. Но неужели ты думаешь, что я стал бы попусту рисковать жизнью одного из лучших своих курьеров?

(Понимаете, почему я работаю на этого зануду, а? Умеет польстить, умеет, собака...)

— Прошу прощения, сэр.

— Посмотри на свой шовчик после аппендэктомии.

— Что? — удивленно воскликнула я и, сунув руку под простыню, нащупала шов. — Какого черта?

— Надрез был крошечный — не больше двух сантимет-

ров, и сделан он был прямо по линии шва, не задевая мышц брюшной стенки. Капсула была удалена примерно сутки назад путем раскрытия этого самого надреза. Как мне сказали доктора, благодаря применению методов ускоренной регенерации еще через два дня ты не сможешь обнаружить нового шва на месте старого. Я очень рад, что Мортенсоны так заботливо выхаживали тебя, — могу представить, что симптомы болезни, вызванной у тебя искусственно, были не слишком приятны. Кстати, там действительно была эпидемия — счастливое совпадение!

Босс замолчал. Не было смысла спрашивать у него, что я доставила на этот раз, — он бы все равно не сказал. Наконец он проговорил:

— Ты рассказывала мне о дороге домой.

— На Землю я вернулась без происшествий. Босс, только знаете, когда вы меня в следующий раз отправите на спутник, я хочу полететь по первому разряду, на антигравитационном корабле. Что угодно, только не эта идиотская индейская веревочка!

— Техническая экспертиза доказала, что космическая канатка гораздо более безопасна, чем любой корабль. Кстати, трос в Кито был порван из-за саботажа — это не катастрофа.

— Какая мерзость!

— Ну вот, а мало ли чего болтают. Но если тебе так хочется, летай на антигравах, ради бога, если время и обстоятельства позволяют. Но на этот раз была нужна кенийская канатка. На то были причины.

— Может быть. Но кто-то сел мне на хвост как раз тогда, когда я вышла из капсулы канатки. Как только мы остались один на один, я убила его.

Я умолкла. Господи, ну когда же мне наконец удастся сказать хоть что-нибудь такое, чтобы на этом лице возникло хоть что-то отдаленно напоминающее удивление! Я решила сменить тему.

— Босс, видимо, мне нужно отдохнуть и пройти курс переориентации.

— Да? Что тебя беспокоит?

— У меня слишком развит инстинкт убийства. Я даже

не задумываюсь. Ведь этот олух мне ничего такого не сделал, за что его можно было бы убить. Да, он за мной шпионил. Но ведь можно было его просто... ну, поколотить как следует — либо на станции, либо в Найроби — пусть бы, так сказать, передохнул, подумал о жизни, а я бы тем временем отправилась дальше.

— Поговорим об этом позже. Продолжай.

Я рассказала ему про телеглаз, про «Белсена» в четырех лицах, про то, как отослала их всех на все четыре стороны, про свою дорогу из Кении домой.

— Ты упустила взрыв отеля в Найроби.

— А? Но, Босс, это ко мне никакого отношения не имеет! Я тогда была на полпути в Бомбасу.

— Милая моя Фрайди, ты скромничаешь. Чтобы помешать тебе выполнить задание, на ветер были пущены огромные деньги и дикое количество народа пострадало. События на ферме — из этой же области. Так что считай, что подрыв «Хилтона» — залп в твою честь.

— Да... Дела... Босс, а вы, похоже, знали, что все так получится. Почему же вы меня не предупредили?

— Предупреди я тебя, разве ты действовала бы настолько смело и открыто? Ведь тогда твое сознание просто рвалось бы на части от мыслей о возможной опасности. Девочка моя, ты не сделала ни одной ошибки.

— Ну да! До черта я их наделала! Дядюшка Джим встретил мой экспресс — ему-то откуда было знать, когда я приеду? Одно это должно было включить всю сигнализацию в моей глупой голове! Да в тот самый миг, когда я его увидела, нужно было нырять обратно в экспресс и лететь куда глаза глядят!

— Тогда нам трудно было бы с тобой встретиться и твоя миссия уж точно провалилась бы окончательно. Дитя мое, если бы все шло как надо, Джим встретил бы тебя по моему распоряжению. Ты просто недооцениваешь мою разведывательную службу, а также все наши старания, которые мы прилагаем, следя за твоими передвижениями. Но я не посылал Джима встречать тебя, потому что в то время я спасался бегством. Точнее, попросту говоря — драпал во все лопатки. Видимо, Джим получил сообщение о твоем

прибытии сам — либо от нашего человека, либо от врагов, а может, и от обоих.

— Босс, знай я об этом, я бы скормила Джима его жеребцам! Он мне так нравился. Но придет час, и я сама его прикончу — вот этими руками!

— Фрайди, наша профессия не допускает мести.

— Это не месть, Босс. С дядюшкой Джимом — случай особый. Есть, правда, еще кое-что, что мне хотелось бы сделать своими руками. Но об этом — потом. Вы мне вот что скажите: это правда, что дядюшка Джим был когда-то католическим священником?

Ага, было похоже, что Босс немного удивлен!

— Где ты об этом слышала?

— Не помню точно. Так, болтали.

— О люди, люди... Сплетничать грешно, но и слушать сплетни — тоже. Пруфит — мошенник. Я познакомился с ним в тюрьме, где он оказал мне важную услугу — достаточно важную для того, чтобы я взял его на работу в нашу организацию. Но я ошибся. Непростительно ошибся, потому что, видно, горбатого могила исправит. Но мне так хотелось верить, что я выбил из него прежние наклонности. Как видишь, ошибся. Ну, продолжай.

Я рассказала Боссу, как меня схватили.

— Похоже, их было пятеро. А может, и четверо.

— Думаю, шестеро. Опиши, как запомнила.

— Да никак не запомнила. Мне было не до того, чтобы их разглядывать. Ну, первый... Я на него только взглянула — и тут же убила. Ростом... где-то метр семьдесят пять. Блондин, гладко выбрит. Лицо славянского типа. Но вот только его я и запомнила. И то потому, что он не двигался — я ему шею сломала.

— А второй убитый был блондин или брюнет?

— «Белсен»? Брюнет.

— Нет, не «Белсен». На ферме. Только не расстраивайся. Ты там убила двоих и серьезно ранила троих, прежде чем они сумели повалить тебя всем скопом. Хвала твоему инструктору, кстати говоря. Убегая, мы не могли прикончить столько врагов, чтобы они не сумели схватить тебя, но последнее сражение выиграла ты — когда мы освобож-

дали тебя, нам было намного легче, ведь ты успела вывести из строя столько врагов. Да-да, ты была в буквальном смысле слова прикована к постели, без сознания, но именно ты выиграла последний бой. Продолжай, пожалуйста.

— Да, собственно, это почти все. Потом — групповое изнасилование, потом допрос обычный, потом с наркотиками, потом с пытками.

— Бедная девочка... Я сочувствую тебе всей душой. Ты получишь премию, большую премию, поскольку я расцениваю обстоятельства как сверхзатруднительные.

— Да нет, Босс, вы преувеличиваете. Я же не кисейная барышня. Бывало кое-что со мной и не менее мерзкое. Но вот был там один подонок... В лицо его не видела, но я его узнаю, все равно узнаю! Нужен он мне — он и дядюшка Джим. Ох, только бы мне найти его — уж я его помучаю всласть, прежде чем убить...

— Могу только повторить то, что уже говорил тебе. Личная месть для нас — ошибка. При этом мы рискуем собственной жизнью.

— Ради того чтобы отправить на тот свет этого ублюдка, я готова рискнуть жизнью. Босс, не думайте только, что я хочу мстить их же оружием. Да, им приказано было изнасиловать меня: они думали, что от этого я стану более разговорчивой на допросе. Но этой сволочи следовало принять ванну, вылечить зубы и чистить их каждый день и рот полоскать после еды. А еще было бы неплохо, чтобы ему кто-нибудь объяснил, что давать пощечину женщине, с которой ты только что... Я не знаю его в лицо, но отлично помню его мерзкий запах, его противный голос и его кличку — Рокс. Или Роки.

— Джереми Рокфорд.

— Что? Вы его знаете? Где он?

— Я знавал его когда-то, а не так давно видел его совсем близко и, думаю, не ошибся. Он покоится в мире.

— Вот как? Надеюсь, он умер не своей смертью?

— Не своей. И не легкой. Фрайди, я сказал тебе не все, что знаю...

Можно подумать, вы когда-нибудь это делали.

— ...потому что хотел, чтобы сначала ты рассказала мне

все. Их нападение на ферму удалось потому, что Джим Пруфит отключил энергетическое обеспечение — главный «Шипстоун». Поэтому у нас для защиты не осталось ничего, кроме ручного оружия, — у тех немногих, у кого оно было, а у большинства — только голые руки. Я отдал приказ об эвакуации, и большинство наших покинуло ферму через туннель, который был тайно вырыт, когда перестраивали ферму. Мне и больно, и горько об этом говорить, но я горд, что трое наших, которые были вооружены, решили остаться и прикрыть остальных. Я знаю, что они погибли, потому что держал туннель открытым до тех пор, пока мы не услышали, что в дом вошли враги. Тогда я взорвал туннель.

За несколько часов мы собрали людей и организовали контрнападение. Особые трудности, как всегда, возникли с автомобилями, как ты понимаешь. Мы-то могли и пешком, но вот для тебя была нужна как минимум одна карета «Скорой помощи».

— А откуда вы узнали, что я жива?

— Оттуда же откуда я узнал, что в дом вошли враги. Прослушивание на расстоянии, Фрайди, девочка моя; все, что было сказано тобой и тебе, все, что было сделано с тобой, все это мы слышали и записывали. Сам я слушать не мог, потому что был занят организацией контрнападения, но главные моменты мне давали прослушивать в записи, как только у меня появлялась минутка-другая. Я горжусь тобой, Фрайди.

Зная о том, где находится тот или иной «жучок», мы могли определить, где они держат тебя, знали о том, что они приковали тебя к кровати, знали, сколько их в доме, где они находятся, когда улеглись спать, кто остался дежурить. Короче, вся обстановка в доме к моменту начала контрнападения была нам отлично известна. Мы напали. То есть они, наши люди. Я же не могу, как ты понимаешь, вести отряд, хромая на костылях. Я командовал на расстоянии.

Наши люди ударили по дому, проникли внутрь. Те четверо, кому это было приказано, освободили тебя. Один из них, к слову сказать, был вооружен только ножовкой. Все

было сделано за три минуты одиннадцать секунд. Потом мы подожгли дом.

— Босс! Вашу прекрасную ферму!

— Фрайди, когда корабль идет ко дну, нет смысла спасать скатерти в кают-компании. Ферма нам больше не понадобится. Да, при пожаре в доме погибло множество секретных отчетов и уйма ценнейшего оборудования. Но самое главное — поджог помог нам быстро избавиться от тех, кто узнал все наши тайны. До того как мы подожгли дом, мы выставили со всех сторон охрану, и всех, кто пытался выбраться из дома, пристреливали на месте.

Вот тогда-то я и заметил твоего знакомого — Джереми Рокфорда. Ему попали в ногу, когда он пытался удрать через восточный выход. Он опять убрался в дом, потом решил попытаться выбраться через другой выход, но и это ему не удалось — выйти он не смог. Он так орал, что, уверяю тебя, ты можешь быть спокойна — смерть его была нелегкой.

— О Босс, поверьте, когда я говорила, что хочу отомстить ему, я вовсе не собиралась сжигать его заживо!

— Если бы он не уподобился лошади, бегущей от страха обратно в горящую конюшню, он умер бы так, как умерли остальные — быстро, от выстрела лазерной винтовки. Мы убивали их на месте, пленных не брали.

— Даже для допроса?

— Наверное, это было неправильно, так я думаю, по крайней мере. Но, дорогая моя Фрайди, ты бы видела, что там творилось! Ведь все наши слушали записи — по крайней мере, изнасилования и последнего допроса с пытками. Да наши парни не стали бы брать пленных, отдай я даже такой приказ. А я приказа не пытался отдавать. Я хочу, чтобы ты знала, как высоко ценят тебя твои товарищи. Многие из них тебе знакомы, но есть и такие, которых ты никогда не видела и вряд ли когда-нибудь увидишь.

Босс потянулся за костылями, оперся на них, встал на ноги.

— Я уже лишних семь минут с тобой говорю. Тебе нужно отдохнуть. Завтра я снова зайду. Сейчас придет сестра и даст тебе снотворного. Спи и поправляйся.

Несколько минут я пробыла в одиночестве. Мне было

так хорошо. Слова-то какие... «Как высоко тебя ценят твои товарищи!» Знаете, когда вы одиноки, такие слова означают все. Они так согрели меня, что я даже забыла, что я — не человек.

ГЛАВА 4

Будет и на моей улице праздник — это когда я шефа переспорю. Сомневаетесь? Ну почему же? Мне иногда везло — то есть бывали дни, когда я не проигрывала в споре с ним. В те дни, когда он меня не навещал.

А началось все с того, что мы с ним полностью разошлись во мнениях по поводу того, когда должно закончиться мое лечение. Я чувствовала себя в силах либо отправиться домой в отпуск, либо вернуться к работе дня через четыре. Не скажу, конечно, что я горела желанием опять схватиться с кем-нибудь врукопашную, но какое-нибудь несложное задание я вполне могла бы выполнить. Но больше всего меня тянуло в Новую Зеландию. Все мои раны зажили. Да и было-то всего: ожоги кое-где, четыре сломанных ребра, простые переломы большой и малой берцовых костей на левой ноге, множественные переломы костей на правой, перелом основания черепа без осложнений, ну и еще (неприятно, конечно, кто спорит, но к работе это никакого отношения не имеет) — кто-то умудрился отрезать или откусить у меня правый сосок.

Последнее, а также ожоги и переломы пальцев на ноге я помнила. Остальное, по всей видимости, произошло, когда я была без сознания.

Босс заявил:

— Фрайди, ты должна понимать, что на регенерацию соска уйдет не меньше шести недель.

— Да, — согласилась я, — но если сделать пластическую операцию, на это уйдет всего неделя. Доктор Красный так мне сказал.

— Девочка, если ты собираешься работать у меня, ты должна привести себя в полный порядок, и для этого я готов поднять на ноги всю современную медицину. Я точно так же заботился бы о любом другом сотруднике, но с то-

бой — случай особый. Мы все призваны беречь и сохранять в этом мире красоту. У тебя удивительно красивое тело. Оно должно остаться совершенным.

— Но мне же сказали, что пластической операции достаточно! К тому же мне совершенно безразлично, будет ли когда-нибудь плескаться молоко в этих бидончиках. А уж тому, кто будет со мной в постели, и вообще до этого дела не будет...

— Фрайди, ты совершенно напрасно убедила себя, что тебе никогда не придется иметь ребенка и кормить его грудью. Но даже с эстетической точки зрения здоровая молочная железа отличается от оперированной. Допустим, твой предполагаемый партнер может об этом и не знать, но ты-то сама будешь знать об этом, и я буду знать. Нет, моя дорогая, все будет приведено в полный порядок, и не спорь со мной.

— Хм-м-м, — недовольно пробурчала я. — А вот интересно, когда вы собираетесь заняться регенерацией своего глаза?

— Не огрызайся, детка. В моем случае — не до эстетики.

Так вот и вышло, что мне пришлось ждать, пока у меня вырастет новый сосок. И он вырос — пожалуй, даже лучше, чем был. Еще одним предметом спора стал вопрос о моей возможной переориентации по поводу повышенной готовности к убийству. Когда я снова заговорила об этом, Босс сморщился так, будто наступил на что-то мерзкое.

— Фрайди, я что-то не припомню случая, чтобы ты кого-то убила, не имея на то веских причин. Были какие-нибудь случаи, про которые я не знаю?

— Нет-нет, — поспешно ответила я. — Помимо работы — никогда и никого, Босс, а что было по работе, я вам всегда сообщала.

— Это значит, что все совершенные тобой убийства в пределах самозащиты.

— Все? А Белсен? Он же ко мне пальцем не притронулся!

— Называй его Бомоном. Этим именем он пользовался чаще всего. Видишь ли, порой самозащита состоит в том, чтобы «сделать с другим то, что он мог бы сделать с тобой, но опередить его». По-моему, эта мудрая мысль принадле-

жит кому-то из философов-пессимистов двадцатого века. Я попрошу найти досье этого Бомона, чтобы ты сама могла убедиться, что он из разряда людей, которым лучше не жить.

— Досье? Бог с ним, Босс. Мне достаточно было заглянуть в его бумажник, и стало ясно, что он плелся за мной вовсе не для того, чтобы прижать в темном уголке и поцеловать. Но это было потом!

Босс задумался на несколько секунд. Это было не похоже на него.

— Скажи, Фрайди, ты не хотела бы сменить амплуа и стать профессиональной террористкой?

Я широко раскрыла рот и вытаращила глаза. Слов у меня не было.

— Я вовсе не хотел тебя напугать, поверь, — сказал Босс сухо. — Не думаю, что для тебя такая уж большая новость, что в нашей организации на службе есть и террористы. Как курьера мне не хотелось бы тебя терять — ты мой лучший курьер. Но нам всегда нужны опытные террористы — их работа исключительно важна. Однако между курьером и террористом есть существенное различие: курьер убивает только из соображений самозащиты, чаще всего — инстинктивно. Надо признаться, иногда они ошибаются — далеко не все курьеры обладают твоим исключительным талантом моментально оценивать ситуацию и делать совершенно правильные выводы.

— А?

— Ты все правильно поняла. Фрайди, одна из твоих слабостей состоит в том, что ты себя недооцениваешь. Теперь о террористах. Опытный террорист совершает убийство не инстинктивно. Это его плановая работа. Бывает, конечно, что обстоятельства вынуждают его убивать из соображений самозащиты, но это уже из области статистики. Осуществляя запланированное убийство, террорист всегда знает, почему он это делает, и смиряется с необходимостью... В противном случае я бы не посылал его на такое задание.

(Запланированное убийство? Преступление по определению! Это что же получается? Встаешь с утра, завтракаешь, потом отправляешься на свидание с жертвой и с холодным

сердцем отправляешь ее на тот свет. Потом спокойненько обедаешь и вечером с чистой совестью ложишься спать. Да...)

— Босс, я думаю, что эта работа не для меня.

— Не уверен, что она соответствует твоему темпераменту. Но все равно — подумай. Лично мне не кажется, что нужно хоть сколько-нибудь снижать твой инстинкт самосохранения. Более того, я уверен, что, если ты пройдешь переподготовку, на которой настаиваешь, я просто не смогу больше использовать тебя как курьера. Конечно, ты можешь рисковать собственной жизнью — это твое личное дело. В свободное от работы время. Но задания у тебя всегда сложные и рискованные. А курьеры с притупленным инстинктом самосохранения мне не нужны.

Босс меня не убедил, но я все-таки засомневалась. Тем не менее я еще раз повторила, что террористкой становиться не желаю. Он, похоже, пропустил мои слова мимо ушей и сказал, что пришлет мне кое-что почитать на эту тему.

Я ждала, что информация появится на экране терминала. Ничего подобного. Примерно через пятнадцать минут после ухода Босса в палату вошел молодой парень и принес мне книгу — настоящую книгу — в переплете, с бумажными страницами. На ней был серийный номер и штамп: «ЧИТАТЬ ТОЛЬКО ПРО СЕБЯ», а также грифы: «Все запросы фиксировать» и «Совершенно секретно, список «А» на уничтожение».

Я взглянула на книгу. Примерно с таким же удовольствием я взяла бы в руки ядовитую змею.

— Это — мне? Может быть, ошибка?

— Старик не ошибается. Распишитесь в получении. Вот здесь.

Я заставила его подождать, пока не прочитала то, что было написано мелким шрифтом.

— Но вот тут написано: «Все время держать перед глазами». А я, пардон, имею обыкновение спать иногда.

— В таком случае вам следует позвонить в архив, позвать ответственного за секретные документы — это я, — и я тут же приду к вам. Звоните обязательно.

— О'кей.

Я расписалась в формуляре, подняла взгляд и увидела, что он внимательно меня разглядывает.

— Ну, чего уставился?

— О... Простите... Мисс Фрайди, вы очень красивая!

Никогда не знаю, как следует отвечать на подобные высказывания. Я-то знаю, что никакая я не красивая. Фигура у меня что надо, это да, но сейчас я была укрыта одеялом.

— Откуда ты знаешь, как меня зовут?

— Ну, у нас тут все знают, кто вы такая! Ну вы понимаете. Две недели назад. На ферме. Это же вы там были.

— О! Да. Это была я. Но я этого почти не помню.

— Зато я помню! — воскликнул он, и глаза его сверкнули. — Это была моя первая боевая операция, и я счастлив, что меня взяли!

Ну что бы вы сделали на моем месте?

Я сделала вот что: взяла его за руку, притянула к себе и крепко поцеловала — полудружески, полулюбовно. Возможно, следовало его поблагодарить более щедро, но он как-никак на работе, а я больна, так что было бы в высшей степени нечестно давать авансы — особенно такому милому юноше с такими честными глазами.

— Спасибо, что спас меня, — сказала я торжественно.

Милый, какой милый — весь зарделся! Видно было, что он по-настоящему счастлив.

Потом я долго не спала — все читала книгу, и в конце концов ночная сестра сделала мне замечание. Ну, это ладно — сестры по долгу службы должны ворчать на недисциплинированных пациентов. Я не собираюсь цитировать этот бесценный документ, но вы прочитайте хотя бы названия глав — каково!

Первый раздел назывался «БЕЗОТКАЗНОЕ ОРУЖИЕ».

Потом следовали подзаголовки: «Терроризм как искусство», «Терроризм как движущая сила политики», «Терроризм — средство заработка», «Выдающиеся террористы», «Общество милосердных убийц», «Каноны Гильдии профессиональных террористов», «Террористы-любители — имеют ли они право на существование?», «Почетные палачи. Избранные случаи из истории», «К вопросу о предрас-

судках: «Мокрые дела» — следует ли так говорить?», «Материалы семинара «Техника и инструменты».

Вот это да! Читать все подряд было противно, но я все-таки читала. Удовольствие ниже среднего. Какая грязь!

В итоге я решила не только не менять амплуа, но и никогда больше не поднимать вопрос о своей переориентации. Пусть Босс сам говорит об этом, если ему хочется. Я включила терминал, вызвала архив и сказала, что мне нужен сотрудник, ответственный за хранение секретной документации, чтобы сдать документ под таким-то номером, и пусть он захватит мой формуляр.

— Будет исполнено, мисс Фрайди, — ответила женщина.

Мать моя пробирка, какая предупредительность!

Я с нетерпением ожидала появления юноши. Стыдно признаться, но книга оказала на меня совершенно неожиданное действие. Ночь была на исходе, небо уже начало светлеть, стояла дивная тишина. Ей-богу, если бы этот красавчик до меня дотронулся, я бы, пожалуй, забыла о том, что я инвалид, и не устояла бы. Нет, определенно, если уж говорить о переориентации, то в первую очередь нужно было бы надеть на меня пояс целомудрия — железный и с большим, тяжелым амбарным замком!

Но пришел не он — оказалось, что моего славного знакомца отправили на задание. Мой формуляр принесла женщина, на вид немного постарше меня — та самая, которая ответила мне по видеофону. Я почувствовала облегчение и разочарование и вдобавок разозлилась на себя за то, что была разочарована. Неужели при выздоровлении у всех возникают такие проблемы? И как вообще в больницах с дисциплиной в этом плане? Я никогда не болела подолгу, поэтому просто не представляла, как и что в этом смысле происходит.

Ночная дежурная архива забрала книгу и сразила меня наповал вопросом:

— А мне как — поцелуя не полагается?

— О! Так вы тоже там были?

— Все были там, дорогая, все кто только мог — нам жутко не хватало людей той ночью. Не скажу, чтобы я была таким уж асом в боевых вылазках, но все-таки начальную

подготовку я проходила в свое время, как все. Да, я тоже была там. Ни за что бы не отказалась!

Я сказала и ей:

— Спасибо, что спасла меня! — и поцеловала ее.

Я-то сделала это чисто символически, чего нельзя было сказать о ней. Ее ответный поцелуй был крепок и недвусмыслен. Она совершенно четко дала мне понять, что, как только я воспылаю страстью к особе женского пола, мне стоит только свистнуть — и она не заставит себя ждать.

Ну что тут будешь делать? Есть в жизни ситуации, к которым никогда нельзя заранее приготовиться. Да, я должна была быть ей благодарна за спасение моей жизни — ведь она рисковала своей ради меня — кроме шуток. Из рассказа Босса я поняла, что операция была не из легких. Причем надо учесть, что Босс всегда описывал любую ситуацию с просто кошмарной недооценкой подробностей. Он бы запросто описал полное разрушение Сиэтла как «небольшой сейсмический инцидент». Благодаря ее за спасение моей жизни, могла ли я обидеть ее?

Не могла. Поэтому я со своей стороны дала ей понять, что смысл ее безмолвного призыва мне ясен, но при этом тайком скрестила, как делают дети, средний и указательный палец на левой руке, что означало, что я вовсе не собираюсь выполнять свое безмолвное обещание.

Наконец она оторвалась от моих губ, но из объятий меня не выпускала.

— Дорогая Фрайди, — сказала она, — хочешь, скажу кое-что по секрету? Ты помнишь, как ты отбрила того нахала, которого там все они называли Шефом?

— Помню.

— Так вот — у нас этот кусок пленки по рукам ходит. Все наши просто в восторге от того, как ты его заткнула. А особенно я.

— Забавно. Не иначе как ты ее и переписала, эту пленку?

— Ну как тебе такое в голову пришло? — улыбнулась она. — Но ты же не против?

Я ненадолго задумалась и ответила:

— Нет. Конечно, нет. Если люди рисковали жизнью ради моего спасения и теперь радуются, когда слышат, что я

сказала тому ублюдку, как я могу быть против? Пусть слушают. Но честно сказать, я обычно так не разговариваю с людьми.

— А никто так и не думает! — поспешно заверила она меня, чмокнув в щеку. — Но ты сделала это именно тогда, когда было нужно, и все женщины здесь гордятся тобой. И мужчины тоже.

Похоже, ей не хотелось от меня уходить, но тут вошла дежурная сестра и строго-настрого приказала мне немедленно спать и пригрозила, что сделает мне укол снотворного. А я и не особенно сопротивлялась.

— Эй, Голди, привет! — сказала служащая архива. — Ну, доброй ночи, милая, — попрощалась она со мной и ушла.

Голди? «Золотистая»... Наверняка не имя, а прозвище. Яркая блондинка — ну прямо с рекламной картинки. Она спросила:

— Куда тебе сделать укол — в руку или в бедро? Кстати, на Анну внимания не обращай и не бойся ее. Она не опасна.

— Да нет, все нормально.

Похоже было, что Голди не только все видела, но и все слышала. Похоже? Нет — очевидно.

— Скажи, а ты тоже там была? Ну, на ферме? Когда дом загорелся?

— Нет. Вот когда дом загорелся, меня там уже не было. Я была с тобой в карете «Скорой помощи» — мы спешили как могли, чтобы скорее доставить тебя сюда. Ты была очень плоха, мисс Фрайди.

— Могу себе представить! Голди, поцелуй меня на ночь!

Ее поцелуй был теплый, дружеский и совсем не требовал ответа.

Позднее я узнала, что Голди была одной из тех четверых, кто был послан в дом, чтобы вынести меня оттуда, — один был вооружен только ножовкой, двое вооружены и отстреливались, а Голди — не вооружена, при ней была только медицинская сумка. Но сама она об этом даже не обмолвилась — ни в этот раз, ни позднее.

Мне кажется, что все время после того, как я попала в больницу, я впервые — за исключением тех дней, что провела со своей семьей в Крайстчерче, — была так тепло,

спокойно, безмятежно счастлива — каждый день и каждую ночь. Почему? Потому что не была одинока? Потому что чувствовала себя равной среди равных?

Нет, не поэтому. Вы уже, я думаю, понимаете, что главные перемены в моей жизни произошли раньше. У меня давно не было идентификационной карточки, в которой стояли две убийственные буквы — «ИЧ» — искусственный человек. Я могла зайти в душ, не опасаясь, что мне предложат занять крайнюю кабинку. Но ни фальшивая идентификационная карточка, ни мнимая родословная души не согреют. Они только для того и годятся, чтобы вы могли избежать дискриминации и презрения. Все равно вы прекрасно понимаете, что на всей Земле, да и не только на Земле, нет ни одной страны, где таким, как вы, дадут гражданство. Зато есть куча мест, откуда вас вышвырнут, или даже пристрелят, или продадут, если выяснят, кто вы такой на самом деле.

Искусственник лишен гораздо большего, чем родословная. «Где вы родились?» Ну, строго говоря, я вообще не родилась. Я была произведена на свет в лаборатории биоинженерии Детройтского университета. Патент на мое производство принадлежит концерну «Менделин» в Цюрихе. Неплохой такой разговорчик для первого знакомства, а? Но вы такого разговора никогда не услышите — он бы резал слух потомкам тех, кто прибыл в Америку на «Мейфлауэре», и тем, чьи гербы и титулы перечислены в «Синей книге». В моих документах (по крайней мере, в одном из них) значилось, что я родилась в Сиэтле — разрушенном землетрясением городе, где погибли все документы. Идеальное место для потери родителей.

Поскольку я никогда не бывала в Сиэтле, я самым тщательным образом изучила всю литературу и фотографии, какие только смогла разыскать. Теперь самый закоренелый старожил Сиэтла не смог бы уличить меня во лжи.

Но то, что я чувствовала, когда поправлялась и приходила в себя после зверского изнасилования и грубого допроса, не было ни враньем, ни подлогом, и мне самой не было никакой нужды врать никому. Никому — не только Анне, Голди и Теренсу — тому самому юноше, но и двум

дюжинам остальных, с кем я познакомилась за время пребывания в больнице, пока доктор Красный не выписал меня. С этими людьми я общалась лично, но на самом деле их было гораздо больше — сколько именно, не могу даже догадываться. Босс добился строгой дисциплины — сотрудники его организации не должны были встречаться друг с другом, если такой необходимости не диктовали дела. Это было таким же не подлежащим обсуждению законом, как и его извечная привычка избегать ответов на вопросы. Ты не сможешь никому выболтать тайн, которых не знаешь, и не сможешь предать человека, которого никогда в глаза не видел.

Но Босс придумывал законы и правила не только ради законов и правил. Ведь познакомившись с сотрудником по работе, ты мог продолжать поддерживать с ним дружеские отношения. Босс не поощрял такой дружбы, но был не настолько глуп, чтобы запрещать ее. Как следствие этого — Анна частенько забегала ко мне по вечерам перед дежурством в архиве.

Она ни разу не потребовала от меня материального воплощения полагающейся ей благодарности. Да и большой возможности для этого, честно говоря, не было. Я не хотела разочаровывать ее — наоборот, дойди дело до этого, я сумела бы повести себя так, будто мне первой это в голову пришло.

Но она вела себя смирно. Думаю, она действовала подобно тонко чувствующему мужчине, который ни за что на свете не станет навязываться женщине, если понимает, что она этого не хочет. Правда, таких мужчин на свете маловато.

В один прекрасный вечер незадолго до выписки я была особенно счастлива — в этот день я познакомилась еще с двумя своими спасителями — по обыкновению, они поцеловали меня на ночь, и я как раз занималась тем, что объясняла Анне, как много это значит для меня, и пыталась растолковать ей, почему это именно для меня так много значит, поскольку я не совсем тот человек, за которого все меня принимают.

Она прервала меня:

— Дорогая Фрайди, послушай свою старшую сестричку...

— А? Что, я сболтнула лишнее?

— Ну... похоже, собиралась. Помнишь ночь, когда мы познакомились, — ты тогда вернула в архив книгу? Дело в том, что у меня есть допуск к сверхсекретным документам — им меня одарил наш дорогой мистер Хромуля много лет назад. Та книга, которую ты вернула, находится там, откуда я ее всегда могу взять. Но я никогда ее не открывала и никогда не стану этого делать. На обложке гриф: «Убедитесь в возврате», но мне никто никогда не говорил, должна ли я убеждаться в том, что именно мне вернули. Ты прочитала книгу, но я даже не знаю, что это за книга — ни названия, ни о чем она. Знаю только номер, под которым она хранится в архиве.

Это из области нашей работы. И это не такая уж новость — существовали же когда-то особые военные подразделения. Кажется, они назывались иностранным легионом. Так там было такое правило, что у легионера не было другого прошлого — его жизнь начинала отсчет со дня зачисления в легион. Мистер Хромуля хочет, чтобы у нас было точно так же. Например, если нам нужно принять на службу искусственника или живой артефакт, об этом будет знать только тот, кто принял его на работу. Я это знаю, потому что когда-то этим занималась. Документы сжигаются, иногда применяются небольшие пластические операции — вырезаются участки кожи или слизистой с лабораторными метками, и эти участки подвергаются регенерации...

Когда все проделано, этому сотруднику нет нужды больше волноваться, что кто-то подойдет сзади и положит руку ему на плечо или что его вышвырнут из очереди. Он может даже жениться и иметь детей, не волнуясь за их будущее. Он может не беспокоиться и о том, что знаю правду я или еще кто-то на моем месте, — таких сотрудников специально тренируют на забывчивость. Так вот, моя милая, я не знаю, о чем ты думаешь. Но если это что-то такое, о чем ты не имеешь обыкновения рассказывать людям, то лучше и мне не говори. Иначе утром ты будешь себя проклинать.

— Нет, нет!

— Ну хорошо, давай договоримся так. Если через неде-

лю у тебя это желание не пройдет, тогда и расскажешь. Договорились?

Анна была права — через неделю никакой необходимости рассказывать ей правду уже не было. Но на девяносто девять процентов я была уверена, что она и так все прекрасно знала. Ну что же — тем более приятно, что тебя любит человек, который считает, что искусственники — не монстры, не люди низшего сорта.

Не могу с полной уверенностью сказать, знали ли о моей истинной сущности остальные мои друзья. (Босса я не имею в виду — этот, конечно, знал наверняка. Но он не был моим другом, он был моим Боссом.) Но было похоже, что мои новые товарищи, узнай они всю правду обо мне, не стали бы относиться ко мне хуже. Все, что имело для них значение — это был ли ты из окружения Босса.

Однажды вечером Босс появился собственной персоной, опираясь на костыли и тяжело дыша. Его сопровождала Голди. Он тяжело опустился в кресло и сказал Голди:

— Благодарю вас, сестра, вы свободны.

Мне же он приказал:

— Разденься!

Скажи мне такое любой другой мужчина, это прозвучало бы либо как оскорбление, либо как искушение, в зависимости от ситуации. От Босса же услышать такое означало всего-навсего, что нужно было сделать, как он сказал. Голди это так и поняла, поэтому кивнула и вышла, а Голди — профессионал высокого класса, она бы не побоялась схватиться с самим Шивой-разрушителем, если бы он попытался сделать что-то нехорошее с ее пациенткой.

Я быстро разделась и стала ждать, что скажет Босс. Он придирчиво оглядел меня с головы до ног.

— Похоже, они снова одинаковые.

— Мне тоже так кажется.

— Доктор Красный сказал мне, что он сделал пробу на лактацию. Результат положительный.

— Да. Он вводил мне какие-то гормоны, из обеих желез выделилось что-то такое жиденькое. Было довольно забав-

но. Потом он восстановил гормональное равновесие, и все пропало.

Босс хмыкнул:

— Повернись кругом. Так. Теперь покажи мне ступню правой ноги. Хорошо. Теперь — левой. Достаточно. Рубцы от ожогов вроде бы прошли.

— Ну, по крайней мере те, что я могу сама видеть. Доктора говорят, что все остальные тоже больше не видны. Поскольку мне не больно, наверное, так и есть.

— Одевайся. Доктор Красный мне сказал, что ты здорова.

— А если бы была еще здоровее, пришлось бы убавить немножко?

— «Здорова» — это абсолют. У этого понятия нет сравнительной степени.

— О'кей. Значит, я самая здоровая на свете.

— Болтушка. Завтра утром — на тренировки. Уложи вещи и будь готова к девяти ноль-ноль.

— Вещи? Я сюда попала, не имея даже счастливой улыбки на лице, так что на все сборы мне понадобится одиннадцать секунд. Но мне нужна новая идентификационная карточка, новый паспорт, кредитная карточка и немного наличных.

— Все это ты получишь до девяти ноль-ноль.

— А на переподготовку и на санаторный курс я не хочу — Босс, я же вам говорила, что не хочу. Я хочу в Новую Зеландию. Босс, вы мне должны за работу и отпускные, и, кроме того, наверное, мне что-то полагается за время болезни? Вы — рабовладелец!

— Фрайди, сколько нужно повторять, что, когда я забочусь о твоем здоровье, я имею в виду не только твое собственное благополучие, но и нормальную работу всей организации?

— Ну ладно-ладно, добрый дедушка. Беру свои слова обратно. Сдаюсь. Пришлю вам открыточку с видом Новой Зеландии и Веллингтона.

— Лучше снимочек хорошенькой островитянки. Гейзеры я уже видел. Курс тренировки будет рассчитан на то, что тебе сейчас необходимо, и ты сама реши, когда его закончить. Хоть, как ты говоришь, ты и самая здоровая на

свете, тебе обязательно нужны физические тренировки с нарастающей сложностью, чтобы ты снова обрела ту прекрасную физическую форму, мышечный тонус и реакции, которые даны тебе от рождения.

— «От рождения»? Не шутите, Босс, вам это не идет. «Мать моя — пробирка, а отец — скальпель».

— Вот уж глупости! Давно пора забыть об этой маленькой неприятности.

— Да? Юристы считают, что я не могу иметь гражданства, церковники считают, что у меня нет души. Я не есть «человек, рожденный от женщины», — по крайней мере, в глазах закона.

— В задницу закон. Записи о твоем происхождении были изъяты из файлов компьютера лаборатории и заменены на запись о производстве искусственного человека мужского пола.

— Вы никогда не говорили мне об этом!

— Пока ты не принялась истерить по этому поводу, у меня не было причин тебе рассказывать. Понимаешь, все сделано настолько старательно, настолько безукоризненно, что никто и никогда не узнает правды. Если тебе завтра придет в голову кому-нибудь доказывать свое истинное происхождение, ты не найдешь ни одного человека, который бы поверил тебе. Можешь распинаться сколько тебе будет угодно — толку не будет никакого. И потом, дорогая моя, откуда эти комплексы? Ты не только настоящий человек — такой же, как праматерь Ева, — ты еще более совершенный человек. Почему, как ты думаешь, я решил взять тебя на работу к себе в организацию, когда у тебя не было никакого опыта и сознательного интереса к этой профессии? Почему я потратил пусть небольшое, но все-таки состояние на твое обучение и тренировки? Потому что я знал. Я ждал несколько лет, прежде чем убедился, что ты развиваешься по тем законам и закономерностям, которые вложили в тебя твои создатели. И чуть не потерял тебя! — На лице его возникло некое подобие улыбки. — Ты заставила меня поволноваться, девочка. Теперь о твоей тренировке. Хочешь послушать?

— Да, сэр.

Я не стала рассказывать ему о лабораторном приюте. Люди думают, что все приюты одинаковы — что они похожи на те, что им довелось увидеть. Я не стала говорить ему о пластиковой ложке, которой я пользовалась, пока мне не исполнилось десять лет, потому что тогда мне пришлось бы рассказать о том, как я поранила губу, когда мне в первый раз дали вилку, и как у меня текла кровь и все смеялись надо мной. Да если бы только это — сколько еще было такого! Так не растут обычные дети, так выращивают искусственников — как подопытных кроликов.

— Тебе предстоит пройти курс тренировок по рукопашному бою, но работать ты будешь только с инструктором, поэтому можешь не волноваться — синяков ко времени отъезда в Новую Зеландию у тебя не будет. Кроме того, пройдешь ускоренный курс по пользованию ручным оружием, включая такие его виды, о которых ты пока даже не слышала. Если ты все-таки сменишь амплуа, тебе это может понадобиться.

— Босс, я не собираюсь становиться террористкой!

— Как бы то ни было — тебе это пригодится. Бывают случаи, что и курьеру приходится иметь при себе оружие, — всякое бывает, и ко всему надо быть готовой, Фрайди, и потом — не стоит относиться к террористам презрительно без разбора. Как к любому инструменту политики, к этому надо относиться в зависимости от того, как этот инструмент применен. Упадок и падение бывших Соединенных Штатов Северной Америки имели под собой в немалой степени причины, связанные с терроризмом. Но только отчасти, поскольку убийства были бессистемны и нецеленаправленны. Ну-ка, что ты скажешь мне о русско-германской войне?

— Немного. В основном меня поражает то, что немцам пришлось в итоге висеть прибитыми к позорному столбу, в то время как у них было полно денег, чтобы выиграть эту войну.

— А теперь представь себе, что эту войну выиграли двенадцать человек — семеро мужчин и пятеро женщин, причем самым тяжелым оружием был шестимиллиметровый пистолет.

— Вы мне вроде бы никогда не врали. И как же это получилось?

— Фрайди, дело в том, что мудрость — самая большая ценность в этом мире, и единственная истинная ценность. Человеческая структура может быть превращена в бесполезную, бездейственную, опасную для самой себя, если избирательно вынимать из нее лучшие умы с тем, чтобы их место занимали тупицы. Понадобилось всего-навсего несколько тщательным образом спланированных «несчастных случаев» для того, чтобы великая, могущественная прусская военная машина затрещала по всем швам и превратилась в тупую толпу. Но никто этого не замечал до тех пор, пока борьба велась подпольно, поскольку тупицы выглядят почти как гении, покуда не началась открытая борьба.

— Всего двенадцать человек! Босс, это не наша работа?

— Ты же знаешь, я таких вопросов не люблю. Нет, не наша. Это была договорная работа одной организации, такой же небольшой и специализированной, как наша. Но я не слишком большой любитель участвовать в националистических войнах. В этих случаях трудно понять, на чьей стороне небесное воинство, а стало быть, и правда.

— Все равно не хочу становиться террористкой.

— А я тебе этого и не позволю. Так что давай об этом больше не будем. Будь готова к девяти ноль-ноль.

ГЛАВА 5

Девять недель спустя я улетела в Новую Зеландию. Только девять недель спустя!

Вот что я вам скажу о Боссе: этот зануда всегда знает, о чем говорит. Все было правильно. Когда доктор Красный выписал меня, я вовсе не была самой здоровой на свете — я была просто-напросто выздоравливающей больной, которой больше не нужен больничный уход.

А вот девять недель спустя я бы легко могла стать чемпионкой древней Олимпиады — даже не вспотев. Когда я взошла на борт полубаллистического лайнера «Абель Тасман» в Виннипегском свободном порту, пилот явно поло-

жил на меня глаз. Я знала, что неплохо выгляжу, да вдобавок я еще шла враскачку — на заданиях я так никогда не хожу: курьеру надо стараться выглядеть как можно более неприметно. Ну а теперь я была в отпуске, и можно было позволить себе немного повыпендриваться. В общем, пилот возник около моего кресла-люльки, когда я возилась с ремнями. Не исключено, что свою роль сыграл и мой новый, с иголочки, костюм — новинка сезона под названием «Суперкожа». Я такого раньше не носила — купила прямо в порту и там же переоделась. Думаю, пройдет немного времени, и обязательно отыщется какая-нибудь секта из тех, что считают, что секс имеет что-то общее с грехом, и заклеймит ношение таких костюмчиков как смертный грех.

Пилот улыбнулся и спросил:

— Мисс Болдуин, не так ли? Вас будет кто-нибудь встречать в Окленде? Там, конечно, не война, но молодой женщине опасно одной оказаться в международном порту.

(Я не сказала ему: «Послушай, малыш, последний раз я такого нахала, как ты, отправила на тот свет без разговоров!»)

Капитан был ростом не меньше ста девяноста пяти сантиметров, а веса в нем, наверное, было все сто килограммов — и никакого жира, сплошные мышцы. Чуть-чуть за тридцать, яркий блондин, почти альбинос — такого скорее встретишь на скандинавских авиалиниях, чем на американско-новозеландской. Ему хотелось продемонстрировать покровительство, ну и бог с ним. Я ответила:

— Нет, никто меня встречать не будет, но я тут же пересяду на шаттл до Южного острова. Елки-палки, ну как же эта пряжка застегивается? Прошу прощения, судя по нашивкам, вы — капитан?

— Позвольте, я помогу вам. Да, я капитан. Капитан Ян Торми.

Он принялся застегивать пряжку. Я милостиво позволила ему это.

— Капитан! Вот это да! Никогда не была знакома с капитаном.

Фраза такого рода не может считаться ложью — это просто-напросто такой ритуальный ответ во время поль-

ки. На самом деле он мне сказал: «Я крепкий мужчина, а ты — красотка что надо». А я на самом деле ответила ему: «Ты мне нравишься, но, увы, у меня сегодня нет времени».

При таком обмене любезностями я никак не могла его обидеть, и он мог со спокойной совестью предложить мне встретиться когда-нибудь в необозримом будущем. Что он и сделал.

Когда он закончил пристегивать меня — а пристегнул он меня надежно, но не слишком туго и при этом ко мне даже не прикоснулся, просто сделал все исключительно профессионально, — он сказал:

— Пересаживаться вам придется быстро. Если вы немного задержитесь после посадки и подождете, пока выйдут остальные пассажиры, я буду рад проводить вас на вашу «Киви». Это получится быстрее, чем если вам одной придется продираться сквозь толпу народа.

(На пересадку у меня целых двадцать семь минут, капитан, и ты, конечно, думаешь, что двадцати семи минут тебе за глаза хватит, чтобы успеть уговорить меня. Ну ладно, продолжай быть таким же паинькой, и посмотрим, может, я тебе кое-что и позволю.)

— Ну что вы, капитан, никаких проблем.

— Долг службы, мисс Болдуин. А для меня — просто удовольствие.

Я люблю летать на полубаллистических кораблях — сначала сильная перегрузка, во время которой такое ощущение, что, того гляди, лопнешь, потом — захватывающие дух минуты свободного падения, и тогда кажется, что летишь в бездонную пропасть, а потом — долгое-долгое плавное скольжение, по сравнению с которым любое авиапутешествие — ничто. Ну где еще можно получить такую уйму удовольствия за сорок минут, не раздеваясь?

Однако тут возникает вечный небезынтересный вопросик: свободен ли коридор? Ведь полубаллистические корабли не могут путешествовать навстречу друг другу!

В проспекте сказано, что полубаллистический корабль никогда не поднимется в воздух, пока пилот не убедится, что порт прибытия готов принять его. Да-да, я точно так же верю в добрых волшебниц, как родители Босса. Но ведь

нельзя исключать, что найдется идиот, который возьмет и припаркует свою машину на встречной полосе! Взять хотя бы тот случай, когда я сидела в Сингапуре на верхней палубе и своими глазами видела, как одновременно приземлились три полубаллистических корабля в течение девяти минут — и не на разных полосах, а на встречных! Русская рулетка — ни дать ни взять.

И все-таки я на них летаю. И нравятся они мне, и по роду деятельности часто приходится ими пользоваться. Но в кресле я лежу, затаив дыхание, от самого старта до приземления.

Этот полет был ничем не хуже остальных — к слову сказать, полубаллистические перелеты так коротки, что соскучиться не успеваешь. Мы приземлились. Я задержалась в салоне, и, конечно, мой галантный кавалер как раз спустился с капитанского мостика, едва я подошла к выходу. Стюардесса вручила мне мою дорожную сумку, но капитан Торми забрал ее у меня, несмотря на мои не слишком упорные протесты.

Он довел меня до места посадки на шаттл, убедился, что место для меня зарезервировано, выбрал для меня кресло в зале ожидания, отбросил в сторону табличку «Только для пассажиров» и уселся рядом со мной.

— Жаль, что вы так скоро улетаете. Мне жаль, — подчеркнул он. — У меня как раз три свободных дня после полета... а в этот раз мне тут совершенно нечего делать. Моя сестра с мужем когда-то жили здесь, но теперь они переехали в Сидней, и мне не к кому даже в гости сходить.

(Ну да, так я тебе и поверила, что ты проводишь выходные в обществе исключительно сестры и ее муженька!)

— О, как обидно! Я вам сочувствую. Моя семья — в Крайстчерче, и мне всегда так одиноко, когда я их не вижу подолгу. У меня большая, шумная и очень дружная семейка. Знаете, я ведь вышла замуж в «С»-семью.

(Об этом я всегда заявляю сразу.)

— Правда? Ну и сколько же у вас мужей?

— Капитан, этот вопрос мужчины задают всегда. А все потому, что совершенно ошибочно полагают, что «С» — это секс.

— А разве нет?

— Господи, ну конечно, нет! Мало ли что может означать «С»! «С» — это согласие, солидарность, сплоченность, сопереживание. Ну и секс тоже. Но секс можно найти где угодно, и не обязательно ради этого создавать «С»-семьи.

(На самом деле «С» означает — «синтетическая семья» — именно под таким названием этот вид сожительства был зарегистрирован на территории первого территориального государства, которое легализовало его. Девять против одного — капитан Торми знал об этом. Мы просто продолжали играть в ритуальную игру долгого ухаживания. Полька продолжалась.)

— Ну, я не сказал бы, чтобы секс так уж легко было найти везде!

(На это наглое вранье я решила не отвечать.)

Капитан, это при вашем-то росте, широких плечах, чудесной розовой коже, да при такой уйме свободного времени для охоты и в Виннипеге, и в Окленде, где оброненное семя всегда дает всходы! Ну-ка, сэр, попробуйте еще разок.

— Но я согласен с вами, мисс, что ради этого не стоит заводить семью. Я вообще не склонен жениться, потому что вечно в пути, как странствующий альбатрос. Но идея вашей семьи мне нравится. Туда, наверное, приятно возвращаться.

— Да.

— И сколько же человек в вашей семейке?

— Понятно. Вас все еще интересует количество моих мужей. У меня три мужа, сэр, и три названых сестры. Я думаю, вам бы они понравились — особенно Лиспет — она у нас самая молоденькая и хорошенькая. Она шотландка, рыжеватая и большая кокетка. Дети? Конечно. Мы пытаемся считать их каждый вечер, перед сном, но они слишком быстро бегают. Ну а еще кошки, котята, утки, щенки и большой плодовый сад, где почти круглый год цветут розы. У нас очень шумно и весело, только все время нужно под ноги смотреть.

— Да, знаете, звучит просто-таки здорово. Вот интересно — не нужен ли в вашей семье муж, который дома быва-

ет редко, но зато зарабатывает кучу денег? Какой у вас вступительный взнос?

— Я поговорю с Анитой на эту тему, но мне, откровенно говоря, не слишком верится, что вы серьезно говорите.

Наша кокетливая болтовня продолжалась, оба мы врали друг другу без зазрения совести. В конце концов мы договорились до того, что я дала ему записать свой коммуникационный код, а он мне свой и предложил в любое время пользоваться его квартирой в Окленде. Он снял ее, как он мне объяснил, после того, как оттуда уехала его сестра, но ему самому эта квартира была нужна всего-то на шесть дней в месяц.

— Так что, если окажетесь в городе — мало ли, может, нужно будет принять душ или переночевать, — так вы просто позвоните, и все.

— Ну, это как-то неудобно... Вдруг там окажется кто-то из ваших друзей, или вы сами будете дома, и не один, Ян... (Он попросил, чтобы я называла его не капитаном, а по имени.)

— А-а-а, ну это навряд ли, а уж если так выйдет, то компьютер будет в курсе и автоответчик все вам скажет. Если я в городе или скоро буду в городе, это тоже вам сообщат, а мне, ей-богу, не хочется упустить возможность еще раз с вами встретиться.

Вот это уже прямой разговор, но все равно — удивительно галантно! Продиктовав ему крайстчерчский коммуникационный код, я тем самым дала ему понять, что в принципе не против того, чтобы он приехал туда и попробовал предпринять более решительные действия, если его не испугает встреча с моими мужьями, названными сестрами и ватагой шумных детей. Я сразу решила, что он вряд ли позвонит. Высокие красивые холостяки, работающие на такой высокооплачиваемой работе, вряд ли станут пускаться на такой риск.

Раздался громкий голос диспетчера, объявляющего о прибытии и отправлении рейсов: «С глубоким прискорбием сообщаем вам, что произошло полное разрушение Акапулько. Ответственность за случившееся берет на себя «Всемирная транспортная компания». Наш девиз — «Быстрота, безопасность, безотказность».

Я только ахнула.

Ян пробормотал сквозь зубы:

— Ну и идиоты!

— Кто идиоты?

— Да все это Мексиканское Революционное Королевство! И когда только территориальные государства поймут наконец, что им никогда не победить корпораций? Потому они и идиоты.

— Почему вы так думаете, Ян?

— Это же проще простого. Всякое территориальное государство, будь то даже Эль-Четвертый или любой астероид — это утка, сидящая на яйцах, которую подстрелить — проще простого. А бороться с космополитами — корпорациями — все равно что ножом облако резать! Допустим, вы хотите победить Ай-Би-Эм. А где Ай-Би-Эм? Официальный адрес офиса — номер почтового ящика в свободном государстве Делавэр. Есть цель? Нет цели. Офисы, люди и заводы Ай-Би-Эм разбросаны по четыремстам территориальным государствам на Земле и за ее пределами, и никак нельзя ударить по Ай-Би-Эм, при этом не повредив какому-нибудь территориальному государству. Но поставим вопрос иначе. Может ли, например, Ай-Би-Эм победить великую Россию?

— Не знаю, — призналась я. — Немцам, во всяком случае, не удалось.

— Тут все зависит от того, будет ли в этом выгода для Ай-Би-Эм. Насколько мне известно, у Ай-Би-Эм нет на службе ни профессиональных террористов, ни профессиональных саботажников. Ей, пожалуй, пришлось бы приобретать бомбы и ракеты. Но Ай-Би-Эм торопиться некуда: Россия была и останется на месте — большущая, жирная цель — через неделю, через год. Но вы же слышали — только что диспетчер «Всемирной транспортной компании» четко и ясно сказал, каков может быть исход. Все — война окончена. А в Мехико еще бились об заклад, что «Всемирная транспортная» не станет пятнать свою репутацию таким некрасивым деянием, как разрушение мексиканского города! Однако тамошние старорежимные политики начисто забыли, что корпорациям, в отличие от террито-

риальных государств, глубоко наплевать на общественное мнение. Войне конец.

— О, надеюсь... Но Акапулько... это был такой красивый город!

— Да, и он до сих пор остался бы таким же красивым, если бы революционный совет Монтесумы не действовал в духе двадцатого века! Теперь наверняка начнется умывание рук. «Всемирная транспортная» извинится, заплатит издержки, потом Монтесума тихо, без рева фанфар покинет страну и передаст землю с правом экстерриториальности под новый космопорт новой корпорации со звучным мексиканским названием и офисом в свободном государстве Делавэр... а народу будет сказано, что новая корпорация принадлежит на шестьдесят процентов «Всемирной транспортной», а на сорок — тем самым политикам, которые до сих пор молчали в тряпочку и позволили разрушить Акапулько...

Капитан Торми был по-настоящему огорчен и раздосадован, и мне вдруг показалось, что на самом деле он гораздо старше.

Я спросила:

— Ян, а АНЗАК[1] случайно не филиал «Всемирной транспортной»?

— Естественно! Иначе разве я стал бы так цинично разглагольствовать?

Он резко поднялся на ноги.

— Ваш шаттл пришвартовался у выхода на посадку. Позвольте, я донесу вашу сумку.

ГЛАВА 6

На Земле нет города красивее Крайстчерча. Спокойно можно «на Земле» опустить — так будет вернее, поскольку за пределами Земли по-настоящему красивых городов вообще нет. Луна-Сити находится под землей. Эль-Пятый

[1] АНЗАК — Американо-Новозеландская авиационная компания — вымышленное название.

сверху выглядит как большая свалка, а в самом городе есть только одна красивая арка, на которую можно смотреть без отвращения. Марсианские города похожи на большие пасеки, а большинство земных городов страдают тем, что изо всех сил стремятся быть похожими на Лос-Анджелес.

Крайстчерч не обладает величием Парижа и красотой расположения, как Сан-Франциско или Рио-де-Жанейро. Но у него полным-полно других достоинств, которые делают его милым и уютным: медленный, плавный Эйвон, текущий через весь город, тихая красота Кафедральной площади, фонтан Ферьера перед зданием городской Ратуши, яркие, свежие краски всемирно известного Ботанического сада, благоухающего на окраине города.

«Греки славят Афины» — так, кажется, говорится в пословице. Но я — не уроженка Крайстчерча — если слово «уроженка» вообще может иметь ко мне какое-то отношение. Я даже не новозеландка. С Дугласом я познакомилась в Эквадоре — это было еще до катастрофы в Кито — и влюбилась в него по уши. Мы несколько дней просто не вылезали из постели в гостинице. А потом он меня до смерти напугал своим предложением, но тут же успокоил, объяснив, что ничего такого серьезного он мне не предлагает и не просит меня немедленно идти и регистрировать с ним брак, а просто зовет меня в гости, навестить его семью — «С»-группу, — посмотреть, как они мне понравятся, а я им.

Это было другое дело. Тогда я быстренько смоталась в Империю и объяснила Боссу, что желаю взять долгосрочный отпуск, а если это невозможно, то пускай он тогда меня уволит. Босс буркнул что-то насчет того, чтобы я катилась ко всем чертям, если уж у меня кое-где шило, но чтобы я сообщила ему, когда смогу приступить к работе. Я быстро вернулась в Кито, а Дуглас даже из кровати вылезти не успел, представляете?

В то время прямой линии из Эквадора в Новую Зеландию не было, поэтому мы добрались подземкой до Лимы, а оттуда на полубаллистическом корабле перелетели через Южный полюс в Западную Австралию, где приземлились в Перте. Путь вышел, мягко говоря, не самый прямой, а

все из-за силы Кориолиса[1]. Потом мы двинулись подземкой в Сидней, оттуда — в Окленд, а оттуда шаттлом — в Крайстчерч, что заняло у нас в итоге двадцать четыре часа — просто жуткая дорога, — и все это вместо того, чтобы просто перелететь Тихий океан! Виннипег и Кито находятся примерно на одинаковом расстоянии от Окленда — пусть вас не обманывает плоская карта, спросите лучше компьютер. Дорога до Виннипега всего на одну восьмую пути длиннее.

Так вот — можно было за сорок минут, а мы добирались целые сутки. Но я вовсе не была против такого долгого путешествия — я была рядом с Дугласом и была без ума от любви.

На следующие сутки я была без ума от его семьи.

Я этого не ожидала. Я-то думала, что отлично проведу отпуск с Дугласом — а он обещал мне лыжные прогулки и любовь, само собой — не скажу, чтобы я так уж настаивала на лыжах. Я понимала, что мне, может быть, придется лечь в постель с его названными братьями, если они этого захотят. Но это как раз меня нисколько не волновало, потому что по самой своей природе искусственные люди не могут воспринимать соитие так серьезно, как относится к этому большинство настоящих людей. Многие девушки из нашего лабораторного приюта с момента наступления половой зрелости проходили курс сексуальной подготовки и потом становились искушенными в любовных утехах подругами заправил космополитического бизнеса. Я и сама прошла основной курс сексуальной подготовки еще до того, как появился Босс, взял меня на работу, после чего я прошла солидную переориентацию. Кстати, тогда я подписала контракт, но потом исчезла на несколько месяцев, но это уже другая история.

Но я, правду сказать, ничего не имела бы против не-

---

[1]Сила Кориолиса — сила, возникающая за счет вращения Земли и приводящая к воздействию на любую движущуюся частицу, в результате чего возникает отклонение вправо в Северном полушарии и влево — в Южном. Сильнее всего сила Кориолиса проявляется в полярных районах.

большой порции дружеского секса, не имей я никакой сексуальной подготовки вообще — подобные предрассудки чужды искусственникам, мы на них плюем.

Но зато нам совершенно неизвестны понятия из области семейной жизни. В первый же вечер из-за меня задержался ужин, поскольку я никак не могла оторваться от компании семерых детишек, с которыми мы устроили кучу малу на ковре, — они были самого разного возраста — от старшей девочки, которой было лет одиннадцать, до младшего мальчика, который еще мочился в штанишки. Кроме нас в этой потасовке принимали участие две-три собаки и маленький котенок, заработавший себе кличку кошка Подножка, поскольку обладал исключительным талантом всюду попадаться под ноги.

Ничего подобного у меня ни разу в жизни не было, и мне хотелось, чтобы это никогда не кончалось.

А на лыжах кататься со мной отправился вовсе не Дуглас, а Брайен. Высокогорные гостиницы на горе Хатт очень милы, но температура в номерах там не поднимается выше двадцати двух градусов, и приходится крепко прижиматься друг к другу, чтобы не замерзнуть. Потом Вики возила меня на пастбище, где паслись их овцы, и я близко познакомилась с говорящим колли по кличке Лорд Нельсон. У Лорда было весьма скептическое отношение к умственным способностям овец, которое я вполне разделяю.

Берти возил меня в Милфорд-Саунд. Мы летели шаттлом до Данедина — новозеландского Эдинбурга — и провели там ночь. Данедин прекрасен, но ему далеко до Крайстчерча. Оттуда мы плыли на очаровательном маленьком пароходике до Фьордленда. На пароходике были крошечные каютки, в которых хватало места для двоих, но и там было так холодно, что снова пришлось крепко прижиматься друг к другу.

На свете вряд ли отыщется фиорд красивее Милфорд-Саунда. Да, я была на экскурсии на Лофотенских островах. Очень мило. Но мое решение окончательное и обжалованию не подлежит.

Если вам кажется, что я люблю Южный остров той дурацкой любовью, какой матери любят своих первенцев, то

вы ошибаетесь. Вернее, это так, но потому, что он действительно неповторимо прекрасен. Северный остров, конечно, потрясающе красив и очень впечатляет своими гейзерными шоу и всемирно известными пещерами Глоуверм. Залив Грейн-Эксибишн похож на Страну чудес. Но нет на Северном острове ни Южных Альп, ни Крайстчерча.

Дуглас водил меня посмотреть, как работают на их собственной маслобойне, и я видела, как упаковывают огромные куски превосходного масла. Анна познакомила меня с Гильдией алтарников. Я стала думать, что, вероятно, скоро меня спросят о том, не хотела бы я остаться здесь навсегда. Мне стало ясно, что я с одинаковым ужасом рассматриваю оба варианта: «О-господи-вдруг-меня-спросят» и «О-господи-вдруг-меня-не-спросят», и в том и другом случае: «О-господи-что-же-мне-тогда-делать?»

Дело в том, что я не сказала Дугласу, что я не человек.

Я слыхала, что люди хвастаются тем, что запросто могут отличить искусственного человека от настоящего с первого взгляда. Это ерунда. Конечно, другое дело — живой артефакт, который вовсе не похож на нормального человека, — такого узнает каждый дурак. Представьте себе человекоподобное существо с четырьмя руками или кобольдогнома. Но люди, занимающиеся генной инженерией, давно освоили выпуск существ, выглядящих в точности как настоящие люди, и таких уж живыми артефактами никак не назовешь. Ни один человек не сможет отличить искусственника от настоящего человека — да и не только человек, но и инженер-генетик из другой лаборатории.

Что касается меня, то у меня иммунитет против рака и большинства инфекций. Но у меня на груди нет надписи, извещающей об этом. У меня необычайно развиты реакции. Но я не демонстрирую их по пустякам — скажем, не стану ловить летящую муху двумя пальцами. Я никогда не соревнуюсь с другими людьми в силовых видах спорта.

У меня необычайно развитая память, необычно быстрые восприятие цифр и ориентация в пространстве и ситуациях, необычные способности к иностранным языкам. Но если вы думаете, что у меня коэффициент интеллекта гения, то вы опять-таки сильно ошибаетесь. Я еще в шко-

ле усвоила, что, когда у тебя проверяют КИ, самое главное — это набрать нужное количество очков — такое, чтобы никому в голову не пришло заподозрить у тебя выдающиеся способности.

Так что в обычной обстановке никто не заметит во мне ничего выдающегося и необычного, за исключением тех случаев, когда я нахожусь в компании самых близких друзей, или ситуаций, когда нужно действовать быстро — на заданиях или спасая себе жизнь.

К тому же некоторые из моих способностей при желании всегда можно выдать за нечто чисто индивидуальное, направленное исключительно на то, чтобы выглядеть более сексуальной, к примеру. К счастью, большинство мужчин таковы, что подобные проявления у женщин считают вызванными их собственными достоинствами.

Кстати, мужское тщеславие — добродетель, а не порок. Если его направить в нужное русло, с мужчинами легко и приятно иметь дело. Вот именно поэтому так трудно иметь дело с Боссом — он начисто лишен мужского тщеславия. С этой стороны к нему подступаться бесполезно!

Я не боялась, что меня раскусят. Ведь все лабораторные метки с моего тела были удалены — даже татуировка на нёбе, и поэтому никак нельзя было доказать, что я была не рождена, а сделана, — скорее у всех возникало впечатление, что я появилась на свет в результате страстной и упорной борьбы миллиарда сперматозоидов за одну-единственную яйцеклетку.

Но дело в том, что жена в «С»-группе должна внести посильное прибавление в ту кучу детей, что возятся на полу.

«Ну хорошо, а почему бы и нет?» — спросите вы.

По целому ряду причин.

Я была курьером в полувоенизированной организации. Представьте себе, как бы я отражала внезапное нападение на восьмом месяце беременности?

Мы, искусственные люди женского пола, производимся на свет в стерильно-обратимом состоянии. Для искусственного человека желание иметь детей — вынашивать их в себе — не кажется естественным, кажется странным. Им представляется гораздо более разумным выращивание лю-

дей in vitro[1] и гораздо более эстетичным, чем in vivo[2]. Я уже была довольно взрослой, когда впервые увидела беременную женщину — и подумала, что она тяжело и неизлечимо больна. Когда я поняла, что с ней, меня чуть не вытошнило. Когда я задумывалась об этом в Крайстчерче, мне становилось не по себе. Чтобы я вот так, как кошка, рожала с болью, с кровью, боже! И вообще — зачем это? Что толку с того, что мы так успешно штурмуем небеса — на Земле все равно слишком много людей, так зачем же ухудшать демографическую ситуацию?

Я решила, если об этом зайдет речь, сказать, что я стерильна и не могу иметь детей. Это была правда — не полная, но правда.

У меня не спросили.

То есть не спросили про детей. В течение нескольких следующих дней я с головой окунулась в простые семейные радости, покуда они у меня были: дамские разговорчики за мытьем посуды после завтрака, милые потасовки с детишками и зверушками, болтовня и сплетни во время работ в саду — все это наполняло каждую минуту моей жизни, как равной среди равных.

Однажды утром Анита пригласила меня прогуляться по саду. Я поблагодарила и отказалась, сказав, что занята — помогаю Вики. Однако она была настойчива, и Вики в результате пришлось доделывать работу по дому самой, а я оказалась в плетеном кресле в дальнем углу сада с Анитой наедине — детей она мягко, но настойчиво попросила удалиться.

Анита сказала:

— Милая Марджори! (В Крайстчерче я оставалась для всех Марджори Болдуин — под этим именем я познакомилась с Дугласом.) Мы обе прекрасно понимаем, почему Дуглас пригласил тебя сюда. Тебе хорошо у нас?

— Ужасно хорошо!

— Достаточно ли тебе хорошо, чтобы ты осталась здесь навсегда?

---

[1]В стекле (в пробирке) *(лат.)*.

[2]В живом организме *(лат.)*.

— Да... но... (Мне никогда не удавалось сказать: «Да, но дело в том, что я не могу иметь детей!»)

Анита прервала меня:

— Давай-ка для начала я тебе кое-что объясню, дорогая. Нам нужно поговорить о делах. Если оставить это нашим мужчинам, то разговор о деньгах может и вообще не зайти — Альберт и Брайен просто без ума от тебя, не говоря уже о Дугласе. И я их вполне понимаю. Но наша группа означает не только супружество — она является небольшим предприятием, и кому-то приходится брать на себя бухгалтерские дела. И этот кто-то — я. Я председатель семейного совета и исполнительный директор. Это потому, что я никогда не позволяю эмоциям овладеть мною настолько, чтобы забыть о делах.

Я улыбнулась, а ее вязальные спицы звякнули.

— Спроси у Брайена — он называет меня Эбенезером Скруджем[1], но никогда не отважится взять на себя мои обязанности. Ты можешь гостить у нас сколько тебе вздумается, — продолжала Анита. — Что для нас один лишний рот за таким длинным столом? Ничего. Но если ты хочешь присоединиться к нам формально и заключить контракт, мне придется стать тем самым Эбенезером Скруджем и сообразить, какой контракт мы можем подписать. Брайен владеет тремя долями капитала и имеет три голоса на совете, Альберт и я — по две доли и по два голоса, Дуглас, Виктория и Лиспет — по одной доле и по одному голосу. Как видишь, у меня всего два голоса из десяти, но дело в том, что за годы я заработала право на решающий голос — особенно когда грожу остальным, что уйду в отставку со своего поста. Когда-нибудь пробьет мой час — кто-нибудь сменит меня, и я превращусь в Алису, сидящую у камина.

(Ну, это не раньше, чем в канун твоих похорон, Анита!)

— А пока я работаю. У детей есть по одной доле в капитале без права голоса... тут и голосовать нечего, поскольку каждый из них получает свою часть, когда решает покинуть дом. Если он или она решают остаться, то их доля мо-

---

[1]Эбенезер Скрудж — персонаж «Рождественских сказок» Ч. Диккенса, символ скупости и стяжательства.

жет быть использована как вступительный пай, но может быть потрачена по их усмотрению, хотя лично я — против этого. Такие сокращения капитала должны планироваться заранее — представь себе, вдруг сразу трое наших девочек решат выйти замуж в одном и том же году. Ситуация была бы сложная, а может, даже неосуществимая.

Я сказала ей, что понимаю, как это все важно, и что мне кажется, мало кто из детей имеет возможность быть настолько обеспеченным в будущем. (Правду сказать, я в этом ни капельки не понимала.)

— Да, мы стараемся заботиться о них, — согласилась она. — В конце концов, дети — это цель существования семьи. В общем, я думаю, ты поняла, что взрослый, вступающий в нашу семью, обязан внести определенный пай, иначе система не будет работать. Браки совершаются на небесах, но платить по счетам приходится на земле.

— Аминь, — закончила я.

Я поняла, что мои проблемы решены за меня, и решены отрицательно. Я не представляла себе, каково благосостояние семейной группы Дэвидсонов. Они были богаты, это очевидно, хотя не имели слуг и жили в старомодном неавтоматизированном доме. Как бы то ни было, было ясно, что я не смогу купить пай.

— Дуглас сказал нам, что не имеет понятия, есть у тебя деньги или нет — я имею в виду в размерах капитала.

— Таких денег у меня нет.

Она и глазом не моргнула.

— Ну что ж, и у меня не было, когда я была в твоем возрасте. Но ты ведь работаешь, не так ли? Не могла бы ты устроиться на работу в Крайстчерче и выплачивать свой пай в рассрочку из зарплаты? Я понимаю, найти работу в незнакомом городе трудновато... но у меня есть тут кое-какие связи. Что ты умеешь делать? Ты нам об этом еще не рассказала.

(И не собираюсь.)

Я довольно-таки уклончиво ответила, что работа моя носит сугубо секретный характер и что я не имею права рассказывать о роде деятельности моего работодателя, что я не могу уволиться и искать работу в Крайстчерче, по-

этому никакой надежды остаться и работать здесь у меня нет, но мне у них было очень хорошо, и я надеюсь...

Она резко оборвала меня.

— Дорогая моя, я завела этот разговор не для того, чтобы он кончился отрицательно. Почему ты не можешь заключить контракт, это понятно, но не это важно. Лучше попробовать придумать, как это можно сделать. Брайен предложил передать тебе одну из его долей в капитале, с ним вступили в спор за это право Дуглас и Альберт. Но я наложила вето на эти предложения — это нехороший прецедент, о чем я им и сказала, напомнив местную пословицу насчет мартовских котов. Вместо этого я решила принять одну из долей Брайена, как страховку для заключения контракта с тобой.

— Но у меня же нет контракта!

— Будет. Если ты останешься на своей работе, сколько ты сможешь платить в месяц? Только не ущемляй себя и плати сколько сможешь, но желательно — побыстрее, поскольку тут срабатывают принципы выплаты рассрочки — часть каждой выплаты уходит на погашение долга, а часть — на его уменьшение — так что, чем крупнее будут выплаты, тем лучше будет для тебя.

(Я никогда в жизни не выплачивала рассрочку!)

— А можно перевести сумму в золото? Нет, я могу перевести выплаты в деньги, но дело в том, что мне платят золотом.

— Золотом?

Анита была несколько обескуражена. Она порылась в сумочке для рукоделия и вытащила оттуда маленький калькулятор, связанный дистанционно с домашним компьютером.

— Если говорить о золоте, то сделка для тебя будет более выгодной.

Она какое-то время задумчиво смотрела на дисплей, потом довольно кивнула.

— Намного более выгодной. Правда, я не так хорошо разбираюсь в курсе золота. Но думаю, мы договоримся.

— Я же сказала — я могу переводить в деньги. Пересчет с граммов — три к девяти — производится с моего счета в

Луна-Сити. Но можно перевести в новозеландские деньги — автоматическим переводом, когда меня нет на Земле. Новозеландский банк, Крайстчерчский филиал?

— Нет, Кентерберийский земельный банк. Я там директор.

— Только, пожалуйста, Анита, постарайся, чтобы все попадало в семью и чтобы больше никто об этом не знал.

На следующий день мы подписали контракт, а чуть позже, на той же неделе, я вышла замуж — все легально, честь по чести, в притворе Кафедрального собора, и я была в белом — господи помилуй!

А еще через неделю я вернулась на работу, одновременно грустная и счастливая. Следующие семнадцать лет я должна была перечислять в мое семейство восемьсот пятьдесят восемь тысяч тринадцать новозеландских долларов ежемесячно, а по возможности — больше. За что? Я не могла позволить себе бывать дома, пока не будет выплачена определенная сумма. За что же тогда? Не за секс. Я же сказала капитану Торми, что секс можно найти везде, стоит только захотеть, и платить за него глупо. Наверное, за радость окунать руки в мыльную воду для мытья посуды, за счастье валяться на полу, где тебя могут обдуть малыши, котята и щенята, за приятное, теплое сознание того, что где бы я ни была, на этой земле есть место, где я имела это все по праву, потому что это было мое.

Мне это казалось честной сделкой.

Сегодня, как только шаттл поднялся в воздух, я позвонила домой. Мне ответила Вики, и, как только она перестала щебетать, я сообщила ей время своего прибытия. Я вообще-то хотела позвонить раньше, из аэропорта в Окленде, но мой кудрявый кавалер, капитан Ян, отнял все мое время. Но это ерунда. Шаттл летит со сверхзвуковой скоростью, да еще садится в Веллингтоне и Нельсоне — так что времени было вполне достаточно, чтобы кто-то успел меня встретить.

Встретили меня все. Ну, то есть не совсем все. У нас есть лицензия на право пользования собственным транспортным средством, поскольку мы выращиваем овец, но у

нас нет права пользоваться машиной в городе. Брайен, однако, нарушил правила, и вот теперь большинство членов нашего семейства выпрыгивало из дверей нашего фермерского фургончика-багги.

Я не была дома почти год — почти вдвое дольше, чем когда-либо раньше. За такое время дети тебя могут и забыть. Я постаралась по мере их появления из машины вспомнить их имена и вроде бы вспомнила всех. Здесь были все, кроме Эллен, которую теперь можно было считать ребенком с большой натяжкой. Ей было одиннадцать, когда я вышла замуж. Теперь она была молодой девицей, студенткой университета. Анита и Лиспет остались дома — наверняка второпях готовят праздничный обед... и как всегда, будут ласково журить меня за то, что не предупредила заранее о своем приезде, и снова мне, как обычно, придется объяснять, что мне гораздо проще прыгнуть в первый попавшийся корабль и шаттл, чем звонить заранее. И потом — зачем мне заранее сообщать, что я возвращаюсь в свой собственный дом?

Очень скоро я уже валялась на полу, окруженная кучей детей. Кошка Подножка тоже была тут — а как же? Из крохотного котенка, которым она была, когда я впервые появилась тут, она успела превратиться в главную кошку в доме — жирную и важную. Она внимательно обнюхала меня, потерлась о мои ноги и замурлыкала. Я была дома.

Через какое-то время я спросила:

— А где Эллен? Все еще в Окленде? Я думала, в университете сейчас каникулы.

Задавая вопрос, я смотрела на Аниту, но она сделала вид, что не слышит меня. Стала хуже слышать? Вряд ли.

— Марджи, — выразительно выговорил Брайен.

И я обернулась. Он молча только смотрел на меня и качал головой из стороны в сторону.

(Разговоры об Эллен — табу? В чем дело, Брайен? Я решила поговорить с ним наедине. Ведь Анита всегда утверждала, что любит всех наших детей одинаково, независимо от того, кровные ли это ее дети или нет. Все правильно.

Но только надо прямо сказать, что о ее особом неравнодушии к Эллен знали все домашние.)

Поздним вечером, когда в доме все успокоились и мы с Берти собирались лечь спать (они бросили какой-то жребий, в результате которого право провести ночь со мной отдавалось проигравшему), в спальню постучал и вошел Брайен.

Берти сказал:

— У нас все в порядке. Можешь не утешать меня. Я готов понести заслуженное наказание за проигрыш.

— Помолчи, Берт. Ты сказал Мардж об Эллен?

— Пока нет.

— Надо сказать. Дорогая, понимаешь, дело в том, что Эллен вышла замуж без благословения Аниты... и Анита совершенно вне себя по этому поводу. Поэтому желательно при Аните об Эллен даже не упоминать. Запретная тема. Ну а теперь я побежал, пока она не начала меня искать.

— Ты что же, и на ночь меня поцеловать не задержишься? А если я попрошу тебя остаться здесь? Разве ты не мой муж тоже?

— Да, конечно, дорогая. Но Анита сейчас в таком состоянии... в общем, лучше ее не раздражать лишний раз.

Брайен чмокнул нас обоих и поспешно удалился. Я спросила:

— Берти, в чем дело? Почему Эллен не могла выйти замуж за кого хотела? Она уже достаточно взрослая, чтобы принимать решения самостоятельно.

— Да, все так. Но Эллен заслуживает осуждения. Она вышла замуж за тонганца и уехала с ним в Нукуалофа.

— А что, Анита хотела, чтобы они жили здесь, в Крайстчерче?

— А? Да нет, нет, конечно. Не в этом дело. Она против самого ее замужества.

— Что-нибудь не в порядке с ее мужем?

— Марджори, я же тебе ясно сказал: он — тонганец. Не расслышала?

— Почему? Прекрасно я расслышала. Если он живет в Нукуалофа, кем же он может быть? Эллен будет там очень жарко после здешнего мягкого климата. Но это ее пробле-

мы. Все равно не понимаю, с чего бы это Аните так огорчаться. Наверное, тут есть что-то, чего я не знаю.

— Да все ты знаешь и понимаешь отлично! А хотя, кто знает, может, и не понимаешь. Тонганцы — не ровня нам. Они не белые люди, они дикари.

— Что? Тоже мне, дикарей нашел!

Я села в кровати, прервав то, что, в общем-то, еще и не начиналось. Секс и споры — две вещи несовместные. По крайней мере, я так считаю.

— Да во всей Полинезии живут одинаково цивилизованные люди! Почему, как тебе кажется, первооткрыватели назвали эти острова Дружелюбными? Да ты был там когда-нибудь, Берти?

— Нет, но...

— А я была! Если не считать жары, это просто божественное место. Съездил бы сам да поглядел. А этот человек, он чем занимается? Если он сидит на берегу и вырезает из красного дерева безделушки для туристов, то я еще готова понять Аниту. Это так?

— Нет. Но я сомневаюсь, что он может позволить себе жениться. А Эллен не могла позволить себе замужество. Она еще не окончила университет. Он вроде... он специалист по морской биологии.

— Понятно. Значит, не богач. А Анита уважает деньги. Но и нищим он не будет — он ведь может стать профессором в Окленде или Сиднее. Знаешь, сегодня и биолог может разбогатеть. Вырастит новое животное или растение и станет богаче нас всех.

— Дорогая, ты все еще не понимаешь.

— Похоже, нет. Так объясни же!

— Ну... Эллен должна была выйти замуж за человека своего круга.

— То есть? За кого-нибудь из Крайстчерча?

— Так было бы лучше.

— За богатого?

— Не обязательно, но желательно — знаешь, всегда проще, когда финансовые дела не слишком односторонни. А полинезийцы, когда женятся на белой девушке, всегда рассчитывают на ее кошелек.

— Ах-ах! Он не имеет ни гроша, а она забрала свой семейный пай, так, что ли?

— Ну, не совсем так... Черт подери, ну что, разве она не могла выйти за белого? Мы ее так хорошо воспитывали!

— Берти, да что же это такое? Ты говоришь так, как с успехом мог бы говорить датчанин о шведах! Я думала, что в Новой Зеландии люди свободны от предрассудков. Я помню, как Брайен говорил мне, что маори во всем равны с англичанами.

— Все правильно. Но это не одно и то же.

— Ну, значит, я идиотка!

(А может, это Берти идиот? Маори — полинезийцы, тонганцы — тоже, так в чем же дело-то?)

Я решила пока оставить этот разговор. В конце концов, не для того я прилетела сюда из Виннипега, чтобы обсуждать достоинства и недостатки своего зятя, которого и в глаза не видела. «Зять» — странно все-таки. Мне всегда так нравилось, когда кто-то из детей звал меня мамой, а не Марджи, но я ни разу не задумывалась о том, что у меня может быть зять.

Но по новозеландскому закону он действительно был моим зятем — а я даже не знала его имени!

Я постаралась успокоиться и не думать ни о чем и позволила Берти оказать мне знаки гостеприимства. Он это умеет. А скоро я и сама незаметно отвлеклась от мрачных мыслей и сумела показать ему, как я счастлива, что вернулась домой. Неприятный разговор был забыт.

ГЛАВА 7

Наутро, лежа в постели, я приняла решение ни с кем не заводить разговора об Эллен и ее муже, если только кто-нибудь не заговорит об этом сам. Нужно было разузнать подробности. Совсем закрывать эту тему я не хотела — ведь Эллен была и моей дочерью, но Брайен был прав — пусть Анита немного успокоится.

Но никто и не думал со мной говорить об этом. Потянулись спокойные золотые дни, рассказывать о которых смысла нет: вряд ли вас заинтересуют описания дней рождения

или семейных пикников. Для меня-то такие события не имеют цены, а для посторонних — скука смертная.

Как-то мы с Вики отправились в Окленд за покупками с ночевкой. Когда мы поселились во «Дворце Тасмана», Вики спросила у меня:

— Мардж, ты умеешь хранить тайны?

— Конечно, — ответила я. — Что-нибудь такое? Дружок? Два дружка?

— Даже если бы был один, я бы его поделила с тобой. Нет, все гораздо серьезнее. Я хочу поговорить с Эллен, но так, чтобы об этом не узнала Анита. Сейчас для этого впервые появилась возможность. Ты не проболтаешься?

— Даю слово. Мне и самой хотелось с ней поговорить. Но в чем все-таки дело? Эллен вышла замуж, и Анита этим недовольна, но неужели никому из нас даже поговорить с Эллен нельзя? С нашей собственной дочерью!

— Боюсь, именно сейчас она — собственная дочь Аниты. Знаешь, когда Анита злится, она не слишком точна в определениях.

— Похоже на то. Но все равно я не собираюсь позволять Аните порвать мою связь с Эллен. Я бы сама давно ей позвонила, но не знала, как с ней связаться.

— Теперь узнаешь. Я сейчас наберу номер, а ты запишешь. Значит, так...

— Подожди! Не трогай этот терминал! Ты же не хочешь, чтобы Анита узнала!

— Ну да. Потому и хочу позвонить отсюда.

— Но звонок будет включен в наш гостиничный счет, а платить по счету ты будешь по нашей общей кредитной карточке, а Анита наверняка по-прежнему проверяет все денежные дела.

— Правда! Как я могла не подумать об этом!

— Ты просто слишком честная, Вики. Анита, конечно, ничего не будет иметь против затрат на звонок вообще, но обязательно обратит внимание на коммуникационный код, обозначающий международный звонок, так что лучше нам пойти на главный почтамт и сделать звонок оттуда. Расплатимся наличными. А еще проще — воспользуемся

моей собственной кредитной карточкой — ее-то уж Анита не проверяет.

— Отлично! Мардж, из тебя вышла бы неплохая шпионка!

— Вряд ли, — усмехнулась я. — Это очень опасно. Просто у меня большая практика: приходилось в детстве маму обманывать. Значит, пойдем на почту. Вики, а что все-таки с мужем Эллен? Что, у него две головы или еще что-нибудь в этом роде?

— А... Он — тонганец. Ты разве не знала?

— Нет, почему, знала, конечно. Но тонганец — это же не болезнь! И вообще — это личное дело Эллен. Ее проблема, если это проблема вообще. Я лично проблем не вижу.

— Ох, Мардж, Анита на это смотрит иначе. Раз уж так случилось, самое лучшее — вообще об этом не говорить и притворяться, что все в порядке. Но, понимаешь, смешанные браки, как правило, неудачны — особенно в таких случаях, когда девушка выходит замуж за мужчину, который ей не ровня.

— «Не ровня»? До сих пор я слышала только, что он тонганец. Тонганцы высокие, красивые, гостеприимные и почти такие же смуглые, как я. С виду их не отличить от маори. Ну а если бы этот молодой человек был маори... из хорошей семьи, древнего рода, богатого?

— Похоже, Аниту и это не устроило бы, Мардж. То есть она, может, и пошла бы на свадьбу, и дома бы устроила прием, но в душе... Браки с маори имеют давнюю традицию — с этим приходится согласиться. Но это не обязательно должно нравиться. Смешивание рас всегда было нежелательно.

(Вики, Вики, знаешь ли ты, глупышка, что гораздо более желательно было бы вылечить весь мир от этого помешательства!)

— Вот как? Вики, скажи-ка мне, в таком случае откуда у меня такая смуглая кожа?

— Конечно — ты сама нам говорила. У тебя в роду были американские индейцы. Как их... чероки, вот! Мардж, я тебя обидела? К тебе это не имеет никакого отношения.

Все же знают, что индейцы... ну, что они совсем как белые люди. Совсем такие же!

(Угу. Осталось только сказать коронную фразу: «Большинство моих лучших друзей — евреи». Но только чероки ко мне никакого отношения не имеют, насколько мне известно. Милая моя малышка Вики, а что бы ты сказала, если бы узнала правду: что я — искусственница? Ах, как бы мне хотелось сказать тебе... но я боюсь напугать тебя.)

— Нет, ты меня не обидела. Просто я не понимаю, откуда это берется. Ты видела мало разных людей. Нигде не была. И расизм, судя по всему, ты впитала с молоком матери.

— Мардж, ты несправедлива, — пробормотала Вики, густо покраснев. — Когда стоял вопрос о твоем принятии в семью, я была за тебя.

— У меня все время было впечатление, что тогда все были за меня. В противном случае я не стала бы входить в семью. Теперь нужно понимать, что вопрос о моей индейской крови обсуждался?

— Ну... его затрагивали.

— Кто и каким образом?

— Мардж, у нас бывают такие собрания, они должны быть. Я не имею права о них рассказывать.

— М-м-м... понятно. По поводу Эллен тоже было такое собрание? Если так, ты можешь спокойно мне об этом рассказать. Ведь, будь я дома, я бы обязательно присутствовала на нем, правда?

— Не совсем так. Никакого специального собрания не было. Анита сказала, что это не нужно. Она сказала, что не собирается поощрять охотников за приданым — и все. А поскольку она уже объявила Эллен свою волю, сказав, что она не имеет права появляться дома с Томом и знакомить его с семьей, было похоже, что сделать уже ничего нельзя.

— И так-таки никто не заступился за Эллен? И ты не заступилась, Вики?

Вики снова густо покраснела.

— Но тогда Анита просто из себя бы вышла...

— А теперь из себя выхожу я! По семейному договору —

Эллен моя дочь, такая же, как Аниты, такая же, как твоя, Вики, и Анита не права в том, что отказывает Эллен от дома и не позволяет ее мужу приехать к нам, не посоветовавшись ни с кем из нас.

— Мардж, дело было не совсем так. Эллен хотела приехать с Томом в гости. Ну, привезти его на смотрины, что ли. Понимаешь?

— Да, понимаю. Сама была под микроскопом, понимаю.

— Анита пыталась предостеречь Эллен от ошибки. Первое, что узнали мы все, — это то, что Эллен вышла замуж. Скорее всего, она просто заупрямилась и вышла замуж именно тогда, когда получила от Аниты письмо, в котором говорилось: «Нет, нельзя».

— Черт подери! Вот теперь кое-что проясняется. Эллен разозлила Аниту тем, что вышла замуж без разрешения, а Анита, следовательно, должна была выплатить ей ее долю разом. Этого ей делать не хотелось — слишком крупная сумма. Мне-то вон сколько времени приходится выплачивать свой пай!

— Нет, дело не в этом. Анита злится только потому, что ее дочь, ее любимица — ну, мы же все знаем, что любимица! — вышла замуж за человека, который ей не нравится. Аните не нужно было искать крупную сумму — по контракту не обязательно сразу выплачивать пай. Но Анита подчеркнула, что не собирается выбрасывать на ветер семейные деньги и поощрять охотников за приданым.

Холодная ярость закипала во мне.

— Вики, я своим ушам не верю. Какие же вы все подонки, если могли позволить, чтобы с Эллен так поступили.

Я вдохнула побольше воздуха и постаралась успокоиться.

— Я тебя не понимаю. Никого из вас не понимаю. Но я собираюсь подать вам пример. Когда мы вернемся домой, я сделаю две вещи: во-первых, сяду за семейный терминал, когда все будут в гостиной, позвоню Эллен и приглашу ее приехать домой с мужем. Например, на следующие выходные, потому что потом мне нужно будет вернуться на работу, а мне не хотелось бы уехать, не познакомившись с моим зятем.

— У Аниты будет инфаркт.

— Посмотрим! Потом я потребую созвать семейный совет и поставлю вопрос о немедленной выплате Эллен семейного пая — по всем правилам, с сохранением процентов. Это, конечно, опять-таки жутко разозлит Аниту.

— Наверное. И толку в этом не будет никакого — голосования тебе не выиграть. Мардж, Мардж, зачем тебе это? Все и так уже плохо — хуже некуда.

— Может быть. Только мне кажется, что все вы — а может, только я одна — ждете не дождетесь, когда кто-нибудь положит конец тирании Аниты. По крайней мере, я посмотрю, как пойдет голосование. Вик, по тому контракту, что я подписала, я уже выплатила не меньше семидесяти тысяч новозеландских долларов семье, а мне было сказано, что причина выплаты семейного пая — обеспечение будущего каждого из наших детей, покидающих семью. Я не возражала — я подписала контракт. Раз есть контракт, значит, неважно, что говорит Анита. Если нет возможности выплатить долю Эллен сегодня, значит, я имею право настаивать, чтобы мои ежемесячные выплаты отправлялись Эллен до тех пор, пока Анита наконец не расщедрится и не выплатит Эллен остальную часть ее законной доли. Что, это так уж криминально, невозможно?

Она ответила не сразу:

— Мардж, я не знаю. У меня не было времени подумать.

— Поторопись. К среде тебе нужно придумать, как себя вести. Я не позволю, чтобы над Эллен так издевались! — Я усмехнулась и добавила: — Ну ладно, улыбнись! Пошли на почту, постараемся подбодрить Эллен.

Но на почту мы не пошли и Эллен так и не позвонили в течение всей нашей поездки. Мы остались в гостинице и продолжали спорить. Не припомню точно, в какой связи возник вопрос об искусственных людях. Наверное, это произошло тогда, когда Вики в очередной раз пыталась доказать мне, что свободна от расовых предрассудков, произнося чудовищные глупости всякий раз, как только открывала рот: «Маори — настоящие денди, и американские индейцы — тоже, и индусы тоже ничего, да и китай-

цы дали миру целый ряд гениев, это все знают, но где-то должна быть граница...» Ну вот в таком духе примерно.

Наконец мы собрались спать, и мне жутко захотелось прервать ее излияния. Вот тут-то меня и осенило. Я встала с постели.

— А ты-то как бы догадалась?

— Догадалась о чем?

— Ты сказала: «Уж конечно бы, никто никогда не женился бы на искусственнице и не вышел замуж за искусственника». Как бы ты догадалась? На искусственниках же не написано!

— Да? Ты так думаешь? Ой, Мардж, не корчи из себя дурочку! Искусственника с настоящим человеком не спутаешь. Если бы ты хоть раз одного увидела...

— Видела! И не одного!

— Ну, значит, ты должна понимать.

— Что понимать?

— Значит, ты должна с первого взгляда различать этих чудовищ.

— Как? Каковы принципы, по которым можно отличить искусственного человека от настоящего? Назови хоть один!

— Марджори, с тобой стало трудно разговаривать! Это так не похоже на тебя! Мы собирались так хорошо провести время здесь, а ты все портишь!

— Не я порчу, Вик, а ты. Ты говоришь глупые, неправильные вещи, которые ничем не можешь подтвердить!

(Только не надо думать, что этим я хотела подчеркнуть превосходство искусственников над настоящими людьми, хотя по отношению к своей родственнице выглядело сказанное довольно резко и даже жестоко.)

— О, какая же ты злая и несправедливая!

То, что я сделала, вряд ли можно считать акцией в защиту прав искусственников — искусственникам в принципе не свойственна какая-либо клановость. Для этого просто нет никаких оснований. Я слыхала, что французы были готовы умереть за прекрасную Францию, но, согласитесь, трудно себе представить, чтобы кто-нибудь пошел на смерть за компанию «Гомункулус анлимитид». Навер-

ное, я все-таки защищала себя, хотя, как в большинстве критических ситуаций, потом я не могла объяснить, почему именно я так поступила. Босс считает, что подобного рода решения возникают у меня на подсознательном уровне. Может, он и прав.

Я встала с кровати, сняла ночную сорочку и встала перед Вики.

— Посмотри на меня! — потребовала я. — Я — искусственница? Или нет? Если нет, то как ты можешь это доказать?

— Ой, Марджи, перестань дурачиться! Все знают, что у тебя самая красивая фигура в семье, и нет нужды тебе это повторять.

— Отвечай! Говори, кто я и откуда ты знаешь. Бери какие угодно анализы. Но скажи мне, кто я и чем это можно доказать!

— Ты -- зануда, вот ты кто!

— Ладно, согласна! Пусть зануда! Но какая — настоящая или искусственная?

— О боже! Самая настоящая!

— Вот и ошибаешься — искусственная!

— О, ради бога, прошу тебя, перестань паясничать! Надень рубашку и ложись.

Но я не унималась. Я напугала ее до смерти, я рассказала ей все: в какой лаборатории меня произвели на свет, сообщила ей точную дату, когда меня вытащили из искусственной матки — день своего «рождения», заставила ее выслушать подробности моего детства в лабораторном приюте. Потом я вкратце пересказала ей перипетии моей жизни после того, как я покинула приют, — врала в основном потому, что не могла же я выдавать секреты Босса. Я просто повторяла то, что давным-давно рассказала, когда вошла в их семью, — что стала секретным коммерческим агентом. Босса упоминать никакой необходимости не было ни тогда, ни теперь — Анита решила для себя (а значит, и для всех), что я являюсь служащей какой-то космополитической компании — кем-то вроде анонимного путешествующего дипломата. Она ошибалась, но я не пыталась ее переубеждать.

— Мардж, зря ты так, — сказала Вики. — Такая ложь не на пользу твоей бессмертной душе.

— У меня нет души! Об этом я и толкую уже сколько времени!

— Ну хватит! Ты родилась в Сиэтле. Твой отец был инженером-электронщиком, а мать — детским врачом. Они погибли там во время землетрясения. Ты же нам все про них рассказала и показывала фотографии!

— «Мать моя — пробирка, скальпель — мой отец». Вики, на свете, наверное, миллион, а то и больше искусственных людей, чьи свидетельства о рождении погибли вместе с родителями в Сиэтле. Их не сосчитать, потому что проверить невозможно. После того что случилось в этом месяце, появится огромное количество людей, чьи метрики погибли в Акапулько. Приходится находить такие зацепки, чтобы обманывать тупиц и людей с предрассудками.

— Ты хочешь сказать, что я тупица и страдаю предрассудками?

— Я хочу сказать, что ты — милая девушка, которую воспитали во лжи и предрассудках твои ближние. И пытаюсь исправить положение. Но если тебя больше устраивает ложь, можешь оставаться при своем.

Я замолчала. Вики не подошла поцеловать меня на ночь. Мы обе ворочались и долго не могли заснуть.

На следующий день мы обе притворялись, будто никакого спора между нами не было. Вики ни словом не обмолвилась об Эллен, а я в свою очередь не заикалась об искусственниках. Но веселая поездка за покупками была испорчена. Я не исполнила своей угрозы — не позвонила Эллен тут же, как только мы прибыли в Крайстчерч. Не потому, что забыла про Эллен, — нет, я просто надеялась, что подожду немного — и ситуация смягчится. Пожалуй, я все же немного струсила.

В начале следующей недели Брайен пригласил меня проехаться с ним: он решил взглянуть на участок земли, предназначенный для сдачи в аренду. Это была долгая и приятная поездка. Мы завтракали в маленькой деревенской гостинице — во дворике, в тени могучих вязов. Фрикасе, которое в меню значилось как телячье, было явно из

баранины. Мы запивали его пивом из больших запотевших кружек.

После десерта — пирожных с изумительно свежими ягодами — Брайена наконец прорвало:

— Марджори, Виктория рассказала мне очень странную историю.

— Да? Какую же?

— Дорогая, поверь, я ни за что не завел бы этого разговора, не будь Вики так взволнована.

Он умолк.

— Чем же она так огорчена, Брайен? — спросила я, поскольку он молчал.

— Она утверждает, будто ты сказала ей, что ты — живой артефакт, сделанный в виде нормального человека. Мне очень жаль, прости, но она сказала именно так.

— Да, я сказала ей, что... ну, не точно такими словами, но смысл тот же.

Ничего объяснять я не стала. Наконец Брайен мягко, но настойчиво проговорил:

— Можно узнать зачем?

— Брайен, понимаешь, Вики говорила ужасно, непроходимо глупые вещи о тонганцах, и я хотела доказать ей, почему она не права. И почему она не права в отношении Эллен. Когда я вернулась домой — помнишь, в самый первый день, — ты дал мне понять, что об этом говорить не стоит, и я замолчала. Но больше я молчать не могу. Брайен, что нам делать с Эллен? Она ведь и твоя дочь, и моя, и мы не должны сидеть сложа руки, когда по отношению к ней творится несправедливость. Что делать, Брайен?

— Не думаю, что надо что-то делать. И пожалуйста, Марджори, не уводи разговор в сторону. Вики жутко огорчена. Я хочу понять, что между вами произошло.

— Вовсе я не увиливаю от разговора! Наша главная тема — Эллен, и не забывай об этом! Разве есть какие-то причины, из-за которых мужа Эллен можно презирать, кроме той, что он тонганец?

— Я лично других причин не знаю. Но как бы то ни было, нехорошо было со стороны Эллен выскакивать замуж за человека, которого она даже не представила своей се-

мье. Это неуважение к людям, которые любят ее и посвятили ей жизнь.

— Минуточку, Брайен. Вики мне сказала, что Эллен хотела привезти жениха домой, на смотрины, но Анита не позволила. Вот тогда-то Эллен и вышла за него. Это правда?

— Ну да. Но Эллен заупрямилась и поспешила. Было бы лучше, если бы она посоветовалась с кем-нибудь из родителей. Я был совершенно убит ее поступком.

— А она пыталась поговорить с тобой? А ты с ней — пытался?

— Марджори, к тому времени, когда я узнал обо всем, ее замужество было уже свершившимся фактом.

— Вот как? Послушай, Брайен, с того самого дня, как я приехала домой, я все ждала, что хоть кто-нибудь мне что-нибудь объяснит. Если верить Вики, получается, что вы даже на семейном совете об этом не говорили. Анита не разрешила Эллен привезти домой своего возлюбленного. Остальные родители либо не знали об этом, либо ни слова не сказали Аните, не помешали ее жестокости! Да, жестокости! Потом девочка вышла замуж. Потом Анита поступила еще более жестоко — отказалась выплатить Эллен то, что положено ей по праву рождения. Это все правда?

— Марджори, тебя здесь не было! Мы все — шестеро из семерых взрослых — действовали как могли в очень трудной ситуации. Нас обвинять несправедливо.

— Дорогой, я вовсе не хотела тебя обидеть. Но самое главное, что ни ты, ни кто другой из шестерых не сделали самого главного — не помешали Аните! Все делала она одна и наделала уйму вещей, которые мне кажутся жестокими и несправедливыми... а вы... все ушли в сторонку и позволили ей делать все, что ей вздумается. Если это правда, Брайен, — поправь меня, если я что-то не так скажу, — значит, я вправе требовать созыва экстренного семейного совета, на котором должен быть положен конец несправедливости Аниты: Эллен с мужем должны быть приглашены домой, и Эллен должна быть выплачена полагающаяся ей доля семейного капитала. По крайней мере, ей должно быть сказано, что она вправе рассчитывать на эту сумму, если ее невозможно выплатить сразу. Ну, что скажешь?

Брайен нервно забарабанил кончиками пальцев по столу.

— Марджори, у тебя упрощенный взгляд на сложнейшую ситуацию. Ты допускаешь, что я очень люблю Эллен и что ее судьба волнует меня не меньше, чем тебя?

— Конечно, дорогой!

— Спасибо. Я согласен с тобой, что Аните не следовало отказывать Эллен в ее просьбе разрешить привезти жениха домой. Действительно, тогда многое стало бы проще — Эллен увидела бы его на фоне своих домашних, нашего налаженного быта, теплых отношений и сама бы поняла, что он ей не пара. Анита подтолкнула Эллен к глупому, необдуманному поступку — я ей так и сказал. Но тем, что они приедут сюда, дела не поправить. Ты должна это понять. Анита должна их принять тепло, по-матерински. Но мы-то с тобой прекрасно понимаем, что это невозможно... разве только рот ей заткнуть.

Он улыбнулся, и я попыталась улыбнуться ему в ответ. Он прав. Анита может быть очень мила, но, когда ей нужно, умеет быть холодной, грубой.

Брайен продолжал:

— У меня есть другая мысль: я собираюсь отправиться в Тонгу через пару недель, чтобы увидеть все своими глазами, без Аниты.

— Отлично! А меня возьмешь с собой? Ну пожалуйста!

— Боюсь, это огорчит Аниту.

— Так... Слушай, Брайен, я не могу передать, как меня огорчает Анита! Но из-за этого я не стану упускать возможность повидаться с Эллен.

— Но... Ладно, давай по-другому. Ты можешь отказаться от того, что ставит под вопрос благополучие всей семьи?

— Если пойму, в чем дело, наверное, смогу. Если ты мне объяснишь, в чем дело.

— Объясню. Но давай я сначала попробую объяснить тебе другое. Насчет денег. Конечно, Эллен получит все, что ей причитается. Но ты должна понять, что никакой срочности в выплате ее доли нет. Поспешные браки, как правило, долго не продолжаются. И пока я сам во всем не разберусь, я имею все основания предполагать, что Эллен попала в руки охотника за приданым. Давай подождем и

убедимся, что этот парень не имеет намерений положить лапу на ее деньги. Разве это не разумно?

Я была вынуждена с ним согласиться. Он продолжал:

— Марджори, любовь моя, ты мне особенно дорога, поскольку я, как и все другие, так редко вижу тебя. Поэтому каждый твой приезд домой для каждого из нас как новый медовый месяц. Но именно потому, что ты так редко бываешь дома, ты не понимаешь, почему мы все так стараемся, чтобы Анита была спокойна.

— Да, не понимаю. Мне кажется, что со всеми нужно так... Должно быть так.

— С законом и людьми «должно быть» и «есть» не всегда одно и то же, Мардж. Я прожил с Анитой дольше всех. Я научился ладить с ней. Ты можешь не понимать этого, но, видишь ли, Анита — это что-то вроде клея, который держит вместе всю семью.

— Почему, Брайен?

— У ее плохого характера есть совершенно очевидная причина. Она заведует семейным бюджетом, и в делах она просто незаменима. Может, кто-то из нас и мог бы взять дела на себя, но у меня есть сильное подозрение, что с ней никому из нас тягаться все равно толку нет никакого. Но она незаменима и во многих других вещах. Кто лучше всех умеет помирить детей, решить какие-то спорные вопросы по хозяйству — их же тысячи на дню возникает, — кто умеет делать это все лучше Аниты? У групповой семьи — такой, как наша, обязательно должен быть сильный, умелый лидер.

(«Сильный, умелый тиран», — сказала я про себя.)

— Поэтому, Мардж, малышка, не могла бы ты успокоиться, подождать немного и дать старику Брайену время, чтобы все устроить. Веришь, что я люблю Эллен не меньше тебя?

Я нежно погладила его руку.

— Конечно верю, дорогой!

(Только не думай, что я забуду.)

— Ну а еще, когда мы вернемся домой, ты найдешь Вики и скажешь ей, что ты пошутила и что тебе очень жаль, что ты так расстроила ее. Прошу тебя, дорогая!

(Бэмс! Я так усиленно думала об Эллен, что даже забыла, с чего начался этот разговор!)

— Нет, Брайен, ты погоди. Что касается Аниты, тут ты меня уговорил. Но что касается Вики, то я вовсе не намерена потакать ее расовым предрассудкам.

— Тебе не стоит так себя вести. Понимаешь, в нашей семье нет единого мнения по этому вопросу. Я с тобой согласен, и Лиз тоже. Вики... она как бы на полпути. Она бы очень хотела, чтобы Эллен вернулась в семью, а теперь, когда я с ней поговорил, она уже готова согласиться с тем, что тонганцы не хуже маори, — как говорится, лишь бы человек был хороший. Но все-таки согласись, ты выбрала очень странный метод убеждения.

— Прости, Брайен, если я правильно помню, ты мне когда-то говорил, что почти что получил степень по биологии, а потом перешел на юридический?

— Ну да. Хотя «почти что» — это слишком сильно сказано.

— Значит, ты все-таки должен понимать, что искусственный человек биологически неотличим от нормального? Отсутствие души глазами не увидишь, правда?

— А? Я простой фермер, дорогая, а вопрос о душе — это из области теологии. Но на самом деле, по-моему, живой артефакт отличить не так уж трудно.

— Я не сказала «живой артефакт». Таким термином обозначают и говорящих собак, таких, как наш Лорд Нельсон. А вот искусственный человек обличьем совершенно такой же, как нормальный. Как же ты отличишь? Именно эту глупость и пыталась мне внушить Вики — что она сумеет это понять с первого взгляда. Ну, взять меня, к примеру. Брайен, уж кто-кто, а ты-то меня знаешь неплохо — и я этому очень рада. Я нормальный, настоящий человек или искусственный?

Брайен нахмурился, неловко улыбнулся и облизал губы:

— Марджи, любимая, я любому суду готов поклясться, что на девяносто процентов ты — настоящий человек, исключая только те местечки, где ты — сущий ангел. Уточнить?

— Зная твои вкусы, думаю, не стоит. Благодарю. Но я

тебя спрашиваю совершенно серьезно. Просто ради спора — представь, что я — искусственный человек. Как может мужчина в постели со мной — как ты вчера, да и во многие другие ночи — доказать, что я — искусственница?

— Марджи, прошу тебя, перестань! Это не смешно.

(Порой настоящие люди доводят меня до бешенства.)

— Я — искусственница! — резко выпалила я.

— Марджори!

— На слово не веришь? Доказать?

— Хватит дурачиться. Оставим эту тему. Знаешь, пожалуй, когда мы вернемся домой, я тебя выпорю. Я тебя никогда пальцем не тронул, да и никого из других жен тоже, но ты явно этого заслуживаешь!

— Да? Ну смотри! Видишь последний кусочек пирожного у себя на тарелке? Я сейчас заберу его. Закрой тарелку руками и попробуй мне помешать.

— Не дури!

— Сделай так. Ты не сумеешь мне помешать!

Мы смотрели друг другу в глаза. Потом он машинально, против своей воли, сцепил руки над тарелкой. Я включилась в режим суперреакции, схватила вилку и наколола на нее кусочек пирожного, успев протащить вилку между его пальцами, прежде чем они успели сомкнуться. До того как сунуть вилку в рот, я выключилась из режима.

(Пластиковая ложечка в приюте была не средством дискриминации — она была призвана защищать меня. В первый раз, когда я пользовалась вилкой, я поранила губу не потому, что была неуклюжа и неумела, а потому, что не успела вовремя замедлить скорость своих движений.)

Слов, которыми можно было описать выражение лица Брайена, в языке нет.

— Достаточно? — спросила я. — Нет, наверное, нет. Нука, дорогой, давай поборемся на руках.

Я протянула правую руку.

Он растерялся на мгновение, потом принял вызов. Я подождала, пока он ухватится покрепче, а потом стала медленно пригибать его руку к столу.

— Смотри не ударься, дорогой. Скажи, когда хватит.

Брайен — не слабак и умеет переносить боль. Я было

уже хотела перестать мучить его, чтобы, не дай бог, не сломать ему кости, как вдруг он резко вскрикнул:

— Хватит!!!

Я тут же выпустила его руку и стала нежно массировать ее.

— Мне вовсе не хотелось делать тебе больно, милый, но мне нужно было доказать тебе, что я говорю правду. Обычно я никому не демонстрирую свои исключительные способности — быстроту реакции, силу. Они мне нужны по роду моей деятельности. Бывали случаи, когда эти мои способности спасали мне жизнь. Я стараюсь, очень стараюсь не пользоваться ими, если только меня к тому не вынуждают. Ну что, нужны еще доказательства? У меня есть и другие качества, но просто скорость и силу легче всего показать.

— Нам пора домой, — мрачно ответил он. По дороге домой мы друг другу десятка слов не сказали. Мне ужасно нравятся поездки верхом. Но в этот день я предпочла бы что-нибудь более шумное и быстрое!

Несколько дней после поездки Брайен избегал меня. Я встречалась с ним только за общим столом. В одно прекрасное утро Анита сказала мне:

— Марджори, дорогая, я собираюсь в город по делам. Не хочешь ли поехать со мной?

Конечно же, я не отказалась.

Она заходила в разные магазины по соседству — на Глочестер-стрит и в Дурхэме. Помощь была явно ни к чему. Я поняла, что ей просто нужна была компания, и мне это было приятно. С Анитой вообще довольно приятно, если только не делать ничего поперек ее воли.

Покончив с делами, мы прошлись по Кембриджской аллее, вдоль набережной Эйвона, потом прогулялись по парку Хэгли и, наконец, забрались в Ботанический сад. Анита нашла укромное местечко, где можно было наблюдать за птицами, мы сели на скамейку, и она вытащила из сумочки вязание. Ни о чем особенном мы не говорили, просто болтали о том о сем.

Просидели мы там примерно с полчаса, когда вдруг за-

звонил ее карманный телефон. Она вытащила его из сумки с рукоделием и поднесла трубку к уху.

— Да? — тихо ответила она. Послушав немного, она сказала: — Спасибо. Все.

Убирая телефон в сумку, она не стала утруждать себя рассказом о том, кто ей звонил. Ну что же, ее право. Начала она издалека:

— Скажи мне, Марджори, ты никогда не чувствуешь угрызений совести? Или вины?

— Ну почему же, чувствую иногда. А что, должна чувствовать? Почему?

Я отчаянно пыталась припомнить, чем я могла обидеть Аниту — в последнее время я была тише воды, ниже травы.

— Потому что ты нас предала и обманула.

— Что?!

— Не строй из себя невинность! Мне никогда раньше не приходилось иметь дело с существом небожественного происхождения. Я не была уверена, что ты поймешь такие понятия, как «вина» и «грех». Но это уже не имеет значения теперь, когда с тебя снята маска. Семья требует аннулирования контракта с тобой и развода. Сейчас Брайен у судьи Ригли.

Я выпрямилась.

— На каком основании? Я не сделала ничего дурного!

— Может быть. Ты забыла только, что по нашим законам нечеловек не имеет права вступать в законный брак с людьми.

ГЛАВА 8

Всего лишь час спустя шаттл уже нес меня в Окленд. За время пути можно было подумать о том, что я натворила.

А ведь целых три месяца — со времени моего памятного разговора с Боссом — я впервые в жизни была так спокойна! Тогда он сказал мне, что я «такой же человек, как праматерь Ева», и что я могу любому встречному-поперечному спокойно заявить, что я — искусственница, и никто мне не поверит.

Босс был почти прав. Но он не предполагал, что мне

придет в голову кому-нибудь доказывать — доказывать, что я «нечеловек» по новозеландским законам.

Первым моим порывом было потребовать, чтобы меня выслушали на общем семейном совете — но это было бесполезно. Мое дело уже явно было решено шестью голосами против... одного? Нет, против нуля...

Но я даже в дом не вошла. Тот телефонный звонок Аните, когда мы с ней были в Ботаническом саду, означал, что мои личные вещи упакованы и переданы в бюро забытых вещей на станции шаттлов.

Но и тогда я могла настаивать на том, чтобы было проведено семейное голосование, вместо того чтобы принимать на веру слова Аниты — прямо скажем, оскорбительные. Но зачем? Пытаться победить в споре? Доказать свою правоту? Всего за пять секунд мне стало ясно, что все сокровища, которыми я обладала, мне больше не принадлежат. Они растаяли, как тает радуга в небе, лопнули как мыльный пузырь — я больше не была «своей». У меня не было теперь детей, с которыми я могла резвиться на полу. Ничего не было.

Я думала об этом без слез, с тоской и горечью и даже не обратила внимания на то, как «благородно» поступила Анита: по условиям контракта в случае его нарушения я должна была выплатить семье кругленькую сумму. Было ли нарушением контракта то, что я оказалась «нечеловеком»? Было или нет — несмотря на то что все годы я аккуратно выплачивала свой пай? С одной стороны, если я уходила из семьи, они должны были выплатить мне как минимум восемнадцать тысяч новозеландских долларов, но, с другой стороны, я еще не только не успела выплатить полностью свой пай, но осталась должна почти вдвое больше, чем выплатила.

Но они повели себя «благородно» — если я была согласна быстро и тихо убраться подальше, они не собирались взыскивать с меня недостающую сумму. Непонятно было, правда, что произойдет, если я не соглашусь уехать и закачу публичный скандал.

Но я уехала.

Мне не нужно было идти к психиатру, чтобы он объяс-

нил мне, что я сама себе сделала плохо. Это я поняла сразу, как только Анита объявила мне приговор. Был вопрос поважнее — зачем я сделала это?

Не из-за Эллен — и не стоило себя обманывать. Нет, не из-за нее. Как раз наоборот — теперь я была лишена какой бы то ни было возможности ей помочь.

Зачем же я сделала это?

Разозлилась.

Другого ответа я найти не могла. Да, разозлилась на весь род человеческий за то, что они считали, что я — не человек, что ко мне нельзя относиться как к равной. Мне снова дали понять, что я — второго сорта, что люди наделены привилегиями только потому, что они рождены, а я — нет.

Меня принимали за человека, и меня это устраивало — я получала те самые привилегии, но это не избавляло меня от ненависти к самой системе. Злость давит все сильнее, когда ее не можешь выразить. Настал день, когда мне стало более важно понять, станет ли моя человеческая семья принимать меня такой, какая я есть, — меня, искусственницу. Это стало важнее, чем старания любой ценой сохранить зыбкое семейное счастье.

И я поняла. Никто из них не вступился за меня — точно так же, как никто из них не вступился за Эллен. Пожалуй, я поняла это гораздо раньше — уже тогда, когда встала на защиту Эллен. Но в своем подсознании я разбираюсь плохо — это темный чулан, но, если верить Боссу, именно там и протекает мое настоящее мышление.

Я добралась до Окленда слишком поздно, чтобы успеть на дневной рейс полубаллистического корабля до Виннипега. Купив билет на следующий день, я задумалась, куда девать почти сутки, и сразу вспомнила о своем кудрявом ухажере — капитане Торми. Судя по тому, что он мне говорил, шансов на то, что он в городе, один из пяти. Но все-таки в его квартире остановиться было бы приятнее, чем в гостинице. Я отыскала терминал-автомат и набрала его код.

Вскоре загорелся экран, на котором появилась довольно хорошенькая молодая женщина.

— Привет! — улыбнулась она. — Это Торчи. Кто говорит?

— Я — Мардж Болдуин, — ответила я. — Наверное, я ошиблась номером. Я ищу капитана Торми.

— Нет, ты попала правильно, малышка. Подожди, я сейчас позову его.

Она исчезла с экрана, и я услышала, как она кричит:

— Эй, бабник! Там тебе звонит прехорошенькая девочка! Знает твое настоящее имя.

Когда она снова возникла на экране и прошлась по комнате, я заметила, что она по пояс голая. Она ушла в глубь комнаты, и я разглядела, что она совсем голая. Фигура у нее была — что надо. Может быть, бедра немного широковаты, но зато ноги были длинные и стройные, талия тонкая, а грудь почти такая же, как у меня, а я на свою не жалуюсь.

Я тихо проклинала себя. Я прекрасно понимала, зачем позвонила капитану — чтобы забыть троих неверных мужчин в объятиях четвертого. Найти-то я его нашла, но, увы, было ясно, что он занят.

Наконец он появился на экране. Одет он был весьма символически — в лава-лава[1]. Он был удивлен, но узнал меня.

— А... Мисс... Болдуин? Вот это да! Нет слов! Где вы?

— В порту. Решила позвонить вам, поздороваться и... попрощаться.

— Не двигайтесь с места. И не дышите! Семь секунд — только рубашку и штаны надену — и буду рядом с вами.

— Да нет, капитан, не стоит. Я ведь так просто позвонила. Просто я снова улетаю.

— Куда вы летите? Когда рейс?

Будь я проклята! Будь я трижды проклята — соврать я не приготовилась. Ну да ладно — правда иногда лучше плохо подготовленного вранья.

— Я возвращаюсь в Виннипег.

— Ага! Ну, значит, вы видите перед собой своего пилота. У меня рейс как раз завтра в полдень. Быстренько объясните мне, где вы находитесь, и я заберу вас... ну, минут через сорок, если быстро поймаю такси.

---

[1] Л а в а - л а в а — традиционная одежда полинезийцев, кусок ткани, обматываемый вокруг бедер.

— Капитан, вы очень милы, но, по-моему, вы просто с ума сошли. Похоже, у вас уже есть с кем время провести. Мне ответила молодая дама — Торчи.

— «Торчи»[1] — это не имя, это ее сущность. Это моя сестра Бетти из Сиднея. Она здесь бывает, когда приезжает в Окленд. Ну я же вам рассказывал.

Он откинул голову и крикнул:

— Бетти, поди сюда. Только оденься и не груби!

— Да вроде поздно уже одеваться-то, — пробурчала она, улыбаясь мне через его плечо и пытаясь завернуться в лава-лава. Обращалась она с ним неумело, и я подумала, что, пожалуй, она не слишком часто им пользуется.

— Ой, да ну его к черту, — выпалила она, кидая лава-лава на пол. — Вечно мой братец пытается приучить меня к хорошим манерам! Муж уже отказался. Послушай, малышка, я слышала, что ты сказала. Я действительно его замужняя сестра. Но если ты собираешься за него замуж, тогда я — его невеста. Собираешься?

— Нет.

— Отлично. Тогда получай его. Я пойду готовить чай. Ты что выпьешь? Джин или виски?

— То, что пьете вы и капитан.

— Ему ничего нельзя — он улетает меньше чем через сутки. А мне и тебе можно напиться в стельку.

— Выпью то же, что и вы. Все, что угодно, только не хемлок.

Потом я убедила Яна, что мне проще поймать такси в порту, чем ему мотаться за мной.

Проспект Локсли, дом номер семнадцать — новый многоэтажный дом, квартиры с повышенной степенью защиты. У меня было впечатление, что я попала не в квартиру и не в дом, а в космический корабль. Бетти обняла и расцеловала меня, и стало ясно, что она уже успела выпить до моего приезда, а мой кудрявый кавалер обнял и расцеловал меня, и стало ясно, что он не выпил ни капли, но со-

[1] Торчи — от «torch» *(англ.)* — сигарета с марихуаной.

бирается в самом ближайшем будущем затащить меня в постель. Он ни слова не спросил меня о моих мужьях, а я была готова говорить о чем угодно, только не о моей семье — моей бывшей семье. Мы с Яном отлично поняли друг друга.

Пока мы вели эту молчаливую беседу, Бетти вышла из комнаты и вернулась с красным лава-лава.

— У нас нынче официальная чайная церемония. Поэтому давай-ка вылезай из своей уличной одежонки и облачайся в лава-лава, моя радость.

Чья это идея, интересно — его или ее? Ее, решила я, долго не задумываясь. Ян был прост, как апельсин. А Бетти — явная хулиганка. Мне было все равно, потому что все шло именно так, как мне хотелось. На самом деле, босые ноги порой выглядят не менее неприлично, чем обнаженная грудь. А женщина, одетая в лава-лава, выглядит куда более неприлично, чем совсем голая. Все шло так, как мне хотелось. В конце концов, если уж мне станет невмоготу и нужно будет избавиться от патронажа сестрицы, Ян будет на моей стороне. Пока было похоже, что билеты тут продает Бетти. Я не возражала.

Я напилась в стельку.

Как это произошло и что я творила, я не помнила, но на следующее утро я проснулась в кровати с мужчиной, который явно не был Яном Торми.

Несколько минут я лежала, не шевелясь, и смотрела, как он храпит, продираясь сквозь дебри своего затуманенного джином сознания и пытаясь понять, кто же это такой. Вообще я всегда считала, что женщина должна быть представлена мужчине, прежде чем лечь с ним в постель. Интересно, нас познакомили или нет?

Постепенно я начала припоминать. Его зовут... профессор Федерико Фарнезе, а дома — Фредди или Чаббитолстячок. Ну, не такой уж он был толстый. Немного полноватый — наверное, от сидячей работы. Муж Бетти, свояк Яна. Я его помнила весьма смутно, а уж вспомнить, когда он появился и почему его не было сначала... нет, не помнила.

Когда я поняла, кто он такой, я уже не была так удивле-

на, почему провела с ним ночь (похоже, все-таки провела!). Вечером я была в таком состоянии, что была способна кинуться на любого мужчину. Но одно не давало мне покоя: неужели я изменила хозяину с другим? Невежливо, Фрайди, неприлично.

Я еще покопалась в воспоминаниях. Нет, все-таки один раз как минимум я ответила Яну на его гостеприимство. К собственному большому удовольствию, а если верить ему — то и к его удовольствию тоже. А потом... действительно, изменила, но по его просьбе. Нет, это не было неблагодарностью по отношению к хозяину. Он был так добр ко мне — именно настолько, чтобы я могла забыть оскорбление, нанесенное мне шайкой расистов во главе с Анитой.

И потом — похоже, моему хозяину был весьма на руку приезд родственника. Точно! Нет ничего удивительного в том, что эмоционально возбужденной женщине могли для успокоения потребоваться старания второго мужчины — но как произошла передача меня из рук в руки, я, убей меня бог, вспомнить не могла. В конце концов я решила не морочить себе голову.

Фредди перестал храпеть и открыл глаза. Он зевнул, потянулся, потом увидел меня. В первое мгновение он удивился, но улыбнулся и потянулся ко мне. Я ответила ему на улыбку и объятия и уже была готова к большему, как вдруг открылась дверь, и в спальню вошел Ян.

— Доброе утро, Мардж. Фредди, мне очень жаль, но у меня уже такси у подъезда. Мардж пора вставать и одеваться. Мы уезжаем.

Фредди не отпустил меня. Он блаженно улыбнулся и проговорил нараспев:

— Дети, в школу собирайтесь, петушок пропел давно!.. Капитан, ты вечно поражаешь меня своей пунктуальностью. Когда тебе нужно быть на месте? Ты же взлетаешь в полдень?

— Да, но...

— Ну а Хелен — тебя же Хелен зовут, моя прелесть? — будет у ворот порта через полчаса — уж я об этом позабочусь.

— Фред, мне не хотелось бы занудствовать, но ты же

знаешь, как у нас кеб трудно поймать — на это уйдет час, не меньше. А я уже поймал.

— Что правда — то правда. Кебмены нас не жалуют — их лошадки не любят взбираться на наш холм. Вот именно поэтому, дорогой своячок, я еще с вечера нанял резвую кобылку. Она сейчас стоит себе у швейцара в стойле и подкрепляется кукурузой — набирается силенок перед поездкой. Швейцар, которому я вчера сунул хорошую взятку, сказал, что, как только я позвоню, он тут же запряжет лошадку и подгонит прямо к подъезду. Так что я подброшу Хелен к порту без двадцати девяти двенадцать. Клянусь жизнью!

— Своей, надеюсь — не моей?

— Что сказал, то сказал.

— Ну ладно, Мардж, ты-то что скажешь?

— Ой, я даже не знаю... Но вроде бы все в порядке, а? Мне как-то совсем не хочется прямо сейчас выпрыгивать из постели. Но и опоздать на твой корабль мне тоже не хотелось бы.

— Не опоздаешь. Фредди — мужик надежный. Не похож с виду, а так — надежный. Только трогайся отсюда не позже одиннадцати, тогда и пешком успеешь, в крайнем случае. Я могу придержать твое место после контрольного времени: у меня есть на то право капитана. Ну ладно, прошу прощения, я пошел, а вы продолжайте заниматься, чем занимались.

Он взглянул на перстень-часы.

— Сейчас девять. Пора!

— Эй, поцелуй меня на прощание!

— Зачем? Мы же увидимся на корабле. А в Виннипеге — ты моя гостья.

— Поцелуй меня немедленно или я точно опоздаю на корабль!

— Тогда оторвись от этого жирного римлянина и смотри не запачкай мою чистую форму!

— Вот уж не надейся, старик. Я сам поцелую Хелен — за тебя.

Но Ян наклонился и нежно поцеловал меня — и форму его я не запачкала. Потом он чмокнул Фредди в лысину и сказал:

— Ну все, пока, развлекайтесь, братцы. Только подвези ее вовремя. Пока.

Тут в дверь заглянула Бетти. Ян молча сгреб ее одной рукой и увел.

Я повернулась к Фредди. Он сказал:

— Хелен, приготовься!

(Кстати, почему «Хелен»? Это он сам выдумал, что меня так зовут, или я ему по пьянке так представилась?)

Я ответила на его призыв, радостно думая о том, что Ян, Фредди и Бетти оказались как раз той компанией, которая нужна была бедняжке Фрайди, чтобы забыть хоть на сутки о тех лицемерах пуританах, с которыми я прожила столько лет.

Вошла Бетти и внесла чай. Мне показалось, что последняя фраза Фредди предвещала ее приход. Она села в «лотос» на кровати и присоединилась к нам. Потом мы все встали и позавтракали. Я съела овсянку со сливками, потом два свежайших яйца, кусок кентерберийской ветчины, порцию жареной картошки, горячие тостики с клубничным джемом и апельсин. Все это было запито крепким чаем с молоком и сахаром. Знаете, если бы весь мир завтракал так, как это делают в Новой Зеландии, наверное, в нем давно б уже не было никаких политических конфликтов!

Фредди к завтраку завернулся в лава-лава, а Бетти не стала одеваться. Я последовала ее примеру. Воспитанная в приюте, я была лишена возможностей в тонкости изучить этикет людей, но одно я усвоила четко — женщина должна одеваться — или раздеваться — так, как хозяйка дома. Не скажу, чтобы я так уж привыкла разгуливать голышом при людях, но с Бетти это выходило как-то само собой. Мне было интересно узнать, как бы она себя повела, если бы узнала, что я — не человек. Выгнала бы? Вроде бы не должна, но проверять мне не хотелось, чтобы не испортить такой восхитительный завтрак.

Фредди доставил меня в зал ожидания в одиннадцать двадцать, послал кого-то к Яну, чтобы тот выписал для меня пропуск. Когда я оказалась в салоне, Ян пристегнул меня ремнями к креслу и тихо поинтересовался:

— Скажи честно, ведь тебе тогда не нужна была моя помощь?

— Нет, — созналась я. — Я соврала. Но мне было очень приятно.

— Мы в Виннипеге неплохо проведем время. Я успел позвонить Жанет и сказал, что ты обедаешь с нами. А она велела сказать тебе, что ты и завтракать будешь с нами. Она считает, что глупо улетать из Виннипега посреди ночи, — знаешь, у нас там такие сволочи эмигранты, что могут на месте пристрелить за здорово живешь.

— Ну, это мы с ней обсудим, когда доберемся.

(Ах, капитан, капитан, а кто же мне с ясными глазами говорил, что никогда не женится, потому что всюду летает, как странствующий альбатрос? Интересно, сам-то ты помнишь об этом? Что-то не похоже...)

— Все будет нормально. Жанет не доверяет моему мнению о женщинах: она считает, что я тупой солдафон и страдаю предрассудками. Но зато она доверяет Бетти, а Бетти ей уже позвонила. Жанет знает Бетти больше, чем меня, — они жили вместе в Мак-Гилле. Там я познакомился с Жанет, а Фредди — с сестренкой. Мы дружно развлекались. Эх, времечко было!

— Бетти такая милая! Жанет похожа на нее?

— И да и нет. Жанет была вожаком нашей компании. Прости, но мне пора притвориться капитаном. На самом деле этот оловянный гроб ведет компьютер, а как — это я собираюсь выяснить на следующей неделе.

Он ушел.

После оздоровительного катарсиса — пьяной сатурналии с Яном, Фредди и Бетти — я могла более трезво подумать о своей бывшей семье. Неужели меня правда обманули?

Я ведь подписала этот идиотский контракт добровольно и последнее предложение видела прекрасно, но никогда не думала, что до этого дойдет. За что же я платила — за секс?

Нет, Яну я сказала правду. Секс есть везде. Я платила за счастье, за радость быть своей среди своих. За то, чтобы быть членом семьи, — особенно за такие маленькие радости, как переодевание обмочившихся детишек, мытье по-

суды и игры с котятами и щенками. Да-да, кошка Подножка для меня всегда была важнее Аниты, хотя я даже думать об этом себе не позволяла. Я старалась любить их всех, пока вспышка — катастрофа с Эллен — не залила светом кое-какие темные углы.

Теперь так... Я точно знала, сколько дней провела в семье — бывшей семье. Простая арифметика говорила, что стоимость моей комнаты и пропитания обошлась мне за время моих коротких отпусков больше четырехсот пятидесяти новозеландских долларов в день.

Цена высока даже для шикарного курорта — а ведь семье мое пребывание стоило раз в сорок меньше. На каких финансовых условиях присоединились к семье в свое время остальные члены, я не знала.

Может быть, Анита, понимая, что мужчины от меня без ума, и зная, что дома я жить не стану, потому что не могу оставить работу, решила привязать меня к семье на условиях, выгодных для семьи, — то есть для Аниты? Трудно сказать. Я так мало знала о семейной жизни людей, что не могла судить об этом — не могла даже теперь.

Но одному я научилась — меня удивил Брайен тем, что отвернулся от меня в одночасье. Я считала его старшим, более мудрым, самым добрым в семье — тем, кто поймет и примет меня такой, какая я есть.

Может, он и смирился бы с этим, если бы я не избрала такой откровенный способ демонстрации своих способностей?

Да, я подвергла его страшному унижению — предложила помериться с ним силой. А такого унижения не в силах снести ни один мужчина. Я задела его мужское самолюбие.

Если не собираешься убить мужчину немедленно, никогда не бей его между ног. Даже символически. А может, именно символически — не бей!

ГЛАВА 9

Кончилось свободное падение, и я испытала любимое, ни с чем не сравнимое чувство сверхзвукового скольжения. Компьютер трудился вовсю, смягчая перегрузку, но все равно было слышно, как дробно постукивают зубы у

пассажиров. А про меня и говорить нечего — было впечатление, что я вся дрожу после такой ночки.

Трансзвуковой барьер мы преодолели довольно резко, а потом летели со сверхзвуковой скоростью. Кое-где в салоне время от времени кто-то вскрикивал. Наконец движение прекратилось, все пассажиры по инерции качнулись вперед — мы приземлились. Я облегченно вздохнула. Хоть я и обожаю полубаллистические полеты, все равно чувствую себя в напряжении от старта до приземления.

Мы взлетели с Северного острова в полдень в четверг, а в Виннипеге приземлились через сорок минут, но в девятнадцать сорок предыдущего дня — в среду. (Нет, я ничего не напутала. Не верите — посмотрите на карту временны х поясов.)

Я снова осталась в салоне, как в день нашего знакомства, и подождала, пока вышли остальные пассажиры. Капитан снова взял мою сумку. На сей раз он сопровождал меня как старый приятель — это было просто замечательно! Он вывел меня через служебный выход, и мы вместе подошли к таможенникам. Свою сумку он поставил на стойку. Офицер-таможенник и не прикоснулся к ней.

— А, капитан, — осклабился он. — Ну, что провозишь на этот раз?

— Как всегда. Краденые алмазы. Военные тайны. Оружие. Контрабандные лекарства.

— И все? Ну тогда и смотреть нечего. Только мел зря тратить.

Он нацарапал мелом какой-то значок на сумке Яна.

— Дама с тобой?

— Эта? Первый раз в жизни вижу.

— Я честный индейский женщина, — подыграла я. — Белый босс обещать мне много-много огненная вода. Белый босс обманывать меня!

— Лучше бы меня попросила. Долго тут пробудешь?

— Я проездом, в Империю, — серьезно ответила я. — Может быть, на ночь задержусь. Я здесь уже была по пути в Новую Зеландию в прошлом месяце. Вот паспорт.

Он заглянул в паспорт, поставил штамп и нацарапал значок на моей сумке, не открывая ее.

— Если решишь задержаться тут подольше, я куплю тебе огненной воды. А капитану Торми не верь, красотка.

Мы прошли за барьер.

А сразу за барьером Ян бросил на пол обе наши сумки и подхватил под локти какую-то женщину. Да, силища у него была отменная — она была всего лишь сантиметров на десять ниже его ростом. Ян закружил ее, поставил на пол и крепко поцеловал.

— Джен, это Мардж, — представил он меня.

(Интересно, а когда он дома вот так же целовал меня, зачем он возносил хвалы моим скромным прелестям? Потому что там была я, а тут была она. «Ах, добрая госпожа, не найдется ли у вас какой-нибудь книжки почитать?»)

Жанет поцеловала меня, и мне стало немного легче. Потом, отстранив меня и придерживая за талию, она, улыбаясь, спросила:

— Что-то не разгляжу. Ты что, оставила его в корабле?

— Что оставила? У меня с собой только эта сумка — весь мой багаж в камере хранения.

— Нет, дорогая, я про твой нимб. Бетти сказала, что у тебя нимб.

Я призадумалась.

— Что, прямо так и сказала — «нимб»?

— Ну она сказала, что ты — просто ангел. Вот я и решила...

— Может быть. Но не думаю, что он был на мне прошлой ночью. Я вообще предпочитаю его не носить, когда путешествую.

— Не знаю, как там насчет нимба, — сказал Ян, — а вот нагрузочка у нее ночью была тяжелая. Дорогая, знаешь, мне неприятно говорить об этом, но все-таки Бетти оказывает дурное влияние. Очень дурное.

— Боже праведный! Может, нам лучше сразу отправиться на проповедь? Пойдем, Марджори? Там подают чай с сухими бисквитами и мерзкий обед. Но вся община будет молиться за тебя.

— Как скажешь, Жанет...

(Надо было согласиться? В религиозных обрядах я ничего не понимаю.)

— Жанет, — вмешался Ян, — давай-ка лучше отвезем Мардж домой и помолимся за нее там. Что-то я не уверен, что Мардж привыкла к публичной исповеди.

— Марджори, это тебе больше подойдет?

— Пожалуй. Да.

— Значит, так и сделаем. Ян, поищи Джорджа.

Джордж оказался Джорджем Перро. Больше я ничего о нем пока узнать не успела, кроме того, что он правил парой черных как смоль жеребцов «морганов», запряженных в экипаж фирмы «Хонда» — такой могут себе позволить только очень богатые люди. Интересно, сколько платят капитану полубаллистического корабля? Фрайди, а вот это не твое дело. Но экипаж действительно был просто превосходный. А Джордж вполне ему соответствовал. То есть был очень хорош собой, я хочу сказать. Он был высокий, темноволосый, в черном костюме, на голове кепи — просто потрясающий кучер. Но Жанет не сказала, что он их слуга, а он склонился к моей руке и поцеловал ее. Кучеры разве целуют руки дамам? Что-то тут было такое, чего я не знала о людях. Век живи — век учись.

Ян сел спереди, рядом с Джорджем. Жанет усадила меня рядом с собой и подняла большой кожаный задник экипажа.

— У тебя явно нет теплой одежды, раз ты из Окленда, — сказала она. — Так что забирайся в уголок, так будет теплее.

Я не стала возражать — не говорить же ей, что я никогда не мерзну, — и спряталась в уголок вместе с ней. Джордж вывел экипаж на шоссе, щелкнул кнутом, и лошади пустились вперед резвым галопом. Ян вытащил из-под сиденья рожок и изо всех сил дунул в него. Смысла в этом никакого не было — думаю, ему просто хотелось пошуметь.

Мы объехали Виннипег стороной. Они, как оказалось, жили не в самом городе, а в пригороде — маленьком городке под названием Стоунволл — к северу от Виннипега, ближе к порту. Когда мы добрались до места, было уже темно, но я сумела разглядеть дом — я ведь отлично вижу даже в кромешной темноте. Это был загородный особняк, построенный так, что с успехом мог выдержать массиро-

ванную атаку. Мы проехали через трое ворот, причем первые и вторые представляли собой закрытый тамбур. Никаких фотоэлементов и оружия видно не было, но я была уверена, что они там, только умело спрятаны. Крыша дома и верх забора были снабжены сигнальными белыми и красными огнями для предупреждения авиации.

Мне удалось только мельком взглянуть на то, чем были окружены ворота. Я заметила высокую стену и два забора, но как они были укреплены и защищены, я не разглядела, а спросить постеснялась. Но вряд ли люди стали бы ставить такие ворота и заборы, чтобы потом рассчитывать только на пассивную защиту. Мне хотелось узнать о том, как налажено энергетическое обеспечение дома — ведь именно обрыв «Шипстоуна» стал причиной того, что так успешно враги напали на нашу ферму (не без помощи дядюшки Джима). Но это опять-таки был вопрос, которого гостья не имела права задавать.

Но еще больше меня занимал вопрос о том, что бы случилось, если бы на нас напали еще до того, как мы въехали в ворота крепости-дома. Торговля оружием здесь запрещена, и не похоже, чтобы мои хозяева были вооружены — и опять не спросишь...

(Что касается меня, то я предпочитаю рассчитывать на собственные силы, а не зависеть от оружия. Во-первых, его могут отобрать на первом же таможенном пункте, во-вторых, его можно потерять, и, в-третьих, оно просто-напросто может выйти из строя: кончится газ, истощится источник энергии, причем в самый нужный момент. Я не выгляжу вооруженной, и это дает мне преимущество. Но другие люди — другие проблемы. Со мной — случай особый.)

Мы проехали по наклонному пандусу под навесом и остановились. Ян снова дунул в свой дурацкий рожок. Но как оказалось, на этот раз не без цели — открылись парадные двери. Ян сказал:

— Веди Мардж в дом, дорогая, а я помогу Джорджу распрячь лошадей.

— Сам справлюсь.

— Ладно, заткнись.

Ян сошел с повозки, подал нам руку, отдал мою сумку Жанет — а Джордж отъехал. Ян шел за ним пешком, а мы вошли в дом — и я ахнула!

В холле журчал цветомузыкальный фонтан. Струи воды вздымались на разную высоту, падали и снова взлетали, послушные звукам чарующей музыки — видимо, сила звука управляла движением воды.

— Жанет, кто ваш архитектор?

— Что, нравится?

— Конечно!

— Ну что ж, придется признаться. Архитектор — я, Ян — инженер, а Джордж — специалист по интерьеру. Он художник, и здесь у него есть своя мастерская. Честно говоря, Бетти мне посоветовала сразу спрятать твою одежду, чтобы Джордж хотя бы разок нарисовал тебя обнаженной.

— Бетти так сказала? Но я никогда не позировала, и потом... мне надо возвращаться на работу.

— Ну, мы попробуем уговорить тебя не так торопиться. Только... может, ты стесняешься? Бетти сказала, что ты, пожалуй, будешь стесняться. Для начала Джорджа можно уговорить порисовать тебя одетой.

— Нет, я не стесняюсь. То есть, пожалуй, я стесняюсь позировать. Просто это для меня как-то непривычно. Знаешь, давай пока подождем. Меня сейчас больше интересует, как насчет помыться. Я под душем не была с тех пор, как уехала от Бетти, — надо было бы в порту сходить, но я не успела.

— Ой, действительно, что же это я на самом деле — рассуждаю тут с тобой о живописи... Много лет назад мама меня учила: самое первое, что надо сделать для гостя, — это показать, где находится ванная и туалет.

— И меня мама тому же учила, — соврала я.

— Вот сюда.

Слева от фонтана был широкий коридор. Мы прошли по нему.

— Вот твоя комната, — объявила она, ставя мою сумку на кровать. — А здесь — ванная. Она у нас будет общая, из нее есть выход в мою комнату.

Да... Такую ванную можно было поделить не только на

двоих. Три кабинки, в каждой — унитаз, биде и раковина, и душ, под которым можно было бы вымыть слона. Там было такое количество всевозможных рукояток и рычажков, что я уже собралась спросить, как ими пользоваться. Кроме того, тут стояли столы — массажный и для принятия ультрафиолета, огромная ванна размером с бассейн, в которую могла залезть целая компания, две кабинки для переодевания, где стояли столики с вазами, холодильник, книжный шкаф, в котором на одной из полок стояли кассеты...

— Ручного леопарда нет? — спросила я.

— А что?

— Просто когда в кино показывают такие ванные, у героини непременно есть ручной леопард.

— Ясно. Чего нет — того нет. Может, котенок сойдет?

— Конечно! Вы с Яном кошатники?

— Я бы просто жить не смогла, если бы у нас не было кошки. А сейчас у нас целый выводок котят. Хочешь — подарю одного?

— Я бы с радостью, но взять не могу.

— Ну ладно, это потом. Давай мойся, делай все, что тебе нужно. Хочешь вымыться перед обедом? Я-то обязательно залезу под душ. Я так усиленно чистила Черную Красавицу и Демона перед поездкой в порт, что мы чуть было не опоздали. Я ведь прямо из конюшни — и туда.

Так и вышло, что минут через десять Джордж совершенно запросто намыливал мне спину, а Ян — живот, а хозяйка мылась рядом и давала мужчинам советы, на которые они не обращали внимания. И поверьте мне, все было вполне прилично, и эти нежные сибариты меня нисколько не оскорбляли. Не было с их стороны никаких попыток соблазнить меня, и никак нельзя было догадаться, что прошлой ночью мы были близки с Яном.

А потом мы замечательно обедали в столовой (или гостиной, или парадном зале, как вам будет угодно) перед камином, который явно был изобретением Яна. На мне был один из пеньюаров Жанет. Кстати, за представления о том, как следует одеваться к обеду, в Крайстчерче ее арестовали бы.

Но все воспринимали это как должное. Когда мы добрались до кофе и бренди, у меня уже слегка кружилась голова от выпитого до обеда и во время него. По просьбе хозяев я сняла с себя пеньюар, и Джордж сфотографировал меня в пяти-шести позах, сделав стерео- и голографические снимки. При этом он обсуждал достоинства моей фигуры так, как будто я была куском говядины на прилавке. Я пыталась внушить хозяевам, что мне рано утром нужно улетать, но протесты мои становились все слабее и формальнее. Джордж, по крайней мере, на них никакого внимания не обращал. Он сказал, что у меня «хорошие формы» — вряд ли это комплимент, но уж во всяком случае не оскорбление.

А фотографии получились просто великолепные — особенно та, где я лежала на кушетке, а по мне ползали сразу пятеро котят. Я попросила одну такую для себя, и Джордж сказал, что сделает мне копию.

Потом Джордж сделал наброски — нарисовал сначала меня, а потом нас с Жанет. Этот рисунок мне тоже хотелось получить — мы с Жанет были так не похожи. А Джордж постарался, чтобы мы выглядели как можно лучше. А потом я начала зевать, и Жанет попросила Джорджа заканчивать с рисунками. Я извинилась, сказав, что странно, что я зеваю, — ведь там, откуда я прилетела, еще не так уж поздно.

Жанет заявила, что это ерунда; если человек хочет спать, это не имеет никакого отношения к временным поясам и вообще ко времени.

— Джентльмены! — объявила она. — Мы ложимся спать! — И увела меня.

Когда мы добрались до восхитительной ванной, она обняла меня:

— Марджи, тебе нужна компания или ты хочешь спать одна? Я знаю от Бетти, что вчера у тебя была трудная ночь. Ты, наверное, предпочтешь спокойно выспаться. Или нет? Скажи честно.

Я сказала, что вообще-то не любительница спать одна.

— Я тоже, — улыбнулась она. — Приятно слышать правду, а то, знаешь, другая бы принялась глазки опускать, притворяться. Ну, кого же ты хочешь себе в постель?

(Милая хозяйка, ну, конечно, ты будешь спать со своим мужем, раз он вернулся домой!)

— А может, лучше наоборот? Кто хочет ко мне в постель?

— Ну, знаешь, я думаю, все хотят. Или двое. Или один. Скажи сама.

Я заморгала и попыталась вспомнить, сколько я выпила.

— Что, четверо в одной постели?

— А тебе так не нравится?

— Не знаю, никогда не пробовала. Звучит забавно, но, наверное, в кровати будет тесновато.

— А, ты просто еще не была у меня в комнате. Там большая кровать. Оба моих мужа частенько спят со мной. А там еще достаточно места, чтобы принять еще кого-нибудь.

Да, пила я много — две ночи подряд, и гораздо больше, чем обычно.

— «Оба мужа»? Я не знала, что Британская Канада приняла новозеландский закон.

— Британская Канада — нет, а жители ее — да. Ну, многие, по крайней мере. И вообще — ворота закрыты, и нам ни до кого нет дела. Ну так что — хочешь в большую кровать? Захочешь спать — перейдешь в свою комнату через ванную: у меня не зря так придумано. Ну, идет?

— Что? Хорошо, ладно.

— Да не бойся ты. Знаешь что...

Ее прервал громкий звонок терминала.

— Черт подери! — проговорила сквозь зубы Жанет. — Наверняка это Яна вызывают в порт. А он только вернулся из полета.

Она подошла к терминалу и нажала рычажок приема. Загорелся экран, и мы услышали голос диктора: «...причиной тревоги. Наша граница с Чикагской Империей закрыта. Возле нее сгруппировались беженцы. Атака, предпринятая Квебеком, опасна, но не исключено, что это ошибка местного командования. В настоящее время действует чрезвычайное положение. Оставайтесь дома, сохраняйте спокойствие и слушайте на этом канале официальные сообщения и приказы».

Так начался «Красный четверг».

ГЛАВА 10

Наверное, все помнят, что творилось в «Красный четверг» и позднее, но я хочу рассказать о том, что я видела собственными глазами.

Так получилось, что в большой кровати Жанет мы собрались вовсе не для плотских утех, а просто чтобы быть рядом. Мы во все уши слушали новости, все глаза были устремлены на экран терминала. Снова и снова передавались более или менее одинаковые новости. «Отражена атака из Квебека». «Президент Чикагской Империи убит в своей постели». «Граница с Империей закрыта». «Неподтвержденные сообщения о саботаже». «Оставайтесь дома, сохраняйте спокойствие». Но сколько бы раз это ни повторялось, мы молчали и слушали, ожидая, что появится хоть какое-нибудь новое сообщение и поможет понять предыдущие.

Но, к сожалению, за ночь положение становилось все хуже и хуже. К четырем утра мы узнали, что убийства и саботаж происходят по всему земному шару. К рассвету поступили сообщения о том, что начались беспорядки на Эль-Четвертом, на лунной базе в Тихо, на стационарной станции. Сообщение о событиях на Церере было прервано. Было непонятно, распространилась ли волна беспорядков до альфы Центавра или тау Кита, но диктор сказал, что гадать не собирается и телезрителям тоже не советует.

После четырех утра Жанет с моей неуклюжей помощью приготовила сэндвичи и подала кофе.

Проснулась я около девяти: Джордж пошевелился. Я обнаружила, что заснула у него на груди, обняв его одной рукой. Ян сидел посередине кровати, опершись на подушки, лицом к экрану, но глаза у него были закрыты. Жанет в комнате не было — наверное, она ушла в «мою» комнату и заснула там.

Я решила осторожно выбраться из постели, чтобы не разбудить Джорджа. Так я и сделала и прошмыгнула в ванную, где меня вырвало выпитым кофе. Мне сразу стало легче. Я заглянула в соседнюю комнату и действительно нашла там пропавшую хозяйку. Жанет не спала. Прило-

жив палец к губам, другой рукой она поманила меня к себе. Я забралась в постель рядом с ней. Жанет поцеловала меня и спросила:

— Как там мальчики?

— Оба еще спят. То есть спали три минуты назад.

— Хорошо. Им надо поспать. Они оба — паникеры, в отличие от меня. Я решила — нет смысла с пьяных глаз решать, что настал Армагеддон, и ушла сюда. А ты, похоже, вздремнула немного?

— Наверное. Я не поняла, когда заснула. Похоже, я слышала одни и те же новости тысячу раз. А потом проснулась.

— Ты ничего не пропустила. Я убрала звук, но оставила изображение — то есть бегущую строку. Все то же самое. Марджори, мальчики думают, что вот-вот посыплются бомбы. Я думаю, что до этого не дойдет.

— Хотелось бы верить. Но почему ты так думаешь?

— Ну посуди сама, кто и на кого станет кидать водородные бомбы? Кто враг? Все главные ядерные державы в беде, насколько я поняла из новостей. Но вооруженные силы нигде не втянуты в конфликт, за исключением одного-единственного идиотского инцидента, который мне кажется ошибкой какого-то квебекского генерала. Терроризм, поджоги, подрывы, всевозможный саботаж, мятежи — но нет цельной картины. Не то чтобы Восток против Запада, или марксисты против фашистов, или белые против черных. Марджори, если кто-то выпустит ракеты, это будет означать, что весь мир сошел с ума.

— А разве сейчас не похоже?

— Я так не думаю. Система происходящего в том, что никакой системы нет. Под прицелом каждый. Похоже, все правительства — в одинаковой опасности.

— Анархисты? — спросила я.

— Скорее нигилисты.

Тут в дверях появился Ян — небритый, в старой пижаме, которая была ему явно мала, с темными кругами под глазами. Он плоховато держался на ногах.

— Жанет, я не могу дозвониться до Бетти и Фредди.

— Они собирались вернуться в Сидней?

— Не в этом дело. Я не могу пробиться ни в Сидней, ни в Окленд. Все время этот противный компьютерный голос: «В настоящее-время-линия-занята-пожалуйста-позвоните-позднее-благодарим-за-терпение». Ну ты знаешь.

— Ох... Там, наверное, тоже саботаж.

— Может, и так, а может, и что похуже. Выслушав раза четыре это карканье, я позвонил в порт и спросил, что за чертовщина происходит со спутниковой связью между Виннипегом и Оклендом. Пользуясь своим званием, мне удалось в конце концов связаться с диспетчером. Он посоветовал мне забыть о связи: она, по его словам, нарушена потому, что там у них большие неприятности. Все полубаллистические корабли посажены, полеты прекращены, поскольку имели место случаи саботажа в воздухе. Два рейса: Виннипег — Буэнос-Айрес, взлет в двадцать один ноль-ноль, и Ванкувер — Лондон, взлет в час ноль-одну.

— Ян!

— Оба корабля, Джен! Никто не уцелел! Спад давления, несомненно, потому, что оба взорвались, покинув атмосферу. Джен, когда в следующий раз мне надо будет взлетать, я все лично сам проверю. Клянусь, сумею остановить отсчет по самой тривиальной причине. Правда, — добавил он, — сказать, когда это будет, трудновато. Нельзя же взлететь на полубаллистическом, если связь с портом прибытия прервана. А диспетчер сказал, что прерваны все линии связи.

Жанет встала, подошла к нему, обняла и поцеловала.

— А теперь — хватит нюни распускать! Прекрати. Немедленно. Конечно, ты прав — да, будешь сам все проверять, пока не поймают всех саботажников. А сейчас выброси это из головы: никто не вызовет тебя на полеты, пока не наладят связь. Так что считай, что ты в отпуске. Что касается Бетти и Фредди, то, конечно, жутко жаль, что мы не можем с ними поговорить, но они взрослые люди и могут о себе позаботиться. Не сомневаюсь, они тоже о нас беспокоятся, но им не стоит волноваться. Я просто рада, что это произошло, когда ты дома, а не в полете через пол-Земли. Ты здесь, мы в безопасности, а остальное меня не

волнует. Мы просто отсидимся тут — довольные и веселые, пока кончится вся эта ерунда.

— Я должен съездить в Ванкувер.

— Муж мой, ты никому ничего не должен, кроме налогосборщиков и господа бога. Никто не станет сажать живые артефакты в корабли, раз они не летают.

— Артефакты! — вырвалось у меня.

Я тут же об этом пожалела. Ян наконец заметил меня.

— А, Мардж, доброе утро. Не пугайся зря. Мне очень жаль, что это случилось, когда ты у нас в гостях. Артефакты, о которых сказала Жанет, — не роботы, они живые. Просто, понимаешь, у нашего руководства — идиотское убеждение, что живой артефакт, разработанный специально для пилотирования, сможет выполнять работу лучше обычного пилота. Я депутат от Виннипегского порта и собираюсь выступить против этой затеи. Заседание руководства совместно с представителями Гильдии пилотов — завтра в Ванкувере.

— Ян, — твердо сказала Жанет, — позвони генеральному секретарю. Глупо лететь в Ванкувер, не узнав, как там дела.

— О'кей, о'кей.

— Но ты не просто спроси. Убеди генерального секретаря уговорить руководство отложить заседание, пока не отменят чрезвычайное положение. Я хочу, чтобы ты пока оставался дома, чтобы защитить меня в случае чего.

— Или наоборот, — улыбнулся он.

— Или наоборот, — согласилась она. — Но уж лучше я упаду в обморок в твои объятия, чем на пол. Что хочешь на завтрак? Только что-нибудь не слишком изысканное, а то придется напомнить тебе твою клятву.

Я уже не слушала: в ушах у меня звенело одно слово — «артефакт». Я считала Яна и всех здесь и в Австралии цивилизованными, просвещенными людьми, и мне так хотелось верить, что они могут счесть меня таким же человеком, как они. И что же я услышала? Ян собирается представлять интересы своей Гильдии в борьбе с руководством, чтобы таким, как я, не дали соревноваться с людьми!

(Чего же ты хочешь от нас? Чтобы нам глотки перереза-

ли? Мы точно так же не просили, чтобы нас производили, как ты не просил, чтобы тебя рожали! Может, мы и не люди, но мы разделили вековую судьбу человечества — мы тоже чужие в мире, который не мы создали!)

— Ты что, Мардж?

— О прости, я задумалась. Ты что-то спросила, Жанет?

— Я спросила, что ты хочешь на завтрак, дорогая.

— Ой, неважно — я ем все, что стоит на месте, и даже то, что медленно движется. Хочешь, я помогу тебе?

— Конечно, если хочешь. От Яна на кухне никакого толку, несмотря на его клятву.

— Я очень хорошо готовлю! — возмутился Ян.

— Не кипятись, дорогой. Мардж, дело в том, что в свое время Ян дал мне письменное обещание, что в любое время приготовит любое блюдо, какое я попрошу. Но у меня есть большое подозрение, что я скорее умру от голода, чем он что-нибудь сварганит.

— Мардж, не слушай ее!

Я до сих пор не знаю, умеет ли Ян готовить, но Жанет готовила отлично. (Как я узнала позднее, неплохо готовил и Джордж.) С моей весьма символической помощью Жанет приготовила потрясающий омлет — пышный и румяный, приправленный чеддером. Он был водружен на блюдо, вокруг него были положены тоненькие нежные блинчики, свернутые в трубочки. Внутри они были смазаны джемом и посыпаны сахаром или начинены беконом. Мы приготовили натуральный апельсиновый сок — апельсины были выжаты вручную, а не в соковыжималке. Жанет сварила кофе из свежих, только что поджаренных зерен.

(Новозеландская пища прекрасна, спору нет, но кухня в Новой Зеландии — это вообще не кухня.)

Джордж появился на кухне в сопровождении кошки-мамы. Подняв хвост трубой, она бежала впереди Джорджа. А вот котят Жанет в кухню не пустила — она боялась, что в суматохе кто-нибудь наступит на них. Жанет объявила, что за едой всякие разговоры о новостях запрещаются и что терминал она включать не собирается. Меня это очень устраивало, поскольку все, что происходило, сводило меня с ума даже во сне. Как объяснила Жанет, в нашей кре-

пости нас могла потревожить только водородная бомба, а поскольку, как она сказала, взрыв водородной бомбы мы вряд ли услышим, можно было расслабиться и завтракать в свое удовольствие.

Я завтракала с большим аппетитом, так же как и мама-кошка, которая обходила нас всех против часовой стрелки, давая каждому понять, что сейчас его очередь дать ей кусочек бекона, — так что в конце концов она и съела большую его часть.

После того как я вымыла посуду (посуду в этом доме мыли, а не выбрасывали, в этом плане Жанет была консервативна) и Жанет подала еще один кофейник, она снова включила терминал, и мы снова стали смотреть и обсуждать новости — прямо на кухне, а не в гостиной. Я так поняла, что настоящей гостиной в этом доме была кухня. Кухня Жанет была обставлена в деревенском стиле, но, конечно, ни одной деревенской хозяйке такая и не снилась. Камин, большой круглый стол для семейных трапез, вокруг стояли так называемые капитанские стулья, большие удобные кресла-качалки, много свободного пространства — и никаких проблем с передвижением, поскольку плита и кухонные столы со всеми принадлежностями находились у противоположной стены. Котята наконец были допущены в кухню и тут же перестали мяукать. Я подхватила на руки одного из них — белого пушистого толстяка с черными пятнышками. Мурлыкал он, как взрослый большущий кот. Все котята были разные — живые свидетельства любовных похождений мамы-кошки.

Большей частью новости были те же самые, но в Империи появилось кое-что новенькое. Начали хватать демократов. Их судили военно-полевые суды (их называли трибуналами совести) и расстреливали на месте из лазерных винтовок. Некоторых вешали. Я напряженно смотрела на экран. Приговаривали к смерти начиная с четырнадцатилетнего возраста — мы видели одну семью, где родители, сами приговоренные к смерти, пытались доказать, что их сыну только двенадцать.

Председатель суда — капрал имперской полиции — прекратил препирательство взмахом руки и сам застрелил ре-

бенка, а потом приказал своим подчиненным покончить с родителями и старшей сестрой мальчика.

Ян убрал с экрана изображение и выключил звук, оставив только бегущую строку.

— Хватит, насмотрелся, — буркнул он. — Похоже, что теперь, когда старый президент убит, там ликвидируют всех подряд по списку.

Он кусал губы и выглядел очень удрученным.

— Ну что, Мардж, ты все еще настаиваешь на том, чтобы немедленно отправиться домой?

— Я — не демократка, Ян. Я вообще вне политики.

— А ты думаешь, этот парнишка имел какое-то отношение к политике? Да эти «казачки» пристрелят любого просто так, чтобы попрактиковаться в меткости. Да и вообще все равно — граница-то закрыта.

Я не стала говорить ему, что для меня никогда не было проблемой перебраться через любую границу.

— Я так поняла, что она закрыта для тех, кто хочет перебраться на север. Разве гражданам Империи не разрешают вернуться домой?

Он вздохнул:

— Мардж, ты ведь умнее, чем котенок, что у тебя на руках. Неужели ты не понимаешь, что хорошеньких девочек могут побить, если они станут водиться с плохими мальчиками? Если бы ты была дома, твой отец не отпустил бы тебя. Но ты — у нас дома, и мы с Джорджем обязаны позаботиться о твоей безопасности. А, Джордж?

— Ну, конечно, о господи! О чем тут говорить!

— А я, кроме того, беру на себя защиту тебя от Джорджа. Джен, можешь ты подтвердить, что Мардж может оставаться здесь сколько угодно? А то, похоже, она самостоятельная дама, которая привыкла сама платить по счету.

— Да нет...

Жанет погладила мою руку и сказала:

— Мардж, Бетти велела мне заботиться о тебе как следует. Если тебе кажется, что ты нас обременяешь, можешь сделать пожертвование в Красный Крест Британской Канады. Или в приют для бездомных кошек. Понимаешь, дело в том, что мы втроем зарабатываем кучу денег и нам их

просто некуда девать. Детей у нас нет. Для нас твое присутствие — все равно что завести лишнего котенка. Ну так что — остаешься? Или мне придется спрятать твою одежду и выпороть тебя?

— Нет, как-то не горю желанием.

— Жалко, а то я уже собиралась. Итак, благородные господа, решено — она остается. Мардж, мы взяли тебя в плен. Похитили, так сказать. Джордж теперь наверняка заставит тебя подолгу позировать — в этом смысле он сущий тиран. И получит тебя практически бесплатно, вместо того чтобы платить бешеные деньги за натурщиц. Сэкономит, так сказать.

— Нет, — возразил Джордж. — Я не просто сэкономлю. Я заработаю. Представлю тебе счет, дорогая Жанет. Она стоит больше обычной натурщицы — гораздо больше. Полторы цены?

— Как минимум. Я бы сказала — две. Но будь благороднее — ведь тебе все равно не придется платить. А может, ты хочешь с ней поработать в лаборатории?

— Ценная мысль! Я и сам об этом подумывал! Спасибо, дорогая, что выразила ее за меня.

Джордж обратился ко мне:

— Марджори, милочка, не одолжишь ли мне одно яичко?

Вопрос был, прямо скажем, неожиданный. Я притворилась, будто не поняла, о чем речь.

— Но... у меня нет никаких яичек!

— А вот и есть! У тебя их несколько дюжин — гораздо больше, чем нужно тебе самой. Я имею в виду яйцеклетку. Лаборатории платят за яйцеклетки гораздо больше, чем за сперму — простая арифметика. Ты шокирована, детка?

— Нет. Удивлена. Я думала, ты — художник.

Тут вмешалась Жанет:

— Мардж, милая, я же тебе говорила, что Джордж — разноплановый художник. Так оно и есть. С одной стороны, он действительно неплохо управляется с холстом и кистью. Но с другой — он профессор тератологии в Манитобском университете, а также главный инженер университетской лаборатории генной инженерии, а это, поверь мне, высокое искусство.

— Это правда, — подтвердил Ян. — Джордж — художник во всем, к чему он ни прикоснется. Но все-таки, братцы, не стоило вам обоим обрушивать столько информации на бедную Мардж: она как-никак наша гостья. Есть люди, которых бросает в дрожь от одной мысли о генных манипуляциях — в особенности если речь идет об их собственных генах.

— Мардж, я напугала тебя? Прости, пожалуйста.

— Нет, Джен, не переживай. Я как раз не из тех, кто содрогается при упоминании о живых артефактах, искусственных людях и тому подобном. Кстати, многие из моих лучших друзей — искусственники.

— Вот как? — усмехнулся Джордж. — Позволь усомниться.

— Почему ты не веришь? — спросила я как можно более мягко.

— Это я могу так сказать, потому что работаю в такой области, и с гордостью могу заявить, что среди моих друзей есть искусственники. Но...

Я прервала его:

— А я думала, что искусственник никогда не знает своих производителей.

— Это так, и я никогда не нарушал этого правила. Но у меня есть возможность завоевать их расположение и дружбу. Но прости меня, Марджори, иметь друзей искусственников невозможно, если только ты не представитель моей профессии. Или это не так?

— Нет.

— Но повторяю, только специалист по генной инженерии или кто-то напрямую связанный с производством может похвастаться тем, что у него есть друзья среди искусственников. Потому, милая, что вопреки распространенной байке о том, что неспециалист способен с первого взгляда отличить искусственника от обычного человека, это невозможно. И потом... поскольку большинство людей страдает предрассудками в отношении искусственников, искусственник никогда не признается сам, кто он есть на самом деле. Ну почти никогда. А поэтому, хоть я и ужасно рад, что сама мысль об искусственниках не заставляет тебя

подпрыгнуть выше крыши, я вынужден тебе не поверить и посчитать, что ты просто лишена предрассудков.

— Хорошо, пусть так. Считай так, если хочешь. Я не понимаю, почему искусственники должны считаться гражданами второго сорта. Я считаю, что это несправедливо.

— Ты права. Но некоторые люди ощущают какую-то смутную угрозу от самого существования искусственников. Вот хоть Яна взять. Он собирается в Ванкувер, чтобы начать борьбу за то, чтобы искусственникам во веки веков запретили становиться пилотами. Он...

— Прекрати! — прорычал Ян. — Я чувствую себя самым паршивым образом. Я просто все так подаю, поскольку мои коллеги так проголосовали. Но я не идиот, Джордж, я жил рядом с тобой, и мы много говорили об этом, поэтому в душе я чувствую, что нужно пойти на компромисс. Все мы теперь, строго говоря, не пилоты: в нашем веке настоящих пилотов-асов в помине нет. За нас все делает компьютер. Если компьютер откажет, придется просто на уши встать, чтобы самому посадить свой автобус. Но дело не только в этом. Чрезвычайные ситуации давным-давно вышли из-под контроля человека, это так. Но я все-таки попытаюсь. И все мои товарищи из Гильдии. Но, Джордж, если ты сумеешь создать искусственника, который сможет думать и двигаться достаточно быстро, чтобы моментально устранить неполадки, я уйду на пенсию. Вот и все, чего мы собираемся добиться. То есть, если компания решит заменить нас пилотами-искусственниками, мы должны получить полную компенсацию. Если, конечно, ты сумеешь таких профессионалов изготовить.

— Да, в принципе можно произвести такого профессионала. И когда мы наладим поточное производство, всем пилотам ничего не останется, как заняться рыбной ловлей. Но это не будет искусственный человек, это будет живой артефакт. Если бы я собрался создать организм, призванный выполнять работу безотказного пилота, застрахованного от любых просчетов, я бы не стал делать его обязательно похожим на нормального человека.

— О, не делай этого! — вскрикнула я.

Оба мужчины были смущены, Жанет тоже, и я пожалела о своей несдержанности.

— Но почему бы и нет? — спросил наконец Джордж.

— Ну... потому что я бы лично никогда не полетела на таком корабле. С Яном спокойнее.

— Спасибо, Мардж, — улыбнулся Ян. — Но ты же слышала, что сказал Джордж. Он говорит об искусственном пилоте, который справится с работой лучше меня. Это вполне вероятно. Черт подери, и это будет! Точно так же, как кобольды заменили шахтеров, нас заменят биороботы. Не скажу, чтобы я был от этого в восторге, но я понимаю, что рано или поздно это произойдет.

— Хорошо. Понятно. Джордж, скажи, ты работал с мыслящими машинами?

— Конечно, Марджори. Искусственный интеллект — область, тесно связанная с моей работой.

— Ясно. Значит, ты должен знать о том, что специалисты по искусственному интеллекту много раз заявляли, что они подошли вплотную к созданию самостоятельно мыслящей машины. Но на поверку это каждый раз оказывалось очередной уткой.

— Увы. Как ни печально, но это факт.

— Нет. Это не печально — это неизбежно. Это никогда не получится! Гипотетически компьютер можно наделить сознанием. Доведи его до человеческого уровня сложности в мыслительных процессах — и ему придется стать сознательным. Но потом он поймет, что он не человек. Потом он поймет, что ему никогда не стать человеком. Ему ничего не останется, как стоять на месте и выполнять указания людей. Тогда он сойдет с ума.

Я продолжала, несмотря на то что на лицах всех было написано неподдельное удивление.

— Вот такая дилемма. Он не сможет стать человеком, никогда. Ян, может, и не сумеет спасти своих пассажиров, но, по крайней мере, попытается. Но живой артефакт, не будучи человеком и не чувствуя сострадания к людям, может погубить корабль просто так, от нечего делать. А может, потому, что устал от того, что его не считают человеком.

Нет, Джордж, я полетела бы с Яном, а не с твоим артефактом, который непременно научится ненавидеть людей.

— Не с моим артефактом, дорогая, — мягко возразил Джордж. — Разве ты не заметила, в каком наклонении я говорил об этом проекте?

— Пожалуй, нет.

— В сослагательном. Поскольку все, что ты сейчас сказала, для меня не новость. Я никогда не выступал за такое предложение и не собираюсь. Я могу разработать и создать такого пилота. Но для меня невозможно этим заняться по той же этической причине, по которой ты выбрала Яна.

Ян сидел в глубокой задумчивости.

— Может быть, — сказал он, потирая руки, — стоит на предстоящем совещании поднять вопрос о том, чтобы любого будущего пилота — искусственный артефакт или искусственного человека — проверяли на этические установки?

— Как проверишь-то, Ян? Я не знаю, каким образом можно заложить этические установки в зародыш, а Мардж только что доказала, что этого не сделаешь и в курсе подготовки и обучения. И, с другой стороны, какой тест это может выявить?

Джордж повернулся ко мне:

— Знаешь, в студенческие годы я почитывал кое-какие рассказики о гуманоидных роботах. Истории были просто очаровательные, и кое-где там встречались намеки на существование некоего кодекса, который именовался там законами роботехники. Причем главный закон означал, что в конструкцию робота заложено нечто такое, что никогда не позволит ему нанести вред человеку ни действием, ни бездействием. Это послужило прекрасной основой для научной фантастики, но вот вопрос: как этого добиться на практике? Как можно добиться, чтобы самосознающий, мыслящий организм — электронный или биологический, но нечеловеческий — был бы настроен лояльно по отношению к людям? Лично я не знаю, как этого добиться. И похоже, что специалисты по искусственному интеллекту в этом плане тоже в тупике.

Джордж несколько цинично улыбнулся:

— Такое впечатление, что интеллект можно определить как уровень, достигнув которого сознательный организм вопрошает: «А что я с этого буду иметь?»

Он продолжал:

— Так вот, Мардж, по поводу приобретения у тебя свеженького яичка: я должен объяснить тебе как сознательному организму, что ты с этого будешь иметь.

— Не слушай его, — вмешалась Жанет. — Он *положит* тебя на холодный стол и будет смотреть в туннель любви без всяких там романтических устремлений. Я-то знаю, я себя уже трижды позволяла уговорить. Причем мне за это даже не заплатили.

— Интересно, а как я мог тебе заплатить, если у нас — общие деньги. Марджори, голубка моя, стол не холодный, он мягкий, и ты сможешь, пока я буду работать, читать или смотреть телевизор или болтать со мной — в общем, делать все, что тебе заблагорассудится. Прошло уже много лет с тех пор, когда для того, чтобы получить яйцеклетку, разрезали брюшную стенку и часто повреждали яичники. Если думаешь...

— Заткнись! — крикнул Ян. — Что-то новое в ящике!

Он включил звук.

«...«Совет по выживанию». События последних двенадцати часов являются предупреждением всем толстосумам и богатеям о том, что время их кончилось. Настал час расплаты. И убийства, и прочие события будут продолжаться до тех пор, пока не будут выполнены наши требования. Продолжайте слушать срочные выпуски новостей на канале местного телевидения...»

ГЛАВА 11

Не знаю, стоит ли подробно рассказывать про «Совет по выживанию». Про эту организацию знает каждый школьник. Но о том, что они творили в те дни, я немного расскажу, поскольку это имело некоторое отношение к странностям моей судьбы. Этот «Совет по выживанию» является секретной организацией борцов за справедливость, призванной покончить с бесчисленными проявлениями дис-

криминации на Земле и на всех других планетах, где только проживало человечество. Именно этой борьбе они якобы были готовы отдать все свои жизни без остатка.

Но для начала они решили отдать этому святому делу жизни других людей. Они объявили, что составили списки истинных виновников беспорядков — как на земном шаре, так и за его пределами, — отдельные списки для каждого территориального государства плюс длинный список мировых лидеров. Это были их главные жертвы.

«Совет» перечислил тех, кто уже был убит, и обещал, что будет убито гораздо больше, пока не будут удовлетворены их требования.

После перечисления мировых лидеров голос, который мы слушали, начал зачитывать список по Британской Канаде. Судя по отрывистым фразам и многозначительным кивкам, которыми обменивались мои хозяева, было ясно, что им знакомо большинство кандидатов на тот свет. В списке, к примеру, был назван заместитель премьер-министра, а самой премьерши не было — к моему, да, наверное, и к ее собственному удивлению. Как бы вы, интересно, почувствовали себя, если бы положили свою жизнь без остатка на алтарь политики, карабкались бы на самый верх из последних сил, а потом вдруг стало бы ясно, что вы и убийства собственного не заработали? Что-то вроде того, как если бы вас изнасиловал собственный кот.

Голос объявил, что в ближайшие десять дней новых убийств не последует. Если же обстановка не улучшится, то они по жребию будут выбирать одного из каждых десяти оставшихся в списках и убивать их. Жертв предупреждать не будут — просто будут убивать, и все. А десять дней спустя — еще каждого десятого. И так далее, пока оставшиеся в живых не доживут до светлых дней Утопии.

Голос объяснил, что «Совет» не является правительственной структурой и не собирается подменять собой какое-либо правительство, что он является всего лишь проводником морали, общественной совестью властей предержащих. Те из руководителей, кто останется в живых, могут остаться у власти, но выживут они только в том слу-

чае, если будут править справедливо. Было высказано предупреждение, чтобы они не думали подавать в отставку.

«Вы слушали «Голос «Совета по выживанию». Царство небесное на Земле близко!»

Голос умолк.

Наступила долгая пауза, прежде чем на экране наконец появился живой диктор. Жанет прервала молчание.

— Да, но... — протянула она.

— «Да, но» что? — спросил Ян.

— Вопросов нет, но что если в список попадут самые могущественные люди в стране? Допустим, тебя конкретно в этом списке нет, но предположим, что ты там есть и настолько этим напуган, что решаешь предпринять что-нибудь, чтобы избежать убийства. Что ты станешь делать? Что есть справедливость?

(«Что есть истина?» — вопросил Понтий Пилат и умыл руки. Я не знала, что ответить, и промолчала.)

— Дорогая, все очень просто, — ответил Джордж.

— Даже так?

— Они же сами все объяснили. Всякий капиталист, тиран, не знаю, кто там еще — должен понимать, что нужно делать. Это их работа, так сказать. Если они делают что положено, значит, все в порядке. Если они оступаются, им указывают на их ошибки... с помощью доктора Гийотена[1].

— Джордж, не паясничай!

— Дорогая моя, я никогда не был так серьезен. Если лошадь не может взять барьер, пристрели ее. Делай так до тех пор, пока не найдешь лошадь, которая возьмет барьер, — если лошадей хватит. Вот разновидности псевдологики, которую многие люди привносят в политику. Возникает законное удивление: существует ли вообще хоть какая-то система, хоть какое-то правительство, способное действовать и править справедливо?

— Правление — грязь, — буркнул Ян.

— Верно. Но терроризм — еще грязней.

Эта оживленная политическая дискуссия, наверное,

[1]Гийотен — изобретатель гильотины, орудия для обезглавливания.

продолжалась бы еще долго, если бы снова не вспыхнул экран. Кстати, я имела не одну возможность убедиться, что политические споры имеют свойство никогда не кончаться сами по себе — просто что-нибудь такое происходит, из-за чего они прерываются. На экране возникла физиономия диктора, вещавшего в прямом эфире.

«Пленка, которую вы только что прослушали, — сообщил он, — была передана на нашем канале незаконно. Канцелярия премьер-министра, ознакомившись с содержанием этой записи, рекомендовала всем станциям впредь не передавать ее, что диктуется пунктами Акта об общественной безопасности. Совершенно очевидно, что предварительная цензура, фактически введенная благодаря этому приказу, носит антиконституционный характер. «Голос Виннипега» будет знакомить вас с дальнейшим развитием событий. Убедительно просим вас сохранять спокойствие и оставаться дома, если только вы не состоите на важной государственной службе».

Потом последовал повтор записей новостей, которые мы уже смотрели раньше, и Жанет отключила звук, оставив бегущую строку. Я сказала:

— Ну хорошо, Ян, допустим, я останусь здесь, пока в Империи все не успокоится.

— При чем тут «допустим»? Это факт.

— Слушаюсь, сэр. Но тогда мне нужно будет срочно позвонить моему боссу. Можно воспользоваться вашим терминалом? С моей кредитной карточкой, конечно.

— Никакой твоей карточки. Я сам сделаю вызов, и счет придет нам.

Это покровительство начало меня немного раздражать.

— Послушай, Ян, — сказала я, — я высоко ценю твое, простите, ваше гостеприимство, но неужели вы собираетесь настаивать, чтобы вы расплачивались за то, за что я просто обязана платить сама? Ну тогда зарегистрируйте меня в качестве компаньонки и возьмите на себя официальное обязательство платить по моим счетам.

— Резонно. И какое жалованье тебе положить?

— Погоди! — вмешался Джордж. — Я плачу больше! Не слушай этого шотландского скупердяя!

— Не слушай обоих, — посоветовала мне Жанет. — Может, Джордж и заплатит больше, но он замучает тебя позированием да вдобавок потребует у тебя яйцеклетку — и все за те же деньги. А вот мне давно нужна прислужница в гареме. Милая, из тебя вышла бы превосходная одалиска. Даже бриллиант в пупок вставлять не надо. Только скажи: ты массаж делать умеешь? И как насчет пения? А главный вопрос — как ты насчет женского пола? Можешь мне на ухо шепнуть.

Я потерла лоб и откинулась на спинку стула.

— Похоже, мне нужно выйти и войти снова. Давайте сначала: мне нужно всего-навсего позвонить. Ян, можно я воспользуюсь своей кредитной карточкой, чтобы позвонить боссу? У меня — «Мастер Чардж» с грифом «Три А».

— Где выдана?

— В филиале Имперского банка в Сент-Луисе.

— Так. Похоже, ты ночью проспала и не слышала объявления. Или ты хочешь, чтобы твою кредитку арестовали?

— Арестовали?

— У нас что, эхо появилось? Сеть кредитных банков Британской Канады объявила, что все кредитные карточки, выданные в Империи и Квебеке, срочно аннулируются. Но если тебе не лень, пойди сунь ее в терминал и понюхай, как пахнет горелый пластик, — компьютеры нового поколения это умеют.

— О...

— Продолжай. Первая буква была «о».

— Да. Прошу прощения. Можно я позвоню боссу за твой счет?

— Конечно, можно. Только с Жанет договорись. Она хозяйка.

— Жанет, как?

— Ты не ответила на мой вопрос, дорогая. Ну, шепни на ушко!

Я шепнула. Глаза у нее стали большие и круглые.

— Пожалуй, ты сначала лучше позвони.

Мы с Жанет пошли в ее комнату, я дала ей номер кода, и она сама набрала его на пульте терминала.

Бегущая строка исчезла с экрана, и появилась фраза:

ПРИКАЗ СЛУЖБЫ БЕЗОПАСНОСТИ. СВЯЗИ С ЧИКАГСКОЙ ИМПЕРИЕЙ НЕТ.

Надпись горела секунд девять и исчезла. Я прорычала совершенно искреннее проклятие и услышала у себя за спиной укоризненный голос Яна:

— Какой кошмар! Воспитанные девочки и благородные дамы так не разговаривают!

— А я — ни то ни другое. И потом — я убита.

— А я знал, что так и будет. Я слушал это объявление раньше. Но я прекрасно понимал, что ты мне не поверишь и все-таки попытаешься дозвониться.

— Да, ты прав, конечно, я бы все равно попробовала. Ян, но я не только убита, я еще и разорена. У меня бессрочный кредит в Сент-Луисе, а я даже не могу к нему прикоснуться. И с собой у меня пара новозеландских долларов и еще мелочь какая-то. Пятьдесят имперских крон. И аннулированная кредитная карточка. Так что там насчет контракта? Я дорого не возьму.

— Ну, это как посмотреть. Обстоятельства меняют дело, и теперь кроме комнаты и питания я тебе вряд ли что смогу предложить. Вот интересно, что ты там Жанет шепнула. От этого многое может измениться.

Жанет ответила:

— Она мне шепнула: «Honni soit qui mal y pense»[1]. Позволь адресовать эти слова к тебе, дорогой муженек. Марджори, ты нисколько не хуже, чем была час назад. Тебе все равно нельзя ехать домой, пока все не успокоится... Ну а когда это произойдет, и откроют границу, и наладится связь, твоя кредитная карточка вновь обретет силу... если не здесь, то за границей точно. Так что не волнуйся и жди...

— «С чистой совестью и спокойным сердцем». Да, все правильно, — согласился Ян. — А Джордж пока тебя порисует. Ему тоже не позавидуешь. Вы оба — вражеские лазутчики и, как только окажетесь за пределами дома, тут же будете интернированы.

---

[1] «Позор тому, кто плохо об этом подумает» *(фр.)* — девиз английского ордена Подвязки.

— Мы что, еще одно объявление пропустили? — ахнула Жанет.

— Да. Хотя его уже не раз передавали. И Джорджу, и Марджори следует заявить о себе в ближайшее отделение полиции. Я бы не советовал. Джордж собирается плевать на это, притвориться невинной овечкой и в случае чего сказать, что он не понял, что они имели в виду, — то есть что они имели в виду людей с видом на жительство. У него же есть вид на жительство. Они, пожалуй, могут и отпустить вас. А может быть, и даже очень запросто, вам придется коротать зиму в холодных временных бараках. Пока не похоже, чтобы чрезвычайное положение отменили через неделю.

Я задумалась. Опять сама виновата. Когда я на задании, я никогда не вожу с собой одну-единственную кредитную карточку и всегда имею кучу наличных. Но я, по глупости, решила, что раз я в отпуске, то нечего звенеть монетами на каждом углу. За наличные в этом мире покупается все. А вот без наличных...

Мне не приходилось оставаться подолгу за границей со времени начальной подготовки. Пожалуй, настала пора проверить, не забыла ли я, чему меня учили. Слава всевышнему — погода стояла теплая.

Тут мы все услышали, как Джордж кричит:

— Эй вы, потише! Или идите сюда!

Мы бегом бросились на кухню.

«...Господа нашего! Не слушайте речи хвастливых грешников! Только мы одни ответственны за те апокалипсические знамения, которые вы видите повсюду вокруг себя. Слуги сатаны пытались узурпировать святые права божьих избранников и приписать себе святые деяния. За это они и наказаны теперь. Пока же мы советуем мировым лидерам в мирских деяниях исполнять следующие заповеди:

Прекратить все попытки преодолевать твердь небесную. Если бы Господь желал, чтобы сыны человеческие путешествовали по воздуху, он наделил бы их крыльями. Пусть не останется в живых ни одно бесовское творение! Так называемая генная инженерия — страшнейшее святотатство, вмешательство в божий план творения. Разрушай-

те логова богохульников, в которых творятся такие мерзости! Убивайте живых мертвецов, которых производят на свет в этих прообразах геенны! Вешайте святотатцев, которые творят эти злокозненные деяния!»

— Господи помилуй, — прошептал Джордж. — Похоже, это про меня.

(Я промолчала. Я знала, что это — про меня.)

«Мужчины, делящие ложе с мужчинами, женщины, возлегающие с женщинами, мерзкие скотоложцы — все они будут побиты камнями и убиты. Будут убиты и женщины, уличенные в прелюбодеянии.

Католики и мусульмане, неверные и иудеи, язычники! «Ангелы Господни» вещают вам: покайтесь, ибо час ваш близок! Покайтесь или вас покарают мечи избранников Господа!

Производители порнографии, развратники и женщины легкого поведения, покайтесь — или на вас падет кара Господня!

Грешники и святотатцы, продолжайте слушать этот канал, и мы поведаем вам, как вы еще сумеете обрести спасение!

Вы слушали «Голос «Ангелов Господних».

Голос умолк, и экран опустел. Ян спросил:

— Жанет, помнишь, мы ведь видели этих «Ангелов»?

— Еще бы! Никогда не забуду! Но ничего подобного я от них не ожидала.

Я спросила:

— Это что, действительно «Ангелы Господни» или просто очередной кошмар?

— Хм-м-м... — протянула Жанет. — Как-то трудно соединить то, что мы сейчас слышали, с теми «Ангелами», которых мы с Яном видели. В конце марта или в начале апреля я ездила в порт встречать Яна. Там была огромная толпа кришнаитов — желтые балахоны, бритые головы, дурацкие танцы, ну и, конечно, выпрашивание милостыни. А тут как раз прибыл рейс, и из ворот выходила довольно большая компания сайентологов — они направлялись куда-то по своим делам — было что-то вроде Северо-Американской конференции, что ли. Как только те и дру-

гие смешались, откуда ни возьмись появились «Ангелы Господни» — с транспарантами, написанными от руки, барабанами и дубинками.

Мардж, я такой потасовки еще ни разу в жизни не видела! Их легко было отличить друг от друга. Клоунов кришнаитов было хорошо видно из-за ярких балахонов. «Ангелы» и хаббардисты[1] не были в балахонах, но их было не спутать друг с другом. Элронисты были такие, знаешь, чистенькие, аккуратненькие, коротко стриженные, а «Ангелы» были похожи на плохо прибранные кровати. Ну и потом от них исходил исключительно «божественный» аромат. На меня там ветерком один раз пахнуло, и я поспешила обойти стороной всю эту тусовку.

Сайентологам, похоже, уже не раз приходилось сражаться за свои права — и они дрались организованно. Защищались как могли и старались побыстрее выбраться из потасовки, выносили раненых. Кришнаиты бились не лучше пискливых цыплят и оставляли своих раненых на поле боя. А вот «Ангелы Господни» дрались, словно потеряли головы. Они шли вперед, расчищая себе путь дубинками и кулаками, и не останавливались до тех пор, пока их не сбивали с ног. Обычно на разгон таких потасовок приезжает один полицейский броневик, а тут их нагнали столько, сколько было «Ангелов». По броневику на брата.

Похоже было, что «Ангелы» ждали прибытия хаббардистов и прибыли в порт специально для того, чтобы напасть на них. А кришнаиты оказались там случайно — они были в порту просто потому, что там очень удобно денежки из народа вытрясать. Но, не справившись с сайентологами, «Ангелы» решили до кучи побить еще и бедняг кришнаитов.

Ян добавил:

— Я эту картину наблюдал с другой стороны барьера. Эти «Ангелы», прости меня Господи, дрались как черти! Очень может быть, что они были или пьяны, или нашпи-

---

[1] Элронисты, хаббардисты — названия происходят от имени и фамилии Элрона Хаббарда — основателя сайентологии, псевдорелигиозного учения.

гованы наркотиками. Но я никогда бы не поверил, что эта шайка грязных оборванцев может стать угрозой для всей планеты! Я и до сих пор, черт подери, в это не верю! Думаю, это просто выпендреж, под стать тем психопатам, которые готовы взять на себя все самые жуткие преступления.

— Но встретиться с ними мне не хотелось бы, — резюмировала Жанет.

— Еще бы! — отозвался Ян. — Я бы с большим желанием встретился со стаей диких собак. Но как-то не верится, что стая диких собак могла что-то диктовать правительству. А еще меньше — миру.

Больших потрясений мы уже не ждали, но два часа спустя масла в огонь подлили «Вдохновители»:

«Слово имеет официальный представитель «Вдохновителей». Мы провели первые террористические акты и тщательно выбрали жертвы. С тех пор мы не учиняли никаких беспорядков и не исполняли наших угроз. Мы сочли необходимым прервать некоторые линии связи, но они будут восстановлены, как только позволит обстановка. Развитие событий убедило нас в том, что необходимо внести изменения в наш изначально ненасильственный мирный план. Оппортунисты, именующие себя «Советом по выживанию» в англоязычных странах, а в других местах «Последователями Льва Троцкого» и прочими бессмысленными названиями, пытались вмешаться в выполнение нашей программы. Следует отметить, что у них вообще нет никакой собственной программы.

Еще хуже себя ведут кое-какие религиозные фанатики, называющие себя «Ангелами Господними». Их так называемая программа — бессмысленное сочетание антиинтеллектуальных лозунгов и дурацких предрассудков. Успеха они не добьются, но со своей доктриной ненависти могут легко восстановить брата против брата, соседа против соседа. Их следует остановить.

Чрезвычайный декрет номер один.

Все лица, именующие себя «Ангелами Господними», осуждаются на смерть. Власти на местах обязаны приводить этот приговор в исполнение, где бы и когда бы ни был

обнаружен член этой организации. Граждане, подданные и лица с видом на жительство должны сообщать о пребывании так называемых «Ангелов» в ближайший полицейский участок или местным представителям власти. При аресте разрешается прибегать к применению силы.

Помощь, укрывательство, недонесение о членах этой организации, объявленной вне закона, считается уголовным преступлением.

Чрезвычайный декрет номер два.

Всякие действия, выполненные от имени «Вдохновителей», но таковыми по сути не являющиеся, либо таковые, выполненные не по приказу «Вдохновителей», также рассматриваются как уголовное преступление. Этот декрет относится непосредственно к тем лицам, которые именуют себя «Советом по выживанию», но ими не ограничивается.

Программа реформ.

Нижеперечисленные меры по проведению реформ должны быть осуществлены немедленно. Политические, юридические и финансовые лидеры под страхом смерти лично и коллективно ответственны за проведение реформ.

Немедленные реформы.

Все вклады, цены и долги замораживаются. Все заклады по недвижимости арестуются. Все выплаты производятся из расчета не выше шести процентов.

Во всех странах национализируется здравоохранение и медицинская промышленность, до какой бы степени они ни были национализированы к сегодняшнему дню. Врачам должно быть назначено жалованье наравне со школьными учителями, медицинским сестрам — наравне с учителями начальных классов, всему остальному персоналу — соответственно. Все граждане, подданные и лица с видом на жительство будут обеспечены всеми необходимыми видами медицинской помощи по первому требованию.

Все учреждения и службы, функционирующие в данное время, будут продолжать свою работу. После завершения переходного периода будут разрешены переезды с места на место как по собственному желанию, так и в тех случаях, когда перемена места жительства будет служить пользе укрепления общественного благосостояния.

Следующие показательные экзекуции будут осуществлены через десять дней плюс-минус два дня. Перечень официальных лиц и лидеров, которым угрожает смерть, обнародованный так называемым «Советом по выживанию», мы не подтверждаем и не отрицаем. Каждый из вас призван заглянуть себе в сердце и спросить себя, ведет ли он себя должным образом и делает ли все положенное для своих близких. Если да, то вам нечего бояться. Если нет, то вы можете оказаться следующим, кто будет образцово наказан в назидание всем тем, кто превратил нашу планету в прообраз ада вместо царства справедливости и равноправия.

Специальный декрет.

Производство псевдолюдей немедленно прекращается. Все так называемые «искусственные люди» и «живые артефакты» должны быть готовы сдаться ближайшему совету по проведению реформ. Пока будут разрабатываться планы наилучшего и разумного трудоустройства этих существ с тем, чтобы они больше не смогли принести вреда людям и дабы впредь не возникали ситуации, провоцирующие развитие нездоровой конкуренции, эти существа будут выполнять свою работу, но все остальное время будут находиться под домашним арестом.

Местным властям запрещается убивать эти существа в следующих случаях...»

Тут объявление было прервано.

ГЛАВА 12

Джордж театрально развел руками:

— Нет, вы подумайте — какой широкий выбор! Ну просто на все вкусы! Выбирайте, не стесняйтесь! Вот вам теократы — сжигатели ведьм. А вот вам — фашистский социализм, разработанный бывшими двоечниками. Не подходит? Вот вам логика откровенных прагматиков, которые готовы пристрелить лошадь, не взявшую барьер. Вперед! По штуке в одни руки!

— Перестань, Джордж, — нахмурился Ян. — Не время для шуток.

— Братец дорогой, я не шучу, я плачу! Одна шайка собирается прикончить меня на месте, другая попросту запрещает мою профессию, а третья, хоть и не угрожает тем же самым напрямую, кажется мне опасней первых двух. И вдобавок наше обожаемое правительство, наша мать родная, объявляет меня врагом, лазутчиком, который только того и заслуживает, чтобы его арестовать. Что же мне делать? Шутить? Или рыдать у тебя на плече?

— Прекратить эту французскую истерику, вот что! Мир сходит с ума прямо у нас на глазах. Так что лучше подумать, что мы могли бы сделать.

— Хватит. Слышите вы оба, хватит! — проговорила Жанет ласково, но твердо. — Есть кое-что, что любая женщина понимает лучше любого мужчины: бывают времена, когда самое разумное — не делать ничего, а только ждать. Я знаю вас обоих как облупленных и прекрасно вижу, что сейчас вы оба готовы сломя голову мчаться на ближайший пункт по вербовке добровольцев, а потом — беспрекословно подчиняться тупоголовым сержантам. Да, это могли сделать ваши отцы и деды, но, простите меня, вам это не поможет. Наша страна в беде, в опасности та жизнь, к которой мы привыкли, это ясно. Но если среди нас есть кто-то, кто может предложить что-то лучше, чем просто сидеть и ждать, пусть скажет. А если нет, то и нечего бегать по кругу. Пора бы поесть. Есть другие предложения?

— У нас был поздний завтрак.

— Ну что ж, значит, и ленч будет поздний. Уверяю тебя, Ян, как только еда появится на столе, ты все слопаешь как миленький и ты, Джордж, тоже. А сделать кое-что все-таки надо. На тот случай, если все станет еще хуже, чем сейчас. Мардж надо будет спуститься в бомбоубежище. Да-да, Ян. Потому что полиция ищет вражеских лазутчиков. Вы, двое храбрых мужчин, подумали, что мы будем делать, если они придут и постучат в дверь?

— Я думал об этом, — ответил Джордж. — Первым делом вы отдадите им Мардж. Это отвлечет их, и тогда я смогу убежать далеко-далеко. Это первый план.

— Верно, — согласилась Жанет. — Надо понимать, есть и второй?

— Не такой простой и изящный, как первый. Я сдаюсь в гестапо, и пусть они выясняют, кто я такой — ваш добрый знакомый и аккуратный налогоплательщик или человек, которого есть за что сажать в тюрьму. А пока я буду таким вот образом жертвовать собой, Мардж может спрятаться в норке и сидеть тихо как мышка. Они не знают, что она здесь. К сожалению, что я здесь, они знают. Но это намного, намного лучше...

— Не играй в благородство, дорогой, тебе это не идет. Лучше соединить оба плана. Если... нет, не если. Когда они явятся и будут искать кого-то из вас или вас обоих, вы оба спрячетесь в бомбоубежище и будете сидеть там столько, сколько понадобится. Дни. Недели. Сколько будет нужно.

Джордж замотал головой:

— Нет-нет-нет! Это не для меня. Там сыро и мерзко!

— Да, кстати, — вставил Ян. — Я же обещал Мардж, что намерен защищать ее от поползновений Джорджа. Какой же смысл спасать ее жизнь, если ты собираешься бросить ее в лапы этого сексуального маньяка?

— От маньяка слышу. Не верь ему, дорогая. Единственная моя слабость — выпить люблю.

— Мардж, ты нуждаешься в защите от Джорджа или нет?

Я совершенно правдиво ответила, что, на мой взгляд, это Джордж нуждается в защите от меня, но почему, уточнять не стала.

— А что касается сырости, — вмешалась Жанет, — влажность в убежище такая же, как во всем доме, вполне здоровый уровень — сорок пять процентов. Так что, милые вы мои, если понадобится, мы вас своими руками запихнем в убежище, но сдавать вас полиции — об этом и думать забудьте.

Жанет обернулась ко мне:

— Пойдем со мной, дорогая. Я чувствую, тебе пора скрыться. Вернее — смыться.

Она отвела меня в мою комнату. Подняв с пола мою сумку, она спросила:

— Что у тебя здесь?

— Ничего особенного. Смена белья, носки. Паспорт. Бесполезная кредитная карточка. Немного наличных. Иден-

тификационные карточки. Блокнот. А багаж в камере хранения в порту.

— Ясно. Ну что ж, очень хорошо. Хорошо, потому что все следы твоего пребывания здесь должны остаться в комнате. Что же до одежды, то размер у нас с тобой одинаковый.

Она открыла гардероб и вытащила оттуда ремень с пластиковым кошельком — обычный женский ремешок с сумочкой для денег. Я такие на многих видела, но сама никогда не носила. Для моей профессии это вещь совершенно бесполезная.

— Клади сюда все самое ценное и застегивай. Мы промокнем с головы до ног. Ничего, что у тебя волосы намокнут?

— А, ерунда. Протру полотенцем, и все дела.

— Отлично. Клади, что нужно, в сумочку и раздевайся. Одежду мочить ни к чему. Ну а если явятся жандармы, ничего страшного — вымокнешь, правда, до нитки, но потом высушишь все в убежище.

Вскоре мы обе уже были в огромной ванной. На мне был только ремешок с кошельком, а на Жанет и того меньше — только улыбка.

— Ну-ка, дорогая, — сказала она, указывая на громадную ванну. — Загляни-ка под сиденье.

— Что-то ничего не разгляжу, — сообщила я, заглянув.

— Так и задумано. Чистая вода — и больше ничего. Единственное место, откуда можно заглянуть под это сиденье, выбрано так, чтобы свет отражался от поверхности воды. А под сиденьем — туннель. Увидеть вход в него невозможно, но, если окунуться в воду с головой, его можно нащупать. Он чуть больше метра в ширину, примерно полметра в высоту и шесть метров длиной. Как ты себя чувствуешь в замкнутом пространстве? Клаустрофобией не страдаешь?

— Нет.

— Отлично. Потому что для того, чтобы попасть в убежище, придется глубоко вдохнуть, нырнуть и проплыть через туннель. Плыть по нему не трудно — в пол вмурованы скобы. Поверь, он вовсе не такой длинный — одного вдоха достаточно, чтобы проплыть и вынырнуть. Там темно

поначалу, но не успеешь оглянуться, как станет светло — там терморегулируемое реле включения света. Я нырну первой, а ты давай следом за мной. Готова?

— Да, готова.

— Ну, вперед!

Жанет ступила в ванну, прошла по дну к сиденью. Вода доходила ей до талии — ну, может, чуть-чуть выше.

— Внимание, глубокий вдох! — скомандовала она себе, улыбнулась, погрузилась в воду и исчезла под сиденьем.

Я вошла в воду, вдохнула и последовала за ней. Входа в туннель я не увидела, но быстро нащупала края отверстия, подтянулась, схватившись за скобы, и поплыла... Правда, мне показалось, что туннель был раза в три длиннее, чем сказала Жанет.

Вдруг прямо передо мной вспыхнул свет. Я поплыла к нему. Последний рывок — и я встала на ноги. Жанет протянула мне руку и помогла выйти из воды. Я оказалась в маленькой комнате — до потолка тут было не больше двух метров. Получше могилы, пожалуй, но ненамного.

— Сюда, дорогая.

«Сюда» означало массивную стальную дверь, которая находилась довольно высоко от пола. Мы перелезли через порог, и Жанет плотно прикрыла за нами дверь, которая издала тяжелый вздох. Пневматика, наверное, подумала я.

— Да, дверь пневматическая, — угадала мою мысль Жанет. — Если поблизости взорвется бомба, взрывной волной воду вытолкнет по узкому туннелю. Дверь выдержит. Если, конечно, будет прямое попадание... но мы, честно говоря, на это не рассчитывали, когда строили убежище. Ну, осматривайся, будь как дома. А я пойду полотенце поищу.

Мы находились в длинной узкой комнате со сводчатым потолком. Вдоль правой стены стояли кушетки, рядом с ними — стол со стульями и терминал. Вдоль дальней стены шла небольшая галерея. Там была и дверь, которая явно вела в душевую или ванную, поскольку Жанет вышла оттуда с большим пушистым полотенцем в руках.

— Стой смирно, мамочка вытрет тебя, — улыбнулась она. — Сушилки тут нет. Все просто, никакой автоматики,

я все специально так устроила. Но, как видишь, вполне можно управиться.

Она вытерла меня насухо, передала мне полотенце, и я вытерла ее — это было приятно (Жанет очень хороша собой, а фигура у нее не хуже моей). Наконец она сказала:

— Ну хватит. А теперь, дорогая, давай-ка я проведу с тобой небольшой инструктаж — долларов так на пять. Не думаю, что ты еще раз здесь окажешься — разве что действительно придется прятаться. Но чем черт не шутит — вдруг ты окажешься тут одна, так что лучше знать, где тут что.

Во-первых, обрати внимание вот на эту книжечку — вон она висит на цепочке на стенке. Это руководство и план. Имея эту книжку, тебе в общем-то и инструктаж никакой не нужен, там все-все расписано. Где найти аспирин и нашатырь, где яблочный сок, ну и так далее.

Но все-таки инструктаж она со мной провела — я бы сказала, на все триста девяносто пять долларов — и рассказала, где хранятся продукты, где холодильник, запасы воздуха, ручной насос для подачи воды, если вдруг будет слабый напор, одежда, лекарства и так далее...

— Я планировала все так, — сообщила она, — чтобы тут могли безбедно прожить три человека в течение трех месяцев.

— А как сюда доставляются дополнительные запасы?

— А ты как бы это сделала?

Я ненадолго задумалась.

— Наверное, выкачала бы воду из ванны и туннеля.

— Все правильно. Там есть резервуар — потайной, на плане дома он не значится, как и все убежище. Но, кроме того, можно все, что нужно, и по воде переправить, если упаковать в герметичные пакеты. Кстати, как твой ремешок, выдержал?

— Вроде бы все в порядке. Я выпустила из него весь воздух, прежде чем застегнуть. Джен, скажи честно, ведь это не просто бомбоубежище, иначе ты не стала бы его так тщательно планировать, да еще скрывать, где оно находится?

Она понизила голос:

— Послушай, ты на редкость сообразительна. Все пра-

вильно. Стала бы я так возиться, если бы это было обычное бомбоубежище! Если вправду начнется скидывание водородных бомб... знаешь, мне не хотелось бы дожить до его окончания. Придумала я это в основном для того, чтобы здесь можно было переждать то, что обычно называют гражданскими беспорядками.

Она продолжала:

— Мои дедушка и бабушка рассказывали, что были времена, когда люди были добрые и никто не боялся ходить ночью по улицам и что порой люди даже двери на ночь не запирали, не говоря уже о том, чтобы окружать дома заборами и стенами с колючей проволокой и лазерами... Может, так оно и было — я этого не помню. Но мне всю мою жизнь казалось, что времена становятся все хуже и хуже. Понимаешь, как только я окончила университет, я пошла работать разработчиком потайных защитных помещений в старых перестраиваемых домах. Но хитрости, используемые тогда, были настолько невинны! А ведь было-то это всего несколько лет назад. Тогда только и нужно было — напугать грабителя или врага, остановить и напугать. Теперь же практикуется так называемая двухэтапная защита. Если грабитель не пугается и не останавливается на первом этапе, на втором этапе его убивают. Совершенно противозаконная вещь, но все, кто может себе это позволить, делают все именно таким образом. А теперь, Мардж, подумай, что я тебе не показала. В книжку не подглядывай — там это написано. Я хочу, чтобы ты сама догадалась. Что я тебе не показала самое главное?

(Так... Она правда хочет, чтобы я ей сказала?)

— Похоже, ты мне все показала — главный «Шипстоун» и дополнительные...

— Подумай хорошенько. Представь себе: дом взрывается у тебя над головой. Или он занят врагами. Или просто пришла полиция и ищет тебя и Джорджа. Что еще может понадобиться?

— Ну... все, кто живет под землей — лисы, кролики, кроты, — всегда роют себе дополнительный выход — черный ход.

— Умница девочка! Ну и где же он?

Я притворилась, что ищу во все глаза. Но на самом деле инстинкт самосохранения, развитый у меня в результате длительных и упорных тренировок, уже давно отдал мозгу команду: «Не расслабляться, пока не найдешь пути для отступления!» Понятно, что отводной туннель должен быть вон в той стороне — поэтому, скорее всего, вход в него спрятан за платяным шкафом.

— Да... — протянула Жанет, когда я сообщила ей свои выводы. — Уж не знаю, что и делать — не то тебя поздравлять, не то задуматься, не стоит ли замаскировать вход в туннель еще лучше. Да, все так — через платяной шкаф и налево. Свет зажигается, как только в туннеле появляется объект с температурой тридцать семь градусов Цельсия. Точно так же, как в основном туннеле. Светильники там питаются от собственных «Шипстоунов», и запаса энергии там хватит практически навечно, но мало ли что — никогда нелишне взять с собой свежезаряженный карманный фонарик, а где они лежат, я тебе уже рассказала. Дверь хорошо закамуфлирована, но нужно просто сдвинуть ее вбок, а потом она легко открывается.

— Просто восхитительно! Но, Джен... Если представить другой вариант: кто-то решил забраться в дом с другой стороны? Ну я, к примеру. Я ведь, в общем, человек случайный...

— Ты не случайный человек. Ты — старая подруга, которую мы знаем давным-давно. Да, есть небольшая вероятность, что кто-то найдет вход в туннель снаружи, хотя он неплохо замаскирован. Во-первых, во всем доме сразу сработает куча сигнализации. Тогда мы заглянем в туннель на расстоянии — все будет видно как на ладони на экране одного из домашних терминалов. Тогда мы кое-что предпримем, для начала самые мягкие меры вроде слезоточивого газа. Но если нас не будет дома в то время, когда кому-то взбредет в голову шастать по туннелю, — вот тогда мне будет очень жалко Джорджа и Яна.

— Почему ты так говоришь?

— Потому что меня жалеть не придется. У меня начнется нервный припадок — это ведь так по-женски, правда?

Я не большая любительница возиться с трупами, в особенности — с разложившимися.

— М-м-м... Да...

— Нет, понимаешь, ничего такого не случится, если только тот балбес, что заберется в туннель, догадается вовремя в штаны надуть. Помни, Мардж: я — профессиональный разработчик защитных устройств, поэтому и не забыла о двухэтапном принципе. Ну, к примеру: кто-то идет себе по бережку, гуляет и вдруг наталкивается на выход из туннеля, влезает в него, обломав на руках все ногти, — тут с ним пока еще ничего нехорошего не случается. Если это кто-то из нас — возможно, но маловероятно, мы просто нажимаем кнопку, спрятанную около двери, — кстати, нужно будет тебе показать, где она. Если же это на самом деле взломщик, он увидит табличку: «ЧАСТНОЕ ВЛАДЕНИЕ. НЕ ВХОДИТЬ!» Допустим, он не обращает на это внимания и топает вперед еще несколько метров, поплевывая на то, что громкий голос продолжает честно и откровенно предупреждать его, что этого делать не стоит, и добавляет, что владение оборудовано активными средствами защиты. Идиот, невзирая на это, продолжает идти вперед. Воют сирены, мигают огни, а он прется как баран... Ну вот тогда-то бедненьким Яну и Джорджу приходится убирать из туннеля то, что от него останется. Нет, не наружу и не в дом. Если кто-то попытается покуситься на наше владение и будет — болван такой — пытаться пройти дальше, его просто не станет — он пропадет без вести. Рассказать как?

— Что-то не хочется...

(Да... Потайной ход и вечные пленники, замурованные в ниши в его стенах... Интересно, сколько их там уже? Жанет, ты похожа на безмятежный розовый закат, а ведь если ты не переживешь эти сумасшедшие годы, ты запросто можешь оказаться там же, рядом с теми — новая Мария Медичи...)

— Я тоже так думаю. Ну что тебе еще показать?

— Не надо больше ничего, Джен. Я все-таки всей душой надеюсь, что мне не понадобится твое восхитительное убежище. Пойдем обратно?

— Пойдем. Только...

Она подошла ко мне и положила руки мне на плечи.

— Так что ты шепнула мне на ушко?

— Ты же слышала...

— Да, слышала.

Она притянула меня к себе... и тут же вспыхнул экран терминала.

— Ленч готов!

Джен недовольно пробурчала:

— Ну вот, мужики все испортили...

ГЛАВА 13

Ленч был восхитителен. Всевозможные солености, сыры, хлеб разных сортов, пресервы, орехи, редиска, устрицы, спаржа и много еще чего. Все это красиво расположилось вокруг громадной супницы, которая стояла в центре стола. Рядом с ней стояла сковородка — на ней в горячем масле шипели кусочки хлеба, посыпанного чесноком. Джордж помешивал суп с величественностью метрдотеля и разливал его в большие глубокие тарелки. Когда я села за стол, Ян повязал мне вокруг шеи большую салфетку.

— Залезай в еду по самые уши — можешь пачкаться как поросенок, — посоветовал он мне.

Я попробовала суп.

— Так я и сделаю! — воскликнула я в восхищении и добавила: — Жанет, похоже, ты вчера только и делала, что варила этот супчик.

— А вот и нет! — ответил за нее Ян. — Этот супчик бабушка Джорджа оставила ему в наследство.

— Он преувеличивает, — возразил Джордж. — Не бабушка, а моя дорогая матушка начала варить этот суп в незапамятные времена — когда я родился. У моей старшей сестры были на него большие виды, но она вышла замуж за человека жуткого и недостойного — да простят меня присутствующие — за британского канадца, — и, естественно, секрет приготовления супа достался мне в наследство. Я всегда старался следовать рецепту, но, пожалуй, все-таки и вкус, и букет были получше, когда его варила мама.

— Я в таких вещах ни капельки не смыслю, — ответила я. — Мне только ясно, что этот суп не состоял ни в каких отношениях с консервной банкой.

— Я начала готовить его на прошлой неделе, — сообщила Жанет, — но потом ко мне присоединился Джордж и доварил его до конца. В супах он смыслит побольше моего.

— Ну а я в супах смыслю только то, что их нужно есть, и очень надеюсь, что будет добавка.

— Ну, на этот счет можешь не сомневаться, — пообещал Джордж. — Всегда есть возможность подкинуть туда еще одну мышку.

— Что нового в ящике? — спросила Жанет.

— Боже, что я слышу! А как же твое правило — «Ни слова о политике за столом»?

— Ян, любовь моя, кому как не тебе знать, что все мои правила касаются исключительно других, а не меня. Ну так что там?

— Да в общем-то, особых перемен не наблюдается. Сообщений о террористических актах не поступало. Если и были какие-то жалобы, то, судя по всему, наше заботливое правительство решило, что лучше поберечь наши уши и нервную систему. Проклятье! Как же меня бесит это отношение! «Папочка лучше знает, что можно, а что нельзя!» Да ничего этот папочка лучше не знает: знал бы, так не сидели бы мы тут — все в дерьме по уши. Все, что мы знаем, — это то, что правительство ввело цензуру. А это значит, что мы не знаем ни-че-го! И мне очень хочется кого-нибудь пристрелить.

— Удивил. Вот уж чего-чего, а этого как раз хватает. Или ты решил записаться в «Ангелы Господни»?

— Ты бы лучше улыбалась, когда говоришь такое! Или ты хочешь, чтоб я тебя поколотил немного?

— Видно, ты забыл, что произошло, когда ты в последний раз пытался это сделать?

— Потому я и сказал «немного».

— Золотко мое, прописываю тебе три дозы крепкого спиртного. Мне жалко на тебя смотреть. Думаешь, мне все это нравится? Ничего не поделаешь, надо пережить.

— Джен, ты иногда становишься жутко обидчива. А бе-

шусь я только потому, что в новостях — дыра, черная дыра... и никаких объяснений!

— Да?

— Космополиты, Джен. Все новости — исключительно о территориальных государствах, и ни слова о корпорациях. Но каждый, кто способен досчитать до десяти, не снимая туфель, знает отлично, в чьих руках сейчас власть. А эти жаждущие крови шутники не знают?

Джордж тихо проговорил:

— Как знать, старик, может, именно поэтому про корпорации, как про мишени, не было сказано ни слова?

— Да, но... — Ян запнулся.

— Ян, — сказала я. — В тот день, когда мы познакомились, ты говорил, что нет никакой возможности победить корпоративные государства. Помнишь, ты говорил про «Ай-Би-Эм» и Россию?

— Я не совсем так говорил, Мардж. Я сказал, что против космополитов бесполезно действовать физическим оружием. Ведь когда эти гиганты воюют друг с другом, они пускают в ход денежки, шпионаж и прочие маневры, в результате чего в войне участвуют юристы и банкиры — и никакого тебе насилия. О да, порой они сражаются с помощью наемных армий, но это не есть их типичный стиль, да и сами они этого не признают. Но теперешние шутники-то пользуются как раз теми самыми методами — таким оружием, которое может ударить и ударит по космополитам — терроризм и саботаж. Это настолько очевидно, что меня искренне удивляет, почему нам об этом до сих пор не сообщают!

Я откусила большой кусок французского хлеба, съела ложку божественного супа, прожевала и сказала:

— Ян, а тебе не кажется, что очень возможно, что одна — а может, и не одна — космополитическая организация стоит за всем этим, действуя через подставных лиц?

— Так... Мардж, ты не перестаешь меня удивлять! Я ведь заприметил тебя тогда в салоне по причинам, не имеющим никакого отношения к политике! И к твоему уму, кстати будет сказано...

— Знаю.

— ...но ты продолжаешь доказывать, что с умом у тебя все в порядке. Ты сразу ухватила, что не так в моем отношении к пилотам-искусственникам, — и я собираюсь воспользоваться твоими аргументами на встрече в Ванкувере. Теперь ты проанализировала эту странную неувязку с новостями и положила на место последний кусочек из головоломки, и смотрите — все сошлось!

— Не уверена, что так уж и сошлось, — возразила я. — Но, судя по новостям, терроризм и саботажи имели место по всей Земле, на Луне и даже на Церере. Для этого нужны сотни — нет, тысячи людей! Терроризм и саботаж — дело профессиональное, тут подготовка нужна. Любители, отыщись такие, проваливались бы семь раз из десяти. Все это значит — деньги. Огромные деньги. Тут не потянула бы ни самонадеянная политическая организация, ни приверженцы безумного религиозного культа. Ну у кого хватит денег, чтобы поставить такой всемирный, межпланетный спектакль? Не знаю. Я просто высказала предположение.

— А я думаю, что ты все решила, и решила, что самое интересное, правильно! Все ясно, кроме одного, — кто? Скажи, Мардж, а чем ты занимаешься в то время, когда не живешь со своей семьей на Южном острове?

— Нет у меня семьи на Южном острове, Ян. Мои мужья и названые сестры развелись со мной.

Сказав это, я была не менее шокирована, чем он.

Наступила тишина. Ян сглотнул комок в горле и тихо проговорил:

— Прости, Мардж.

— Не за что, Ян. Была ошибка, она исправлена. И конец. Я больше никогда не поеду в Новую Зеландию. А вот в Сидней слетаю с радостью — повидаться с Бетти и Фредди.

— Уверен, они будут рады.

— Я-то точно буду рада. А они приглашали меня. Ян, а что преподает Фредди? Мы как-то об этом не поговорили.

За Яна ответил Джордж:

— Федерико — мой коллега, дорогая. Счастливая случайность, которая привела меня в этот дом.

— Все правда, — подтвердила Жанет. — Толстячок и

Джордж вместе расщепляли гены в Мак-Гилле. Там Джордж познакомился с Бетти, а Бетти отфутболила его ко мне.

— И мы с Джорджем начали упорное сотрудничество, — согласился Ян, — потому что каждому из нас в одиночку было не управиться с Жанет. Верно, Джордж?

— Все верно, братец. Ну если считать, что мы вдвоем с ней управляемся.

— Скромные какие! — рассмеялась Жанет. — Я знаю только, что мне с вами двумя управиться трудно. Похоже, придется звать Мардж на помощь. Как ты, Мардж?

Я не приняла этого полушутливого предложения всерьез — я была уверена, что ни о чем серьезном не может быть и речи. Просто-напросто все старались загородиться болтовней от того шока, который все без исключения испытали от высказанного мной предположения. И все мы это понимали. Но заметил ли кто-нибудь, что о моей работе меня никто больше не спрашивал? Я знала, что произошло, но почему моя проклятая подкорка решила, что нужно вот так вдруг — откровенно и ясно — изложить свои выводы? Я никогда не выдаю секретов Босса!

Тут я ощутила непреодолимое желание немедленно связаться с Боссом. Участвовал ли он в этой заварушке? Если да — то на чьей стороне?

— Еще супа, мадам?

— Не давай ей супа, пока она мне не ответит.

— Ну, Жанет, ты же пошутила. Джордж, если я съем еще супа, придется съесть еще и хлеба с чесноком, а тогда я растолстею. Нет. Не искушай меня.

— Еще супа?

— Ладно, только совсем капельку.

— Мардж, я совершенно серьезно, — настаивала Жанет. — Я не пытаюсь навязать тебе обязательства, потому что, скорее всего, сейчас тебя просто тошнит от напоминаний о матримониальных делах. Но ведь можно просто попробовать, а к обсуждению вернуться через годик. Если ты захочешь. А пока я готова оставить тебя здесь в качестве подружки... и буду позволять этим козлам оставаться с тобой в одной комнате, только если буду довольна их поведением.

— Минуточку! — запротестовал Ян. — А кто ее сюда привез, а? Мардж — моя подружка!

— Судя по тому, что я слышала от Бетти, она — подружка Фредди. Ты привез ее сюда вместо Бетти. Но это было вчера, а сегодня она — моя подружка. И если кто-то из вас желает поговорить с ней, он может подойти к ней, но должен у меня купить билетик. Сначала — билетик! Разве не так, Марджори?

— Как скажешь, Жанет. Но все это к делу не имеет отношения, потому что сейчас мне действительно пора ехать. У вас в доме есть карта пограничных районов? Мне нужна крупномасштабная. Я имею в виду южную границу, естественно.

— Ради бога. На любом компьютере. Если нужна распечатка, иди в мой кабинет. Рядом с моей комнатой. Там есть принтер.

— Да, но мне не хотелось бы прерывать новости.

— Ты их не прервешь. Мы можем безболезненно отключить один терминал — у нас их, как видишь, полно. Это совершенно необходимо в доме, где полным-полно индивидуалистов.

— И главный из них — наша милочка Жанет, — согласился Ян. — Мардж, а на кой тебе сдалась большая карта границы с Империей?

— Знаешь, Ян, я бы с превеликим удовольствием отправилась домой подземкой. Но не могу. А раз не могу, нужно же найти какую-то дорогу до дома.

— Так я и думал. Милая ты моя, придется мне забрать твои туфельки! Ты что, не понимаешь, что тебя пристрелят на месте при переходе границы? Уверен, что сейчас пограничники по обе стороны палят вовсю и соревнуются в счете.

— Ну... ладно, но карту-то я могу посмотреть?

— Конечно. Если дашь мне честное слово не пытаться перейти границу.

— Брат мой, — мягко проговорил Джордж. — Не стоит вводить кого-либо в искушение сказать неправду.

— Джордж прав, — согласилась Жанет. — Никаких вынужденных обещаний. Иди, Мардж. А я тут приберу. Ян, ты вроде бы вызывался помочь?

Следующие два часа я провела у терминала. Я запомнила всю линию границы целиком, потом стала рассматривать ее с максимальным увеличением на отдельных участках. Знаете, на самом деле нет ни одной неприступной границы, несмотря на то что некоторые государства возводят вдоль своих рубежей «неприступные» стены. Как правило, стоит переходить границу именно в тех местах, где стоят пограничные посты, — чаще всего как раз там контрабандисты проторили дорожки. Но торными путями мне идти не хотелось.

Пограничных постов неподалеку было в избытке: Эмерсон, Пайн-Крик, Южное Слияние, Гретна, Майда... Я внимательно разглядела течение реки Розовой, но она текла не туда, куда мне было нужно — на север, где впадала в Ред-Ривер. Карта была не слишком подробная, но я обратила внимание на пустое пространство, тянущееся к востоку от Виннипега до Лесного озера. На карте этот участок был окрашен в цвет Империи, и в принципе ничто не мешало перейти границу здесь, если только не боишься преодолеть несколько километров болота. Я — не сверхчеловек, и меня, как всякого другого, может засосать трясина, но этот неохраняемый участок границы выглядел весьма соблазнительно. В конце концов я выбросила из головы и этот вариант, поскольку, хоть эта территория и была одного цвета с имперскими владениями, она была отделена от Империи водной преградой шириной в двадцать один километр. Украсть лодку? Я могла даже самой себе поклясться в том, что любая лодка, пересекающая такое широкое озеро, обязательно попадет под луч пограничного лазера. А что это значит? Ответить мне будет нечем, и в результате в борту появится дыра, сквозь которую спокойно пролезет собака. Я не имею обыкновения спорить с лазерами — их не подкупишь, и зубы им заговаривать бесполезно, поэтому-то я и выбросила этот план из головы.

Я как раз закончила изучение карты и сидела, прикрыв глаза, повторяя в уме все, что запомнила, как на экране терминала появилось взволнованное лицо Жанет.

— Марджори, бегом в столовую, быстро!

Я примчалась быстро как могла — даже чересчур быстро по человеческим меркам.

Ян говорил с кем-то, чье лицо было на экране. Джордж стоял в стороне — так, чтобы его не было видно тому, с кем говорил Ян. Жанет жестом показала мне, что и мне следует поступить так же.

— Полиция, — сказала она вполголоса. — Думаю, тебе следует немедленно спуститься в убежище. Сиди там и жди, а как только они уйдут, я тебе сразу дам знать.

Я тоже понизила голос:

— Они знают, что я здесь?

— Пока непонятно.

— Давай удостоверимся. Если они знают, что я здесь, и не смогут найти, у вас будут неприятности.

— Плевать мы хотели на неприятности.

— Благодарю. Но давай все-таки послушаем.

Ян довольно дружелюбно обратился к физиономии на экране:

— Мелл, кончай. Джордж не вражеский лазутчик, и ты это отлично знаешь. А насчет этой... «мисс Болдуин», ты сказал? Какого дьявола ты ищешь ее здесь?

— Она отбыла из порта вчера вечером вместе с тобой и твоей женушкой. Если она уже не у вас, значит, вы должны знать, где она. Что же до Джорджа, то на сегодняшний день любой из Квебека — вражеский лазутчик, как бы долго он тут ни околачивался. Но скажу тебе по старой дружбе, лучше будет, если его задержишь ты, его приятель, а не полиция. Так что давай-ка вырубай противовоздушную защиту: я готов приземлиться.

Жанет прошептала, скривив губы:

— Тоже мне — «по старой дружбе»! Он ведь за мной волочился еще в студенческие годы. И все это время я ему отказывала — упорный, гад, оказался!

Ян вздохнул:

— Да, Мелл, самое время вспоминать о старой дружбе. Если бы Джордж был здесь, он бы, я думаю, предпочел, чтобы его арестовал кто-нибудь посторонний. Так что проваливай-ка подобру-поздорову да не задерживайся.

— Ага, вот так, значит? Ладно! Сам виноват. Говорит

лейтенант Дики. У меня ордер на арест. Приказываю отключить противовоздушную оборону — я приземляюсь.

— Ян Торми, домовладелец, принял сообщение. Лейтенант, покажите мне ордер на арест, чтобы я смог прочитать и сфотокопировать его.

— Ян, ты совсем сбрендил, что ли? Чрезвычайное положение, никакие ордера не требуются!

— Недослышал!

— Ничего, сейчас расслышишь! Я собираюсь взорвать и уничтожить твою противовоздушную защиту. А если я это сделаю, дела ваши плохи, сам понимаешь.

Ян обреченно развел руками и набрал несколько клавиш на пульте.

— Защита отключена.

Потом он нажал клавишу «пауза» и обернулся к нам.

— У вас двоих не больше трех минут, чтобы скрыться в убежище. Я не смогу его дольше продержать у двери.

Джордж не моргнув глазом проговорил:

— Я не стану прятаться под землей, как крот какой-нибудь. Я готов защищать свои права. Если у меня это не выйдет, я подам в суд на Мелвина Дики, вот тогда прятаться придется ему.

Ян пожал плечами:

— Ты просто бешеный галльский петух. Но, с другой стороны, ты большой мальчик уже, тебе решать. Мардж, умоляю, иди в убежище, детка! Тогда нам будет довольно легко отделаться от него, он ведь не знает наверняка, что ты здесь.

— Да, спущусь, если будет нужно. Но может, пока стоит просто спрятаться в ванной? Он ведь может и уйти. Там я включу терминал и буду смотреть, что тут у вас делается. Ладно?

— Мардж, ты становишься непослушной!

— Тогда заставь Джорджа спуститься вместе со мной. Если он остается, тут может потребоваться моя помощь. А я могу помочь. Ему и вам всем.

— Боже праведный, о чем ты?

А я сама не знала о чем. Но как-то непривычно было — это при моей-то подготовке! — взять и выйти из игры и спрятаться в уютной норке, пока остальные отдуваются.

— Ян, этот Мелвин Дики... мне кажется, он хочет сделать Джорджу что-то нехорошее — я поняла это по его голосу. Если Джордж не пойдет со мной в убежище, значит, мне нужно быть рядом, чтобы убедиться, что этот человек не сделает Джорджу ничего дурного — всякому, кто попадает в руки полиции, нужен свидетель с его стороны.

— Мардж, но ты же не сможешь...

В это мгновение оглушительно прозвенел дверной звонок.

— О, проклятие! Он уже у двери! Смывайся в убежище, быстро!

Уйти я ушла, но в убежище не спустилась. Я быстро добежала до ванной, закрылась там, включила терминал и стала смотреть, что происходит в гостиной. Когда я включила звук, у меня возникло полное впечатление, что я там нахожусь.

Вошел полисмен. За ним следом — Ян. Полисмен был ростом не ниже Яна, но по глазам сразу было видно, что душонка у него маленькая и подлая. А уж самомнение... Он торжествующе провозгласил:

— Вот ты где! Перро, я арестую тебя за то, что ты добровольно не сдался властям в соответствии с пунктом Декрета о чрезвычайном положении.

— Не знаю никакого декрета.

— Не заливай! Это было во всех выпусках новостей!

— А я новости не смотрю. И декрета никакого не знаю. Могу я посмотреть копию приказа, согласно которому ты должен арестовать меня?

— Ты, Перро, со мной лучше шутки не шути! Мы действуем на благо национальной безопасности, в рамках чрезвычайного положения. А с приказом сможешь ознакомиться, когда я доставлю тебя куда следует. Ян, назначаю тебя понятым. Возьми-ка браслетики.

Дики сунул руку в задний карман брюк и достал наручники.

— Надень на него. Перро, руки за спину!

Ян не пошевелился.

— Мелл, не корчи из себя большего идиота, чем ты есть. Уж наручники-то тебе зачем на Джорджа надевать?

— Пошел ты! Мне лучше знать, что я должен, а что нет. А за «идиота» ответишь! У нас народу не хватает — я один вылетел, чтобы арестовать его. Охота была рисковать! Поторопись и надень на него наручники, я сказал!

— Убери пистолет, слышишь!

Больше смотреть я была не в силах. Выскочив из ванной, я пулей промчалась по длинному холлу и вбежала в гостиную. Внутри у меня все похолодело и напряглось — я поняла, что инстинктивно переключилась на режим усиления реакций.

Дики пытался держать под прицелом сразу троих, и одной из троих была Жанет. Этого ему делать не следовало. Я подлетела к нему, вырвала пистолет и резко ударила ребром ладони по шее. Шейные позвонки издали противный хруст — они всегда так неприятно хрустят. С берцовыми и лучевыми костями проще.

Я опустила его обмякшее тело на ковер и бросила рядом с ним его пистолет, успев заметить, что это «райтеон» пятьдесят пятого калибра. Таким можно слона уложить с одного выстрела. И зачем мужчинам с хилыми душонками такое мощное оружие? Компенсация?

— Джен, — спросила я, — ты в порядке?

— Д-да...

— Я постаралась успеть. Ян, вот что я имела в виду, когда говорила, что тут может понадобиться моя помощь. Нужно было все-таки мне здесь остаться. Чуть не опоздала.

— Ну и скорость! Я такого в жизни не видел!

Джордж четко проговорил:

— А я видел.

Я пристально посмотрела на него.

— Не сомневаюсь. Джордж, можешь помочь мне унести его, — я показала пальцем на тело полисмена, — и еще: ты умеешь водить полицейскую машину?

— Могу, если нужно.

— Ну и я примерно так же. Давайте уберем труп. Жанет немного рассказала мне, куда деваются в вашем доме трупы, но точное место не показала. Какая-то ниша в стене черного хода, наверное? Нужно спешить. Ян, как только мы уберем труп, нам с Джорджем можно лететь. Впрочем,

Джордж может остаться и забыть обо всем. Просто когда труп исчезнет, и ты, и Жанет имеете полную возможность притвориться дурачками. Никаких улик. Знать ничего не знаете. Но мы должны поторопиться, пока его не начали искать.

Джен тихо опустилась на колени перед мертвым полисменом.

— Мардж, ты же правда его убила...

— Да. Он вынудил меня. Но сдёлала я это не без причины. Когда имеешь дело с полисменом, его почти всегда проще убить, чем убедить. Джен, он не должен был целиться в тебя из своей пушки. Если бы он не сделал этого, я бы просто его разоружила, а убила бы только в том случае, если бы это было необходимо.

— Ты действительно быстро прибежала. Только что тебя не было, и вдруг ты появилась... И Мелл упал. «Он заслужил смерть...» Не знаю. Но мне его не жаль. Он подлец. Вернее — был подлецом.

Ян медленно, подбирая слова, проговорил:

— Мардж, не знаю почему, но ты, видимо, не понимаешь, что убийство офицера полиции — дело серьезное. Это единственное уголовное преступление, которое до сих пор значится в судебном кодексе Британской Канады.

Когда люди говорят вот так, я их не понимаю: чем же это полицейский отличается от любого другого человека?

— Ян, для меня — серьезное дело, когда кто-то целится из пистолета в моих друзей. А когда целятся в Жанет — это уголовное преступление. Прости, я огорчила тебя. Но теперь... есть труп, от которого нужно избавиться, и, кроме того, есть полицейская машина. Я могу помочь. Или — могу исчезнуть. Выбирай одно из двух, только быстро. Мы же не знаем, как скоро его начнут искать. Его и... нас. Они обязательно начнут!

Еще не кончив говорить, я принялась обыскивать труп. Сумки у полисмена с собой не было, я обыскивала карманы, стараясь быть осторожной с брючными — его сфинктеры явно не выдержали стресса — дело обычное. Слава богу, он только обмочился, и пока от него не так уж сильно несло. Я нашла в карманах куртки бумажник, рацию,

идентификационные карточки, деньги, кредитные карточки — в общем, всякую ерунду, без которой, однако, немыслимо существование современного человека. И взяла бумажник и пистолет, остальное меня не интересовало. Подняв с ковра наручники, я спросила:

— Есть возможность уничтожить металл? Или это нужно сунуть туда же, куда и труп?

Ян кусал губы и ничего не ответил. Джордж мягко и тихо сказал ему:

— Ян, умоляю тебя, прими помощь Мардж. Ясно как божий день, что она — профессионал.

Ян очнулся:

— Бери его за ноги, Джордж.

Мужчины поволокли труп полисмена в большую ванную Жанет. Я бежала впереди и несла пистолет Дики, наручники и бумажник. Вбежав в комнату, я бросила все это на кровать и стала быстро раздеваться. Тут как раз вошли мужчины со своей ношей. Когда они опустили тело на пол, Ян посоветовал:

— Мардж, тебе не стоит спускаться. Мы с Джорджем все сделаем и уничтожим труп.

— Хорошо, — согласилась я. — Только я лучше сначала обмою его. Я знаю, что делать. Я уже разделась, как видите, и у меня это лучше получится. А потом я быстро приму душ.

Ян на мгновение растерялся, потом сказал:

— Черт подери, мыть-то его зачем? И так хорош!

— Хорош-то он хорош, да только потом, когда вы захотите пользоваться ванной или нырять в туннель и обратно, вам придется ждать, пока сменится вода, и драить ванну. Проще труп обмыть.

Вошла Жанет.

— Джен, ты говорила, что вода из ванны сливается в резервуар. Как долго? Полный цикл туда и обратно?

— Час примерно. Насос слабенький.

— Ян, если вы быстро разденете его, я вымою его минут за десять. Насчет его одежды... Она отправится вместе с ним в могилу — или как там вы это называете — или ее можно как-то уничтожить? Вещи тоже надо протаскивать через туннель?

Дальше все пошло быстро. Ян включился в работу, а я всеми руководила. Джен тоже разделась и вызвалась помочь мне обмыть тело, а Джордж унес одежду лейтенанта и запустил стиральную машину. Ян нырнул в туннель, чтобы все подготовить. Мне не хотелось, чтобы Жанет помогала мне возиться с трупом — я была уверена, что без практики аутогенной тренировки она не справится. Не знаю, был ли у нее такой опыт, но работала она на удивление спокойно и быстро. Только пару раз нос наморщила, а так — все было нормально, и, конечно же, с ее помощью все у нас вышло намного скорее.

Джордж принес обратно выстиранную одежду. Жанет засунула вещи в пластиковый мешок и выпустила из него воздух. Ян вынырнул из туннеля, держа в руке конец веревки. Мужчины подвязали веревку под мышки того, кто был лейтенантом Дики, и вскоре тело исчезло в отверстии туннеля.

Еще через двадцать минут мы все были сухими и чистыми, а в доме не осталось никаких следов пребывания лейтенанта Дики. Жанет вошла в «мою» комнату, когда я перекладывала мелочи, обнаруженные мной в карманах полисмена, в сумочку на ремне, которую она мне подарила, а именно: деньги, две кредитные карточки — «Американ экспресс» и «Кленовый лист».

Она не стала меня распекать за грабеж покойного — да я бы ее все равно не послушала.

В эти кошмарные дни существовать без действующей кредитной карточки или наличных было просто невозможно. Джен вышла из комнаты, быстро вернулась и принесла денег — вдвое больше, чем я выудила у покойного. Я взяла у нее деньги и сказала:

— Ты должна отдавать себе отчет, что я сама не знаю, когда смогу вернуть тебе долг.

— Я все понимаю, Мардж. Я богачка. У меня большое наследство. Послушай, дорогая, он ведь целился в меня, а ты прикончила его голыми руками. Разве существует сумма, которой я могла бы расплатиться за это? Там были оба моих прекрасных мужа, а убила его ты.

— Не обижайся на мужчин, Жанет. Просто у них нет моего опыта.

— Это я заметила. Когда-нибудь, бог даст, свидимся, и ты мне об этом расскажешь. Ты думаешь, что сумеешь пробраться в Квебек?

— Думаю, сумею, если Джордж согласится бежать со мной.

— Так я и предполагала.

Она предложила мне еще денег.

— У меня в доме нет квебекских франков в большом количестве, но вот все, что у меня есть.

В это время вошли мужчины. Я поглядела на свои часы, потом на настенные.

— Уже сорок минут прошло, как я убила его, и уже час он не выходил на связь со своими. Джордж, я хочу поднять машину в воздух, вот ключ от нее. Если только ты не полетишь со мной и не возьмешь это на себя. Полетишь? Или останешься и будешь ждать, пока за тобой придут и арестуют тебя? Как бы то ни было, я улетаю. Немедленно!

— А давайте все улетим? — совершенно неожиданно выпалила Жанет.

— Вот это поворот! — улыбнулась я.

— Ты действительно хочешь лететь, Джен? — спросил Ян угрюмо.

— Я... — и она запнулась. В глазах у нее стояли слезы, она была растеряна. — Нет, не могу. Кошка, котята... Черная Красавица и Демон, Звездочка и Рыжик... Конечно, можно запереть дом, и тут все будет в порядке — он не замерзнет даже на одном «Шипстоуне», но нужно еще день-два, чтобы собрать в дорогу тех, кого возьмем с собой, а остальных надо же где-то пристроить... Ох, я еще про свинку забыла! Нет, не могу их бросить. Не могу!!!

Говорить было нечего, потому я и промолчала. Ледяные пропасти ада разверсты для тех, кто бросает в беде котят и лошадей. Босс говорит, что я сентиментальна до глупости, наверное, он прав.

Мы вышли из дома. Начинало смеркаться, и вдруг я с убийственной отчетливостью поняла, что вошла в этот дом всего лишь сутки назад. А казалось, прошел целый месяц! Боже мой, всего двадцать четыре часа назад я еще была в Новой Зеландии! Целая вечность...

Полицейская машина сидела на грядках огорода. Когда Жанет увидела это, она выразила свое неудовольствие словами, которые я никак не ожидала от нее услышать. Машина была типичной антигравитационной формы, похожая на устрицу. Она явно не была предназначена для полетов за пределами атмосферы и размером была с наш семейный фургончик на Южном острове. Нет-нет, у меня даже сердце не кольнуло — Джен и ее мужья, Бетти и Фредди заняли в моей душе место семьи Дэвидсонов.

Donna e mobile[1] — это я. Теперь больше всего на свете мне хотелось добраться до Босса. Комплекс Электры? Может быть, но я не большая любительница психоаналитических теорий.

Ян предложил:

— Дайте-ка я взгляну на эту посудину, пока вы еще не взлетели. А то мало ли чего вы там наворотите, а потом не выберетесь...

Он открыл дверцу и забрался в кабину. Выкарабкавшись оттуда, он сообщил:

— Можете лететь, если хотите. Но послушайтесь моего совета. Там зарегистрированный передатчик. Почти наверняка где-то вмонтирован и радиомаячок, хотя я его не нашел. Заряда в «Шипстоуне» там осталось всего тридцать один процент. Так что о Квебеке советую забыть. Взлететь он взлетит, но давление воздуха в кабине вам не удастся сохранить на высоте более двухсот метров. Но что самое паршивое — терминал вызывает лейтенанта Дики!

— Значит, надо плюнуть на вызов!

— Конечно, Джордж. Но после дела Ортеги, которое слушалось год назад, теперь на всех полицейских машинах ставят взрывные устройства с дистанционным управлением. Я такого там не нашел, но это не значит, что его нет.

Я пожала плечами:

— Ян, я никогда не боялась рисковать. Может быть и похуже, если мы не избавимся от этой консервной банки, — все равно ее надо поднять, увести куда-то и бросить.

— Не торопись, Мардж, — уговаривал меня Ян. — Уж

[1]Непостоянная, ветреная женщина *(итал.)*.

тут-то я соображаю побольше твоего — во всех этих рычажках и кнопочках. Ну-ка, ну-ка... Ага! Вот она, голубка! Стандартный военный антигравитационный автопилот. Ну что, отправим его прогуляться? Куда? Может, на восток? Он взорвется к чертям собачьим на пути в Квебек, и тогда они подумают, что вы собирались улететь домой, Джордж, а вы в это время будете тихо и спокойно посиживать себе в норке.

— Мне все равно, Ян. В норку я не полезу. Я и бежать-то согласился только потому, что должен же кто-то сопровождать Марджори.

— Сдается мне, что это она будет сопровождать тебя. Ты же видел, как она разделалась с Меллом!

— Согласен. Но я не сказал «заботиться» — я сказал «сопровождать».

— Одно и то же.

— Спорить не собираюсь. Ну, так что — запустим мы этот драндулет, в конце концов, или нет?

Я решила прервать их спор и спросила:

— Ян, скажи, а хватит заряда в «Шипстоуне», чтобы направить машину к югу — в Империю?

— Да. Но лететь тебе на нем опасно.

— Я не о том... Задай ему курс на юг и максимальную высоту полета. Тогда его, вероятно, подстрелит либо ваша пограничная охрана, либо имперская. А может, он и границу проскочит, но сработает дистанционная взрывная система. А может, у него заряда не хватит, и он взорвется сам собой оттого, что будет лететь на слишком большой высоте. Как бы то ни было — мы от него избавимся.

— Договорились, — ответил Ян, снова забрался в кабину и немного повозился с пультом управления.

Вскоре машина плавно поднялась в воздух. Ян выскочил из кабины, захлопнул дверцу и спрыгнул на грядку с высоты метра три-четыре.

Я подала ему руку:

— Ты в порядке?

— Все тип-топ. Гляди, как он полетел!

Полицейская машина быстро исчезала из виду, направляясь к югу. На ее борту сверкнули последние лучи заходящего солнца. Серебристая искорка блеснула и исчезла...

ГЛАВА 14

Мы вернулись в дом и прошли в кухню, расселись. Вполглаза поглядывая на экран терминала, все бросали взгляды друг на друга. Ян приготовил всем крепкий коктейль, и мы принялись обсуждать, что делать дальше.

Первое предложение высказал Ян:

— Мардж, если посидеть тихо и выждать, это кошмарное время когда-нибудь да кончится и ты сможешь спокойно уехать домой. Если придут еще раз, ты сможешь спрятаться в убежище. На худой конец, придется посидеть там. Ну а Джордж пока порисует тебя «ню», как Бетти просила. О'кей, Джордж?

— Было бы неплохо.

— Ну, Мардж?

— Ян, если примусь объяснять Боссу, что не смогла вернуться вовремя из-за того, что был закрыт двадцатикилометровый участок границы, он мне просто не поверит.

(Сказать им, что я — профессиональный курьер? Нет, нельзя. Пока нельзя.)

— И что же ты собираешься делать?

— Ребята, у меня такое впечатление, что и так доставила вам массу хлопот. (Ян, голубчик, похоже, ты до сих пор не оправился от шока — у тебя в гостиной был убит человек. Да, потом ты взял себя в руки и работал — ну почти как профессионал. Но все равно.) Теперь я знаю, где ваш потайной ход. Когда вы проснетесь завтра утром, очень может случиться, что меня уже здесь не будет. А потом вы сможете забыть о том, что в вашей жизни была я.

— Нет!

— Джен, когда вся эта неразбериха кончится, я вам позвоню. И обязательно приеду в гости, как только мне дадут отпуск. Но теперь мне нужно ехать и вернуться на работу. Я же все время об этом твержу!

Жанет просто не желала слушать, что я поеду одна, да еще буду пытаться пересечь границу (хотя попутчик мне был нужен, как змее туфельки), но у нее возник план.

Она решила, что мы с Джорджем вполне можем тронуться в путь с ее и Яна паспортами: я была ростом с нее, и

фигуры у нас были похожи, Джордж и ростом, и комплекцией был похож на Яна. Лица были, мягко говоря, не похожи — но, положа руку на сердце, скажите, кто теперь так уж внимательно разглядывает фотографии в паспортах?

— Пользуйтесь ими, сколько будет нужно, а потом пришлете по почте, хотя неизвестно, легко ли это будет... Вы могли бы поехать в Ванкувер, а потом перебраться в Калифорнийскую Конфедерацию на правах туристов — но под нашими именами. Всю дорогу до Ванкувера вы можете спокойно пользоваться нашими кредитными карточками. А как только вы пересечете границу Калифорнийской Конфедерации, можете считать, что вы дома и — свободны. Мардж, там заработает и твоя кредитная карточка, тебе будет легче дозвониться до твоего начальника, и никакие ищейки вас не будут беспокоить. Ну как, подходит?

— Да, — согласилась я. — Думаю, проехать туда туристами будет проще и безопаснее, чем пользоваться вашими паспортами — проще для всех. Если я доберусь до места, где заработает моя кредитная карточка, — конец моим бедам.

(Я тут же наменяю наличных и уже никогда в жизни не позволю себе оказаться так далеко от дома без этого предмета первой необходимости. Деньги правят миром — особенно в Калифорнии, которая кишит взяточниками, в отличие от Британской Канады, где чиновники, увы, местами до огорчения честны.)

Я добавила:

— Пожалуй, в Беллингхеме мне будет не хуже, чем здесь. А потом нужно будет перебраться в Звездочку[1] и уже там попробовать перебраться через границу, если она и там закрыта. Кстати, в новостях было хоть что-нибудь про Техас и Чикаго? Как они между собой?

— Все нормально, насколько я слышал, — ответил Ян. — Может, включить компьютер, порыться в памяти?

— Да, если не трудно, сделай это, пока я здесь. Если будет нужно, я бы могла перемахнуть из Техаса в Виксберг.

---

[1]Lone Star State, или штат Одинокой Звезды — шутливое название штата Техас.

Наверняка, имея наличные, можно подняться вверх по реке. Контрабандисты только так и делают.

— Ты хотела сказать: «Пока мы здесь», — мягко поправил меня Джордж.

— Прости, Джордж, но я имела в виду сейчас именно свой маршрут. Но ведь для тебя такое путешествие будет означать, что ты будешь все дальше и дальше от Квебека. Правда, ты говорил, что вторая твоя база — в Мак-Гилле...

— Дорогая, но я не хочу ехать в Мак-Гилл. Если полиция вытворяет такие штуки здесь, где я постоянно живу, мне ничего лучшего не остается, как отправиться с тобой. Как только мы переберемся в провинцию Вашингтон или в Калифорнию, ты можешь сменить фамилию и из миссис Торми превратиться в миссис Перро — уверен, там заработают и мои кредитные карточки — и «Кленовый лист», и «Квебек кредит».

(Джордж, Джордж, как ты любезен, просто слов нет, но, когда мне нужно драпать во все лопатки, галантный кавалер мне нужен, как... ну, вы помните, как что. А мне придется в прямом смысле лететь на всех парусах — что бы там ни говорила Жанет относительно «почти как дома».)

— Джордж, звучит восхитительно. Я не имею права уговаривать тебя остаться, но должна предупредить, что я курьер по профессии и много лет путешествую одна — по всей планете и за ее пределами. Я много раз бывала на Луне и в космических колониях. Не была пока, правда, на Марсе и Церере, но в любое время могу получить задание и отправиться туда.

— Ты это к тому, что не хочешь ехать со мной?

— Нет-нет! Только к тому, что если ты отправишься со мной, то только ради твоего и моего удовольствия. И еще: как только я попаду в Империю, там я буду передвигаться сама по себе — считай, что я на работе.

Ян сказал:

— Мардж, ну позволь Джорджу хотя бы отсюда тебя вывезти и доставить в такое место, где не будет идиотских разговоров об интернировании и заработают ваши кредитные карточки.

Жанет добавила:

— Самое главное — избавиться от первого. От этого с ума можно сойти. Кстати, моей «Визой»[1] можешь пользоваться сколько угодно. Я пока буду пользоваться «Кленовым листом». Просто запомни, что ты — Джен Паркер.

— Паркер?

— На карточке «Визы» — моя девичья фамилия. Вот, возьми.

Карточку я взяла, но решила, что воспользуюсь ей только в том случае, если кто-то будет заглядывать через плечо. По возможности я решила пользоваться пока карточками покойного лейтенанта Дики, чей кредит должен действовать еще несколько дней, а может — и недель. Мы еще немного поболтали. Наконец я решительно заявила:

— Мне пора. Джордж, едешь со мной?

Ян возразил:

— Эй, сегодня не выйдет! Утро вечера мудренее!

— Почему? Подземка работает всю ночь напролет, разве нет?

(Я прекрасно знала, что работает.)

— Да, но... до ближайшей станции — двадцать километров. А сейчас темень такая — хоть глаз выколи!

(Было бы время — я бы ему рассказала, как и почему я вижу в темноте.)

— Ян, я совершенно спокойно могу пройти такое расстояние в темноте. Если есть рейс капсулы около полуночи, у меня еще останется уйма времени, чтобы выспаться в Беллингхеме. А если граница между Калифорнией и Империей открыта, я уже утром смогу позвонить Боссу. Так ведь лучше будет, а?

Через несколько минут мы все вышли из дома. Ян явно был недоволен моим поведением: я оказалась не такой, какой он меня представлял — милым, мягким, нежным созданием, которые так нравятся мужчинам. Все-таки он сумел скрыть раздражение и поцеловал меня на прощание, когда они подвезли нас к Периметру[2] в районе Мак-

---

[1]Разновидность кредитной карточки.

[2]Неофициальное название прямого участка границы между Канадой и США.

Филлипса и высадили недалеко от станции подземки. Мы с Джорджем уселись в капсулу, отправлявшуюся в двадцать три ноль-ноль, и приготовились к путешествию через весь континент.

В Ванкувер мы прибыли в двадцать два по тихоокеанскому времени. В Виннипеге была полночь. Мы приобрели бланки, которые нужно было заполнить для получения туристских карточек, сели в шаттл до Беллингхема, заполнили бланки по пути и сунули их в компьютер для обработки на выходе. Шаттл приземлился через несколько минут. Девушка-оператор даже не удосужилась взглянуть на карточки, выпавшие из щели на панели компьютера. Только пробормотала:

— Желаю приятно провести время, — и продолжила чтение детектива.

В Беллингхеме станция шаттла находится прямо в нижнем фойе «Хилтона». Над нашими головами в воздухе парили сверкающие буквы:

УТРЕННИЙ БАР
ГОРЯЧИЕ ОТБИВНЫЕ ОБСЛУЖИВАЕМ БЫСТРО
КОКТЕЙЛИ ЗАВТРАК — КРУГЛЫЕ СУТКИ!

Джордж улыбнулся:

— Миссис Торми, любовь моя, у меня такое впечатление, что мы еще не обедали.

— Мистер Торми, ты прав, как всегда. Быка бы съела!

— Знаешь, кухня в Конфедерации не слишком изысканная, но в этой простоте есть своя прелесть — особенно когда нагуляешь аппетит. Я здесь как-то завтракал. Несмотря на вывеску, там довольно обширное меню. В общем, сама поглядишь — думаю, найдем что-нибудь, что и на вкус будет неплохо, и голод утолит.

— Джордж, ну что ты, ей-богу! Я вполне доверяю твоему вкусу. Я же ела твой супчик!

Действительно, это оказался бар — столов там не было. Но стулья были со спинками и довольно низкие — сидя на них за стойкой, не приходилось держать ноги на весу. Как только мы уселись, перед нами тут же появились стаканы с яблочным соком — для аппетита. Джордж сделал заказ, а

сам вышел и зарегистрировал нас у стойки приема гостей. Вернувшись, он сообщил мне:

— Все в порядке. Можешь называть меня Джорджем, поскольку теперь ты — миссис Перро. Мы — муж и жена, имей в виду.

Он поднял стакан с соком:

— Sante, ma chere femme[1].

Я торжественно подняла свой стакан:

— Merci. Et a la tienne, mon cher mari[2].

Сок был восхитительно холодный и сладкий, как любовь. Замуж я не собиралась — хватит с меня, но Джордж вполне бы меня устроил как супруг — и понарошку, и всерьез. Но он всего-навсего был одолжен мне на время Жанет.

Наш завтрак прибыл.

Яблочный сок со льдом.

Клубника со сливками.

Глазунья с небольшим бифштексом, таким мягким, что даже нож не был нужен. Называлось это блюдо «Бифштекс под седлом».

Большие горячие бисквиты, масло «Секим», клеверный и липовый мед.

Кофе «Кона» в огромных чашках.

Кофе, сок и бисквиты все время подносили. Нам предложили еще по одной порции бифштексов, но мы отказались.

В баре было шумно, и сидели мы так, что говорить было не слишком удобно. В дальнем углу бара горел экран большого телевизора — шел непрерывный показ рекламы. Каждое объявление оставалось на экране недолго — только и успевал его прочитать, но каждое было снабжено номером, чтобы потом, если пропустил или не дочитал, можно было вызвать его из памяти компьютера на своем терминале в номере. Я лениво пробегала глазами объявления.

«Свободный корабль «Джек Пот» набирает новую команду на бирже труда в Лас-Вегасе. Предпочтение военным со стажем».

---

[1]Твое здоровье, моя дорогая жена *(фр.)*.

[2]Спасибо. И твое, мой дорогой муж *(фр.)*.

Неужели вот так открыто набирают команду на пиратское судно? Поверить трудно, но сомнений быть не могло.

«Курите то, что курил Иисус!
Ароматизированные сигареты «Ангел».
Неканцерогенность гарантирована».

Ну, рак-то меня не волнует, но я никогда не интересовалась ни наркотиками, ни никотином. У женщины изо рта должно пахнуть приятно.

«Спасение ожидает вас по адресу:
1208, башни Льюиса и Кларка.
Не ждите, когда Господь придет
и застанет вас врасплох!
Вряд ли вам это понравится!»

А мне не понравилось объявление.

«ВЫ СКУЧАЕТЕ? ВАМ НЕЧЕМ ЗАНЯТЬСЯ?
Для вас есть дело!
Мы собираемся высадить отряд первопроходцев
на девственной планете типа Т-13.
Гарантированное соотношение полов $50 \times 40 \times 10 \pm 2\%$.
Средний биологический возраст — 32 ± 1.
Тест на темперамент не применяется.
Никаких ограничений, никаких взносов, никакого риска!
Корпорация по экспансии звездных систем.
Отдел демографии и экологии.
Луна-Сити, Главное почтовое отделение.
Абонентский ящик «ДЕМО»
или почтовое отделение Тихо 800–2300».

Я нажала клавишу повторного просмотра и перечитала объявление. Интересно, как бы это выглядело: завоевывать и обживать совершенно новый мир бок о бок с людьми, которые ничего обо мне не знают? Не знают, что я такое, или им все равно. Мои незаурядные способности могли бы помочь мне занять неплохое положение — уж «шестеркой» я бы там не была, это точно — но, увы, только до тех пор, пока я эти способности не продемонстрирую открыто...

— Джордж, взгляни-ка.

Он посмотрел.

— Ну и что?

— А неплохо было бы, а?

— Нет, Марджори. По шкале «Т» любая планета после цифры «восемь» означает большой денежный взнос, наличие кучи сложного оборудования и обмундирования, и туда берут только опытных колонистов. Врут они все. А уж «13» — это просто экзотический способ самоубийства.

— А-а-а...

— Ты лучше вот это прочитай, — предложил он.

«В. К.!
Составь завещание. Жить тебе осталось неделю.
А. С. Б.».

— Джордж, ты думаешь, это так и есть — какому-то В. К. угрожают? В передаче рекламы по государственному телевидению?

— Не знаю. Может, это и не так просто засечь. Забавно, что будет завтра. «Шесть дней»? А потом — «пять»? И что ожидает этого злополучного В. К.? Кирпич на голову? Или падение курса акций? Или это такой таинственный вид рекламы?

— Не понимаю.

Я попыталась как-то соединить прочитанное с нашей ситуацией.

— Джордж, а тебе не кажется, что эта угроза по телевидению гораздо серьезнее, чем может показаться на первый взгляд?

— Хочешь сказать, что все новости, которые мы слушали, — вранье и на самом деле никого не убивали?

— Ой, даже не знаю, что сказать, Джордж.

— Марджори, доля юмора тут есть, безусловно, — в том, что три различные группировки готовы взять на себя ответственность за происходящее, из чего ясно, что две из них пытаются одурачить весь мир. Но мне почему-то кажется, что сообщения о террористических актах — не вранье. Как с любой уткой, должен быть некий верхний предел допустимого обмана. И по времени, и по количеству убитых. Слишком много всего — слишком много мест, где происходили убийства, слишком широко это все распро-

странилось по планете и за ее пределами, чтобы это было шуткой. В противном случае со всех сторон посыпались бы опровержения. Еще кофе?

— Спасибо, больше не хочу.

— Еще чего-нибудь?

— Нет-нет, ничего. Еще один бисквит с медом — и я лопну.

Снаружи дверь номера выглядела совершенно обычно — номер 2100, ничего особенного. Но, войдя внутрь, я воскликнула:

— Джордж, зачем?

— У новобрачной должен быть только такой номер.

— Красиво. Шикарно, я бы сказала. Но зачем тратить такие деньги! Ты и так уже успел превратить деловую поездку в пикник. Но если ты хотел, чтобы ночью я вела себя, как подобает новобрачной, тебе не следовало пичкать меня этими лошадиными бифштексами и такой кучей горячих бисквитов. Я переела, дорогой. Мне стыдно. Я ужасно выгляжу.

— Ты выглядишь превосходно!

— Джордж, милый, не шути со мной, пожалуйста, не нужно, умоляю! Ты ведь давным-давно все про меня понял — тогда, когда я убила полисмена. Ты знаешь, кто я такая.

— Красивая, обаятельная и смелая женщина.

— Не надо. Ты прекрасно понимаешь, о чем я. Ты же профессионал, специалист. Ты раскусил меня, Джордж.

— У тебя усилены двигательные реакции. Это я понял.

— Значит, тебе ясно, кто я такая. Нет нужды скрывать. Меня готовили много лет. Я отлично умею скрывать свои способности, но этому негодяю не следовало целиться в Жанет!

— Не следовало, верно. И за то, что ты сделала, я навечно у тебя в долгу.

— Серьезно, Джордж? Знаешь, мне показалось, что Ян был не в восторге.

— А-а-а... Знаешь, у Яна первая реакция на подобные вещи всегда такая. Житейская, я хочу сказать. Потом он

начинает соображать, что к чему. Он ведь пилот до мозга костей — привык мыслить мышцами. Но, Марджори...

— Я не Марджори.

— Да?

— Пора тебе узнать, как меня зовут на самом деле. Мое приютское имя, данное мне в лаборатории. Меня зовут Фрайди. Фамилии, естественно, никакой нет. Когда нужно, я пользуюсь какой-нибудь фамилией, типа «Джонс». Но зовут меня Фрайди.

— Ты хочешь, чтобы я звал тебя так?

— Да, так будет лучше. Этим именем меня называют, когда мне нечего скрывать. Когда я рядом с людьми, которым доверяю. Тебе я доверяю. Или не стоит?

— Мне это льстит. Был бы рад заслужить твое доверие — все-таки я твой должник как-никак.

— Почему, Джордж?

— Ну, это ясно. Мелл Дики вел себя так, что я решил сдаться добровольно, чтобы у Яна и Жанет не было неприятностей. Но когда он взял под прицел Жанет, я дал себе клятву, что потом, когда я буду на свободе, я убью его, — Джордж широко, искренне улыбнулся. — И только я успел дать себе эту мысленную клятву, как появилась ты — эдакий карающий ангел — и сделала все за меня. Так что за мной должок.

— В смысле убить еще кого-нибудь?

— Если захочешь — да.

— Лучше бы обойтись без этого. Ты прав: у меня усиленные реакции — сила, быстрота передвижения, все правда. Так что, в принципе, я привыкла такие вещи делать своими руками, если уж приходится.

— Как скажешь, милая моя Фрайди.

— О, Джордж, ради бога, мне вовсе не хочется, чтобы ты чувствовал себя моим должником! Я тоже люблю Жанет по-своему. Этот ублюдок подписал себе смертный приговор, когда наставил на нее свою пушку. Я сделала это не за тебя. За себя. Так что ничего ты мне не должен.

— Ну ладно. Как скажешь. Фрайди... Забавно. Ты — Пятница, а я, получается, Робинзон? И мы как будто на не-

обитаемом острове... только мне повезло больше, чем Робинзону: ты — женщина, да еще такая красавица...

— Ну так почему же ты не уложишь меня в постель и не позволишь мне отплатить тебе за все? Не делай большие глаза! Я знаю — я не настоящая женщина — и не жду, что ты будешь любить меня так, как любишь свою жену — настоящую женщину. Да тебе и не нужно меня любить. Но я тебе как будто не противна, и относишься ты ко мне не так, как моя новозеландская семья, как почти все люди относятся к искусственникам. Я постараюсь, чтобы тебе было хорошо со мной. Правда, я могу! Я не получила удостоверения по сексуальной подготовке, но прошла почти полный курс, и я постараюсь.

— Господи, девочка моя, кто же тебя так обидел?

— Меня? Со мной все в порядке. Я просто объясняю, как к этому относится весь мир. Я уже не ребенок, который учится ходить без манежа в приюте. Искусственнице не приходится рассчитывать на нежные чувства со стороны нормального мужчины. И мы оба это прекрасно понимаем. Я уважаю тебя, ты мне очень, очень нравишься. Если ты позволишь мне лечь с тобой в постель, я сделаю все, что смогу, чтобы тебе было хорошо!

— Фрайди!

— Да, сэр?

— Для этого ты не ляжешь со мной!

Тут я почувствовала, что заливаюсь слезами, — редкий случай.

— Сэр, простите меня! — воскликнула я. — Я не хотела вас обидеть, сэр! Я не знала, что так получится!

— Боже праведный, прекрати немедленно!

— Сэр?

— Прекрати называть меня «сэр»! Перестань вести себя как рабыня! Называй меня Джорджем. Если тебе захочется прибавить к моему имени «дорогой» или «милый», как раньше, у меня нет возражений. Или придумай мне какое-нибудь прозвище. Я — твой друг, запомни! А все эти глупости типа «человек», «нечеловек» выдумали невежественные ослы. Все профессионалы отлично понимают, какая это чушь. Твои гены — человеческие гены. Они были ото-

браны самым тщательным образом. Ты скорее «сверхчеловек», но уж никак не «нечеловек». Кстати, как у тебя насчет способности забеременеть?

— Обратимая стерильность.

— Ну, так вот: за десять минут под местным наркозом я могу послать к чертям собачьим твою стерильность! И оплодотворить тебя. Так наш ребенок будет кто — человек или не человек? Или получеловек?

— О-о-о... Человек?

— Можешь не сомневаться — человек! Ты — женщина и будешь вынашивать человеческое дитя! И не забывай об этом.

— Не забуду.

Я вся дрожала. Страсть разгоралась во мне. Ничего подобного я, однако, в жизни не испытывала, хотя я влюбчива как кошка.

— Джордж, ты... правда ты хочешь, чтобы я забеременела?

На лице его было написано неподдельное удивление. Он подошел ко мне, нежно обнял и поцеловал. По десятибалльной шкале я чувствовала себя на восемь с половиной — вряд ли можно чувствовать себя лучше одетой и стоя. Потом он взял меня на руки, сел в кресло и стал тихо и бережно раздевать меня. На мне была одежда Жанет, так что трудиться ему пришлось долго — с моим любимым комбинезончиком возни было бы меньше. А он, выстиранный Жанет, лежал в дорожной сумке.

Расстегивая пуговицы, «молнии» и крючки, Джордж шептал:

— Эти десять минут ты проведешь в моей лаборатории, а потом пройдет еще месяц, всего месяц, и ты станешь матерью — тебе не придется ходить со здоровенным животом — ты же знаешь, это действует на мужчин, как красное на быка. И забудь обо всем. Наоборот, это я лягу с тобой в постель, чтобы тебе было хорошо. Правда, у меня тоже нет никакого удостоверения. Но мы что-нибудь придумаем, Фрайди... милая...

Он поднял меня на руки, и на пол упал последний предмет одежды...

— Ты красивая... Тебе хорошо... От тебя чудесно пахнет... А мне бы надо под душ. Не возражаешь, если я пойду первым?

— Нисколько. Мне нужно мыться долго.

Я действительно провозилась долго — когда я сказала Джорджу, что переела, я не обманывала его. Я — опытная путешественница и стараюсь избегать двух крайностей, которые могут осложнить любую поездку. И уж конечно, я никогда не позволяю себе полночных завтраков. А поскольку мне сейчас предстояла в прямом смысле нешуточная нагрузка, нужно было избавиться от лишней еды.

Было уже больше двух часов ночи, когда я вышла из ванной — чистенькая, благоухающая и похудевшая — мне было так хорошо, как никогда в жизни. И никаких духов, кстати, — я не только не люблю их сама, но точно знаю, что мужчины предпочитают естественный запах тела любым ароматам.

Джордж был в постели — укрыт одеялом... и крепко спал. Полог не был натянут. Осторожно, чтобы не разбудить его, я натянула полог. Ей-богу, я не была в обиде — я не такая самовлюбленная дура. Я прекрасно понимала, что для нас обоих будет лучше, если он выспится и разбудит меня, когда отдохнет как следует. Я ведь и сама устала — денек у нас обоих был, прямо скажем, нелегкий...

ГЛАВА 15

Я была права!

Я не хочу отбирать Джорджа у Жанет... но встречаться с ним мне будет всегда приятно. И если он действительно хочет, чтобы я забеременела... что ж, родить ребенка от Джорджа я бы не отказалась — странно, что Жанет до сих пор не сделала этого.

Мы просыпались несколько раз... Третье или четвертое мое пробуждение было вызвано прекрасным ароматом. Я открыла глаза и увидела, как Джордж, уже одетый, принимает поднос из рук молчаливого официанта.

— Даю тебе двадцать одну секунду, — сообщил он, —

чтобы встать и умыться. Позавтракали мы ночью, а теперь самое время приняться за ленч.

Пожалуй, лопать свежих крабов на завтрак, пусть второй, не совсем правильно, но я была в восторге. Начали мы с банана со сливками и кукурузными хлопьями, а потом ели крабов с подрумяненными тостиками и листьями салата, запивая эту божественную еду кофе с цикорием. Закончили завтрак мы восхитительно холодным шампань-бренди «Корбель». Джордж — очаровательный любовник, изысканный гурман, прекрасно разбирается в напитках, а главное — потрясающий психотерапевт, способный заставить искусственницу поверить в то, что она — человек.

Вот вопрос: каким образом все трое в этой семье ухитряются оставаться такими стройными? Уверена, они не сидят на какой-нибудь мазохистской диете и не изводят себя утренней зарядкой. Кстати, один врач когда-то мне сказал, что лучшая зарядка — эта та, которую люди проделывают в постели. Может, это так и есть?

Ну, это что касается хороших новостей. А плохие...

Международный коридор был закрыт. До Дезерета можно было добраться с пересадкой в Портленде, но гарантии, что действует линия подземки «Солт-Лейк-Сити — Омаха — Гэри» не было никакой. Похоже, действовал единственный международный маршрут: «Сан-Диего — Даллас — Виксберг — Атланта». Добраться до Сан-Диего проблем не было, поскольку линия на Сан-Хосе действовала от Беллингхема до Ла-Хойи. Но Виксберг — еще не Чикагская Империя. Это всего-навсего речной порт, из которого, обладая наличными и изрядным упорством, можно попробовать перебраться в Империю.

Я попыталась дозвониться до Босса. Минут через сорок у меня возникло примерно такое же отношение к синтезированным голосам, доносившимся из динамика терминала, какое испытывают многие люди к таким, как я. Интересно, какому умнику принадлежит эта восхитительная идея — заложить программу вежливости в компьютеры? Слышать, как компьютер воркует «благодарим за терпение», может, поначалу и приятно, но когда он благодарит тебя раз примерно в тридцать пятый, возникает странное

ощущение, будто над тобой издеваются, а когда это продолжается сорок минут... думаю, тут даже самый опытный гуру вышел бы из себя!

Но что самое характерное, я так и не добилась от этого вежливого терминала ответа, что в Империю нельзя дозвониться. Это непробиваемое цифровое чудовище не было запрограммировано на ответ «нет», оно было запрограммировано, черт его дери, на вежливость!

Ей-богу, я бы предпочла, чтобы после двух-трех неудачных попыток дозвониться мне прямо и откровенно сказали: «Ну, хватит, подружка, большой привет!»

Потом я попыталась дозвониться в почтовое отделение Беллингхема и выяснить, есть ли хотя бы почтовая связь с Империей и можно ли самым честным образом послать письмо, телеграмму.

Я выслушала очаровательную лекцию о том, что поздравления с Рождеством лучше всего отправлять заблаговременно. До Рождества оставалось совсем немного времени — полгода, сущая чепуха, так что лекция была как нельзя кстати.

Я сделала еще одну попытку. Мне сообщили почтовые коды.

Мысленно выругавшись, я позвонила в таможенную службу «Мейси». Ответ был на редкость утешительный: «Все наши сотрудники в настоящее время, к сожалению, очень заняты. Благодарим за терпение. Ждите ответа».

Ждать я не стала.

Мне не хотелось звонить Боссу через телефонистку или посылать письмо — во что бы то ни стало нужно было переговорить с ним лично.

А для этого мне необходимы были наличные деньги. С неизменной убийственной вежливостью терминал сообщил мне, что местный филиал «Мастер Чардж» находится в главном управлении Трансамериканской корпорации. Я набрала код и услышала приятный женский голос — записанный на пленку, но не синтезированный. «Благодарим вас, уважаемый клиент, за обращение в «Мастер Чардж», — сказал голос. — В интересах максимальной эффективности и удобства для миллионов наших вкладчиков

все офисы нашего района объединены с главным управлением в Сан-Хосе. Для быстрого обслуживания пользуйтесь, пожалуйста, безналоговым кодом, который указан на обратной стороне вашей карточки «Мастер Чардж». Приятный голосок умолк. Я отключила терминал.

На обратной стороне моей карточки, выданной в Сент-Луисе, безналогового кода не было. Был только код Имперского банка Сент-Луиса. Я набрала этот код, не слишком надеясь на успех.

Получила я фигу с маслом.

Пока я таким образом унижалась перед терминалом, Джордж читал местную перепечатку «Лос-Анджелес таймс» и ждал, пока я закончу свои дела. Наконец я изнемогла окончательно и спросила:

— Ну, Джордж, я готова. Все, хватит... Что там в утренних газетах? Есть что-нибудь про чрезвычайное положение?

— Какое чрезвычайное положение?

— А? То есть как это — какое, прости?

— Фрайди, любовь моя, единственная чрезвычайность, которую я обнаружил, проштудировав эту газетенку, это предупреждение клуба «Серра» о том, что в опасности какой-то вид тараканов. Планируется пикетирование и демонстрация перед главным управлением «Доу Кемикэл». Так что — на западном фронте все спокойно.

Я нахмурилась и попыталась сосредоточиться.

— Наверное, Джордж, я маловато знаю о политике Калифорнии.

— Не огорчайся. О ней никто много не знает. Включая калифорнийских политиков.

— Но я же помню, что в новостях говорили как минимум о десяти крупных терактах в Калифорнии. Что это — шутка?

Я сосчитала в уме, сделав скидку на зональное время.

— Тридцать пять часов назад.

— Нет, серьезно, я ничего такого тут не нашел, — ответил Джордж, повертев газету в руках. — Ну, есть паратройка некрологов кое-каких известных в обществе дам и джентльменов, это в новостях вчера вечером было... но их

не называют жертвами террора. Один случай описан как «случайное огнестрельное ранение», другой — как «смерть после тяжелой скоропостижной болезни». Вот еще — «жертва катастрофы личного транспортного средства». Верховный суд начал расследование. Но у меня такое впечатление, что самому верховному судье угрожали расправой.

— Джордж, что же такое происходит?

— Фрайди, не знаю. Но думаю, не стоит уточнять и расспрашивать кого бы то ни было.

— Да я вовсе и не собираюсь уточнять: меня не интересует политика и никогда особенно не интересовала. Мне нужно как можно скорее добраться до Империи. Но поскольку граница закрыта, что бы по этому поводу ни болтали в «Л.-А. таймс», для этого мне нужны наличные. Не хотелось бы грабить Жанет и пользоваться ее «Визой». Может, сработает и моя собственная, но для этого мне нужно попасть в Сан-Хосе и попытать счастья там, может, что и получится. Поедешь со мной в Сан-Хосе? Или вернешься домой к Яну и Жанет?

— Радость моя, ради тебя я готов на все! Сан-Хосе так Сан-Хосе, как скажешь. Но почему ты не хочешь, чтобы я поехал с тобой в Империю? А вдруг у твоего босса найдется для меня работенка? В Манитобу я сейчас поехать при всем желании не могу — ты прекрасно понимаешь почему.

— Джордж, дело вовсе не в том, что я не хочу, чтобы ты поехал со мной в Империю. Граница закрыта, поэтому мне нужно обратиться в Дракулу и проскользнуть в узенькую щелочку, а то и сквозь стену пройти. Ну или еще что-нибудь в таком духе. Я этому обучена, но сделать такое я могу только в одиночку. Ты сам профессионал и должен понять меня. Больше того: мы не знаем, что за обстановочка сейчас в Империи, но, судя по новостям, вряд ли там спокойно. Как только я попаду туда, мне придется мчаться что есть сил, чтобы остаться живой. Этому я тоже обучена.

— Ну да, усиленные реакции, понятно. Я этим не владею.

— Джордж, милый, прости! Я вовсе не хотела тебя обидеть! Давай так: как только я доберусь до места, я тебе по-

звоню. Сюда или тебе домой, как скажешь. Если ты сможешь безопасно пересечь границу, к этому времени я буду знать это и сообщу тебе.

(Джордж нанимается к Боссу на службу? Невозможно! Или возможно? А ведь Боссу мог бы понадобиться опытный инженер-генетик. По сути дела, я не знала, каковы масштабы деятельности Босса за пределами того маленького участка работы, который выполняла сама.)

— Так ты действительно хотел повидаться с моим боссом насчет работы? Ну, и что мне ему сказать?

На лице Джорджа возникла обычная мягкая полуулыбка, появлявшаяся всегда, когда ему нужно было скрыть настоящее выражение лица — ну, примерно так я «делаю лицо» для фотографии в паспорте.

— Откуда я знаю? Все, что мне известно о твоем начальнике, это то, что ты о нем говоришь крайне неохотно и что он может позволить себе роскошь иметь такого курьера. Фрайди, поверь, я знаю точно, сколько денег вложено в твою разработку и производство, обучение, подготовку... следовательно, мне ясно, сколько денег твой босс отвалил, чтобы приобрести тебя.

— Он меня не приобретал. Я — свободная гражданка.

— Значит, ты стоила ему еще больше. Возникают кое-какие предположения... Но не огорчайся, дорогая, гадать я не буду. Я серьезно. Просто... человеку свойственно хотеть узнать то, чего он не знает. Знаешь что... я дам тебе свою анкету и автобиографию, и если твоего начальника заинтересует что-то из того, что я умею делать, не сомневаюсь — он даст мне работу. Теперь насчет денег. Можешь не волноваться — Жанет ты не оберешь. Для нее деньги ровным счетом ничего не значат. Но я и сам мог бы снабдить тебя любой суммой наличных. У меня тоже есть кредитные карточки, и, как я выяснил, они тут работают, несмотря на все политические неурядицы. За наш полуночный завтрак я расплатился с помощью «Квебек кредит», а за ленч — «Кленовым листом». Плату за номер приняли, списав сумму с «Американ экспресс». Значит, у меня целых три работающих карточки, и все соответствуют идентификационной.

Он улыбнулся и добавил:

— Так что грабь меня без зазрения совести, детка!

— Вообще-то я никого не хочу грабить — ни тебя, ни Жанет. Послушай, ну почему бы нам не попытать счастья с моей карточкой в Сан-Хосе? Если не получится, я с радостью возьму у тебя взаймы и верну при первой возможности.

(А может, Джордж согласится попробовать использовать карточку покойного лейтенанта Дики вместо меня? Женщине трудновато добыть наличные по мужской карточке. Заплатить за что бы то ни было через компьютер — дело другое, а вот тащиться в банк за наличными с чужой карточкой, да еще выписанной на имя мужчины — посложнее будет.)

— Что значит «взаймы»? Кто у кого в долгу, я не понял?

Я сделала вид, что не догадываюсь, о чем он говорит.

— Ты действительно считаешь, что задолжал мне? За эту ночь?

— Да. Ты была адекватна.

— Что?! — возмутилась я.

Он перестал улыбаться.

— А что, ты предпочла бы, чтобы я сказал «неадекватна»?

— Джордж... А ну-ка, раздевайся немедленно! Я затащу тебя в кровать, а потом... буду медленно и долго убивать тебя. Да я тебе шею переломаю, паршивец! «Адекватна, неадекватна»... Ну и термины!

Он усмехнулся и начал расстегивать брюки.

Я крикнула:

— Прекрати сейчас же и быстро поцелуй меня! А потом — сразу в Сан-Хосе!

«Неадекватна»? Нет все-таки?

От Беллингхема до Сан-Хосе добираться примерно столько же, сколько от Виннипега до Ванкувера, но на этот раз мы добирались в отдельной капсуле. Выскочили из-под земли мы в пятнадцать минут третьего. Я во все глаза рассматривала город: в столице Конфедерации я была впервые.

Первое, что бросалось в глаза, — огромное количество

личных транспортных средств на улицах и в небе. Они кружились над городом, как стаи мух, — в основном такси. Не знаю ни одного города, который позволял бы таким образом засорять свое воздушное пространство. На улицах было довольно много автомобилей, и хотя вдоль дорог были проложены движущиеся тротуары, машин было много, как велосипедов в Швейцарии.

Второе — это сама атмосфера Сан-Хосе. Он был совсем не похож на город. Только теперь я поняла, что означает его юмористическое определение: «Тысяча деревень, изо всех сил пытающихся выглядеть городом».

Похоже, в Сан-Хосе не интересовались ничем, кроме политики. Причем Калифорния сумела добиться от своей политики того, чего не удалось никакой другой стране — полной, бесповоротной демократии. Не то чтобы другие страны так уж страдали от ее отсутствия — Новая Зеландия, к примеру. Но только в Калифорнии вам предложат на блюдечке с голубой каемочкой демократию без примесей, неразведенную, высшего качества. Гражданин Калифорнии имеет право участвовать в выборах, как только сумеет дотянуться до щели избирательной урны и бросить туда бюллетень без помощи няни. А организаторы выборов только тем и заняты, что рассылкой все новых и новых бюллетеней.

Последнее мне было известно только по слухам, но я имела прекрасную возможность убедиться в этом: я своими глазами видела объявление в местной газете о том, что ряд почивших в бозе из местного колумбария организовали три избирательных участка и собирались участвовать в предстоящих выборах через ранее назначенных доверенных лиц. (Надо же, и в могиле не успокоились!)

Я старалась не формировать собственного мнения по этому поводу, пока демократия не коснется меня лично — пусть в самой легкой, незлокачественной форме. Как я поняла, демократия означает право на все в неограниченном количестве. В Британской Канаде, судя по всему, люди пьют этот напиток разбавленным и чувствуют себя неплохо. Но только в Калифорнии глушат демократию неразведенной с утра до вечера. Не бывает дня, чтобы в Конфеде-

рации хоть где-нибудь не проходили хоть какие-нибудь выборы. По крайней мере, на каждом избирательном участке выборы бывают раз в месяц.

А почему бы и нет, собственно говоря? У них мягкий, прекрасный климат на всей территории страны — от границы с Британской Канадой до рубежей Мексиканского Королевства — и самые плодородные сельскохозяйственные угодья на Земле. Второе их любимое занятие — секс — в чистом виде почти бесплатен. Как марихуану, его можно найти на любом углу. Это значительно облегчает жизнь и сберегает время для самого любимого спорта калифорнийцев — сборищ и разговоров о политике.

Избирают тут всех кого ни попадя — от тех бездельников, которые впоследствии просиживают штаны на избирательных участках, до президента Конфедерации. Но с такой же скоростью их и переизбирают. Ну к примеру: президент должен избираться на шестилетний срок, но лишь двоим из девяти последних президентов удалось продержаться на этом посту весь срок — остальные были переизбраны, за исключением одного, которого, увы, линчевали. В большинстве случаев официальный деятель еще не успевает подать прошение об отставке, а его перевыборы уже идут полным ходом.

Помимо выборов калифорнийцы обожают пересматривать собственные законы, и каждый раз они становятся еще более демократичными. Вот, например, три года назад правительственный экономист обратил внимание на то, что выпускники колледжей зарабатывают примерно на тридцать процентов больше, чем их сограждане, не имеющие степени бакалавра. Подобное обстоятельство представилось этому поборнику высшей справедливости просто-таки предательством «Калифорнийской Мечты», поэтому к следующим выборам с молниеносной скоростью был разработан инициативный проект, согласно которому выпускники высшей школы наравне со всеми остальными гражданами Калифорнии, прожившими на ее территории не меньше восемнадцати лет, получали степень бакалавра. «Пункт о предках», правда, добавил еще восемь лет оседлости.

Проект прошел и сработал просто великолепно: обладатели степени бакалавра, получившие таковую за здорово живешь, сравнялись с теми, кто упорно грыз гранит науки. На следующих выборах «пункт о предках» был сформулирован как «проживание на территории Калифорнийской Конфедерации в течение последних двадцати лет». Незамедлительно развернулось широкое общественное движение за то, чтобы снять и это ограничение.

«Vox populi — vox dei»[1] — ничего не имею против. Подобные мероприятия никому ничего не стоят и, по всей вероятности, делают всех, за исключением нескольких зануд, счастливее.

Минут через пятнадцать мы с Джорджем уже бодро вышагивали по южной стороне Национальной площади, окружавшей президентский дворец, направляясь к главному управлению «Мастер Чардж». Я спросила Джорджа, как он смотрит на то, чтобы перекусить в «Бюргер Кинг». Он сказал, что не видит в этом ничего сверхъестественного, тем более что, по его мнению, большие гамбургеры с хорошей начинкой и шоколадная паста, изготовленная с минимальной примесью мела, являют собой единственный вклад Калифорнии в международное меню.

Уплетая гамбургер за обе щеки, я выразила свое согласие с его приговором.

В это время на ступенях дворца появилась группа в два десятка человек. Они спускались по лестнице. Джордж отошел в сторону, чтобы дать им дорогу, а я заметила, что в центре группы движется невысокий мужчина с несуразным головным убором на макушке — шапочке, украшенной орлиными перьями. Я успела разглядеть и его лицо, которое так часто видела на фотографиях в газетах, и сжала локоть Джорджа.

Успела я разглядеть и еще кое-что: за колонной на самом верху лестницы прятался человек. Он был от нас метрах в пяти.

Невидимый выключатель внутри меня щелкнул — я пе-

[1] «Глас народа — глас божий» — изречение римского философа Сенеки *(лат.)*.

реключилась на суперрежим, резко оттолкнула Джорджа — он ничком повалился на мраморный пол, а я пулей метнулась к злоумышленнику.

Я не убила его, только сломала руку, в которой он сжимал пистолет, и сбила его с ног, когда он попытался удрать. Мне не было нужды действовать, как вчера: за считаные мгновения, промелькнувшие до того, как я спасла от неминуемой гибели ту прекрасную мишень, которую являл собой глава Конфедерации, я поняла, что террорист, взятый живым, мог бы кое-что прояснить в цепочке бессмысленных убийств.

Но, к сожалению, у меня не было времени осознать, чем мне грозит собственное милосердие, — двое полицейских крепко ухватили меня за руки. Я искренне огорчилась, отчетливо представив себе, каким голосом будет со мной беседовать Босс, когда я сообщу ему, что позволила себя арестовать средь бела дня, при народе. Первым порывом было вырваться и удрать куда глаза глядят. Ничего невозможного в этом не было: у одного из полисменов, судя по скорости пульса, было здорово повышено давление, а второй был пожилой, в очках с толстыми стеклами.

Нет, поздно. Убеги я сейчас, задействовав весь потенциал суперрежима, я, конечно, смогла бы скрыться и, пробежав пару кварталов, смешаться с толпой. Но эти бульдоги наверняка угрохают полдюжины мирных прохожих, пытаясь поймать меня. Дьявол, ну почему дворцовая стража так плохо охраняла своего любимого президента, в итоге предоставив мне спасать его?! Террорист, прячущийся за колонной, — ничего похожего я не помнила со времен убийства Хьюи Лонга.

И зачем мне понадобилось вмешиваться? Пускай бы он пристрелил президента — и дело с концом! Да затем, что так уж я тренирована — не только на самозащиту, но и на защиту других. Сама по себе я терпеть не могу драться и убивать — просто так уж оно выходит.

Из раздумий меня вывел Джордж. У меня уже была возможность убедиться, что он спокойно говорит без акцента по-английски, а теперь он так же чисто заговорил по-фран-

цузски, пытаясь убедить полисменов отпустить меня подобру-поздорову.

Тот, что был в очках, отпустил мою левую руку, стараясь оттолкнуть Джорджа, а я не преминула воспользоваться этим и нанесла ему локтем удар в солнечное сплетение. Он охнул и опустился на ступеньку. Второй продолжал крепко держать меня за правую руку. Я повторила номер — и этот тоже охнул и лег на своего поверженного товарища. Обоих вырвало.

На самом деле все произошло гораздо быстрее, чем я рассказываю: то есть они меня сцапали, подскочил Джордж, и я освободилась. Две секунды, не более. Как бы то ни было, за это время террорист испарился, и его пистолет — вместе с ним.

Я тоже была готова смыться вместе с Джорджем, даже если бы мне пришлось тащить его на себе, но мне стало ясно, что он все понял не хуже меня. Джордж крепко взял меня под руку и повлек вдоль длинного ряда колонн к главному входу во дворец. Когда мы добрались до ротонды, он отпустил мой локоть и прошептал:

— Иди спокойно, дорогая, медленно и спокойно. Возьми меня под руку. Вот так.

В ротонде было полно народу, но никакого переполоха не было и в помине — похоже, никто и не заметил, что всего несколько минут назад было предпринято покушение на президента Конфедерации! На лотках, стоявших вдоль ротонды, вовсю шла бойкая торговля чем попало. Слева, прямо рядом с нами, стоял небольшой киоск, в котором женщина продавала лотерейные билеты. Но в данный момент покупателей у нее не было и она не отрываясь уставилась на экран терминала — показывали какую-то пошлейшую мыльную оперу.

Джордж развернулся и остановился у ее киоска. Не глядя на нас, она пробормотала:

— Сейчас-сейчас, вот только вокзал взорвут, а потом подходите. Походите пока, посмотрите, может, чего купите. А потом жду вас.

По всему ларьку были развешаны длинные полосы лотерейных билетов. Джордж с полной серьезностью при-

нялся разглядывать их, ну и я сделала вид, что мне это тоже жутко интересно. Мы протянули время. Наконец мыльная опера кончилась, начался выпуск коммерческих новостей, женщина со вздохом отключила терминал.

— Вы уж извините, что заставила вас ждать, — улыбнулась она. — Я стараюсь не пропустить ни одной серии «Женских страданий», особенно сейчас, когда Минди Лоу беременна опять, а дядюшка Бен к этому так ужасно относится. А вы любите театр, милочка?

Я призналась, что у меня не хватает на это времени — работа не позволяет.

— Плохо, плохо, это же так... просвещает. Взять вот хоть Тима, к примеру, — ну, это мой дружок из общежития, мы в одной комнате живем. Так этому ничего не надо, кроме спорта. Поэтому он ничего и не петрит в тонкостях жизни. Ну вот, чего далеко ходить — хоть этот кризис в жизни Минди Лоу. Дядюшка Бен, старый негодяй, он ведь ее почему так терзает — хочет дознаться, кто отец ребенка. И вы думаете, Тима это волнует? Нисколечко! Да ни Тим мой, ни дядюшка Бен, чтоб ему пусто было, никак не докумекают, что она сама этого не знает — все произошло на избирательном участке! Ну ладно, заболталась я. Под каким знаком вы родились, милочка?

Да, надо быть готовой к такому вопросу — люди всегда этим интересуются. Я придумала дату и сказала:

— Я родилась двадцать третьего апреля.

(Это день рождения Шекспира, и как это мне в голову пришло?)

— О-о-о! Значит, у меня есть для вас счастливый билетик.

Она порылась в пачках, отыскала билетик и показала мне номер.

— Вот видите? А вы просто ходили тут, гуляли и не знали, что у меня в руках — ваше счастье! Поздравляю, милочка!

Она оторвала билетик.

— Двадцать брюинов.

Я подала ей доллар Британской Канады.

— Ой, а у меня сдачи не будет, — пискнула она.

— Сдачи не надо, оставьте себе.

Она взяла доллар и подала мне билет.

— Ну спасибо. Вот увидите, вам повезет. Когда огребете выигрыш — заходите, спрыснем это дело. Ну, мистер, а вы себе выбрали билетик?

— Пока нет. Со мной сложнее — я родился в девятый день девятого месяца девятого года девятого десятилетия. Ну как, одолеете?

— У-у-у... это задачка, доложу вам. Ну и комбинация. Но я попробую. Если не найду, вы уж не обессудьте.

Она зарылась в пачках билетов, бормоча себе под нос цифры. Потом она наклонилась под прилавок и на несколько минут исчезла там.

Наконец она появилась, раскрасневшаяся и довольная. В руке у нее был лотерейный билет.

— Ну, глядите, что я вам говорила? Смотрите, смотрите, мистер! Ну что молчите-то?

Мы взглянули на билет: 8109999.

— Я восхищен, — улыбнулся Джордж.

— Он восхищен! Да вы богач! Вот, глядите, ваши четыре девятки. А теперь сложите остальные цифры. Еще девять. Разделите результат на третью цифру. Что вышло? Еще девять. Сложите последние четыре. Сколько будет? Тридцать шесть. А первые две цифры — ну, 81 — это же девять в квадрате. Сложите все цифры и отнимите сумму от первых двух цифр, и получится опять четыре девятки. В общем, что ни делайте, а все равно получается ваш день рождения. Ну, что вам еще угодно, мистер? Чтоб в вашу честь девушки водили хороводы?

— Сколько я вам должен?

— Ну, это особенный номерок... Любой другой билетик обошелся бы вам в двадцать брюинов. А этот... Интересно, почему вы не выкладываете на прилавок кучи денег, пока я вам улыбаюсь?

— Вы правы. Только когда вы перестанете улыбаться, а мне покажется, что еще должны, я заберу все деньги и уйду, идет?

— Я могу позвать вас обратно.

— Нет. Назовите точную цену.

— Ну и покупатель пошел...

Их препирательство было прервано громкими возгласами.

«Да здравствует президент! — кричали рядом с нами. — Золотой Медведь навсегда!»

Продавщица заткнула уши и прокричала:

— Погодите, сейчас это закончится!

Группа людей взошла по лестнице, вошла в ротонду и прошествовала через главный вход во дворец. Мелькнули орлиные перья на макушке главы Конфедерации. На этот раз президент был так плотно окружен телохранителями, что никакому террористу до него было не добраться.

Когда президент со свитой скрылись за дверьми дворца, продавщица хмыкнула:

— Что-то он быстро нынче. Всего-то минут пятнадцать, как вышел. За сигаретами, что ли, бегал, так мог бы найти кого послать. Жутко мешают работать все эти вопли. Ну, парень, так ты решил или нет, сколько ты мне отвалишь за то, что я сделала тебя богачом?

— Решил, — без колебаний ответил Джордж и гордым жестом выложил на прилавок три доллара.

Они глядели друг на друга, не мигая, секунд двадцать, потом она проговорила:

— Я улыбаюсь, улыбаюсь...

Джордж был непоколебим.

Она вручила ему лотерейный билет, другой рукой сгребла с прилавка купюру и буркнула:

— Вообще-то можно было бы и еще доллар с тебя стребовать.

— Ну, это покрыто мраком, и мы ничего никогда об этом не узнаем, не так ли? — прищурился Джордж.

— Погадать?

— Не слишком что-то я доверяю твоим картам.

— Слушай, ты меня доведешь! Сматывайся, пока я не передумала!

— Ладно. Скажи только, где рекреационный зал?

— По коридору налево, — буркнула она и крикнула нам вслед: — Эй, счастливчики, тираж не пропустите!

По дороге Джордж шепотом поведал мне по-французс-

ски, что, пока мы торговались у лотерейного киоска, прямо у нас за спинами прошли полицейские, зашли в рекреационный зал, вышли, прошли по ротонде и удалились внутрь дворца через главный вход.

Я оборвала его и по-французски же сообщила, что все это я тоже прекрасно заметила, но говорить об этом не стоит: в таких местах, как здесь, все просматривается и прослушивается.

Билеты в рекреационный зал продавала особа непонятного пола. Я спросила у нее (или у него?), где находятся комнаты с душем и туалетом. Она (я решила, что все-таки это была она, поскольку под тонкой футболкой просвечивали либо накладные, либо просто очень маленькие груди) ядовито прошипела:

— Ну, чего уставилась? Хочешь понять, что я такое? Смотри, у нас тут за такое... могу и полисмена позвать.

Она разглядела меня более внимательно и чуть более дружелюбно поинтересовалась:

— Иностранка, что ли?

Я кивнула.

— О'кей. Только лучше никому не болтай про это, людям тут это не нравится. Мы-то тут демократы все, ясно? Так что берите билеты и проваливайте.

Джордж купил два билета.

Мы вошли в зал.

Справа от нас вдоль стены шел ряд открытых кабинок. Над ними в воздухе парили голографические буквы:

ЭТИ УДОБСТВА ПРЕДОСТАВЛЕНЫ
ДЛЯ ВАШЕГО ОТДЫХА И ЗДОРОВЬЯ БЕСПЛАТНО
КАЛИФОРНИЙСКОЙ КОНФЕДЕРАЦИЕЙ.
ПРЕЗИДЕНТ КОНФЕДЕРАЦИИ
ДЖОН «ВОЯКА» ТАМБРИЛ.

А выше букв красовалось голографическое изображение президента в натуральную величину.

За открытыми кабинками располагались платные, закрытые либо шторами, либо дверьми. Слева стояла стойка, увешанная всевозможными плакатами, за которой восседала особа совершенно определенного пола — дама

бульдожьей комплекции. Джордж сразил меня наповал тем, что купил у нее какую-то жуткую косметику, флакончик дешевых духов и билетик в одну из кабинок в дальнем конце зала.

— Один билетик? — уточнила она, с прищуром глядя на Джорджа.

Джордж кивнул. Она поджала губы.

— И не стыдно обманывать старую женщину?

Доллар Британской Канады перешел из рук в руки и исчез под стойкой. Тетка сказала тихо, почти шепотом:

— Долго не задерживайся. Если позвоню, быстро выметайся. Седьмая кабинка, справа в конце.

Войдя в кабинку, Джордж плотно задернул шторки, включил свет и открыл кран над раковиной. Перейдя на французский, он сообщил мне, что, по его мнению, сейчас самое лучшее — заняться поскорее изменением нашей внешности с помощью подручных средств.

— Так что, дорогая, — резюмировал он, — сними с себя все и облачайся в тот костюм, что лежит у тебя в сумке.

Джордж поведал мне все детали своего плана, периодически переходя с французского на английский, время от времени спуская воду в туалете. Мне пришлось влезть в мой скандальный облегающий комбинезончик и наложить на лицо гораздо больше косметики, чем обычно. Не знаю, как выглядела знаменитая вавилонская блудница, но у меня было сильное подозрение, что я стала на нее похожа.

— Я знаю, что это не твой стиль, милая, но ты уж постарайся, а?

— Я попытаюсь, как ты выражаешься, вести себя адекватно.

— У-у-у, злопамятная! — тихо простонал Джордж.

— А ты сам, что же, собираешься влезть в тряпочки Жанет? Сомневаюсь, что они на тебя налезут.

— Нет-нет, переодеваться я не буду, только загримируюсь.

— Прости, не поняла.

— Рядиться в женскую одежду не буду, но размалююсь под гомика.

— Верится с трудом, но попробуй...

Со мной работы было немного — я стала выглядеть примерно так, как в тот день, когда меня подцепил Ян, а лицо мне размалевывал Джордж, заявив, что в этом он понимает побольше моего.

На себя Джордж положил еще больше косметики и вдобавок вылил на себя почти весь флакон жутких духов — тех самых, что купил за стойкой (слава богу, мне он их не предложил). На шею он намотал дурацкий оранжевый шарфик — мой бывший поясок. Он попросил меня начесать ему волосы и взбить их так, чтобы они торчали во все стороны. Ну вот, пожалуй, и все... кроме разве что кое-каких перемен в манерах. Он был похож на Джорджа... но весьма отдаленно напоминал того замечательного мужчину, с которым я провела ночь.

Я засунула все лишнее в сумку, и мы вышли из кабинки. Старая корова, сидевшая за стойкой, только рот разззявила, когда мы проходили мимо. Она-то ничего не сказала, но мужчина, стоявший рядом, облокотившись о стойку, изрек, ткнув пальцем в Джорджа:

— Ты! Шеф хочет тебя видеть. — И добавил, обращаясь, похоже, больше к самому себе: — Даже не верится...

Джордж остановился и отчаянно замахал руками:

— Боже ты мой, господи, это, наверное, какая-то ошибка!

Мужчина поковырял во рту зубочисткой и мрачно ответил:

— И мне так кажется, гражданин, однако ни вы, ни я не имеем права этого утверждать. Пошли. А ты, милашка, останься.

Джордж протестующе возопил:

— Я никуда не пойду без моей возлюбленной сестры! Вот так!

Корова облизнула губы и промычала:

— Морри, она может подождать здесь. Заходи, киска, за стойку, потолкуем.

Джордж едва заметно покачал головой, но я без него все прекрасно поняла. Останься я здесь, либо она поволокла бы меня в кабинку, либо я расквасила бы ей морду пепельницей. Я себя знала. То есть по долгу службы я ми-

рюсь с подобными вещами, и, если уж на то пошло, она была не так отвратительна, как Булыжник Рокфорд, но по доброй воле... нет уж, прошу покорно...

Я прижалась к плечу Джорджа и стиснула его руку.

— Мы никогда в жизни не расставались — с тех самых пор, как дорогая наша мамочка, умирая, завещала мне заботиться о нем и ни на шаг от него не отходить, понятно?

Произнося эту душещипательную тираду, я еле сдерживала смех. Господи, что за чушь я несу! В общем, мы оба набычились и всем своим видом показывали, что готовы стоять до конца.

Мужчина по имени Морри тоскливо оглядел меня с головы до ног, перевел взгляд на Джорджа, потом опять на меня.

— Ладно, черт с вами. Пойдешь с нами, сестренка. Только, чур, рта не разевать и в разговоры не вмешиваться.

Пройдя штук шесть пропускных постов, на каждом из которых нас пытались остановить и разлучить меня с Джорджем, мы оказались в приемной. Первое впечатление от президента Конфедерации: он показался мне гораздо более высоким, чем тогда, на улице. Может быть, потому, что теперь на нем не было этой умопомрачительной шапочки из перьев? А второе — он показался мне еще более домашним, чем на портретах, украшавших страницы газет и журналов. Похоже, что, как многие политические деятели до него, Тамбрил сумел превратить свою невыразительную внешность в некое подобие политического образа.

(Эта «домашность», думала я, она что, необходима, чтобы возглавлять государство? А ведь если задуматься — и правда в истории не отыщется ни одного политического деятеля, который далеко продвинулся бы в политике, блистая настоящей красотой. За исключением, пожалуй, разве что Александра Великого, но у этого, так сказать, имелся трамплин — его папаша был императором.)

Ну, в общем, образно говоря, «Вояка» Тамбрил напоминал лягушку, которая пыжится изо всех силенок, пытаясь изобразить из себя жабу, но у нее плоховато получается.

Президент Конфедерации откашлялся:

— А она что тут делает?

Джордж быстро ответил:

— Сэр, я должен сделать заявление! Этот человек... этот человек, — он указал на Морри, который как ни в чем не бывало продолжал кусать зубочистку, — пытался разлучить меня с моей дорогой, возлюбленной сестрой. Он заслуживает наказания!

Тамбрил зыркнул на Морри, на меня и снова — на своего телохранителя.

— Это правда?

Морри принялся оправдываться, утверждая, что ничего подобного не делал, ну а даже если и сделал, то только потому, что ему так было приказано самим Тамбрилом, и вообще, он думал...

— Думать тебе не положено! — отрезал Тамбрил. — Я с тобой позже разберусь. И почему дама стоит? Принести стул для нее. Что, я обо всем тут должен заботиться?

Как только я уселась на стул, принесенный Морри, президент обратился к Джорджу:

— Сегодня вы совершили великий подвиг, друг мой. Да, сэр, настоящий подвиг. Великая калифорнийская нация горда тем, что растит таких сыновей! Как вас зовут, герой?

Джордж назвал свое имя и фамилию.

— Пейролл... Прекрасная калифорнийская фамилия, мистер Пейролл, она вписана золотыми буквами в нашу историю со времен первых рейнджеров, которые вышвырнули с наших земель шайку испанцев, до тех светлых дней, когда неустрашимые патриоты выкинули отсюда бандитов с Уолл-стрит. Вы не будете возражать, если я буду называть вас по имени, Джордж, друг мой?

— Никаких возражений, сэр.

— А вы можете называть меня «Вояка». Вот главный предмет гордости нашего великого народа — мы все равны, Джордж.

Тут я позволила себе вмешаться:

— Это и к искусственникам относится, президент Тамбрил?

— А?

— Я спросила насчет искусственных людей вроде тех, кого производят в Беркли и Дэвисе. Они тоже равны?

— А... малютка, тебе не следовало бы вмешиваться, когда говорят старшие, но я отвечу на твой вопрос: как может человеческая демократия распространяться на тех, кто не является человеческими существами? Разве кошка может голосовать? Или автомобиль марки «Форд»? Отвечай!

— Нет, но...

— Вот и все. Все равны, все имеют право голосовать, но должна же где-то быть граница. А теперь, будь добра, помолчи и не мешай, пока говорят мужчины. Джордж, то, что вы сделали сегодня — ну, в общем, если бы этот злодей действительно покушался на мою жизнь — а он не покушался, и мы об этом забудем, и вы не вспоминайте — вы не могли бы повести себя лучше, чтобы прославить традиции национального героизма великой Калифорнийской Конфедерации. Я горжусь вами!

Тамбрил встал и вышел из-за письменного стола. Сложив руки за спиной, он принялся расхаживать взад-вперед по кабинету. Тут-то я и поняла, почему он показался мне выше ростом.

У него был либо очень высокий стул, либо под обычным стулом стояла какая-то подставка. На самом деле он мне едва до плеча доставал. Расхаживая, он рассуждал вслух:

— Джордж, в моей официальной семье всегда найдется место для мужчины такого геройства и отваги. Кто знает — может ведь настать день, когда вы на самом деле спасете меня от преступника, который на самом деле будет покушаться на мою жизнь. О, бесспорно, я имею в виду исключительно вражеских лазутчиков. Люди в Калифорнии — наши стальные патриоты — они все любят меня за то, что я сделал для них с тех пор, как тружусь здесь, в Октагоне. Но другие страны завидуют нам, завидуют нашему богатству, нашей свободе, нашей демократии! И порой, увы, эта их зависть выражается в жестокости, в насилии.

Он немного постоял, склонив голову набок, мысленно любуясь не то собой со стороны, не то всей великой калифорнийской нацией.

— Вот видите, это только самая малая, самая ничтож-

ная малость из того, чем приходится платить за привилегию стоять во главе служения государству! — патетически изрек он. — Но приходится платить, платить, несмотря ни на что. Джордж, если бы вам пришлось отдать свою жизнь — самое дорогое, что у вас есть, — за то, чтобы глава вашей страны остался в живых, вы пожертвовали бы собой?

— Маловероятно, — ответил Джордж.

— А? Что вы сказали?

— Видите ли, когда я голосую — а голосую я, правду сказать, не так уж часто, — я голосую за ревизионистов. А наш теперешний премьер-министр — реваншист. Сильно сомневаюсь, что ему может понадобиться моя жизнь.

— Какого дьявола? О чем вы?

— Je suis Quebecois, Monsieur le Chef d'Etat[1]. Я из Монреаля.

ГЛАВА 16

Через пять минут мы снова были на улице. На душе было, мягко говоря, неспокойно — казалось, что нас, того гляди, схватят, а потом повесят, расстреляют или, на худой конец, бросят в глубокую и крепкую темницу только за то, что мы — не калифорнийцы. Правда, одному из советников Тамбрила хватило-таки благоразумия, и он убедил главу Конфедерации, что дешевле будет отпустить нас подобру-поздорову, чем затевать судебный процесс, пусть даже и закрытый: договориться с консулом Квебека, может, и удастся, но подкупить все представительство подороже выйдет.

В общем, как бы то ни было, из дворца мы выбрались и отправились к главному управлению «Мастер Чардж» Калифорнии. Войдя в здание, мы потратили минут десять на то, чтобы вернуть себе нормальный внешний вид. Здесь в рекреационном зале было поспокойнее и все кабинки были с дверями.

Смыв помаду, сполоснув и расчесав волосы, Джордж

[1]Я из Квебека, господин президент *(фр.)*.

снова стал похож на себя. Включив фен, он улыбнулся и проговорил:

— Ну и видок у нас был, а?

Я оглядела кабинку. Шум фена, звук бегущей из крана воды — можно было говорить вслух.

— Знаешь, Джордж, ты молодчага. Недель через шесть мог бы стать настоящим профессионалом.

— Какого рода профессионалом?

— А? Ну вроде Пинкертона. Или...

Кто-то вошел в соседнюю кабинку.

— Потом договорим. Слушай, ведь у нас есть лотерейные билеты.

— Точно. Погляди, когда у тебя тираж.

Я вынула из сумочки билет.

— Сегодня! Сегодня, скоро начнется. Может, я ошиблась, проверь дату.

— Нет, — покачал головой Джордж, взглянув на билет. — Все правильно. Примерно через час, так что неплохо бы разыскать терминал.

— Не стоит. Я никогда не выигрываю в карты, в кости — значит, и в лотерею не выиграю. Знаешь, даже когда я покупаю шоколадку «Крекерджек» — они же всегда с призами — так вот, мне чаще всего без призов попадаются.

— Ладно, Кассандра, терминал мы все-таки разыщем.

— Как скажешь. Ну а у тебя тираж когда?

Он вытащил свой билет.

— Тогда же, когда и у тебя!

— Тогда действительно стоит посмотреть тираж.

Джордж продолжал внимательно разглядывать билет.

— Погляди-ка, Фрайди...

Он поскреб ногтем номер. Буквы серии остались, а номер сильно размазался.

— Так-так... Сколько времени наша подружка проторчала под прилавком, пока «нашла» для меня этот счастливый билетик?

— Не помню. Не больше минуты.

— Да. Быстро. Но ей хватило.

— Хочешь отнести обратно и устроить скандал?

— Что ты, зачем? Такая виртуозность заслуживает не

скандала, а бурных аплодисментов. Жаль девочку — зарывает свой талант. А теперь давай-ка наверх. Уладим твои дела с «Мастер Чардж» до начала тиража.

На время я снова стала Марджори Болдуин. Мистер Чемберс, к которому мы были допущены после долгих препирательств с младшими чиновниками, оказался на редкость симпатичным человеком — гостеприимным, разговорчивым. Именно он был мне нужен — табличка над его письменным столом гласила, что он вице-президент калифорнийского филиала по отношениям с клиентами.

Мы побеседовали минут пять, и стало ясно, что главная его обязанность — отвечать клиентам «нет», а главный талант — в том, что он отвечал «нет», употребляя такое неимоверное количество исключительно приятных и вежливых слов, что клиент с большим трудом догадывался, что ему отказывают.

«Во-первых, прошу вас понять, уважаемая мисс Болдуин, что калифорнийский филиал «Мастер Чардж» и «Мастер Чардж» в Чикагской Империи — это отдельные корпорации и с вами у нас контракта нет. К нашему большому сожалению. Да, мы обычно оказываем такую любезность и оплачиваем кредитные карточки, выданные там, а они — выданные здесь. Мне очень жаль, но в данный момент — я подчеркиваю — именно в данный момент Империя прервала с нами отношения, и как бы странно вам это ни показалось, но на сегодняшний день даже неясен обменный курс, поэтому, как бы мы и лично я ни хотели оплатить вашу кредитную карточку, мы не можем этого сделать при всем желании (ну и так далее) и с удовольствием сделаем это позднее. Но нам очень хотелось бы помочь вам и сделать все, что в наших силах, чтобы ваше пребывание здесь было приятным...»

Я спросила у него, когда, по его мнению, будет отменено чрезвычайное положение.

На лице мистера Чемберса изобразилось неподдельное удивление.

— Чрезвычайное положение? Какое чрезвычайное положение, мисс Болдуин? Наверное, вы имеете в виду — чрезвычайное положение в Империи? Это же они закрыли

границу... но у нас... Посмотрите вокруг — разве видели вы когда-нибудь страну, где бы царили такой мир и такое процветание?!

Я выразила свое полное согласие с его восторгами и поднялась со стула, поскольку было ясно, что спорить и что-то доказывать уже бесполезно.

— Благодарю вас, мистер Чемберс. Вы были так добры.

— Был исключительно рад помочь вам, мисс Болдуин. Все, что в моих силах. Всегда. Если смогу быть хоть чем-то полезен.

— Благодарю вас. Я не забуду. Скажите, пожалуйста, у вас в здании есть собственный терминал? Дело в том, что я сегодня утром купила лотерейный билет и тираж начнется вот-вот.

Он широко улыбнулся:

— Дорогая моя мисс Болдуин! Как это мило с вашей стороны, что вы задали мне этот вопрос! Прямо на этом этаже у нас есть большой конференц-зал, и каждую пятницу после ленча мы все прекращаем работу — по крайней мере, те из сотрудников, у кого есть билеты, — и смотрим тираж. Джей Би — это наш президент и исполнительный директор. Джей Би решил, что так будет лучше. Иначе бы сотрудники были вынуждены уходить из здания, искать терминал, а потом... простите, им пришлось бы что-нибудь придумывать... ну, где они были в рабочее время. С точки зрения морали это лучше, не правда ли? А когда кто-то из сотрудников выигрывает — а такое случается — он получает в подарок торт со свечками — ну просто именинный подарок, и притом от самого Джей Би лично! Он приходит, и счастливчик — или счастливица — угощают его этим тортом.

— Ну просто идиллия!

— Так оно и есть. Все наши просто обожают старину Джей Би.

Он взглянул на перстень-часы.

— Давайте пройдем в конференц-зал. Пора.

Мистер Чемберс усадил нас на места для особо важных персон, сам принес нам по чашечке кофе и присел рядом.

Экран терминала занимал почти всю площадь дальней

стены зала. Целый час шел тираж розыгрыша мелких призов. Ведущий тиража непрерывно обменивался плоскими шуточками со своим ассистентом. Шуточки относились большей частью к анатомическим подробностям фигуры девицы, которая вынимала билетики из лотерейного барабана. Подробности, правду сказать, носили весьма выдающийся характер, а единственный предмет ее одежды составляла повязка на глазах. Работенка, похоже, была не пыльная, если в студии было тепло.

Неподалеку от нас раздались восторженные возгласы: клерк из «Мастер Чардж» выиграл тысячу брюинов. Чемберс широко улыбнулся и радостно потер руки.

— Не часто, но бывает, бывает! Теперь разговоров хватит на несколько дней — так все будут радоваться. Ну, пойдемте. Ах, нет, у вас ведь тоже есть билетик, который может выиграть, правда? Но это вряд ли — молния не ударяет в одно место дважды...

Раздался оглушительный рев фанфар — подошла очередь тиража главного выигрыша недели — «Гигантского, Грандиозного Всекалифорнийского Супервыигрыша!». Девушка все в том же символическом наряде вытащила сначала билетики, обладатели которых получили два почетных приза — годовой запас табака «Юкия Голд» с набором трубок высшего качества и обед со знаменитой звездой сенсорных фильмов — Бобби «Грубияном» Писарро.

Наконец она достала последний счастливый билет. Ведущий зачитал цифры серии и номера, и они тут же загорелись на экране у него над головой.

— Мистер Зи! — обратился он к ассистенту. — Владелец билета зарегистрировался лично?

— Минуточку... Нет, не зарегистрировался.

— Значит, у нас будет «Золушка»! Друзья, у нас будет неизвестный победитель! Где-то сейчас в нашей великой и прекрасной Конфедерации находится богач, выигравший двести тысяч брюинов! Слышит ли, видит ли нас сейчас этот счастливчик или счастливица? Может быть, он или она позвонит нам и объявит свое имя, чтобы мы могли сообщить его всем зрителям до окончания программы? А может быть, этот человек проснется завтра утром, чтобы

узнать, как разбогател. Вот он, номер, друзья! Он будет гореть до самого конца программы, а потом мы будем называть его в конце каждого выпуска новостей, пока счастливый обладатель выигрыша не объявится и не назовет свое имя.

— Фрайди... — прошептал Джордж. — Можно я взгляну на билет?

— Не надо, Джордж, — шепнула я в ответ. — Все точно, мой номер.

Мистер Чемберс поднялся.

— Представление окончено. Приятно, так приятно, что хоть один член нашей большой семьи что-то выиграл. Очень рад был с вами познакомиться, мисс Болдуин... и мистер... Каро? Не стесняйтесь, заходите, звоните, если вам потребуется моя помощь...

— Мистер Чемберс, — прервала я его, — не может ли «Мастер Чардж» получить это за меня? Мне не хотелось бы делать это лично.

Мистер Чемберс — милый человек, но соображает медленно. Он трижды сверял номер на моем лотерейном билете с тем, что горел на экране терминала, пока наконец поверил, что все правильно. Потом Джорджу пришлось схватить его за рукав пиджака — Чемберс был готов мчаться на все четыре стороны сразу — звонить в Национальное управление лотерей, вызывать фотографа, команду с телевидения. Слава богу, Джордж его остановил: мне уже до смерти надоело иметь дело со взрослыми мужчинами, не желающими слушать моих возражений.

— Мистер Чемберс! — Джордж даже голос повысил. — Вы что, не слышите, что она вам говорит?! Она не хочет получать выигрыш лично. Никакого паблисити!

— Как?! Но имена победителей всегда сообщают в новостях! Это всегда так делается. Ну помните девушку, которая выиграла раньше? Это не займет много времени, если вы торопитесь. Наша сотрудница как раз сейчас фотографируется с Джей Би. Ну с тортом, я вам говорил. Давайте сейчас же пройдем к нему в кабинет.

— Джордж... — сказала я тихо. — «Американ экспресс»...

Джордж соображает быстрее. Пожалуй, я бы пошла за него замуж, если бы его отпустила Жанет.

— Мистер Чемберс, — сказал он строго, — скажите мне, пожалуйста, адрес главного офиса «Американ экспресс» в Сан-Хосе!

Порыв Чемберса мчаться на все четыре стороны резко иссяк.

— Что вы сказали?

— Не могли бы вы подсказать нам адрес «Американ экспресс»? Мисс Болдуин хочет пойти туда со своим лотерейным билетом и получить выигрыш. А я позвоню туда предварительно, чтобы убедиться, что уж они-то понимают, что деньги — это личное дело каждого!

— Но... вы не можете этого сделать! Она выиграла их здесь!

— Можем, мистер Чемберс. И сделаем. Она выиграла их не здесь. Просто мы случайно оказались здесь во время тиража. Пропустите нас, пожалуйста, мы уходим.

Уйти он нам не дал, и вся история повторилась, на этот раз с Джей Би. Любимец подчиненных — напыщенный толстяк — развалился в кресле и дымил здоровенной сигарой. К его верхней губе прилипли крошки от только что проглоченного куска торта. Он неплохо соображал, но явно привык, чтобы его пожелания выполнялись, и Джорджу пришлось довольно-таки внятно напомнить про «Американ экспресс», прежде чем до него дошла суть дела: то есть что я не желаю никакого обнародования ни под каким видом (да Босс бы просто чувств лишился!) и что лучше мы отправимся в другой банк, чем будем иметь дело с его фирмой.

— Но мисс Болдуин — клиент «Мастер Чардж».

— Нет, — заспорила я. — Это я так думала, что я — клиент «Мастер Чардж». Но Мистер Чемберс отказался оплатить мою кредитную карточку. Поэтому я воспользуюсь услугами «Американ экспресс». И без фотографов.

— Чем-берс! — В голосе Джей Би появились железные нотки. — Что это значит?!

Заикаясь, мистер Чемберс объяснил, что моя кредитная карточка выдана Имперским банком в Сент-Луисе.

— Уважаемый, солидный банк, — важно заявил Джей Би. — Чемберс, выдайте даме новую карточку. От нашего банка. И немедленно! И выигрыш по лотерейному билету — немедленно.

Он перевел взгляд на меня и вынул изо рта сигару.

— Никакого паблисити, мисс. Дела клиентов «Мастер Чардж» всегда конфиденциальны. Наш девиз, мисс. Вы удовлетворены, мисс Волгрин?

— Абсолютно, сэр.

— Чемберс, займитесь этим.

— Да, сэр. Какой лимит кредита, сэр?

— На какую сумму вы желали бы открыть кредит, мисс... Бельгиум? Можете назвать в кронах — на какую сумму у вас был оформлен кредит у моих уважаемых коллег в Сент-Луисе?

— Я веду расчеты в золоте, сэр. Можно сделать пересчет? Дело в том, что я много путешествую, и всегда удобнее оперировать с граммами золота, чем путаться в обменных курсах.

(Ох, как жестоко говорить о золоте в стране, где вечная инфляция...)

— Вы хотите открыть золотой кредит?

— Если это возможно, конечно. Мои счета оплачивают в Церерско-Южноафриканском акцептном банке, филиал в Луна-Сити. Вас это устроит? Обычно я перечисляю деньги раз в квартал, но я могу дать распоряжение, и деньги будут перечислять раз в месяц, если поквартальная выплата вас не устраивает.

— Устраивает, вполне устраивает.

(Конечно, кого не устроит — проценты набегают.)

— Что касается лимитов... видите ли, сэр, я не имею обыкновения делать большие вклады в каком-нибудь конкретном банке и в какой-нибудь одной стране, так что давайте остановимся на тридцати килограммах.

— Если вам так угодно, мисс... Бедлам. Если пожелаете увеличить сумму кредита, сообщите нам.

Он добавил:

— Чемберс, все оформить как полагается.

Мы спустились в тот самый кабинет, где все началось. Мистер Чемберс предложил мне заполнить бланк.

Я пробежала бланк глазами: имена родителей, бабушек, дедушек, место и дата рождения. Настоящее место работы. Прежнее место работы. Причина ухода с прежнего места работы. Размер зарплаты в настоящее время. Три поручительства от людей, которые знают меня не менее десяти лет. Не было ли у вас случаев банкротства, не были ли вы под судом за долги, не являлись ли вы директором или ответственным работником какого-либо учреждения, которое было расформировано на основании тринадцатого параграфа двадцать седьмого пункта Калифорнийского гражданского кодекса. Не были ли вы под судом за уклонение от...

— Фрайди, нет.

— Именно это я и собиралась сказать, Джордж.

Я резко встала на ноги.

— Прощайте, мистер Чемберс, — поклонился Джордж.

— Что-нибудь не так?

— Естественно. Ваш начальник велел вам выдать мисс Болдуин кредитную карточку с лимитом в тридцать килограммов золота. Но он не давал вам распоряжений анкетировать ее подобным образом.

— Но это делается в обязательном порядке...

— Вы не волнуйтесь, ничего страшного. Просто передайте вашему Джей Би, что мы не договорились.

Мистер Чемберс слегка позеленел.

Еще через десять минут мы покинули офис, и я стала обладательницей кредитной карточки на сумму, приравненную к тридцати килограммам золота, — такую карточку мне оплатили бы везде. Мне пришлось сообщить только адрес моих ближайших родственников (Жанет), номер моего счета в Луна-Сити и дать письменное распоряжение снимать деньги с моего счета поквартально. Кроме того, меня снабдили довольно значительной суммой наличных в брюинах и кронах и выигрышем по лотерейному билету.

Мы вышли, свернули за угол, попали на Национальную площадь, где отыскали свободную скамейку и присели отдохнуть. Было около шести часов вечера, дневной зной сменился приятной прохладой, хотя солнце еще не село за горы Санта-Крус.

— Ну, Фрайди, чего ты теперь хочешь?

— Посидеть и собраться с мыслями. Потом куплю тебе выпить. Я выиграла в лотерею! Разве не повод выпить?

— Повод прекрасный, — согласился он. — Итак, ты получила двести тысяч брюинов за... двадцать брюинов?

— За доллар, — уточнила я. — Сдачи я не брала.

— Ну почти то же самое. Значит, ты отгребла почти восемь тысяч долларов.

— Семь тысяч четыреста семь долларов и еще сколько-то центов.

— Ну не капитал, конечно, но все же кругленькая сумма.

— Да, неплохо, — согласилась я. — Особенно для женщины, которая проснулась утром в полной зависимости от благородства друзей. Ну разве что мне немного должны за то, что я была «адекватна» этой ночью...

— Мой братишка Ян прописал бы тебе оплеуху за такие речи, Фрайди, клянусь. Я же хочу искренне поздравить тебя с тем, что ты сумела заставить самый бюрократический банк дать тебе кредит почти на миллион долларов золотом. Как это у тебя получилось, дорогая? Ты ведь вроде бы и не старалась особенно. Даже голос не повысила.

— Но, Джордж, это же ты заставил их выдать мне эту карточку!

— Не думаю. Нет, я, конечно, старался тебе подыгрывать, но сама ты проявила гораздо больше инициативы.

— Во всяком случае, не с этой жуткой анкетой. Тут ты меня выручил.

— Этот тупица не имел никакого права анкетировать тебя! Ему же было приказано выдать тебе карточку, и все.

— Ты спас меня. Я уже, честно говоря, была готова бросить все и уйти. Джордж, милый, ты сказал, чтобы я не волновалась и не думала, кто я такая на самом деле, и я стараюсь изо всех сил, я правда стараюсь. Но заполнять бланк, где нужно писать, кто были мои родители, бабушки и дедушки — это выше моих сил.

— Ну теперь-то успокойся. День был трудный, но теперь все позади. Ты мне вот что еще скажи: долго ты думала, прежде чем запросить такой лимит кредита?

— Что? А... Да нет, недолго. Знаешь, просто как-то я слышала — Босс кому-то говорил, что иногда бывает го-

раздо проще взять взаймы миллион, чем десять. Поэтому я и решила назвать именно эту сумму.

— Да... Лихо это у тебя вышло. Адекватная моя, ты знаешь, сколько зарабатывает профессор?

— Какая разница? Но судя по тому, что мне известно о производстве живых артефактов, мне кажется, что профессионалам в этой области должны платить миллионы. Скорее даже миллионы граммов золота, а не долларов. Разве у тебя не было каких-нибудь открытий, гениальных разработок? Или это бестактный вопрос?

— Давай сменим тему. Где мы будем спать сегодня?

— Можем добраться до Сан-Диего. Туда всего-то сорок минут езды. А до Лас-Вегаса и того меньше — тридцать пять. Потом можно будет тронуться в Империю. Джордж, теперь, когда у меня столько денег, я просто обязана как можно скорее добраться до Босса. Но я даю тебе честное слово: как только освобожусь хоть на несколько дней — обязательно примчусь в Виннипег.

— Но в Виннипег пока я никак не могу вернуться.

— Ну, значит, я разыщу тебя в Монреале. Милый, давай оставим друг другу все адреса, какие у нас есть. Я не хочу тебя терять. Ты не только убедил меня, что я — человек, ты меня просто спас. А теперь выбирай — либо едем в Сан-Диего и будем там болтать по-испанглийски, либо в Лас-Вегас и будем там вместе глазеть на голых женщин.

ГЛАВА 17

Выбрать было нелегко, поэтому мы сделали и то и другое, а потом махнули в Виксберг.

Техасско-чикагская граница оказалась закрытой с обеих сторон на всем протяжении, и я решила попытать счастья на реке. Конечно, Виксберг — это еще не Техас, но в моих планах решало дело то, что он был главным речным портом на границе с Империей и самым крупным пунктом контрабанды в обоих направлениях.

Виксберг поделен на три части. Нижний город, порт, раскинулся на берегу, и его порой заливает река. Верхний город лежит на невысоком холме и, в свою очередь, делит-

ся на новый город и старый. Старый город окружают поля сражений давно забытой войны (но жители Виксберга о ней помнят). Эта земля неприкосновенна и свята, там ничего нельзя строить. За полосой святой земли лежит новый город, связанный со старым системой подземных коммуникаций, за счет которых и существует. Верхний город соединен с нижним эскалаторами и фуникулерами.

Верхний город для меня был всего-навсего местом, где можно было спать. Мы поселились в виксбергском «Хилтоне» — близнеце беллингхемского, даже утренний бар на нижнем этаже был точно такой же. Для дела мне был нужен нижний город. Настало время радости и печали — Джордж понимал, что дальше он со мной не пойдет, и этот вопрос мы больше не обсуждали. Я даже не позволяла ему спускаться со мной в нижний город и предупредила его, что в один прекрасный день могу не вернуться и, очень может быть, не сумею даже оставить для него записку в гостинице. Настанет время уйти — и я уйду.

Нижний город в Виксберге — мерзкое, жестокое, зловонное место — здоровенная такая навозная куча. Даже днем полицейские тут ходят парами, а ночью их и вообще не встретишь. Это город воров, проституток, контрабандистов, сутенеров, торговцев наркотиками, пьяниц, альфонсов, попрошаек, подпольных хирургов, гомосексуалистов, мастеров по подделке документов, вербовщиков, наемных убийц, наркоманов, крупных и мелких мошенников, бисексуалов — да кого там только нет! И все — к вашим услугам. Местечко очаровательное — попадете туда, не забудьте сделать потом анализ крови.

Именно там я впервые увидела, как в бар вошел живой артефакт — самый настоящий: четыре руки, глаза на затылке и тому подобное, — купил себе пива, и на него никто глаза не пялил. А уж на искусственников тут и вообще никто внимания не обращал. Девяносто процентов обитателей нижнего города даже не осмеливается ступить на эскалатор, ведущий в верхний город.

У меня было большое искушение остаться там. Что-то было такое теплое, дружеское во всех этих отбросах общества — никто из них не укажет на тебя пальцем. Ей-богу,

если бы не Босс, не Джордж и не память о местах, где получше пахло, я бы осталась в нижнем городе и нашла бы себе занятие в соответствии со своими талантами.

«Но должен слово я сдержать, до ночи долго мне шагать». Маэстро Роберт Фрост[1] знал, почему человек обязан идти, когда ему больше хочется остановиться и передохнуть. Нарядившись так, будто я была безработным солдатом в поисках выгодной сделки по найму, я частенько болталась по берегу, слушала окрики шкиперов речных пароходов, которые были не прочь провезти контрабандой живой груз. Я была крайне огорчена, узнав, как ограничена в эти дни навигация. Из Империи не было никаких новостей, вниз по реке пароходы не спускались, так что немногие шкиперы отваживались пускаться в путь против течения.

Поэтому я просиживала часами в барах на берегу, потягивала безалкогольное пиво и слушала, о чем болтают вокруг, и ждала словечка, за которое была готова отвалить кучу денег, чтобы отправиться вверх по реке.

Кроме того, я не пропускала ни одного выпуска рекламы по найму. Реклама тут была весьма более откровенная, чем в Калифорнии, — похоже, тут все было дозволено.

«Вы ненавидите вашу семью?
У вас депрессия? Вы устали? Вам скучно?
Ваш муж (жена) надоели вам до смерти?
Давайте сделаем из вас нового (новую)
мужчину (женщину)!
Пластические операции —
переориентация — релокация!
Транссексуализация — ювелирная техника!
Хотите избавиться от нежелательного партнера?
Консультируйтесь с доктором
Франком Франкенштейном.
Гриль-бар «Симпатяги» Сэма».

Впервые в жизни встретилась со столь откровенной рекламой убийства. Или я что-то не так поняла?

---

[1]Фрост, Роберт (1874 — 1963) — американский поэт.

«У вас есть ПРОБЛЕМЫ?
Нет ничего нелегального!
Дело не в том, что вы делаете, дело в том — как!
Самые опытные и ловкие шантажисты
в штате Одинокой Звезды!
«ЗАМОЧНАЯ СКВАЖИНА, Инк.»
(Для холостяков — особые расценки.)
Писать: НВ-10101».

Было ясно, что кодом НВ обозначается нижний Виксберг.

«ХУДОЖНИЧКИ, Лтд.»
Документы всех видов,
воровской инструментарий,
деньги всех государств,
дипломы, свидетельства о рождении,
удостоверения личности,
паспорта, фотографии, лицензии на бизнес,
брачные контракты, кредитные карточки,
комиссионные услуги, амнистии, завещания,
штампы, печати, отпечатки пальцев.
Все услуги с гарантией от
«Ллойд ассошиэйтс» — НВ-10111».

О конечно, все услуги такого рода, если хорошо поискать, найдешь в любом крупном городе, но я никогда не видела, чтобы их так беззастенчиво рекламировали! Что же до гарантии, то я просто глазам своим поверить не могла!

Сама я объявление давать не решилась: сильно сомневалась, что это безопасно — и продолжала рассчитывать на барменов, барменш и содержателей притонов. Но рекламу продолжала просматривать: там могло промелькнуть что-то если не полезное, то хотя бы интересное. Такое объявление вскоре не заставило себя ждать:

«В. К.! Составь завещание.
Жить тебе осталось только десять дней.
А. С. Б.».

— Что скажешь, Джордж?

— Да... В первый раз, когда мы это видели, если я не запамятовал, у В. К. оставалась неделя на размышление.

Почти неделя и прошла, а теперь ему оставляют еще десять дней. Если так дальше пойдет, бедный В. К. умрет от старости.

— Ты не веришь этому?

— Нет, любовь моя, не верю. Это какой-то код.

— Какой код?

— Самый дурацкий, но именно поэтому его очень трудно расшифровать. Ну смотри: в первом объявлении некое лицо или группа лиц пытались кому-то что-то сообщить, связанное с числом «семь», или у них что-то закодировано было под цифрой «семь». Тут то же самое, только теперь фигурирует число «десять». Но значение цифр нельзя понять даже с помощью статистического анализа, поскольку за это время они запросто могли поменять код. Это идиотский код, Фрайди, а идиотский код разгадать невозможно, если тот, кто им пользуется, достаточно хитер.

— Джордж, послушать тебя, так подумаешь, что ты только и делал всю жизнь, что занимался военными шифровками.

— Занимался одно время, но научился этому по-настоящему потом. Самый трудный код, которым занимаются по сей день, — это генетический код. Самый идиотский код на свете, поверь, но он повторяется так много раз, что все время возникает искушение придать какое-то значение бессмысленным слогам. Ты прости, за едой не стоило, наверное, говорить о таких заумностях.

— Ты ни при чем. Это же я завела этот разговор. Не догадываешься, что такое «А. С. Б.»?

— Не имею понятия.

Этой ночью террористы ударили во второй раз. Но чур, я вам не говорила, что тут есть какая-то взаимосвязь!

А ударили они ровно через десять дней — почти час в час после «Красного четверга». Только на этот раз ни одна группировка не взяла на себя ответственность за происходящее — все и так было ясно и совпадало с угрозами и предсказаниями «Совета по выживанию» и «Вдохновителей». «Ангелы Господни», насколько я помнила, относительно времени будущего наступления не высказывались.

Вторая волна террора кое-чем отличалась от первой, и это «кое-что» кое-что значило для меня, точнее, для нас обоих. Мы с Джорджем обсуждали все новости.

Итак:

а) отсутствие каких бы то ни было сообщений из Чикагской Империи. Их, собственно говоря, не было со времени первых известий о нападениях на демократов — ни гу-гу целую неделю. Меня это очень волновало;

б) не было сообщений о террористических актах на территории Калифорнийской Конфедерации. Примечание: через несколько часов после сообщений о начале второй волны террора из Калифорнии пошли самые обычные новости. Одна из них: глава Конфедерации — наш знакомец «Вояка» Тамбрил назначил троих регентов с неограниченной властью, дабы они правили страной, пока он проходит курс давно откладываемого лечения. С этой целью он отбыл в свою резиденцию «Орлиное гнездо», неподалеку от Тахо. Бюллетени о состоянии его драгоценного здоровья, однако, должны были выходить вовсе не в Тахо, а в Сан-Хосе;

в) мы с Джорджем, не сговариваясь, сделали вывод о том, что это значило в действительности. Лечение, назначенное этому жалкому позеру, наверняка было не что иное, как бальзамирование, и никаких новостей от его «регентов» ждать было нечего, пока они будут драться за власть между собой;

г) на сей раз сообщений о терактах за пределами Земли не было;

д) не сообщали о покушениях Кантон и Маньчжурия. Уточнение: такие сообщения не поступали в Виксберг, штат Техас;

е) насколько я могла судить, террористы ударили во всех остальных территориальных государствах. Однако выводы мои были далеки от точности, поскольку из четырехсот с лишним стран — участниц ООН некоторые сообщают новости только во время полного солнечного затмения. Я понятия не имела о том, что происходит в Уэльсе, Свазиленде, Непале, на островах Принца Эдуарда. К слову сказать, эти государства, безусловно, что-то значат, ко-

нечно, для самих себя, но не имеют никакого значения в геополитике. Да, они голосуют в ООН, но их голоса учитываются только при выведении разных коэффициентов, не более. Но во всех главных территориальных государствах террористы нанесли очередной удар, и сообщения о покушениях передавались, за исключением тех случаев, когда информация такого рода подвергалась цензуре;

ж) большинство покушений провалилось. Это было главное отличие второй волны террора от первой. Когда десять дней назад террористы ударили по избранным мишеням, жертвы большей частью отправились на тот свет, а террористам удалось скрыться бесследно. Теперь все было наоборот: большинство жертв остались в живых, а большинство террористов были убиты. Некоторых схватили на месте преступления, но уйти мало кому удалось.

Последний факт меня окончательно успокоил: я поняла, что Босс непричастен ни к первой, ни ко второй волне террора.

Почему я так решила? Потому что вторая волна опозорила тех, кто стоял за всем этим.

Полевые агенты, даже простые солдаты, стоят недешево. Руководство не бросается ими по пустякам. Обученный, опытный террорист стоит еще дороже — раз в десять дороже простого солдата.

Их жизнь дорога и им самим, и их хозяевам: они обязаны убивать и выходить из игры живыми.

Но кто бы ни стоял за этим спектаклем — он обанкротился за одну ночь.

Значит, это был не Босс.

Но кто стоял за этой безумной и нелепой проделкой, я пока не понимала, потому что неясно было, кто выиграл. Мой прежний вывод о том, что за «Красным четвергом» может стоять какая-то из крупных корпораций, не казался мне теперь таким уж бесспорным: я не могла поверить, что на службе самых крупных из них — во «Всемирной транспортной», например, — не состоят профессионалы самого высокого класса.

Еще труднее было представить себе, чтобы такую без-

думную попытку предприняло бы какое-то из территориальных государств, чтобы завоевать весь мир.

Что же касается организаций, объединяющих оголтелых фанатиков типа «Ангелов Господних» или «Вдохновителей», то для них это и вовсе не было делом по плечу. Хотя все происходящее отдавало фанатизмом, нерациональностью, неразумием...

Но кто сказал, что я должна понимать все на свете?

Наутро после второй волны террора в нижнем городе царило заметное возбуждение. Только я успела войти в салун и направиться к стойке, чтобы поздороваться и потолковать с барменом, как ко мне подлетел незнакомый парнишка — не то контрабандист, не то посыльный — и заговорщицким шепотом сообщил:

— Добрые новости, мисс. Райдеры Рашель набирают команду. Рашель велела мне обязательно разыскать вас и сказать про это.

— Пошел бы ты... — вежливо ответила я. — Рашель не знает меня, я не знаю Рашель.

— Честное скаутское! — возмутился он.

— Поищи дурачков. Ты и скаутом-то не был, и сильно сомневаюсь, понимаешь ли ты, что значит «честное».

— Слушай, подруга, — настаивал он, — я сегодня еще с утра не ел ни крошки! Ну что тебе стоит, прогуляйся со мной до места, тебя же никто не заставляет туда наниматься. Тут близко — улицу перейти, и все...

Он был и правда жутко худой, но вряд ли от голода — в нижнем Виксберге мало кто голодает. Начало половой зрелости — таков был мой окончательный диагноз. Пока я его разглядывала, вмешался бармен.

— Эй, Малыш, прекрати приставать к посетителям! Давно в глаз не получал, приятель?

— Все нормально, Фред, — успокоила я бармена. — Я к тебе попозже загляну.

Я положила деньги на стойку и не взяла сдачу.

— Ну пошли, Малыш!

Контора по найму новобранцев оказалась вовсе не так близко, как обещал Малыш. Мы битый час добирались до нее через кучи грязи и отбросов. По дороге еще двое по-

сыльных пытались отбить меня у Малыша. Но я отказалась от их предложений — мне нужно было своими глазами увидеть, как этот бедолага получит свои кровные денежки за то, что привел меня.

Взгляд, которым меня встретила девушка-сержант, сидевшая за письменным столом со списком добровольцев, напомнил мне о старой корове-лесбиянке — той самой, что восседала за стойкой в рекреационном зале дворца президента в Сан-Хосе. Оглядев меня с головы до ног, она буркнула:

— Шлюх не берем, красотка. Но ты тут поболтайся пока, а потом я куплю тебе выпить.

— Заплати посыльному, — сказала я.

— Это за какие такие заслуги, а?

Она повернулась к мальчишке:

— Леонард, тебе же ясно было сказано — бездельников не приводить. Иди отсюда и ищи, что велели.

Я сделала шаг к столу и резко схватила ее за руку. В другой ее руке сразу же появился нож. Делать нечего — пришлось выхватить у нее нож, который я с силой воткнула в крышку стола, и еще крепче сжать ее левую руку.

— Так заплатишь ему или нет? — спросила я строго. — Или пальчик тебе сломать?

— Полегче, ты, — процедила она сквозь сжатые от боли зубы. — Держи, Леонард!

Свободной рукой она открыла ящик стола, вынула оттуда бумажку в два техасских доллара и протянула Леонарду. Мальчишка схватил деньги и убежал.

Я немного отпустила ее руку.

— И это все? За каждого добровольца?

— Все комиссионные он получит, если ты запишешься. Думаешь, мне хоть копейку заплатят, пока я не покажу товар лицом? Так и разориться недолго. Ну ладно, руку-то отпусти. Как я бумаги заполнять должна, по-твоему?

Я выпустила ее руку, и в ней тут же снова оказался нож, острие которого она наставила на меня. На этот раз пришлось сломать лезвие, прежде чем я вернула ей ножик.

— Больше так не делай, пожалуйста, — посоветовала я ей. — Пожалуйста. А сталь-то паршивая. Не «Золинген».

— Стоимость ножа, моя дорогая, я вычту из твоего жалованья, — бесстрастно отозвалась она. — Кстати, ты под прицелом с той самой секунды, как вошла сюда. Кнопочку нажать или как? Может, хватит дурака валять?

Я ей не поверила, но то, что она решила перейти к делу, меня устраивало.

— Валяй, сержант. Слушаю внимательно. Какие у вас предложения? Посыльный ваш мне ничего не сказал.

— Кофе с пирожными и оплата по расценкам гильдии. Премия гильдии. Девяносто дней работы — девяносто дней оплаты. Плата за жилье и обмундирование половинная.

— Негусто. По всему городу вербовщики предлагают оплату по расценкам гильдии и пятьдесят процентов сверху.

(Это был ход наудачу.)

Она пожала плечами:

— Ну не знаю. По-моему, у нас все равно не меньше выходит. Оружием каким владеешь? Учти, неумехи нам не нужны.

— Скажи лучше ты мне, каким оружием ты владеешь, и, клянусь, я научу тебя им пользоваться. Где попробуем? Да, и вот еще что. Где будет работа?

— М-м-м... Сейчас рано об этом говорить. Или ты хочешь поступить в качестве шпионки? Шпионов я не нанимаю.

— Я спросила тебя: где будет работа? Мы пойдем вверх по реке?

— Хорошенькое дело! Еще не записалась, а ей подавай секретную информацию.

— За которую я готова заплатить.

Я достала пятьдесят техасских долларов: пять купюр по десять — и положила веером на стол перед ней.

— Ну, так где работенка будет, сержант? Я куплю тебе хороший новый ножик вместо этого перышка.

— Ты — искусственница.

— Давай не будем гадать. Просто мне нужно точно знать, пойдем ли мы вверх по реке. Ну скажем, до Сент-Луиса.

— Ты думаешь записаться как сержант-инструктор?

— Чего? Только старшим офицером.

Пожалуй, я переборщила. В табели о рангах той орга-

низации, которой руководит Босс, я разбиралась неважно, но чин старшего офицера, наверное, у меня все-таки был, поскольку все, кроме Босса, обращались ко мне не иначе, как «мисс Фрайди», за исключением тех случаев, когда я сама просила обходиться без формальностей. Даже доктор Красный не обращался ко мне на «ты», пока я сама его об этом не попросила.

— Ну, ты загнула! Ну ладно, тогда уж решай этот вопрос с полковником Рашель. Она тут появится около часу дня.

Почти механически, безразлично, она протянула руку за деньгами.

Я опередила ее, взяла купюры, сложила ровной стопочкой и снова положила на стол — на этот раз ближе к себе.

— Ладно. А пока давай все-таки поболтаем. В городе столько вербовщиков, что выбор есть. А мне надо знать, где будет работа — выше по реке или нет? И как высоко? Кто будет против нас — настоящие профессионалы или местные шутники? Настоящая драка или баловство? Ну чего ты, сержант, давай поболтаем!

Она молчала и не шевелилась. Она не сводила глаз с денег.

Я быстро достала еще одну десятидолларовую купюру и положила ее сверху.

Ноздри ее слегка дрогнули, но за деньгами она не потянулась. Выждав минуту-другую, я добавила еще десять долларов.

Она хрипло проговорила:

— Убери с глаз долой или отдай мне. Кто-нибудь войти может...

Я взяла деньги и подала ей.

— Спасибо, мисс, — поблагодарила она и быстро убрала деньги в стол. — Значит, мы пойдем вверх по реке, до Сент-Луиса как минимум.

— С кем нам надо будет драться?

— Слушайте, мисс, если вы еще раз про это спросите, мне придется вырвать у вас сердце и кинуть его на съедение собакам!.. Простите, мисс. Может быть, мы и не будем драться. То есть может, и придется, но это не обязательно.

Мы, все мы, будем телохранителями нового премьера. Новорожденного, я бы сказала.

(Вот это да!)

— Забавно. А куда же нанимают добровольцев все остальные конторы в городе? Тоже для премьера? Дворцовая гвардия?

— Мисс, хотела бы я знать! Но я правда не знаю.

— Ладно, я сама попробую разнюхать. Сколько у меня времени? Когда отплываем? Да и, кстати, плывем ли мы? Может, у полковника Рашель моторизованный отряд?

— Слушайте, не много ли хотите секретной информации за семьдесят долларов?

Я призадумалась. Я не прочь была приплатить, но я должна была быть уверена в успехе. Если вверх по реке пойдут военные, значит, контрабандисты туда не пойдут. Придется довольствоваться тем транспортом, который пойдет вверх. Ладно, надо записываться. Но не офицером — наболтала лишнего. Я вытащила еще две десятидолларовые бумажки и помахала ими.

— Сержант, а ты-то сама собираешься на прогулку?

Она смотрела на банкноты. Одна из них легла на стол перед ней. Банкнота исчезла в ящике стола.

— Я не упущу такой возможности, дорогая. Как только закрою контору — я сержант, командир отделения.

На стол легла следующая банкнота — и последовала за предыдущей...

— Слушай, сержант, что-то мне неохота тут сидеть и дожидаться полковника. Вряд ли она возьмет меня личным адъютантом или квартирьером, правда? Ну вот. Так что погляди, может, у тебя есть для меня какая-никакая вакансия. Деньги мне не нужны, но неприятностей тоже как-то не хочется. Я хочу отдохнуть, проветриться, так сказать.

Она кисло улыбнулась:

— Вот как раз этого мне не хватало — миллионерша у меня под началом!

Мне стало жалко ее. Да, никто из сержантов не испытывает жгучей радости оттого, что под их командованием будет человек с тугим кошельком.

— Я не собираюсь сорить деньгами. Буду себя вести, как все. Если ты меня не возьмешь, передай меня в другое отделение, и все.

Она вздохнула:

— Ох, что-то у меня не то с головой... Нет, уж лучше я тебя определю туда, где легче будет приглядывать за тобой.

Она открыла ящик и протянула мне бланк, на котором значилось: «Временный контракт».

— Прочитай. Подпиши. Потом дашь присягу. Есть вопросы?

Я просмотрела контракт. Все было достаточно обычно: сухой закон, отказ от наркотиков, подробности медицинского обслуживания, оплата — как сказала сержант, однако — вот сюрприз! — было подчеркнуто, что выплата жалованья производится на десятый день после зачисления в личный состав. Понятно. Для меня это была гарантия того, что они действительно идут на серьезное дело и вверх по реке. Всякого вербовщика, как ночной кошмар, мучает мысль о том, что доброволец прыгнет за борт с авансом в зубах, как только судно отчалит от берега. А сейчас, когда по всему городу вербовщики трудились с таким рвением, человеку с военным стажем ничего не стоило записаться одновременно в шести конторах, везде получить аванс, а потом тихо смыться в «банановые» штаты.

Повиноваться я была обязана лично полковнику Рашель или ее заместителям и вообще всем выше меня рангом. Я была обязана честно сражаться и не жаловаться на неудобства военного положения.

Все это было изложено настолько туманно, что целой армии лучших филадельфийских юристов пришлось бы истолковывать такую формулировку, дойди дело до трибунала... а оно туда вряд ли дойдет: к тому времени, когда нужно будет заслушивать разные точки зрения, истец уже получит пулю в спину.

Контракт заключался, как и сказала сержант, на девяносто дней, но по приказу полковника мог быть продлен еще на такой же срок с выплатой дополнительного жалованья. Дальнейшего продления контракта не предусмат-

ривалось. Тут я задумалась. Что же это за контракт об охране политического деятеля на шесть месяцев? А что потом?

Либо врала сержант, либо кто-то наврал ей, а у нее недостало ума заметить тут явное нарушение логики. Но это ладно, ее спрашивать об этом было бесполезно. Я потянулась за ручкой.

— Теперь к врачу, да?

— Шутки шутишь?

— Неужели не надо? — удивилась я, поставила подпись и улыбнулась: — Шучу, конечно.

Она быстро и монотонно прочитала присягу, которая более или менее соответствовала контракту.

Потом она сощурилась, разглядывая мою подпись.

— Джонс, а что значит «Ф»?

— Фрайди.

— Ну и имечко! Значит, на службе будешь «Джонс». А в свободное время — «Джонси».

— Как скажешь, сержант. Сейчас я на службе или как?

— Будешь свободна через минуту. Слушай приказ: отплываем оттуда, где кончается Шримп-Элли. Там табличка есть: «Фу Фонг и Братья Леви, Инк.». Быть там к четырнадцати ноль-ноль готовой к отплытию. Пройдешь через черный ход. До этого времени ты свободна. Можешь заниматься личными делами. Кому хочешь, можешь сказать, что завербовалась, но о том, какое задание будешь выполнять, никому ни слова — под страхом трибунала.

Последние слова она произнесла заученно, быстро, на одной ноте.

— Тебе нужны деньги на ленч? Нет, конечно, не нужны. Все, Джонси. Рада, что ты пойдешь с нами. Мы отлично проведем время.

Она протянула мне руку и притянула меня к себе. Я прижалась к ней, мысленно содрогаясь от приятной перспективы быть возлюбленной своего командира. Только этого мне недоставало для полного счастья! Однако нельзя же было ее огорчать. Я ответила на ее поцелуй и улыбнулась. Пахло от нее, во всяком случае, приятно.

ГЛАВА 18

Колесный пароход «Мэри Лу» словно сошел со страниц романов Марка Твена. Вот уж не ожидала, что мы отправимся на серьезное дело на такой опереточной посудине! Три пассажирских палубы... по два спаренных «Шипстоуна» на каждый из двух винтов... Неплохо, но осадка! Вода выше ватерлинии! Было полное впечатление, что первый же порыв ветерка шутя опрокинет пароход. «Великая армада» состояла из двух кораблей — впереди нашего волны Миссисипи плавно рассекал такой же красавчик — «Мертл Т. Хэншоу». Скорость наша составляла между тем что-то около одиннадцати узлов. А вдруг, не дай бог, мель или мины подводные? Хоть бы тут у них радары и сонары работали как следует!

«Герои Аламо» шли на первом пароходе, где находилась командующая обоими подразделениями — полковник Рашель. Этого факта мне было достаточно, чтобы отбросить сомнения. Нет, конечно, мы шли на серьезное дело. Полковник ожидала настоящего сражения — не иначе как придется высаживаться на берег под огнем.

Но оружия нам пока не выдали, и новобранцы были без военной формы — так что, скорее всего, сержант Мэри Гамм была права, и мы поднимемся вверх по реке до самого Сент-Луиса. Стало быть, правда и все остальное — мы действительно охраняем нового премьера и должны подняться еще выше — до самой столицы... если новому премьеру действительно суждено возглавить правительство... если Мэри Гамм понимает, о чем говорит... если кто-то не повернул реку вспять, пока я не видела. Слишком много «если», Фрайди, слишком мало точной информации. Единственное, что я знала наверняка, так это то, что наша посудина должна была вот-вот войти в имперские воды, но по какую сторону границы мы направлялись, я не знала, да и как было узнать.

Собственно, это меня не слишком волновало, поскольку через несколько дней, когда мы должны были достичь мест, откуда было недалеко до штаб-квартиры Босса, я собиралась неформально расстаться с райдерами Рашель —

как я надеялась, до начала боевых действий. У меня было достаточно времени, чтобы обдумать происходящее, и я была почти уверена, что раньше чем через шесть недель нашу бравую команду ни под каким видом нельзя выпускать на поле битвы — нужны были суровые потогонные учения под руководством безжалостных сержантов. Новобранцев много, а кадровых военных раз-два и обчелся.

Считалось, конечно, что все новобранцы — ветераны... но я нисколько не сомневалась, что очень многие просто-напросто крестьянские девчонки, которым еще и пятнадцати не стукнуло. Они выглядели достаточно взрослыми для своих лет. «Женщине столько лет, на сколько она выглядит» — старая поговорка права, конечно, однако для того, чтобы быть солдатом, мало набрать шестьдесят килограммов веса.

Вести в бой такие войска — чистейшее самоубийство. Но это меня не волновало. Набив желудок бобами со свининой, я примостилась на корме, прислонившись спиной к бухте корабельного каната, и любовалась красками заката, переваривая свою первую солдатскую трапезу (если это можно было назвать трапезой). Как раз сейчас, по моим расчетам, «Мэри Лу» пересекала границу вод Чикагской Империи.

— Прячешься, солдатик? — произнес голос у меня за спиной.

Узнав голос, я повернула голову.

— Ну что ты, сержант, как ты могла такое подумать?

— Очень просто. Задала себе вопрос: «Куда бы я пошла, если бы у меня был мешок золота?» Как видишь, не ошиблась. Ладно, Джонси, не напрягайся. Ты койку заняла?

Койку я не заняла, потому что ни одно из предложенных для спанья мест мне не понравилось. Большая часть девушек была расквартирована в каютах — по трое в отдельных, по четверо в спаренных. А наше отделение вместе с еще одним должно было спать в столовой. Я не горела желанием сидеть за капитанским столом, потому решила устроиться на палубе.

Сержант Гамм улыбнулась в ответ на мое объяснение.

— Ясно. Значит, так: когда получишь одеяло, не вздy-

май стелить его на койку — тут же сопрут. Комната стюарда рядом со столовой — это моя каюта. Брось одеяло туда. Каюта одиночная, но там широкая койка. Уместимся как-нибудь. Получше будет, чем на палубе.

— Спасибо, сержант, ты очень добра.

(Господи, как же отговориться? Или придется покориться неизбежному?)

— Можешь звать меня просто Мэри, когда мы наедине. А тебя как звать, я забыла?

— Фрайди.

— Фрайди... Больше смахивает на прозвище. Ну да ладно. О'кей, Фрайди, увидимся после поверки.

Мы смотрели, как последние лучи закатного солнца догорают на горизонте. «Мэри Лу» шла на восток по одной из бесчисленных излучин реки.

— Гляди, Фрайди, кажется, что солнце такое горячее... Вот нырнет в реку — и пар пойдет!

— Мэри, у тебя душа поэта.

— Мне самой иногда казалось, что я смогла бы сочинять стихи. Кстати, Фрайди, насчет затемнения слышала?

— Слышала. «Не курить на палубе, не зажигать свет во внутренних помещениях, кроме тех, где глухие иллюминаторы. Нарушители будут расстреляны на рассвете». Меня это не касается, Мэри, я не курю.

— Маленькая поправочка: нарушители не будут расстреляны, но будут молить бога, чтобы их расстреляли. А ты совсем-совсем не куришь, золотко? Даже сигаретку на двоих?

(Фрайди, откажись!)

— Ну тут, наверное, главное не само курение, а ритуал?

— А я это так и понимаю. Думаешь, я хожу и пускаю дым как паровоз? Нет, что ты. А вот выкурить сигаретку с подругой или приятелем, когда есть настроение, — это так приятно. А с тобой мне хорошо.

Она уселась на палубу рядом со мной и обняла меня.

— Сержант! То есть Мэри... Не надо. Еще светло. Нас увидят.

— Что за беда? Кого это волнует?

— Меня. Я не могу расслабиться.

— Тут можешь не бояться. Ты что, девственница? Я имею в виду — с женщинами?

— А? Ради бога, не спрашивай, Мэри. И отпусти меня. Прости, но я не могу. Здесь, я хочу сказать. Кто угодно может заглянуть за эти ящики.

Она отпустила меня и отодвинулась.

— Надо же, какая ты стеснительная... Ну ладно, у меня тут завалялась одна штучка «Омаха блэк», специально берегла на случай...

Небо озарилось яркой вспышкой. Грянул страшный взрыв. Мы вскочили на ноги. На том месте, где только что был «Мертл», клубился густой черный дым.

— Господи Иисусе!

— Мэри, плавать умеешь?

— Что? Нет!!!

— Прыгай за мной, я помогу тебе!

Я перемахнула через фальшборт, нырнула глубоко, как могла, проплыла под водой метров двадцать, вынырнула и обернулась. Силуэт Мэри, стоявшей на борту, еще был виден в лучах догоравшего солнца.

Это было последнее, что я увидела, прежде чем «Мэри Лу» взлетела на воздух.

В этих местах восточный берег Миссисипи крутой, скалистый, а западный — слегка возвышенный, но не такой обрывистый, до него десять — пятнадцать километров. Река тут делает такие головокружительные повороты и изгибы, что порой затруднительно определить, какому государству принадлежит тот или иной отрезок водной глади. Река поворачивает то на север, то на юг. На закате она текла на запад — солнце садилось за кормой «Мэри Лу». А на рассвете течение повернуло на север.

Вот почему я перепрыгнула именно через левый борт. Отплыв как можно дальше, я обернулась, чтобы посмотреть, плывет ли за мной Мэри. Увы, люди — настоящие люди — слишком медлительны в принятии решений. Она стояла на борту и смотрела мне вслед. Было слишком поздно. Прогремел второй взрыв. Мне стало до боли жалко ее — да, она была хитрая, жадная, но по-своему хорошая...

Но я постаралась выбросить ее из головы — у меня были свои трудности.

Главное, нужно было как можно скорее отплыть подальше, чтобы меня не задели и не поранили обломки корабля. Я глубоко нырнула и поплыла под водой. Когда нужно, я умею задерживать дыхание на десять минут. Не скажу, чтобы это было слишком приятно. На этот раз, когда я вынырнула, в легких у меня пылал пожар.

Под водой я пробыла долго: уже почти совсем стемнело. Обломков корабля на поверхности не было. Может быть, кто-то еще сумел спастись, но я не слышала криков, да и слышать, честно говоря, не слишком хотела — разве что Мэри могла обрадовать меня своим появлением. Но искать ее я не могла, да и спасти кого-то вряд ли бы сумела. Себя — и то с трудом.

Я огляделась по сторонам, нашла на небе то, что еще осталось от заката, и поплыла туда. Вскоре стемнело окончательно. Я легла на спину и попыталась разглядеть звезды. По небу плыли рваные тучи, луны видно не было. Я нашла Арктур, потом обе Медведицы и Полярную звезду. Поняв, где север, я поплыла на запад. Плыла я на спине — это намного легче. На спине можно плыть вечно и еще пару лет в придачу. Никаких проблем с дыханием, а когда устаешь, можно просто лежать на воде и шевелить пальцами. Я не торопилась: мне нужно было всего-навсего добраться до Империи со стороны Арканзаса...

Но самое главное было — не уплыть обратно в Техас.

Вот задачка: придерживаться точного курса ночью, не имея карты реки шириной в пару километров, когда твоя цель — западный берег и направления никто не подскажет...

Это невозможно, скажете вы, зная, как течет Старик-Река[1] — ну прямо как змея со сломанным позвоночником! Однако «невозможно» — слово, которым нельзя пользоваться, говоря о Миссисипи. Тут есть такие местечки, где можно проплыть сначала метров девяносто вверх по течению без отдыха, потом километров тридцать по течению, а

[1] Старик-Река (Old Man River) — народное название Миссисипи.

в итоге окажется, что вы одолели сто километров против течения!

Итак — ни карты, ни берега в виду. Я знала, что мне нужно на запад и нельзя на юг. Я плыла на спине и ориентировалась по звездам. Я не знала, как сильно меня сносит на юг, поскольку река все время петляла, но я изо всех сил старалась держать курс так, чтобы оказаться на берегу Арканзаса.

Через час, а может, через два — трудно сказать — по крайней мере, через много-много воды, которая утекла неизвестно куда, а Вега все еще стояла высоко на востоке, я разглядела слева от себя берег. Я еще раз сверилась со звездами и поплыла к берегу. Скоро голова моя ударилась о корягу. Я перевернулась, подтянулась и, цепляясь за сучья полузатопленных деревьев, выбралась на берег.

Подняться было нетрудно — берег был пологий, но топкий. Слой ила доходил до колена. С горем пополам я выбралась из грязи и наконец ощутила под ногами твердую землю.

Темно было — хоть глаз выколи. Только призрачный свет звезд озарял незнакомую местность. Различить поверхность реки можно было только по едва заметному отблеску волн, отражавших звездный свет. Направление? Полярная звезда скрылась за тучами, но Большая Медведица подсказывала мне, где она может находиться. На юге сверкала Спика, на юго-востоке — Антарес.

Итак, запад находился в той стороне, где виднелись заросли густых кустов — наверняка колючих.

А что делать? Вернуться к реке, чтобы на рассвете оказаться в Виксберге? Нет уж, спасибо. Я направилась в сторону кустов.

А теперь — бежать, бежать как можно быстрее, пока темно. Легко сказать! Знаете, может, есть на земле джунгли и пострашнее, чем эти заросли на полузатопленных берегах в нижнем течении Миссисипи, но я не позавидую тому, кто окажется там, не имея при себе мачете. Да ладно — мачете! Хоть бы ножичек перочинный!

«Нет! — говорил кто-то внутри меня. — Нет, только не по этому берегу!» «А как же ты иначе попадешь на север?» —

безмолвно возражала я и продвигалась вперед, одолевая не больше километра в час. Много времени уходило на ориентирование — это приходилось делать буквально через каждые несколько метров.

Мухи, москиты, клещи... пару раз у меня под ногами скользнули змеи — наверное, болотные гадюки. Уточнять времени не было. Дико вскрикивали спугнутые мной птицы. Порой они вспархивали у самого лица. Я шла и шла по топкой грязи, которая порой доходила до колена.

Раза три-четыре я выбиралась к реке. Всякий раз я ориентировалась по звездам и, если было достаточно глубоко, плыла. Маршрут был, прямо сказать, не для слабонервных. Почувствовав слабое течение, я подумала, что это, может быть, один из мелких притоков Миссисипи. Мимо меня проплыло что-то — что-то большое. Гигантская зубатка? Да нет, вроде бы зубатки — рыбы донные... Аллигатор? Их тут как будто быть не должно. Может быть, это было странствующее лохнесское чудовище — понять я не сумела, поскольку от страха сразу выпрыгнула из воды.

Когда наконец заалел восток, мне показалось, что со времени взрыва «Мэри Лу» и «Мертла» прошло лет восемьсот.

К западу от меня всего-то в километре пути завиднелся высокий арканзасский берег. Я была просто вне себя от радости.

Усталая, измученная, покусанная, грязная... Но больше всего мне хотелось пить — хоть один глоток чистой воды!

Пять часов спустя я тряслась на заднем сиденье фермерского «Студебеккера», хозяина которого звали мистер Аза Хантер. В повозку была запряжена пара замечательных мулов. Мы подъехали к небольшому городку под названием Эвдора. Поспать мне, правда, не удалось, зато все остальное было просто превосходно — я вымылась, поела и попила. Миссис Хантер только руками всплеснула, увидев меня. Она отвела меня в ванную, подарила мне расческу, а пока я мылась, накрыла на стол: яичница с домашней ветчиной, белый хлеб, масло, молоко, кофе... Чтобы вы смогли по достоинству оценить кулинарное искусство миссис Хантер, настоятельно рекомендую проплыть по реке

ночь напролет, а потом до утра продираться по колено в грязи через колючие кусты на берегах Миссисипи. Нектар богов!

Завтракала я в ее халатике — она уговорила меня снять комбинезон. Когда я собралась уходить, он уже был чистый и сухой, и выглядела я почти прилично.

Я не предложила Хантерам денег. Знаете, бывают люди — они не богаты, зато у них есть другое — доброта, чувство собственного достоинства. Их гостеприимство не продается, их милосердие бесплатно. Немного я знаю таких людей, но с Хантерами был как раз такой случай.

Мы пересекли Мейкон Байю, где проселок упирался в более широкую дорогу. Мистер Хантер остановил мулов, слез с облучка и подошел ко мне:

— Мисс, вам лучше будет сойти здесь.

Он подал мне руку, и я спустилась с повозки.

— Что-нибудь не так, мистер Хантер? Я вас чем-нибудь обидела?

Он опустил глаза:

— Нет, мисс, что вы.

Вид у него был очень растерянный.

— Мисс, вы сказали нам, что ваша лодка налетела на корягу?

— Да.

— Да, мисс, коряги на реке — это дело, конечно, опасное. — Он помолчал. — Вчера вечером, на закате, мисс, что-то стряслось на реке. Что-то ужасное. Недалеко от Кентукки было два взрыва. Очень сильные взрывы, мисс. Я сам видел и слышал.

Он опять умолк. Молчала и я. Конечно, все, что я им толковала — почему я тут очутилась и почему я в таком виде, — было крайне сомнительно. Но что мне было еще сказать? Что я прилетела на летающей тарелке разве что.

Мистер Хантер продолжал:

— Мы с женой, мисс, еще никогда не имели дел с имперской полицией. И не хотелось бы. Так что, если вы не против, вам лучше пройти немного пешком по этой дороге налево, и вы скоро будете в Эвдоре. А я поверну мулов и поеду домой.

— Ясно. Мистер Хантер, мне очень хотелось бы как-то отблагодарить вас и миссис Хантер.

— Это вы можете сделать, мисс.

— Да?

(Неужели денег попросит? Нет, не может быть!)

— Когда-нибудь вам встретится кто-то, кому потребуется ваша помощь. Так помогите ему и вспомните о нас.

— О, я так и сделаю, обещаю вам!

— Только... мисс, писать нам про это не надо. Сейчас за людьми, которые получают письма, слежка. А мы не хотим, чтобы за нами следили, мисс.

— Понятно. Но я обещаю вам, я сделаю так, как вы сказали, и не один раз.

— Вот и славно. Знаете, мисс, хлеб, пущенный по водам, всегда возвращается обратно[1]. Мисс, миссис Хантер велела сказать вам, что она будет за вас молиться.

Глаза мои наполнились слезами.

— Ой... Скажите ей, что и я буду поминать ее в своих молитвах. Вас обоих, мистер Хантер.

(Я никогда в жизни не молилась. Но теперь буду — за Хантеров.)

— Спаси вас господи, мисс. Я скажу ей. Мисс, если вы не обидетесь, я мог бы вам кое-что посоветовать.

— Не обижусь. Мне очень нужен совет.

— Вы не собираетесь задерживаться в Эвдоре?

— Нет. Мне нужно на север.

— Ну да, так вы и сказали. Эвдора — это всего-навсего полицейский участок да два-три магазинчика. Подальше будет Лейк-Вилледж, а там есть остановка автобуса. Это будет километров двенадцать по дороге направо. Если дойдете туда до полудня, успеете на автобус. Но дорога трудная и денек жаркий.

— Ничего, я дойду.

— Автобус довезет вас до Пайн-Блифф... нет, даже до Литтл-Рока. Да... только там ведь за билет нужно будет заплатить.

---

[1] «Отпускай хлеб твой по водам, потому что по прошествии многих дней опять найдешь его». Экклезиаст, гл. 11, стих 1.

— Мистер Хантер, не волнуйтесь. У меня с собой кредитная карточка, за автобус я смогу расплатиться.

Да, действительно, сама я после рекордного заплыва по Миссисипи и блуждания в дебрях и топях выглядела, наверное, не слишком респектабельно, но кредитки, идентификационные карточки и паспорт, мелкие деньги — все это было в целости и сохранности, поскольку на мне был гениальный пластиковый ремешок с сумочкой — подарок Жанет, который я получила много-много световых лет назад. Может быть, когда-нибудь мне удастся поблагодарить ее за этот дивный подарок.

— Ну и хорошо, мисс. Но я должен был спросить. И еще, мисс. Народ тут в округе занятой — все копаются, занимаются своими делами. Если вы будете идти напрямик до самого автобуса, вас, может, никто и не спросит ни о чем. А оно и лучше, правда? Ну что ж, прощайте, мисс, дай вам бог удачи.

Я попрощалась с ним и пошла по дороге, не оглядываясь. Мне очень хотелось поцеловать его, но женщинам моего сорта нельзя позволять себе подобных глупостей с такими мужчинами, как мистер Хантер.

На автобус я успела и в двенадцать пятнадцать уже была в Литтл-Роке. Как раз началась посадка в капсулу подземки, отправлявшуюся на север. Через двадцать одну минуту я прибыла в Сент-Луис.

Зайдя в первую попавшуюся будку терминальной связи, я набрала код Босса. Я с нетерпением ждала ответа, всей душой желая как можно скорее оказаться в штаб-квартире.

Синтетический голос ответил:

— Набранный вами код отключен. Оставайтесь на связи, и оператор...

Я быстро нажала клавишу разъединения связи и поскорее вышла из будки.

Минут десять я бродила по подземному вокзалу, стараясь не слишком удаляться от платформы. Делала вид, будто рассматриваю витрины магазинчиков.

В одном из них я разглядела через стекло терминал-автомат, зашла туда и снова набрала код штаб-квартиры Бос-

са. Как только я услышала «Набранный вами код отключен...», я нажала клавишу разъединения, однако голос продолжал говорить. Я втянула голову в плечи, пригнулась, выбралась из будки, вышла из магазина и быстро повернула за угол. У меня были веские основания подозревать, что меня успели сфотографировать через экран терминала. Это было очень опасно. Полный провал.

Через несколько минут я смешалась с толпой. Убедившись, что за мной никто не следит, я спустилась на один уровень вниз и поехала городской подземкой в южный район Сент-Луиса. Я помнила еще один код — секретный, на самый крайний случай, но не хотела набирать его без подготовки.

Новая штаб-квартира Босса находилась всего лишь в часе пути, но где именно — я не знала. То есть я хочу сказать, что дорога на машине от места, где я проходила курс восстановительного лечения, заняла примерно час. Когда меня выписали, я попросила довезти меня до станции экспресса на Виннипег — мы доехали как раз за час. Но везли меня в такой машине, откуда я не могла глазеть по сторонам.

Путем несложных геометрических и топографических расчетов и приблизительных знаний о маршрутах следования городского транспорта я могла вычислить, что штаб Босса расположен где-то в районе Де-Муан, но «где-то» в данном случае означало окружность радиусом не меньше ста километров. Я не знала где. Не знала никого, кто подсказал бы. Сомневаюсь, чтобы кто-то из сотрудников действительно знал, где находится штаб-квартира. Почему-то Босс считал, что запоминать подобные вещи — пустая трата времени.

В восточном районе Сент-Луиса я купила себе легкий плащ с капюшоном, а в магазине новинок сезона выбрала латексовую маску — там их было полно всяких — смешных и страшных. Я остановилась на самой невзрачной. Надев плащ и нацепив маску, я отправилась на поиски терминала-автомата. Видимо, думала я, на штаб-квартиру снова было нападение. Похоже, на этот раз Босса простотаки размазали по стенке. Я не впадала в панику по одной

простой причине: меня приучили не паниковать, пока все точно не разузнаешь.

Я набрала второй, самый секретный код... Тот же самый результат, и голос снова продолжал звучать, когда я нажала кнопку разъединения связи. Я повернулась к экрану спиной, стащила с лица маску, кинула ее на пол, на ватных ногах вышла из будки, свернула за угол, сняла плащ на ходу, свернула и выбросила в урну и возвратилась в центр города, откуда решила отправиться подземкой до Канзас-Сити.

Чувствуя себя не слишком уверенно, я вытащила кредитную карточку. Час назад совершенно без задней мысли я пользовалась ею в Литтл-Роке, но тогда у меня не было ни малейшего подозрения, что с Боссом что-то могло случиться. Наоборот, у меня всегда было почти религиозное убеждение, что с Боссом никогда и ничего случиться не может.

Теперь у меня были все основания беспокоиться. Что-то случилось. Значит, моя кредитная карточка «Мастер Чардж», кредит которой обеспечен личным счетом Босса, а не моим, может запросто сгореть внутри компьютера...

Но этого не произошло. Я промчалась четыреста километров под землей и уже через пятнадцать минут была в Канзас-Сити. На станции я набрала код справочной службы — бесплатно — и спросила, могу ли я воспользоваться линией «Сью-Фоллз — Фарго — Виннипег». Мне было сказано, что линия действует до Пембины — пограничного городка, а дальше, к сожалению, пока нет. Через пятьдесят шесть минут я была у границы Британской Канады к югу от Виннипега. День был еще в полном разгаре. Всего лишь десять часов назад я выбралась из топей на берегу Миссисипи с надеждой, что попала в Империю, а не уплыла обратно в Техас.

А теперь мне хотелось бежать из Империи куда глаза глядят, и как можно скорее. Пока я на один шаг опережала имперскую полицию, но я нисколько не сомневалась, что они не прочь встретиться со мной и потолковать о том о сем. А мне с ними беседовать никакой охоты не было — я слыхала, что они не слишком-то тактичны. Те подонки,

что допрашивали меня несколько месяцев назад, были, конечно, грубияны порядочные, но в имперской полиции, как мне говорили, просто-таки мозги людям жгут по живому.

ГЛАВА 19

Прошло целых четырнадцать часов, а я продвинулась только на двадцать пять километров к востоку от конечной станции подземки. Маловато, скажете вы, и будете правы. Но давайте по порядку. Час ушел на покупки, почти столько же на то, чтобы перекусить, больше двух часов я провела у «маэстро» и божественные шесть часов проспала. Пошел уже четвертый час, как я была в дороге — я шла к востоку вдоль пограничного забора, вплотную к нему не приближаясь. Всходило солнце. Я подошла к забору и пошла вдоль него — деловитый такой, старательный ремонтный рабочий.

Пембина — всего-навсего захолустная деревенька. Чтобы найти «маэстро», мне пришлось вернуться в Фарго — на местной подземке дотуда рукой подать. «Маэстро» мне был нужен совершенно определенного толка — вроде тех, что трудятся в Виксберге под вывеской «Художнички, Лтд», только в Империи специалисты такого рода не склонны открыто рекламировать свои услуги. Чтобы отыскать «маэстро», пришлось потратить много времени на осторожные расспросы. Его контора располагалась в нижнем городе недалеко от Главной авеню и Университетского проезда. Вывеска была самая тривиальная — так сразу и не догадаешься, что за ней скрывается.

На мне все еще был комбинезон линяло-синего цвета, в котором я сиганула за борт «Мэри Лу», — не потому, что он мне так уж безумно нравился, а исключительно потому, что цельнокроеный синий комбинезон из грубой ткани — самая интернациональная и бесполая одежда на свете. В нем можно спокойно заявиться даже в Эль-Пятый или в Луна-Сити, хотя там больше предпочитают монокини. Добавьте яркий шарфик — и вы станете домохозяйкой, отправившейся за покупками; прихватите небольшой портфель-

чик — и вы уже бизнесмен, спешащий в офис; опуститесь на колени, положите перед собой шляпу с монетками — и вы нищий, собирающий подаяние. Такой комбинезон плохо пачкается, легко стирается и не мнется — просто идеальная одежда для курьера, который стремится пройти незамеченным и не имеет времени и возможности тратиться на более изысканную одежду.

Комбинезон дополняла грязная кепка со значком «моего» профсоюза, прицепленным на околыше, широкий кожаный ремень, на котором висели старые, но удобные инструменты, через плечо переброшена связка запасных звеньев для починки забора и крепежный инструмент.

Все, что было на мне, имело вид бывалый и поношенный, не исключая перчаток. В правом брючном кармане лежал потертый кожаный бумажник с идентификационной карточкой на имя Ханны Йенсен из Мурхеда. На залитой смазочным маслом карточке Красного Креста стояла моя группа крови — «0, резус-фактор положительный» (так оно, кстати, и есть на самом деле). Была там также запись о том, что я — заслуженный донор и сдала уже целый галлон крови. Однако, судя по датам, указанным там, уже больше полугода я кровь не сдавала.

Были у меня и еще кое-какие фальшивые документы — легенда Ханны Йенсен обросла подробностями. У нее даже была собственная кредитная карточка «Виза», выданная Мурхедским банком. Строго говоря, из нее нельзя было выжать ни цента, поскольку на ней отсутствовала невидимая магнитная подпись, без которой любая карточка — просто кусок пластика.

Было уже совсем светло. У меня оставалось самое большее три часа, чтобы перелезть через забор, — именно через это время приступали к работе настоящие ремонтники, а повстречаться с ними у меня страстного желания не было. До этого времени Ханна Йенсен должна была исчезнуть. Если нет, то ей придется родиться еще раз ближе к вечеру для последней попытки. Сегодня был решающий день — все мои наличные кроны были истрачены, а к электронным кассам доверия испытывать не приходилось. Могли ли меня выследить, когда вчера я пыталась связать-

ся с Боссом в Сент-Луисе? Вроде бы мне удалось довольно быстро смыться оттуда, но за билет на подземку я расплатилась все с той же кредитной карточки... Ускользнула ли я из поля зрения электронных ищеек? Этого я не знала и выяснять не хотела. Мне нужно было только перебраться через этот гнусный забор.

Я медленно шла вперед, борясь с искушением выйти из роли и рвануть во все лопатки. Я надеялась отыскать место, где можно было бы перебраться через забор незамеченной. Земля по обе стороны забора была перекопана. Я смутно надеялась, что где-нибудь отыщется участок, где вблизи от забора будет что-то вроде нормандской изгороди — густая лесополоса.

Увы, в Миннесоте не принято устраивать нормандские изгороди. Тут почти не растут деревья — по крайней мере, на том участке границы, что я выбрала. Я с отчаянием смотрела на забор, понимая, что переходить границу здесь, по открытому пространству, равносильно самоубийству, как вдруг заметила, что вдоль забора к западу медленно летит полицейский аэрокар. Я дружески помахала ему рукой и продолжила свой путь на восток. Машина сделала круг, вернулась и приземлилась примерно метрах в пятидесяти от меня. Внутренне чертыхаясь, я пошла к ним навстречу. Когда я подошла к аэрокару поближе, дверца кабины открылась, оттуда вышел полисмен, а за ним — водитель. Судя по их форме, они были никак не из местной, миннесотской, полиции, а из имперской.

Полисмен сердито поинтересовался:

— Что это ты тут шляешься в такую рань?

Тон у него был явно не приятельский. Я постаралась ответить в том же духе:

— Вообще-то работала, пока вы меня не оторвали.

— Не трепись. Ваша работа начинается в восемь утра.

— Новости плохо слушаешь, начальничек, — огрызнулась я. — Это было на прошлой неделе. Теперь работают две смены. Одна в полночь заступает, а вторая — в полдень.

— Нам об этом никто не сообщал.

— Ха! А ты хочешь, чтобы тебе суперинтендант персо-

нальное письмо написал? Скажи-ка мне свой кодовый номерок, я ему передам.

— Ну ладно, ты не болтай много, а то... знаешь, мне недолго тебе пулю в лоб пустить.

— Ну давай-давай, пугай! Мне-то что — получу лишний выходной, а вы валяйте объясняйте, почему заборчик не в порядке.

— Да заткнись ты!

Они повернулись к машине.

— Эй, у вас сигаретки не найдется? — спросила я.

Водитель обернулся.

— Мы на работе не курим и тебе не советуем.

— Ладно врать-то! — вежливо ответила я.

Водитель открыл было рот, чтобы что-то сказать, но полисмен захлопнул дверцу, и они убрались. Взлетели, гады, прямо у меня над головой — пришлось лечь на землю. Похоже было, я им не очень-то глянулась.

Я вернулась к забору, мысленно чертыхаясь. Эх, Ханна Йенсен, Ханна Йенсен, далеко тебе до настоящей леди. Ну зачем ты грубила полицейским? Только потому, что они — животные? Но даже каракурты, вши и гиены имеют право на существование, только вот зачем они нужны — понять трудно.

План мой был далек от совершенства — Босс уж точно не одобрил бы его. Прорываться через забор при свете дня — слишком рискованно. Конечно, лучше было найти подходящее местечко, спрятаться до темноты, а потом вернуться туда. Или употребить ночь на разработку другого варианта: попробовать перейти границу в районе Розовой реки.

Но эта перспектива меня не устраивала. Северные реки — это вам не Миссисипи в нижнем течении, тут и окоченеть недолго. Я вчера вечером пробовала воду в Пембине. Бр-р-р! Нет, только в самом крайнем случае!

Значит, так, Фрайди (то есть пока еще Ханна): ищи секцию забора, реши окончательно, каким образом будешь перебираться, потом поищи хоть какие-нибудь деревья, заройся в теплой палой листве и дождись темноты. Отрепетируй в уме каждый шаг, чтобы суметь проскользнуть сквозь забор, как нитка в игольное ушко.

Давая себе эти ценные указания, я взобралась на невысокий холмик и лицом к лицу столкнулась с другим ремонтником — мужчиной.

Лучший способ защиты — нападение.

— Что это ты тут делаешь, ублюдок?

— Я? Забор обхожу. Свой участок, между прочим. А вот ты что тут делаешь, сестричка?

— Чего? Нашел сестричку! У тебя с головкой все в порядке, а? Ты или участок спутал, или вышел не в свою смену.

Я успела заметить, что у хорошо экипированного ремонтника на ремне болтается портативная рация. У меня такой не было. Ну что же, в конце концов, я еще только начинающий ремонтник.

— Ни хрена подобного, — невозмутимо отозвался он. — По новому расписанию я выхожу на рассвете, а сменяюсь в полдень. Может, это ты перепутала? Наверно, так и есть, ты плохо расписание прочитала. Давай вызову начальника и узнаем.

— Только попробуй, — сказала я сквозь зубы и пошла на него.

Он растерялся:

— Ну не знаю, может, я что сам пере...

Зато не растерялась я.

У меня вовсе нет привычки убивать подряд всех, кто в чем-то со мной не согласен, и мне очень не хотелось бы, чтобы те, кто читает эти мемуары, так подумал. Я и ударила-то его не слишком зверски — так, вырубила на время. Будем считать — он просто крепко уснул.

Отмотав кусок веревки, моток которой висел у меня на ремне, я связала ему кисти рук и лодыжки. Будь у меня с собой бинт, я бы заткнула ему рот кляпом. Но у меня была с собой только режущая лента, которая могла понадобиться, если бы мне пришлось перепиливать проволоку. Да и кого он мог позвать на помощь? Койотов? Диких кроликов? Бог с ним. Мне нужно было торопиться.

Инструмент для починки забора вполне годится на то, чтобы его испортить. Но мой инструмент был еще лучше. Я купила его из-под полы в Фарго. Это был металлорежущий лазер, а вовсе не портативный газосварочный аппа-

рат, хотя выглядел именно так. За считаные мгновения я проделала в заборе дыру, вполне достаточную, чтобы Фрайди могла влезть туда. Что я и собиралась сделать, когда услышала окрик:

— Эй, возьми меня с собой!

Я растерялась. Несчастный принялся убеждать меня, что и он не прочь убраться от полисменов куда подальше и чтобы я его развязала. Ну как вам это нравится?

То, что я сделала, по степени глупости можно приравнять только к легкомыслию и беспечности жены Лота. Я выхватила из чехла нож, перерезала веревки, которыми были схвачены его руки и ноги, нырнула в дыру и помчалась что есть мочи, не оборачиваясь, чтобы посмотреть, бежит ли он следом.

Примерно в полукилометре впереди виднелась кучка деревьев. Я рванула в этом направлении с рекордной скоростью. Ремень, увешанный тяжелыми инструментами, мешал мне. Я отстегнула его на ходу и бросила. Еще через мгновение я рассталась с кепкой, и Ханна Йенсен отправилась туда, откуда пришла, — в область небытия, вместе со сварочным аппаратом, перчатками и прочими мелочами, которые остались по ту сторону границы, в Империи. Остался от нее, бедняжки, только бумажник — от него можно было избавиться в более удобное время.

Вбежав под деревья, я оглянулась и обнаружила, что мой недавний пленник уже на полпути от забора к рощице, а за ним на полной скорости летят два полицейских аэрокара. На борту того, который был к нему ближе, был намалеван огромный кленовый лист — эмблема Британской Канады. Эмблемы на второй машине я не разглядела. Аэрокар пересек границу со стороны Империи.

Полицейские из Британской Канады приземлились. Мой незадачливый спутник сдался без сопротивления. Молодец, все правильно сделал: вторая машина села следом за первой, залетев как минимум на двести метров на территорию Британской Канады. Все точно — это была имперская полиция. Не исключено — мои недавние знакомцы.

Я не специалист по международному праву, но уверена,

что для объявления войны было бы достаточно и менее серьезного пограничного инцидента. Я отдышалась, напрягла слух до предела и стала смотреть и слушать.

Правоведов ни с той ни с другой стороны не было, спор был шумный, но о чем спорили, было понятно. Имперские требовали, чтобы им был выдан перебежчик на основании закона Империи о преследовании преступников, а капрал из Британской Канады втолковывал им, что этот закон относится только к тем, кто застигнут на месте преступления, а единственное преступление, которое совершил этот человек, — это переход границы Британской Канады в неположенном месте, то есть деяние, к компетенции имперской полиции не относящееся. «А теперь не будете ли вы так добры покинуть территорию Британской Канады?»

Полисмен из Империи произнес какое-то односложное слово, которое явно пришлось не по нраву капралу из Британской Канады. Он захлопнул дверцу кабины, и его голос зазвучал через громкоговоритель: «Я арестовываю вас за нарушение воздушного и земного пространства Британской Канады. Выходите по одному и сдавайтесь!»

После этих слов имперская машина немедленно взмыла в воздух, пересекла границу в обратном направлении и скрылась из виду. А канадцам только того и надо было. Я лежала тихо, как мышка: теперь у них была полная возможность приступить к поиску меня.

Но, видимо, мой отчаянный попутчик честно уплатил за тот билетик, что я продала ему по ту сторону забора: меня не искали. Не сомневаюсь ни капельки: он видел, как я вбежала под деревья. А вот канадские полицейские вряд ли меня заметили. Несомненно, нарушение границы было зарегистрировано сигнализацией по обе стороны — это не задержится, стоит только булавкой забора коснуться, — именно поэтому я бежала так быстро.

Но вот определить, сколько живых существ пролезло через дыру — это уже отдельная песня — не то чтобы совсем невозможная для электроники задача, но это требует дополнительных усилий. Скорее всего, мой незнакомый попутчик не сказал про меня — и меня искать не стали. Аэрокар улетел. Через некоторое время канадская ремонт-

ная бригада занялась восстановлением забора. Я видела, как они подобрали брошенный мной ремень с инструментами. Как только ушли, с другой стороны явилась имперская бригада — эти только осмотрели заделанную дыру и ушли.

Я не помнила, был ли на моем спасителе пояс с инструментами, когда он сдавался. Подумав, я решила, что, скорее всего, он снял ремень, когда пролезал в дыру, — с ремнем он бы не пролез, это точно.

Итак: канадцы нашли один ремень на своей территории, а имперская полиция нашла другой — на своей. Ни у тех, ни у других не было причин предполагать, что в дыру пролез не один человек, а два... до тех пор, пока мой спутник держал язык за зубами.

Исключительное благородство! Мало кто отказался бы отомстить мне за такой удар, какой он получил от меня!

В рощице я отсиживалась до темноты — тринадцать нескончаемых часов. Мне совсем не хотелось, чтобы кто-нибудь увидел меня, пока я не доберусь до Яна и Жанет. Нарушитель границы в обществе не нуждается. День тянулся бесконечно долго. Но давным-давно, во время предварительного обучения, у меня был гуру-йог, который научил меня бороться с голодом, жаждой и скукой в случаях необходимости — когда нужно было сохранять спокойствие, не спать и быть начеку. Эту местность я знала как свои пять пальцев — две недели назад я внимательнейшим образом изучила карту у Жанет дома. Задача была не такая уж сложная — пройти пешком незамеченной десять километров до зари.

Идти нужно было на восток и выбраться на дорогу, что вела из Ланкастера в Империи к Ля-Рошель в Британской Канаде. Потом — на север, к окраине Виннипега, обойти город слева и найти дорогу к порту. Стоунволл был оттуда недалеко, а там уж рукой подать до усадьбы Торми. Самое трудное — проникнуть в дом — вы помните, я рассказывала, как он был защищен.

Уже светало, когда я добрела до внешних ворот усадьбы. Устала я, конечно, здорово, но не смертельно. Я вполне могу двигаться сутки напролет, переходя с бега на шаг и

наоборот. На тренировках я такое проделывала не раз. Только ноги немного побаливали, и пить хотелось. С радостью и облегчением я нажала на кнопку у ворот.

И тут же раздался голос:

«Говорит капитан Торми. Вы слушаете запись. Этот дом охраняется компанией «Виннипегские волки». Я выбрал эту компанию не потому, что их репутация безупречна. Просто-напросто они знают свое дело и честно обслуживают своих клиентов. Звонки по терминалу регистрироваться не будут, но почта будет передана. Спасибо за внимание».

И тебе спасибо, Ян! О, проклятье, проклятье, проклятье! Я знала, знала, что мне не стоит особо надеяться, что я застану их дома... но я так надеялась... Наверное, как говорят психологи, в сознании у меня произошел «перенос» понятия «дом» после утраты новозеландской семейки на семью Торми, а понятия «мама», которой у меня никогда не было, — на Жанет.

Мне хотелось снова оказаться на ферме Хантеров и ощутить теплую заботу миссис Хантер. Мне хотелось вернуться в Виксберг, оказаться рядом с Джорджем...

А солнце поднималось все выше и выше. Скоро на улицах появится народ, и я стану вражеской лазутчицей, у которой нет почти ни гроша канадских денег, которая жутко боится, что ее заметят, поймают и будут допрашивать, которая едва держится на ногах от слабости, бессонницы, голода и жажды.

Выбор у меня был единственный — выбор поневоле. Надо было опять зарыться в норку — и быстро, пока не начал ходить транспорт.

Лесов в окрестностях Виннипега не так уж много, но я помнила, что слева от поместья Торми было несколько гектаров поросшей кустами пустоши — у подножия холма, на котором Жанет воздвигла свой архитектурный шедевр.

По дороге мне встретился только молочный фургон, но и этого хватило, чтобы я напугалась до полусмерти и быстро свернула с дороги. Местность становилась все более неровной — кочки, невысокие холмики. Очень скоро на пути мне встретилось то, о чем я мечтала еще сильнее, чем о

густых зарослях, — маленький ручеек, такой узкий, что через него можно было запросто перешагнуть.

Я и перешагнула, но сначала упала на колени и напилась. Чистая ли была вода? Может, и грязная, но у меня не было сил об этом думать, да и потом — тщательность моей «конструкции» гарантирует мне иммунитет против любых инфекций. На вкус вода была чистая. Напившись, я почувствовала себя намного лучше. Только под сердцем щемило от горя и тоски.

Почти сразу за ручейком начались заросли колючего кустарника. Я углубилась в кусты в поисках места, где можно было бы не только спрятаться, но и поспать немного. За последние двое суток я спала всего-навсего шесть часов, но укладываться спать вблизи большого города опасно — того и гляди, на тебя набредет отряд скаутов, и обязательно отыщется раззява, который наступит тебе кованым ботинком прямо на физиономию — удовольствие ниже среднего. Мне нужно было отыскать не просто густо заросшее кустарником место, а совсем недоступное.

И такое отыскалось: крошечная полянка, прикрытая с одной стороны плоской скалой, а с другой — большим колючим кустом.

Кустом ли?

Нет, это был не куст, а здоровенный валун, оставленный тут ледником в незапамятные времена. Такой и трактором с места не сдвинешь. Однако когда я подошла поближе, моя уверенность сильно поколебалась — не могу сказать почему. Что-то заставило меня попробовать сдвинуть камень с места. Сначала он не поддавался, но потом мне удалось немного приподнять его. Он отъехал в сторону, а за ним открылась небольшая пещерка. Я быстро скользнула внутрь, задвинула камень на место... и оказалась в полной темноте. Нет, прямо передо мной горела надпись:

ЧАСТНОЕ ВЛАДЕНИЕ. НЕ ВХОДИТЬ!

Я застыла на месте, вспоминая. Жанет говорила, что где-то должна быть кнопка, которая отключает все ловушки и орудия убийства, и что она спрятана где-то «недалеко от входа».

Что значит «недалеко»?

И как она спрятана?

Спрятана она была неплохо. Темно было — хоть глаз выколи: от горевших букв проку было мало. Запросто могли бы написать:

ОСТАВЬ НАДЕЖДУ ВСЯК СЮДА ВХОДЯЩИЙ.

Ну что, Фрайди, самое время достать из кармана фонарик с крошечным «Шипстоуном» и искать кнопку.

Это было бы, спору нет, неплохо, только фонарик мой остался в рюкзаке, который я бросила, когда переплывала Миссисипи. Лежит теперь, голубчик, на дне, и забавляет рыбешек. А внутри туннеля полным-полно совсем других фонариков.

Даже спичек у меня не было.

Была бы я скаутом, умела бы добывать огонь трением друг об друга сухих палочек... Ой, Фрайди, заткнись!

Я опустилась на каменный пол и заплакала. А потом свернулась клубочком на твердом и холодном (прошу прощения, уютном и теплом) полу и заснула как убитая.

ГЛАВА 20

Спала я долго. Только проснувшись, почувствовала, что пол и вправду жесткий и холодный. Но теперь это было мне безразлично в высшей степени — я так выспалась и отдохнула, что грешно было сетовать на неудобства. Я встала, отряхнулась, размялась. Отчаяние и тоска покинули меня. Остался только голод.

Вход в туннель был теперь довольно неплохо освещен. Я поискала глазами источник света, но не нашла. Наконец я сообразила: пространство освещали только горящие буквы, по-прежнему предупреждавшие меня, что вперед соваться не стоит. Значит, пока я спала, глаза привыкли к темноте. Думаю, обычным людям тоже знакомо это явление, но, скорее всего, свойственно им это в меньшей степени.

Пора было приступать к поискам кнопки. Так... Для начала лучше поразмыслить, где она может находиться. Это, конечно, потяжелее, чем камни двигать, но зато спо-

койнее, и калорий меньше уйдет. Мышление — единственное, что отличает людей от обезьян, и то — ненамного. Итак, предположим, будь я потайной кнопкой, где бы я притаилась?

Думай, Фрайди, думай хорошенько! Значит, так: кнопка должна быть хорошо спрятана от чужих, но ее предназначение — спасти жизнь Жанет и ее мужей. Что это значит? Это значит, что она должна быть где-то не слишком высоко — так, чтобы до нее могла дотянуться Жанет, а мы с Жанет примерно одного роста. Отлично. Дальше: Жанет не стала бы прятать кнопку так, чтобы кто-то из ее мужей, спасая свою жизнь, стал бы долго искать. Они должны были хорошо помнить, где она находится. Кнопка должна быть близко: Жанет говорила мне, что сразу у входа установлены всяческие устройства, угрожающие жизни вошедшего. «Через несколько метров от входа», — так она говорила.

Итак: свои должны знать, где кнопка, и в случае необходимости быстро найти ее, а чужие не должны догадаться, где она.

Я двинулась вперед по туннелю. Оказавшись под грозно горящими буквами, я подняла голову. Свет, шедший от букв, озарял сравнительно небольшое пространство — только часть свода повыше букв. Даже своим приспособленным к темноте и усиленным по сравнению с обычным зрением я не могла разглядеть, что там выше.

Я приподнялась на носках и достала до потолка рукой. Холодная шершавая поверхность... И вдруг... Неужели! Да, это было очень похоже на кнопку. Была не была, нажимаю...

Горящие буквы погасли. Зажглись потолочные светильники, высветив туннель по всей длине.

Замороженные продукты, посуда для их приготовления, большие пушистые полотенца, горячая и холодная вода, терминал, на экране которого шли сводки последних новостей и обзоры прошедших событий... книги, музыка, наличные деньги, все, что хранилось в убежище на случай опасности: оружие, запасные «Шипстоуны», инструменты,

одежда всех сортов, которая мне подходила, — вы помните, у нас с Жанет были одинаковые размеры, часы-календарь на терминале, которые сообщили мне, что я проспала у входа целых тринадцать часов, мягкая кушетка, которая звала меня продлить ночной сон после того, как я вымылась, поела и удовлетворила свой голод в новостях.

Я была в полной безопасности. Можно было расслабиться и отдохнуть.

Из новостей я узнала, что условия декрета о чрезвычайном положении в Британской Канаде смягчены. Граница с Империей по-прежнему была закрыта. Граница с Квебеком строго охранялась, но ее можно было пересекать по делам легального бизнеса. Единственным вопросом, из-за которого сохранялась некоторая напряженность в отношениях между двумя странами, осталась сумма компенсации, которую Квебек должен был выплатить за военное нападение, происшедшее в результате чьей-то ошибки или глупости. Внутренний распорядок все еще действовал, но девяносто процентов интернированных лиц из Квебека были отпущены на родину под честное слово и двадцать процентов из Империи. Только двадцать. Значит, правильно я сделала, что спряталась: я все еще являла собой подозрительную особу.

Но все шло к тому, что Джордж может вернуться домой, как только захочет. Или все-таки было еще что-то, чего я пока не понимала?

«Совет по выживанию» обещал начать третий раунд «показательного» террора дней через десять после окончания второго. Через день после этого с аналогичным заявлением выступили «Вдохновители», снова прокляв и предав анафеме «Совет по выживанию». «Ангелы Господни» на сей раз молчали в тряпочку, а может, их заявления не передавались по канадскому каналу.

Я попыталась сделать кое-какие выводы. Малоубедительно, но все-таки: «Вдохновители» выглядели в моих глазах совершенно непрофессиональной организацией — голая пропаганда, отсутствие опытных полевых агентов. «Ангелы Господни» либо прекратили свое существование, либо ударились в бега. У «Совета по выживанию» за спи-

ной стоял какой-то балбес с большими деньгами, которому не жалко было платить их еще большим балбесам и бездельникам — их жизнь пускалась на ветер, как и деньги. Но мои догадки оставались догадками и могли сильно поколебаться, если бы вдруг третий раунд террора оказался удачным — маловероятно, но людям свойственно ошибаться, и я — не исключение.

Я все еще не могла решить окончательно, кто руководит всей этой безумной затеей. Что это не территориальное государство, было ясно с самого начала. Это могла быть какая-то корпорация или целый консорциум крупных корпораций, хотя и в этом я не видела особого смысла.

Мне захотелось выяснить кое-какие подробности, и я набрала на пульте терминала слова «Империя», «Миссисипи» и «Виксберг» — в отдельности, попарно и все вместе. Никакого эффекта. Тогда я добавила названия обоих пароходов и еще раз проиграла все комбинации. Ноль эмоций. Либо то, что стряслось на реке, не прошло по каналам информации, либо это сочли самым заурядным инцидентом, не заслуживающим внимания общественности. Недурно...

Прежде чем уйти, я написала Жанет записку, в которой сообщила ей, какую я взяла одежду, сколько наличных денег, приплюсовав сумму к тем, что она дала мне раньше. Перечислила все затраты с ее «Визы»: проезд подземкой от Виннипега до Ванкувера и шаттлом от Ванкувера до Беллингхема. Насчет дороги до Сан-Хосе я сомневалась. Может быть; за билеты платил Джордж? Мой финансовый отчет покоился на дне Миссисипи.

Взяв такое количество долларов Британской Канады, которого, по моим расчетам, мне должно было хватить, чтобы покинуть страну, я испытала сильное искушение оставить Жанет ее карточку «Виза» вместе с запиской. Но кредитная карточка — потрясающая вещь! Всего-то кусочек пластика, а за ним таятся кучи денег. Я должна была сохранить эту карточку любой ценой, пока сама не передам ее Жанет из рук в руки. Все остальное было бы непорядочно, нечестно.

К слову сказать, если у вас есть кредитная карточка, вы

должны понимать, что это, образно говоря, петля вокруг вашей шеи. В мире кредитных карточек человек лишен собственности... или в лучшем случае защищает свои права на собственность путем значительных усилий и всяческих уловок. И потом, разве кто-нибудь знает наверняка, что происходит, когда вы засовываете кредитную карточку в щель на панели компьютера? Что он там делает с ней, компьютер? А? Лично я не знаю. Гораздо спокойнее я чувствую себя с наличными. И не знаю людей, которые добились бы многого, препираясь с компьютером.

Мне кажется, что кредитные карточки — это издевательство над личностью, проклятие века. Но я — не человек, и, возможно, в этом смысле мне недостает человеческого взгляда на вещи (да и не только в этом смысле).

Наутро я встала пораньше, облачилась в небесно-голубую брючную тройку (наверное, Жанет в этом костюме выглядела изумительно). Но если верить зеркалу, я тоже вроде бы выглядела недурственно. Я решила, что в Стоунволле спрошу у первого встречного, как добраться до станции подземки у Периметра в районе Мак-Филлипса — того самого места, откуда мы с Джорджем стартовали в наше неофициальное свадебное путешествие. Я бы предпочла лошадей, но сейчас не отказалась бы от более скоростного транспорта.

Мой злосчастный багаж все еще томился в камере хранения Виннипегского порта. Отправиться за ним? А вдруг меня схватят как вражескую лазутчицу? Нет, уж лучше я закажу его доставку, когда буду уже за пределами Британской Канады. И вообще — чемоданы мои были упакованы еще в Новой Зеландии. Обходилась же я без них до сих пор, почему бы и теперь не обойтись? Господи, сколько людей погибло из-за того, что не смогли вовремя выбросить свой багаж?

Помните, как легко мы с Джорджем перемахнули через границу в прошлый раз? Прошли через турникет, сунули в компьютер кредитные карточки Жанет и Яна и, не моргнув глазом, весело помчались в Ванкувер. Определенно есть у меня за плечом ангел-хранитель.

На этот раз, хотя посадка в капсулу подземки еще шла полным ходом, я с удивлением обнаружила, что меня отправляют вовсе не к турникетам, а в Бюро туризма и путешествий Британской Канады. Народу там было полно, и вряд ли кто-то стал бы смотреть мне через плечо и любопытствовать, чем я занимаюсь у компьютера. Но я все-таки подождала, пока не освободилось место около стойки в самом углу. Усевшись перед экраном, я набрала код Ванкувера и сунула в щель кредитную карточку Жанет.

Мой ангел-хранитель не дремал и в этот день: я успела вовремя выдернуть карточку из приемника. Слава богу, кажется, никто не успел унюхать запах горелого пластика. А я быстренько ретировалась.

Служащий, сидевший около турникетов, углубился в изучение спортивной странички «Виннипегской независимой газеты». Когда я спросила, могу ли купить билеты до Ванкувера, он с явным неудовольствием прервал чтение и уставился на меня поверх газеты.

— А почему вы с кредитной карточки не расплатитесь за билет, как все?

— Вы билеты продаете? Что, за наличные нельзя?

— Не в этом дело.

— Для меня — в этом. Будьте так любезны, продайте мне билет. И еще: сообщите мне ваше имя и рабочий номер, чтобы их можно было написать у вас на лбу.

Я протянула ему деньги.

— Вот ваш билет, — буркнул он, никак не среагировав на требование сообщить, как его зовут. Я не настаивала — вовсе я не собиралась жаловаться его начальству. Надо же было как-то выкрутиться. Не объяснять же ему, в конце концов, что стало с кредитной карточкой!

Народу в капсуле подземки было как сардин в банке, и стоять бы мне до самого Ванкувера, если бы не выискался вдруг некий Галахад[1], который не иначе как явился из позапозапрошлого века. Итак, мне уступили место. Но всю дорогу он совершенно откровенно пялился на меня сверху

[1]Сэр Галахад — персонаж романов о короле Артуре и рыцарях Круглого Стола.

вниз. Можно было потерпеть — это лучше, чем стоять, в конце концов.

Самое интересное, что он от меня и в Ванкувере не отстал. Как только мы вышли из капсулы, он поинтересовался, не хочу ли я позавтракать, и если у меня на этот счет нет конкретных планов, то он знает одно неплохое местечко под названием «Залив». Правда, если мне больше нравится японская или китайская кухня...

Я ответила, что мне очень жаль, но к половине первого мне нужно быть в Беллингхеме.

Как ни странно, это его совсем не огорчило.

— Потрясающее совпадение! — просиял он. — И я тоже еду в Беллингхем, но собирался перед дорогой позавтракать. Так, может, перекусим вместе в Беллингхеме?

(Вот интересно: существует ли в международном праве пункт закона, карающий за пересечение границ с аморальными целями? С аморальными? Да нет, что тут такого уж аморального — все просто и честно. Искусственнице никогда не уяснить до конца смысла сексуальных табу, принятых в мире настоящих людей. Все, на что мы способны, — это помнить их неписаные законы и держаться подальше от беды. Но это, доложу я вам, нелегко — сексуальные кодексы людей закручены-перекручены, как спагетти).

В общем, попытка вежливо отвертеться успехом не увенчалась. Надо было решать: то ли послать его куда подальше, то ли принять его недвусмысленное предложение. Я кляла себя на чем свет стоит: «Фрайди, ты ведь уже большая девочка и отлично все понимаешь. Если ты не собиралась лечь с ним в постель, это следовало решить еще тогда, когда он тебе место в Виннипеге уступил!»

А что, если так попробовать?

— Идет, — ответила я небрежно. — Если мне будет дозволено оплатить свой счет, никаких проблем.

Вот это был удар под дых — ясно же как белый день: если я плачу за свой завтрак сама, то меня ничто с ним не связывает. Всех затрат — час на ногах от Виннипега до Ванкувера.

Увы, он взялся за мной ухаживать по истинно рыцарским канонам. И откуда он только взялся на мою голову?

Как вы думаете, что он мне ответил? «Договорились» — вот что!

Удивлению моему не было предела.

— И никаких возражений потом? Мой счет — это мой счет?

— Какие же могут быть возражения? — пожал плечами он. — Вы, по всей вероятности, не хотите быть мне ничем обязанной, хотя приглашаю вас я и платить, по идее, должен я. Не знаю, чем я вас обидел или огорчил, но мне бы не хотелось, чтобы вы чувствовали себя хоть чем-то мне обязанной. Я собираюсь заскочить в «Макдоналд», прямо над станцией в Беллингхеме. Возьму «биг-мак» и кока-колу. Если вас устраивает такое меню, ради бога, платите за свою еду. А потом расстанемся друзьями.

— Меня зовут Марджори Болдуин. А вас?

— Тревор Эндрюс, Марджори. Очень приятно.

— Тревор... Хорошее имя. Так вот, Тревор: вы — подлец, мерзавец и негодяй. И поведете вы меня не в «Макдоналд», а в самый что ни на есть лучший ресторан в Беллингхеме, будете потчевать меня изысканной едой и ликерами и счет оплатите. Вот вам прекрасный шанс осуществить ваши планы. Но не думайте, что вам удастся затащить меня в постель. Нет у меня нынче настроения, ясно?

Соврала, конечно. Настроение у меня как раз было. Будь у него получше с обонянием, он бы это почувствовал. Мне-то было ясно, что он ко мне неравнодушен, мягко говоря. Мужчине трудно скрыть свои истинные чувства от искусственницы с обостренным обонянием.

Эти тонкости мне известны с момента наступления половой зрелости. Но меня никогда не оскорбляет мужское влечение. Самое большее, на что я способна, — это изредка изображать оскорбленную невинность настоящей женщины. Но поскольку я не такая уж выдающаяся актриса, занимаюсь я этим не так часто.

В пути от Виксберга до Виннипега мне было некогда даже подумать о плотских радостях. Но вот уже две ночи подряд я хорошо высыпалась, в убежище я отлично поела и вымылась, и тело мое вернулось к своему обычному состоянию. Ну и зачем же я лгала этому совершенно безопасно-

му незнакомцу? Безопасному ли? В прямом смысле, да. Без корригирующей операции я стерильна. Никакой «насморк» мне не грозит: я иммунизирована против четырех самых распространенных венерических болезней. Еще в приюте меня научили приравнивать соитие к еде, питью, дыханию, сну, игре, разговору, заботе — тем приятным необходимостям, что украшают жизнь, не превращая ее в изнурительную нагрузку.

Я солгала ему потому лишь, что людской этикет предусматривает ложь в этом па любовного танца. А проявить честность я как-то не отваживалась.

Он лукаво усмехнулся:

— Думаете, я потрачусь впустую, да?

— Боюсь, что так. Мне очень жаль.

— Вы ошибаетесь. Видите ли, я никогда не пытаюсь силой затащить женщину в постель. Совсем наоборот. Если женщина захочет этого сама, она сумеет это показать. А если она не хочет, то и мне это не доставит никакого удовольствия. Но наверное, вам и в голову не приходит, что мне просто приятно будет завтракать с вами, смотреть на вас и не слушать всякую дребедень, которую вы говорите вслух.

— Ах дребедень? Ну тогда... пусть будет очень хороший ресторан. Пойдемте, шаттл скоро отправится.

Я была почти уверена, что таможенник ко мне привяжется.

Отнюдь. Он внимательно изучил идентификационные карточки Тревора, зарегистрировал его туристскую карточку, бросил совершенно безразличный взгляд на мой «Мастер Чардж», выданный в Сан-Хосе, и широким жестом позволил мне пройти. Я подождала Тревора за таможенным барьером, поглядывая на вывеску «УТРЕННИЙ БАР» и борясь со внезапным ощущением deja vu[1].

Подойдя ко мне, Тревор улыбнулся и проговорил с оттенком шутливого упрека:

— Сударыня, если бы я раньше увидел ту «золотую» карточку, которой вы там так небрежно помахали, я бы не

[1]Уже было *(фр.)* — термин, которым психоаналитики обозначают состояние ложной памяти.

стал так настойчиво предлагать уплатить за завтрак. Вы, как видно, богатая наследница.

— Послушай-ка, красавчик, — отозвалась я, перейдя на «ты». — Похоже, кто-то только что сказал, что ему достаточно сидеть и глазеть на меня? Или мне послышалось? Так вот: я не прочь немного увеличить декольте. На одну пуговку, так сказать. Ну, может, на две. Но большего я тебе не позволю, понял? Даже богатые наследницы иной раз не прочь позавтракать за чужой счет.

— Прошу прощения, я не хотел...

— Ладно, хватит извиняться. Проехали. Ну, так где изысканный ресторан?

— Ну... Да... Видишь ли, Марджори, вынужден признаться, что я не так хорошо знаю Беллингхем. Может, скажешь сама, куда ты хотела бы пойти?

— Тревор, ухажер из тебя на три с минусом.

— То же самое говорит моя жена.

— Я так и думала, что ты женат. Фотографию покажешь? Погоди, я сейчас. Спрошу, где можно поесть.

Я вернулась к таможеннику и спросила у него название самого лучшего в городе ресторана. Он почесал затылок под фуражкой.

— Ну... знаете, тут не Париж как-никак.

— Уже заметила.

— И даже не Новый Орлеан. На вашем месте я бы пошел в «Хилтон».

Поблагодарив его, я вернулась к Тревору.

— Обедаем здесь, двумя этажами выше. Ну, показывай фотографию.

Он достал бумажник и вытащил оттуда фотографию.

Внимательно разглядев ее, я одобрительно присвистнула. Завидую натуральным блондинкам! Когда я была маленькая, я думала, вот буду каждый день хорошо расчесываться — и у меня будет такой цвет волос.

— Тревор, у тебя такая красотка дома, а ты флиртуешь с незнакомыми женщинами?

— Ты обиделась?

— Нет. Просто шучу. Хочу сменить тему разговора.

— Марджори, если я скажу тебе правду, ты мне не пове-

ришь и опять будешь говорить всякую дребедень. Не сердись. Давай поднимемся в ресторан, пока там у них мартини не выдохлось.

Ленч был весьма недурен, но Тревору, увы, недостает кулинарного воображения Джорджа и умения вести себя как метрдотель. В отсутствие Джорджа это был не пир, а просто-напросто потребление пищи — обычного североамериканского набора, который одинаков в Беллингхеме и Виксберге.

Ела я и думала: плохи дела, карточка Жанет не работает. Это, кстати говоря, пугало меня гораздо сильнее, чем то, что Жанет и Яна не оказалось дома. Жанет в беде? А может, ее и в живых уже нет?

А тут еще Тревор как-то вдруг поутих — то есть совсем утратил энтузиазм ухаживания. Вместо того чтобы сжигать меня взорами змея-искусителя, он стал печален и задумчив. Что это он так переменился? Не из-за того ли, что я попросила показать фотографию жены? Размышляет о своем поведении? Вообще-то говоря, мне кажется, что мужчине не следует пускаться на поиски любовных приключений, если только его отношения с женой (или женами) не таковы, что он сможет потом дома с юмором пересказать детали своих похождений. Ну как Ян, к примеру. Я никогда не жду от мужчин «защиты своей репутации», поскольку твердо убеждена — они не станут этого делать. И если я не хочу, чтобы мужчина с кем-то обсуждал мои достоинства и недостатки в постели, выход один — в эту постель с ним не ложиться.

Но вроде бы Тревор сам первый заговорил о своей жене? Да, точно, сам.

После ленча он, однако, несколько оживился. Я попросила его вернуться в гостиницу, как только он закончит свои дела. Сама я собиралась снять номер, отдохнуть и сделать несколько звонков (это правда). Может быть, сказала я, мне придется задержаться тут на ночь (и это правда). Так что я попросила его, чтобы он позвонил мне в номер из вестибюля, когда вернется, и тогда я к нему спущусь (более или менее правда — у меня было сильное опасение,

что мне будет так страшно и одиноко, что, как только он позвонит, я попрошу его немедленно подняться ко мне в номер).

Он ответил:

— Ладно, я позвоню. Только для того, чтобы выгнать того, кто будет в твоей спальне. Давай не будем начинать все с начала. Я позвоню и сразу поднимусь. Найду кого-нибудь — выгоню. Я этого не переживу.

— Ну хватит, — прервала я его. — Ты пока этого у меня не купил. Тебе было обещано только, что ты со мной встретишься. Но в вестибюле, а не в спальне.

— Марджори, ты трудная женщина.

— Нет, это ты — трудный мужчина. Я знаю, что делаю. — Тут на меня что-то нашло. — Тревор, как ты относишься к искусственникам? Ну, скажем, ты бы хотел, чтобы твоя сестра вышла замуж за искусственника?

— Странный вопрос. А ты разве знаешь кого-нибудь, кто бы об этом мечтал? Правда, с моей сестрой случай особый — у нее зубы лошадиные.

— Не увиливай. Хорошо, ты сам женился бы на искусственнице?

— А соседи бы что подумали? Но вообще, Марджори, откуда ты знаешь, может, я уже женат на искусственнице? Ты же видела фотографию моей жены. Говорят, что искусственницы — самые прекрасные жены — как по вертикали, так и по горизонтали.

— Ты хочешь сказать — «партнерши». Жениться на них вовсе не обязательно. Тревор, ты не только не женат на искусственнице, но просто ни черта о них не знаешь, кроме досужей болтовни.

— Сдаюсь. Я так сказал, чтобы ты не подумала, что я — один из них.

— Чего? Ты? Нет, я бы это сразу почувствовала. Но если бы ты лег с искусственницей в постель, жениться на ней тебе бы не захотелось, поверь мне. Но это — долгая песня, и давай об этом не будем. Мне на мои дела надо часа два. Не удивляйся, если будет трудно до меня дозвониться. Тогда пошли мне наверх записку и выпей, нервы успокой. Спущусь, как только смогу.

Я расплатилась за номер у стойки и поднялась наверх. Номер был не такой шикарный, в каком мы с Джорджем останавливались в прошлый раз, но большой и удобный. В нем стояла широкая кровать — эту роскошь я себе таки позволила, сильно подозревая, что мои препирательства с Тревором приведут к тому, что он все-таки окажется здесь.

Да, трудная игра...

Но я побыстрее отбросила эти мысли и принялась за работу.

Первым делом я позвонила в виксбергский «Хилтон». «Нет, — ответили мне, — мистер и миссис Перро выехали. Нет, адреса, куда уехали, не оставили. Нам очень жаль».

Им было очень жаль! А мне — еще больше, и синтетический компьютерный голос меня нисколько не утешил. Я набрала монреальский код университета Мак-Гилл. Минут через двадцать мне наконец сообщили: да, доктор Перро действительно работал в этом университете старшим преподавателем, но теперь он работает в Манитобском университете. Приятное разнообразие в разговор внесло лишь то, что монреальский компьютер с одинаковой легкостью синтезировал фразу как на английском, так и на французском языке и отвечал на вопросы на том языке, на каком они были заданы. Ох и умные они, эти электронные трещотки! Слишком умные, черт бы их подрал.

Набрав код Жанет и Яна в Виннипеге, я узнала, что терминал отключен по просьбе абонента. Я, признаться, удивилась: а как же это я смотрела новости в убежище нынче утром? Может быть, «отключен» означало только, что не принимаются внешние вызовы? Что за хитрость такая?

Виннипегский филиал «АНЗАК» прогнал меня через целую вереницу компьютеров, которые у них общались с пассажирами, пока я наконец не услышала человеческий голос, сообщивший мне, что капитан Ян Торми на работе отсутствует в связи с чрезвычайным положением и временным прекращением полетов в Новую Зеландию. Он взял отпуск.

Оклендский номер Яна ответил приятной музыкой и предложением записать сообщение на автоответчик. Это

было неудивительно: откуда там взяться Яну, если полубаллистическое сообщение прервано. Но я думала — вдруг застану там Бетти или Фредди.

Интересно, а как же можно теперь вообще добраться до Новой Зеландии, если ПБ не летают? На катере? Нет, они слишком хлипкие. А большие грузовые пароходы, оборудованные массой «Шипстоунов», вроде бы пассажиров не возят... Нет-нет, я точно знала, на таких пароходах даже кают нет. Да что там кают, там и команды, как мне говорили, нет.

А мне-то всегда казалось, что я лучше обычных путешественников знаю, как куда добраться — я, опытный курьер со стажем. И что же? Такая малость — ПБ не летают, а как быть, непонятно. Ну ладно, об этом можно попозже мозгами пораскинуть.

Я позвонила в Сиднейский университет. Синтетический голос сменился-таки человеческим, который мне сказал, что знает профессора Фарнезе, но он, к сожалению, в творческом отпуске. Нет, домашний адрес и номер кода он мне сообщить не может — это не принято, и ему очень жаль. Может быть, мне стоит обратиться в городскую справочную службу.

Похоже, компьютеру сиднейской справочной службы было скучно и одиноко и он был готов болтать со мной бесконечно о чем угодно, только не о том, есть ли у него в памяти имена Федерико и Элизабет Фарнезе. Компьютер сообщил мне, сколько стоит пройтись по самому большому в мире мосту (не врал бы уж, что ли), почем обойдется сходить в самый грандиозный в мире оперный театр (что правда — то правда). В общем, «Добро пожаловать в Австралию!» и так далее, и так далее...

Я отключилась. Оно, может, и забавно болтать с компьютером, говорящим с австралийским акцентом, но у меня было еще много дел.

Я набрала код, который уж точно должен был ответить: Крайстчерч. Не исключено, что туда мог прийти запрос из офиса Босса, когда начались беспорядки. Да, если это действительно были беспорядки, а не всемирный скандал. Была еще крошечная надежда, что Ян, который не мог от-

править мне письмо в Империю, догадался послать мне какую-никакую записочку в дом, где я жила когда-то, рассчитывая, что мои бывшие родственники перешлют корреспонденцию куда надо. Насколько я помнила, он записывал мой крайстчерчский код, когда продиктовал мне свой оклендский. Итак, я звонила в мой бывший дом...

...чтобы испытать ощущение, какое бывает, когда ставишь ногу туда, где должна быть ступенька, а ступенька-то — тю-тю...

«Обслуживание терминала, код которого вы набрали, прекращено. Звонки не принимаются. По срочным делам, пожалуйста, звоните в Крайстчерч, номер...» И мне был продиктован номер — судя по всему, код терминала в офисе Брайена.

Который же там сейчас час? Тут было около трех пополудни, значит, в Крайстчерче уже наступило завтрашнее утро — чуть больше десяти. Видимо, Брайен как раз в конторе.

Я набрала код. Потрясающая штука — спутниковая связь! Через несколько секунд на экране появилась ошарашенная физиономия моего бывшего супруга.

— М-м-марджори? Ты?!!

— Да, — согласилась я. — «Марджори». Как поживаешь?

— Зачем ты звонишь мне?

— Брайен, пожалуйста! — взмолилась я. — Мы были женаты семь лет, так разве мы не можем вежливо побеседовать?

— Прости. Чем могу быть полезен?

— Извини, что беспокою тебя на работе, но я позвонила домой, а там мне сказали, что терминал не обслуживается. Брайен, ты, конечно, знаешь из новостей, что связь с Чикагской Империей прервана из-за чрезвычайного положения. Ну, из-за терроризма. Знаешь? Ну из-за того, что в новостях называли «Красным четвергом»? В общем, долго рассказывать не буду, но я сейчас в Калифорнии. До Империи так и не добралась. Скажи, для меня не было никакой почты? Понимаешь, я просто как в вакууме.

— Извини, я не в курсе.

— Ну может быть, что-то, что нужно было мне переслать? Ну может, письмо или записка, и вы куда-нибудь переслали?

— Дай подумать. Тебе должен был быть послан денежный перевод — те деньги, что ты от нас потребовала... хотя, постой... нет, ты все забрала с собой.

— Ты что, Брайен, какие деньги?

— Ты потребовала, чтобы мы вернули тебе деньги, иначе ты бы закатила публичный скандал. Что-то такое... побольше семидесяти тысяч долларов. Вообще, Марджори, я поражаюсь — как ты вообще осмелилась позвонить после всего... Твоя подлость, ложь, твое равнодушие... Ты разрушила нашу семью!

— Брайен, ради всего святого, о чем ты говоришь? Я никого не обманывала, ничего подлого не делала и у семьи не взяла ни пенни! «Разрушила семью»? Каким же образом? Это меня из семьи выкинули! Как гром среди ясного неба — было велено сложить вещички и выметаться немедленно. Никакую семью я не разрушала. Так что, будь добр, объясни, в чем дело.

Брайен объяснил — холодно и детально. Мое дурное поведение было только частью злодейского обмана — я скрыла, что я артефакт, не живой человек, вследствие чего семья была вынуждена потребовать расторжения брака и контракта со мной.

Я попыталась напомнить ему, что я сама ему все рассказала и продемонстрировала, но он слушать не желал. Что помнила я, что помнил он — не имело ни малейшего значения. Что же до денег, то я опять лгала; он своими глазами видел требование выслать деньги с моей подписью.

Тут я его прервала и сказала, что моя подпись явно была подделана и что я не получила ни одного доллара.

— Хочешь обвинить Аниту в подлоге? Мерзкая ложь, еще одна ложь!

— Ни в чем я Аниту не хочу обвинить. Но никаких денег от семьи я не получала.

Я обвиняла Аниту? Конечно, обвиняла, и мы оба это прекрасно понимали. Возможно, я и Брайена обвиняла.

Помню, как-то Вики говорила мне, что возбудить Аниту может только вид толстых пачек банкнот. Тогда я заткнула ее и попросила не сплетничать. Но и от других членов семейства время от времени я слыхала намеки на то, что Анита фригидна — состояние, совершенно непостижимое для искусственницы. Вспоминая более давнее прошлое, можно было заключить, что единственной страстью Аниты была семья — ее финансовые успехи, ее престиж, вес в обществе.

Коли так, она должна была ненавидеть меня лютой ненавистью. Я не разрушала семью, но, судя по тому, как меня вышвырнули оттуда, я была только первой костяшкой в этой игре. Сразу после моего отъезда Вики отправилась в Нукуалофа и наняла там юриста, который должен был уладить дела с разводом и финансовой компенсацией. Потом уехали Дуглас и Лиспет — они поженились между собой и вошли парой в другую групповую семью.

Единственное утешение: Брайен сообщил, что голосование по моему вопросу окончилось не шестью голосами против нуля, а семью против нуля. «В чем же утешение?» — спросите вы. Утешение было. Анита настояла, чтобы голосование происходило в соответствии с тем, сколько у кого паев в семейном бюджете. Главные держатели акций — Брайен, Берти и Анита — проголосовали первыми, и вышло семь голосов против меня, то есть явное большинство, а Дуг, Вики и Лиспет голосовать отказались.

Утешение маленькое, конечно — они же не попытались бороться с Анитой, защищать меня, они даже не рассказали мне о том, что такое голосование было. Воздержались. А потом... отошли в сторонку и позволили привести приговор в исполнение.

Я спросила Брайена о детях — он резко ответил, что это — не мое дело. Потом сказал, что очень занят, и собрался отключить терминал, но я все же успела задать ему последний вопрос: что с кошками?

Он только что не взорвался от злости.

— Марджори, ты что, совсем бессердечная или как? Ты такого натворила, причинила нам всем столько горя! Тут трагедия, а она про кошек спрашивает.

Я сдержалась.

— Я правда хочу знать, Брайен.

— Наверное, их отправили в приют. Или в медицинский институт, в виварий. Все, прощай. И никогда мне больше не звони.

— В медицинский институт? В лабораторию?!

Кошка Подножка привязана к хирургическому столу, и какой-то прыщавый студент режет ее скальпелем? Я — не вегетарианка и не член Общества защиты животных. Я не отрицаю того, что необходимо приносить животных в жертву на алтарь науки. Но если так должно быть, боже милостивый, нельзя же этого делать с животными, которые воспитаны так, что думали, что они почти что люди!

В приюте ли, в медицинской ли лаборатории — неважно, кошка Подножка и ее более молодые потомки и родственники, скорее всего, уже умерли! И все-таки, если бы ПБ летали, я бы бросилась очертя голову в Новую Зеландию, в последней, отчаянной надежде спасти старого друга! Но в отсутствие полубаллистического транспорта Окленд был не ближе Луна-Сити. Не было никакой, никакой надежды...

Я призвала на помощь все свои познания из области аутогенной тренировки, чтобы постараться не думать о том, в чем я никому не сумею помочь... и почувствовала, как кошка Подножка трется о мою ногу...

На экране терминала мигал сигнал вызова. Посмотрев на часы, я поняла, что время, которое я отвела на звонки, истекло. Вызывал меня, конечно же, Тревор.

Ну, решайся, Фрайди. Умойся холодной водой, спускайся вниз и позволь ему соблазнить тебя! Или позвать его сюда, сразу лечь с ним в постель и облить его потоком слез? Вот именно. Сейчас тебе совсем не до любовных утех — только и надо — уткнуться в теплое мужское плечо, отреветься, а потом станет легче. Ты сама это прекрасно понимаешь. Женские слезы, Фрайди, лучший способ возбудить мужчину. Знаешь ведь, не маленькая. Садистка ты, что ли? Или мазохистка скрытая?

Пригласи его. Закажи чего-нибудь выпить. Подкрасься немножко, постарайся выглядеть посексуальнее. Нет, к дьяволу косметику — все равно долго не продержится. Позови его, ляг с ним в постель. Подбодри себя и сделай так, чтобы ему было хорошо. Постарайся!

Я изобразила на лице улыбку и нажала клавишу ответа.

Но заговорил со мной гостиничный робот:

— Мисс, для вас оставлена корзина цветов. Послать их вам в номер?

— Конечно.

(Неважно, кто их послал, но корзина цветов всегда приятнее сомнительных постельных удовольствий.)

Вскоре зажужжал сигнал подъемника. Я открыла дверцу и вытащила из кабинки корзину с цветами — размером с детский гробик. В корзину был вложен конверт. А цветы!!! Высокие, прекрасные алые штамбовые розы. Я окончательно решила усладить Тревора не хуже, чем в свое время могла бы сделать Клеопатра.

Полюбовавшись на розы, я открыла конверт, полагая, что там всего-навсего записка — просьба позвонить в вестибюль или еще что-нибудь в этом роде.

Нет, это была не записка — это было письмо.

«Дорогая Марджори!

Очень надеюсь, что эти розы ты примешь не хуже, чем приняла бы меня.

(Приняла бы? Что за чушь?)

Вынужден признаться, что я сбежал. Случилось нечто такое, что заставило меня решить, что ты будешь не в восторге от моего общества.

Я не женат. Я не знаю, кто та красавица, фотографию которой я тебе показал. Это просто открытка. Как ты верно подметила, такие, как я, не годятся для семейной жизни. Я — искусственник, сударыня. «Мать моя — пробирка, скальпель — мой отец». Поэтому я не смею ухаживать за настоящей женщиной. Меня тянет к людям, это так, но лучше и честнее сказать тебе правду, чем продолжать ухаживать за тобой — а потом ты бы узнала правду. А ты бы ее узнала — я бы не смог ничего от тебя утаить.

Так что уж лучше все сказать сразу, чем потом огорчать тебя.

Моя фамилия не «Эндрюс» — у таких, как я, вообще не бывает фамилий.

Ах, как мне хотелось бы, чтобы и ты тоже оказалась искусственницей! Ты такая красивая, такая милая, и мне так приятно было болтать с тобой про все на свете — и даже про искусственников, хотя ты в этом ничего не понимаешь. Но это не твоя вина. Ты напоминаешь мне, прости, одну маленькую собачку — фокстерьера, что жил у меня когда-то. Она была умненькая, хорошенькая, но была всегда готова сражаться со всем миром один на один, если у нее были такие планы на этот день. Признаться, я люблю собак и кошек больше, чем людей: они никогда не напоминают мне, что я — не человек. Полюбуйся на розы.

Тревор».

Я утерла слезы, высморкалась, быстро спустилась в вестибюль, обошла бар — Тревора нигде не было. Тогда я спустилась вниз, на станцию подземки, и все стояла и стояла там, глядя на отбывавшие поезда... Полисмен, давно уже бросавший на меня подозрительные взгляды, в конце концов подошел и спросил, не нужна ли мне его помощь.

Я сказала ему правду — почти правду, и он на какое-то время оставил меня в покое. Я пробыла на станции еще часа полтора, и все это время он украдкой поглядывал на меня. Все-таки он подошел ко мне еще раз и, стеснительно улыбаясь, проговорил:

— Понимаете, мисс... если вы хотите тут, так сказать, подработать, мне придется посмотреть вашу лицензию и медицинский сертификат и оформить вас на работу, если кто-то из девочек вдруг заболеет. Но мне бы этого не хотелось для вас, мисс. У меня дочка примерно вашего возраста, и как подумаю, что какой-то полицейский вот так подойдет к ней и скажет что-то обидное... В общем, мисс, эта работа не для вас. Я на вас только взглянул и понял — вы не из таких, правда?

Меня подмывало показать ему свою «золотую» кредит-

ку — сильно сомневаюсь, чтобы у уличных шлюх такие имелись. Но добрый старикан, судя по всему, совершенно искренне проявил ко мне участие. А я сегодня и так уже много кого обидела. Я поблагодарила его и вернулась к себе в номер.

Ах, как настоящие люди уверены, что всегда безошибочно распознают, что перед ними — искусственник! Чушь, чепуха на постном масле! Мы даже друг друга различить не можем! Тревор — единственный мужчина, за которого я могла бы выйти замуж с чистой совестью, — а я его прогнала!

Но он оказался слишком сентиментален.

Кто-то слишком сентиментален? Не ты ли сама, Фрайди?

Но поймите же вы, наконец: большинство людей относится к таким, как я, просто ужасно! Попробуйте часто лупить собаку — и она станет забитой и униженной. Да хоть мою новозеландскую семейку взять для примера, лицемеров этих поганых. Не сомневаюсь, Анита считала, что она имеет полное право выгнать меня, оболгать, опорочить — ведь я же не человек!

Итак, счет за день — 9:0 в пользу людей.

Где же Жанет?

ГЛАВА 21

В номере я упала на кровать и забылась тяжелым сном. Мне снилось, что меня продают с аукциона. Потенциальные покупатели непременно желали взглянуть на мои зубы. Пришлось цапнуть одного из них. Ведущий аукциона решил проучить меня как следует. Щелкнул бич, я взвыла от боли — и проснулась. Как приятно было очнуться в номере «Хилтона»!

Я решила позвонить туда, куда на самом деле нужно было звонить с самого начала. Но я оставила этот разговор на потом в надежде что-нибудь узнать из предыдущих. Не любительница я звонить на Луну: и недешево, и ответа ждать долго приходится. Но — делать было нечего.

Итак, я набрала код Луна-Сити, филиала Церерско-

Южноафриканского акцептного банка — того самого, что обеспечивал мой кредит, — то есть банка Босса.

После традиционной перебранки с синтетическими голосами, которые ухитрялись-таки заполнять эфир, невзирая на расстояние и световое время, я добралась, слава тебе господи, до человека. Мне ответила красотка — явно ее взяли на работу исключительно в декоративных целях. Что делать — я-то считаю, что простая лампочка светит намного лучше, чем самое изящное бра; но на бра смотреть приятнее. Я попросила даму соединить меня с кем-нибудь из служащих банка.

— Вы говорите с одним из вице-президентов, — сообщила она, мило улыбаясь. — Наш компьютер туп как пробка и к тому же упрям как осел. Но вам удалось убедить его, что вам необходимо побеседовать с кем-то из ответственных сотрудников. Чем я могу помочь вам?

Я поведала ей часть моей неправдоподобной истории.

— ...в общем, мне понадобилось несколько недель, чтобы попасть на территорию Империи, но оказалось, что все телефоны оборваны. Не может ли банк сообщить мне другой контактный телефон или адрес?

— Посмотрим. Как называется компания, на которую вы работаете?

— Насколько мне известно, у нее несколько названий. Одно из них — «Систем энтерпрайзис».

— Как зовут вашего работодателя?

— Я не знаю. Он пожилой человек, полный, одноглазый, сильно хромает, ходит с костылями. Можно хоть что-нибудь узнать?

— Посмотрим. Вы сказали, что мы оплачивали ваш кредит с карточки «Мастер Чардж», выданной в Сент-Луисе? Будьте добры, прочитайте медленно и внятно номер карточки.

Я прочитала.

— Хотите скопировать карточку?

— Нет. Скажите дату выдачи.

— 1066, — брякнула я.

— Может, 1492? — усмехнулась она.

— Скорее, 4004 до нашей эры, — уступила я.

— 1776, — возразила она.

— 2012[1], — возразила я в свою очередь.

— С чувством юмора у вас все в порядке, мисс Болдуин. Похоже, вы — это вы. Но если это не так, поверьте мне, вы не доживете до следующей выплаты по чеку. Мистер Хромуля, насколько мне известно, жуликов, мягко говоря, не любит. Запишите код. Потом прочитайте его мне.

Я повиновалась.

Час спустя я бодро вышагивала по центральной площади Сан-Хосе. Ну просто как в кино — судьба опять вела меня к зданию Калифорнийского кредитного коммерческого банка. На этот раз я приняла твердое решение не ввязываться ни в какие потасовки, на кого бы ни покушались. Именно здесь мы были с Джорджем две недели назад. Если фортуна забросит меня отсюда в Виксберг... нет, тогда я просто сойду с ума!

Целью моего похода на сей раз был не офис «Мастер Чардж», а некая юридическая фирма на другом этаже ККК-банка. Именно ее код был продиктован мне с Луны. Только я успела повернуть за угол здания банка, как чей-то голос прозвучал прямо около моего уха: «Мисс Фрайди!»

Я резко обернулась. Передо мной стояла женщина в желтой униформе кебмена. Я пригляделась.

— ...Голди!!!

— Вы заказывали кеб, мисс? Придется перейти через площадь и немного спуститься по улице. Нам тут не разрешают останавливаться.

Мы вместе пересекли площадь. Я принялась было щебетать от радости, но Голди прервала меня:

— Ведите себя так, как будто вы действительно наняли кеб, мисс Фрайди. Хозяин хочет, чтобы мы были вне подозрений.

— С каких пор ты называешь меня «мисс»?

— Так будет лучше. Сейчас у нас очень строго с дисци-

---

[1]1066 г. — завоевание Англии Вильгельмом Нормандским.
1492 г. — открытие Америки Колумбом.
1776 г. — начало Войны за независимость в США.
2012 г. и 4004 г. до н. э. — даты, по всей вероятности не привязанные ни к каким реальным историческим событиям.

плиной. Наша встреча — особое задание, и меня ни за что не послали бы, если бы я не смогла встретиться с вами без лишних слов.

— Ладно. Хорошо. Только по возможности не зови меня «мисс». Господи, Голди, милая, дорогая, как я рада видеть тебя! Просто плакать хочется.

— Мне тоже. Но я плакала в понедельник. Мы думали, что ты умерла.

— Умерла? Бог с тобой, я в полном порядке, и мне ничто не грозило. Я просто потерялась. А теперь нашлась.

— Я рада, Фрайди.

Всего десять минут спустя Голди ввела меня... в кабинет Босса.

— Фрайди докладывает, сэр, — радостно сообщила я.

— Ты задержалась, — последовал бесстрастный ответ.

— Я возвращалась совершенно потрясающим путем, сэр. Вверх по Миссисипи на экскурсионном пароходе.

— Знаю, слыхал. Похоже, ты одна и осталась в живых. Я хотел сказать, что ты сегодня задержалась. Границу Калифорнии ты пересекла в двенадцать ноль-пять. А сейчас семнадцать двадцать две.

— Черт подери, Босс. У меня были сложности!

— Курьеру следует уметь преодолевать сложности и передвигаться быстро, несмотря ни на что.

— Босс, вы... Прошу прощения, но я не была курьером на задании, и вы не имеете права отчитывать меня! Да если бы вы не переехали, не известив меня об этом, у меня вообще никаких сложностей не было бы! Две недели назад я была тут, в Сан-Хосе, на расстоянии громкого окрика отсюда.

— Тринадцать дней назад.

— Босс, только не надо увиливать. Это ваша вина, а не моя.

— Я готов выслушать любое твое обвинение и принять его, но не намерен устраивать базар и зря терять время. Так вот: я предпринимал отчаянные попытки известить тебя о переезде — всем полевым агентам были разосланы извещения об этом. Мне очень жаль, что до тебя такое извещение не дошло. Кроме извещения, была еще одна попытка разыскать тебя. Фрайди, как я могу убедить тебя,

что ты человек уникальный и бесценный для нашей организации? Если вдобавок учесть события, именуемые «Красным четвергом»...

— Босс! Мы в этом участвовали?!

Я была просто шокирована.

— Как это тебе в голову пришло? Нет. Наша разведка предвидела это — кстати, в большой степени за счет тех данных, что были доставлены тобой с Эль-Пятого, — и мы заблаговременно приготовились. То есть нам так казалось. Но первые признаки кризиса проявились гораздо раньше наших самых пессимистических прогнозов... Грянул «Красный четверг», и нам пришлось переехать быстро и тайно. Нам нужно было драпать за границу — без шума. Извещение о перемене адреса и контактного кода было разослано еще из Империи, но узнал я о том, что ты его не получила, только здесь.

— Ну и почему же я не получила этого извещения?

— Пожалуйста. Слушай. Узнав, что ты не ознакомлена с извещением, я попытался дозвониться в твой новозеландский дом. Ты, наверное, знаешь, что спутниковая связь была прервана...

— Слыхала.

— Вот именно. Дозвониться удалось только через тридцать два часа. Я разговаривал с миссис Дэвидсон — женщиной лет около сорока, с резкими чертами лица. Старшая жена вашей «С»-группы?

— Да. Анита. Она же генеральный прокурор и все такое прочее.

— У меня такое же впечатление. Мне показалось, что тебя там объявили персоной нон-грата.

— Вам не показалось. Ну, Босс, и что вам сказала эта старая крыса?

— Практически ничего. Ты якобы неожиданно покинула семью. Ни кода, ни почтового адреса не оставила. Нет, она не согласна принять сообщение для тебя и переслать те, которые уже поступили. «Я очень занята» — и большой привет.

— Босс, у нее был ваш имперский адрес. У нее был и адрес банка в Луна-Сити, поскольку через этот банк шли мои ежемесячные выплаты в семью.

— Я все понял. Мой новозеландский агент (это что-то новенькое!) разыскал для меня адрес и код офиса старшего мужа вашей семьи, Брайена Дэвидсона. Он оказался гораздо более вежливым человеком и хоть как-то мне помог. От него мы узнали о рейсе шаттла, которым ты улетела из Крайстчерча и, естественно, изучили список пассажиров ПБ, которым ты отправилась из Окленда в Виннипег. Там мы тебя опять ненадолго потеряли, пока мой агент не выяснил, что ты покинула порт в сопровождении капитана ПБ. Мы дозвонились до капитана Торми, и он был готов с дорогой душой помочь нам, но ты уже уехала. Рад сообщить тебе, что мы сумели отблагодарить капитана Торми за помощь в твоих розысках. Из внутреннего источника информации мы выяснили, что ему и его супруге грозит опасность быть задержанными местной полицией.

— Боже праведный! За что?!

— Формально им должны были предъявить обвинение в укрывании вражеского лазутчика и незарегистрированной гражданки Чикагской Империи в период чрезвычайного положения. Но на самом деле виннипегская полиция не интересовалась ни тобой, ни доктором Перро. Это был только предлог для того, чтобы схватить Торми. Их обвиняли в более тяжком преступлении, но официально оно не было предъявлено. Лейтенант Мелвин Дики пропал без вести. Последнее сообщение от него — это его собственное устное заявление в полицейском участке о том, что он собирается вылететь в усадьбу капитана Торми, чтобы арестовать доктора Перро. Понимаешь, о чем речь?

— Но против Яна и Жанет нет никаких улик?

— Нет, ты права. Вот именно поэтому местная полиция и решила для начала арестовать их на основании менее тяжкого обвинения. Но есть еще кое-что. Аэрокар лейтенанта Дики разбился недалеко от Фарго — на территории Империи. Машина была пуста. Полиция со страшной силой ищет отпечатки пальцев. Похоже, этим они занимаются до сих пор или вот-вот закончили. Примерно час назад в сводке новостей было сообщение о том, что границу между Чикагской Империей и Канадой вновь открыли.

— О боже!

— Не стоит так волноваться. Да, на панели управления аэрокара действительно имелись отпечатки пальцев, оставленные... не лейтенантом Дики. Они совпадали с отпечатками пальцев капитана Торми, зарегистрированными в файлах компьютера АНЗАК. Но обрати внимание: я говорю о них в прошедшем времени. Они там были, но больше их там нет. Фрайди, видишь ли, хоть я и перебрался сюда из Империи, но свои люди у меня там остались. Отпечатков пальцев Яна Торми там больше нет, но зато там есть отпечатки пальцев много еще кого — как ныне здравствующих, так и давно ушедших в лучший мир.

— Босс, я готова встать перед вами на колени!

— Помолчи. Сделал я это не для того, чтобы запутать полицию Британской Канады, уверяю тебя. Мой полевой агент в Виннипеге, помимо всего прочего, — опытный психолог. Его профессиональное заключение таково: и капитан Торми, и его жена — люди, способные на убийство только в целях самозащиты. Только в самых экстремальных обстоятельствах каждый из них решился бы убить полисмена. Доктор Перро, по его мнению, еще менее склонен к силовому решению ситуаций.

— Это я убила его.

— Так я и предполагал. Никакое другое объяснение не подходило. Хочешь обсудить этот вопрос? Это имеет какое-нибудь отношение к моим делам?

— А?.. Нет, наверное, нет. Вы сами сделали это своим делом, убрав отпечатки пальцев в кабине. Я убила этого подонка потому, что он угрожал оружием Жанет. Жанет Торми. Я могла бы просто разоружить его. Но я его убила. Решила убить — и убила.

— Ясно. Нет возражений. Я был бы, честно говоря, сильно разочарован в тебе, если бы ты его только ранила. Раненый полицейский опаснее раненого льва. Я реконструировал ситуацию примерно так, как ты ее описала. Правда, мне почему-то показалось, что ты защищала доктора Перро. Я подумал, что ты смотришь на него как на потенциального супруга.

— И это тоже, Босс, вы правы. Но если бы этот ублюдок не угрожал Жанет, все могло бы быть по-другому!

Босс, пока это не случилось, я не знала, что люблю Жанет. Вообще не знала, что могу так сильно полюбить женщину. Босс, вы знаете о моей разработке больше меня — вы вроде бы так говорили когда-то. Может, что-то у меня не в порядке с гормональной сферой?

— О твоей разработке я знаю все, но обсуждать это с тобой не намерен. Незачем тебе это знать. Но с гормональной сферой у тебя все в порядке — как у нормальной здоровой женщины. С одним маленьким исключением — у тебя нет добавочной Y-хромосомы. Фрайди, у всех нормальных людей в половых железах присутствует смешанный хромосомный набор. Человечество делится на две части: одни знают об этом, другие не знают. Так что хватит болтать о ерунде: гению это не пристало.

— Так. Теперь я еще и гений. Не шутите, Босс.

— Я вовсе не шучу. Ты не просто гений, ты — сверхгений, только используешь свой потенциал на малые доли процента. А у гениев всегда формируются собственные убеждения относительно секса, как, впрочем, и относительно всего остального: им претит быть на одном уровне с теми, кто ниже их. Вот и все. Ну а теперь давай-ка вернемся к нашим баранам. Какова вероятность того, что труп может быть обнаружен?

— Практически никакой.

— Не хочешь рассказывать?

— Да, я думаю, что это не нужно.

— Твое дело. Следовательно, я должен заключить, что Торми могут спокойно вернуться домой, как только полиция уяснит, что не способна предъявить им серьезное обвинение. Правда, для того чтобы обвинить кого-то в убийстве, не всегда нужен труп, но в его отсутствие это всегда сложнее. Даже если их арестуют, хороший адвокат добьется их освобождения за пять минут — а у них будет очень хороший адвокат, уверяю тебя. Думаю, тебя обрадует сообщение, что именно ты помогла им покинуть страну.

— Я?

— Ты и доктор Перро. Вы покинули Британскую Канаду под именами мистера и миссис Торми, пользовались их кредитными карточками и так далее. Вы вдвоем оставили

след, который «доказывал», что Торми удрали из страны сразу же после исчезновения лейтенанта Дики. Это сработало настолько потрясающе, что полиция потратила не один день, пытаясь отловить подозреваемых на территории Калифорнийской Конфедерации, и сильно обвиняла за нерасторопность своих коллег из Калифорнии. Но что меня искренне удивляет — так это то, что Торми не были арестованы в своем собственном доме: ведь мой агент связался с ними без всяких проблем.

(Вот уж ничего удивительного! Показался полицейский, а они — шмыг в норку, и все дела! А если это был не полицейский и у Яна не было причин не доверять — тогда все в порядке.)

— Босс, скажите, ваш виннипегский агент упомянул мое имя? Я имею в виду «Марджори Болдуин»?

— Да. Не назови он это имя, не покажи он твою фотографию, миссис Торми его бы и на порог не пустила. А без помощи Торми нам ни за что не удалось бы понять твой донельзя запутанный маршрут. В общем, мы помогли друг другу. Они помогли скрыться тебе, а мы — им, после того как мой агент сообщил им, что их упорно разыскивают. Приятное окончание, не правда ли?

— И куда же вы их отправили? И как?

— Фрайди, тебе это действительно интересно?

— Ну... не знаю. Нет, Босс.

(Когда я узнаю об этом? Если бы Босс хотел, он бы сам рассказал. Значит, так тому и быть.)

Босс отодвинулся от стола... и поразил меня! Обычно он крайне мало передвигается, и чайный столик со всеми принадлежностями, как обычно, был подмонтирован к письменному столу. Но он выехал из-за письменного стола... на инвалидном кресле! Подкатив кресло к чайному столику, он занялся приготовлением чая.

Я встала и подошла к столику.

— Можно я разолью чай, Босс?

— Спасибо, Фрайди. Конечно.

Он отъехал и вернулся за письменный стол. Стоя спиной к нему, я стала разливать чай — именно это мне и было нужно сейчас.

Казалось бы — что тут такого: хромой решил сменить костыли на инвалидное кресло — это же удобнее. Да, ничего такого. Но это был Босс! Если бы древние жители Гизы проснулись однажды утром, протерли глаза и увидели, что их любимые пирамиды сошли со своих мест, а у сфинкса за ночь отрос новый нос, они были бы, клянусь, потрясены не меньше меня! Есть вещи и люди, про которые думаешь, что им не положено меняться.

Налив Боссу чай так, как он любит — с теплым молоком и двумя кусочками сахара, я налила чашку себе, села и постаралась придать своей физиономии обычное выражение.

В работе Босс пользуется последними достижениями техники, но привычки у него крайне старомодные. Насколько я знаю, у него никогда не водилось женщины-прислуги, но, если рядом есть женщина, которая предлагает разлить чай, он всегда такое предложение принимает милостиво, и все превращается в маленькую церемонию.

За первой чашкой он говорил о разном. Потом я налила ему еще, и он снова вернулся к деловому разговору.

— Фрайди, — сказал он, — ты меняла имена и кредитные карточки так часто, что мы все время на шаг отставали от тебя. Мы бы запросто могли не погнаться за тобой в Виксберг, если бы твои планы не были видны так отчетливо из самого твоего маршрута. Знаешь, это не в моих правилах — останавливать агента на пути следования. Честно признаюсь, было большое искушение сделать это в Виксберге. Я знал, что экспедиция вверх по реке обречена.

— Босс, а что это была за экспедиция? Явно не пикник на побережье.

— Государственный переворот. Дурацкий до мозга костей, кстати говоря. В Империи за две недели сменилось три премьера. Последний, между прочим, ничем не лучше предыдущих, и шансов выжить у него никак не больше, чем у предшественников. Фрайди, для моей работы гораздо больше любой формы свободного правления подходит хорошо организованная тирания. Но, увы, хорошо организованная тирания встречается так же редко, как эффективная демократия. Итак, вкратце: в Виксберге ты действовала

настолько быстро и решительно, что успела отплыть на водевильном пароходике раньше, чем мой агент напал на твой след и узнал, что ты записалась добровольцем. Он меня огорчил. Настолько огорчил, что я даже не придумал до сих пор, как его наказать.

— Не наказывайте его, Босс! Я торопилась. Ему трудно было за мной угнаться. И потом: вы же знаете — если кто-то наступает мне на пятки...

— Да-да, твои привычки мне известны. Но ты должна понять меня: я получил из Виксберга сообщение о том, что мой агент видел тебя своими глазами, а ровно через сутки он доложил, что ты погибла.

— Может, вы и правы. Но если бы он подошел ко мне слишком близко, еще неизвестно, как бы все повернулось. Помнится, в Найроби один идиот... ну, это я вам рассказывала. Так что если вам когда-нибудь еще вздумается устроить слежку за мной, вы своих агентов предупреждайте — мало ли чего.

— Как правило, я не устраиваю за тобой слежки, Фрайди. К счастью для всех нас, ты осталась в живых. Все терминалы моих контактных агентов были засечены правительством, но все-таки и из них мне удалось извлечь какую-то пользу. Кто-то трижды пытался связаться со мной и трижды не попался. Я предположил, что это была ты, а когда ты добралась до Фарго, я уже знал это наверняка.

— И кто же в Фарго? Уж не «маэстро» ли случайно?

Босс притворился, что не расслышал вопроса.

— Фрайди, мне нужно работать. Заканчивай рапорт. Только покороче.

— Да, сэр. Я прыгнула за борт корабля, как только мы попали на территорию Империи, добралась до Сент-Луиса, обнаружила, что все ваши коды засечены, уехала в Фарго, перебралась в Британскую Канаду в двадцати шести километрах севернее Пембины, оттуда добралась до Ванкувера, а сегодня — до Беллингхема, ну а дальше вы знаете.

— Сейчас есть трудности, Фрайди?

— Никаких, сэр.

— Есть профессиональные вопросы ко мне?

— Нет, сэр.

— В таком случае в удобное для тебя время подготовь детальный отчет. О тех фактах, которые, как тебе кажется, внимания не заслуживают, можешь умолчать. Я вызову тебя, когда ты мне понадобишься. А завтра утром ты приступишь к учебе. В девять ноль-ноль.

— Что? Какого черта?!

— Выражайся деликатнее, Фрайди. Грубость не к лицу молодой леди. Фрайди, ты хорошо работала до сих пор, но теперь настало время овладеть профессией по-настоящему. Вернее говоря: твоей настоящей профессией на сегодняшний день. Ты потрясающе неграмотна. Но ничего, мы это изменим. Завтра в девять.

— Да, сэр.

(Неграмотна? Ничего себе заявочки! Вот грубиян! Господи, но до чего же я рада была его видеть!)

Только вот... инвалидная коляска до смерти напугала меня...

ГЛАВА 22

«Пески Пахаро» — в прошлом фешенебельный курортный отель, который доживает свой век на окраине забытого богом городка Уотсонвилль. Ну то есть не то чтобы совсем забытого. Уотсонвилль — один из крупнейших в мире портов по экспорту нефти. Но как город... Ели когда-нибудь холодные оладьи без варенья? Значит, должны меня понять. Ближайшее местечко, где можно поразвлекаться — Кармел. Там есть казино и публичные дома, и это сравнительно недалеко — всего пятьдесят километров отсюда. Но я не играю ни в карты, ни в рулетку, да и секс на продажу меня не интересует — даже в тех экзотических видах, которые предлагает Калифорния. К слову сказать, мало кто из штаб-квартиры Босса мотался в Кармел: на лошадях далековато — разве что в выходные, прямой линии подземки туда не было, а служебной машиной Босс разрешал пользоваться исключительно по рабочим делам.

Но я не грустила. Здесь было так красиво! Море, солнце, песчаный берег... Я довольно быстро освоилась с катанием на приливной волне, стоя на доске. Поначалу я была

просто в восторге, а когда это мне прискучило, я стала просто плавать и загорать по несколько часов в день, лениво поглядывая на колоссальных размеров танкеры, жадно сосавшие нефть из береговых цистерн, и с удивлением отмечая, что на борту почти каждого из них отыскивался балбес, который глазел на меня в бинокль.

Вообще у всех нас не было причин для тоски и скуки — у каждого стоял в комнате персональный терминал. Избаловались нынче люди (и я — не исключение). Привыкнув пользоваться терминалом ради будничных мелочей — оплаты счетов, телефонных звонков, просмотра новостей, — можно запросто забыть о том, какой можно устроить себе праздник. Абонент, готовый оплачивать полную компьютерную программу, имеет возможность с помощью своего терминала получать все, что только захочет человек, встав с постели.

Музыка? Ради бога. Я могла заказать концерт, идущий в прямом эфире в этот вечер в Беркли, но с таким же успехом можно было посмотреть и послушать концерт, состоявшийся в Лондоне десять лет назад, хотя, скорее всего, дирижер, стоявший у пульта в тот вечер, уже умер. Электронам нет до этого ровным счетом никакого дела. Стоит любой информации попасть в память компьютера — и время умирает. Все сокровища ушедших времен будут брошены к вашим ногам — только клавишу нажмите.

Босс назначил мне курс компьютерного обучения, и у меня оказалось гораздо больше возможностей черпать информацию, чем у любого из студентов Оксфорда, Сорбонны и Гейдельберга во все времена.

Но ощущения, что я «хожу в школу», у меня поначалу не было. В первый день за завтраком мне было передано, что я должна явиться к главному библиотекарю. Профессор Перри — очаровательный старичок, я с ним познакомилась, когда проходила основной курс обучения. Выглядел он сейчас усталым и озабоченным — дело вполне понятное: ведь на его плечи легла доставка всей библиотеки Босса из Империи в Калифорнию. Видимо, он не спал много ночей подряд, пока все не встало на свои места. Босс всегда и во всем требовал порядка и вдобавок упорно пред-

почитал кассетам, микрофильмам и дискетам настоящие печатные книги в качестве основного фонда библиотеки.

Когда я явилась в библиотеку, профессор Перри был занят. Он рассеянно взглянул на меня и указал на столик с терминалом в углу.

— Присядьте здесь, мисс Фрайди, прошу вас.

— А что мне делать, профессор?

— А? Трудно сказать. Несомненно, нас введут в курс дела попозже. Я сейчас просто кошмарно занят — персонала не хватает. Почему бы вам пока не ознакомиться с оборудованием и не позаниматься... чем хотите?

Познакомиться с оборудованием? Да ничего такого особенного в оборудовании библиотеки не было, за исключением дополнительных кодов, набрав которые вы получали доступ к банкам данных Гарвардского и Вашингтонского университетов в Атлантическом Союзе (без необходимости связываться с сотрудниками и промежуточными компьютерами). Кроме того, была возможность пользоваться личной библиотекой Босса — ее массив располагался на стеллажах прямо рядом с моим столиком. Я могла даже читать его собственные старинные книги на экране своего терминала, переворачивая страницы нажатием соответствующей клавиши и не вытаскивая саму книгу из капсулы с азотом.

В это утро я решила поинтересоваться историей Виксберга — больше в голову ничего не приходило. Я внимательно просматривала библиотечный каталог Туланского университета — лучшей библиотеки в Республике Техас, — как вдруг совершенно неожиданно на экране пошла информация справочного характера о спектральных типах звезд. Я была немало обескуражена. Даже не знаю, почему это произошло.

Но делать было нечего, и я углубилась в историю эволюции звезд. Именно тогда, когда я уже начала кое-что понимать, профессор Перри предложил мне пойти на ленч. Я попросила его подождать меня пару минут и сделала в блокноте заметки относительно тех разделов математики, которые мне нужно было изучить. Астрофизика — увлека-

тельнейшая наука, но, чтобы понять ее, нужно научиться говорить на ее языке.

После ленча я предприняла еще одну попытку копнуть поглубже историю Виксберга и получила в качестве справочного материала... что бы вы думали? Старинный мюзикл под названием «Шоу на пароходе». Подобными «историческими справками» я наслаждалась целый день до самого вечера — старыми бродвейскими мюзиклами о золотых деньках, царивших до того, как Северо-Американская Федерация распалась на составные части. Похоже, людям в те времена жилось совсем неплохо. Мне-то уж точно было весело: я посмотрела и послушала, кроме «Шоу на пароходе», «Студента-принца», «Мою прекрасную леди» и отобрала еще дюжину оперетт на будущее. (И это называется «ходить в школу»?)

На следующий день я решила сразу после завтрака взяться за серьезное изучение профессиональных вопросов, в которых чувствовала себя не слишком уверенно. Раз уж, думала я, мои учителя составили для меня программу и я ее вот-вот получу, у меня явно не будет больше времени на обучение по собственному выбору: я отлично знала, что обучение в системе Босса может запросто составлять двадцать шесть часов в сутки. Но за завтраком Анна спросила меня:

— Фрайди, не могла бы ты рассказать мне о влиянии Луи Одиннадцатого на французскую лирику?

У меня кусок в горле застрял.

— Ты что, издеваешься? — спросила я, откашлявшись. — «Луи Одиннадцатый» для меня — название сорта сыра. А единственное французское стихотворение, которое я помню, это «Мадемуазель из Арментьера». Устраивает?

— А мне профессор Перри сказал, чтобы я тебя спросила.

— Он тебе голову морочит.

Старикан Перри недовольно глянул на меня поверх очков, когда я явилась в библиотеку.

— Прошу прощения, профессор. Это вы сказали Анне, чтобы она справилась у меня относительно влияния Луи Одиннадцатого на французскую лирику?

— Что? Да-да, конечно... Только, пожалуйста, если вас

не затруднит, не отвлекайте меня сейчас, прошу вас. Очень, понимаете, запутанный кусок программы...

Он опустил голову и углубился в изучение компьютерных распечаток, начисто забыв о моем существовании.

Не зная, на кого злиться, я села за столик и запросила у компьютера данные о Луи Одиннадцатом. О поэзии я не узнала ни черта — насколько я успела уловить, Король-Паук за всю жизнь не срифмовал даже «ton con» с «c'est bon»[1], да и особым меценатом не числился. Но зато я почерпнула массу сведений о политической обстановке в XV веке. Уйма жестокости. Дворцовые заварушки, убийственно напоминавшие ребячьи ссоры и драки, знакомые мне по приютским временам.

Остальное время до конца дня я потратила на изучение французской поэзии начиная с 1450 года. Местами очень недурно. Французский язык гораздо больше годится для лирики, чем английский. Бедный Эдгар По, представляю, сколько труда он вложил, чтобы добиться от английских диссонансов приличного звучания! Что касается немецкого — то я вообще удивляюсь, как немцы отваживались стихи сочинять. Некоторые переводы звучат гораздо лучше подлинников. Нет, это не вина Гете или Гейне — просто уж такой язык безобразный. А вот испанский, скажем, настолько красив и музыкален, что даже реклама стирального порошка звучит гораздо красивее любого английского стихотворения, написанного верлибром. Да, спору нет, красив испанский — настолько хорош, что гораздо лучше не понимать, о чем речь в стихотворении.

В общем, мне так и не удалось узнать, какое же, черт бы его подрал, влияние оказал Луи Одиннадцатый на французскую лирику.

А в одно прекрасное утро, явившись в библиотеку, я обнаружила, что мое место за столиком в углу занято. Главный библиотекарь, по обыкновению, был страшно занят.

— Да-да, у нас сегодня очень тесно. Гм-м-м... Мисс Фрайди, а почему бы вам не поработать за терминалом в своей комнате? У вас там на пульте есть точно такие же дополни-

[1]Тот плохой, этот хороший *(фр.)*.

тельные клавиши, а если у вас будет необходимость проконсультироваться со мной, это выйдет даже быстрее, чем здесь. Просто нажмите семерку — местный код, — а потом наберите свой собственный, и я дам главному компьютеру команду обслужить вас в первую очередь. Договорились?

— Отлично! — согласилась я. Мне очень нравилась атмосфера библиотечного зала — академическая и вместе с тем уютная, но зато у себя в комнате я могла спокойно раздеться без риска шокировать папашу Перри.

— Чем мне сегодня заняться посоветуете?

— Заняться? О господи, да чем угодно. Мне бы не хотелось беспокоить Босса.

Я пожала плечами и отправилась к себе, где продолжила изучение истории Франции со времен Луи Одиннадцатого. Я успела добраться до создания французских колоний в Атлантике, покопаться в вопросах тогдашней экономики, а потом информационный поиск вывел меня на Адама Смита. С него я перескочила на политические науки. Дело это непростое, но мне показалось, что Аристотель был парень очень даже ничего себе, а вот Платон, по-моему, страшный зануда и воображала. К собственному удивлению, я настолько увлеклась, что пропустила три вызова на обед. Третий вызов сопровождался предупреждением о том, что, если я немедленно не явлюсь в столовую, мне придется довольствоваться холодным ужином. А потом меня вызвала Голди собственной персоной и обещала оттаскать за волосы, если я сейчас же не приду обедать.

Босиком, на ходу застегивая комбинезон, я помчалась в столовую. Анна ехидно поинтересовалась, чем это я так занималась, что даже про еду позабыла.

Все знали, как я люблю поесть, — было чему удивиться. Анна, Голди и я — мы всегда ели вместе, когда с мужчинами, а когда одни. Население штаб-квартиры — это что-то вроде братства, шумная такая семейка. У меня тут было как минимум две дюжины приятелей — из тех, что спасали меня тогда, на ферме.

— Я просвещалась, — гордо сообщила я. — И теперь вы имеете счастье смотреть на крупнейшего мирового специалиста. Так-то.

— Специалиста в какой области? — поинтересовалась Голди.

— А в любой. Спрашивайте хоть сейчас. На провокационные вопросы могу ответить завтра.

— Ну-ка, ну-ка, посмотрим, — оживилась Анна. — Скажи-ка мне, сколько ангелов можно разместить на острие булавки.

— Проще пареной репы. Нужно сначала измерить площадь ангелов. Потом — площадь острия иголки. И поделить А на В. Школьная задачка.

— Получи пятерку, отличница проклятая. Ладно. А вот такой вопрос: как воспроизвести звук одной ладошки, когда хлопают в две?

— Еще проще. Включи магнитофон, соединенный с ближайшим терминалом. Хлопни одной ладонью и проиграй результат.

— Голди, давай теперь ты. Она, похоже, собаку съела на всех вопросах.

— Каково население Сан-Хосе?

— А вот это потруднее будет. Завтра скажу.

Вся эта петрушка тянулась больше месяца, пока я наконец не поняла, что кое-кто (Босс, конечно) на самом деле задался целью сделать из меня «Крупнейшего Мирового Специалиста».

Я, кстати сказать, набрела однажды в дебрях информационного поиска на одного «Крупнейшего Мирового Специалиста». Я уж и не помню, как это вышло, — похоже, я, как обычно, пыталась ответить на очередной дурацкий вопрос, которыми меня усиленно засыпали мои подружки и приятели. Если вас интересует, как искать «Крупнейших Мировых Специалистов», то делается это приблизительно вот так: нажмите клавишу «Поиск». Последовательно введите параметры — «культура Северной Америки», «английский язык», «середина двадцатого века», «комедиографы» и, наконец, «Крупнейший Мировой Специалист». Вы получите ответ: «Профессор Ирвин Кори». И познакомитесь с его потрясающим, неувядаемым юмором.

Словом, меня пичкали информацией, как страсбургскую гусыню орехами.

Но, несмотря ни на что, время было замечательное. Время от времени мне поступали предложения от моих дружков-приятелей разделить с кем-нибудь из них ложе. Не помню, чтобы я хоть раз отказалась. Рандеву обычно назначались во время послеобеденного пляжничанья. Планы на вечер вносили особую прелесть в процесс полеживания на солнышке. В штаб-квартире народец подобрался не то что воспитанный — все были галантны до мозга костей, и совершенно спокойно можно было ответить любому: «Прости, я уже договорилась с Теренсом. Может быть, завтра? Нет? О'кей, как-нибудь в другой раз» — и никто не обижался. Одним из недостатков в решении вопросов такого рода в моей бывшей семье было как раз то, что всякий раз решение носило какой-то протокольный характер — в тонкости протокола меня никто не посвящал, и все время в воздухе витала какая-то напряженность.

Идиотские вопросы продолжали поступать косяком. Как-то раз, когда я старательно изучала технологию изготовления керамики в эпоху Мин, поиск был прерван сообщением о том, что некто из персонала (узнать бы кто!) очень интересуется наличием взаимосвязи между мужскими бородами, женскими юбками и ценами на золото. К тому времени я уже перестала поражаться глупости вопросов — в окружении Босса возможно абсолютно все. Но этот все-таки поверг меня в состояние легкого шока. Почему, скажите на милость, тут вообще должна быть какая-то взаимосвязь? Лично меня мужские бороды вообще никогда не интересовали: колются они мерзко и крайне редко бывают чистыми. О женских юбках я знаю еще меньше: за всю жизнь я их надевала, дай бог, пару раз. Очень красиво, спору нет, выглядят костюмы с юбками, но для путешествий совершенно не годятся — носи я такие, уже бы как минимум трижды могла отправиться на тот свет. А когда вы дома, чем плоха собственная кожа? Ну пусть какой-нибудь минимальный костюм, который позволен местным этикетом.

Но, как я уже говорила, я успела научиться не игнори-

ровать поступающие вопросы, какими бы умопомрачительно дурацкими они ни казались на первый взгляд. Ответ на нынешний дался мне нелегко. Я выколачивала из компьютера колоссальные массивы информации, задействуя в процессе поиска самые невероятные ассоциативные цепочки. Затем я дала компьютеру команду поделить набранный массив информации на категории.

Будь я проклята, если мне не показалось, что какая-то взаимосвязь прослеживается!

Но данных было набрано так много, что вскоре пришлось упросить компьютер построить и вычертить график в трех измерениях. Выглядело это настолько шикарно и многообещающе, что я не удержалась и превратила все это в цветную голограмму. Балдеж! Но где была взаимосвязь — совершенно непонятно.

Весь остаток дня я провела, накладывая шкалы X, Y и Z друг на друга в самых разных комбинациях — увеличивала изображение, сжимала, разворачивала — искала второстепенные циклоидные взаимосвязи на фоне более явных и четких (если это были взаимосвязи, пропади они пропадом!)... и заметила невысокую двойную синусоиду, маленький такой горбик. Он появился при очередном развороте голограммы. Сама не знаю почему, я решила вычленить эту кривую.

Эврика! Изящно и просто, как ваза эпохи Мин. К обеду у меня уже было готово уравнение — всего лишь одна строчка, в которой были сведены все бесчисленные данные, выколоченные мной из терминала за пять дней изнурительной работы. Нажав соответствующую клавишу, я ввела это уравнение в память компьютера, добавив наименования функций. Никаких комментариев — мне хотелось, чтобы безымянный и безликий шутник отозвался на мое решение.

Ответ превзошел все мои ожидания — ВЗАИМОСВЯЗИ НЕТ.

Что бы вы сделали на моем месте? Знаю, запустили бы в терминал чем-нибудь потяжелее. А я продолжала работать, доказывая самой себе, что способна обрисовать комплексную картину для любого избранного года. С нескры-

ваемым отвращением глядя на образчики бородатой половины мужского населения и дамские ножки, прикрытые юбками разной длины и фасонов, я наводила справки о ценах на золото (повышались они или понижались) и сравнивала полученную картину с избранным мной отрезком графика. Совершенно неожиданно откуда ни возьмись появился еще один вопрос: состояние политической структуры общества — что с ней происходило? Распад или консолидация?

Терминал издал мелодичный звон. Ни лица тебе, ни голоса — только бегущая строка: «Для дальнейших операций необходим более глубокий анализ вероятности того, что эпидемии чумы в шестом, четырнадцатом и семнадцатом столетиях были результатом деятельности тайных обществ».

Ну знаете! У меня возникло странное ощущение: мне казалось, что я попала в комнату смеха, где меня заперли вместе с ее постоянными обитателями!

Так-так... Все-таки нужно взять себя в руки и попробовать разобраться. Вопрос был очень трудный, и мне предстояло долго пробыть одной. Это меня не огорчало: я уже успела, как к наркотику, привязаться к своему терминалу, связанному с главным компьютером, а тот, в свою очередь, — со всемирной информационной сетью. Ну прямо как малыш Джек Хорнер[1] со своим заветным пирожком в уголке.

Я приступила к поиску, вводя параметры, первыми приходившие на ум по ассоциации: Даниэль Дефо[2], Исаак Ньютон[3], «Вольные каменщики»[4], иллюминаты[5], розен-

---

[1]Малыш Джек Хорнер — персонаж английского детского стихотворения.

[2]Даниэль Дефо — великий английский писатель. На годы его раннего детства приходится крупнейшая эпидемия чумы в Англии. В 1721 г. вышел в свет роман Дефо «Записки чумного года».

[3]Исаак Ньютон — великий английский физик и математик. В 1665 году, когда Ньютон учился в Тринити-колледже, в Англии разразилась эпидемия чумы, и Ньютон был вынужден на три года уехать из Кембриджа в родную деревню Вульсторп.

[4]«Вольные каменщики» — франкмасоны, члены религиозно-этического общества, возникшего в XVIII в. в Англии.

[5]Иллюминаты — члены тайных религиозно-политических обществ в Европе во второй половине XVIII в.

крейцеры[1], Освальд[2], Перл-Харбор, грипп-испанка, борьба с чумой и др.

Через три дня перечень тем, связанных с вопросом, вырос раз в десять.

Через неделю я поняла, что на глубокое изучение составленного мной перечня уйдет вся моя жизнь без остатка. Но мне было велено решить задачу, решить как можно скорее, и я принялась за решение. Однако формулировку «как можно скорее» я поняла по-своему: решила, что буду дисциплинированно трудиться как минимум пятьдесят часов в неделю, но тогда, когда захочу, и так, как захочу, — то есть не пристегивая себя цепью к терминалу. Пока кто-нибудь не придет и не скажет, что я должна работать больше или по-другому.

Неделя шла за неделей. А я все работала и работала...

Однажды среди ночи меня разбудил резкий, пронзительный сигнал. Тревога?! Но я же совершенно точно отключила сигнал тревоги на терминале, когда ложилась спать! (Спала я, кстати, одна, а вот почему — не помню.) Я сонно пробормотала:

— Слушаю вас, слушаю... Только говорите что-нибудь хорошее, пожалуйста...

Экран был пуст. Голос Босса произнес:

— Фрайди, когда начнется новая крупная эпидемия чумы?

Я без запинки ответила:

— Через три года. Вспыхнет в Бомбее и сразу распространится по всей планете. За пределы Земли заболевание будет занесено с первым межпланетным рейсом.

— Спасибо. Спокойной ночи.

Я уронила голову на подушку и заснула как убитая.

Проснувшись, как обычно, в половине восьмого утра, я некоторое время не могла отделаться от впечатления, что

---

[1]Розенкрейцеры — члены тайного религиозно-мистического общества XVII — XVIII вв. в Германии, Голландии и некоторых других странах.

[2]Ли Харви Освальд — предполагаемый убийца Дж. Ф. Кеннеди. По одним данным — агент ЦРУ, по другим — КГБ.

ночью случилось нечто ужасное. Сон это был или нет? Когда я поняла, что действительно говорила с Боссом, по коже у меня побежали мурашки... Да, точно говорила и дала ему совершенно абсурдный ответ!

Так, Фрайди, успокойся, умойся холодной водичкой и... Я набрала код Босса.

— Говорит Фрайди, Босс. Я по поводу нашего ночного разговора. Похоже, я несколько сошла с ума.

— Пустяки. Зайди ко мне в десять пятнадцать.

У меня появилось сильнейшее искушение провести следующие пару часов, сидя в «лотосе» и предаваясь медитации, дабы привести в порядок начинавшие дымиться мозги. Но я пребываю в глубоком убеждении, что даже перед концом света нельзя отказывать себе в хорошем завтраке... и с радостью могу сообщить вам, что мои убеждения не подвели меня в то утро. Завтрак был восхитительный: свежие финики со взбитыми сливками, говяжьи отбивные в сухариках, яйца всмятку, английские бисквиты с апельсиновым джемом. Свежее молоко. Колумбийский горный кофе. Завтрак до такой степени поднял мое настроение, что еще час я провела у терминала, пытаясь отыскать наличие математической взаимосвязи между историей эпидемий чумы и той датой, что невесть откуда втемяшилась в мою одурманенную сном голову. Взаимосвязи я не нашла, но продолжала увлеченно вертеть полученную кривую в разных измерениях. Я бы крутила ее и дальше, но терминал, собака, вежливо предупредил меня, что через три минуты я должна отключиться.

Я была готова остричься наголо!

В кабинет Босса я вошла минута в минуту.

— Фрайди докладывает, сэр.

— Садись. А почему в Бомбее? Калькутта кажется мне более вероятным местом.

— Наверное, дело в климате, сэр. Блохи не выносят сухой, жаркой погоды. Восемьдесят пять процентов тела блохи — вода, и, если этот процент падает до шестидесяти, блоха погибает. Следовательно, в сухом, жарком климате эпидемия остановится. Но... Босс, это все такая чепуха! Вы разбудили меня посреди ночи, задали мне идиотский

вопрос, а я дала вам идиотский ответ. Я ведь даже проснуться толком не успела. Наверное, я говорила с вами во сне. А снился мне кошмар, Босс. Кошмар про «черную смерть». Ну точно, там была эпидемия чумы — во сне. Она началась в Бомбее, в 1896 году. Страшная была эпидемия...

— Ну не такая страшная, как ее гонконгское продолжение три года спустя. Фрайди, аналитический сектор оперативного отдела утверждает, что следующая эпидемия чумы начнется на год позже твоего прогноза. Но не в Бомбее. В Джакарте и Хошимине.

— Они ошибаются! — неожиданно резко прервала я его. — Понимаете, сэр, вы меня уж простите, но у меня такое впечатление, что мой ночной кошмар еще не закончился. Босс, сжальтесь, прошу вас. Неужели мне нельзя заняться чем-нибудь более эстетичным, что ли, чем блохи, крысы и «черная смерть»? Спать спокойно невозможно.

— Можно. Изучение чумы тобой закончено...

— Ура!

— ...по крайней мере, до той степени, до которой твои интеллектуальные способности и природная любознательность позволили тебе связать концы логической цепочки. Теперь этим займется оперативный отдел. Но работа их отныне будет основана на твоем прогнозе, а не на математическом анализе.

— Босс, я позволю себе еще раз напомнить вам: мой прогноз — ерунда на постном масле!

— Фрайди, а я позволю себе еще раз напомнить тебе, что твоя главная слабость заключается в том, что ты хронически себя недооцениваешь. Ну разве не глупо мы выглядели бы, доверься мы профессиональным аналитикам, а эпидемия возьми и разразись на целый год раньше, как ты предсказала? Начать на год раньше профилактические мероприятия — в этом нет ничего страшного.

— Мы что, будем пытаться остановить эпидемию?!

(Люди сражались с блохами и крысами на протяжении столетий. Пока выигрыш на стороне блох и крыс.)

— О господи, нет! Но, во-первых, я никогда не заключаю контракты, которые нам не по плечу. Этот как раз из таких. Во-вторых, такое просто не под силу нашей органи-

зации. А в-третьих — это уже чисто с человеческой точки зрения, — всякая попытка остановить процессы самоочистки перенаселенных городов — не милосердие, Фрайди. Чума — страшная смерть, но зато более быстрая. Голод — тоже страшная смерть, но зато более медленная. — Босс слегка усмехнулся и продолжил: — Наша организация ограничится тем, чтобы не дать pasteurella pestis покинуть пределы Земли. Как мы этого добьемся? Отвечай быстро.

— Мы их взорвем! — выпалила я без запинки.

— Космические колонии? Не слишком ли жестоко?

— Нет, не колонии. Блох. В двадцатом веке, во времена мировых войн, кто-то открыл, что блох и вшей можно уничтожать, поднимая их на большую высоту. Они при этом взрываются. Насколько я помню, поднимать их надо на пять километров, но можно провести эксперименты и проверить. Я подумала об этом потому, что станция космической канатки — мой обожаемый «бобовый стебелек» на горе Кения — находится выше критической высоты, а сейчас практически весь межпланетный транспорт летает через станции канатки. Есть еще классические методы — нагревание и высушивание — тоже срабатывают, но не так быстро. Но главное, Босс, — это абсолютно никаких исключений. Хватит одного-единственного случая типа дипломатической неприкосновенности. Проскочит одна особо важная персона без обследования — и пиши пропало. Одна блохастая собака или морская свинка, одна клетка с лабораторными мышами. Если чума примет легочную форму, Эль-Пятый вымрет за неделю. И Луна-Сити.

— Если для тебя не найдется другой работы, я назначу тебя ответственной за этот проект. Как насчет крыс?

— Босс, не надо мне такой работы, прошу вас. Я от самой этой темы с ума схожу. Крысы? Что крысы? Крысу убить в принципе несложно. Засунуть в мешок. Стукнуть чем-нибудь. Выстрелить для верности. Кинуть в воду или сжечь мешок с убитой крысой. Но пока вы этим занимаетесь, подружка убитого самца успеет произвести на свет еще дюжину. Босс, так было всегда. Мы никогда не могли их победить. Если остановиться хоть на секунду, их стано-

вится все больше и больше. И вообще, они кажутся мне чем-то вроде запасной команды, — грустно добавила я.

— Поясни.

— Ну, то есть, если хомо сапиенс сами не перебьют друг друга, за них это сделают крысы, а потом займут их место.

— Чушь. Сентиментальная чепуха. Фрайди, ты явно переоцениваешь желание людей погибнуть. У нас было полным-полно средств для самоубийства целых народов и поколений. Эти средства существуют и теперь, и они побывали во многих руках. Но этого не произошло. Во-вторых, чтобы заменить нас, крысы должны вырасти до невероятных размеров, у них должна развиться черепная коробка, они должны научиться ходить на двух ногах, передние лапы должны превратиться в умелые руки. Не буду уже говорить о коре головного мозга. Чтобы заменить человека, любому существу надо им стать. Чушь. Забудь об этом. Прежде чем покончить с темой чумы, скажи мне, к каким выводам ты пришла относительно деятельности тайных обществ?

— Босс, тема, мягко говоря, глупая. Вы выделили для изучения шестое, четырнадцатое и семнадцатое столетия. Это означает торговые караваны, торговые же корабли и полное отсутствие знаний в области бактериологии. Ну, был там один безумец — доктор Фу Манчу, если не ошибаюсь. Жил отшельником и пытался вырастить миллионы крыс. То, что крысы инфицированы блохами, а те, в свою очередь, бациллами — это ясно даже без солидной теории. Но вот как он смог бы нанести удар по избранному городу? На корабле? Через несколько дней весь его миллион крыс подохнет вместе с командой корабля. Чем дальше страна, на которую собрались бы нападать таким образом, тем меньше вероятность это осуществить. Босс, кто выдумал весь этот идиотизм?

— Я.

— Я все время чувствовала, что без вас тут не обошлось.

— Ну что ж, зато ты изучила этот вопрос гораздо глубже и шире, чем если бы тебе был предложен другой подход. Есть возражения?

— Ну... честно говоря, у меня гораздо больше времени ушло на изучение политик тех времен, чем самой болезни. То есть мне так кажется.

— Тебе не кажется. Ты знаешь это.

— Ладно. Пусть так. Понимаете, Босс, нет на свете такого зверя, как документированная конспирация. Нет, порой она бывает ох как хорошо документирована, но один документ в корне противоречит другому. Если конспирация имела место хоть какое-нибудь время назад, доискаться правды очень трудно. Вы когда-нибудь слыхали про человека по имени Джон Фитцджеральд Кеннеди?

— Да. Глава государства в середине двадцатого века — федерации, которая тогда занимала пространство от Канады — Британской Канады и Квебека — до Мексиканского Королевства. На него было совершено покушение.

— Да, он самый. Он был убит в присутствии сотен свидетелей, и все моменты покушения — до, во время и после — были самым тщательным образом документированы. Но из всей этой кучи свидетельств вывод единственный: никто до сих пор не знает, кто стрелял в него, сколько было стрелявших, сколько раз в него стреляли, зачем это было сделано и кто там занимался конспирацией, если таковая вообще была. Невозможно даже с уверенностью сказать, был ли план убийства, так сказать, доморощенным или же заграничным. А если, Босс, нет никакой возможности разобраться в факте, который имел место сравнительно недавно, то как же можно судить о том, что происходило во время Юлия Цезаря? Все, что можно сказать с определенностью, так это то, что люди, забравшиеся наверх, сочиняют учебники по истории, а учебники истории не более правдивы, чем автобиографии.

— Вот автобиографии, Фрайди, как раз чаще всего правдивы.

— Ха! Босс, вы ничего сегодня не курили... такого?

— Ну хватит. Скажем так: автобиографии не правдивы, но честны.

— Ну, значит, это я неправильно выразилась.

— Подумай об этом, Фрайди. У меня больше нет сегодня времени на беседу с тобой. Ты много болтаешь и все

время уходишь от темы. Придержи язык немного и послушай меня. Теперь ты зачислена в постоянный штат. Ты становишься старше. Реакции твои, что вполне естественно, становятся все более замедленными. Я не стану больше рисковать тобой, отправляя тебя на полевые задания.

— Я вообще-то не жалуюсь.

— Помолчи. Но тебе не следует увлекаться сидячей работой. Не проводи так много времени у терминала, уделяй больше времени физическим упражнениям. Настанет день — и твоя физическая подготовка еще спасет тебе жизнь. Возможно, не только тебе. Пока постарайся привыкнуть к мысли, что в один прекрасный день тебе придется начать самостоятельное существование, без всякой помощи. Ты должна будешь покинуть эту планету — с ней тебя ничто не связывает. Балканизация Северной Америки покончила с единственным шансом предотвратить распад цивилизации Возрождения. Следовательно, ты должна задуматься о возможностях такой цивилизации за пределами Земли. Может быть — даже за пределами Солнечной системы. На планетах от совершенно примитивных до хорошо развитых. Исследуй для каждой стоимость и преимущества миграции туда. Тебе потребуются деньги. Хочешь, чтобы мои агенты добыли для тебя те деньги, которых тебя лишили в Новой Зеландии?

— Откуда вы знаете, что меня там чего-то лишили?

— Ну-ну... Мы не дети.

— Гм-м-м. Можно я подумаю?

— Подумай. Что касается твоего будущего переезда... я бы не советовал тебе выбирать планету Олимпия. Больше никаких особых советов давать не буду. Когда я был помоложе, я думал, что смогу изменить мир. Теперь я так не думаю. Но есть причины, скорее эмоциональные, чем какие-нибудь другие, по которым я обязан продолжать бороться — путем осуществления тактики сдерживания. Но ты молода и эмоционально привязана к этой планете и этой части человечества не так уж сильно. Я не стал бы с тобой так разговаривать, пока ты не выкинула из головы эту сентиментальную историю с Новой Зеландией.

— Это не я ее выкинула, это меня оттуда выкинули пинком под зад!

— Итак. Пока будешь решать, не поленись, прочитай притчу Бенджамина Франклина про свисток, а потом скажешь мне — а впрочем, мне не надо, самой себе: дорого ли ты заплатила, чтобы дунуть в свой свисток. Хватит об этом. Тебе два задания: во-первых, изучить деятельность комплекса «Шипстоун», включая все его связи за пределами собственного комплекса. Во-вторых, когда мы встретимся в следующий раз, ты должна сообщить мне о том, каковы, на твой взгляд, признаки упадка цивилизации.

Босс устремил взгляд на экран терминала. Я встала. Но прежде чем уйти, мне хотелось еще кое о чем спросить у него.

— Больше никаких обязанностей, Босс? Опять этот треклятый свободный поиск, который ни к чему не приводит?

— Приводит кое-куда, не сомневайся. Да, у тебя есть обязанности. Во-первых, учиться. Во-вторых, быть готовой, что тебя остановят в коридоре или разбудят среди ночи и зададут очередной идиотский вопрос!

— И все?

— А ты чего бы хотела? Ангелов, трубящих в фанфары?

— Ну... хотя бы узнать, какая у меня должность. Кто я есть? Раньше я была курьером. А теперь кто? Шут придворный?

— Фрайди, у тебя начали развиваться бюрократические замашки. Должность! Скажите на милость! Ладно. Ты — штатный интуитивный аналитик, подчиненный исключительно мне. Твоя должность имеет одно важное ограничение: тебе строго-настрого запрещается обсуждать что-либо более серьезное, чем карточная игра, с любым из сотрудников аналитического отдела. Спи с ними, если хочешь, — мне известно, что дважды такое бывало, — но ограничивай разговоры самой тривиальной чепухой.

— Босс, по-моему, вы слишком много времени проводите у меня под кроватью!

— Ровно столько, сколько необходимо для обеспечения безопасности организации. Фрайди, уж тебе-то не надо

объяснять, что на сегодняшний день отсутствие «жучков» может означать только одно: они слишком хорошо спрятаны. Будь уверена, я не страдаю избытком порядочности там, где речь идет о безопасности организации.

— Избытком? Да вы просто хам! Ладно, Босс, ответьте мне еще на один вопрос: кто стоит за «Красным четвергом»? Третья волна, похоже, схлынула. Будет ли четвертая? И вообще, что все это значит?

— Изучи эту проблему сама. Если я скажу тебе об этом, нельзя будет утверждать, что это твое достижение. Самым тщательным образом изучи, и однажды ночью, когда ты будешь спать одна, я спрошу у тебя об этом. Ответишь — и узнаешь.

— О боже! И вы всегда знаете, когда я сплю одна?

— Всегда. Ты свободна, — холодно закончил он, повернувшись к терминалу.

ГЛАВА 23

В дверях «святая святых» я нос к носу столкнулась с Голди. Настроение у меня было настолько паршивое, что я только кивнула ей. Голди тут была ни при чем, конечно. Это все Босс! У-у-у, надменный старый сноб! Придя к себе, я сразу принялась за работу, чтобы поскорее сбросить раздражение.

Для начала я запросила названия и адреса всех корпораций, входящих в комплекс «Шипстоун». Пока принтер, мягко жужжа, делал распечатку, я запросила историю создания комплекса. Компьютер вежливо сообщил, что таких историй существует две: первая — официальная версия, дополненная биографией Даниэля Шипстоуна, и вторая — неофициальная, с подзаголовком «апокриф». Компьютер предложил мне еще массу других источников.

Дав компьютеру команду распечатать на принтере две основные книжки и сделать обзор остальных источников объемом не более четырех тысяч слов, я принялась за изучение списка корпораций.

«Усадьба Даниэля Шипстоуна, Инк.»

Мемориальные научно-исследовательские лаборатории Мюриэль Шипстоун

«Шипстоун Темп»[1]

«Шипстоун Гоби»

«Шипстоун Сахара»

«Шипстоун Долина смерти»

«Шипстоун Квинсленд»

«Шипстоун Эль-Четвертый»

«Шипстоун Эль-Пятый»

«Шипстоун стационарная станция»

«Шипстоун Тихо»

«Шипстоун Марс»

«Сирс-Монтгомери, Инк.»

Фонд «Прометей»

Холдинг-компания «Кока-кола»

«Всемирная транспортная компания»

«Джек и «Бобовый стебель» — частная фирма, владеющая космической канатной дорогой

«Морган ассошиэйтс»

«Корпорация по освоению новых планетных систем»

Школа Билли Шипстоуна для детей-инвалидов

Национальный природный резерват «Волчий ручей»

Национальный парк «Аньо нуэво»

Музей изобразительных искусств и школа живописи «Шипстоун»

Я просматривала список не без удивления. То есть я понимала, что комплекс «Шипстоун» должен быть очень велик — у кого сейчас нет в ближайшем окружении как минимум дюжины «Шипстоунов» прямо под рукой, не считая здоровенного, который установлен в подвале или под фундаментом? Теперь мне казалось, что на изучение этого монстра уйдет вся моя жизнь. Неужели мне больше потратить ее не на что?

Я уже была близка к концу списка, когда появилась Голди и заявила, что мне уже пора надевать респиратор — от компьютера, того гляди, дым пойдет.

---

[1] Темп — город на северо-западе Испании.

— А мне велено проследить, — добавила она, — чтобы ты не проводила у терминала больше восьми часов в день и чтобы раз в неделю у тебя был полный выходной день.

— Вот как? Какая трогательная забота! Старый тиран, будь он проклят!

Мы отправились в столовую.

— Фрайди...

— Да, Голди?

— Тебе, конечно, кажется, что хозяин груб и с ним трудно работать порой?

— Маленькая поправочка. С ним трудно всегда.

— М-м-м... Да, но... Ты, наверное, не знаешь, как он мучается. Он уже даже лекарства перестал принимать — такие боли, что все бесполезно.

Я проглотила и пережевала эту новость.

— А что с ним, Голди?

— В общем, ничего такого, кроме инвалидности. Я бы сказала, что для своих лет он в неплохом состоянии.

— А сколько ему лет?

— Точно не знаю. Думаю, не больше ста. А может, и больше.

— О нет! Голди, когда я поступила к нему на работу, ему было никак не больше семидесяти. Он и тогда ходил на костылях, но был такой бодрый. Он и на костылях ходил быстро.

— Ну... в общем, это все неважно. Но ты должна помнить, что ему очень плохо и больно. Если он бывает груб к тебе, это все от боли. Он тебя очень высоко ценит, не забывай.

— С чего это ты взяла?

— А? Да так... В общем, хватит об этом. Я и так слишком много наболтала о своем пациенте. Давай-ка лучше поедим.

Приступив к изучению комплекса корпораций «Шипстоун», я вовсе не имела намерений углубляться в изучение самих «Шипстоунов». Чтобы это себе позволить, нужно было снова пойти в школу, потом в университет, получить степень доктора физики, пройти дополнительные курсы по физике твердого тела и плазмы, получить работу

в одной из компаний «Шипстоун» и настолько вызвать к своей персоне доверие и уважение, что тебя в конце концов допустили бы к святая святых: производству и контролю за качеством.

На такой подход к изучению проблемы ушло бы никак не меньше двадцати лет. У меня было сильное подозрение, что Босс не этого от меня хотел.

«Ну что ж, — решила я, — почитаем, что там написано в официальной, то бишь пропагандистской, версии».

«ПРОМЕТЕЙ» — краткая биография и описание выдающихся открытий Даниэля Томаса Шипстоуна — бакалавра наук, магистра искусств, доктора физики и т. д. и т. п.

«...таким образом, юный Даниэль Шипстоун довольно быстро понял, что проблема состоит не в нехватке энергии, а в ее транспортировке. Энергия существует повсюду — в солнечном свете, в ветре, в горных потоках, в различии температурных градиентов, в угле, нефти, в радиоактивных рудах, в зеленых растениях. Совершенно неисчерпаемые запасы энергии скрыты в океанских глубинах и в открытом космосе.

Разглагольствующие о «нехватке энергии» или о ее «сохранении» просто не понимают сути проблемы. Манна падает с небес — достаточно всего-навсего взять в руки корзинку и ловить ее.

С помощью и при поддержке своей преданной супруги Мюриэль (урожденной Гринтри), взявшей на себя все заботы по ведению домашнего хозяйства, молодой Шипстоун получил возможность уволиться из «Дженерал атомикс», став в итоге одним из самых легендарных героев Америки, самым выдающимся изобретателем. Через семь лет изнурительного, упорного труда он произвел на свет свое гениальное детище — первый «Шипстоун», собранный вручную. Он обнаружил...»

А обнаружил он способ, как можно упаковать самое большое количество киловатт-часов энергии в самое маленькое пространство — такое не удавалось до сих пор ни одному инженеру. Никто даже не смел мечтать о таком. Назвать это устройство «усовершенствованным аккумулятором» (как его и пытались именовать в некоторых ранних

публикациях) — это все равно что назвать водородную бомбу «усовершенствованной зажигалкой». Он добился того, что была на корню разрушена одна из крупнейших отраслей промышленности (не говоря уже о всеобщих убеждениях) в западном мире.

Что произошло потом, я решила узнать из «апокрифической» версии и других независимых источников — в истории официальной уж больно все было сладенько и гладенько. Итак, в «апокрифической» версии, которая была написана живым, литературным языком, излагался, к примеру, диалог, якобы имевший место между супругами Шипстоун:

« — Денни, милый, неужели ты собираешься патентовать эту игрушку? Что это тебе даст? Максимум лет семнадцать приличного существования, а в трех четвертях мира — и вообще ничего не даст. Если ты запатентуешь это устройство или даже только попытаешься сделать это, и «Эдисон», и «Бюро патентов», и Министерство стандартов — все они свяжут тебя по рукам и ногам обязательствами и законами, чтобы потом обвинить тебя же в их нарушении. Ты же сам сказал, что если поставить одну из этих штучек в лаборатории, где работают ведущие сотрудники «Дженерал атомикс», то лучшее, чего они смогут добиться, это расплавить прибор, а худшее — взлететь вместе с ним и лабораторией на воздух. Ты так сказал? Ты действительно так думаешь?

— Конечно. Если только они не узнают, каким образом я...

— Ш-ш-ш... Я этого знать не хочу. А у стен есть уши. Давай-ка не будем делать никаких опрометчивых заявлений и просто начнем производство. Там, где сейчас энергия самая дешевая. Где это?»

Автор апокрифа честно указывал на «жестокую, бессердечную монополию», установленную комплексом «Шипстоун» на средства первой необходимости «для средних людей». Я на это так не смотрела. Все, что, по моему мнению, сделали Шипстоун и его компания, — это то, что обратили в дешевое и многочисленное то, что раньше было редким и дорогим. И это «жестоко» и «бессердечно»?

У компании «Шипстоун» нет монополии на энергию. Они не владеют ни углем, ни нефтью, ни ураном, ни водной стихией. Они арендуют многие, многие гектары пустынных земель... но пустынных земель на свете гораздо больше, чем их занято корпорациями. Что касается космоса, то невозможно рассчитать даже, каков хотя бы один процент энергии солнечного света, пропадающего почем зря внутри орбиты Луны. Нет, вы попробуйте, позанимайтесь арифметикой, а то просто не поверите.

Ну так и в чем же состоит их преступление?

Пункт первый: компании комплекса «Шипстоун» снабжают человечество энергией по более низким ценам, чем их конкуренты.

Пункт второй: они отказываются раскрыть производственный секрет конечной стадии сборки «Шипстоуна».

Последнее, без сомнения, в глазах большинства обывателей выглядит уголовным преступлением. Мой терминал продемонстрировал мне заголовки массы газетных и журнальных статей типа: «Люди имеют право знать» и «Бесчинства монополий-гигантов», и прочие образчики праведного гнева.

Комплекс «Шипстоун» — действительно монопольный гигант, нет возражений, потому что они дают дешевую энергию миллиардам людей, в ней нуждающихся, и людей таких с каждым годом становится все больше. Но это не монополия в прямом смысле слова: они не владеют никакими ресурсами, а всего-навсего упаковывают свои конструкции и рассылают их по всему земному шару и за его пределы. Эти миллиарды потребителей могли бы совершенно запросто обанкротить комплекс «Шипстоун» за одни сутки, если бы им взбрело в голову вернуться к традиционным видам добычи энергии: сжиганию угля, дров, нефти, газа, урана, передаче энергии на огромные расстояния по километрам медной и алюминиевой проволоки, к перевозке на огромные расстояния длиннющих составов из вагонов угля или цистерн с нефтью.

Но, судя по тому, что сообщал мне мой терминал, особых охотников вернуться в те времена, когда поверхность Земли была изуродована шахтами, буровыми вышками и

терриконами, как-то не отмечалось. Мало кто желал бы вновь очутиться в атмосфере, наполненной газами, копотью и канцерогенами, в объятиях страшного призрака ядерной угрозы, возвратиться во времена, когда абсолютно вся энергия была дорога и редка. Нет, в прошлое возвращаться не хотел никто: даже самые ярые радикалы и пасквилянты нуждаются в удобной и дешевой форме обеспечения энергией. Но они почему-то страстно желают, чтобы компании «Шипстоун» исчезли с лица Земли и были стерты из человеческой памяти.

«Люди имеют право знать». Люди имеют право знать — что? Даниэль Шипстоун первым в мире, вооружившись энциклопедическими познаниями в физике и математике, заточил себя на семь лет в подвале собственного дома и в конце концов открыл прикладной аспект закона природы, что привело его к созданию «Шипстоуна».

Каждый может попытаться сделать то, что сделал он. Законы природы доступны всем одинаково, включая искусанных блохами неандертальцев, что собирались в кучку у огня и грелись, спасаясь от пронизывающего ветра. Эта газетная шумиха насчет «права людей знать» сильно напоминала «право» каждого быть концертирующим пианистом и не тратить время на разыгрывание гамм.

Но я не страдаю предрассудками, я не человек, и у меня никогда не было никаких прав.

Независимо от того, какую версию вы лично предпочтете, основные факты из жизни Даниэля Шипстоуна и истории комплекса совпадают. Настоящее удивление я испытала, когда начала копаться в вопросах владения, управления и менеджмента.

Собственно, первый намек я получила, когда читала самую первую распечатку — перечень компаний, входящих в комплекс «Шипстоун». Многие из них даже слова «Шипстоун» в своих названиях не имели! Остановившись в жаркий день хлебнуть кока-колы, вы, оказывается, имеете дело с комплексом «Шипстоун». Вот это новость!

Ян сказал мне, что «Всемирная транспортная» отдала приказ о разрушении Акапулько: это что же должно озна-

чать, что ответственные лица из «Усадьбы Даниэля Шипстоуна» отдали приказ отправить на тот свет четверть миллиона невинных людей? И неужели эти же самые люди спонсируют лучший в мире интернат для детей-инвалидов? А «Сирс-Монтгомери»? Елки зеленые, да у меня самой есть несколько акций этой компании! Что же, значит, в разрушении Акапулько есть доля и моей вины? Я дала машине команду выдать распечатку взаимосвязей директората комплекса «Шипстоун», после чего попросила указать, кто из руководства «Шипстоуна» возглавлял другие компании. Результат вышел настолько потрясающий, что я попросила компьютер выдать мне перечень владельцев основного процента акций комплекса «Шипстоун», имеющих более одного процента акций, вложенных в другие компании.

Следующие три дня я занималась этим перечнем, вертя его так и этак, пытаясь отыскать наилучший способ анализа огромнейшего массива данных, полученных в ответ на два моих запроса.

Наконец я записала собственные выводы:

а) комплекс «Шипстоун» — одна компания, хотя выглядит, как двадцать восемь отдельных организаций;

б) директора и/или держатели пакетов акций корпораций, входящих в комплекс «Шипстоун», владеют всей наиважнейшей индустрией или так или иначе контролируют ее во всех главных территориальных государствах Солнечной системы;

в) «Шипстоун» является потенциальным правительством планетарного (а может, и системного) масштаба. Полученные данные не позволяли мне с уверенностью заявить, осуществлял ли комплекс «Шипстоун» какую-либо деятельность в рамках своих потенций на практике — контролирующие функции могли быть прерогативой корпораций, фактически в комплекс «Шипстоун» не входящих;

г) это напугало меня не на шутку.

Кое-какие факты, отмеченные мной в связи с деятельностью одной из компаний, входящих в комплекс «Шипстоун», а именно «Морган ассошиэйтс», вызвали у меня

мысль копнуть их связи с банками и кредитными компаниями. Я была не то чтобы удивлена — скорее, огорчена тем, что та компания, что обеспечивала мой кредит — калифорнийский филиал «Мастер Чардж», — фактически была той же компанией, что Церерско-Южноафриканский акцептный банк, той самой, что платила по моим счетам. Точно таким же образом дублировались остальные кредитные компании, будь то «Кленовый лист», «Виза», «Квебек кредит» и пр. В принципе, это была не новость для меня: теоретики фискалы болтали об этом напропалую, сколько я себя помню. Но когда я увидела это воочию, то испытала сильный шок.

Импульсивно, совершенно неожиданно я спросила у компьютера: «Кто твой владелец?»

Ответ был: НУЛЕВАЯ ПРОГРАММА.

Я перефразировала вопрос, попытавшись сформулировать его самым тщательным образом на компьютерном языке. К слову сказать, компьютер в лице моего многострадального терминала был исключительно снисходительной и вежливой машиной и обычно не возражал против вопросов, заданных на неформальном языке. Но все-таки существуют пределы, до которых машина способна понимать вербальный язык. Нужна высокая семантическая точность.

И снова: НУЛЕВАЯ ПРОГРАММА.

Мне не хотелось отказываться от своего замысла, но я решила попробовать перехитрить компьютер. Я задала следующий вопрос, делая шаги запроса точно в соответствии с языком данного компьютера, его грамматикой и семантикой: «Кто является владельцем информационной сети, имеющей терминалы на территории Британской Канады?»

Ответ загорелся на экране, мигнул несколько раз — кстати, без моей помощи: ТАКИХ ДАННЫХ В ПАМЯТИ НЕТ.

Это испугало меня. Я решила больше в этот день не работать и отправилась на пляж. Не ожидая, пока меня попросят, я сама нашла, с кем провести ночь. Не то чтобы меня одолевали желания — мне было просто жутко страшно и одиноко и хотелось, чтобы со мной рядом было жи-

вое, теплое тело, которое заслонило бы меня от умной и холодной машины, которая не желала признаваться, кто и что она на самом деле такое.

На следующее утро за завтраком мне передали, что Босс хочет видеть меня в десять тридцать. Я явилась для доклада, чувствуя себя не слишком уверенно. У меня не хватило времени дать точный ответ на те вопросы, что поставил передо мной Босс.

Но первым делом он вручил мне конверт — самый что ни на есть старомодный конверт, посланный обычной почтой.

Письмо я узнала: я сама отправляла его. Письмо Жанет и Яну. Но странно было видеть его в руках Босса: обратный адрес был вымышленный. Разглядев пометки на конверте, я заметила, что письмо было переправлено на адрес той самой юридической фирмы, через которую я должна была, по наводке с Луны, осуществлять контакт с Боссом.

— Можешь отдать письмо мне, — предложил Босс, — и я переправлю его капитану Торми... когда узнаю, где он.

— О, когда я узнаю, где Торми, я напишу им совсем другое письмо. Это довольно-таки дурацкое.

— Исключительно.

— Вы его читали?!

(Черт бы вас побрал, Босс!)

— Я читал всю корреспонденцию, поступавшую на имя капитана и миссис Торми и доктора Перро. По их личной просьбе.

— Ясно. (Ну почему от меня всегда все скрывают?) Ну, знаете, писала как могла. Вымышленным именем подписалась и всякое такое — боялась, что виннипегская полиция распечатает конверт.

— Нет никаких сомнений, они его распечатывали. Похоже, ты все сделала правильно. Сожалею, я не успел предупредить тебя, что вся почта, поступающая в дом Торми, должна пересылаться мне. Не уверен, правда, что пересылается все. Фрайди, я не знаю, где Торми. У меня есть единственный способ контакта, но им я могу воспользоваться только один раз. Применить его я хочу тогда, когда

полиция откажется от всех обвинений в их адрес. Я ожидал, что это произойдет еще несколько недель назад. Но этого не произошло. Из этого я делаю вывод, что виннипегская полиция честно и откровенно пытается повесить обвинение в исчезновении лейтенанта Дики на супругов Торми, сформулировав все это как преднамеренное убийство. Извини, но я еще раз спрошу тебя: тело может быть найдено?

Я крепко задумалась, пытаясь представить самое худшее.

— Босс, полицейские были в доме?

— Конечно. Они обшарили дом на следующий же день после отъезда хозяев.

— Значит, утром того дня, как я попала сюда, они еще не нашли труп. Если бы они нашли его с тех пор, вы бы знали об этом?

— Возможно. Мое проникновение в штат полицейского управления далеко от совершенства, но я хорошо плачу за самую свежую информацию.

— Может быть, вы знаете, что случилось с животными? Там было четыре лошади, кошка и пятеро котят, свинья и, может быть, еще какие-то звери.

— Фрайди, что тебе подсказывает твоя интуиция?

— Понимаете, Босс, я не знаю наверняка, как спрятано тело. Но дело в том, что Жанет — миссис Торми — опытный архитектор, специалист в области аварийной защиты зданий. То, как она поступила с животными, могло бы подсказать мне, есть ли хоть маленькая вероятность обнаружения трупа.

Босс недовольно пожал плечами:

— Это мы обсудим позднее. Каковы признаки упадка цивилизации?

— Босс, ради бога! — взмолилась я. — Я еще с «Шипстоуном» не закончила!

— Тебе никогда не изучить его досконально. Я же специально дал тебе сразу два задания, чтобы ты время от времени могла переключаться, менять тему поиска. И не вздумай говорить, что ты вообще не притрагивалась ко второй теме. Ты думала об этом?

— Да вот разве что только думала. Немного почитала Гиббона, копнула из истории Французской революции. Ну еще Смита пролистала — «От Йелу до Прециписа».

— Весьма поверхностный подход. Почитай еще Пенна «Последние дни сладкой Страны свободы».

— Хорошо, сэр. Мне стали приходить в голову кое-какие мысли. Мне кажется, я уловила один признак: очень плохо, когда люди перестают отождествлять себя со своей страной и начинают отождествлять с разными группировками. Расовыми. Религиозными. Языковыми. Какими угодно, если это — не все население страны.

— Да. Партикуляризм. Очень плохой признак. Когда-то считался исключительно принадлежностью Испании, но заболеть этим может любая страна.

— Насчет Испании ничего определенного сказать не могу. Еще одним из симптомов болезни мне кажется преимущество мужчин перед женщинами. Наверное, не исключен и обратный вариант, но я пока в истории такого не встретила. Почему бы это, Босс?

— Отвечаешь сегодня ты.

— Ну еще, насколько я слышала, прежде чем начинаются революции, люди утрачивают веру в полицию и суды.

— Элементарно. Дальше.

— Ну... имеют значение также высокие цены, инфляция и отношение объема производства к платежеспособности населения. Но это старо как мир: всякому понятно, что страна в кризисе, если приход и расход выходят из равновесия, а неравновесие удерживается, хотя предпринимаются бесконечные попытки добиться его с помощью всяческих мер законодательного характера. Но я решила попробовать поискать не самые заметные, маленькие признаки, вроде «сезонных» симптомов. Ну, например, вы знаете, что здесь считается противозаконным ходить голым по улице? И даже дома, если вас увидит кто-то посторонний?

— Странное наблюдение. Что в этом ты усматриваешь значительного?

— Ну понимаете, это настолько же трудно осуществить, как и отменить закон. Вообще Конфедерация просто-таки

наводнена подобными законами. А из-за того, что у них полно плохо контролируемых законов, и остальные законы начинают выглядеть неубедительно. Ну вот, известно вам, Босс, к примеру, что в Калифорнийской Конфедерации спонсируют проституток?

— Заметил. Но каким образом? И для каких целей? Для работы в войсках? В тюрьмах? Честно говоря, я не в курсе.

— О, вовсе не для этого! Правительство платит им за то, чтобы они сидели, извиняюсь за выражение, скрестив ноги. Их пытаются полностью убрать с рынка. Они получают подготовку, лицензию, их обследуют медики, а потом они становятся безработными. Но только не выходит у них ни черта. Эти «свободные художницы» получают свое пособие и спокойно занимаются своим делом — в то время как предполагается, что они не будут этого делать даже для своего собственного удовольствия: это, видите ли, вносит сумятицу в рынок, на поприще которого трудятся несубсидируемые проститутки. Так что теперь те самые юристы, которые с пеной у рта орали и пробивали закон о субсидировании проституток в масштабе всей страны, упорно трудятся над разработкой нового проекта — об избирательном субсидировании. Но это тоже не пройдет.

— И почему же не пройдет, Фрайди?

— Нет такого закона, который позволил бы сдержать прилив. Ну, вы же знаете, это говорил еще Король-Паук.

— Мне хотелось это услышать от тебя.

— Ну, в общем-то, это меня потрясло. Я еще кое-что заметила. В Калифорнийской Конфедерации считается противозаконным отказывать кому-либо в кредите на основании того, что этот «кто-то» обанкротился. Кредит тут — гражданское право.

— Скорее всего, тоже неработающий закон. Что еще?

— Ну... не знаю, стоит ли перечислять такие очевидные вещи, как насилие, шантаж, слежка, подрывы, поджоги, терроризм всех видов и мастей. Восстания, конечно, но мне почему-то кажется, что маленькие случаи насилия и жестокости, которые поджидают людей буквально на каждом углу, наносят цивилизации больше вреда, чем восстания и революции, которые быстро вспыхивают и так же быстро

гаснут. Ну вот. Думаю, пока это все, что я могу сказать. Хотя... еще: насильственный призыв в армию, рабство, заключение в тюрьму без предъявления обвинения, без суда и следствия — но это такие очевидные вещи, ими просто пестрит вся история.

— Фрайди, ты, видимо, упустила из виду самый тревожный симптом.

— Да? Какой же? Вы мне скажете? Или мне опять нужно бродить в темноте, отыскивая ответ?

— М-м-м... На этот раз я тебе скажу. Но потом все-таки пойди к себе и поработай над этим. Да, все симптомы, о которых ты мне рассказала, характерны для упадка цивилизации, то есть для течения заболевания, образно говоря. Но вот умирающая культура всегда характеризуется грубостью отдельных людей. Дурными манерами. Отсутствием любви и участия к ближнему в житейских мелочах. Утратой вежливости, джентльменства. И это гораздо более важно, чем революции.

— Правда?

Босс присвистнул и улыбнулся:

— Нет, все-таки нужно было заставить тебя докопаться до этого самой. Понимаешь, Фрайди, этот симптом болезни особенно опасен именно потому, что индивидуум, у которого он проявляется, сам никогда не задумывается об этом как о признаке плохого здоровья — наоборот, для него это проявление здоровья и силы. Подумай об этом. Изучи это. Фрайди, эту культуру спасать слишком поздно — это мировая цивилизация, а не только ее маленький осколочек здесь, в Калифорнии. Именно поэтому нам сейчас предстоит заняться подготовкой монастырей в преддверии наступления Темных веков. Электронные отчеты слишком хрупки и недолговечны. Нам снова нужны книги, написанные от руки хорошими чернилами на прочной бумаге. Но и этого может быть недостаточно. Источник нового Возрождения, может быть, на небесах.

Босс умолк. Он тяжело, прерывисто дышал.

— Фрайди...

— Да, сэр?

— Запомни это имя и этот адрес.

Рука его легла на пульт терминала. На экране появились строчки. Я запомнила все, что там было написано.

— Запомнила?

— Да, сэр.

— Повторить еще раз?

— Нет, сэр.

— Ты хорошо запомнила?

— Ну если хотите, можно повторить, сэр.

— М-м-м... Фрайди, будь так добра, пока ты еще не ушла, налей-ка мне чашечку чаю. Что-то у меня руки сегодня плоховато слушаются.

— С удовольствием, сэр.

ГЛАВА 24

Завтракала я в гордом одиночестве (Анна и Голди почему-то не появились) и, как следствие, быстро. Когда у меня нет компании, я не сижу за едой подолгу. Только я успела дожевать последний кусочек и встать из-за стола, как из системы внутреннего радиовещания донесся голос Анны:

«Внимание! Пожалуйста, внимание! Мне выпала печальная обязанность с прискорбием сообщить вам, что ночью скончался наш директор. Согласно его завещанию, гражданской панихиды не будет. Тело было кремировано. В девять ноль-ноль в конференц-зале состоится собрание, посвященное решению дел компании. Присутствие всех обязательно. Просьба не опаздывать».

Все оставшееся до начала собрания время я проревела у себя в номере. Почему? Наверное, мне было жалко себя. Босс бы это определил именно так. Он себя никогда не жалел, и меня никогда не жалел, и много раз ругал меня за жалость к себе. «Жалость к себе, — говорил он, — самый деморализующий из пороков».

И все равно мне было так жалко себя, так жалко! И его было жалко... А я все время грубила ему — с тех самых пор, когда он взял меня к себе на работу, сделал свободной гражданкой, а я от него убежала... Теперь мне было так стыд-

но, что я все время дерзила ему, грубила, обзывала по-всякому: вслух и про себя...

Я плакала и вспоминала разное. Например, Боссу всегда не нравилось, когда я расслаблялась, не могла выразить собственного мнения. Он должен был быть таким, каким был, и я должна была быть такой, какой была, и мы прожили годы бок о бок и никогда даже рукой не коснулись друг друга. Для Фрайди это рекорд.

Я думала, знал ли он, как мне хотелось много лет назад, когда я только начала у него работать, порой подойти к нему, обнять, приласкать. Наверное, он не знал. Наверное, хотя я его и за руку никогда не держала, все эти годы он был моим единственным отцом.

Большой конференц-зал был наполнен до отказа. Даже половины этих людей я не встречала в столовой — некоторые лица были мне совсем незнакомы. По-видимому, некоторые сотрудники были срочно вызваны из самых разных мест, с заданий, а может быть, даже не все успели прибыть. За столом на возвышении сидела Анна, а рядом с ней — совершенно незнакомая женщина. На столе перед Анной были сложены папки с бумагами, стоял небольшой переносной терминал, лежали прочие секретарские принадлежности. Незнакомка была примерно одного возраста с Анной, но рядом с ней, такой родной и теплой, выглядела как противная, строгая классная дама.

В две секунды десятого дама постучала ладонью по столу.

— Тише, пожалуйста! Меня зовут Рода Вейнрайт, я исполнительный вице-директор этой компании и главный советник покойного доктора Болдуина. Следовательно, теперь на меня возложены обязанности директора, и я ответственна за решение вопросов, связанных с роспуском компании. Все вы знаете, что каждый из вас работал в компании по личному контракту, заключенному с покойным доктором Болдуином...

Разве я когда-нибудь подписывала какой-нибудь контракт? Но еще больше меня поразило «покойный доктор Болдуин». Неужели так звали Босса на самом деле? Как

могло случиться, что именно его фамилия вошла в мой самый частый псевдоним? Он выбрал ее для меня? Это было так давно...

— ...следовательно, теперь все вы — свободные агенты. Наша организация — элитарная, и доктор Болдуин не без оснований считал, что любая свободная компания в Северной Америке будет рада принять на работу каждого из вас после его смерти. Агенты по найму будут работать в каждом из малых залов и в вестибюле. Сейчас мы будем вызывать вас по одному — вы должны получить свои конверты и расписаться. Потом вам следует немедленно открыть их и ознакомиться с содержанием, но не стойте — повторяю — не стойте у этого стола и не отвлекайте меня никакими разговорами. Если возникнут какие-то вопросы, вам следует подождать, пока все получат свои конверты. Пожалуйста, не забывайте, я не спала всю ночь.

Что, вот так сразу взять и пойти на работу в какую-то другую компанию? Нужно ли это было мне? Как у меня с деньгами? Я совсем без денег? Наверное. У меня было только то, что осталось от суммы, выигранной в идиотской лотерее, но большую часть этих денег я, скорее всего, задолжала Жанет. Я погрузилась в подсчеты.

Кто-то позвал меня по имени.

Это была Рода Вейнрайт, усталая и раздраженная.

— Поторопитесь, мисс Фрайди. Вот ваш конверт, и распишитесь вот здесь в получении. Потом отойдите в сторонку и ознакомьтесь с содержимым.

Я заглянула в ведомость.

— Вот проверю — и распишусь.

— Мисс Фрайди! Вы задерживаете всех остальных!

— Я отойду в сторонку. Но расписываться не стану, пока не удостоверюсь, что содержимое конверта соответствует тому, что указано в ведомости.

— Все в порядке, Фрайди, — устало и укоризненно проговорила Анна. — Я сама проверяла.

— Спасибо, — ответила я. — Только я предпочитаю к подобным вещам относиться так, как ты относишься к секретной документации: люблю все видеть своими глазами.

Эта сучка Вейнрайт была, похоже, готова сжечь меня

заживо в кипящем масле, но я все-таки сделала, как решила: отошла на пару метров в сторону и просмотрела содержимое конверта: три паспорта на три разные фамилии, набор удостоверений личности, прочие бумаги, каждая из которых соответствовала каждому из удостоверений, и чек на имя Марджори Фрайди Болдуин, зарегистрированный в Церерско-Южноафриканском акцептном банке на сумму, приравненную к 297,3 грамма золота 999-й пробы. Еще больше, чем чек, меня удивил еще один документ, лежавший в конверте. Это было свидетельство об удочерении ребенка женского пола Фрайди Джонс, получившей при удочерении имя Марджори Фрайди Болдуин. Удочерение произвели Харли М. Болдуин и Эмма Болдуин. Свидетельство было выдано в г. Балтиморе, штат Мэриленд Атлантического Союза. Ни слова о приюте Ландштайнера или институте Джона Хопкинса, но дата была та самая — день, когда я покинула приют.

Еще там было два свидетельства о рождении. Первое — дубликат на имя Марджори Болдуин, уроженки Сиэтла, а второе — на имя Фрайди Болдуин, рожденной от матери Эммы Болдуин в Бостоне Атлантического Союза.

Оба документа были фальшивые, но вместе с тем совершенно надежные: Босс никогда и ничего не делал наполовину. Я подошла к столу и сказала:

— Все правильно, Анна, — и расписалась в ведомости.

Анна приняла у меня ведомость и прошептала:

— Увидимся позже.

— Договорились. Где?

— Найди Голди.

— Мисс Фрайди! Будьте добры, отдайте вашу кредитную карточку.

Это, конечно, Вейнрайт уняться никак не могла.

— ???

Хотя, конечно, все было правильно: после смерти Босса я больше не имела права пользоваться своей сент-луисской кредитной карточкой.

— Вот, возьмите.

Она протянула руку за карточкой. Но я отдернула руку.

— Нет, вы уж, будьте добры, проштампуйте ее, или чем вы там пользуетесь.

— Да прекратите вы, наконец! Я уничтожу вашу кредитную карточку вместе со всеми остальными, как только сверю номера.

— Госпожа Вейнрайт, если уж я должна сдать кредитную карточку, выданную на мое имя, то я требую, чтобы она была уничтожена у меня на глазах.

— Как вы упрямы! Вы что, никому не доверяете?

— Никому.

— Тогда вам придется подождать здесь, пока я закончу с остальными.

— О, вы ошибаетесь!

Полагаю, сент-луисский «Мастер Чардж» пользуется для изготовления карточек фенолово-стеклянным ламинатом. Карточки, во всяком случае, прочные, как и полагается кредиткам. Здесь, в штаб-квартире, я старалась не демонстрировать своих возможностей, но не потому, что это могло быть как-то не так воспринято, а чисто из вежливости. Но тут были особые обстоятельства. Я порвала карточку на четыре части и вручила ей кусочки.

— Я думаю, вы сумеете разобрать серию и номер.

— Ну и отлично! — буркнула она, сдерживаясь, как было видно, изо всех сил.

Я тоже с трудом скрывала раздражение. Только я успела повернуться к столу спиной, как она окликнула меня:

— Мисс Фрайди, вашу вторую карточку, будьте добры!

— Это какую такую карточку?

Интересно, подумала я, кого еще из дорогих моему сердцу друзей лишили этого предмета первой необходимости в нынешних условиях и оставили только с расчетным чеком и небольшой суммой наличных? Неужели Босс все так придумал?

— «Мастер... Чардж», калифорнийский филиал. Выданная в Сан-Хосе. Верните ее.

— Компания не имеет никакого права на эту карточку. Этот кредит я открыла сама, лично.

— Позвольте вам не поверить. Ваш кредит подкреплен Церерско-Южноафриканским акцептным банком — дру-

гими словами, нашей компанией, дела которой сворачиваются. Верните карточку.

— Вы ошибаетесь, госпожа советница. Это зарплату мы получаем через Церерско-Южноафриканский банк, а этот кредит мой личный. Это не ваше дело.

— Скоро узнаете, чье это дело! Ваш счет будет арестован.

— Вы рискуете, советница. Но если уж вам так хочется, пусть будет по-вашему. Будет судебный процесс, и вы останетесь босиком, уверяю вас. Советую вам проверить все как следует.

Чтобы не наговорить ей еще гадостей, я развернулась и ушла. Ей удалось так разозлить меня, что я даже на время забыла о смерти Босса.

Оглядев зал, я отыскала Голди. Она, судя по всему, уже получила свой конверт и ждала окончания собрания. Я поймала ее взгляд, и она указала мне на пустой стул рядом с собой.

— Анна сказала, чтобы я нашла тебя.

— Все правильно. Я заказала номер в отеле «Кабанья Хиатт» в Сан-Хосе для себя и Анны на ночь и предупредила, что нас, скорее всего, будет трое. Поедешь с нами?

— Прямо вот так, сразу? Ты что, уже вещи успела сложить?

И почему это меня так взволновало? Вещи? Мне-то что было складывать? Совсем немного. Багаж мой по-прежнему хранился в виннипегском порту, и не просто хранился, а, скорее всего, был арестован полицией. И валяться моим вещичкам там, пока не прояснятся дела Яна и Жанет.

— Я вообще-то собиралась сегодня здесь заночевать. Совершенно не ожидала, что все так повернется.

— В принципе все могут остаться здесь на ночь, но это не слишком приветствуется. Руководство — новое руководство — из кожи вон лезет, чтобы со всеми делами покончить сегодня. Ленч — последнее, чем нас тут покормят. Если кто-то задержится до вечера, то получит на обед холодные сэндвичи. Завтрака не будет вообще.

— О боже! Что-то не верится, чтобы Босс так хотел!

— Ну что ты, конечно, нет. Эта женщина... Понима-

ешь, у Босса был другой партнер, но он умер шесть недель назад. Но все это теперь уже не имеет значения. Едешь с нами?

— Наверное. Да. Только... поговорить, что ли, здесь с агентами по найму? Мне нужна работа.

— Не надо.

— Почему не надо, Голди?

— Я тоже ищу работу. Но Анна предупредила меня. Все агенты, которые работают здесь, связаны с этой... Вейнрайт. Если среди них есть приличные люди, мы сможем с ними связаться на бирже труда в Лас-Вегасе, без посредничества этой злобной черепахи. Я знаю, что мне нужно. Место старшей медсестры в полевом миссионерском госпитале. Все лучшие организации такого рода сконцентрированы в Лас-Вегасе.

— Может, и мне там повезет. Голди, а ведь мне никогда раньше не доводилось искать работу. Как-то я себя неловко чувствую.

— Не волнуйся. Все будет в порядке. Найдешь.

Три часа спустя, наспех съев ленч, мы стартовали в Сан-Хосе. Два автофургона сновали туда-сюда между «Пахаро» и Сан-Хосе. Вейнрайт торопилась поскорее избавиться от всех нас. У подъезда я заметила два дилижанса, оба груженные до отказа, запряженные шестерками лошадей. В одном из них сидел печальный папаша Перри. «Что же сделают с библиотекой Босса?» — подумала я, и мне стало до того горько и грустно... Теперь мне, в отличие от киплинговского Слоненка, никогда не суждено узнать, что едят крокодилы на обед... Звезд с небес я никогда не хватала, но всегда была страшно любопытна, и терминал, связанный с лучшими библиотеками мира, превратился за это время просто в неоценимое сокровище для меня.

Когда я увидела, чем нагружены дилижансы, я неожиданно кое-что вспомнила. Панический ужас охватил меня.

— Анна, кто был секретарем Босса?

— У него не было секретаря. Иногда я помогала ему, если это было нужно. Но такое бывало редко.

— Как же быть? У него был адрес моих друзей... Яна и Жанет Торми. Можно его раздобыть?

— Не знаю. Может быть, ты его найдешь вот тут. — С этими словами она вынула из сумочки конверт и подала мне. — Это попало мне в руки, поскольку мне уже давно был отдан приказ явиться к его личному терминалу, как только станет известно о его кончине. Наверняка это был секретный приказ, хотя он сам так не говорил. Я должна была стереть из памяти компьютера одну программу. Там было все личное. Этот адрес — личное дело?

— Очень личное.

— Значит, все стерто. Если только здесь ничего нет об этом.

На запечатанном конверте стояло одно-единственное слово: «Фрайди».

Анна добавила:

— Письмо должно было быть вложено в общий конверт, но я вынула его оттуда и оставила у себя. Эта подлюка читала все, что попадалось ей на глаза. Я поняла, что это — лично тебе от мистера Хромули. Теперь можно сказать: от доктора Болдуина. И я не собиралась оставлять письмо этой гадюке.

Анна тяжело вздохнула:

— Я работала с ней всю ночь. Но не убила ее. Сама не знаю почему.

— Ну, почему — это ясно, — объяснила Голди. — Она должна была расчетные чеки подписать.

Вместе с нами ехал один из штатных офицеров, Бертон Мак-Най, мужчина на редкость выдержанный. Но тут он неожиданно высказался:

— Вы расстроены все, я понимаю. Но на меня-то поглядите: у меня ни гроша наличных нет, я всегда пользовался кредитной карточкой. А эта сволочь мерзкая не отдала мне расчетный чек, пока я не вернул ей кредитную карточку. А что, кстати, происходит с расчетными чеками в лунном банке? Можно их в наличные перевести, или их там только, так сказать, коллекционируют? Похоже, мне сегодня придется ночевать на Национальной площади.

— Мистер Мак-Най...

— Да, мисс Фрайди?

— Можно просто Фрайди.

— Ну, тогда и я — просто Берт.

— О'кей, Берт. У меня осталось немного брюинов наличными, а еще — кредитная карточка, до которой когтистые лапки Вейнрайт не дотянулись, хотя она и пыталась. Сколько тебе нужно?

Он улыбнулся, наклонился и положил руку мне на колено.

— Значит, все хорошее, что я про тебя слыхал, правда. Спасибо, золотце, но я все улажу сам. Для начала я попробую смотаться с этим чеком в Американский банк. Если они не оплатят мне его полностью на месте, то, может, хоть аванс какой-никакой дадут. Если нет, то я пойду к этой суке в ее офис в совете Калифорнийской Конфедерации, распну ее на ее же письменном столе и скажу, что она обязана найти мне место для ночлега. Черт подери, шеф должен был позаботиться, чтобы каждый из нас получил хоть несколько сотен наличными. Она все это нарочно подстроила. Может быть, для того, чтобы мы поскорее нанялись на работу через ее агентов. Этого я ей не спущу, будьте уверены. Если она поднимет шум, придется вспомнить кое-что из того, чему меня учили у Босса.

— Берти, — сказала я, — вряд ли стоит сражаться с подкованной в юридических вопросах грымзой в одиночку. Нужен другой юрист, более изворотливый и хитрый. Слушай: мы остановимся в отеле «Кабанья». Если тебе не удастся добиться оплаты по чеку, советую принять мое предложение. Меня это нисколько не затруднит.

— Спасибо, Фрайди. Но пока я просто-таки горю желанием потрясти эту сволочь, как она того заслуживает.

Номер, забронированный Голди, был небольшой: гостиная с большой ванной и спальня с раскладным двуспальным диваном. Анна и Голди сразу забрались в ванную. Я помылась следом за ними, и когда вышла из ванной, они обе уже крепко спали — неудивительно, ведь они работали как проклятые ночь напролет. Тихонько, стараясь не потревожить их сон, я устроилась в уголке дивана и распечатала конверт...

«Дорогая Фрайди.

Для меня это последняя возможность поговорить с тобой, поэтому я должен сообщить тебе кое-что, чего не мог сказать тебе, пока был жив и был твоим работодателем.

Насчет твоего удочерения: ты этого не помнишь, поскольку это было не так. Ты убедишься, что все документы в юридическом отношении абсолютно надежны. Ты действительно моя приемная дочь. Эмма Болдуин реальна настолько же, насколько реальны твои родители из Сиэтла, то есть исключительно для решения юридических вопросов. Следи только, пожалуйста, за тем, чтобы несколько твоих легенд не накладывались одна на другую. Но этому тебя учить не надо: ты не раз сталкивалась с такими ситуациями по работе.

Обязательно присутствуй или пошли своего представителя на зачтение моего завещания. Поскольку я — гражданин Луны.

(А?!)

Это произойдет в Луна-Сити сразу после объявления о моей смерти, а в Лунной Республике нет той бюрократической проволочки, с которой мы так привыкли сталкиваться здесь, на Земле. Не затягивай: мое завещание не освобождает тебя от необходимости зарабатывать на жизнь.

Насчет твоего происхождения: это всегда интересовало тебя, и я вполне тебя понимаю. Позволь упомянуть о двух источниках твоего генофонда, которыми ты можешь по праву гордиться. Эти двое людей известны в истории как «мистер и миссис Джозеф Грин». Они погребены в мемориале, в кратере неподалеку от Луна-Сити. Но отправляться туда, чтобы посмотреть мемориал, тебе вряд ли стоит — ничего там нет особенного. Если тебя это заинтересует, ты можешь сделать соответствующий запрос в Торговую палату Луна-Сити и получишь кассету с записью, где рассказывается о том, как они жили и что они сделали. Когда ты узнаешь про их жизнь и деятельность, ты поймешь, почему я так упорно советовал тебе изменить свое мнение о террористах. Терроризм, конечно, дело большей частью грязное. Но почетные палачи иногда бывают героями. Посмотри, послушай кассету и суди сама.

Грины были много лет назад моими товарищами по работе. Поскольку их работа была очень опасна, я упросил их обоих собрать генетический материал — четыре яйцеклетки и сперму. Когда они были убиты, я настоял на проведении генетического анализа с точки зрения возможности появления ребенка... и узнал, что генный материал несовместим — обычная беременность могла бы кончиться плачевно.

Поэтому, когда появилась возможность производства искусственных людей, их гены были использованы селективно. Твое появление на свет было единственной удачей. Все остальные попытки провалились: дети либо оказывались нежизнеспособными, либо их приходилось уничтожать еще в зародышевой стадии. Хороший генный инженер работает, как хороший фотограф: он добивается совершенного результата на основе безжалостного отбрасывания всех вариантов, хоть сколько-нибудь далеких от совершенства. Других попыток использовать генофонд Гринов не будет: яйцеклеток Гейл больше не осталось, а сперма Джо, скорее всего, уже непригодна для экспериментов.

Трудно сказать, в какой родственной связи ты с ними состоишь, но ближе к истине будет то, что ты их внучка или правнучка. Остальной твой генофонд набран из самых разных источников, но все равно ты можешь гордиться: все источники подбирались самым тщательным образом, в тебе аккумулировано все самое лучшее из рода homo sapiens. Это твой потенциал, использовать его или нет — решать тебе.

Пока записи о твоем производстве не были уничтожены, однажды я удовлетворил свое любопытство, чтобы узнать, что же это были за источники. Насколько я помню, в тебе течет кровь финнов, полинезийцев, американских индейцев, датчан, ирландцев, свазилендцев, корейцев, немцев, индусов, англичан и еще много кого. Ты никогда не сможешь позволить себе стать расисткой: ты уподобишься в этом случае щенку, кусающему собственный хвост.

Все это я тебе объясняю только для того, чтобы ты убедилась, что материал для твоего производства был самый

высококачественный. Исключительная, счастливая случайность, что из тебя еще получилась красавица.

(«Красавица»? Босс, у меня есть зеркало. Неужели он на самом деле так думал? Конечно, у меня прекрасная фигура, но ведь я атлетизмом в свое время занималась. Ну что ж, приятно, что он так думал. И не он один. В общем, я — это я, как бы то ни было.)

Еще одно я должен объяснить тебе. Было задумано так, что тебя должны были удочерить определенные люди и воспитывать как собственного ребенка. Но в то время, когда ты не набрала еще и пяти килограммов веса, я попал в тюрьму. К счастью, мне удалось совершить побег, но на Землю я смог вернуться только после окончания Второй Атлантической Революции. Я знаю, ты до сих пор страдаешь от воспоминаний о приюте. Надеюсь, когда-нибудь ты сумеешь избавиться от преследующих тебя до сих пор страхов и сомнений, недоверия к «настоящим» людям. Настанет день, и ты чисто эмоционально ощутишь то, что давно знаешь умом: все они так же прикручены к колесу истории, как ты сама.

Что же еще сказать тебе в этом прощальном письме? Печальное совпадение: я ухожу из жизни именно тогда, когда у тебя такие трудные времена. А ты так ранима, слишком сентиментальна. Милая моя девочка, тебе нужно постараться избавиться от всех своих страхов, чувства вины и стыда. Надеюсь, от жалости к себе ты уже сумела избавиться.

(Да уж, ни черта подобного!)

Но если нет, постарайся избавиться. Похоже, ты не склонна к религии. Если я ошибаюсь, то я ничем не могу помочь тебе — точно так же, как не могу застраховать тебя от наркомании. Религия порой приносит успокоение и счастье, и мне не хотелось бы лишать тебя этого счастья. Но мне всегда казалось, что религия — это для тех, кто слаб, а ты — ты сильная. Большая беда религии — любой религии — это то, что тот, кто берет какие-либо предположения на веру, не может потом проверять свои предположения опытом. Можно либо купаться в теплых волнах веры, либо избрать

тернистый путь сомнений, но первое со вторым совместить никак нельзя.

Мне осталось сказать тебе последнее: к моей великой радости и гордости, один из твоих предков — я. Не самый главный, конечно, но в тебе живет и кое-что из моего генофонда. Так что ты не только моя приемная дочь, но в какой-то степени родная. И я очень, очень этим горжусь.

Позволь мне закончить это письмо словами, которых я никогда не говорил тебе, пока был жив:

с любовью
Харли М. Болдуин».

Я дрожащими руками вложила письмо обратно в конверт, обхватила руками колени и предалась худшему из пороков — саможалению, заливаясь потоками слез. Разве это стыдно — плакать? Это такое облегчение!

Выплакавшись, я слезла с дивана, пошла в ванную и умылась. И решила, что больше плакать и горевать о Боссе не буду. Ему бы это не понравилось. Как радостно было узнать, что это он удочерил меня, а еще радостней было то, что во мне текла маленькая частичка его крови — это согрело мне душу. Да, пожалуй, один сеанс слезного катарсиса он мне позволил бы, но не больше. Потом принялся бы отчитывать.

Мои подружки по-прежнему крепко и сладко спали, поэтому я плотно закрыла дверь спальни (слава богу, она оказалась звуконепроницаемой) и села в гостиной к терминалу. Засунув в щель на панели терминала кредитную карточку, я узнала в справочном бюро код и набрала его напрямую: это дешевле, чем делать заказ.

Я узнала женщину, появившуюся на экране. Она была, мягко говоря, легко одета. В Луна-Сити любят ходить в монокини. Я тоже считаю, что обнаженная грудь гораздо красивее. Живи я в Луна-Сити, я бы только так и ходила. Ну, может, еще сандалии бы добавила. И изумруд на пупке.

— Простите, — извинилась я. — По всей вероятности, я ошиблась и набрала неверный код. Похоже, я попала в Церерско-Южноафриканский банк. Я хотела позвонить Фонгам, из компании «Фонг, Томосава, Ротшильд и Финне-

ган». Похоже, ошиблась. Извините, что побеспокоила вас. Кстати, спасибо вам большое — вы мне очень помогли пару месяцев назад.

— Не за что, — ответила она, очаровательно улыбаясь. — И вы вовсе не ошиблись. Меня зовут Глория Томосава, и я теперь, когда дедушка ушел на пенсию, исполняю его обязанности в «Фонг, Томосава...» ну и так далее. Но это не мешает мне одновременно быть вице-президентом Церерско-Южноафриканского банка. Наша фирма — одно из легальных подразделений этого банка. Кроме того, я старший инспектор по делам наследства, а это означает, что вам нужно иметь дело именно со мной. Мы все здесь очень скорбим о смерти доктора Болдуина, и я очень надеюсь, что вы пережили это не слишком тяжело... мисс Болдуин.

— Ой, постойте... Давайте еще раз, сначала!

— Простите. Просто, понимаете, когда звонят на Луну, все торопятся и стараются побыстрее закончить разговор — дорого, я понимаю. Хотите, чтобы я все повторила помедленнее?

— Не надо. Похоже, главное я все-таки поняла. Доктор Болдуин оставил мне письмо, и там сказано, что я должна присутствовать на зачтении его завещания или иметь там доверенное лицо. Попасть к вам я не могу. Когда будет зачитано завещание и как мне найти кого-нибудь в Луна-Сити, кто мог бы согласиться стать моим доверенным лицом?

— Завещание будет зачитано, как только мы получим официальное извещение о его смерти из Калифорнийской Конфедерации. Это может случиться с минуты на минуту, поскольку наш представитель в Калифорнийской Конфедерации уже оплатил получение свидетельства о смерти.

Найти для вас доверенное лицо... а я вам не подойду? Наверное, стоит вам сообщить, что дедушка Фонг был поверенным в делах вашего отца много лет и я стала его преемницей. Теперь, когда умер ваш отец, вы мне, получается, перешли в наследство, если можно так выразиться. Но если вы не против, конечно.

— Так, значит, вы смогли бы... миссис Томосава... Простите, как мне к вам обращаться: «мисс» или «миссис»?

— Смогла бы и смогу, а обращаться ко мне надо «миссис». У меня сын вашего возраста.

— Не может быть!

(Эта королева красоты вдвое старше меня?)

— Очень даже может быть. Мы тут в Луна-Сити люди старомодные, не то что в Калифорнии. Мы выходим замуж, рожаем детей — все честь по чести. Не осмелилась бы я откликаться на «мисс», имея взрослого сына, меня бы просто застыдили.

— Да нет, я вовсе не о том... Не могли же вы родить ребенка в четыре года. Ну, в пять.

Она рассмеялась:

— Спасибо за комплимент, девочка. Слушай, а почему бы тебе не прилететь сюда и не выйти замуж за моего сына? Он спит и видит, как бы ему отхватить в жены богатую наследницу.

— А я — богатая наследница?

Она пожала плечами:

— Гм-м-м... В принципе я не имею права вскрывать печать на конверте с завещанием, пока мы не получим официального подтверждения о смерти твоего отца. Но... скоро мы его получим, и я думаю, не стоит заставлять тебя звонить еще раз. Я читала завещание. Я проверяла его относительно внесения изменений. Потом я запечатала его и убрала в свой сейф. Так что — я знаю, что там. То, что я скажу тебе, ты бы узнала и так — сегодня же, чуть позже. Ты — наследница, но охотники за наследством, представь себе, не будут хвостом бегать за тобой. Банку — то есть мне — даны указания оплатить твою эмиграцию с Земли. Выберешь Луну — оплатим твою дорогу, выберешь девственную планету — подарим тебе скаутский нож и будем молиться за тебя. Выберешь что-нибудь вроде Кауи или Гальциона — мы оплатим твой перелет, начальный взнос и снабдим тебя начальным капиталом. Если же ты так и не соберешься покинуть Землю, тогда полагающиеся тебе средства будут использованы в соответствии с другими пунктами завещания. Но деньги на перелет будут выплачены обязательно, за одним-единственным исключением:

если ты изберешь Олимпию, тебе придется платить за дорогу самой.

— Вот и доктор Болдуин мне про Олимпию говорил. А что там такого ужасного? Я, кстати, и не помню колонии с таким названием.

— Не помнишь? Ну да, конечно, ты еще слишком молода. Это место, куда в свое время отправились самоуверенные супермены. Да, собственно, особой необходимости уговаривать тебя не лететь туда нет. Корпорация туда кораблей не посылает. Дорогая, ты представляешь, какой счет придет тебе за наш разговор?

— Догадываюсь. Но дороже мне встало бы звонить еще раз. Простите, вы не могли бы на минутку сменить амплуа и стать вице-президентом банка? Просто мне нужен юридический совет.

— Я умею играть обе роли сразу, так что — вперед. Спрашивай, что нужно. Сегодня справки бесплатно.

— Почему же? Я привыкла платить за все, что получаю.

— Ты говоришь совсем как твой отец. Похоже, он просто-таки воплотился в тебе.

— Знаете... он никогда не был моим настоящим отцом, и я его никогда отцом не считала.

— Все, все я знаю: я видела кое-какие бумаги, где речь шла о тебе. Он считал тебя дочерью. Он тобой очень гордился. Мне было ужасно интересно взглянуть на тебя, когда ты позвонила в первый раз. Ну, так что у тебя за сложности?

Я пересказала Глории разговор с Вейнрайт по поводу кредитных карточек.

— Я не спорю, калифорнийский филиал «Мастер Чардж» открыл мне кредит, потолок которого превышает мои скромные потребности. Но разве это ее дело? Я не использовала даже мой предепозит и собираюсь забрать, когда буду получать выплату по расчетному чеку. Двести девяносто семь и три десятых грамма чистого золота.

— Рода Вейнрайт как юрист сроду слова доброго не стоила. Просто, когда умер мистер Эспозито, твой отец был вынужден работать с ней. Конечно, это совершенно ее не касается — на какую сумму тебе открыли кредит в «Мастер

Чардж», и у нее нет никакой власти над этим банком. Мисс Болдуин...

— Можно просто Фрайди.

— Фрайди, твой покойный отец был директором нашего банка и является — вернее, являлся — держателем контрольного пакета акций. Хотя по завещанию ты и не получаешь напрямую ничего из его капитала, банк все равно перед тобой в неоплатном долгу. Так что не волнуйся и забудь о Вейнрайт. Но теперь, когда «Пески Пахаро» ликвидированы, мне нужен какой-нибудь другой адрес для тебя.

— Знаете, кроме вашего, у меня нет никакого адреса.

— Ясно. Как только у тебя появится адрес, сразу же сообщи мне. Есть еще люди, и у них такие же проблемы — проблемы, которые без всякого на то права усугубила Рода Вейнрайт. Есть другие сотрудники, которые должны присутствовать на зачтении завещания. Она должна была предупредить их об этом, но она этого не сделала, а теперь они уже покинули «Пески Пахаро». Не подскажешь ли, где я могла бы разыскать Анну Иохансен? Или Сильвию Хевенайл?

— Я знакома с женщиной по имени Анна, которая была со мной вместе в «Песках». Сотрудница, работавшая с секретной документацией. Другое имя мне незнакомо.

— Скорее всего, именно та самая Анна. Она у меня указана как сотрудница по работе с секретной документацией. А Хевенайл — опытная медсестра.

— О! Так они обе здесь, за дверью! Спят. Всю прошлую ночь глаз не сомкнули. Потому что... доктор Болдуин умер.

— Мне просто повезло. Пожалуйста, скажи им, когда они проснутся, что они тоже должны иметь своих представителей при зачтении завещания. Мне нужны их новые почтовые адреса. Только сейчас не буди, не надо.

— Вы могли бы стать и их доверенным лицом?

— Ну, если ты так просишь, конечно. Но пусть они все-таки мне позвонят. А где вы сейчас находитесь?

Я рассказала ей, где мы остановились, поблагодарила за заботу, мы попрощались, и я нажала клавишу разъединения связи. Потом я тихо-тихо сидела, пытаясь переварить и обдумать все, что произошло. Глория Томосава очень

мне помогла. Похоже, на свете есть два типа юристов: одни употребляют все свои усилия, чтобы облегчить людям жизнь, а вторые... ну, просто паразиты!

Тихий звон и мигание красной лампочки заставили меня снова вернуться к терминалу. Это был Бертон Мак-Най собственной персоной. Сказала ему, что он может подняться в номер, но чтобы он был тише воды, ниже травы. Когда он вошел, я без всякой задней мысли поцеловала его, но тут же вспомнила, что он не входил в число моих «поцелуйных» дружков в больнице. Или входил? Я даже не знала, участвовал ли он в операции по моему спасению.

— Ну, все более или менее утряслось, — сообщил он мне полушепотом. — Американский банк взял мой чек на депозит, но мне все-таки выдали несколько сот брюинов на мелкие расходы. И сказали, что, в принципе, золотой счет можно оплатить через Луна-Сити почти за сутки. В общем, это, а также солидная репутация нашего бывшего начальника спасли меня от голодной смерти. Так что мне не придется просить вас приютить меня на ночь.

— Я должна радоваться и хлопать в ладоши? Знаешь что, раз уж ты снова богач, отвези-ка меня пообедать. Надо убраться пока от моих подружек-зомби. Может, они уже и померли, бедняжки. Ведь они не спали всю ночь.

— Да, но... вроде бы рано еще обедать...

Зато не рано было заняться тем, чем мы потом занялись. Я, признаться, вовсе не планировала этого заранее, а вот Берт раскололся и сообщил, что эта мысль пришла ему в голову еще в машине. Но я ему не поверила. Я спросила его про ту ночь, на ферме, и выяснилось, что он был в составе боевого отряда. В резерве, правда, с сожалением признался он, и поэтому для него это была просто прогулка. Но кстати говоря, никто из моих знакомых не хвастал своими подвигами в ту ночь. Зато я отлично помнила: Босс говорил, что пленных там не брали. Но даже Теренс помалкивал о каких бы то ни было опасностях — Теренс, который, наверное, еще ни разу в жизни не брился.

Берт не протестовал, когда я начала раздевать его.

О, как он был мне нужен сейчас! Столько всего случи-

лось, и эмоции мои были просто на пределе. А секс — лучший транквилизатор, никакое лекарство так не помогает, и для организма, ей-богу, гораздо полезнее. Не понимаю, почему настоящие люди разводят столько разной суеты вокруг секса. Ничего такого сложного в нем нет. Просто это самая лучшая вещь на свете — даже лучше, пожалуй, чем еда.

Ванна в нашем номере была устроена так, что туда можно было попасть, не проходя через спальню. Мы оба немного освежились под душем, и я наконец залезла в свой любимый комбинезончик — ну, тот самый, в котором я была в день, когда соблазнила Яна. К своему удивлению, я обнаружила, что, вспомнив о Яне, я не ощутила тревоги за него, Жанет и Джорджа. Я их обязательно найду, теперь я была в этом просто уверена. Пусть они даже никогда не вернутся домой. В худшем случае можно будет попробовать разыскать их через Бетти и Фредди.

Комментируя то, как я выгляжу в комбинезоне, Берт издал ряд нечленораздельных звуков, и я позволила ему застегнуть кое-какие «молнии», сообщив, что я именно потому и купила эту одежку, что совершенно не стесняюсь того, что я — женщина. Мне хотелось как-то отблагодарить его за то, что он сделал для меня. Нервы мои, до того безбожно расстроенные, теперь звучали как струны новенькой арфы, и я жаждала расплатиться с ним за обед, чтобы он увидел, как я ему благодарна.

Он выдвинул контрпредложение: выпороть меня. Но я сказала ему, чтобы он не злил меня, поскольку, когда я зла бываю, любому мужику кости переломаю. Я просто от души расхохоталась. Наверное, такой безудержный хохот неприлично выглядит для женщины моего возраста, но я ничего не могу с этим поделать. Когда мне хорошо, я громко смеюсь.

Я не забыла оставить записку подругам.

Вернулись мы довольно-таки поздно. Ни Голди, ни Анны не было, поэтому мы с Бертом улеглись на двуспальный диван. Проснулась я, услышав, как Анна и Голди на цыпочках ходят по номеру, но притворилась спящей, решив, что до утра еще далеко.

Наутро я почувствовала, что у постели кто-то стоит. Я открыла глаза. Это была Анна, и вид у нее, прямо скажем, был не слишком довольный. Пожалуй, это был первый случай, когда я увидела, что Анна глядит на меня неодобрительно из-за того, что я в постели с мужчиной. Конечно, я помнила, как она меня обнимала когда-то. Конечно, я понимала, что она была ко мне неравнодушна. Но с тех пор она не предпринимала никаких шагов в этом направлении — вот я и сама перестала воспринимать ее в этом плане. Она и Голди были для меня просто добрыми подругами, верными и преданными, которые во всем доверяли друг другу.

Берт жалобно промурлыкал:

— Не ругайте меня, добрая госпожа: шел дождь, а мне негде было голову приклонить. «Шел по улице малютка, посинел и весь дрожал...»

— А я и не ругаюсь вовсе, — как-то не слишком выразительно возразила Анна. — Просто вот стояла, думала-гадала, как бы мне до терминала добраться, чтобы вас обоих не разбудить. Завтрак хочу заказать.

— Для всех? — поинтересовалась я.

— Конечно. Ты чего хочешь?

— Всего понемножку и обязательно — жареной картошки. Анна, голубушка, ты же меня знаешь, когда я хочу есть, я на все способна — убить живое и съесть сырым, прямо с кожей и костями.

— Я такой же, — добавил Берт.

— Шумные соседи... — пробурчала заспанная Голди, появившись в дверях. — Трещотки противные. Ложились бы да спали еще.

Глядя на нее, я поняла сразу две вещи: во-первых, я никогда не видела ее так близко раздетой — даже на пляже. И во-вторых, если Анна была сердита на меня за то, что я спала с Бертом, то уж Голди была прямо-таки искренне расстроена.

— Фамилия моя означает «островная гавань», — объясняла Голди, — и, наверное, пишется через черточку — в общем, мало кому удавалось правильно произнести или

написать мою драгоценную фамилию. Так я стала для всех Голди — это самое простое в окружении Босса. Там никого не знали по фамилиям. Но все-таки, по-моему, у миссис То-мо-са-ва фамилия будет потруднее. После того как я ее неправильно выговорила в четвертый раз, она попросила меня называть ее просто Глория.

Мы заканчивали плотный завтрак, и обе мои подруги уже успели переговорить с Глорией, и завещание было зачитано, и обе они (и даже Берт, к моему собственному удивлению) стали немного богаче. Все мы были готовы покинуть гостиницу и отправиться в Лас-Вегас. Трое из нас собирались заняться там поисками работы, а Анна, сопроводив нас туда, собиралась потом ехать в Алабаму.

— Наверное, я сойду с ума от безделья, — вздохнула она. — Но я обещала дочери, что наконец уйду на пенсию, а сейчас для этого самое время. Пора повидать своих внуков, пока еще не слишком выросли и не забыли меня окончательно.

Анна — бабушка? Вот это да!

ГЛАВА 25

Три громадных концентрических кольца, которые представляет собой Лас-Вегас, готовы любого заключить в себя и не выпустить.

Какое-то время я испытывала наслаждение от пребывания там, но, успев посмотреть все возможные и невозможные шоу, я дошла до такого состояния, что уже просто не могла слышать музыку, видеть созвездия рекламных огней, ходить по шумным, суетливым улицам. Четыре дня — это было слишком.

По порядку: мы приехали в Вегас около десяти часов утра. Сборы в дорогу оказались довольно долгими. У каждого нашлись какие-то собственные дела. Все, кроме меня, получали деньги по завещанию Босса, а я попыталась сделать депозит своего расчетного чека в «Мастер Чардж». Это была именно попытка. Очень скоро моя деятельность привела меня к моему старому доброму знакомцу мистеру Чемберсу, который как ни в чем не бывало вопросил:

— Вы хотите дать нам распоряжение выплатить с вашего счета подоходный налог?

Подоходный? Это еще что за географические новости?

— Что это значит, мистер Чемберс?

— Это значит — подоходный налог Калифорнийской Конфедерации, мисс Болдуин. Если вы хотите, чтобы мы сделали это для вас, вот, пожалуйста, заполните бланк, наши сотрудники все подготовят, и мы вычтем полагающуюся сумму с вашего счета. Вам ни о чем не нужно будет беспокоиться. В противном случае вам придется самой все рассчитывать, лично заполнять многочисленные бланки, а потом еще в очереди стоять, чтобы расплатиться.

— Но послушайте, когда я открывала счет, вы мне ни слова не сказали ни о каком налоге!

— Но это же был приз национальной лотереи! Он ваш и подоходным налогом не облагается — это так демократично, не правда ли? И потом, мисс Болдуин, правительство получает большой доход от национальной лотереи.

— Ясное дело. И какой именно, если не секрет?

— Мисс Болдуин, это вопрос к правительству, а не ко мне. Если вы соблаговолите поставить внизу свою подпись, я сделаю все остальное.

— Минуточку. Скажите, сколько вы берете за услуги и какова сумма подоходного налога?

Я ушла, так и не положив свой чек на депозит, и бедный мистер Чемберс, как обычно, ужасно огорчился. Брюины подвержены страшной инфляции. Их нужно немало даже на то, чтобы купить «биг-мак». Похоже, что номинал тысячи брюинов не дотягивает даже до одного грамма золота. Но все равно, получая восемь процентов со вкладов и операций, «Мастер Чардж» наверняка имеет жирный кусок, действуя исключительно в интересах обеспечения вечного процветания Конфедерации.

Я была почти уверена, что с меня не имеют права сдирать подоходный налог даже по самым строгим калифорнийским законам; практически вся заработанная мной сумма к Калифорнии никакого отношения не имела — какое вообще Калифорнии дело до моей зарплаты?! Мне нужно было посоветоваться с опытным юристом.

Я вернулась в отель. Голди и Анны пока не было, зато в номере оказался Берт. Я все рассказала ему, зная, что он умеет логически мыслить и неплохо считает.

— Темное дельце, — сказал он, почесав затылок. — По личному контракту с Боссом мы были свободны от уплаты налогов, и компания в Империи выплачивала подоходный налог оптом раз в год. Здесь такой налог-прикрытие должен был выплачиваться через мистера Эспозито, а теперь, судя по всему, через нашу обожаемую миссис Вейнрайт. Можно было бы задать ей этот вопрос.

— Благодарю, как-то не хочется.

— Я тебя понимаю. По идее, все эти дела должна была уладить она и уплатить налог оптом со всех чеков еще до их выдачи нам. Но не исключено, что она эти денежки прикарманила. В общем, я даже не знаю, что тебе посоветовать. Хотя... у тебя есть запасной паспорт?

— Конечно. Всегда.

— Так вот и воспользуйся им. Я именно это собираюсь сделать. А потом переведу деньги, когда где-то обоснуюсь. А пока пусть лежат себе спокойненько на Луне.

— Ох, Берт, знаешь, я почти уверена, что у этой мымры Вейнрайт все наши паспорта на учете. Ты хочешь сказать, что нас будут сильно трясти, когда мы будем выезжать из Калифорнии?

— Ну и что с того, что паспорта у Вейнрайт на учете? Разве она такая дура, что станет передавать эти сведения конфедератам, пока не уплатит налог? Сильно сомневаюсь, что она хочет его платить. Так что не советую тебе сильно огорчаться. Уплатишь за проезд, внесешь обычный таможенный налог, а потом — выше нос и спокойненько через барьер.

Это я поняла. Просто я так углубилась в эту финансовую заморочку, что на какое-то время позабыла, что я как-никак курьер.

Границу свободного штата Вегас мы пересекли недалеко от Сухого озера. Там капсула экспресса делала остановку ровно на такое время, чтобы мы успели получить печати на выезд из Конфедерации. Все мы воспользовались фальшивыми паспортами со стандартным листком выезда внут-

ри — и никаких проблем. А уж на въезде в Вегас таможенники себя и печатями не обременяли: тут готовы принять любых платежеспособных пришельцев.

Минут через десять мы уже обосновались в отеле «Дюны». Номер был приблизительно такой же, как в Сан-Хосе, но по непонятной причине в гостиничном реестре был поименован как «номер для оргий». Трудно сказать почему. Ну, зеркало на потолке. Ну, аспирин и «Алка-Зелтцер» на полке в ванной. Явно маловато для такого определения. Представляю, как бы хохотал мой инструктор по сексуальной подготовке. Но, правду сказать, мои понятия об оргиях могут сильно отличаться от общепринятых. Вообще мне всегда было интересно: кто занимается сексуальной подготовкой детей? Их родители? Как-то непонятно. Или людское табу включает только разговоры о сексе, а с практикой дело обстоит иначе? Трудно понять. Может, я когда-нибудь сумею что-то об этом разузнать поподробнее. До сих пор я как-то не удосужилась никого про это спросить. Наверное, стоит спросить у Жанет. Но когда это будет?!

Мы договорились встретиться к обеду. Берт с Анной отправились в казино, а мы с Голди — на биржу труда в Индустриальный парк. Берт все время твердил о том, как ему нужна работа, но было совершенно ясно, что он собирается для начала повеселиться от души, а уже потом где-нибудь осесть. Анна помалкивала, но у меня было подозрение, что она не прочь тряхнуть стариной, прежде чем стать добропорядочной провинциальной бабулькой. Только Голди действительно искала работу. Я тоже была не против найти себе место, но сначала мне нужно было кое о чем поразмыслить.

Скорее всего, мне действительно нужно было эмигрировать. Так считал Босс, и это было вполне резонно. Кроме всего прочего, то задание, за которое он меня засадил — насчет упадка цивилизации, — не прошло для меня бесследно. Многое из того, с чем я столкнулась во время учебы, было мне давным-давно знакомо, но мне никогда не приходило в голову анализировать такие очевидные вещи. Ни разу в жизни я не думала с критической точки зрения о культуре тех стран, где я бывала или жила. Пожалуйста,

постарайтесь понять: искусственник — чужой везде, везде иностранец, как бы долго он где-либо ни прожил. Ни одной стране не суждено было стать «моей», и мне никогда не приходилось даже задумываться об этом.

Но, занимаясь изучением этой темы, я была вынуждена признать, что наша древняя планета имеет весьма бледный вид. Новая Зеландия очень мила, неплоха и Британская Канада, но даже в этих любимых мною странах отмечались явные, неопровержимые признаки упадка. А ведь они были лучше многих других.

Но торопиться было нельзя. Смена планеты — это не та вещь, которую можно себе позволить дважды. Ну разве только если вы сказочно богаты, чего нельзя было сказать про меня. Моих капиталов хватало на билет в один конец, и нужно было раскинуть мозгами как следует и выбрать нужную планету так, чтобы потом об этом не жалеть.

И все-таки еще раз: где же Жанет?

У Босса был контактный адрес или код. Но не у меня!

У Босса был свой человек в управлении полиции Виннипега. Но не у меня!

У Босса была куча пинкертонов, разбросанных по всей планете. Но не у меня!

Можно попробовать время от времени звонить Торми. Я сделаю это. Можно попробовать еще раз связаться с АНЗАК и Манитобским университетом. Я сделаю это. Можно попробовать позвонить в Окленд и на биологический факультет Сиднейского университета. И это я тоже сделаю, решила я.

Ну а если все это не сработает, что тогда? Я могла бы поехать в Сидней и попробовать выудить у кого-нибудь домашний или контактный телефон профессора Федерико Фарнезе. Но это обойдется мне недешево. Внезапно я отчетливо осознала, что все путешествия, которые раньше мне обходились почти бесплатно, теперь стали просто неосуществимы. Путь в Новый Южный Уэльс до того, как начнут снова летать полубаллистические корабли, должно быть, влетит в копеечку. Нет, в принципе добраться туда было можно — подземка, а потом водный транспорт. Три четверти кругосветки — дорого и трудно.

А если взять и плюнуть на все и наняться корабельной шлюхой на корабль, отплывающий из Сан-Франциско в Австралию? Просто и дешево. Но медленно, даже если плыть на корабле, оборудованном «Шипстоуном». Парусное грузовое судно? Ну нет.

А может, попробовать отыскать какого ни на есть пинкертона в Сиднее? Сколько они там дерут с клиентов? Потяну или нет?

Всего-то тридцать шесть часов прошло после смерти Босса, а мне уже хотелось биться головой об стену. Я никогда не думала об истинной стоимости грамма золота.

Сами посудите. До сих пор в жизни моей было три вида экономической самостоятельности:

а) на заданиях я тратила, сколько было нужно;

б) в Крайстчерче я кое-что тратила, но немного — в основном на подарки домашним;

в) на ферме — в нашей бывшей штаб-квартире, и потом, в «Песках Пахаро», я и вообще ни гроша не тратила. Оплата комнаты и питания входила в контракт. Я не пила и не играла в карты. Если бы Анита не ограбила меня, я могла бы скопить кругленькую сумму.

Да, я вела скромную, скрытную жизнь и никогда толком не знала, что такое деньги.

Но простые арифметические подсчеты без помощи компьютера я провести могу. Я расплатилась наличными за проживание в отеле «Кабанья». За проезд в Вегас я платила с кредитной карточки, но это было недорого. Я вспомнила, сколько стоит день проживания в номере «Дюн», вспомнила все остальные затраты — с карточки и наличными.

Сразу стало ясно, что плата за номер и питание в первоклассных гостиницах очень скоро выжмет из меня все деньги, какие у меня были, даже если я почти ничего не буду тратить на переезды, одежду, драгоценности, друзей, всякие разные непредвиденности. Что и требовалось доказать. Мне следовало либо найти работу, либо сматываться с Земли первым попавшимся межпланетным рейсом.

В мои размышления вкралось сильнейшее подозрение, что Босс платил мне больше, чем я того заслуживала.

О нет, я хороший курьер, очень хороший, таких немного, но сколько обычно платят курьерам?

Работа... Можно было пойти на военную службу — добровольцем. Рядовой, конечно, но потом можно дослужиться до сержанта. Это можно было сделать быстро и легко, но что-то удерживало меня. Что? Нет, не тщеславие. Вот уж чем не страдаю. Я отлично понимала, что для работы по гражданским специальностям я совершенно не гожусь.

Было что-то другое... Мне не хотелось лететь одной на чужую планету. Мне было страшно. Я потеряла свою новозеландскую семью (да и была ли она у меня?), Босс умер, мои близкие друзья-коллеги разлетелись на все четыре стороны — последние трое тоже скоро разъедутся неизвестно куда, а самое главное — я ухитрилась потерять Джорджа, Жанет и Яна. Я казалась себе самой беззащитным крошечным цыпленком, на которого вот-вот обрушатся всей тяжестью небеса.

В шумном, праздничном Лас-Вегасе мне было одиноко, как Робинзону Крузо на острове.

Вот если бы Ян, Жанет и Джордж улетели вместе со мной... Тогда мне не было бы так страшно. Тогда я бы улыбалась и радовалась жизни всю дорогу, куда бы мы ни полетели.

И еще — «черная смерть». Чума неотвратимо надвигалась.

Да, да, я сказала Боссу, что мое предсказание — ерунда на постном масле. Но он-то ответил, что его аналитики предсказали то же самое, только не через три, а через четыре года.

(Утешение слабенькое, прямо скажем.)

Я была просто вынуждена принять собственное предсказание всерьез. Я должна была предупредить Яна, Джорджа и Жанет.

Не думаю, что они испугались бы. Вряд ли эту троицу вообще можно чем-то напугать. Но мне хотелось сказать им: «Если вы не хотите эмигрировать, как минимум отнеситесь к моему предсказанию серьезно и держитесь подальше от больших городов. Если будет объявлена вакцинация, сделайте прививки. Но не смейтесь надо мной».

Индустриальный парк находится по пути к Гувер-Дэм. Там располагается биржа труда. Личными транспортными средствами в Вегасе пользоваться запрещено, но все улицы оборудованы движущимися тротуарами, и на одном из них можно добраться до Индустриального парка. А оттуда есть маршрут такси до дамбы и Боулдер-Сити. Я решила прогуляться по этому маршруту. «Шипстоун — Долина смерти» арендует полосу пустынной земли между восточным районом Лас-Вегаса и Боулдер-Сити. Там расположена станция подзарядки. Мне хотелось взглянуть на этот комплекс, чтобы подтвердить кое-какие свои предположения.

Мог ли комплекс «Шипстоун» стоять за событиями «Красного четверга»? Причин для этого я не видела. Но за этим обязательно должна была стоять некая очень крупная и богатая организация планетарного и внепланетарного масштаба. События за одну ночь достигли Цереры. Таких корпораций было — по пальцам пересчитать. Но теперь, когда Босса нет в живых, я, похоже, так никогда и не дознаюсь правды. Да, я ругалась с ним, обижалась на него, но он был единственным человеком, к которому я могла обратиться, если чего-то не понимала. Я не знала, насколько он нужен мне, пока не потеряла его.

...Биржа труда — огромный крытый павильон, где представлены самые разнообразные учреждения — от корреспондентов «Уолл-стрит джорнал» до скаутов, все офисы которых находятся в пределах их широкополых шляп. Эти никогда не сидят на месте, снуют повсюду и, не закрывая рта, трещат напропалую. Повсюду висят вывески всевозможных фирм, толпится народ... Я невольно припомнила нижний Виксберг. Пахло разве что получше.

Военизированные и полувоенизированные свободные компании сконцентрированы в восточном углу павильона биржи. Голди ходила от одной стойки к другой, и я с ней за компанию. Она везде оставляла визитную карточку и копию своего послужного списка. Размножили мы его заранее, в нотариальной конторе. Она и меня уговорила скопировать в нескольких экземплярах мой собственный, пря-

мо скажем, нехитрый послужной список и заказать некое подобие визитки с адресом и телефоном.

— Фрайди, — сказала она. — Если мы останемся тут больше чем на пару дней, я выеду из «Дюн». Ты видела, сколько мы платим за номер? Очень милая гостиница, но столько платить я не в силах. Может, тебе это по карману, но...

— Мне тоже не по карману.

В общем, я выдумала себе адрес и вспомнила, что я обещала сообщить о своем местопребывании Глории Томосава. Заплатив за год вперед, я испытала странное чувство уверенности. У меня даже соломенной хижины не было, но адрес... это была хоть какая-то зацепка...

В тот день Голди работу не нашла, но не очень огорчилась.

— Просто, — объяснила она мне, — сейчас нигде нет никакой войны. Но мир никогда не продолжается больше пары месяцев. Потом опять начнут где-нибудь воевать и вспомнят про меня. А пока я прогляжу городские вакансии. Знаешь, Фрайди, у меня очень хорошая специальность. Медсестра с голоду никогда не помрет. Нехватка медсестер существует уже лет сто и вряд ли скоро прекратится.

Кстати, второй из агентов по найму, к которому в тот день обратилась Голди — представитель «Ройерз ректифайерз», «Колонны Цезаря» и «Грим Рипер», то есть исключительно солидных фирм с мировой репутацией, после того как Голди оставила свои координаты, обратился ко мне:

— Ну а вы? Вы тоже медсестра?

— Нет, — ответила я. — Я военный курьер.

— Такие сейчас не очень-то требуются. Сейчас большинство организаций предпочитает пользоваться скоростной почтой, если уж терминалы почему-то из строя выходят.

Мне показалось, что меня оскорбили. Боже мой, Босс, как же хорошо вы меня знали!

— Я — элитарный курьер, — стараясь держать себя в руках, ответила я. — Я могу добраться куда угодно. То, что доставляю я, попадает на место назначения, когда не работает почта. И так же быстро, кстати, если не быстрее.

— Это правда, — вступила в беседу Голди. — Она не преувеличивает.

Он пожал плечами:

— Как бы то ни было, ваши таланты пока не слишком востребуются. А больше вы ничего не умеете делать?

(Только не срываться!)

— Каким оружием вы лучше всего владеете? Я вызываю вас на дуэль, до первой крови, если вам так будет угодно. Позвоните вашей вдове — и вперед.

— Ну и ну! Какая вы обидчивая девушка! Ну прямо как мой фокстерьер. Послушайте, милочка, мне некогда с вами в игрушки играть. Я на рабочем месте нахожусь. Лучше скажите мне ваши данные, и я внесу их в компьютер.

— Прошу прощения, сэр, я действительно погорячилась. В общем, я действительно элитарный курьер. Если я берусь что-то куда-то доставить, то это попадает на место. Беру я дорого. Сдельно. Если возьмут в штат, то только на высокую зарплату. Что касается остального — я прекрасно владею приемами рукопашного боя и любым оружием. Можете записать меня как инструктора по борьбе и владению оружием. Но военная карьера меня не слишком привлекает. Разве что — за очень большие деньги. Я предпочла бы должность курьера.

Он записал.

— Хорошо. Но больших надежд не питайте. Те работодатели, с которыми я имею дело, насколько я знаю, курьеров не жалуют. Разве только на время войны...

— Это я тоже умею. Я же сказала: то, что я берусь доставить, попадает на место.

— Ага, — оскалился он. — Или вас пристреливают. Нет, они скорее воспользуются сверхсобакой. Честное слово, голубушка моя, корпорациям курьеры нужнее, чем военным. Почему бы вам к космополитам не обратиться? Здесь есть агенты всех крупных корпораций. Да и деньжат у них побольше будет. Намного побольше.

Я поблагодарила его за совет, и мы ушли. Вообще-то, честно говоря, я уже была готова согласиться на любую зарплату, но Голди отговаривала меня:

— Набивай цену! Это твой лучший шанс! Те, кому ты

нужна, выложат деньги без слов... или по крайней мере вызовут тебя в офис и попробуют поторговаться. Но занижать цену? Зачем же продаваться задешево, когда можно подороже?

Я оставила свои координаты у всех агентов космополитических корпораций. Никаких чудес я не ждала, но теперь, уж если бы кому-то из них понадобился лучший в мире курьер, они могли бы такого найти в моем лице.

Когда офисы начали закрываться, мы вернулись в отель, чтобы не опоздать на наше обеденное рандеву, и обнаружили, что Анна и Берт как-то странно выглядят. Не то чтобы сильно пьяные, но какие-то осоловелые.

Берт встал, откашлялся, принял театральную позу и возгласил:

— Леди! Смотрите на меня и восхищайтесь! Я — великий человек.

— По-моему, ты просто пьян.

— И это тоже, Фрайди, и это тоже, м-моя радость. Но ты не спеши, н-не торопись с выводами, так сказать... Я — человек, который сорвал банк в «М-монте-Карло», ясно? Я — гений, блистательный, восхитительный и н-неповторимый. Финансовый гений, если угодно. И меня м-можно потрогать...

Вообще-то я планировала его потрогать, но немного попозже, ночью. Теперь же я была просто удивлена.

— Анна, что, Берт действительно сорвал банк?

— Ну... не то чтобы совсем так уж... сорвал... Но много... выиграл... — Она смущенно улыбнулась. Язык у нее слегка заплетался. — Девчонки... вы меня простите, пожалуйста. Ну, в общем, мы тут немного побыли, как вы ушли, а потом... пошли во «Фламинго» попытать счастья. Пришли мы туда, когда... ну, короче говоря, там как раз делали последние ставки на третий заезд. Ну, и Берт поставил... доллар на ма-аленькую такую кобылку, потому что ее звали — представляете — как его матушку! А заезд был длинный... и мы успели еще вернуться туда... нет, сюда. А на ипподроме Берт все-таки выиграл, и этот самый выигрыш он поставил на рулетке на двойной ноль...

— Он уже тогда был пьян, — поставила диагноз Голди.

— Я гений! — возразил Берт сурово.

— Берт, не спорь. Да, и то и другое. Двойной ноль выиграл, и тогда... Берт поставил этот выигрыш на черное... и опять выиграл... оставил выигрыш на том же месте... и опять выиграл... и тут уж крупье послал за хозяином казино. Берт был готов играть дальше... но хозяин казино ограничил сумму выплаты до пяти тысяч долларов.

— Олухи! Мерзавцы! — кипятился Берт. — Прямо... г-гестаповцы какие-то, ч-честное слово! Бандюги н-наемные, ни одного настоящего... спортсмена на все их тухлое казино! Но... я продолжил игру в другом месте!

— И все просадил, конечно, — хмыкнула Голди.

— Голди, старушка, ты не выказываешь должного уваже...

— Да, он запросто мог все просадить, — согласилась Анна, — но я ему не дала. Я уговорила его внять совету хозяина казино, и мы в сопровождении шестерых здоровенных вышибал прямой дорожкой отправились в управление казино в банке «Лаки страйк» и сделали депозит. Иначе я не довела бы его сюда. Ну, девчонки, вы представляете себе: тащить половину полумиллионного выигрыша из «Фламинго» в «Дюны» наличными. Да мы... мы бы улицу не успели перейти, как нас бы кокнули!

— О-ши-ба-ешь-ся! Я узнавал: статистика преступности в Лас-Вегасе гораздо ниже, чем... во многих других городах Северной Америки. Так что... Анна, л-любовь моя, ты... невыносимая строгая тетка. Классная дама. У-у-у... злюка! Никогда на тебе не женюсь, даже если ты падешь передо мной на колени... и будешь меня умолять и просить... нет, я тогда сниму с тебя туфли, еще кое-что... и выпорю... а потом... буду тебя кормить одними сухарями, вот!

— Да, дорогой, конечно. Но только теперь было бы лучше, если бы ты надел свои собственные туфли, потому что тебе предстоит накормить нас троих. Икрой и трюфелями.

— И шампанским! Пусть будет море шампанского! Но... мы не будем пить за то, что ты так бессовестно водила меня за ручку. Дамы! Фрайди, Голди, птички мои, вы согласны с тем, что я финансовый гений? Тогда пошли... резвиться. Море шампанского, у-устрицы, фазаны жареные и все та-

кое... и еще... ну, такие по-тря-са-ю-щие девочки... которые танцуют... в одних шляпках. Годится, а?

— Да, — ответила я не раздумывая.

— Да, пока ты не передумал, — согласилась Голди. — Анна, ты сказала «полмиллиона»?

— Берт, покажи им.

Берт вытащил новенькую чековую книжку и принялся нервически кусать ногти, пока мы ее разглядывали. Пятьсот четыре тысячи долларов Британской Канады. Больше полумиллиона в единственной в Северной Америке твердой валюте. Чуть побольше тридцати одного килограмма чистого золота. Да, и я не отважилась бы тащить такую сумму на другую сторону улицы. Без маленькой тележки. Это была примерно половина моего веса. Конечно, чековая книжка гораздо удобнее.

Да, Берт стоил того, чтобы выпить за него шампанского!

Что мы и сделали в кабаре «Звездная пыль».

Повелителю швейцаров Берт, видимо, сунул солидную взятку — и мы почти моментально оказались за столиком, распивая шампанское и вкушая восхитительный обед. В центре стола красовалась жареная курица (в меню она, правда, значилась как фазан). Шоу-девочки были хорошенькие и молоденькие, и пахло от них приятно, будто они только что вылезли из ванны. Нам тоже было на что полюбоваться — там плясали и мальчики. Но на меня они не произвели особого впечатления — сильно смахивало на то, что друг другом они интересуются гораздо сильнее, чем женщинами. Это, конечно, исключительно их личное дело, но девочки с эстетической точки зрения мне понравились больше.

Потом выступал фокусник, который творил живых голубей из воздуха. Я всегда в полном восторге от фокусников — вечно гляжу на них, раскрыв рот.

Но этот... нет, он точно продал душу дьяволу! Ну, например, он попросил одну из шоу-девочек заменить свою ассистентку. Не сказала бы, что его ассистентка была так уж плотно одета, но на шоу-девочке было и того меньше — туфельки, шляпка и улыбочка.

Фокусник принялся вытаскивать голубей прямо из нее!

Я своим глазам не верила! Она была такая тонюсенькая — где же они могли уместиться? Нет, надо было прийти сюда еще разок, сесть поближе и попробовать разглядеть получше. Это просто невероятно!

Когда мы вернулись в «Дюны», Голди выразила желание посмотреть шоу в вестибюле, а Анна заявила, что хочет спать. Я решила остаться с Голди. Берт попросил, чтобы мы заняли для него место. Сказал, что проводит Анну наверх и вернется.

Но не вернулся. Когда мы вошли в номер, я вовсе не удивилась, обнаружив, что дверь спальни заперта. Еще до обеда мне стало ясно, что Берт вряд ли будет моим транквилизатором этой ночью. Это было их с Анной личное дело, и я вовсе не обиделась, Берт повел себя благородно со мной именно тогда, когда я в этом нуждалась.

Я подумала — может, Голди из-за этого расстроилась, но вроде бы было непохоже. Мы легли вместе, поболтали о фокуснике и быстро заснули.

Меня снова разбудила Анна, но вид у нее теперь был совсем не угрюмый — напротив, она вся так и сияла.

— Доброе утро, дорогие! Бегом пи-пи и зубки чистить. Через пару минут прибудет завтрак. Берт сейчас вылезет из ванны, так что поторапливайтесь.

Перед второй чашкой кофе Берт взглянул на Анну, улыбнулся и смущенно проговорил:

— Ну, дорогая?

Анна скромно потупила взор и спросила:

— Ты хочешь, чтобы я сказала?

— Давай, давай, милая.

— Ну ладно. Голди, Фрайди... мы надеемся, что вы сможете уделить нам немного времени сегодня утром, потому что... мы вас очень любим и хотим, чтобы вы были с нами сегодня. Мы собираемся сегодня пожениться.

Мы с Голди поочередно и дуэтом издали ряд междометий, выражающих радость и удивление, повскакали со стульев, расцеловали их обоих. Радость наша была вполне искренней и гораздо сильнее удивления. Хотя... вариант все равно был неожиданный. Но свои мысли я оставила при себе.

Мы с Голди отправились покупать цветы и договорились встретиться с новобрачными в церкви Гретна-Грин. Голди была рада за них, как и я. Она сказала мне:

— Они очень подходят друг другу. Знаешь, я никогда не верила всерьез в намерения Анны превратиться в профессиональную бабушку. Для нее это было бы просто самоубийство. — И добавила: — Надеюсь, ты не слишком расстроена?

— Я? Что ты, — ответила я, пожав плечами. — С чего бы мне расстраиваться?

— Но... он же спал с тобой прошлой ночью, а сегодня — с ней. Сегодня он на ней женится. Другая женщина расстроилась бы на твоем месте.

— Да почему, господи! Я же не влюблена в Берта. Нет, то есть я его очень люблю. Он был среди тех, кто спас мне жизнь. И прошлой ночью я постаралась отблагодарить его за это. Он был очень мил. Главное — он был со мной именно тогда, когда мне это было нужно. Но у меня нет причин думать, что за это он должен посвятить мне свою жизнь, спать со мной каждую ночь. Вот и все.

— Ты права, Фрайди, но все равно... Немногие женщины в твоем возрасте отнеслись бы к этому так спокойно.

— Ну, не знаю. Мне кажется, что все это так просто и очевидно. Ты же не чувствуешь себя задетой? Ну и я тоже.

— А? Ты о чем?

— Все о том же. Ведь до той ночи, что он провел со мной, он спал с тобой, а эту ночь — с Анной. Ты же не огорчена, а?

— А с чего бы мне-то огорчаться?

— Не с чего, правильно. Так что все это — одно и то же. (Голди, только не надо принимать меня за дурочку. Я же видела твое лицо.) Правда, ты меня немного удивила. Я... как бы это сказать... не знала тебя с этой стороны. Про Анну я думала всякое... в общем, она меня удивила тем, что легла с Бертом. Я не знала, что она это умеет. С мужчинами, я имею в виду. Даже не знала, что она была замужем.

— О... Да, понятно. Тебе могло так показаться. Понимаешь, тут что-то вроде того, как ты относишься к Берту. Мы с Анной любим друг друга и порой выражаем свои чувства в постели, но мы не влюблены друг в друга. Нас

обеих очень тянет к мужчинам... и совершенно неважно, какие впечатления у тебя возникли прошлой ночью. Когда Анна... вырвала Берта из твоих объятий, я была рада за нее, но тебя мне было немного жаль. Но, признаться, не очень сильно — вокруг тебя вечно вьется целая орава мужиков. А у Анны такое редко случается. Поэтому я обрадовалась. Не думала, правда, что дело дойдет до свадьбы, но хорошо, что так вышло. Гляди, вот и цветочный магазин «Золотая орхидея». Ну, что выберем?

— Подожди минутку, — остановила я ее на пороге магазина, пораженная внезапной догадкой. — Голди... тогда, на ферме, кто-то здорово рискнул... в общем, понимаешь, кто-то забросил туда, где я лежала, корзинку с орхидеями... Золотыми орхидеями. Я только что об этом вспомнила.

— Кто-то слишком много болтает, — буркнула Голди.

— Мне нужно было раньше сказать... Голди, я люблю тебя. Больше, чем Берта. Потому что... я тебя дольше люблю. За него замуж я выходить не могу и не хочу, а за тебя бы пошла с радостью. Просто... я очень люблю тебя.

ГЛАВА 26

Можно сказать, в каком-то смысле я и вышла замуж за Голди. Как только официальная церемония бракосочетания Анны и Берта окончилась, мы все вернулись в гостиницу, и Берт снял номер для новобрачных: зеркала на потолке там не было, и весь номер был такой пасторальный, бело-розовый, а не черно-красный, как наш предыдущий. Ну, и подороже, естественно. А мы с Голди выехали из гостиницы и сняли домик — крошечную такую коробочку недалеко от впадения Чарльстона во Фремонт. Домик, что было крайне удобно, стоял неподалеку от движущегося тротуара, который вел из города к бирже труда. По дороге Голди имела возможность заходить в городские больницы, а я — в магазины за покупками. В противном случае нам пришлось бы взять напрокат велосипеды, лошадь и автофургончик.

Расположение было чуть ли не единственным достоинством нашего нового жилища, но все равно для меня он

был равен дворцу, окруженному райскими кущами. Медовый месяц в розовом саду. Никаких роз, конечно, и в помине не было, домик был на редкость уродлив, и единственным современным удобством в нем был небольшой терминал. Но это был первый в моей жизни собственный дом, где я была домохозяйкой. «Мой дом» в Крайстчерче по сути никогда не был моим — там мне непрерывно напоминали о том, что я скорее гостья, чем хозяйка.

Знаете, как это здорово — покупать сковородку для собственной кухни?

Домохозяйкой мне пришлось стать сразу, поскольку в первый же день Голди нашла работу в больнице. Ей нужно было выходить на дежурство к двадцати трем ноль-ноль и дежурить до семи утра. На следующий день, когда Голди еще спала, я принялась готовить свой первый в жизни обед... и сожгла картошку, и плакала. Очень похоже на новобрачную, правда? В общем, у меня началась практика в роли молодой жены, была полная возможность отрепетировать эту роль. Кто знает, может быть, мне и придется ее когда-нибудь сыграть — получше, чем в Крайстчерче.

Я изо всех сил старалась быть образцовой домохозяйкой: как-то раз я даже приобрела семена сладкого горошка и посеяла их на месте отсутствующих за дверью домика роз. И обнаружила, что огородничество — совсем не такая уж простая штука: семена не проросли. Я проконсультировалась в городской библиотеке и купила книгу — настоящую, с бумажными страницами и цветными картинками, на которых показывалось, что и как должен делать настоящий садовод и огородник. Я изучила ее основательно и все запомнила.

Хотя у меня было сильное искушение, но я не пошла на поводу у своих чувств и не купила котенка. Голди могла сорваться с места в любой день. Она предупредила меня об этом. Она сказала, что, если меня не окажется дома, она может даже уехать не попрощавшись. Все это было понятно — ведь точно так же я в свое время предупреждала Джорджа, и именно так все и вышло.

Возьми я котенка, я стала бы связана с ним словом чести. Я была бы обязана вырастить его. Курьер лишен воз-

можности таскать с собой кота в дорожной сумке — это не метод растить ребенка. И я исчезну отсюда в один прекрасный день. Поэтому котенка я не купила.

Это, конечно, огорчало меня, но в остальном я была просто счастлива и наслаждалась маленькими радостями домашнего хозяйства... включая заводившихся в сахаре муравьев и засорения канализации. Но это все ерунда, не стоит вспоминать даже. Нет, это было счастливейшее время. Голди стоически переносила мою стряпню. Я-то думала, что умею готовить. Настало время убедиться в обратном. Но практика делала свое дело: я научилась смешивать мартини именно так, как нравилось Голди, то есть: три и шесть десятых части джина «Бифитер», остальное — сухой вермут «Прэт», немного покачать — и никаких горьких добавок. А себе я готовила «Бристоль крим» со льдом. Для меня мартини — слишком крепкий напиток, но он вполне подходит измотанной медсестре, которая едва на ногах держится после ночного дежурства.

Клянусь, будь Голди мужчиной, я бы избавилась от своей стерильности и с удовольствием занялась бы выращиванием детишек, сладкого горошка и котят.

Берт с Анной довольно скоро уехали в Алабаму. Нам всем было жалко потерять друг друга, и мы обменялись адресами. Они не собирались оставаться там жить, но Анна сказала, что чувствует себя обязанной навестить дочку (мне, правда, показалось, что гораздо больше ей хочется продемонстрировать там своего нового муженька). А потом они собирались поступить в какую-нибудь военизированную или полувоенную организацию, но обязательно вдвоем, вместе. И всегда быть вместе. Даже на войне. И Берт, и Анна до смерти устали от кабинетной работы и рвались в действующие войска.

— Лучше один час жизни взахлеб, чем кресло-качалка в доме для престарелых, — заявила Анна.

Ну что ж, в конце концов, их жизнь — это их жизнь.

Я тоже наведывалась на биржу труда. Вот-вот мог настать день, когда мне не только нужно будет уехать, но я и должна буду уехать. Голди работала и зарабатывала и настаивала на том, чтобы именно она оплачивала домашние

расходы. Я затыкала уши и в конце концов настояла на том, чтобы мы платили поровну. Поскольку я видела, на что уходит каждый доллар, теперь я точно знала, почем жизнь в Лас-Вегасе. Очень дорого. Даже в такой коробочке, как у нас. Уедет Голди, поживу я тут пару месяцев — и разорюсь.

Но тут я не останусь, уж это точно. Свадебный коттедж — не место для одиночества.

Я не оставляла мысли отыскать Яна и Жанет, но ограничилась звонками не более двух раз в месяц по соображениям экономии.

Два раза в неделю я проводила по полдня на бирже труда. Я уже не ждала, что отыщу место, хотя бы вполовину такое же хорошее, как у Босса, но все-таки заглядывала в офисы космополитических корпораций — в те, которым действительно могли быть нужны опытные курьеры. Я искала и другую работу, где могли бы пригодиться мои, прямо скажем, довольно экзотичные таланты. Босс намекал, что я в каком-то смысле сверхчеловек, но если так, то потребности в суперменах тут, видимо, не испытывали.

Я уже начала было подумывать, не пойти ли мне на какие-нибудь курсы — выучиться на крупье или биржевого маклера, что ли, но потом решила отложить эту перспективу в долгий ящик. Опытный маклер, хороший крупье могут работать много лет подряд и зарабатывать хорошие деньги... но мне это скоро бы наскучило. Это способ остаться в живых, но не сама жизнь. Лучше уж было все-таки добровольцем наняться и ждать в будущем повышения звания.

Но были и еще кое-какие вакансии, о которых я раньше и знать не знала. Ну, например:

«Суррогатная МАТЬ.

Бессрочная лицензия, обеспеченная «Трансамерикой» и обществом «Ллойд».

Доплата при рождении близнецов, начиная с четверти.

Оплата по договоренности. Стандартный налог за анкету, медицинское обследование врачом по вашему выбору.

«Бейбиз анлимитед, инк.».

ЛВ 7963М4/3».

А что? Можно было бы попробовать. Моя условная стерильность тут бы очень пригодилась — вряд ли нанимателя сильно обрадовались, если бы оказалось, что будущая мамаша уже беременна, то есть до вступления контракта в силу. Стерильность — это не инвалидность, и внесение яйцеклетки в организм — дело пяти минут. Генетик-технолог просто делает какие-то манипуляции для изменения химизма организма, создавая почву для имплантации яйцеклетки. Овуляция — дело десятое.

Рожать детей для других людей — это можно было бы, в принципе. Не слишком приятно, но платят за это хорошо. А вот еще:

«ТРЕБУЕТСЯ: жена на 90 дней на время отпуска за пределами Земли. Оплата всех расходов, роскошь — 9 по десятибалльной шкале, премия по расценкам Гильдии. Темперамент — сангвинический, 8; эмоциональность — 7 и выше. В случае наступления беременности за время срока действия контракта выплачивается страховка. По желанию заключающей контракт до отлета с Земли может быть проведена стерилизация на 120 дней.

Обращаться к Амелии Трент, секс-брокеру с лицензией, 18/20, Нью-Кортес, Мезонин».

Совсем не слабо! Для того, кто хотел бы отдохнуть три месяца и обожает русскую рулетку. Для меня беременность — не угроза, да и эмоциональность у меня выше семи, то есть гораздо выше. Однако премиальная сетка для шлюх в свободном штате Вегас не такая уж богатая... Короче, все, что я могла таким образом заработать, отвлекло бы меня от поисков постоянного места, да, вдобавок, этот неведомый клиент мог совершенно запросто оказаться жутким занудой — иначе чего бы это ему приглашать в свою отпускную кровать незнакомку?

Ну, вот еще...

«СРОЧНО ТРЕБУЮТСЯ: два инженера специалиста в области пространственно-временных перелетов. Пол любой. Обязательно: опыт работы в создании N-измерительных кон-

струкций, согласие рискнуть на необратимый перенос во времени.

Высокая оплата.

Сроки оговариваются.

«Бэбкок и Вилькокс. лтд.»

Страховка — «Уолл-стрит джорнал», ЛВ, «Биржа труда».

Да, это была работа, о которой только можно было мечтать. Увы, я ничего в этом не соображала.

Первая церковь плазмитов (девиз: «Сначала была Плазма») дала объявление распорядка богослужений. Маленькое примечание, данное бегущей строкой, привлекло мое внимание.

«Следующее жертвоприношение девственницы состоится в 2.51 22 октября».

Вот это да! В этом была потрясающая уверенность и постоянство и даже... бюрократизм. Не то чтобы я так стремилась стать жертвой... но до чего забавно! Пока я размышляла на эту тему, появился мужчина, снял объявление и повесил на его место другое. В общем, предыдущее жертвоприношение я пропустила, а следующее должно было состояться только через две недели. Я была искренне огорчена. Но любопытство, как обычно, взяло верх, и я поинтересовалась:

— Вы действительно приносите в жертву девственниц?

— Не я лично, — ответил он. — Я всего лишь служка. Но... знаете, они не обязательно девственницы, но должны выглядеть как девственницы.

Он оценивающе оглядел меня с ног до головы.

— Вот вы, пожалуй, очень бы подошли. Хотите заглянуть и потолковать со жрецом?

— О нет. Вы хотите сказать, что он-таки приносит их в жертву?

Он снова оценивающе поглядел на меня.

— Вы, похоже, не местная?

Я призналась, что это так.

— Ну, видите ли, дело вот как обстоит. Если вы, к при-

меру, даете объявление, что набираете актрис для съемок порнографического фильма, вы имеете возможность просматривать желающих сниматься хоть каждый день во второй половине, и никто из них не спросит, действительно ли вы будете снимать порнографический фильм. Такой уж у нас город. То же самое с жертвоприношениями.

Может, и так. Может, я действительно — деревенская простушка, впервые попавшая в большой город. Ни фига не поняла.

Было полным-полно объявлений, в которых предлагалась работа за пределами Земли или связанная с периодическими полетами. На такую работу мне надеяться было нечего: я могла улететь с Земли один раз, на высокооплачиваемой должности, и иметь возможность спокойно выбрать, где мне высадиться: от Проксимы до Жемчужины. Это было так далеко, что туда летали только N-корабли. Отмечу, кстати, что о Жемчужине и мечтать было нечего. Тамошний правитель, Первый Гражданин, закрыл планету для эмигрантов, какие бы деньги они ни предлагали, и принимал только кое-каких артистов и ученых по личной договоренности. В общем, на Жемчужину лететь у меня особой охоты не было, хотя это была сказочно богатая колония. Слишком далеко! А вот проксиматы были нашими самыми ближайшими соседями. Если вы находитесь на Южном острове, их солнце светит прямо у вас над головой — большая яркая звезда. На вид вполне дружелюбная.

Но я читала все объявления подряд.

Отделению компании «Трансураникс» на Голдене требовались опытные горные инженеры для работы в окрестностях беты Проциона — наблюдать за работой кобольдов. Вахта на пять лет, премии, дополнительные выплаты. Только вот... почему-то в объявлении не указывалось, что непривычные к тамошним условиям люди на Голдене дольше пяти лет не протягивали.

Компания «Гиперспейс лайнз» предлагала совершить круиз к Жемчужине через Проксиму, Форт, Форест, Фемиду, Пальмиру, Гальцион и Дезираду. Компания имела приличный набор вакансий. Предусматривался оплаченный месячный отпуск на Земле или Луне — по выбору — и

снова полет на четыре месяца. Я проглядела весь список вакансий, начиная с суперастрогатора, спейс-инженера, суперкарго, инженера-связиста, корабельного врача... Далее следовали официант, разносчик, плотник, электрик, водопроводчик, радиомонтажник, техник по ремонту компьютеров, повар, кондитер, шеф-повар, буфетчик, бармен, крупье, организатор культурной программы, фотограф-голограф, стоматолог, певцы, учитель танцев, игротехник, компаньон-секретарь-прислуга (камердинер), помощник директора круиза, художник-оформитель, инструктор по плаванию, инструктор по карточным играм, «хозяйка» круиза, медсестра для взрослых, детская медсестра, телохранители-охранники (вооруженные), дирижер оркестра, музыканты (было перечислено двадцать три музыкальных инструмента, играть нужно было уметь как минимум на двух), косметолог, парикмахер, массажист, кладовщик, продавец, менеджер, экскурсоводы... И это еще далеко не весь перечень вакансий. В общем, в небесах все так же, как и на Земле. Правда, некоторые из вакансий были связаны, по всей видимости, исключительно с дальними космическими перелетами, и было даже трудно понять, о какой работе идет речь. Ну разве, к примеру, можно догадаться, что означает «оверскиппмен 2/с»?

Единственной вакансией, которая в перечне отсутствовала, была «шлюха». А ведь «Гиперспейс лайнз» хвасталась своей демократичностью, предоставлением равных возможностей для всех. У меня была не одна возможность убедиться в том, что такое «равные возможности для всех». Чтобы наняться на какую-нибудь не слишком квалифицированную работу, желательно было быть молодой, привлекательной, здоровой, веселой, бисексуальной, жадной до денег и готовой принять любое предложение.

О владельце этой компании рассказывают всякое разное. Когда-то он якобы был хозяином корабля «Ньютон» и звездолетчиком. Еще тогда он заботился о том, чтобы у его пассажиров было все, что они только пожелают. Это осталось его целью и до сих пор. Поговаривают, что при найме он отдает предпочтение супружеским парам, но берет и одиноких, если они согласны работать не только на

основной работе, но и в постели. В Малле мне поведали историю о том, как один супружеский тандем, состоявший из жигало и шлюхи, сказочно разбогател за четыре вот таких круиза. По утрам они были учителями танцев, после обеда — инструкторами по плаванью, по вечерам — распорядителями бала, на котором услаждали публику вокальными номерами и скетчами, а по ночам на пару или поврозь предлагали пассажирам или пассажиркам самый экзотический секс. Четыре полета — и они ушли с работы... вынуждены были уйти, потому что перестали быть молоденькими и привлекательными: они попросту сгорели на работе.

Такое мне вряд ли по плечу. Не настолько меня могут привлечь даже самые большие деньги. Нет, я могу не спать ночь напролет, но на следующий день я должна выспаться.

Интересно было другое: «Гиперспейс лайнз» обслуживала всего четыре пассажирских маршрута, а набирала столько народу одновременно. Судя по всему, набирала постоянно. Помощница по найму ответила мне вопросом на вопрос:

— Вы действительно не понимаете почему?

— Да, — сказала я, — не понимаю.

— Видите ли, на трех главных стоянках приходится здорово раскошеливаться. Еще три тоже влетают в копеечку, хотя там можно кое-что заполучить за доставку грузов. Но дает что-то по-настоящему только одна планета. Но главная проблема — малонаселенность планет-стоянок. Фемида, знаете ли, такой райский уголок, что однажды командир «Дирака» взял да и остался там. У компании нет больших проблем набрать экипаж здесь, но... ну представьте себе, что вы, скажем, родом из Бангкока или Шанхая и работаете в команде грузчиком, и ваша бригада ведет выгрузку на Гальционе, а бригадир отвернулся... Что бы вы сделали?

Пожав плечами, она продолжала:

— Я не выдаю вам никаких секретов. Всякий здравомыслящий человек понимает, что единственный способ удрать с Земли — это наняться на межпланетный корабль

и сбежать с него при первой возможности. Я бы и сама так поступила, если бы могла.

— Ну так и в чем же дело? — спросила я.

— У меня шестилетний сын, — вздохнула она.

(Век живи — век учись.)

Вот еще одно из объявлений:

«НОВАЯ, ЕЩЕ НЕ ОСВОЕННАЯ ПЛАНЕТА!
СПЕШИТЕ!
Тип Т-8.
Гарантирован максимум опасности.
Принимаются только пары или группы.
План экстремального выживания.
«Черчилль и Сын».
Биржа труда. Лас-Вегас 96/98».

Я-то отлично помнила, что говорил мне Джордж о планетах выше 8 по земной шкале: там должна была быть высокая оплата и премия. Но теперь я сама знала об этой шкале побольше. «Восемь» — это весьма приблизительная оценка. Большинство таких планет нужно было обработать и отстроить с нуля. Та почва, на которой стояли мои ноги, годилась разве что для монстров и пустынных червяков, пока в нее не были вложены тонны денег и не влито много-много тонн воды.

Меня заинтересовала строчка относительно «максимальной опасности». Было ли тут что-нибудь такое... словом, могла ли там понадобиться женщина, умевшая очень быстро бегать, если переключится в суперрежим? Нет, я вовсе не мечтала стать во главе отряда амазонок: если бы кто-то из вверенных мне погиб, вряд ли бы это меня порадовало. Но с саблезубым тигром схватиться я бы не отказалась. Я была на все сто уверена, что одолею его, пока он еще не успеет догадаться, что же, собственно, произошло.

Да, очень может быть, что девственная Т-8 для Фрайди подошла бы лучше, чем наманикюренная Фемида.

Но «максимальная опасность» могла с успехом означать как целый огород вулканов, так и высоченную радиоактивность. Никогда не мечтала светиться в темноте. Да.

Фрайди, придется тебе сначала выяснить все как следует. Не лезь на рожон, двух шансов у тебя не предвидится.

Я не очень торопилась с биржи домой в тот день, поскольку Голди, как обычно, вернулась с ночного дежурства. Утром, когда она вернулась, я приготовила ей завтрак, около десяти уложила ее в постель и надеялась, что она проспит как минимум до шести вечера. Так что я болталась по бирже до самого закрытия офисов.

Когда я подходила к нашему домику, окна были темны, и я порадовалась, решив, что Голди до сих пор спит. Значит, я еще могла успеть приготовить ей поесть. Я тихонько вошла в дом, стараясь не шуметь... и сразу поняла, что в доме пусто. Не могу объяснить, как я это почувствовала, просто пустой дом выглядит, пахнет и звучит совсем иначе, чем дом, в котором кто-то спит. Я кинулась в спальню. Постель была пуста. В ванной Голди не было. Я включила свет и обнаружила около терминала распечатку.

«Дорогая моя Фрайди.

Похоже, ты меня не застанешь. Может, это и к лучшему — мы просто облили бы друг дружку слезами, а в этом нет ничего хорошего, а изменить уже все равно ничего нельзя.

Вот и окончилась моя работа здесь, но не совсем так, как я ожидала. Доктор Красный, мой прежний шеф, позвонил, как только я легла спать. Он теперь руководит новым медицинским подразделением, которое создано для обслуживания отряда скаутов Сэма Хьюстона. Это, конечно, не детишки, это опытные взрослые скауты. Я не имею права рассказывать тебе, куда мы отправляемся, но (кстати, обязательно сожги эту записку, как прочитаешь!), если ты отправишься из Плейнвью на запад, может быть, успеешь нагнать нас в Лос-Лланос Эстакадос, не доезжая Порталеса.

Куда мы направляемся? Это действительно секрет. Но если мы пропадем, кое-чьи жены получат пенсию. Я позвонила Анне и Берту. Они ждут меня в Эль-Пасо в десять минут седьмого...

(В восемнадцать десять? Значит, Голди уже в Техасе? О боже!)

...потому что доктор Красный готов дать им работу либо в регулярных войсках, либо в качестве среднего меди-

цинского персонала, если будет такая потребность. Здесь есть работа и для тебя, моя дорогая, — военная работа, если ты этого захочешь. Но я могла бы устроить тебя и на должность санитарки, тогда бы ты работала непосредственно под моим командованием, а потом могла бы подучиться и дотянула бы до сержанта медицинской службы. А ты потянешь, справишься, я же знаю твои способности, и полковник Красный тоже. Как было бы здорово, если бы мы все четверо снова были вместе, то есть, если точнее, пятеро!

Но мне бы не хотелось на тебя давить. Я помню, что тебя беспокоит судьба твоих канадских друзей, которые исчезли так внезапно. Если тебе кажется, что ты должна остаться и разыскивать их — благослови тебя господь и пусть сопутствует тебе удача. Но если ты не против поучаствовать в небольшой заварушке с хорошей оплатой и большими премиальными, торопись в Эль-Пасо. Адрес: «Панхендл инвестментс», филиал в Эль-Пасо, контора полевых операций, экологическое отделение, для доктора Красного, главного инженера. Не удивляйся, не смейся, только запомни и уничтожь записку.

Как только информация о нашей операции пройдет в новостях, ты сможешь совершенно легально присоединиться к нам через скаутское агентство в Хьюстоне. Но пока я — «главный персональный служащий» в экологическом отделе.

Пусть милосердный господь позаботится о тебе и охранит тебя от бед.

С любовью

Голди».

ГЛАВА 27

Я тут же сожгла записку и легла спать. Мне даже есть расхотелось.

Наутро я отправилась на биржу и отыскала мистера Фоссета, агента по найму «Гиперспейс лайнз». Я сказала ему, что меня бы устроила должность вооруженного охранника-телохранителя.

Мерзкий воображала расхохотался. Я взглянула на его помощницу в поисках моральной поддержки. Но она смотрела в другую сторону. Я взяла себя в руки и поинтересовалась:

— Можно узнать, почему вы смеетесь?

Он перестал смеяться, вытер слезы и объяснил:

— Видишь ли, цыпленочек, нам нужен мужчина. Если мы пишем «мастер-телохранитель», то «мастер» нужно читать как «мистер», вот какая штука. Но как «мисс» мы могли бы взять тебя на какую-нибудь другую должность.

— Но в вашем объявлении сказано, что наниматели предоставляют равные возможности для всех. Ну то есть что стюард может быть стюардессой, слуга — служанкой и так далее. Это так?

Фоссет перестал ухмыляться.

— Все правильно. Но относительно вакансии телохранителя-охранника там приписочка есть небольшая, а именно: «способный переносить обычные нагрузки, связанные с работой такого рода». Телохранитель-охранник — фактически полисмен на корабле. Безоружный охранник — это полисмен, способный навести порядок голыми руками. Ты этого, конечно же, не сумеешь, так что нечего огород городить.

— Ладно. Но вы даже не посмотрели мой послужной список.

— А что это даст? Хотя... — Он прищурился и проглядел листок. — Тут написано, что ты — военный курьер.

— Что означает следующее: когда я должна выполнить задание, никто не сможет меня остановить. Если кто-то сильно постарается мне помешать, он отправится на съедение собакам. Курьер передвигается невооруженным. Иногда я беру с собой лазерный кинжал или разовый баллончик со слезоточивым газом. Но полагаюсь я только на свои руки. Посмотрите, там сказано, какая у меня подготовка.

Он посмотрел.

— О'кей, тут сказано, что ты прошла обучение в школе боевых искусств. Но и это не значит, что ты сумеешь в одиночку одолеть какого-нибудь верзилу весом килограммчи-

ков этак под сто и на голову выше тебя. Не будем зря время тратить, золотце, ты ведь даже арестовать его не сумеешь.

Я в одно мгновение оказалась за стойкой, прижала его к двери и опустила на пол так быстро, что никто даже не заметил, как это произошло. А его помощница сделала вид, что не заметила.

— Вот так, — сказала я, — я это делаю, даже не причиняя боли. Но я готова сразиться с любым из ваших здоровяков телохранителей. Руку сломаю запросто. Если вы не велите сломать шею.

— Ты напала на меня, когда я этого не видел!

— Конечно. А только так и надо. Теперь вы меня прекрасно видите? Хотите еще разок? Готовы? Могу сделать вам капельку больно, но не сильно. Костей ломать не буду.

— Стой где стоишь! Чушь какая-то. Слушай и постарайся понять: мы не берем на работу телохранителей и охранников по бумажкам, где написано, что они где-то обучались разным восточным штучкам. Берем мы крупных, здоровых мужчин, таких, чтобы внушали к себе почтение одним своим видом. Им и драться-то, по сути, не приходится.

— О'кей, — сказала я. — Тогда вы можете взять меня в качестве тайного полисмена. Оденьте меня в вечернее платье, назовите распорядительницей бала. А когда кому-нибудь взбредет в голову трахнуть вашего здоровяка в солнечное сплетение и тот рухнет на пол, как мешок с дерьмом, я перестану корчить из себя леди и спасу его.

— Наши телохранители не нуждаются ни в чьей защите.

— Может быть. Только знаете, крупные мужчины, как правило, неловки и неповоротливы. И в борьбе ничего не смыслят, потому что им драться почти не приходится. И годятся они только на то, чтобы поддержать порядок за карточным столом. Или тормознуть одного пьяного. Но представьте себе, что помощь нужна капитану? Ну, мятеж, к примеру. Потасовка. Тогда нужен тот, кто действительно умеет драться. То есть — я.

— Оставьте ваши координаты моей помощнице. Нам не звоните. Понадобитесь — мы сами вас найдем.

Я брела домой и думала, куда еще можно податься? Может, все-таки рвануть в Техас? С мистером Фоссетом я допустила ту же самую дурацкую ошибку, какую совершила когда-то с Брайеном. Боссу было бы стыдно за меня. И зачем мне понадобилось нападать на него? Можно же было попросить, чтобы устроили профессиональный тест. Но нападать на человека, от которого зависело, взять или не взять меня на работу! Как глупо, Фрайди, непроходимо глупо!

Но не просто потеря места меня так огорчала: это означало, что мне нужно оставить всякую надежду когда-либо устроиться на работу в «Гиперспейс лайнз». Работа мне нужна была не только для того, чтобы иметь что поесть (а ем я вы знаете как!). Мне нужна была именно эта работа! Только она могла помочь мне выбраться с Земли. Большой круиз охватывает половину колонизированных людьми планет.

Когда я задумывалась об эмиграции, мысль о выборе планеты по рекламным проспектам была мне противна. Выбирать дважды я не могла. Нужно было подумать как следует.

Ну, например, возьмем Эдем. У этой планеты — самая замечательная репутация из всех земных колоний. Ее основные достоинства: климат, близкий к южнокалифорнийскому по всей площади планеты, отсутствие опасных животных, ядовитых насекомых, сила притяжения на девять процентов ниже земной, содержание кислорода в атмосфере — на одиннадцать процентов выше, окружающая среда близка к земной, почва такая плодородная, что там снимают по два-три урожая в год. В общем, живи и радуйся — полная идиллия, куда ни кинь. Населения там на сегодняшний день — десять миллионов. «Ну и что же не так?» — спросите вы. А что не так, у меня была возможность выяснить одним прекрасным вечером в Луна-Сити, когда один офицер пригласил меня с ним пообедать. Стало ясно, что компания высоко ценит Эдем с тех самых пор, как он был открыт, и всеми силами старается превратить планету в фешенебельный курорт... для престарелых. Все так и есть. После того как отряд первопроходцев под-

готовил планету для обитания, все, кто переезжал туда, были людьми богатыми и пожилыми.

Государственный строй Эдема — демократическая республика, но не такая, как в Калифорнийской Конфедерации. Для получения избирательного права нужно быть не моложе семидесяти земных лет и являться налогоплательщиком (то есть землевладельцем). Резиденты в возрасте от двадцати до тридцати лет осуществляют там работу государственных служащих, но, если вам почему-то покажется, что в действительности они присматривают за стариками и удовлетворяют любые их желания, вы будете абсолютно правы, но только нужно учесть, что в их обязанности входит масса всяких малоприятных мелочей, потому и платят им такие бешеные деньги.

Есть на эту тему что-нибудь в рекламных проспектах? (Громкий смех в зале.)

Мне нужно было узнать всю правду о каждой колонии, прежде чем купить билет в один конец... Но я лишилась своего лучшего шанса, пытаясь доказать мистеру Фоссету, что невооруженная женщина может запросто управиться с мужчиной покрупнее себя. Добилась я только того, что наверняка попала в его черные списки.

Пора бы повзрослеть, Фрайди. Повзрослеть тебе нужно было успеть, по идее, пока у мистера Фоссета восстанавливалось дыхание Чейн-Стокса[1].

Босс всегда поругивал всех нас за проливание потоков слез над сбежавшим молоком — точно так же, как за саможаление. То, что я упустила шанс устроиться на работу в «Гиперспейс лайнз», означало одно: что мне пора сматывать удочки из Лас-Вегаса, пока я была еще при деньгах. Если не суждено было рвануть в Большой круиз, нужно было попытать счастья где только можно и вызнать побольше о колониальных планетах — такую же правду, как про Эдем, то есть поболтать о том о сем с членами экипажей межпланетных кораблей.

Сделать это можно единственным способом: отпра-

---

[1]Дыхание Чейн-Стокса — восстановление ритма дыхания после паузы.

виться на стационарную станцию «Бобового стебля» — космической канатной дороги. Грузовики не опускаются ниже, опасаясь земного притяжения — они болтаются на лунной орбите в районе Эль-Четвертого и Эль-Пятого — там и притяжение Луны не страшно. А все гигантские пассажирские суперлайнеры компании «Гиперспейс лайнз» обычно становятся на прикол на стационарной станции. Все они: «Дирак», «Максвелл», «Ньютон» и «Форвард» — стартуют в космос оттуда. Там же находится и филиал комплекса «Шипстоун» («Шипстоун» — стационарная станция) — там они осуществляют энергетическое обеспечение межпланетных кораблей и в особенности — суперлайнеров.

Там можно всегда встретить офицеров, направляющихся в отпуск и возвращающихся из отпуска. Те, у кого отпуска не было, как правило, спят на кораблях, но все равно частенько наведываются туда, где можно поесть и развлечься. Как я отношусь к канатке, вы уже в курсе, и я вовсе не в восторге от суточного вокзала, который представляет из себя стационарная станция. Кроме замечательного вида Земли — вечно меняющегося зрелища, — нет там ничегошеньки хорошего. Высоченные цены и толпы народу. Искусственная сила тяжести переносится с трудом, и вечно мучает страх: вдруг у них что-нибудь сломается, и суп из ложки угодит вам прямо в физиономию.

Но если вы не страдаете манией величия, там можно найти работу. Я могла совершенно запросто проболтаться там достаточно долго для того, чтобы получить нужные мне сведения у пары-тройки подвыпивших офицеров-космолетчиков.

Не исключено, что именно там я смогла бы попытаться обойти Фоссета и стартовать в Большой круиз прямо оттуда, отыскав работу, что называется, не отходя от кассы. Я знала, что недостающий персонал набирают частенько за несколько часов до отправления корабля. Если бы такая возможность появилась, я уж не стала бы больше дурачиться и проситься, чтобы меня взяли телохранителем. Служанка, кастелянша, буфетчица — что угодно, хоть банщица, лишь бы только взяли!

И, выбрав себе новый дом, я бы могла быстро превратиться в пассажира самого фешенебельного класса, и мой перелет был бы оплачен согласно завещанию моего приемного отца.

Я написала записку хозяину домика и занялась приготовлениями к отъезду в Африку. Придется ли мне добираться туда сумасшедшим маршрутом или полубаллистические уже летают? Мысль об Африке заставила меня вспомнить о Голди, Анне, Берте и добрейшем докторе Красном. Я попаду в Африку раньше их. Сейчас на Земле шла одна-единственная война, так что, скорее всего, они там. Но туда мне было нельзя. От войны надо было бежать, как от чумы.

Чума! Мне нужно было как можно скорее подготовить отчет и передать его Глории Томосава и мистеру и миссис Мортенсон. Было бы легкомысленно полагать, что мне удастся сразу убедить их, что всего лишь через два с половиной года начнется эпидемия «черной смерти» — я ведь и сама в это не очень верила. Но если бы удалось объяснить им, таким ответственным людям, что необходимо побеспокоиться об усилении борьбы с крысами и превратить таможенный контроль из процедуры чисто формальной в строжайшую и обязательную, это могло бы — могло бы! — спасти космические колонии и Луну.

Маловероятно — но попытаться стоило.

Оставалось сделать только одно: еще раз попытаться разыскать моих пропавших друзей... и в случае неудачи оставить попытки до тех времен, когда я доберусь до стационарной станции или вернусь (если вернусь) из Большого круиза. Да, со стационарной станции можно дозвониться и в Сидней, и в Виннипег — но это гораздо дороже. А я за последнее время успела убедиться, что хотеть чего-то и платить за что-то — совсем не одно и то же.

Я набрала виннипегский код Торми, ожидая, что услышу: «Набранный вами код временно отключен по просьбе абонента».

А услышала: «Пиццерия «Пиратское логово» слушает!»

Пробормотав: «Простите, я ошиблась номером», я нажала клавишу разъединения связи. Набрала код заново, и

услышала то же самое: «Пиццерия «Пиратское логово»...» Я не выдержала и сказала:

— Простите за беспокойство. Я нахожусь в свободном штате Вегас и пытаюсь дозвониться до своих друзей в Виннипеге и вот уже второй раз попадаю к вам. Просто не знаю даже, почему так получается.

— Какой код вы набрали?

Я продиктовала код.

Женщина на экране кивнула в знак согласия.

— Наш код, — подтвердила она. — Лучшая гигантская пицца в Британской Канаде. Но мы открылись всего десять дней назад. Может быть, раньше этот код был у ваших друзей?

Я сказала, что очень может быть, поблагодарила, извинилась, разъединила связь, откинулась на спинку кресла и задумалась.

Потом я набрала код виннипегского отделения АНЗАК. Когда компьютер отозвался, я попросила связать меня с офицером диспетчерской службы. Теперь я уже знала, как разговаривать с компьютерами. Женщине, которая появилась на экране, я сообщила:

— Меня зовут Фрайди Джонс, я новозеландская приятельница мистера и миссис Торми. Пыталась дозвониться к ним домой, но у меня не вышло. Не могли бы вы мне чем-нибудь помочь?

— Боюсь, ничего не выйдет.

— Правда? Даже подсказать ничего не можете?

— Мне ужасно жаль, правда. Капитан Торми уволился. Даже, вернее, ушел на пенсию. Я знаю, что он продал свой дом, значит, вообще уехал отсюда. Насколько мне известно, единственный контактный адрес, который у нас есть, — это адрес его шурина в Сиднейском университете. Но адреса давать мы не имеем права.

Я спросила:

— Вы, вероятно, имеете в виду профессора Федерико Фарнезе, с биологического факультета университета?

— Верно. Я вижу, вы его знаете.

— Да, Бетти и Фредди — мои старые приятели. Я была знакома с ними, когда они еще жили в Окленде. Ладно,

спасибо, я позвоню Фредди, когда доберусь домой, может, они помогут мне разыскать Яна. Спасибо, вы мне очень помогли.

— Рада, если так. Будете говорить с капитаном Торми — передайте ему привет и наилучшие пожелания от младшего офицера Памелы Хирсфорд.

— Я запомню.

— Если вы собираетесь домой, у меня для вас хорошие новости. Расписание полетов полубаллистических кораблей на Окленд полностью восстановлено. Десять дней подряд мы отправляли только грузовые рейсы и убедились, что случаев саботажа больше нет. Все билеты продаются пока за сорок процентов стоимости. Нам хотелось бы, чтобы все наши пассажиры вновь начали пользоваться нашими услугами.

Я поблагодарила ее, но сказала, что раз уж я в Лас-Вегасе, то домой полечу, скорее всего, через Ванденберг, и поскорее отключилась, потому что врать дальше еще не приготовилась.

Посидела, подумала. Значит, ПБ летают... Может, для начала — в Сидней? Раз в неделю работала линия Каир — Мельбурн и обратно. Если она не работала, можно было бы отправиться подземкой, а потом по морю: через Сингапур, Рангун, Дели, Тегеран, Каир — в Найроби. Но это дорого, долго и не слишком надежно. Слишком много пересадок и куча возможностей прервать путь из-за каких-нибудь местных неполадок. И в конце концов оказаться в Кении, не имея ни гроша за душой, чтобы подняться по канатке.

Да, положение было отчаянное.

Я позвонила в Окленд и совершенно не была удивлена, когда компьютер сообщил, что код Яна не работает. Я узнала, который час в Сиднее, и позвонила в университет, не связываясь со справочным компьютером, а сразу набрав код биологического факультета, который я добыла месяц назад.

Я узнала знакомый австралийский акцент.

— Это Марджори, Айрин. Все еще пытаюсь найти мою пропавшую овечку.

— Да ну? Знаешь, зайчик, я пыталась, честное благородное слово, пыталась передать твою записочку. Но профессор Фредди с тех пор у себя в офисе не появлялся. Он покинул нас. Уехал. Знала бы ты, сколько народу тут хотело бы знать куда! Я бы тебе сказала, ей-богу. Кто-то у него весь стол вычистил, думали — найдем что-нибудь, всю квартиру обыскали — пропал! Так что не обессудь, никто тут понятия не имеет, где он.

После этого грустного разговора я сидела как пришибленная и все думала, думала... Потом взяла и набрала код офиса «Виннипегских волков». Я добралась так высоко, как только могла, — мне ответил мужчина, назвавшийся заместителем командира, и я сообщила ему про себя всю правду: кто я (Марджори Болдуин), где я (в Лас-Вегасе) и что мне нужно (найти моих друзей). Экран был пуст. Я сказала в пустоту:

— Ваша компания занималась охраной дома до того, как он был продан. Можете вы мне сообщить, кто купил его или какой агент занимался продажей?

Как мне хотелось увидеть физиономию того, кто мне ответил!

— Послушай, сестричка, жуликов и полицейских я чую даже через терминал. Пойди и скажи своему шефу, что в прошлый раз он ничего не добился и на этот раз у него ни хрена не выйдет.

Я сдержалась и по возможности спокойно ответила:

— Я никакой не полицейский. Даже не знаю, почему вы так про меня подумали. Я действительно в Лас-Вегасе, можете проверить. Позвоните мне сюда. Запишите код.

— И не подумаю.

— Ладно. Давайте так: у капитана Торми была пара черных «морганов». Можете сказать, кто их купил?

— Пошла вон, ищейка вонючая.

Да, Ян был прав на все сто: «Виннипегские волки» зря денег не брали.

Будь у меня побольше времени и денег, можно было бы попробовать что-то раскопать, отправившись в Виннипег или Сидней, и заняться этим лично. Если бы да кабы... За-

будь об этом, Фрайди, теперь ты уж точно — одна-одинешенька, ты потеряла их насовсем...

Хочется ли тебе видеть Голди так сильно, что ты не побоишься войны в Африке?

Но ведь Голди не хотела так сильно остаться с тобой, не отказалась от этой войны — это тебе о чем-нибудь говорит?

Да, говорит, говорит! Именно то, в чем я сама себе ненавижу признаваться. Людям я нужна меньше, чем они мне. Это все твоя проклятая чувствительность, Фрайди, и ты прекрасно понимаешь, откуда это идет, и знаешь, что об этом думал Босс.

Ну и отлично. Завтра же — в Найроби. Сегодня пишем отчет для Глории и Мортенсонов о «черной смерти». Потом хорошенько выспаться — и вперед. Да... чуть не забыла про разницу в десять с половиной часов! Выехать надо будет пораньше. И забыть даже думать волноваться о Жанет и К°, пока не вернусь с канатки, окончательно решив, куда эмигрировать. Потом можно будет рискнуть и потратить последние гроши на звонок Глории Томосава и последнюю попытку отыскать друзей. А Глория все устроит, как только я сообщу ей, какую планету выбрала.

Долго поспать мне не удалось.

Наутро я собрала пожитки. Всего-то — старая дорожная сумка, немного вещичек. Я бродила по кухне — что-то выбрасывала, что-то оставляла, добавляя в список для домохозяина очередные пункты. И вдруг зазвонил терминал.

На экране появилось лицо симпатичной молодой служащей — той самой, которая сообщила мне, что у нее шестилетний сын.

— Какая удача, что я вас застала, — сообщила она улыбаясь. — У моего босса есть для вас работа.

(«Timeo Danaos et dona ferentes»[1].)

Я ждала, что она скажет дальше.

Но она больше ничего не сказала. На экране возникла тупая рожа Фоссета.

— Вы говорили, что вы курьер?

---

[1] «Бойтесь данайцев, дары приносящих» *(лат.)*, из Вергилия.

— Самый лучший.

— В таком случае лучше бы вы действительно таковым оказались. Для вас есть работа в космосе. О'кей?

— Конечно.

— Записывайте. Франклин Мосби, «Файндерз, инк.», офис номер 600, здание «Шипстоун», Беверли-Хиллз. Да поторопитесь, он хочет поговорить с вами до полудня.

Я не стала записывать адрес.

— Мистер Фоссет, это обойдется вам в тысячу долларов плюс оплата проезда подземкой. Авансом.

— Что за чушь такая?

— Мистер Фоссет, вы бы лучше сдерживались в выражениях. Что я, дурочка, что ли? А если там мне ничего не светит? Потеряю день да деньги на дорогу...

— От вас можно с ума сойти. Ладно, получите деньги в офисе после беседы с боссом. А ехать вам надо прямо сейчас. Что до тысячи долларов... сказать вам, что я об этом думаю?

— Не затрудняйтесь. Если бы я нанималась телохранителем, дело другое, но как курьер... я лучшая из лучших, и, если этому человеку действительно нужен профессионал, он оплатит беседу со мной не задумываясь. Несерьезный вы человек, мистер Фоссет, — добавила я и отключилась.

Он опять позвонил минут через семь. Похоже, я его здорово обидела.

— Оплата проезда и тысяча долларов будут вручены вам на станции. Тысяча долларов будет получена вами в счет зарплаты, но, если вы не подойдете, придется вам их вернуть. То есть я получу свои комиссионные.

— Мистер Фоссет, деньги не вернутся ни при каких обстоятельствах, и с меня вы никаких комиссионных не получите — я вас своим агентом не назначала. Вы уж лучше бы с Мосби своего попробовали что-нибудь содрать. Но вот к зарплате моей это никакого отношения не имеет. И на станции денег ждать, как мальчик-побирушка, я не собираюсь. Если вы дело делаете, а не в бирюльки играете, пришлите деньги сюда.

— Это невозможно!

Физиономия его с экрана исчезла, но он оставался на связи.

— Послушайте, — улыбнулась мне его помощница, — мы вас вовсе не обманываем. Не откажетесь ли встретиться со мной на станции Нью-Кортес? Я туда постараюсь добраться как можно быстрее, и вы получите деньги на проезд и все остальное.

— Конечно, дорогая. Очень приятно будет еще раз с вами встретиться.

Я позвонила хозяину дома, сказала ему, что оставлю ключи в холодильнике, но отключать его не буду, чтобы не испортились оставшиеся там продукты.

Одного Фоссет не знал — я ни за что не отказалась бы от этой встречи: имя и адрес были те самые, что Босс велел мне запомнить незадолго до своей смерти. Раньше это мне не приходило на ум, потому что он не сказал, зачем я должна запомнить эту информацию. Вот и разберемся!

ГЛАВА 28

Дверь кабинета украшала скромная табличка: «Файндерз, инк.». И чуть ниже — «Специалисты по межпланетным проблемам».

Сидевшая за столиком в приемной девица прищурилась и процедила сквозь зубы:

— Только тебя тут и ждали. Проваливай, тут для тебя работы нет. Было местечко — вот меня взяли, ясно?

— Сомневаюсь, что ты тут долго продержишься. Могу я видеть мистера Мосби?

Она неторопливо разглядывала меня.

— Шлюха, что ли?

— Благодарю за комплимент. Ты где волосы красила? Скажи адресок. А теперь слушай. Меня послали сюда из офиса «Гиперспейс лайнз» в Лас-Вегасе. Каждая секунда обойдется твоему боссу в кругленькую сумму. Не исключено — из твоей зарплаты. Меня зовут Фрайди Джонс. Доложи обо мне.

— А вот мы проверим, — выдавила она, залившись злобным румянцем.

Резко нажав кнопку на крышке стола, она проговорила в микрофон:

— Фрэнки, тут какая-то деваха явилась. Треплет всякое. Говорит, будто ее из «Гипо» в Лас-Вегасе прислали. Брешет наверняка.

— Проклятье! Сколько раз я тебе говорил, чтобы ты так не обращалась ко мне на работе! Впусти ее немедленно!

— Как-то мне не верится, что она от Фоссета. Хочешь надуть меня?

— Заткнись и впусти ее!

Она отложила микрофон в сторону.

— Посиди тут. Мистер Мосби на конференции. Когда он освободится, я скажу тебе.

(Стыдно врать! Не говоря о том, что я прекрасно слышала, что говорила она, я слышала и ответы Мосби — со слухом у меня все в порядке и даже более того.)

— Он тебе не так сказал.

— А? Откуда ты знаешь, что он мне сказал?

— Он велел тебе не называть его «Фрэнки» на работе и впустить меня. Ты с ним препиралась, а он велел тебе заткнуться и впустить меня. Так что я пошла. И не советую тебе меня задерживать.

Она даже рта закрыть не успела.

Мосби было лет пятьдесят, но выглядеть он старался на тридцать пять. На нем был дорогой модный костюм. Широкая, до ушей, улыбка обнажала превосходные зубы. Глаза у него были холодные и неприветливые. Он широким жестом указал мне на кресло.

— Что это вы так задержались? Я сказал Фоссету, что хочу видеть вас до полудня.

Я поглядела на свой перстень-часы, потом — на его настольные часы.

— Двенадцать ноль четыре. За час я проехала четыреста пятьдесят километров по подземке, да еще шаттлом. Что, вернуться в Вегас и попробовать добраться быстрее? Или сразу к делу перейдем?

— Я просил Фоссета позаботиться о том, чтобы вы уехали из Вегаса десятичасовым экспрессом. Ну ладно. Похоже, вы ищете работу?

— С голоду пока не помираю. Мне сказали, что вам нужен курьер для задания за пределами Земли.

Я достала копию моего послужного списка и подала ему.

— Если я — то, что вам надо, расскажите, что за работа. Послушаю и скажу вам, интересует меня это или нет.

Он пробежал глазами листок.

— Судя по моей информации, вам очень нужна работа, и вы таки умираете с голоду.

— О, да — за пять минут до ленча я всегда жутко хочу есть. Посмотрите, там ранжирование моей зарплаты есть. Но ее можно пообсуждать, я согласна. Но только в плане повышения.

— Вы просто потрясающе самоуверенны!

Он еще раз поглядел в послужной список.

— Как поживает Толстопуз?

— Кто, простите?

— Тут написано, что вы работали на «Систем энтерпрайзис». Вот я и спросил: «Как поживает Толстопуз?» Толстопуз Болдуин.

(Это что, проверка? Неужели все, что произошло после завтрака, только на то и рассчитано, чтобы окончательно разозлить меня? Если так, то ни хрена у него не выйдет.)

— «Систем энтерпрайзис» возглавлял доктор Харли Болдуин. Никогда не слышала, чтобы кто-нибудь называл его Толстопузом.

— Да, пожалуй, он в своем роде доктор, это вы правы. Но в деловом мире его кличут Толстопузом. Ну, и как он поживает?

(Держись, Фрайди!)

— Он умер.

— Знаю. Интересно было, знаете ли вы. В нашем деле, знаете, не обходится без всяких обманщиков. Ладно, ближе к делу. Вернее — к телу. Давайте-ка поглядим на вашу кенгурушку.

— Прошу прощения?

(Где же мы засыпались, Фрайди? А... Да нет, с той бандой покончено, со всеми до одного — так, по крайней мере, считал Босс. Но это же не значит, что не было утечки

информации еще до того, как мы с ними покончили. Не важно как, но это произошло. Собственно, Босс это предполагал...)

— Фрэнки, мальчик, если вы собираетесь меня раздеть, имейте в виду, что ваша крашеная блондиночка за дверью все слышит и, скорее всего, записывает.

— О нет, она не слышит. Ей даны инструкции на этот счет.

— Я уже видела и слышала, как она выполняет ваши инструкции. Ей, например, запрещено называть вас «Фрэнки» на работе, однако она это делает. Послушайте, мистер Мосби, вы перешли к делам строжайшей секретности в обстановке, далекой от секретности. Если вы желаете, чтобы она участвовала в переговорах, пусть она придет сюда. Если нет, то отключите связь с ней. Мне нужна гарантия полной безопасности.

Он нервно забарабанил пальцами по столу, резко встал и вышел в приемную. Дверь была не совсем звуконепроницаемая. До меня доносился звук их голосов. Ругались, естественно. Вернувшись, выглядел он несколько взъерошенным.

— Она пошла на ленч. Все. Давайте перестанем препираться. Если вы — та, за кого себя выдаете, то есть Фрайди Джонс, известная также под именем Марджори Болдуин, и ранее работали на Толсто... на доктора Болдуина, ответственного директора «Систем энтерпрайзис», значит, у вас имеется искусственно созданная полость под пупком. Продемонстрируйте мне ее. Докажите, что вы — это вы.

Я ненадолго задумалась. Требование подтвердить свою личность — вполне логичное требование. Отпечатки пальцев — чушь собачья, по крайней мере, в профессиональных кругах. Теперь было ясно как белый день, что наличие у меня полости для переноса капсул с секретной информацией не было тайной за семью печатями. Босс так мне и говорил. Пользы больше в ней не было никакой — разве только для того, чтобы доказать, что я — это я.

— Мистер Мосби, вы выложили тысячу долларов за беседу со мной.

— Вот именно! Но пока, кроме упрямства, от вас ничего не добился.

— Прошу прощения, но до сих пор ко мне никто не обращался с подобной просьбой. Это был секрет. Так я, по крайней мере, думала. Но, по всей вероятности, это больше не секрет, раз вы об этом знаете. Для меня это означает одно-единственное: для секретных заданий я больше не гожусь. Так что, если та работа, которую вы мне хотите предложить, подразумевает мой пупок, вы бы лучше подумали хорошенько. Секрет, о котором немножко знают, — это все равно что немножко беременная девушка.

— Ну... и да и нет. Покажите.

Я показала. Я ношу под пупком гладкий нейлоновый шарик диаметром в один сантиметр, чтобы полость в промежутках между заданиями не сморщивалась. Я вынула шарик и убрала обратно. Он имел возможность убедиться, что на вид мой пупок неотличим от нормального.

— Да, не сказал бы, что туда много поместится, — объявил он после внимательного осмотра.

— Ну, знаете, тогда вам действительно лучше нанять кенгуру.

— Но для нас подойдет. Вполне подойдет. Вы будете заняты переносом самого драгоценного груза в Галактике, но много места он не займет. Одевайтесь. Пойдемте позавтракаем. Но нам нельзя — ни в коем случае нельзя опоздать.

— Это вы о чем?

— По дороге расскажу. Пойдемте скорее.

У подъезда нас ожидал экипаж. На окраине Беверли-Хиллз, за холмами, что дали название городу, находилась маленькая старая гостиница. Тут пахло большими деньгами — запах, к которому я не испытываю отвращения. В промежутках между пожарами и Великим землетрясением гостиницу несколько раз перестраивали и каждый раз старались отстроить так, чтобы она снова выглядела как раньше (так я слышала, по крайней мере), но последний раз ее перестроили таким образом, что придали ей абсолютную пожаро- и сейсмоустойчивость.

Дорога туда заняла у нас минут двадцать. Все время, пока мы ехали, Мосби усиленно накачивал меня информацией.

— Это единственная возможность ввести вас в курс дела без опасения, что нас подслушивают, — пояснил он.

Интересно, подумала я, сам-то он верит в то, что говорит? Мне-то казалось, что в экипаже было как минимум три места для «жучков» — моя сумка, его карманы и подушки сидений. Да мало ли может быть таких мест — самых что ни на есть неожиданных. Но это — его проблемы. У меня секретов не было. Никаких — теперь мой несчастный пупок был окошком, открытым для всего света...

— Так что говорить я буду быстро. На ваши условия по оплате я согласен. Выполнив задание, вы получите большую премию. Полетите с Земли на Жемчужину. Именно за это мы вам и заплатим. Обратный путь нежелателен, но поскольку продолжительность круиза — четыре месяца, вы за четыре месяца и получите. Премию получите в конце круиза — в столице Жемчужины. Зарплата за первый месяц авансом, остальное — по дороге. О'кей?

— О'кей.

Я всеми силами сдерживала восторг. Круиз к Жемчужине? Боже ты мой, еще вчера я только мечтала отправиться в это путешествие с оплатой на уровне младшего офицера!

— Как насчет оплаты дорожных расходов?

— Расходов у вас предвидится немного. Лайнеры для Большого круиза предусматривают включение всех расходов в стоимость проезда.

— А взятки, чаевые, экскурсия в местах посадок, карманные деньги, игра в бинго — да мало ли что там есть на корабле? Такие расходы составляют как минимум двадцать пять процентов от стоимости билета. Если мне надо будет разыгрывать из себя богатую туристку, я и вести себя должна соответствующим манером. Я так должна буду себя вести?

— А?.. Ну да. Хорошо, хорошо, никто не против, если вы потратите за дорогу несколько тысяч, разыгрывая из себя миллионершу. Записывайте расходы и в конце пути представите нам счет.

— Нет. Не пойдет. Деньги вперед — двадцать пять процентов от стоимости билета. Расходы я записывать не стану — это не соответствует образу. Разве миллионерша станет записывать расходы?

— Ладно, ладно, договорились! Помолчите и дайте мне сказать, мы уже скоро приедем. Вы — живой артефакт.

— Вы что, хотите меня обидеть? — поинтересовалась я, изо всех сил удерживаясь от просившейся на язык грубости.

— Вовсе не хочу. Не принимайте этого близко к сердцу. Вы и я — мы прекрасно понимаем, что искусственного человека трудно отличить от настоящего. Итак, вы будете заняты доставкой модифицированной человеческой яйцеклетки. Доставите вы ее в капсуле, которая будет помещена в полость под вашим пупком. Постоянная температура и прочие условия сохранят яйцеклетку в состоянии статического равновесия. Когда вы доберетесь до Жемчужины, вы подцепите простуду или еще какую-нибудь легкую хворобу и окажетесь в больнице. Там у вас вынут то, что вы доставите, и это будет передано туда, куда нужно. Вы получите премию и выпишетесь из больницы... с радостным сознанием того, что вы помогли молодой супружеской чете обзавестись прекрасным, здоровым младенцем, в то время как при другом стечении обстоятельств у них родился бы дефективный. Рождественская болезнь[1].

— Дофина, — сказала я уверенно.

— Что? Не болтайте ерунду!

— И наверняка что-нибудь посерьезнее рождественской болезни. Для члена королевской семьи это так типично. Ясно. Видимо, Первый Гражданин очень беспокоится, и я его вполне понимаю — на этот раз престол наследуется не через сына, а через дочь... Значит, работа еще более серьезная и опасная. Цена будет выше.

Пара прекрасных гнедых следующие несколько сот метров взбиралась по холму при гробовом молчании Мосби.

— Хорошо, — изрек наконец Мосби. — Спаси вас гос-

---

[1]Рождественская болезнь — просторечное название гемофилии.

подь, если вы проговоритесь. Жить вам останется недолго. Мы увеличим размер премии и...

— Черт бы вас побрал, вы увеличите ее в два раза! И положите на мой счет до того, как мы нырнем в гиперпространство. В таких делах люди склонны забывать о своих обещаниях.

— Ладно, я сделаю все, что смогу. Завтракать мы будем с мистером Сикмаа. Прошу вас учесть: он — личный представитель Первого Гражданина на Земле с международным рангом чрезвычайного посла и премьер-министра. Так что очень вас прошу, напрягитесь и соблюдайте правила этикета.

Четыре дня спустя мне снова нужно было помнить о соблюдении правил этикета в присутствии капитана лайнера «Форвард». Звали меня теперь мисс Марджори Фрайди, и я была настолько оскорбительно богата, что меня доставили на стационарную станцию на личном антигравe — яхте мистера Сикмаа — и допустили на борт корабля в обход таких неизбежных формальностей, как проверка паспорта, медицинский осмотр и тому подобное. Тогда же был доставлен на борт мой багаж — чемодан за чемоданом, наполненные дорогой одеждой, соответствующими ей украшениями. Но этим занимались другие — мне не было нужды ни о чем заботиться.

Три из четырех дней до этого я находилась во Флориде. Местечко, куда меня поместили, слегка смахивало на больницу, но на самом деле это была (уж кого-кого, а меня на мякине не проведешь!) самым совершенным образом оборудованная биоинженерная лаборатория. Я могла бы, конечно, разнюхать досконально, что это за заведение, но свои догадки я держала при себе. Тут не поощряли раздумий ни на какой счет. Пока я там находилась, меня самым скрупулезным образом обследовали — я о такой тщательности даже не помышляла. Зачем им было нужно до таких тонкостей изучать мой организм, я не понимала — наверное, хотели, чтобы яйцеклетку, предназначенную для будущего рождения того, кто потом станет Первым Гражданином, нес в себе некто, обладающий по всем параметрам

безукоризненным здоровьем. Следовательно, нужно было держать язык за зубами.

Мистер Сикмаа когтей не выпускал — не то что Фоссет и Мосби. Как только он решил, что я ему подхожу, он отослал Мосби и вел со мной переговоры настолько милостиво, что у меня не было нужды с ним спорить. Двадцать пять процентов на карманные расходы? Мало. Пусть будет пятьдесят. Вот, возьмите — золотом, в Луна-Сити можно будет обменять на золотые сертификаты. Если вам будет нужно, скажете казначею и распишетесь в получении, на мой счет. Нет, не надо подписывать контракт — не такое это задание. Просто скажите мне обо всем, что вам нужно, — и вы это получите. Вот вам небольшой буклет — там все написано про то, кто вы такая, где вы учились и тому подобное. В ближайшие три дня у вас будет масса времени ознакомиться со всем этим, все запомнить. Потом это надо будет сжечь. Но даже если вы забудете сжечь, знайте, что волокна бумаги пропитаны специальным составом, и ровно через три дня буклет начнет желтеть и рассыплется у вас на глазах.

Мистер Сикмаа продумал все. Прежде чем мы покинули Беверли-Хиллз, он вызвал фотографа, и тот снял меня в разных видах: с одной только улыбкой на лице, до пояса, до колен, в полный рост. Когда на «Форвард» прибыл мой багаж, я обнаружила, что все вещи подходят мне абсолютно, все фасоны и цвета шли мне потрясающе, а на ярлыках одежды и обуви красовались имена лучших модельеров Рима, Парижа и Лондона.

Я не привыкла к жизни в высшем свете и мало понимаю в том, как это делается, но мистер Сикмаа продумал и это. Около входного люка «Форварда» меня встретила хорошенькая девушка с восточными чертами лица, назвалась Шизуко и сообщила мне, что она — моя личная служанка. Вообще-то я мылась и одевалась самостоятельно с пятилетнего возраста и как-то не ощущала жгучей потребности в камеристке, но, видимо, и тут мне не положено было рта открывать.

Шизуко отвела меня в каюту класса «ВВ» размерами... ну, в общем, еще бы чуть-чуть — и тут можно было бы играть

в волейбол. Как только мы вошли, Шизуко объявила мне, что у нас времени в обрез — ей нужно было успеть приготовить меня к обеду.

Обед намечался аж через три часа, и мне лично показалось, что времени у нас — вагон и маленькая тележка. Но она была неумолима, и мне пришлось вытерпеть все, что выпало на мою долю: было ясно, что и этот подарочек для меня приготовил мистер Сикмаа...

Она приготовила ванну и вымыла меня. Пока она этим занималась, я ощутила легкое изменение силы тяжести — корабль стартовал в гиперпространство. Шизуко успокоила меня и продолжала делать свое дело умело и ласково — было ясно, что тут она большой специалист. Подозрительно молоденькая, правда...

Целый час у нее ушел на мое лицо и прическу. Раньше я умывалась исключительно по необходимости, а за волосами ухаживала самым примитивным образом — расчесывала щеткой, и дело с концом. Теперь я со стыдом почувствовала, какая я была неряха. Пока Шизуко творила из меня богиню Любви и Красоты, загорелся экран терминала. На экране появились строчки, тут же включился принтер, и на ленте распечаталось содержание информации:

КАПИТАН ГИПЕРКОСМИЧЕСКОГО КОРАБЛЯ «ФОРВАРД» ОТ ИМЕНИ КОМПАНИИ ПРИГЛАШАЕТ МИСС МАРДЖОРИ ФРАЙДИ ВЫПИТЬ БОКАЛ ШЕРРИ И ЗАКУСИТЬ В КАПИТАНСКОЙ КАЮТЕ В ДЕВЯТНАДЦАТЬ НОЛЬ НОЛЬ.

Я была поражена. А Шизуко — ни капельки. Она уже достала и приготовила для меня платье в стиле «коктейль». Оно оказалось мне совершенно впору, и, смею вас уверить, так неприлично одета я до сих пор не была ни разу в жизни.

Шизуко не позволила мне выйти вовремя. Она нарочно протянула время, и в результате я продефилировала сквозь строй собравшихся на семь минут позже назначенного часа. «Хозяйка» круиза представила меня (надо же, и она уже знала мое теперешнее имя), и капитан склонился над моей рукой. Я была вынуждена признаться самой себе, что присутствовать на корабле в качестве Очень Важной Персоны поприятнее будет, чем в роли телохранителя или охранника.

«Шерри» означало крепкие коктейли, мягкие коктейли — «Исландский», «Черная смерть», «Весенний дождь» по рецепту с Жемчужины, датское пиво, какая-то розовая водичка с Фемиды. Я была почти уверена, если попросить — там нашелся бы и «Пот пантеры». Кроме того, на столе было сортов тридцать очаровательных маленьких тартинок со всем на свете. Я была искренне признательна мистеру Сикмаа. Выпила немного коктейля — совсем маленький бокальчик — и поддалась искушению поесть не менее тридцати одного раза.

И хорошо, что не больше. На корабле приходится украшать себя салфеткой восемь раз в день (я сама сосчитала!). Кофе рано утром — и не пустой, а с печеньем, потом — утренний освежающий напиток перед завтраком, тиффин, час коктейлей с закусками (тридцать искусительных канапчиков), обед (семь блюд, если вы выдержите марафон до конца), полночный буфетный ужин. Но если вы, не дай бог, проголодались во внеурочное время, вам всегда доставят в каюту сэндвичи.

На корабле было два бассейна, гимнастический зал, турецкие бани, шведская сауна и «клиника шейпинга». Пройдетесь туда-обратно по главному коридору — считайте, километр одолели. Но я думаю, что для того, чтобы похудеть, этого недостаточно: некоторые всю дорогу через Галактику только и делают, что едят напропалую. Хорошо бы, думала я, чтобы я сумела отыскать собственный пупок, когда доберусь до Жемчужины.

Доктор Джерри Медсен, младший офицер медицинской службы, который выглядел, прямо скажем, молодо для врача, вытянул меня из толпы гостей на капитанском коктейле, а потом дождался меня после обеда. Он не обедает ни в капитанском салоне, ни даже в общей столовой — ест вместе с другими младшими офицерами в кают-компании. Он увел меня в зал «Галактика», где мы танцевали, а потом смотрели кабаре-шоу — там пели, танцевали, выступал фокусник... Это заставило меня вспомнить о волшебных голубках, о Голди, и мне стало немножко грустно, но я постаралась отвлечься.

Потом опять были танцы, и еще двое молодых офице-

ров — Том Аделл и Хайме Лопес наперебой приглашали меня, сменяя Джерри. Наконец, когда в зале погасили огни, все трое повели меня в маленький бар под названием «Черная дыра», и я твердо решила напиться, но, когда они приглашали меня танцевать, соглашалась. Доктор Джерри пересидел остальных и проводил меня до моей каюты довольно-таки поздно по корабельному времени, но не так уж поздно по флоридскому (утром я проснулась во Флориде, как вы, надеюсь, помните).

Шизуко ожидала меня, одетая в парадное кимоно, шелковые шлепанцы, и накрашена была гораздо ярче, чем утром. Она низко поклонилась нам и дала понять, что мы можем посидеть за ширмой в дальнем углу каюты. Она быстро приготовила для нас маленький чайный столик — был подан чай с крошечными бисквитами.

Джерри просидел недолго — вскоре он встал, пожелал мне доброй ночи и удалился. Потом Шизуко раздела меня и уложила спать.

Никаких особых планов насчет Джерри у меня не было, но, думаю, он легко уговорил бы меня, будь он понастойчивее. Я — человек слабый, я это знаю. Но нам обоим было ясно, что за ширмой, сложив ручки на коленях, сидит Шизуко — слушает и смотрит. Джерри даже не поцеловал меня на прощанье.

Уложив меня в постель, сама Шизуко легла по другую сторону ширмы, немного повозившись с постельными принадлежностями, вынутыми из гардероба.

Да, давненько за мной так пристально не наблюдали — даже в Крайстчерче такого не водилось. Может быть, это пункт моего неподписанного контракта, а?

ГЛАВА 29

Космический корабль — гиперкосмический, точнее говоря, — ужасно интересная вещь. Для того чтобы понять, как он летит, нужно иметь недюжинные познания в области волновой механики и пространственной геометрии — таких познаний у меня нет и в помине и, боюсь, никогда не будет (хотя я была не против вернуться и поучиться это-

му даже сейчас). Ракеты... тут нет никаких особых сложностей — это нам еще Ньютон объяснил, что к чему. Антигравитация была сказкой, несбыточной мечтой, пока не появился «Форвард». Теперь про это знает каждый школьник. Но каким образом корабль, весящий что-то около ста тысяч тонн (как мне сообщил капитан), ухитряется лететь со скоростью, в восемнадцать раз превосходящей скорость света, и при этом никто не проливает на себя суп и даже не просыпается — уму непостижимо!

В общем, я не понимаю. На корабле стоят самые громадные «Шипстоуны», какие я когда-либо видела... и Том Флаерти (второй помощник главного корабельного инженера) сказал мне, что они частично разряжаются только при «прыжках через гиперпространство», а на протяжении всего путешествия обеспечивают только, как он выразился, «паразитические» энергетические потребности — освещение и обогрев корабля, приготовление пищи, специальные службы и так далее.

Это для меня звучит как нарушение закона сохранения энергии. Меня учили регулярно мыться и не верить, что существует бесплатный ленч, — я так ему и сказала. Он усмехнулся и ответил, что на самом деле все работает в полном соответствии с законом сохранения энергии — ну, что-то вроде небольшого фуникулера. Что заложил, то и получил.

Вот уж не знаю. Не видела я на корабле ни кабелей, ни проводов. Какой там фуникулер? Но все работает!

Еще более непонятная штука — навигация для такого корабля. Только ее не называют навигацией. Даже астрогацией не называют. Зовется это космонавтикой. Но тут кто-то явно Фрайди голову морочит. Мне говорили офицеры-инженеры, что офицеры на мостике (это только название одно, никакого мостика, конечно, в помине нет) — всего-навсего для виду, всю работу делает компьютер, а вот мистер Лопес, второй помощник, признался, что инженеры тоже нужны на корабле как прошлогодний снег, но таково требование Гильдии, а работу все равно делает компьютер.

Да, не знать математики — это все равно что слушать лекцию на незнакомом иностранном языке.

Была и еще одна новость. Когда в Лас-Вегасе я размышляла о Большом круизе, я думала, что маршрут таков: Земля, Проксима, Форт, Фемида, Форест, Пальмира, Гальцион, Дезирада, Жумчужина — и обратно на Землю, потому что так говорится в рекламных проспектах. Вот и неправда. Все круизы перекроены. Нет, все девять планет обязательно посещаются. Но единственное, что можно сказать наверняка, так это то, что Земля находится в одном конце маршрута, а Жемчужина — в другом, почти за сто световых лет от Земли. Семь промежуточных планет-стоянок могут быть посещены либо по пути туда, либо по пути обратно. Однако при этом существует правило: на пути от Земли при остановке на любой из планет расстояние от Земли должно возрастать, а по пути обратно — сокращаться. На самом деле это все не так сложно, как звучит: просто корабль не делает петель. Так вы составляете свой маршрут, когда идете по магазинам за покупками.

Но все равно тут много тонкостей. Девять звезд — солнц этих планет выстраиваются приблизительно в прямую линию. Вот, взгляните на этот рисунок с Кентавром и Волком. Если смотреть с Земли, то кажется, что все эти звезды расположены ближе к переду Кентавра либо ближе к хвосту Волка.

(Я знаю, что Волк выглядит так себе, но надо же учесть, что Кентавр убивает его уже тысячу с лишним лет!). И потом: я никогда не видела живого волка — то есть настоящего, на четырех лапах. Так что не обессудьте. (Да, кстати, Кентавра я и подавно не видела.)

Вид звездного неба с Земли.
Созвездия Кентавра и Волка

Правое восхождение (ПВ) в часах и минутах (1ч.=15гр. дуги)						
15/20	15/00	14/40	14/20	14/00	13/40	Склонение в градусах (южное)

Вот так эти звезды выглядят на ночном небе с Земли. Но чтобы увидеть их все вместе, нужно находиться не севернее Флориды или Гонконга. Даже тогда, увы, невооруженным глазом вы разглядите только альфу Центавра.

Но альфа Центавра (Ригель) действительно светится. Это третья по яркости звезда на земном небе. На самом же деле — это сразу три звезды. Одна, самая яркая, — сестрица нашего Солнца. Близко к ней находится вторая, менее яркая. А третья отдалена от первых двух на пятнадцать световых лет. Много лет назад альфа Центавра была известна под названием «Проксима». Потом кому-то взбрело в голову измерить расстояние до третьей звезды, и оказалось, что она находится совсем немного, на самую капельку, ближе к Земле, поэтому и название «Проксима», то бишь «ближайшая», было дано именно ей. А еще позже, когда была основана колония на третьей планете альфы Центавра А, то есть близняшки нашего Солнца, колонисты назвали Проксимой планету.

Я думаю, что в то время астрономы, пытавшиеся назвать Проксимой третью звезду альфы Центавра, уже благополучно отошли в мир иной, поэтому колонисты были свободны в своем выборе.

И молодцы, совершенно правильно поступили. Понимаете, какая штука: та звездочка, которую пытались назвать Проксимой из-за того, что она чуть-чуть поближе к Земле, очень скоро станет дальше от нее — совсем скоро, стоит только затаить дыхание на пару тысячелетий. А уж по законам баллистической связи в среднем до нее такое же расстояние, как до первых двух звезд.

А теперь посмотрите на второй набросок — там, где вверху «Правое восхождение», а справа — световые годы.

Наверное, я была первой из пассажиров корабля — многих сотен пассажиров, кто не знал, что ближайшей нашей остановкой будет не Проксима. Мистер Лопес, который водил меня на экскурсию на «мостик», смотрел на меня, как на малого ребенка, который только что поскользнулся и разбил коленку. (Но это совершенно неважно — его-то как раз мои мозги, похоже, вовсе не интересовали.) Мистер Лопес объяснил, что в этот раз до Проксимы было совсем немного пассажиров и практически не было грузов, которые надо туда доставить. Небольшой груз и пассажиры остались на стационарной станции ждать следующего лайнера — «Максвелл», который отправится через

месяц. А «Форвард» остановится у Проксимы на обратном пути, с грузом, а может, и с пассажирами, взятыми на борт на семи промежуточных стоянках. Мистер Лопес пытался мне объяснить (а я так и не уяснила, в чем дело), что путь длиной в многие световые годы в космосе не стоит ничего — только питание для пассажиров, но вот стоянка на планете жутко дорога, поэтому при выборе остановок должен строжайшим образом соблюдаться финансовый баланс.

Правое восхождение в часах и минутах						
15/20	15/00	14/40	14/20	14/00	13/40	расстояние от Земли в световых годах

Итак, вот как выглядел наш маршрут (еще разок взгляните на второй рисунок): сначала — Форт, потом — Пальмира, потом — Жемчужина, затем Дезирада, Гальцион, Форест, Фемида, Проксима (наконец-то) и — домой, на Землю.

Думаете, это меня огорчило? Вовсе нет! Это означало, что я избавлюсь от «самого драгоценного груза в Галактике» меньше чем через месяц после старта со стационарной станции, а потом начнется настоящий круиз. Просто блеск! И никакой напряженки, ответственности и прочего. Куча времени, чтобы успеть осмотреть все колонии, окружение целого отряда молодых звездолетчиков, от которых приятно пахло и которые всегда были исключительно, подчеркнуто вежливы. Если Фрайди (или мисс миллионерша, как вам будет угодно) не сумеет развлечься при таких обстоятельствах, можете ее кремировать. Значит, она померла, бедняжка.

А теперь взгляните на третий рисунок — на тот, где вверху обозначено склонение, а справа — световые годы.

Тут уж маршрут выглядит вполне логично. Если вам покажется, что при перелете от Форта к Пальмире корабль пересекает фотосферу солнца Фореста, не верьте глазам своим и посмотрите еще раз на второй рисунок. Вы поймете, что на самом деле маршрут пролегает на расстоянии многих световых лет от Фореста. Если вам не лень, возь-

мите данные, приведенные на рисунках и в таблице, которую я приведу чуть позже, введите их в компьютер, дайте ему команду построить трехмерную голограмму и посмотрите, что получится. Все сразу станет намного яснее. Мистер Лопес, перу которого принадлежат наброски (все, кроме Кентавра Джо и братца Волка), предупредил меня о том, что рисунок на плоскости ни в коей мере не отражает сути трехмерной космонавтики. Но если представить себе эти рисунки примерно как план дома — то есть вид сверху, разрез, вид сбоку и тому подобное, — то приблизительное представление составить можно.

Когда мистер Лопес дал мне распечатку этой таблицы, он предупредил меня, что точность данных примерно соответствует той, которую приводят на этапе обучения в начальной школе. Нет, понимаете, если вы станете по этим координатам наводить телескоп, то вы, конечно, найдете нужную звезду, но для научных целей, для космонавтики вам следует гораздо более подробно и точно знать цифры после запятой, да еще проводить постоянную коррекцию по «эпохам» — ведь ни одна звезда не стоит на месте. Солнце Форта движется медленнее других — примерно с той же скоростью, что и звезды в нашей Галактике. Но солнце Фемиды (Ню (2) Волка) имеет вектор скорости 138 километров в секунду. Этого достаточно, чтобы Фемида сместилась больше чем на миллиард с половиной километров в промежутке между двумя рейсами «Форварда», то есть всего за пять месяцев. Мистер Лопес объяснил мне, чем чреваты ошибки в расчетах — *шкипер просто-напросто* вылетает с работы. Мастерство шкипера оценивается по тому, насколько близко от порта захода он выведет корабль из подпространства, и желательно, чтобы он при этом никуда не врезался (например, в звездочку). Ну все равно что вести автомобиль с повязкой на глазах!

Но я никогда не буду водить гиперкорабли, а капитан ван Кутен — человек серьезный, солидный. Вечером, за обедом, я спросила у капитана насчет Фемиды. Он кивнул и ответил:

— Та, мы путем там опясятельно. Ф прошлый рас репя-

та там пыли — я их отпрафил, чтопы они купили кое-чефо ф контитерской.

Не знаю, чего он от меня ожидал — что я посмеюсь удачной шутке или поверю ему. На всякий случай я спросила, что же они купили в кондитерской. Но вместо ответа он повернулся к даме, сидевшей по другую руку, и сделал вид, что вопроса не расслышал. (Что же за божественные кондитеры должны быть на Фемиде! Тут, на корабле, пекут такие потрясающие сладости...)

Капитан ван Кootен производит впечатление доброго папочки, но мне вовсе не хотелось бы встретиться с ним, когда у него будет в одной руке бластер, а в другой — кортик и он будет усмирять толпу разбушевавшихся головорезов. Хорошо с ним на корабле, спокойно.

Очень скоро я убедилась, что Шизуко — не единственный мой телохранитель. Я насчитала по меньшей мере четверых и думаю, что это не все. Скорее всего, есть еще — бывали случаи, когда я кожей ощущала слежку, а никого из четверых поблизости не было.

Данные о восьми планетах-колониях и их звездах

Свет. лет от Земли	Название	Номер в каталоге	Спектр. тип звезды	Темп. на поверх. (жК)	Абс. величина	ПВ и склонение	Примечание
40,7	Форт	ДМ-54 5466	G8	5300	5,5	13 ч. 53 мин. 44/46	Холодная, суровая
67,9	Пальмира	ДМ-44 9181	G4	5900	4,7	14 ч. 12 мин. 44/46	Похожа на Землю
98,7	Жемчужина	ДМ-518 206	G5	5700	5,4	14 ч. 24 мин. 53/43	Богатая империя
4,38	Проксима	Альфа Центавра А	G2	5600	4,35	14 ч. 36 мин. 60/38	Старейшая колония
57,15	Форест	ДМ-48 9494	G5	5500	5,1	14 ч. 55 мин. 48/39	Новая, примитивная

Свет. лет от Земли	Название	Номер в каталоге	Спектр. тип звезды	Темп. на поверх. (жК)	Абс. величина	ПВ и склонение	Примечание
50,1	Фемида	Ню (2) Волка	G2	5800	4,7	15 ч. 18 мин. 48/08	Изолированная
90,5	Дезирада	ДМ-47 9926	G5	5600	6,1	15 ч. 20 мин. 47/44	Теократия
81,45	Гальцион	ДМ-49 9653	G5	5300	5,7	15 ч. 26 мин. 49/47	Изолированная
	Солнце		G2	5800	4,85		Для сравнения

Паранойя? Мания преследования? Похоже, но только это неправда.

Я — профессионал и много раз оставалась в живых именно потому, что успевала заметить то, чего не видели другие. На корабле было шестьсот тридцать два пассажира первого класса, шестьдесят с лишним офицеров, остальные члены команды — все при форме, обслуживающий персонал — управляющие, партнеры по танцам, развлекатели и тому подобное. Последние, кстати, одеты так же, как пассажиры, но они молоды, они улыбаются и делают свое дело так, чтобы пассажиры были счастливы.

Пассажиры... В первом классе пассажир моложе семидесяти — редкость. Я таких насчитала совсем немного: две девочки-подростка, один мальчик помладше, две молодые женщины и молодая супружеская пара в свадебном путешествии. Все остальные, летевшие первым классом, — вполне подходящие кандидаты в дом престарелых. Очень старые, очень богатые, жутко скучные и самовлюбленные — за исключением небольшой кучки старичков, которые каким-то образом ухитрились состариться и не превратиться в снобов и зануд.

Естественно, ни детишки, ни старики никак не могли быть моими телохранителями. Обслуживающий персонал... эту мысль я отбросила в первые же сорок восемь ча-

сов. Вполне можно было ожидать, что ко мне приставили кого-то из младших офицеров, но это вряд ли: они были слишком заняты — каждый из них по восемь часов в сутки был на вахте, а оставшегося времени им никак не хватило бы на такую важную работу. Но чутье не обманывало меня: я отлично понимала, почему они вьются вокруг меня. Не хотелось бы об этом говорить... но на корабле молодых женщин можно было по пальцам сосчитать. То есть, говоря языком цифр, тридцать один молодой офицер — все красавцы на подбор — на четыре молодых одиноких женщины в первом классе.

При такой пропорции молодой даме нужно было быть страшнее атомной войны, чтобы за ней всюду не таскался хвост кавалеров.

Произведя такое исследование, я обнаружила, что есть еще кое-какие мужчины — не офицеры, не обслуга, кто же они? Из первого класса? Да, они питались в зале «Амброзия». Деловые люди? Может быть, но деловые люди обычно летают вторым классом: там не так роскошно, но почти так же комфортабельно и билет вполовину дешевле.

Итак, я заметила, что когда Джерри Медсен приводит меня в «Черную дыру», там за столиком в углу сидит постоянная компания.

Утром, когда Хайме Лопес сопровождал меня в бассейн, та же самая компания плавала рядышком. В картежном салоне, где я играла в дурачка с Томом, мои тени играли в солитер за соседним столиком.

Ну раз, ну два — еще могло бы быть совпадение... но к концу третьего дня я была абсолютно и бесповоротно уверена, что всякий раз, когда я нахожусь за пределами своей каюты, один из четверых присутствует в поле зрения. Он остается от меня настолько далеко, насколько позволяют размеры помещения, но присутствует всегда.

Мистер Сикмаа убеждал меня, что я доставляю «самый драгоценный груз в Галактике, какой когда-либо доставлял курьер». Но он ни словом не обмолвился о том, что собирается напичкать корабль телохранителями. Может, он боялся, что найдется коварный воришка, которому вздумается похитить сокровище из-под моего пупка?

Или эти шпики не от мистера Сикмаа? Вдруг тайное стало явным еще до того, как я покинула Землю? Мистер Сикмаа произвел на меня впечатление профессионала, предусматривающего всякие неожиданности... ну, а как насчет Мосби и его ревнивой секретарши? Об этом я не знала ничегошеньки, равно как ни бельмеса не смыслила в политике на Жемчужине, чтобы можно было строить какие-то догадки...

Позднее: обе молодые женщины тоже наблюдают за мной, но они таскаются за мной только тогда и только туда, куда не могут пройти мужчины — в косметический салон, женскую сауну и т. п. Они мне не мешают, но все это начинает надоедать. Скорее бы мне избавиться от «посылки», чтобы расслабиться и полностью насладиться этим восхитительным путешествием! К счастью, как раз после Жемчужины самое интересное и начиналось. Форт — это такой морозильник (в буквальном смысле слова), что там посадка «Форварда» не планируется. Будет только экскурсия на катере для желающих. Говорят, что очень мила Пальмира, и мне обязательно нужно будет взглянуть на эту планету — кто знает, может, именно туда мне суждено будет эмигрировать.

Говорят и пишут, что Жемчужина очень богата и красива, и я не против побывать там как туристка, но переезжать туда я не буду. Хотя официальные источники постоянно твердят, что там все в порядке с правлением, Жемчужина — абсолютная диктатура, а уж этого добра мне и в Империи по горло хватило. Но была еще одна причина, почему я не хотела просить туда визу: я слишком много знала. То есть официально я не знала ничего: мистер Сикмаа мне ни слова не сказал, да я и не спрашивала, но я не хочу испытывать судьбу и оставаться жить там.

Еще мне хотелось взглянуть на Дезираду, но жить там мне тоже не хотелось бы. Да-да, я понимаю, два солнца в небесах — это, наверное, просто потрясающее зрелище, и поглядеть там есть на что — на папу-в-изгнании. Это чистая правда — там открыто служат мессу. Так говорят Джерри Медсен и капитан ван Кутен, они видели это собст-

венными глазами, и говорят, что я сама могу посмотреть, если захочу, — это бесплатно, только нужно внести пожертвование, дабы продемонстрировать добрые намерения и милосердие.

Надо бы обязательно там побывать. Вряд ли еще когда-нибудь представится такая возможность.

Несомненно, я взгляну также на Гальцион и Фемиду. Обе эти планеты, судя по всему, весьма специфические, иначе стоянка там была бы не такая дорогая и начальный взнос не был бы так высок. Я догадывалась, что жить там мне вряд ли будет по нраву. Обидно было бы просить Глорию выложить такие деньги, а потом понять, что я ненавижу это место, — ну как с Эдемом.

Форест для туриста, похоже, особого интереса не представляет, но на него нужно будет поглядеть повнимательнее. Это — самая новая колония, еще совсем не обустроенная и полностью зависит по части снабжения всем необходимым для жизни и от Земли, и от Жемчужины.

Про Форест Джерри говорит с кислой миной. Он советует мне посмотреть... и убедиться лично, что радости жизни в девственном лесу сильно преувеличены.

Я не знаю. Может быть, можно будет оформить временную визу, а потом удрать оттуда обратным рейсом или другим кораблем. Нужно спросить капитана.

Вчера в театре «Звездная пыль» было грандиозное шоу, которое мне очень хотелось посмотреть. Голографический спектакль «Янки из Коннектикута и царица Гиневра». Это, как мне говорили, замечательная музыкальная комедия с романтической музыкой, кучей красивых лошадей и не менее красивых актеров. Я решила пойти одна, без своих постоянных кавалеров. Ну то есть почти одна — от моих таинственных телохранителей я избавиться не могла при всем желании.

Человек (я про себя его называла «номер третий»), который в списке пассажиров значился как Говард Дж. Булфинч из Сан-Диего, вошел следом за мной и уселся за спиной. Это было что-то новенькое — раньше они старались держаться от меня подальше. Может, ему показалось,

что он потерял меня, когда выключили свет? Не знаю. То, что он был так близко, отвлекало меня от зрелища. Царица, понимаете, упала в объятия янки и увлекла его в будуар, а я пыталась вывернуться наизнанку и вынюхать — в буквальном смысле слова! — что было на уме у того, кто сидел у меня за спиной. В переполненном театре это было нелегко. Когда фильм закончился и зажегся свет, я вышла по боковому проходу. Мой преследователь пошел за мной. У выхода он уступил мне дорогу. Около выхода начинается короткая лесенка — всего четыре ступеньки. Я подвернула ногу и покачнулась. Он поддержал меня.

— Благодарю вас, — сказала я. — В знак признательности приглашаю вас в бар «Кентавр». Хочу угостить вас.

— Ну что вы! Не за что!

— Чисто символически. Вы должны объяснить мне, почему вы ходите за мной, кто вас нанял и еще кое-что.

Он растерялся.

— Вы ошибаетесь...

— Только не я. Лучше идите да помалкивайте. Или у вас есть желание все объяснить капитану?

Он загадочно (или цинично?) улыбнулся:

— Звучит убедительно, но повторяю: вы ошибаетесь. Хорошо, пойдемте, только за выпивку заплачу я.

— Идет. Вы мне, кстати, задолжали кое за что.

Я выбрала столик в уголке, где нам никто не мог помешать.

Правда, тут могли быть «жучки». Но с другой стороны, где на борту корабля можно было застраховаться от «жучков»?

Когда нам подали выпивку, я едва слышно проговорила:

— По губам читать умеешь?

— Не очень хорошо, — признался он шепотом.

— Хорошо, давай будем говорить как можно тише. Может, посторонний шум сработает как помеха для «жучка». Скажи-ка мне, Мак, ты в последнее время насиловал беспомощных женщин?

Он оторопел. Думаю, мало кто выдержал бы такой удар не смутившись. Но, выразив должное уважение к моей проницательности, он сразу показал, что тоже не дурак.

— Мисс Фрайди, как вы меня узнали?

— Запах, — ответила я. — Во-первых, запах: ты сидел слишком близко. Потом при выходе из театра я послушала твой голос. Ты поддержал меня, когда я споткнулась, и я вспомнила твои руки. Вот и все. Тут есть «жучок»?

— Не исключено. Но, скорее всего, не записывающий... и потом, вряд ли кто-нибудь сидит за монитором.

— Слишком много «вряд ли».

Я была взволнована не на шутку. Что же делать? Где поговорить? Взять его под руку и отправиться на променад по коридорам и холлам? А вдруг у него где-то прицеплен крошечный маячок? А может, он и у меня есть? Бассейн? В бассейнах всегда неважная акустика — это бы меня очень устроило. Но, елки-палки, мне нужна была еще большая секретность.

— Поставь бокал и иди за мной.

Я отвела его в свою каюту. Шизуко впустила нас. Я успела заметить, что она работает все двадцать четыре часа в сутки — только спит, когда сплю я. А может, и не спит — кто знает? Я спросила ее:

— Что там у нас еще на сегодня?

— Вечерний коктейль, госпожа. В девятнадцать часов.

— Ясно. Пойди-ка прогуляйся, займись чем-нибудь. Возвращайся через час.

— Слишком долго, госпожа. Через полчаса.

— Через час, я сказала!

— Хорошо, госпожа, — мрачно буркнула она. От меня не укрылось, что еще до того, как она мне ответила, они с Маком обменялись быстрыми взглядами и он ей едва заметно кивнул.

Когда за Шизуко закрылась дверь, я спокойно спросила:

— Ты — ее начальник или она — твой?

— Так сразу не скажешь... Наверное, точнее всего будет сказать: «сотрудничающие независимые агенты».

— Ясно. Она, судя по всему, профессионал высокого класса. Мак, ты знаешь, где тут «жучки», или нам придется что-то придумать, чтобы нас не подслушали? Тебе хочется, чтобы где-то было записано кое-что о твоем позорном про-

шлом? Мне самой бояться нечего — я всего-навсего невинная жертва, но мне хотелось бы, чтобы ты говорил свободно.

Вместо ответа он указал пальцем на стену около моей кровати, на ванную, потом, коснувшись рукой глаза, указал на стену против спинки кушетки.

Я кивнула. Потом я перенесла два стула в угол, самый отдаленный от кушетки, и поставила так, чтобы они стояли вне линии, просматривающейся глазком. Включила терминал, заказала музыкальную программу, выбрала пленку с записью хора Солт-Лейк-Сити. Не уверена, что громкости музыки хватило бы, чтобы наши голоса были заглушены, но думать об этом я просто не могла.

Когда мы сели, я продолжила:

— Мак, как ты думаешь, есть причина, чтобы я не убила тебя прямо сейчас, не сходя с этого места?

— Что, вот так сразу? Не дав мне объясниться?

— А зачем объясняться? Ты меня изнасиловал. Ты это знаешь, и я это знаю. Ну, так есть причина избегнуть справедливого возмездия?

— Ну если вы так ставите вопрос... нет, такой причины нет.

О, мужчины! Вы — моя смерть!

— Мак, ты просто потрясающий мужчина. Неужели ты не понимаешь, что убивать тебя я не хочу и ищу повод для того, чтобы не сделать этого? Но без твоей помощи я этого добиться не смогу. Скажи, как ты мог впутаться в такое грязное дело? Как ты попал в эту шайку наглых, мерзких, тупых насильников? Как ты мог вместе с ними измываться над несчастной, беспомощной женщиной?

Я дала ему подумать. Похоже было, он действительно призадумался.

Наконец он изрек:

— Я могу поклясться вам, что в то время я там так глубоко был повязан, что, если бы отказался участвовать в вашем изнасиловании, меня бы самого прикончили.

— Это правда? — спросила я, начиная чувствовать к нему что-то вроде жалости.

— Чистая правда, но это неважно. Мисс Фрайди, но я делал это не только поэтому. Мне этого хотелось. Пони-

маете... вы так сексуальны, что способны соблазнить любого. Могли бы заставить Венеру перебраться на Лесбос. Но вы имеете полное право убить меня. Хотите, чтобы моя смерть выглядела как самоубийство?

— В этом нет нужды.

Он настаивал:

— На борту корабля скрыться некуда. Найдут труп — пойдут разговоры, начнется паника.

— Вряд ли. Ты был нанят, чтобы следить за мной. И ты думаешь, со мной может что-то случиться? Но я тебе пытаюсь втолковать, что не хочу тебя убивать. Но прежде чем я дам тебе уйти, я хочу выслушать кое-какие объяснения. Как ты ухитрился выбраться — ведь там был пожар? Когда я узнала твой запах, я подумала, что сошла с ума, — я была уверена, что ты уже на том свете.

— Когда был пожар, меня на ферме уже не было. Я успел удрать раньше.

— Правда? И почему же?

— По двум причинам. Я планировал смотаться оттуда, как только узнаю то, что хотел узнать. Но в основном — из-за вас.

— Мак, ты только не жди, что я буду верить каждому твоему слову. Так что ты хотел там узнать?

— Я так и не узнал. Узнать мне нужно было то же самое, что и им. Зачем вы летали на Эль-Пятый. Я слышал допросы и понял, что вы сама этого не знаете. И я убрался побыстрее.

— Тут ты прав. Я была всего-навсего почтовым голубем. А как почтовый голубь может знать, что он несет? Пытая меня, они просто зря тратили время.

Могу поклясться, он был потрясен.

— Они пытали вас?

Я резко спросила:

— Хочешь сказать, что ты тут ни при чем?

— А? Нет, нет, моему греху нет прощения, я это знаю. Я про изнасилование. Но... я не имел понятия о том, что вас пытали. Это глупо, жестоко и... несовременно. Я слышал только прямой допрос, потом вам ввели «нектар болт-

ливости», и вы рассказали все то же самое. Как только я понял, что вы говорите правду, я убрался побыстрее.

— Чем больше ты рассказываешь, тем больше возникает вопросов. На кого ты работаешь? Зачем ты это делаешь? Почему ты удрал? Почему тебе дали удрать? Кому принадлежал голос, который отдавал вам приказы? Почему всем так важно было узнать, что я доставляла? Настолько важно, что они даже ухитрились проморгать налет и потеряли столько людей. Зачем они с таким упорством зря мучили меня? Зачем какая-то сволочь откусила у меня правый сосок? Зачем?!

— Они с вами такое сделали?

(Пропади я пропадом, до тех пор пока я не упомянула свою несчастную грудь, лицо Мака было почти бесстрастным. Пойму ли я когда-нибудь мужскую логику?)

— Можешь не волноваться. Полная регенерация, как косметическая, так и функциональная. Я покажу тебе — попозже. Если ответишь на все вопросы. Можешь убедиться, что она выглядит как раньше. А теперь снова к делу. Говори.

Мак признался, что он, так сказать, «слуга двух господ». Он сказал, что в то время был офицером разведки в полувоенной организации, работавшей под прикрытием лаборатории Мюриэль Шипстоун. В этой должности, в одиночку, он проник в шайку Шефа.

— Минуточку! — потребовала я. — А этот погиб при пожаре? Тот, кого там называли Шефом?

— Я почти уверен, что погиб. Но знать наверняка об этом может только Мосби.

— Мосби? Фрэнклин Мосби? «Файндерз инкорпорэйтед»?

— Думаю, вряд ли у него есть братья. Да, он. Но «Файндерз» — это ширма, не более того. Он работает на «Шипстоун анлимитед».

— Постой. Но ты только что сказал, что тоже работаешь на «Шипстоун» — на лаборатории!

Мак выглядел искренне удивленным.

— Но вся эта заварушка с «Красным четвергом» и была

междуусобной войной между верховными властителями. Это все знают.

— Похоже, я вела просто-таки монашеский образ жизни. Ну хорошо, ты работал на одно подразделение «Шипстоуна» и шпионил во втором. Но я-то почему стала костью, за которую они, собаки паршивые, дрались?

— Мисс Фрайди, я не знаю! Именно это я и должен был выяснить. Считали, что вы агент Толстопуза Бол...

— Вот тут притормози. Если собираешься упоминать покойного доктора Болдуина, будь добр, обойдись без этой дурацкой клички.

— Прошу прощения. Считалось, что вы — агент «Систем энтерпрайзис», другими словами, агент доктора Болдуина, что вы и подтвердили, направившись в его штаб-квартиру...

— Еще раз — стоп! Ты был в шайке, которая схватила меня там?

— Рад признаться — не был. Рад, что не был. Двоих вы прикончили на месте, третий умер потом. Не осталось ни одного, кто бы не пострадал при встрече с вами. Мисс Фрайди, вы дрались, как дикая кошка.

— Дальше.

— Толс... прошу прощения, доктор Болдуин был камнем преткновения — он не входил в систему. Когда грянул «Красный четверг»...

— Да при чем тут «Красный четверг»?

— Как при чем? При всем. Что бы вы ни доставляли в капсуле, это как минимум могло повлиять на время начала событий. Я думаю, «Совет по выживанию» — та сторона, на которую работали парни Мосби, — поторопились и выступили, не подготовившись как следует. Может быть, именно поэтому так ничего и не вышло. Они что-то обсуждали в кулуарах. Но результатов анализа я не видел.

(Не видела и я, а теперь, наверное, никогда не увижу. Как бы мне сейчас хотелось хоть пару часов поработать за таким терминалом, какой был у меня в «Песках Пахаро»! Кто из «верховных властителей» был убит (если был) во время «Красного четверга»? Что из этого извлек биржевой рынок? Подозреваю, что самые важные, самые нужные

ответы не попадут в учебники истории. Босс велел мне изучать такие вещи, что в конце концов это приводило меня к ответам, — но он умер, и мое обучение так неожиданно прервалось. Пока. Но я узнаю, узнаю обязательно, что едят крокодилы на обед!)

— Мак, а на эту работу тебя Мосби нанял? Ну, охранять меня на корабле?

— А? Нет. У меня с Мосби был один-единственный контакт, и тот — дурацкий. Сюда я нанялся по набору... в общем, я в последнее время работал в команде атташе по культурным связям с Землей при посольстве Жемчужины в Женеве. Этой работы мне нечего стыдиться. Мы действительно о вас заботимся. По-настоящему заботимся.

— Скучновато, наверное, без изнасилования?

— Ох...

— Какие у тебя на мой счет инструкции? Сколько вас тут? Ты командуешь или как?

Он растерялся:

— Мисс Фрайди, вы спрашиваете меня о секретах моего работодателя. Вы же профессионал и должны понимать...

— Чушь собачья. Когда ты вошел в эту дверь, ты прекрасно понимал, что твоя жизнь будет зависеть от того, как ты ответишь на мои вопросы. Вспомни шайку, которая напала на меня на ферме доктора Болдуина. Вспомни, как я с ними обошлась. И говори.

— Я много раз об этом вспоминал... Да, я командую, я ответственный. Под моим началом все, кроме разве что... Тилли.

— Кто это — Тилли?

— Простите. Шизуко. Это ее псевдоним на заданиях. По-настоящему ее зовут Матильда Джексон. Мы все ждали в отеле «Звездное небо» на стационарной несколько месяцев...

— «Мы» — это множественное число. Назови всех. Под какими именами они зарегистрированы в списке пассажиров? Только не морочь мне голову насчет дипломатической неприкосновенности, понял? Шизуко вот-вот вернется.

Он перечислил всех — удивляться было нечему. Я обнаружила их всех до одного. Странно.

— Дальше.

— Мы ждали, и «Дирак» улетел без нас, и только за сутки до отлета нам было приказно садиться на «Форвард». Потом мне были переданы цветные голографические снимки... мисс Фрайди, когда я увидел фотографии, я чуть сознание не потерял!

— Что — такие плохие фотографии были? Ну, ладно, дальше, дальше давай.

— Нет, фотографии были замечательные! Но вы же помните, где я вас видел последний раз! Я думал, вы погибли при пожаре. В общем, мне было так жалко, так жалко вас... но вы мне, конечно, не поверите...

— Спасибо. Я подумаю. Так. Значит, семеро, и ты командуешь... Это не такой дешевый корабль, Мак. А для чего мне нужна ваша защита?

— Я думал, может, вы мне скажете? В моем задании не сказано, с какой целью вы путешествуете. Я могу вам сообщить только о том, какие мне даны инструкции. Вы должны прибыть на Жемчужину в целости и сохранности. Ни царапинки, ни синячка, ни насморка. Когда мы прибудем туда, на борту «Форварда» появится офицер из дворцовой охраны и вы будете переданы ему с рук на руки. Но премиальных нам не выплатят, пока не проверят состояние вашего здоровья. Потом мы получим деньги и отправимся домой.

Я задумалась. До сих пор меня вполне устраивало объяснение мистера Сикмаа насчет «самого драгоценного груза в Галактике», но тут было еще что-то такое... Старый принцип «доверяй, но проверяй» был понятен, но — семь телохранителей, каждый из которых должен следить за тем, чтобы я не упала на лестнице и не свернула себе шею? Что-то тут было не так...

— Мак, не могу придумать, о чем бы тебя таком спросить прямо сейчас. Шизуко, то есть Тилли, вот-вот вернется. Мы еще поговорим как-нибудь потом.

— Хорошо. Мисс Фрайди, а почему вы зовете меня «Мак»?

— Это единственное имя, которое я знаю. Так тебя называли там. В той шайке насильников, в которую мы оба попали. И я совершенно уверена, что ты — не Говард Дж. Булфинч. Как тебя зовут?

— О... Да, на том задании я действительно был Маком. Но обычно меня зовут Пит.

— Питер?

— А? Нет, не совсем. Персиваль. Но меня редко кто называет полным именем. Я его как-то стесняюсь.

Я рассмеялась. Мне было почти весело.

— Странно... Чего стесняться-то, Пит? Имя Персиваль[1] носили смелые и благородные люди. Знаешь, похоже, Тилли уже за дверью — ждет не дождется, когда ей можно будет вымыть меня и уложить в постель. Еще одно словечко только. Знаешь, почему ты до сих пор дышишь? Почему не умер?

— Нет.

— Потому что тогда, на ферме, в туалет меня сводил. Вот именно за это я и благодарна тебе — что ты сначала сводил меня в туалет, а уже потом приковал к кровати.

Он резко побледнел:

— Да? А мне за это челюсть свернули.

— Вот как? Почему?

— Шеф хотел, чтобы вы... простите, чтобы вы обмочились в постели. Он думал, что это заставит вас разговориться.

— Жалкий дилетант. Пит, из этого я сделала вывод, что ты не абсолютно безнадежен.

ГЛАВА 30

Форт — планета так себе, ничего особенного. Его солнце — звезда типа G8, а это значит, что ей далеко до звезд типа Солнца, поскольку тип Солнца — G2. Солнце Форта гораздо холоднее звезды нашей Солнечной системы. Но дело даже не в самой звезде — она все-таки типа G, то есть солнечного типа. (Может быть, когда-нибудь дело и дой-

[1] Сэр Персиваль — один из рыцарей Круглого Стола.

дет до устройства колоний на планетах, обращающихся вокруг звезд другого спектрального типа, но пока более разумным кажется селиться на планетах, солнца которых хотя бы на вид похожи на земное и излучают не слишком много смертельной радиации (это я цитирую Джерри). А на расстоянии от Земли до Жемчужины насчитывается более четырехсот звезд типа G — так говорит Хайме Лопес. На ближайшие времена нам работы хватит.)

Но вернемся к звезде G-типа. Допустим, нашли вы такую звезду. Потом вам нужно отыскать планету, находящуюся на таком расстоянии от звезды, чтобы там было достаточно тепло, но не слишком. Потом: сила притяжения должна быть такая, чтобы удерживалась атмосфера. Потом: атмосфера должна быть сформирована до такой степени, чтобы на планете образовалась жизнь и чтобы она там существовала так долго, чтобы и воздух, и формы жизни там были более или менее такими, к каким мы привыкли. (Те формы жизни, к которым мы не привыкли, — это отдельный и очень интересный вопрос, но он не имеет отношения к заселению новых планет людьми с Земли. Пока. Тут мы не будем упоминать те колонии, которые заселены живыми артефактами и киборгами. Сейчас только о тех, где живут колонисты из Далласа или Ташкента.)

Форт в этом смысле отвечает требованиям весьма приблизительно. Кислорода на уровне моря там так мало, что приходится ходить очень медленно, как на вершинах высоких гор. Планета эта находится так далеко от своей звезды, что там бывает только два вида погоды — холод и мороз. Ось планеты почти не имеет наклона. Это означает, что смены сезонов наступают за счет эксцентрики орбиты — так что, скажем, совершенно бесполезно ехать на юг зимой, зима везде наступает одновременно. Существует короткий сезон, во время которого что-то растет, но только на двадцать градусов по обе стороны от экватора. Зима, естественно, гораздо длиннее лета. Это вполне согласуется с законом Кеплера — тем самым, насчет векторов радиуса и равных площадей. (Большую часть этих познаний я почерпнула из корабельной газеты «Дейли Форвард».) Да,

похоже, в тот день, когда раздавали подарки, Форт остался за дверью.

Но я все равно ужасно хотела побывать там.

Почему? Потому что я никогда еще не бывала нигде дальше Земли и Луны. Форт находится на расстоянии почти сорока световых лет от Земли. Знаете, сколько это будет в километрах? Я тоже не знала.

300 000 × 40,7 × 31 557 600 = 385 318 296 000 000

Округлим. Четыреста триллионов километров.

Расписание полета говорило, что выход на стационарную двадцатиодночасовую орбиту (такова продолжительность дня на Форте) планировался в 2.47, а катер должен был опуститься на поверхность в 3.00 утра по корабельному времени. На экскурсию записались немногие — этого можно было ожидать. Пассажиров, летящих туда, не было, а подняться в такую рань на экскурсию для пассажиров нашего класса было смерти подобно.

Но мне бы не хотелось пропустить этот Армагеддон. Я покинула приятную компанию и отправилась спать около десяти вечера, чтобы успеть хоть немного выспаться. В два часа я встала, пошла в ванную и закрыла дверь на защелку: не сделай я этого, Шизуко бы тут же возникла у меня за спиной и предложила бы мне свои услуги. К слову сказать, когда я встала, она не спала и была одета.

Итак, закрыла дверь, и меня тут же вырвало.

Это меня очень удивило. Нет, у меня нет иммунитета против укачивания, но до сих пор в этом полете со мной ничего подобного не случалось. Да, мне бывает плохо на канатке, но на «Форварде» меня только один раз слегка замутило — это было во время первого «прыжка» в гиперпространство. Еще... вчера перед обедом я ощутила какую-то дрожь, но о том, что такие ощущения могут возникнуть, всех предупредили по радио.

Может быть, устанавливалась естественная гравитация? Я не могла быть в этом уверена. У меня сильно кружилась голова — но это, наверное, после рвоты. Вырвало меня сильно — как бывало только на канатке.

Я прополоскала рот, вычистила зубы, еще раз прополоскала. И сказала себе: «Фрайди, это твой завтрак. Не хо-

чешь же ты испортить себе путешествие на Форт? И вообще — ты уже поправилась на два килограмма, так не пора ли похудеть?»

Уговаривая таким образом свой бедный желудок, я вышла, позволила Тилли-Шизуко надеть на меня довольно тяжелый скафандр и отправилась к люку высадки. Шизуко плелась по пятам. Честно говоря, я старалась быть вежливой с Шизуко, но теперь, когда я знала ее истинную роль, мне хотелось от нее избавиться. Стыдно, что делать, но притворяться становилось все труднее. Шпионка не вправе рассчитывать на такое хорошее отношение, как служанка. Я никогда не грубила ей — просто большей частью игнорировала ее присутствие. Этим утром у меня вообще не было никакого настроения с ней разговаривать.

Мистер Ву, помощник казначея, следивший за высадкой экскурсантов, стоял около люка с блокнотом в руках.

— Мисс Фрайди, — сообщил он мне, — вы в списке экскурсантов не значитесь.

— Но я точно записывалась! Либо запишите меня сейчас, либо позвоните капитану.

— Я не могу этого сделать.

— Вот как? Ну что ж, тогда мне придется сесть на пол прямо тут, около люка. Не нравится мне это, мистер Ву. Если это какая-то бюрократическая ошибка, мне это нравится еще меньше.

— М-м-м. Не думаю, что это бюрократическая ошибка. Времени осталось совсем мало, так что вы можете пока пройти и сесть, а я займусь с остальными.

Он не возражал, чтобы меня сопровождала Шизуко. Мы прошли вперед по длинному коридору — даже посадочные катера на «Форварде» колоссальных размеров — и попали в довольно-таки обширное помещение, чем-то напоминавшее интерьер воздушного омнибуса: впереди был пульт управления, за ним салон с креслами для пассажиров. Большой иллюминатор переднего обзора. Впервые за все время с тех пор, как мы покинули Землю, я увидела «солнечный свет».

Это светило солнце Форта, выхватывая из тьмы тонкий белый серпик планеты. Самой звезды видно не было. Мы

с Шизуко нашли свободные места, пристегнули ремни — точно такие же, как на полубаллистических кораблях. Зная, что катер антигравитационный, я хотела ограничиться только поясным ремнем, но моя вечная спутница склонилась надо мной и пристегнула все, как положено.

Вскоре появился мистер Ву, оглядел салон, заметил меня, наклонился ко мне через соседнее кресло, занятое незнакомым мне мужчиной, и сказал:

— Мисс Фрайди, мне очень жаль, но вас все-таки нет в списке.

— Правда? А капитан что сказал?

— Мне не удалось с ним связаться.

— Так, значит, я остаюсь?

— Очень жаль. Нельзя.

— Нельзя? И что же вы думаете предпринять? Учтите, вам придется позвать кого-нибудь на помощь, чтобы меня выволокли отсюда. А я буду вырываться и вопить, это уж будьте уверены — кусаться, царапаться и орать я умею.

— Мисс Фрайди, это не положено!

Мужчина, сидевший рядом со мной, вмешался:

— Молодой человек, хватит дурака валять. Эта молодая леди — пассажирка первого класса. Я ее видел за столиком рядом с капитаном. Так что будьте добры, уберите свой дурацкий блокнот — вы мне уже все лицо истыкали им. Займитесь чем-нибудь более полезным.

Совершенно ошарашенный, выпучив глаза, мистер Ву с позором удалился. Вскоре загорелся красный свет, взвыла сирена, и громкий голос произнес: «Покидаем орбиту! Приготовьтесь к перегрузкам!»

О, что за ужасный день!

Три часа ушло на то, чтобы добраться до поверхности планеты, два часа мы провели там, еще три часа добирались обратно на корабль. По дороге туда звучала музыка вперемежку со скучнейшей лекцией про Форт. На обратном пути, слава богу, только музыка играла. Те два часа на планете могли бы быть и поприятнее, если бы мы могли покинуть борт катера. Но нам пришлось остаться внутри. Разрешили отстегнуть ремни и пройти в помещение, которое было названо «фойе», но на самом деле это был просто

кафетерий, где подали кофе и сэндвичи. Там были довольно большие иллюминаторы. Из них было видно, как выгружают грузы, доставленные на Форт.

Низкие покатые холмы, покрытые снегом... какая-то скудная растительность примерно на полпути к холмам... ближе к кораблю — одноэтажные постройки, соединенные между собой крытыми переходами. Прибывшие на планету были тепло одеты, но все равно торопились добраться до зданий как можно быстрее. Багаж и грузы ставили на ленту транспортера, работавшего с помощью какой-то диковинной машины, изрыгавшей клубы черного дыма. Ну просто картинка из книжки по истории для детей! Но не картинка — чистая правда.

Я услышала, как стоявшая рядом женщина сказала своему спутнику:

— Кто же может решиться поселиться тут?

Ее спутник дал ей какой-то невразумительный ответ типа «На все воля божья», и я отошла от них подальше. Интересно, как это можно ухитриться — дожить до семидесяти лет и не знать, что на Форте никто не «решал» поселиться, ну разве если только слово «решить» подходит для ситуации, когда человек стоит перед выбором — поселиться на Форте или кончить свои дни в камере пожизненного заключения на Земле?

Желудок мой все еще давал о себе знать, так что сэндвичей отведать я не решилась, но подумала, что чашечка кофе мне не повредит. И сразу же убедилась, как была не права. Я быстро прошагала в рекреационный зал, который, на счастье, находился поблизости, где присвоила самой себе звание «Фрайди — железная челюсть». Никто, кроме меня, не знал, как я заслужила это громкое звание: все кабинки были заняты, и пришлось ждать. Ждала я, до боли сжав зубы. Через пару столетий одна дверца наконец открылась, я бросилась в кабинку, и меня тут же вырвало. Желудок был совсем пустой — даже кофе не пахло.

Обратный путь тянулся бесконечно.

Вернувшись на «Форвард», я тут же позвонила своему приятелю Джерри Медсену, младшему офицеру-медику, и сказала, что хочу его видеть как пациентка. По корабель-

ному расписанию врачи принимают пациентов с девяти часов утра, а в остальное время обслуживают только тех, кому нужна экстренная помощь. Но я знала, что Джерри не откажется повидаться со мной, каков бы ни был повод. Мне просто хотелось получить от него какие-нибудь таблетки, которые он обычно прописывал старушкам со слабыми желудками, склонным к морской болезни. Он попросил, чтобы я зашла к нему в кабинет.

Вместо того чтобы дать мне таблетки, он провел меня в комнату для обследования.

— Мисс Фрайди, послать за сестрой? Или вы хотите, чтобы вас осмотрела врач-женщина? Я могу позвать доктора Гарсиа, но мне не хотелось бы будить ее. Она почти всю ночь не спала.

Я удивилась:

— Джерри, к чему все это? И с каких это пор я уже не Мардж для тебя? Что это за нудные речи? Мне просто нужно горсточку таблеток. Ну, такие, розовенькие, маленькие...

— Сядьте, пожалуйста. Мисс Фрайди... ну ладно, пусть будет Мардж, дело в том, что мы прописываем эти таблетки или их производные молодым женщинам — вернее сказать, женщинам детородного возраста, только когда убедимся, что они не беременны. Эти лекарства могут вызвать дефекты у плода.

— О, на этот счет можешь быть совершенно спокоен, дорогой. Я не залетела.

— Именно это нам и нужно выяснить, Мардж. Если это окажется так, то я смогу подобрать для тебя другие лекарства, они тоже помогут.

Вот оно что! Мой милый друг просто заботился обо мне!

— Ну вот что, начальник, даю тебе честное скаутское, что ничем таким в последнее время не занималась. Хотя некоторые делали попытки. Ты тоже.

— Ну, знаешь, я ведь мог просто сказать тебе: «Возьми баночку, собери мочу», а потом взял бы у тебя анализ крови и слюны. Знаешь, сколько раз мне приходилось говорить с женщинами, которые с пеной у рта клялись и божились, что «ничем таким не занимались»?

— Ты циник, Джерри.

— Просто забочусь о тебе, дорогая.

— Понимаю... Ты очень мил. Ладно, согласна. Если мышка...

— Это хомячок.

— Если хомячок скажет «да», ты можешь послать папе-в-изгнании сообщение о том, что чудо наконец свершилось, а я куплю тебе бутылку шампанского. У меня был самый длительный период воздержания в жизни!

Джерри взял у меня анализы, проделал еще как минимум девятнадцать самых разнообразных манипуляций и дал мне голубые и желтые таблетки. Голубую нужно было принять перед обедом, желтую — на ночь и еще одну голубую — утром, до завтрака.

— Они не такие сильные, как ты просила, но должны помочь и при этом не нанесут никакого вреда ребенку — то есть он не родится с ногами на спине или еще с чем-нибудь в таком роде. Завтра утром, как только закончу прием, я тебе позвоню.

— А я думала, что теперь беременность диагностируют, так сказать, «в присутствии заказчика»?

— Успокойся. Твоя прабабушка узнавала об этом, когда у нее юбка на талии не сходилась. Радуйся — я тебе еще не все обследования назначил.

Я поблагодарила его. Он притворился, что целоваться не хочет, но сопротивлялся не очень сильно. Джерри — просто ангел.

Голубые таблетки помогли мне съесть обед и завтрак. После завтрака я сидела в каюте. Джерри позвонил вовремя.

— Поздравляю, Мардж. Хорошо сидишь? С тебя — шампанское.

— Что?!!

Вспомнив, что я не одна, я постаралась взять себя в руки.

— Джерри, ты просто с ума сошел. Сбрендил совсем.

— Может быть, — согласился он. — Но в нашем деле ошибки быть не может. Заходи, мы обсудим твой режим. Ну... скажем, часа в два.

— Нет, прямо сейчас. Хочу потолковать с хомячком.

Джерри убедил меня. Он рассказал мне подробно про каждый тест. Да, бывают чудеса, и я совершенно точно

была беременна. То есть настолько беременна, что у меня даже груди начали набухать. Он приготовил для меня небольшую книжечку, где было расписано, что мне можно и чего нельзя есть, как мыться, чего избегать, чего ожидать и всякая подобная нудятина. Я поблагодарила его, взяла памятку и ушла. Ни мне, ни ему не пришло в голову обсуждать возможность аборта. Он не сказал ни слова о женщинах, которые утверждают, что «ничем таким не занимались».

Но ведь я действительно ничем таким не занималась! Последним был Берт, а после этого у меня дважды была менструация, да и потом — со времени менархе я была стерильна и никогда, никогда в жизни не пользовалась никакими противозачаточными средствами! А теперь он говорит мне, что я беременна!

Но я не дурочка. Приняв свершившееся как факт, я стала проводить дедуктивное расследование, как старый добрый Шерлок Холмс. Я поняла, где, когда и как это произошло. Вернувшись в каюту, я вошла в ванную, закрыла дверь на защелку, легла на пол, положила руки на живот, напрягла брюшные мышцы и резко выдохнула.

Маленький нейлоновый шарик выскочил из-под пупка, и я подобрала его.

Осмотрев его внимательно, я поняла, что это тот самый шарик, что я носила там с тех пор, как мне была сделана пластическая операция. Не контейнер с яйцеклетками в статическом состоянии, вообще никакой не контейнер, а просто маленький, цельный, прозрачный шарик. Пронзив его ненавидящим взглядом, я засунула его на место.

Значит, они обманули меня! А ведь я все время сомневалась насчет «состояния стасиса в условиях температуры человеческого тела»! Ведь я прекрасно знала, что яйцеклеткам для состояния стасиса необходим криогенный холод — температура жидкого азота!

Но это была, как мне казалось, проблема мистера Сикмаа. Он не был биофизиком, а я и подавно, но, если он доверял своим ученым, мне-то что за смысл был интересоваться? Я была курьером, и моей единственной задачей было — доставить груз.

Но какой? Вот теперь, Фрайди, ты хорошо, очень хоро-

шо знаешь какой! Не тот, что под пупком. Сантиметров так на десять поглубже. Тот самый, что в тебя засунули однажды ночью во Флориде, когда ты спала крепче обычного. На выгрузку уйдет девять месяцев. Это тебе помешает совершить Большой круиз, не так ли? Если это тот плод, которого они ждут, ни о каком дальнейшем путешествии не может быть и речи.

Но если им была нужна суррогатная мать, почему они так прямо не сказали? Я бы это приняла спокойно, совершенно естественно.

Минуточку! Этого ребенка должна была родить Дофина!

Вот почему весь этот сыр-бор! Наследник престола, без всяких врожденных дефектов. От Дофины — ну конечно, от Дофины — он должен был произойти на свет в присутствии четырех придворных докторов, трех медсестер и двенадцати придворных.

Не ты должна его родить — несчастная искусственница с подложным свидетельством о рождении!

Я принялась просматривать весь сценарий с самого начала. Итак: мисс Марджори Фрайди, богатая туристка, сходит с корабля на Жемчужине, чтобы осмотреть достопримечательности имперской столицы... там она вдруг простужается и попадает в больницу. В эту же больницу доставляют Дофину... нет, не может быть! Что делать Дофине в плебейской больнице, куда может попасть обычный турист?

О'кей, попробуем по-другому: ты, Фрайди, попадаешь в больницу с простудой, как тебе и говорили. А примерно часа в три утра тебя вывозят оттуда ногами вперед в мясницком фургончике, и ты укрыта простыней с головой. Тебя перевозят во дворец. Как скоро? Сколько времени потребуется придворным врачам, чтобы подготовить организм Ее Высочества Дофины к принятию плода? О, не думай об этом, Фрайди, ты этого не узнаешь, и знать тебе этого не надо. Как только ее подготовят, они положат тебя и ее рядышком на операционные столы, раздвинут тебе ноги, вынут из тебя зародыш и переместят в нее, пока он маленький и это легче сделать.

Потом тебе выплатят денежки, и ты уедешь. Поблаго-

дарит ли тебя Первый Гражданин? Может быть. Но не лично. Может быть, инкогнито, если... Стоп, Фрайди! Размечталась! Ты все прекрасно понимаешь! Тыщу лет назад, еще на лекции в базовой школе, в одной из главных инструктивных лекций Босса было сказано следующее:

«Трудность заданий такого рода состоит в том, что по выполнении задания с агентом происходит нечто, из-за чего он больше никогда не сможет говорить. Так что как бы хорошо за такие задания ни платили, их следует избегать».

ГЛАВА 31

На пути до Пальмиры я снова и снова возвращалась к этим мыслям, пытаясь найти хоть какую ни на есть спасительную зацепку. Я вспомнила классический случай — покушение на Дж. Ф. Кеннеди. Его предполагаемый убийца был убит, когда еще даже предварительное следствие не окончилось. Потом мне припомнился дантист, пристреливший Хью Лонга, — он через несколько секунд покончил с собой. Пришли на память и истории с многочисленными агентами разведки времен долгой холодной войны, которые прожили ровно столько, сколько было нужно, чтобы успеть выполнить задания, а потом — совершенно случайно, конечно — попадали под колеса автомобилей, мчавшихся на полной скорости.

Но все, о чем я вспомнила, казалось таким далеким и неправдоподобным... Пустынный берег, главарь шайки пиратов, наблюдающий за тем, как его подручные закапывают сокровища... Вот вырыта яма, вот туда опущен сундук с сокровищами... а вот и пристрелили тех, кто рыл яму, завалили сундук их телами — и работы меньше...

Я драматизирую ситуацию, скажете вы. Ну так и речь-то обо мне, а не о вас. Каждый житель обозримой Вселенной знает, что отец нынешнего Первого Гражданина взошел на престол по бесчисленным трупам и что его сын удерживается на троне потому, что еще более жесток, чем его покойный папаша.

Чтобы он отблагодарил меня за вклад в улучшение его

наследственности? Скорее он похоронит мои бедные косточки в самой глубокой темнице.

Не обманывай себя, Фрайди. Слишком много знать — это уголовное преступление. В политике так было всегда. Если бы они сразу хотели поступить с тобой честно, ты бы не была сейчас беременна. Из этого следует сделать вывод: они не станут поступать с тобой честно и благородно и тогда, когда вынут из твоего тела королевский плод.

Что делать? Это было очевидно. Но совсем не очевидно — как.

Теперь мне уже больше не казалось, что отсутствие моей фамилии в списке экскурсантов было бюрократической ошибкой...

Вечером следующего дня на коктейле я встретилась с Джерри и пригласила его потанцевать. Это был классический вальс, и у меня была возможность танцевать близко к нему — лицом к лицу, не опасаясь, что нас кто-то услышит.

— Ну, как животик? — поинтересовался он.

— Таблеточки помогают, спасибо, — ответила я. — Джерри, скажи, об этом знаем только ты да я?

— Знаешь, ты уж меня прости, но я так замотался — даже не успел внести результаты твоих обследований в журнал и карту не заполнял. Все это — у меня в сейфе.

— А лаборант?

— Он тоже был страшно занят. Все анализы я делал сам.

— Хорошо. Прекрасно. Как ты думаешь, а можно так устроить, чтобы эти записи потерялись? Ну, сгорели, к примеру?

— Мы никогда ничего на корабле не сжигаем — инженер-кондиционерщик просто из себя выходит. Просто выбрасываем ненужные бумаги в аппарат для рециклирования. Не бойся, малышка, твой секрет дальше меня не уйдет.

— Джерри, я тебя обожаю. Знаешь, если бы не моя служанка, этот ребенок был бы твой. Помнишь первый вечер?

— Никогда не забуду. Я просто улетел куда-то...

— Понимаешь... путешествовать со служанкой — это не моя идея. Моя семейка не доверяет мне, и они настояли, чтобы со мной полетела прислуга. А не доверяют — сам понимаешь почему. Даже не знаю, как мне от нее избавить-

ся. Мне сегодня так хочется развлечься! С человеком, которому можно доверять тайны.

— Хм-м... Надо подумать. Моя каюта не годится. По дороге к ней куча кают других офицеров. Постой, вон Джимми идет.

Да, да, я хотела купить его молчание! Но кроме того, я чувствовала себя благодарной — было ощущение, что я что-то ему должна. Если он был не против взять мое теперь уже не девственное тело, то я уж точно была не прочь. В последнее время мне явно не хватало секса, а Джерри был такой красивый мужчина... То, что я была беременна, меня нисколько не пугало (хотя сама эта мысль для меня была нова), но мне действительно было нужно, чтобы моя тайна осталась тайной (если это было возможно, если по кораблю уже не ходит целая толпа народу, знающая об этом), пока я думаю и решаю, как быть.

Срок беременности был неясен — но можно было вычислить. Если я долечу до Жемчужины, ждать можно только одного — меня убьют прямо в операционной — шитокрыто, вполне легально. Если вы не верите, что события могут так повернуться — значит, мы с вами живем в разных мирах или вы просто мало читали. Во все времена наилучший способ избавиться от нежелательного свидетеля — заставить его перестать дышать.

Со мной этого могло и не произойти. Но, судя по всему, могло бы случиться — если я полечу до Жемчужины.

Взять и остаться на борту? Я подумала об этом... но в ушах у меня звучали слова Мака-Пита: «Когда мы прибудем, на борту появится офицер дворцовой охраны, и мы сдадим вас с рук на руки».

Может, они даже не станут ждать, когда я сойду с корабля и притворюсь больной.

Следовательно, я должна покинуть корабль до того, как мы приземлимся на Жемчужине. То есть — на Пальмире. Другого выбора у меня нет.

Просто. Просто — выйти из корабля.

Ну конечно! Спуститься по трапу и помахать всем ручкой на прощанье!

Увы, это не океанский лайнер. Ближайшее расстояние,

на которое «Форвард» подходит к планете, — это стационарная орбита. При высадке на Пальмиру она будет составлять тридцать пять тысяч километров. Единственная возможность — попасть на поверхность Пальмиры в экскурсионном катере, как это было на Форте.

Фрайди, но они не дадут тебе попасть на катер. На Форте ты просто наглостью взяла. Они смирились, но во второй раз ты их не проведешь. Как это будет выглядеть? Мистер Ву или кто-нибудь другой будет стоять около люка со списком, и твоего имени там опять не окажется. Но на сей раз с ним рядом будет стоять вооруженный верзила. Что будешь делать?

Ну... разоружу его, стукну их головами друг о друга, перешагну через них и займу свое место в катере. Да, Фрайди, делать это ты умеешь, тебя учили.

Ну и что тогда? Катер не отправляется по строгому расписанию. Они подождут, пока все усядутся, а потом туда войдет бравая команда молодцов — штук так восемь, тебе брызнут в лицо чем-нибудь успокоительным, и очнешься ты запертой в своей каюте и останешься там, пока офицер дворцовой охраны не вытащит оттуда твое драгоценное тело.

Не такая уж пустячная проблема.

Тут не обойдешься ни умением зубы заговаривать, ни сексом, ни взятками.

Стоп! А как насчет откровенности?

А?

Конечно. Прямо вот взять и пойти к капитану. Рассказать ему, как и что обещал тебе мистер Сикмаа, как тебя надули, попросить Джерри показать ему результаты обследования на беременность, сказать, что ты напугана и хочешь переждать на Пальмире, пока какой-нибудь корабль не захватит тебя обратным рейсом на Землю. Он добрый, он хороший старик — ты же видела фотографии его дочурок. Он позаботится о тебе!

Что бы на это сказал Босс?

Он бы сказал... Он бы прежде всего отметил, что ты сидишь по правую руку от капитана — а почему?

Тебе была предоставлена одна из самых шикарных ка-

ют на корабле в последнюю минуту перед стартом — почему?

Было также предусмотрено и местечко для семерых людей, что следят за тобой, — и ты наивно полагаешь, что капитан не в курсе?

Кто-то вычеркнул твое имя из списка экскурсантов в Форте. Кто?

Кто владеет компанией «Гиперспейс лайнз»? Тридцать процентов акций — в руках «Всемирной транспортной», которой, в свою очередь, владеют и управляют филиалы «Шипстоун». А ты уже знаешь, что одиннадцать процентов акций находится в руках трех банков Жемчужины. Заметила ты это потому, что другие филиалы «Шипстоун» находились во владении Жемчужины.

Так что — не жди многого от милейшего капитана. Он тебе скажет: «О, я так не тумаю. Мистер Сикмаа — мой старый топрый трук, я ефо снаю мноко лет. Та, я опещал ему, што фы путете ф песопасности, фот поэтому и пыл против тофо, чтопы фы рискофали и спускались на эту тикую, нецифилисованную планету. Но кокта мы полетим обратно, я опещаю, што фы хорошо, очень хорошо профетете фремя на Кальционе. А теперь путьте хорошей тефочкой и не састафляйте старика польше фолнофаться — латно?»

Не исключено, что он сам будет верить в то, что скажет.

Скорее всего, он знает, что на самом деле ты вовсе не «мисс миллионерша». Наверное, ему даже сказали, что и контракт я подписала как суррогатная мать. Может быть, ему не сказано, что ребенок — для королевской семьи, хотя он мог бы и догадаться. Тогда он подумает, что ты простонапросто хочешь расторгнуть юридически легальный контракт. Фрайди, ведь НИГДЕ НИКЕМ НИЧЕГО не записано, и ты никому не сумеешь доказать, что тебя обманули.

Помощи от капитана не жди. Фрайди, ты предоставлена самой себе.

Оставалось всего три дня до нашего прибытия к Пальмире. Я мучилась беспочвенными фантазиями на тему, что я стану делать, если мне не удастся удрать с корабля на Пальмире.

Ну, примерно так: «Вы слышите, капитан? Я запираюсь у себя в каюте до тех пор, пока мы не улетим от Жемчужины. Если вы попытаетесь взломать дверь, чтобы передать меня офицеру дворцовой гвардии, попробуйте, но, кроме трупа, вы ничего не найдете!»

(Глупо. Пустят через замочную скважину усыпляющий газ и возьмут тепленькую.)

Или так: «Капитан, вы когда-нибудь слыхали о том, как делают аборт швейной иголкой? Заходите, посмотрите. Будет море крови, и вы вряд ли получите удовольствие».

(Еще глупее. Не могу даже слышать об абортах. Не смогу этого сделать! Зародыш во мне — не мой грех, но в конце концов — он всего-навсего мой невинный гость.)

Решив не тратить попусту время на эти бесполезные размышления, я постаралась сконцентрировать свои мысли на другом, но вести себя при этом так, чтобы никто ничего не заподозрил. Как только офис экскурсионного бюро объявил о записи на экскурсию на Пальмиру, я явилась одной из первых, расспрашивала про все на свете, записалась и расплатилась наличными за самые лучшие и самые дорогие путешествия.

Этим вечером за обедом я болтала с капитаном о выбранных мной экскурсионных маршрутах, спрашивала его мнение о каждом из них и пожаловалась-таки, что как-то так получилось, что моя фамилия не попала в список экскурсантов на Форте, и попросила его, чтобы на этот раз он лично все проверил, — как будто капитану гигантского лайнера больше делать нечего, как выполнять капризы «мисс миллионерши». Насколько я могла заметить, он ни капельки не смутился и, конечно же, не сказал мне, что я не должна опускаться на поверхность. Но не исключено, что он так же погряз в грехе, как я: я выучилась врать с невинной физиономией еще до того, как покинула приют.

Вечером по корабельному времени я сидела в баре «Черная дыра» с моими ближайшими приятелями — доктором Джерри Медсеном, Хайме Лопесом и Томом Аделлом. Том — первый помощник суперкарго, и я до сих пор не знаю, что это за должность такая. Но у него было на одну нашивку больше, чем у всех остальных. В первый же вечер

на корабле Хайме с издевкой сообщил мне, что Том — главный швейцар.

Том не отрицал. Он добавил: «Ты забыл сказать, что я еще главный по передвиганию мебели».

В этот вечер, когда до Пальмиры оставалось не более семидесяти двух часов, я выяснила, чем на самом деле занимается Том. Грузовой катер принимал на борт грузы, предназначенные для выгрузки на Пальмире.

— Этот катер мы взяли на стационарной, — сообщил мне Том. — Один такой же разгрузили на Форте. Теперь вот — на Пальмире. Придется изрядно попотеть.

— Тебе это полезно, Томми. Растолстел ты изрядно в последнее время.

— На себя посмотри, Хайме.

Я спросила, как происходит загрузка и выгрузка катера.

— Что-то люк маловат, мне кажется.

— А мы грузы через пассажирский люк не выгружаем. Хочешь посмотреть, как это делается?

И мы с ним договорились встретиться завтра утром.

И я кое-что узнала.

Складские помещения на «Форварде» такие громадные, что тут скорее агорафобия разовьется, чем клаустрофобия. Но громадны и грузовые отсеки на катерах. Некоторые из грузов, находившихся тут, были просто колоссальных размеров. В особенности — машины. Пальмира заказала турбогенератор фирмы «Вестингауз» — громадный, как дом. Я спросила Тома, как они собираются его передвигать.

— Черная магия, — усмехнулся он.

Четверо грузчиков накрыли генератор тонкой металлической сетью и укрепили на ней металлический ящичек размером с атташе-кейс. Том проверил что-то и дал команду:

— О'кей. Подключайте.

Бригадир грузчиков выполнил команду. Металлический динозавр дрогнул и слегка приподнялся над полом. Ясно. Портативное антигравитационное устройство — вроде тех, что применяются в аэрокарах, но только не вмонтированное внутрь кабины, а подвесное...

Внимательно, осторожно, вручную они провели громадную машину через колоссальных размеров люк и закрепили ее в грузовом отсеке катера. Том объяснил мне, что в такие моменты работа грузчиков очень ответственна — ведь этот монстр, будучи лишен силы искусственного притяжения корабля, если что-то, не дай бог, стрясется, способен раздавить человека, как клопа.

— Они зависят друг от друга и должны друг другу доверять. За все отвечаю я, но мертвому все равно, кто отвечает. Так что в первую очередь они зависят друг от друга.

А отвечал он на самом деле за то, чтобы каждый предмет груза был размещен строго по плану и крепко-накрепко закреплен, а также за то, чтобы огромные грузовые люки с обоих боков катера надежно закрывались на вакуумные задвижки всякий раз после того, как их открывают.

Том провел меня в пассажирский отсек катера.

— Новых колонистов на Пальмиру летит больше, чем на какую-нибудь другую планету, — объяснил он. — Когда мы улетим оттуда, каюты третьего класса практически опустеют.

— Что, все смертники? — спросила я.

— О нет. Многие, но не все. Но у них есть одно общее: все они хорошо говорят по-английски. Пальмира — единственная планета, выдвигающая требования к языку. Они хотят, чтобы вся колония говорила на одном языке.

— Что-то я такое слышала... А почему?

— Думают, что из-за этого у них будет меньше войн. Может, оно и так, только мне кажется, что самые страшные войны в истории были гражданские. Языковые проблемы тут ни при чем.

У меня на этот счет собственного мнения не было, так что я воздержалась от комментариев. Мы покинули катер через пассажирский люк, и Том закрыл его за нами. Тут я вспомнила, что оставила в пассажирском отсеке шарфик.

— Том, ты не видел, где я его оставила? Кажется, в пассажирском салоне...

— Нет, не видел, но не волнуйся. Найдем.

Он открыл люк и вернулся.

Шарф был там, где я его уронила, — в проходе между

рядами пассажирских кресел. Я обернула его вокруг шеи Тома, притянула его к себе и поцеловала. Поблагодарила, так сказать, за экскурсию. Процесс выражения благодарности мог бы и подольше затянуться, но Том был при исполнении...

А благодарности он заслуживал самой высшей. В двери был кодовый замок. Теперь я знала, как его открыть.

Когда я вернулась после инспекции грузовых отсеков катера, время близилось к ленчу. Шизуко, по обыкновению, была вся в делах (всегда найдется дело для женщины, которая приставлена к другой женщине и призвана следить за тем, чтобы та, другая, была всегда ухоженна, в полном порядке).

Я сообщила ей:

— Не хочу идти в столовую. Хочу быстренько под душ, одеться и поесть тут.

— Что желает госпожа? Я принесу.

— Закажи ленч для нас обеих.

— И для меня?

— И для себя. Не хочу есть в одиночестве. Просто неохота одеваться, тащиться в столовую. Не спорь, запроси меню через терминал.

Я отправилась в ванную.

Я слышала, как она начала заказывать ленч, но, когда я вышла из ванной, она уже была наготове с большим пушистым полотенцем. Другое, поменьше, было обмотано вокруг ее талии — замечательная такая банщица. Я была насухо вытерта, и она помогла мне надеть халат. Зазвенел звонок лифта. Она открыла дверцу, вынула блюда, а я передвинула маленький столик в тот самый угол, где беседовала с Маком-Питом. Шизуко вздернула бровки, но спорить не стала и принялась накрывать на стол. Я нашла на терминале музыкальную программу и снова выбрала пение — классический рок.

Шизуко водрузила на стол только один прибор. Стараясь, чтобы она расслышала мои слова на фоне музыки, я сказала:

— Тилли, поставь тарелку для себя.

— Что вы сказали, госпожа?

— Не притворяйся, Матильда. Финита ля комедиа. Я специально все устроила так, чтобы мы могли поговорить.

Колебалась она недолго.

— О'кей, мисс Фрайди.

— Лучше зови Мардж или Фрайди — чтобы мне не называть тебя «мисс Джексон». Фрайди будет лучше. Это мое настоящее имя. Пора нам обеим снять грим. Кстати говоря, роль служанки ты исполняла просто великолепно, но больше в этом нет нужды, по крайней мере, когда мы наедине. Вытереться после душа я и сама могу.

Она попыталась улыбнуться:

— Но... мне приятно о вас заботиться, мисс Фрайди... Мардж... Фрайди.

— Ну спасибо. Давай-ка поедим.

Я положила ей на тарелку порцию сукияки.

Вот ведь дела — поешь немного, и сразу говорить легче становится. Я спросила:

— Итак, что ты с этого имеешь?

— С чего «этого», Мардж?

— С того, что охраняешь меня. С того, что передашь меня с рук на руки дворцовой гвардии на Жемчужине.

— Контрактная ставка. Будет выплачена моему боссу. Предполагается премия, но в премии я не верю до тех пор, пока не начинаю их тратить.

— Ясно. Матильда, я выхожу на Пальмире. Ты мне поможешь?

— Зови меня Тилли. Я помогу?

— Да. Потому что я заплачу тебе гораздо больше.

— Ты думаешь, меня так легко уговорить?

— Да. Потому что вариантов выбора у тебя всего два.

На столике между нами лежала сервировочная ложка из нержавеющей стали. Я схватила ее и легким движением отломила ручку.

— Ты либо поможешь мне, либо умрешь. Очень быстро. Ну как?

Она взяла в руку столовую ложку.

— Мардж, не надо так драматизировать. Мы что-нибудь придумаем.

Одно движение пальцев — и ее ложка превратилась в оружие.

— Ну, так в чем проблема?

Я уставилась на ложку.

— «Мать твоя — пробирка...»

— «...скальпель — мой отец». Как и твои. Вот почему меня пустили на это дело. Давай поговорим. Почему ты хочешь удрать с корабля? Бьюсь об заклад, у тебя это не выйдет.

— Я умру, если не сумею удрать.

Отступать было некуда. Я рассказала ей о той сделке, которую заключила, о том, как оказалась беременной, о том, почему, по моим представлениям, у меня было так мало шансов остаться в живых после посещения Жемчужины.

— Что может заставить тебя перейти на мою сторону? Думаю, я смогу хорошо заплатить тебе.

— Но не одна я слежу за тобой.

— Пит? С Питом я разберусь. Думаю, остальных можно проигнорировать, если вы — ты и Пит — поможете мне. Вы ведь, похоже, единственные профессионалы. Кто только набирал остальных? Уроды.

— Не знаю. Не знаю, кто нанял меня, если уж на то пошло. Это делали через моего босса. Может быть, и удастся обойти остальных. Все зависит от того, какой у тебя план.

— Давай о деньгах.

— Нет, сначала о планах.

— А... — Я закусила губу. — Как ты думаешь, тебе удастся имитировать мой голос?

— Тебе удастся имитировать мой голос? — ответила она вопросом на вопрос.

— Еще разок!

— Еще разок!

Я вздохнула:

— О'кей, Тилли, отлично это у тебя получается. В «Дейли Форвард» написано, что высадка на Пальмире начнется что-то около завтрашнего вечера, но если они будут так же точны, как около Форта, значит, мы выйдем на стационарную орбиту и выпустим посадочный катер не раньше чем послезавтра утром. Значит, осталось меньше сорока

восьми часов. Значит, завтра я заболею. Это очень грустно. Потому что я рвалась всеми фибрами моей души посетить замечательные экскурсии. Точное время осуществления моего плана зависит от того, когда именно будут выпущены посадочные катера, а это должно произойти, если я все правильно понимаю, тогда, когда мы вырвемся в обычное пространство, то есть выйдем на стационарную орбиту. Когда бы это ни произошло, в ночь перед высадкой около часа все коридоры будут пусты, и я удеру. С этого момента ты будешь играть нас обеих. И никого не будешь впускать: я очень плохо себя чувствую.

Если кто-то вызовет меня по терминалу, смотри — не включи на видеоприем. Я этого никогда не делаю. Только звук. Пока сможешь, работай за двоих. Если не выйдет, значит — я сплю. Начнешь изображать меня, почувствуешь, что дело идет туго — сошлись на высокую температуру, скажи, что тебе так плохо, что ты двух слов связать не можешь.

Закажи завтрак на двоих — для себя то, что обычно, а для меня — бедной, больной и несчастной — чай с молоком, тостик и витаминный сок.

— Фрайди, ты, похоже, собираешься драпать на посадочном катере. Но люки, ведущие к катерам, всегда закрыты. Я точно знаю.

— Я тоже. Не твоя забота, Тилли.

— Ладно. Не моя забота. О'кей, я могу тебя прикрыть после того, как ты уйдешь. А что я потом скажу капитану?

— Значит, капитан тоже в этом замешан. Так я и думала.

— Он знает об этом. Но приказы мы получаем от казначея-таможенника.

— Понятно. Хочешь, я устрою так: ты окажешься связанной, с кляпом во рту... и расскажешь, что это я побила тебя и связала. В самом деле я сделать этого не смогу, потому что как же ты тогда будешь изображать нас обеих? С самого раннего утра до того момента, когда отбудет катер... Но как сделать, что ты будешь связана с кляпом во рту, я знаю. Думаю, получится.

— Да, конечно, тогда мое алиби было бы полным. Но кто же такой филантроп?

— Помнишь первый вечер на корабле? Я пришла поздно, с кавалером. Ты подала нам чай и миндальные пирожные.

— Доктор Медсен. Ты на него рассчитываешь?

— Думаю, можно. С твоей помощью. В тот вечер он очень меня хотел.

— Не то слово! — хмыкнула она. — Пыхтел как паровоз.

— Да. Он и теперь не прочь позабавиться со мной. Завтра я заболеваю, и он придет навестить меня — как врач. Ты здесь, как обычно. Мы выключим свет там, где стоит кровать. Если у доктора Джерри крепкие нервы, он не откажется от того, что я предложу. Он не откажется.

Я пристально смотрела на нее.

— Он придет навестить меня... и свяжет тебя. Очень просто.

Тилли выпрямилась и ненадолго задумалась.

— Нет.

— Нет?

— Давай сделаем еще проще. Не надо больше никого в это впутывать. Никого. Не нужно, чтобы я была связана. Это только усилит подозрения. Вот что я думаю: незадолго до отбытия катера ты вдруг почувствуешь, что тебе стало лучше, встала, оделась и вышла из каюты. Куда, зачем — мне ведь никто ничего не говорит, я всего-навсего глупая служанка. Разве ты обязана говорить мне о своих планах? А может быть, ты в конце концов решила отправиться на экскурсию. Это неважно. Я не обязана заботиться о тебе за пределами каюты. Мне даже кажется, что не Пит за это отвечает. Если тебе удастся удрать с корабля, единственным, кто по-настоящему пострадает, будет капитан. А я о нем плакать не собираюсь.

— Тилли, я думаю, ты права во всем. Я думала, тебе понадобится алиби. Но лучше и тебе уйти, не думая про алиби.

Она взглянула на меня и улыбнулась:

— Только пусть все это не помешает тебе развлечься с доктором Медсеном. Развлекайся. Одним из пунктов моего задания было держать тебя подальше от мужчин. Никого не пускать к тебе в постель.

— Я это заметила, — сухо согласилась я.

— Но раз уж я меняю амплуа, это больше не пробле-

ма. — Неожиданно она просияла. — Знаешь, можно и доктору Медсену помочь. Когда он явится утром навестить тебя, я скажу, что тебе стало лучше и ты отправилась в сауну или еще куда-нибудь.

— Не стоит ничего такого делать, если это не поможет делу. Его интересует только одно дело, я-то знаю.

Она встала. Я встала следом за ней.

— Ну, мы в полной готовности?

— Да, только мы не успели обсудить, сколько я тебе должна?

— Да, я подумала об этом. Мардж, ты свои обстоятельства знаешь лучше, чем кто бы то ни было. Решай сама.

— Но ты так и не сказала мне, сколько тебе платят.

— Я не знаю. Мой хозяин не сказал мне.

— Ты... куплена?

Мне стало жалко ее. Естественно, куплена, как любая искусственница.

— Уже нет. Или... не совсем. Я была продана на определенный срок. Он уже истекает, и я буду свободна.

— Но... О, Тилли, давай ты удерешь вместе со мной!

Она коснулась моей руки:

— Не волнуйся. Ты заставила меня задуматься об этом. Именно поэтому я и не хочу, чтобы меня связывали. Мардж, я не значусь в списках пассажиров под настоящим именем. Следовательно, могу отправиться на экскурсию, если заплачу за нее. Так что, может, и увидимся внизу.

— Да! — радостно воскликнула я и поцеловала ее. Она крепко обняла меня и продлила поцелуй. Рука ее скользнула под мой халат.

Я прервала поцелуй и заглянула ей в глаза:

— Это правда, Тилли?

— Да, да! С того самого раза, когда я впервые купала тебя!

В этот вечер пассажиры третьего класса, выходившие на Пальмире, были удостоены чести посмотреть вечернее шоу вместе с публикой из первого класса. Капитан сообщил мне, что это такая традиция: пассажиры первого класса жертвуют деньги на шоу для колонистов, но что это, конечно, не обязательно. Он сам лично отправился

смотреть шоу и в зале уселся рядом со мной. Я не упустила возможности и пожаловалась ему на неважное самочувствие, повздыхав насчет того, что, наверное, не смогу отправиться на экскурсию.

Он мне посоветовал не рисковать, если мне действительно плохо, но сказал, что сильно огорчаться, что пропущу Пальмиру, не стоит — ничего там нет такого особенного. Вот остальная часть маршрута, дескать, действительно великолепна. «Так что путь хорошей тефочкой, штопы мне не нушно пыло запирать тепя в кающе».

Я сказала ему, что если мой живот не перестанет так безобразно себя вести, то меня и запирать не придется. Спуск на Форт был ужасен, сказала я ему, меня тошнило всю дорогу. За обедом я, кстати, старалась вовсю — морщилась, кривилась, вздыхала...

Шоу было любительское, но веселое. Несколько сценок, но большей частью — песенки. Мне все ужасно понравилось, но главное мое внимание привлек мужчина, стоявший во втором ряду хора. Мне его лицо показалось знакомым.

Он смутно напоминал профессора Федерико Фарнезе. Однако у этого человека была густая борода, а Федерико был гладко выбрит, точно помню. Это, правда, ничего не доказывает — за время, прошедшее со дня нашей встречи, у него могла вырасти борода и подлиннее. Мужчины маются дурью время от времени и отращивают бороды.

Он не солировал, так что голоса его расслышать я не могла.

Запах его тела — вот что мне было нужно, но за тридцать метров, в толпе хористов — нет, я не могла его различить.

О, как мне хотелось бы перестать изображать леди, встать, пробраться через танцевальный партер, подойти к нему, обнять и спросить:

— Ты — Федерико? Помнишь, ты спал со мной в Окленде, в мае?

А что, если он скажет: «Нет»?

Трусиха я. Всего-то и сделала — сказала капитану, что, похоже, в хоре поет мой старый знакомый из Сиднея. Я написала на программке «Федерико Фарнезе», и капитан пе-

редал ее распорядителю, а тот — одному из своих помощников, который ушел и скоро вернулся, и мне было передано, что среди эмигрантов есть мужчины с итальянскими фамилиями, но такой, чтобы хоть отдаленно напоминала «Фарнезе», там не значится.

Я поблагодарила посыльного, поблагодарила распорядителя и капитана, подумала, не спросить ли на всякий случай, нет ли в списке эмигрантов фамилий «Торми» и «Перро», но довольно быстро сообразила, что это было бы глупо и рискованно. Среди хористов ни Бетти, ни Жанет не было — уж у них-то точно не могли отрасти бороды. Я видела только бородатого мужчину. А борода здорово меняет лицо. Попробуйте — увидите. Физиономия под бородой — сморщенное зернышко, больше ничего.

Я решила, что в бабьей болтовне насчет психозов беременных женщин есть доля правды.

ГЛАВА 32

Было два часа пополуночи по корабельному времени. Выход в обычное пространство произошел вовремя — примерно в одиннадцать утра. Ожидалось, что «Форвард» выйдет на стационарную орбиту в семь сорок две, то есть на несколько часов раньше, чем было запланировано до выхода из гиперпространства. Меня это не порадовало. Ранняя отправка посадочных катеров увеличивала опасность того, что по коридорам среди ночи могли шататься пассажиры.

Но выбора не было. Другого шанса не представится — это мне было совершенно ясно. Я закончила последние приготовления, поцеловала Тилли в лоб, прижала палец к губам, дав ей понять, что больше — ни слова, и выскользнула из двери каюты.

Мне нужно было довольно долго идти по своей палубе, а потом опуститься на три палубы вниз. Дважды пришлось скрываться от ночных дежурных, совершавших обход корабля. Один раз, чтобы не столкнуться с пассажиром, пришлось нырнуть в боковой проход. Я немного прошла вперед по параллельному коридору и снова вернулась в главный. Наконец я добралась до цели — короткого коридорчика,

заканчивавшегося тупиком. Он вел к люку — к выходу в посадочный катер.

Там меня ждал... «Мак»-Пит-Персиваль.

Я быстро подошла к нему, нежно улыбаясь, сделала ему знак помалкивать, ловко ухватила его за ухо и опустила на палубу. Убрав его с дороги, я занялась разгадкой комбинаций цифр на замке.

И обнаружила, что цифры на табло замка разглядеть почти невозможно, даже моим, усиленным ночным зрением. В коридоре горели ночники, а здесь, в тупике, даже ночника не было. Дважды я набирала комбинацию — и все без толку.

Я призадумалась. Вернуться в каюту и взять фонарик? У меня фонарика не было, но, может быть, у Тилли? А если у нее нет фонарика, что же, дожидаться, пока включат дневное освещение? Восхитительно! В это время по коридорам уже будут ходить толпы народа. Но был ли у меня выбор?

Я нагнулась к Питу. Он не двигался, но сердце билось. Повезло тебе, Пит. Включись я полностью в суперрежим, тебя бы уже не было на этом свете. Я обыскала его.

Не очень удивилась, честно говоря, когда нашла в одном из его карманов маленький фонарик-ручку. У него, в конце концов, работа была такая — следить за мной, а «мисс миллионерше» нечего обременять себя такими мелочами.

Через несколько секунд дверь была открыта.

Я протащила в открытый люк Пита, закрыла и заперла дверь, повернув штурвал люка сначала по часовой, потом — против часовой стрелки. Обернувшись, я заметила, что веки у Пита слегка дрогнули, и снова отключила его.

Потом мне пришлось трудновато. Пит весил килограммов этак восемьдесят пять. Не так уж много для мужчины. Но это — на двадцать пять килограммов больше моего собственного веса, и он гораздо крупнее меня. Я знала от Тома, что в катере инженеры поддерживают искусственную силу тяжести на уровне 0,97, чтобы приблизить ее к силе тяжести на Пальмире. В этот момент я мечтала о невесомости или антигравитационном устройстве, потому что не могла оставить Пита — живого или мертвого.

Мне удалось-таки взвалить его на небольшую тележку,

и я обнаружила, что двигаться вперед, чтобы хотя бы одна рука была свободна — чтобы цепляться за скобы на стенах и все такое прочее, — мне нужно с фонариком Пита в зубах наподобие сигары. Если бы мне не нужно было тащить за собой это бесчувственное тело, я бы предпочла двигаться в темноте.

С горем пополам я добралась наконец до того самого громадного грузового отсека. При свете крошечного фонарика, луч которого робко разрывал мрак, отсек казался еще более громадным. Но я уже больше не была в полной темноте: посадочный катер был озарен тусклыми ночными огнями, как и коридоры корабля от полуночи до шести утра.

Наконец я добралась до убежища, которое выбрала для себя днем раньше — до гигантского турбогенератора «Вестингауз».

По всей вероятности, эта громадина должна была работать на каком-нибудь горючем — «Шипстоунами» тут и не пахло. Там, где есть «Шипстоуны», такие конструкции давно вышли из употребления, но в колониях ими все еще пользуются. В их конструкции я ничегошеньки не смыслю, но меня конструкция и не интересовала в принципе. Главное, что сбоку к турбогенератору был прикреплен большой металлический конус, и было похоже, что места для меня одной там хватит. Но должно было хватить для двоих — я не могла расстаться со своим совершенно ненужным грузом — ни убить Пита, ни бросить я не могла.

Местечко внутри было довольно уютным, но пробираться внутрь пришлось через упаковку — заботливые грузчики обернули конус стекловатой. Кожу я ободрала здорово, но это ладно.

Протащив Пита за собой, я посмотрела, как он. Убедившись, что он дышит, я положила его на пол. Мне нужно было хоть немного поспать — это было бы невозможно, останься у меня за спиной хоть один из моих преследователей.

Вот именно это мне и надо было выяснить.

Я раздела Пита догола, руки за спиной связала рубашкой, ноги — брюками, а потом связала руки с ногами рем-

нем. Чертовски крепко получается, можете попробовать на досуге. И захочешь — не убежишь.

Потом я принялась приводить его в чувство. Он открыл глаза и сказал:

— Не стоит, мисс Фрайди. Я уже давно пришел в себя. Давайте поговорим.

— Я знала, что ты пришел в себя. Но решила притворяться, пока ты притворяешься. А если бы ты мне попробовал помешать, я бы просто-напросто оторвала у тебя твои мужские прелести и запихнула тебе в глотку.

— Приблизительно чего-то такого я и ожидал. Но не думал, что вы пойдете на такую жестокость.

— А почему бы и нет? Твои прелести мне давно знакомы. И не с лучшей стороны. Есть возражения?

— Мисс Фрайди, можно я слово скажу?

— Конечно. Но только попробуй повысить голос, и я сделаю это.

Я дала ему понять, что не шучу.

— Эй! Полегче, пожалуйста! Казначей выставил сегодня двойную охрану. Я...

— Как это понять — «двойную охрану»?

— Обычно Тилли-Шизуко — единственная, кто следит за вами, пока вы не встали. Утром, как только вы встаете, она нажимает кнопку, и это означает, что мне пора приступать к своим обязанностям. Но казначей, а может, и сам капитан — волнуются. Наверное думают, что вы хотите удрать на Пальмире.

Я сделала большие глаза:

— Боже милосердный! И как только они могут обо мне так плохо думать!

— Не имею представления, — печально отозвался он. — А почему же мы тогда здесь, на посадочном катере?

— Я... собираюсь на экскурсию. А ты?

— Надеюсь, я тоже... Мисс Фрайди, я понял, что, если вы захотите убежать с корабля на Пальмире, самое подходящее время для этого сейчас, ночью. Я не знал, каким именно образом вы собираетесь пробраться на катер, но я верил в вас, и вы меня, так сказать, не подвели.

— Благодарю. В какой-то степени ты прав. Кто следит за выходом на второй катер? Есть там кто-нибудь?

— Грэхем. Ну этот, рыжий. Вы его видели, наверное?

— Слишком часто.

— Это место я выбрал, потому что вы тут были с мистером Аделлом вчера. Или позавчера — как вам больше нравится.

— Мне неинтересно, как ты там время рассчитываешь. Пит, что будет, когда нас хватятся?

— Меня, может, и не хватятся. Тупица Джо — простите, Джозеф Стейбен — это просто я его так называю... я просил его сменить меня после завтрака. Насколько я знаю Джо, он не станет поднимать шума, если не найдет меня около люка. Он просто усядется на палубу и поспит еще несколько часов — до тех пор, пока кто-то не явится открывать люк. А потом он будет ждать, пока не отправится катер... а потом — отправится в свою каюту и будет ждать, когда я вернусь. Джо — парень надежный, но тупой. На это я и рассчитывал.

— Пит, все звучит так, будто ты все заранее спланировал.

— Да. Только я не планировал, что в результате мне дадут по шее и я заработаю дикую головную боль. Если бы вы дали мне хоть слово сказать, вам бы не пришлось меня тащить — такую тяжесть.

— Пит, если ты заговариваешь мне зубы, чтобы я развязала тебя, то ты напрасно тратишь слова. Лаешь не в тот колодец, так сказать.

— Вы хотите сказать «не на то дерево»?

— Неважно куда — все равно зря. И нечего мою речь критиковать. Умник выискался. Плохо твое дело, Пит. Давай думай, скажи что-нибудь поумнее, чтобы я могла не убить тебя, а оставить тут. Потому что капитан прав: я собираюсь удрать с корабля. И по тебе скучать не собираюсь.

— Ну... Одна причина такая. Мой труп могут найти здесь утром, когда на Пальмире будут катер разгружать. Тогда начнут искать вас.

— А я в это время, дорогой, уже буду за много-много километров от катера, по другую сторону горизонта. И по-

том: почему это меня будут искать? Я на тебе отпечатков пальцев не оставлю. Будет только несколько красных пятен вокруг шеи, и все.

— Мотивы. Вероятность. Пальмира. Пальмира — жутко принципиальная планета в отношении соблюдения законов. Может, вам и удастся там высадиться — кое-кому удавалось. Но если вас будут разыскивать за убийство, совершенное на борту корабля, местные помогут в розысках.

— А я буду утверждать, что сделала это из соображений самозащиты. Ты насильник известный. Ради бога, Пит, что же мне с тобой делать? Ты — загадка для меня. Ты знаешь, что мне трудно убить тебя — я не умею убивать хладнокровно. К этому меня надо вынудить. Но оставить тебя связанным... дай-ка посчитаю... пять да три будет восемь, да еще два часа накинем до начала разгрузки... значит, десять часов минимум. А мне придется тебе рот заткнуть... а тут холодает, однако...

— Да, холодает здорово. Может быть, вы будете так добры и набросите на меня свитер хотя бы?

— Ладно, только потом он мне понадобится — кляп из него сделаю.

— Но... мне не только холодно, у меня руки и ноги онемели. Мисс Фрайди, если я останусь связанным на десять часов, у меня начнется гангрена — я и руки, и ноги потеряю. На Пальмире регенерацию делать не умеют. А пока я доберусь туда, где делают такие операции, я уже буду безнадежным инвалидом. Милосерднее убить меня.

— Проклятье, не пытайся меня разжалобить!

— Сомневаюсь, что это вообще возможно.

— Слушай, — сказала я ему, — если я тебя сейчас развяжу и дам одеться, чтобы ты не замерз, ты мне позволишь связать тебя попозже и рот заткнуть, чтобы ты не шумел? Или мне придется вырубить тебя посильнее, чем раньше. Рискуешь остаться с переломанной шеей. Я это умею, ты знаешь. Ты меня в деле видел...

— Я не видел. Видел только результаты. Слышал.

— Это одно и то же. Значит, знаешь. И знаешь, почему я на такое способна. «Мать моя — пробирка...»

— «...скальпель — мой отец», — закончил он пословицу

искусственников за меня. — Мисс Фрайди, я вовсе не собирался позволить вам отключить меня. Вы, конечно, быстрая... но и я быстрый, и руки у меня длиннее. Я знал, что вы — искусственница, но вы не знали, что я — тоже. Так что, случись драка — я бы победил.

Сидя в «лотосе», я выслушала это потрясающее заявление. У меня кружилась голова. Только не обмануться! И... господи, только бы меня не вырвало!

— Пит, — сказала я умоляюще, — ты бы не стал мне врать, правда?

— Я врал всю свою жизнь, — ответил он. — И вы тоже. Однако...

Он замолчал и напряг руки... Повязки лопнули! Знаете, какова прочность на разрыв скрученного рукава хорошей, крепкой рубашки? Покрепче манильского каната такой же толщины, попробуйте.

— Не хотелось рубашку рвать, — доверительно сообщил Пит. — Хорошо хоть свитер остался. Но штаны рвать не хотелось бы — придется на людях появиться, а когда я себе новые добуду? Вам полегче будет развязать узлы, так, может, развяжете, мисс Фрайди?

— Перестань называть меня «мисс Фрайди», Пит. Раз уж мы оба — искусственники...

Я стала развязывать узлы.

— Почему же ты мне раньше не сказал?

— Да, надо было. Но все время что-то мешало.

— Ну, вот... Ой, как у тебя ноги замерзли. Давай я разотру.

Нам удалось немного поспать — или мне одной. Пит тряс меня за плечо. Я открыла глаза. Он прошептал:

— Пора просыпаться. Наверное, скоро приземлимся. Уже огни зажгли.

Тусклый, сумеречный свет пробивался сверху и снизу сквозь упаковку нашего убежища. Я зевнула:

— Я замерзла.

— Сожалею. Но снаружи еще холоднее. Я тоже окоченел.

— Ты этого заслуживаешь. Насильник. Вообще ты слишком худой, Пит, надо бы тебе жирку набрать немно-

го. Это напоминает мне о том, что мы не завтракали. Но стоит только подумать о еде, и мне кажется, что меня сейчас вырвет. Ой...

— Ну... переползай через меня, я тебе для этого дела уголок уступлю. Только аккуратно, а то места мало. И постарайся потише. Сейчас тут уже кто-то может быть.

— Грубиян. Бесчувственный грубиян. Назло тебе не буду.

В общем-то, чувствовала я себя не так уж плохо. До того как я ушла из каюты, я приняла голубую таблетку. Немного сосало под ложечкой, но это можно было перетерпеть. То есть не то ощущение, когда орешь, выпучив глаза: «Выпустите меня отсюда, я больше не могу!» Весь запас таблеток, которыми меня снабдил доктор Джерри, у меня был с собой.

— Пит, какие планы?

— Ты меня спрашиваешь? Этот побег не я придумал.

— Да... Но ты большой сильный мужчина. Я думала, ты все решишь, пока я спала. Я не права?

— Ладно. Фрайди, и все-таки, какие у тебя планы? Какие у тебя были планы, пока ты не думала, что я окажусь у двери люка?

— Не сказать, чтобы такие уж четкие. Я думала — как только мы приземлимся, они должны будут открыть люк, либо грузовой, либо пассажирский — все равно. Как только это произойдет, я думала выбраться отсюда и помчаться куда глаза глядят, не обращая внимания ни на что и ни на кого, кто бы мне по пути ни попался... и не останавливаться, пока не буду далеко-далеко от корабля. У меня нет желания ни с кем драться, и, надеюсь, никому в голову не взбредет меня задерживать... потому что я никому этого не позволю.

— Хороший план.

— Ты так думаешь? Да это вообще не план никакой. Просто решимость. Люк откроется — и я рвану.

— Это хороший план, потому что в нем нет никаких хитростей. И потом — у тебя есть большое преимущество. Они не осмелятся помешать тебе.

— Хотелось бы верить!

— Ударить тебя кто-то может только по чистой случайности. Человек, который на это отважится, будет повешен.

Как минимум. После того как ты мне рассказала конец своей истории, я понял, почему мы тебя так охраняли. Ты не нужна им живой или мертвой — ты им нужна в полном здравии. Они дадут тебе убежать.

— Значит, все должно получиться легко?

— Не слишком полагайся на это. Какая бы ты ни была дикая кошка, уже известно, что достаточное количество сильных мужчин способно задержать тебя. Мы оба это знаем. Если они узнают, что ты смылась, — а я думаю, они уже знают об этом... Приземление катера уже на час запаздывает.

— О!

Я взглянула на перстень-часы.

— Точно, мы уже должны были приземлиться! Пит, они ищут меня!

— Похоже на то. Но не было смысла будить тебя, пока огни не зажглись. У них было четыре часа, чтобы убедиться, что тебя нет на верхней палубе среди пассажиров первого класса, отправляющихся на экскурсию. Они наверняка перетрясли третий класс, где летят эмигранты, и салон катера. Значит, если ты на катере и тебя нет в пассажирском салоне — искать тебя нужно здесь, в грузовом отсеке. Это, конечно, упрощение — на таком громадном судне полным-полно мест, где можно спрятаться. Но они будут стеречь два бутылочных горлышка — грузовой люк на этой палубе и пассажирский — палубой выше. Если наберут достаточно народа. А они наберут... и если эти подонки запасутся сетями и веревками, они словят тебя, как рыбку, как только ты выйдешь из катера.

— О... — Я задумалась. — Пит, если до этого дойдет, сначала будут раненые и мертвые. Я могу и сама погибнуть, но они дорого заплатят за мой труп. Спасибо, что предупредил меня.

— Они могут и не сделать так. Это было бы слишком откровенно — стеречь люки. Так что... они выпустят эмигрантов — ты, наверное, знаешь, что эмигранты выходят через грузовой отсек?

— Нет, я этого не знала.

— Через грузовой. Значит, выпустят их, а потом закро-

ют люк и напустят сюда усыпляющего газа. Или слезоточивого. И заставят тебя выйти отсюда, протирая глаза.

— Бр-р-р, — поежилась я. — У них действительно есть такие газы? Просто интересно.

— И такие, и похуже. Понимаешь, шкипер этого корабля находится на много световых лет от закона и правопорядка, и у него есть всего лишь горстка людей, на которых он может рассчитывать, начнись, не дай бог, мятеж. В четвертом классе такого корабля почти всегда летит шайка отпетых преступников. Естественно, тут есть газы самого разного действия. Но, Фрайди, когда они вздумают пустить газ, тебя тут уже не будет!

— А? Говори!

— Эмигранты идут на высадку по центральному проходу в этом отсеке. Их на этом рейсе почти триста человек: они будут спрессованы, как кильки в банке. Наверное, они даже познакомиться друг с другом толком не успели — так их много. Мы воспользуемся этим. И еще применим древний, очень древний способ — им воспользовался Улисс, чтобы победить Полифема[1]...

...Выбравшись из громадной воронки, мы с Питом притаились в темном углу возле генератора. Свет стал ярче, мы услышали звуки множества голосов.

— Идут... — прошептал Пит. — Помни: твое единственное спасение — пристроиться к кому-нибудь, у кого много багажа. А таких будет много. Одеты мы как надо — не похожи на пассажиров первого класса. Но нам обязательно надо будет что-нибудь нести. Эмигранты всегда нагружены по уши — поверь мне на слово.

— Постараюсь найти женщину с ребенком и помогу нести ребенка.

— Желаю удачи. Тихо, идут...

Они действительно все были здорово нагружены. Такова благородная политика компании. В стоимость билета

[1]То есть победить не силой, а хитростью. Одиссей (Улисс), напоив вином циклопа Полифема, ослепил его и сумел выбраться из его пещеры.

входит возможность набрать столько багажа, сколько вы в состоянии унести без посторонней помощи. Это компания именует «ручной кладью». Но сейчас у меня не было времени размышлять на тему о том, правильно это или нет — для меня это была спасительная соломинка.

Проходя мимо, большинство эмигрантов не обращали на нас никакого внимания. Вид у них был замученный и усталый. Среди пассажиров было много детей, большинство из них плакало. Первые два десятка торопились пройти поскорей, потому что шедшие сзади напирали на них. Потом цепочка двинулась медленнее — больше детей, больше багажа. Ряды сомкнулись. Настала пора сыграть «зайца».

И вдруг в этом диком скоплении человеческих запахов — пота, грязи, волнения, страха, дешевых духов и описанных пеленок, я ощутила один запах... Он пронзил меня насквозь, как тема «Золотого петушка» в «Гимне солнца» Римского-Корсакова... или лейтмотив в вагнеровском «Кольце Нибелунгов»...

И я вскрикнула:

— Жанет!!!

Женщина, шедшая в дальнем конце цепочки пассажиров, обернулась, посмотрела на меня, уронила на палубу чемоданы и крикнула:

— Марджи!!!

А бородатый мужчина сказал:

— Ну вот, я же говорил вам, что она на корабле. Говорил же?

— Но ты же умерла... — укоризненно выговорил Ян. А я оторвалась от губ Жанет и сказала:

— Нет. Жива, как видишь. Тебе привет и наилучшие пожелания от младшего офицера Памелы Хирсфорд.

— От этой сучки? — возмутилась Жанет.

— Ну Джен, — смущенно проговорил Ян, а Бетти внимательно оглядела меня с ног до головы и убежденно кивнула:

— Это она. Привет, милашка. Как я рада, честное слово! Это надо будет обмыть!

А Джордж что-то лепетал по-французски, тщетно пы-

таясь оторвать меня от Жанет. Она, кстати, здорово располнела.

Естественно, мы нарушили движение цепочки. Остальные эмигранты, нагруженные, усталые, жаловались, ругались, обходили нашу компанию... Я сказала:

— Пошли вперед. Можно будет потом поговорить.

Я оглянулась на тот уголок, где мы прятались с Питом. Его не было.

А Жанет вовсе не располнела — она просто-напросто была беременна. Я попыталась отнять у нее один из чемоданов, но она не дала.

— С двумя легче: они друг друга уравновешивают.

Пришлось удовольствоваться дорожной клеткой, в которой на бархатной подушке возлежала кошка-мама, и большим бумажным пакетом, который до этого нес под мышкой Ян.

— Жанет, а что с котятами?

— Они, — ответил за нее Фредди, — по моей протекции прекрасно устроены. Возглавляют команду по борьбе с грызунами на крупной овцеферме в Квинсленде. А теперь, Хелен, скажи мне, ради бога, как это вышло: только вчера я тебя видел по правую руку от капитана корабля, а теперь ты плетешься на выход вместе с простыми крестьянами в клоаке этой посудины?

— Потом, Фредди. Когда выберемся отсюда.

Он взглянул в сторону люка:

— О да! Потом мы все заберемся в большую-пребольшую кровать и предадимся воспоминаниям. Пока нам нужно пройти мимо цербера.

По обе стороны люка стояли двое вооруженных до зубов охранников. Я начала в уме произносить мантры, для виду продолжая болтать с Фредди. Оба охранника смотрели на меня, и удивления на их физиономиях не было. Может быть, помогло то, что лицо у меня было перепачкано, волосы спутаны — вы же помните, как я провела ночь. А до сих пор меня не видели за пределами каюты без того, чтобы Шизуко не поработала над моей внешностью до такой степени, что я могла выиграть конкурс красоты.

— Франс, Фредерик Дж.! Проходите вперед!

— Здесь! — выкрикнул Федерико и обошел меня, подходя к столику таможенника. У меня за спиной прозвучал голос:

— Вот она!!!

Довольно резко опустив на пол клетку с кошкой-мамой, я опрометью бросилась вперед.

До меня доносились шум и крики, но я не обращала на это никакого внимания. Плевать я на это хотела. Мне просто нужно было как можно скорее убежать на такое расстояние, чтобы меня не достал выстрел из парализатора, лассо или газ. Конечно, я не могла обогнать выстрел из пистолета и лазерной винтовки, но этого можно было как раз не опасаться, если Пит прав. Я бежала и бежала, не оборачиваясь. Справа от меня был поселок, а далеко впереди — лес. Лес казался мне пока более надежным укрытием. Я рванула что есть мочи в этом направлении.

Быстро обернувшись на бегу, я убедилась, что большинство преследователей остались далеко позади. И это неудивительно — я способна пробежать тысячу метров за две минуты на одном дыхании. Но двое догоняли меня, и расстояние между нами все сокращалось. Я немного замедлила бег и решила стукнуть их головами друг о друга, если они меня догонят.

— Давай жми! — донесся до меня голос Пита. — Не останавливайся. Мы делаем вид, что догоняем тебя!

Я побежала дальше. Второй была, конечно, Шизуко. Моя подружка Тилли.

Забежав поглубже в заросли, где меня уже не было видно со стороны катера, я остановилась под деревом, и меня вырвало. Они догнали меня. Шизуко поддержала мою голову и вытерла меня весьма своеобразно — поцеловала меня. Я отстранилась.

— Не надо. От меня жутко пахнет. Ты что, в таком виде удрала с корабля?

На ней была комбинация, в которой она выглядела стройнее, более по-европейски и гораздо более по-женски, чем моя бывшая служанка.

— Нет. В парадном кимоно и оби. Они где-то упали по

дороге. Сама понимаешь, в таком наряде далеко не убежишь.

Пит раздраженно прервал нас:

— Хватит болтать! Нам нужно как можно скорее убраться отсюда!

Он отбросил назад мои волосы и поцеловал меня.

— Кому какое дело, как ты пахнешь? А теперь — вперед!

Мы двинулись вперед, уходя все дальше и дальше от катера. Вскоре выяснилось, что у Тилли разбита коленка. С каждым шагом она хромала все сильнее и сильнее. Пит проворчал:

— Когда ты убежала, Тилли была еще на полпути с палубы первого класса. Ей пришлось спрыгнуть с лестницы, и приземлилась она неудачно. Тилли, какая ты неуклюжая!

— Это все эти проклятые японские туфли! В них трудно было прыгать... Пит, бери малышку и двигайте вперед поскорее. Мне они ничего не сделают.

— Не сделают? Черта с два, — с горечью проговорил Пит. — Мы все трое повязаны и должны держаться втроем. Верно я говорю, мисс... Верно, Фрайди?

— Господи, ну конечно, да! «Один за всех и все за одного!» Подхвати ее справа, Пит, а я — с этого бока.

Мы двинулись вперед на пяти ногах. Не то чтобы очень быстро, но позади нас оставалось все больше леса, мы все дальше уходили от погони. Спустя некоторое время Пит предложил понести Тилли на закорках. Я остановила его и предложила:

— Давай послушаем.

Шума погони слышно не было. Не было слышно ничего, кроме незнакомых звуков незнакомого леса. Крики птиц? Трудно сказать... Знакомое и чужое — одновременно. Трава, которая как бы не совсем трава... Деревья, казалось, сохранились от другой геологической эпохи. Их листья были подернуты красноватыми прожилками. Может, тут была осень? Как холодно тут по ночам? Искать людей в ближайшие три дня представлялось опасным. Мы могли продержаться это время без пищи и воды. Только бы не замерзнуть!

— Ладно, — сказала я. — На закорках так на закорках. Но — по очереди.

— Фрайди! Ты не сможешь меня нести!

— Прошлой ночью я носила Пита. Пит, скажи ей. Думаешь, не смогу поднять тебя — маленькую японскую куколку?

— «Японская куколка»! Клянусь моей разбитой коленкой, я такая же американка, как ты!

— Боюсь, побольше меня. Я-то не слишком американка. Потом расскажу. Забирайся.

Метров пятьдесят я ее протащила на себе, потом меня сменил Пит, и мы прошли еще метров двести. И так далее. Пит решил, что так будет поровну. Примерно через час мы вышли на дорогу — что-то вроде лесной просеки, но на ней были видны следы колес и лошадиных копыт. Дорога поворачивала налево, уводя нас от места посадки катера. Туда мы и направились.

На пути нам встретился фермерский домик. Наверное, нам стоило обойти его стороной, но пить мне хотелось гораздо сильнее, чем остаться в безопасности, и потом, мне хотелось вправить Тилли коленку, пока она не стала размером с ее голову.

На веранде в кресле-качалке сидела пожилая седоволосая женщина, аккуратно причесанная и чистенькая. Она что-то вязала. Заметив нас, она поманила нас рукой.

— Меня звать миссис Дуглас, — сообщила она. — Вы с корабля?

— Да, — призналась я. — Меня зовут Фрайди Джонс. Это Матильда Джексон, а это — наш друг Пит.

— Пит Робертс, мадам.

— Проходите все и садитесь. Вы уж простите, что я не встаю. У меня с поясницей неважно. Так вы беглецы, что ли? Удрали с корабля?

(Скушать пилюлю. Но приготовиться бежать.)

— Да. Мы — беглецы.

— Понятно. И ничего такого странного. Половина удравших всегда сначала попадает к нам. Ну что же... судя по тому, что сейчас передали по радио, вам надо спрятаться

на три дня. Тут вы будете в безопасности. Мы гостей любим. Конечно, вы можете сразу отправиться в переселенческие бараки — там вас эти, с корабля, тоже не посмеют тронуть. Только, правду говоря, не хочется вас туда отпускать. Замучают всяческими беседами и вопросами. После обеда решите. А сейчас не выпьете ли по чашечке чайку?

— Да! — радостно воскликнула я.

— Вот и славно. Малькольм! Эй, Малькольм!

— Что, мама?

— Поставь чайник и котел!

— Чего-чего?

— Чайник и котел. А что у тебя с ногой, детка?

— Похоже, вывих, мадам.

— Конечно, вывих, точно. Ты — как, ты сказала, тебя звать? Фрайди? Пойди, детка, разыщи Малькольма и скажи ему, что нужен большой поднос со льдом. А сама принеси всем чаю, пока Малькольм наколет льда. А вы, сэр, мистер Робертс, помогите мне подняться с кресла, потому что нам понадобится еще кое-что, чтобы привести в порядок ножку этой бедняжки. Нужно будет туго перевязать ее, когда опухоль спадет. А ты мне вот еще что скажи, Матильда, у тебя аллергии на аспирин нет?

— Нет, мадам.

— Мам! Котел кипит!

— Ну, Фрайди, иди к нему, детка. Я пошла за чаем.

В сердце моем звучала песня радости.

ГЛАВА 33

Прошло двадцать лет. Лет Пальмиры. Но разница невелика. Двадцать добрых лет — вот что главное. Мемуары, которые вы заканчиваете читать, основаны на записях, которые я сделала в «Песках Пахаро», и на тех заметках, которые я сделала уже здесь. Заметки я писала с целью «сохранить свидетельства». Поначалу я думала, что мне грозит выселение с Пальмиры.

Но когда мои преследователи утратили реальную возможность использовать меня, они утратили и интерес к моей персоне. Это было вполне логично: для них я была

всего-навсего ходячим инкубатором. А потом и вообще вся эта история стала носить чисто академический характер. И Первый Гражданин, и Дофина погибли в одну ночь — им в кровати были подложены бомбы.

Наверное, эти воспоминания должны были завершиться моим прибытием на Пальмиру. С этих пор в моей жизни совсем не стало никаких драматических моментов. О чем вспоминать обычной крестьянке-домохозяйке? Сколько яиц от наших кур мы собрали в прошлом сезоне? Вам интересно? Мне-то — да, но вам — вряд ли.

Люди занятые и счастливые не пишут мемуаров и дневников. Они живут — и все.

Но, просматривая записки, я нашла кое-какие невыясненные факты. Карточка «Виза», принадлежавшая Жанет, была арестована — для нее это означало, что я погибла. Джордж провел в нижнем Виксберге целое расследование и был уверен, что во время катастрофы никто не уцелел. Потом он разыскал Жанет и Яна — как раз перед тем, как они собирались уехать в Австралию, будучи предупреждены об опасности виннипегским агентом Босса. Так что, вполне естественно, она аннулировала свою кредитку.

Самое странное — это то, как я нашла свою «семью». Но Жанет упорно утверждает, что гораздо более странно то, что я оказалась здесь. Они-то просто-напросто устали от Земли, надоело им там. А куда им было отправиться? Они выбрали Пальмиру. Не наугад, конечно. Пальмира — хорошая планета, она напоминает Землю, какой она была много веков назад — но с современной наукой и техникой. Она не такая примитивная, как Форест, и не такая безумно дорогущая, как Гальцион или Фемида. Мои друзья, конечно, потеряли много денег за счет вынужденно срочной продажи поместья и квартир, но все же им хватило денег на билеты до Пальмиры и на уплату взноса в колонию. И еще осталось.

Знаете, здесь, на Пальмире, никто двери не запирает! У большинства даже замки не вставлены. Как в сказке, правда?

Жанет говорит, что самое потрясающее совпадение — это то, что мы оказались на одном корабле. Но на самом

деле не было и тут ничего потрясающего. На «Дирак» они не успели, а на «Форвард» хотели попасть очень — Жанет хотела добраться до цели, пока ребенок еще был у нее в животе, а не на руках. Но конечно, даже если бы они вылетели более ранним или более поздним рейсом, мы бы обязательно встретились здесь. Наша планета размером почти такая же, как Земля, но колония у нас до сих пор небольшая, все живут близко. И почти все любят заводить новых друзей. Нет, мы должны были встрётиться!

Ну а если бы мне не предложили эту работу с доставкой ребенка? Да, в жизни всегда полно «если бы да кабы», но я думаю, что половина шансов все равно была за то, что я выберу Пальмиру.

«Судьба сводит все концы с концами» — я на свою судьбу не жалуюсь. Мне нравится, что я — колонистка-домохозяйка в семейной группе из восьми человек. Формально, это — не «С»-семья, поскольку тут у нас пока нет строгих законов о семье и браке. Все мы ввосьмером и наши дети живем вместе в большом доме, который придумала Жанет, а строили все мы вместе. Я не такой уж большой специалист по внутреннему убранству, но из меня вышел неплохой плотник для грубой работы. Соседи никогда не задавали нам глупых вопросов о том, кто чей ребенок, — Жанет уж ответила бы, если бы спросили. Тут до этого никому нет дела — на Пальмире обожают детей, и пройдет еще много веков, пока тут станут поговаривать о «перенаселенности» и «демографическом взрыве».

Эту книжку никогда не прочитают наши соседи, поскольку единственное мое произведение, которое я тут собираюсь опубликовать, — это моя собственная книга кулинарных рецептов. Она выйдет под моим именем под редакцией двух великих поваров — Джорджа и Жанет. Есть в ней и кое-какие советы для молодых домохозяек, которые составлены по воспоминаниям о моем «медовом месяце» с Голди. А уж тут я спокойно могу поведать вам наши маленькие родительские тайны. Джордж женился на Матильде, когда я вышла замуж за Персиваля. Думаю, они тянули жребий. Конечно, мой ребенок никогда не услы-

шит глупой поговорки насчет пробирки и скальпеля — я ее на Пальмире ни разу не слышала.

Может быть, Венди и унаследовала какие-то гены от бывшей королевской семейки — но этого она тоже никогда не узнает. Официально ее отец — Персиваль. Все, что я знаю наверняка, так это то, что у Венди нет никаких врожденных недостатков, а Фредди с Джорджем клянутся, что и в будущем у нее ничего такого нехорошего не разовьется. Выглядит она как все дети ее возраста и очень хорошо (даже слишком) развивается. Мне она страшно нравится, и это меня радует — поскольку она единственный ребенок, происшедший на свет из моего тела, хотя и не связанный со мной кровными узами.

Да, единственный... Когда она родилась, я попросила Джорджа ликвидировать мою стерильность. Они вместе с Фредди обследовали меня и сообщили, что сделать это возможно... на Земле. Но не в Нью-Брисбене. А здесь это не представлялось возможным еще многие, многие годы. Таким образом инцидент был исчерпан. И это меня даже несколько успокоило. Хватит и одного раза. У нас полным-полно детей и кошек с котятами, и все они вечно вьются под ногами. Совершенно необязательно мне рожать детей, не говоря уже о котятах. Ребенок есть ребенок, а Тилли рожает прекрасных детей, и Жанет, и Бетти.

И Венди, кстати говоря. Ей еще не было четырнадцати, когда она как-то заявилась домой и возгласила: «Мама, похоже, я беременна».

На что я ей ответила: «Давай не будем гадать, дорогая, а сходим к дяде Фредди и попросим, чтобы он сделал пробу на мышку».

Результат она объявила за обедом, и обед сразу стал праздничным, — так уж ведется у нас в семье: когда бы женщина ни объявила, что у нее будет ребенок, для всех нас это повод порадоваться от души. Итак, первый праздник по поводу беременности Венди состоялся, когда ей еще не было четырнадцати, а следующий — когда ей стукнуло шестнадцать, а потом — восемнадцать. А последний был на прошлой неделе. Хорошо, что все-таки были промежутки — нянчиться-то приходилось мне. Со всеми, кро-

ме последнего, — тут уж она наконец выскочила замуж. Итак, мне все время было с кем нянчиться, даже если бы у нас не было в семье четырех матерей — ох, простите, пятерых... нет, теперь уже шестерых.

Первый ребенок Матильды был от превосходного отца — доктора Джерри Медсена. Так она мне сказала. Я ей верю. Дело было так. Ее бывший хозяин как раз лишил ее стерильности и намеревался оплодотворить ее, а она получила то самое задание и стала Шизуко, с застенчивой японской улыбочкой и скромными поклонами, и должна была следить за мной. Но на самом деле следила за ней я, не имея на то намерений. О, конечно, если бы она попробовала, она могла бы себе устроить ночные развлечения в дневное время... но работа обязывала ее торчать в каюте двадцать четыре часа в сутки.

Ну и когда же в таком случае? — спросите вы. Была единственная возможность. В ту ночь, когда мы с Персивалем, скорчившись, торчали в турбогенераторе, моя служанка была в постели с моим доктором. Итак, у молодого человека были просто замечательные родители! Джерри тоже теперь живет в Нью-Брисбене с милейшей женушкой — Дианой. Но Тилли им ни слова не говорила о том, кто отец ее первенца. Еще одно «потрясающее совпадение»? Не думаю. Практикующий врач — уважаемая, безналоговая работа здесь, а Джерри давно мечтал перестать летать и жениться. Так зачем ему ради этого было на Землю лететь?

Джерри, можно сказать, наш семейный доктор, он очень хороший врач. Да, у нас двое медиков в семье, но они никогда не практиковали — раньше они были инженерами-генетиками, биологами-экспериментаторами, а теперь они оба — фермеры.

Жанет знает, кто родители ее первого ребенка — оба ее тогдашних мужа, Джордж и Ян. Почему оба? — спросите вы. Потому что она так решила, а у Жанет — стальная воля. Я слыхала много рассказов, как и почему это вышло, но лично я уверена, что она просто не могла выбрать одного из них.

Первенец Бетти, похоже, появился на свет самым обычным путем. Но Бетти — такая же хулиганка, как прежде, и

она с пеной у рта будет вас уверять, что она подцепила свое дитя где-нибудь на костюмированном балу. Нью-Брисбен — городок тихий, мирный, но на свете нет такого места, где можно было бы соскучиться, когда рядом Бетти.

Что касается эпидемии «черной смерти»... если вы живы, то знаете об этом лучше меня. Глория благодарна мне за предупреждение — оно спасло Луна-Сити. Но благодарна она должна быть, конечно же, Боссу — моя карьера Кассандры была слишком короткой.

Чума не распространилась за пределы Земли — и это тоже благодаря Боссу... Был случай, кстати, когда Нью-Брисбен не дал одному кораблю посадку до тех пор, пока там не была произведена вакуумная и компрессионная обработка всех помещений. Как вы понимаете, во время этой обработки должны были погибнуть крысы и блохи. Как только капитан корабля убедился, что такое произошло, он немедленно прекратил выражать колонии протесты.

Примечание: почта с Земли и Луны на Пальмиру идет от четырех до восьми месяцев. Очень неплохо, если учесть, что мы находимся в 140 световых годах оттуда.

Глория перевела мой взнос на счет колонии так быстро, как сумела, и была так любезна, что снабдила меня некоторым капиталом — завещание Босса давало ей такую возможность. Она не переправляла сюда золото — просто я получила возможность за эти деньги закупить всяческое оборудование для фермерского хозяйства.

Питу было нечего вытягивать с Земли, а полурабыне Тилли — и подавно. А у меня еще оставалось немного от того, что я выиграла в лотерею, и чуть-чуть от той суммы, что я получила после закрытия фирмы Босса. Это спасло моих друзей — они не были приживалами. Наша колония никогда не выдает беглецов... но им порой приходится трудиться много лет, чтобы отработать вступительный взнос.

Они оба заслуживали благодарности. Главным образом — от меня. Ведь если бы не их помощь — мне бы ни за что не удрать с корабля. Попала бы я на Жемчужину, и гнили бы там мои бедные косточки. Но они до сих пор упорно стоят на своем — утверждают, будто что-то мне должны.

Мы решили этот вопрос полюбовно. Их долг, к которому мы кое-что добавили, стал основой для стартового капитала Фонда спасения беженцев имени Азы Хантера.

Теперь я совсем не стыжусь своего происхождения. «Женщина рождает ребенка, и этот ребенок — человек» — так сказал мне Джордж много лет назад. Это правда, и у меня есть тому доказательство — Венди. Я — человек среди людей.

Думаю, об этом мечтает каждый. Быть среди своих. Быть среди людей и чувствовать себя человеком. И делать свое дело.

Господи, а мало ли у меня дел? На прошлой неделе я задумалась, почему у меня совершенно нет свободного времени? Я — секретарь городского совета. Я возглавляю ассоциацию родителей и учителей. Я — инструктор в девичьей школе скаутов. Я — вице-президент клуба садоводов. Я работаю в плановой комиссии открывающегося на днях колледжа. Да, дел полно. А главное — среди своих.

Что может быть прекраснее?

ПРОЙДЯ ДОЛИНОЙ СМЕРТНОЙ ТЕНИ

Когда Роберт Хайнлайн начинал работу, он был уверен, что это его последний в жизни роман — настолько тяжелый диагноз поставили врачи, настолько неблагоприятным был прогноз, настолько плохим — самочувствие. Писатель, привыкший проводить за рабочим столом двенадцать-четырнадцать часов в день, исписывать десять страниц, чтобы потом вычеркнуть все лишнее и оставить две-три, — теперь не всегда был способен удержать в пальцах авторучку и впервые прибег к помощи стенографистов. Само название романа взято из двадцать седьмого псалма, который традиционно читают на похоронах...

Это великий роман — настолько мощна его коллизия, откровенны отношения, глубоки характеры. Рискну сказать, что Хайнлайн здесь достиг уровня Фолкнера.

И одновременно — это плохой роман, написанный неряшливо и торопливо, невычитанный и неотредактированный. Издатель торопился успеть показать автору готовую книгу, да и сам творческий метод Хайнлайна (много писать, а потом еще больше вычеркивать) в этих условиях дал сбой...

Короче говоря, я взял на себя смелость хотя бы при переводе достичь того, к чему стремился (как мне кажется) сам автор.

Андрей Лазарчук

Глава 1

Зал заседаний был старомоден, в стиле «барокко 80-х», но при этом высок, обширен и роскошен. Под современным окном-трансформером стояла автоматизированная клиническая кровать, частично прикрытая великолепной

старинной китайской шелковой ширмой. Офисный стол тоже не вполне соответствовал обстановке, поскольку во главе его посверкивало никелем инвалидное кресло с системой жизнеобеспечения.

Рядом с этим креслом, за передвижным автостенографическим столиком, оборудованным направленным микрофоном, диктописцем, часами-календарем и пультом управления, сидела красивая молодая женщина. Сидела она в позе скромнейшей секретарши, но одета была весьма экзотично. Платье — если это можно назвать платьем — именовалось «Так-на-так» и выглядело следующим образом: правое плечо и грудь очерчены интенсивно-черным бархатом, левое — таким же интенсивно-алым; переливающиеся складки сходятся в точку на животе и разбегаются дальше; красная сандалия из переплетенных блестящих шнуров на черной ноге, черная — на голой ноге, прикрытой алым лоскутком лишь где-то на самом верху. Раскраска кожи выдержана была тоже в этих двух цветах — алом и черном...

По другую сторону инвалидного кресла сидела пожилая дама в белой медсестринской униформе. Она была сосредоточена на том, кто занимал инвалидное кресло, и полностью игнорировала все, что находилось вокруг. То есть людей, сидевших вокруг стола. Большинство их отличались тем подчеркнуто-спортивным видом, который всегда выдает менеджеров высокого ранга.

Возглавлял собрание глубокий старик. Если бы не живые беспокойные глаза, он походил бы на результат неудачной попытки бальзамирования. Он не использовал косметику, чтобы хоть как-то скрыть свою дряхлость.

— Вампи-ир, — говорил он негромко человеку, сидящему неподалеку от него. — Ты вампир, мой маленький Парки. Разве папа не говорил тебе, что невежливо впинывать человека в могилу, если можно просто чуть-чуть подождать? Или у тебя не было папы? Впрочем, Юнис! Сотри это. Господа! Мистер Паркинсон только что предложил мне уйти в отставку с поста председателя правления компании. Кто поддерживает его предложение?

Он подождал, переводя взгляд от лица к лицу, ничего не дождался и сказал:

— Ну, вот. Кто тебя подбил на это, Парки? Ты, Джордж?

— Нет-нет!

— Понимаю. Тебе просто очень хотелось спеть «Аве»... Итак, предложение не проходит из-за отсутствия второго голоса.

— Я забираю свое предложение! — испуганно сказал Паркинсон.

— Слишком поздно, Парки. Правки в стенограмме производятся только с общего согласия, явного или подразумеваемого. Одного возражения достаточно. А я, Йоханн Себастьян Бах Смит, против. Вот так, мальчик. Это правило работает, потому что я написал его раньше, чем ты научился читать.

Он помолчал немного и продолжал:

— Впрочем, у меня есть новости. Вы уже получили отчет от мистера Тила, что наши дела сейчас вполне удовлетворительны; а «Морские ранчо» и «Общие учебники» — так и просто превосходны. Я думаю, для меня не будет лучшего момента, чтобы подать в отставку... Так, — сказал он после длительной паузы. — Можете закрыть рты. А ты, Парки, не улыбайся самодовольно, для тебя новостей припасено чуть больше, чем для остальных... Итак, я номинально остаюсь шкипером на борту, но больше не буду рулить. Наш главный консультант, мистер Джейк Сэлэмэн, берет на себя функцию представлять меня...

— Полный назад, Йоханн. Я не собираюсь становиться директором этого пятиаренного цирка.

— Никто тебя не назначает директором. Просто ты будешь сидеть на моем месте, когда меня тут не будет. Это не слишком сложно для тебя?

— Э-э... думаю, нет.

— Слава богу. Итак, я ухожу в отставку с поста президента «Смит Энтерпрайзис», и мистер Байрам Тил становится вашим новым президентом и исполнительным директором — в сущности, продолжая ту работу, которую он делал последние годы. Он с головой в этом потоке — и в

платежах, и в фондовых опционах, и в налоговых лазейках. В общем, вся лавочка у него под контролем...

Паркинсон вскочил.

— А теперь посмотри сюда, Смит!

— Намотай на ус, малыш. Обращаться ко мне надо не: «А теперь посмотри сюда!» — а «мистер Смит» или просто «мистер председатель». Что там у тебя?

Паркинсон выровнял дыхание и сказал:

— Значит, так. *Мистер* Смит. Я не могу согласиться с вашим назначением. Этот скачок вашего помощника прямо в кресло президента — неслыханно! Когда производятся назначения на руководящие места, вопрос должен рассматриваться на правлении. Я представляю второй по величине пакет голосующих акций...

— Я вообще-то подумывал о тебе на месте президента компании, Парки...

— Вы? Думали? И что?

— Потом очень долго смеялся.

— Вы... вы...

— Не произноси этого слова, сынок. Я затаскаю тебя по судам. Ты почему-то забыл, что у меня не просто первый по величине, а контрольный пакет акций. Что касается твоего пакета... Политика компании такова: любой владелец пакета в пять процентов голосующих акций автоматически входит в состав правления, даже если его никто не любит и он задыхается от этой нелюбви. Случай наш с тобой общий... — Смит посмотрел на нового директора. — Или уже не общий. Байрам, какие там у нас последние новости по движению акций?

— Полное коммюнике, мистер Смит?

— Нет, просто сообщите мистеру Паркинсону, сколько он стоит на этот час.

— Да, сэр. Мистер Паркинсон, сейчас вы управляете значительно меньше, чем пятью процентами акций.

— Так обстоят дела, вампиреныш, — сладким голосом добавил Смит. — Ты уволен. Джейк, объяви собрание акционеров, и чтобы все было честь по чести: торжественная часть, золотые часы, пинок в жопу и избрание преемника. На сегодня все, господа. Собрание закончено. Закругля-

емся. Джейк! Ты тоже, Юнис. И Байрам, если у тебя есть какие-то мысли...

Паркинсон подскочил к нему:

— Смит, я еще не все сказал!

— О, без сомнения, — голос старика стал еще более сладким. — Главное, не забудь передать своей уважаемой теще, что Байрам будет продолжать обогащать ее, несмотря на то что я вышвырнул тебя вон. Все, давай, давай...

Паркинсон бросился прочь. Остальные тоже начали расходиться.

Смит сказал задумчиво:

— Джейк, скажи мне, как парень в пятьдесят лет способен настолько потерять нюх? Потрясающий ход: жениться на богатой теще... Что такое, Ханс?

— Йоханн, — Ханс фон Риттер перегнулся через стол к председателю. — Мне не понравилось, как вы разобрались с Паркинсоном.

— Спасибо. Честность лицом к лицу — редкость в наши дни.

— То, что он полетел за борт, правильно. Толку от него не было никакого, одни обструкции. Но стоило ли его оскорблять так демонстративно?

— Видимо, нет. Но очень хотелось. Одно из тех немногих удовольствий, которые мне доступны.

Стол начал собирать опустевшие стулья.

— Я не собираюсь изменять свой образ действий, — продолжал фон Риттер. — Если вам в правлении нужны только дакалки, то позвольте мне заметить: я управляю значительно меньше, чем пятью процентами акций. Мне тоже подавать в отставку?

— Боже мой, нет! Вы были нужны мне, Ханс, и еще больше будете нужны Байраму! Мне ни к чему вышколенные тупицы. Вам требуется мужество, чтобы не соглашаться со мной? Так имейте это мужество! Иначе вы тряпка. Когда человек зарабатывает для меня деньги, я хочу, чтобы он делал это интеллигентно. Вот вы, например. Вам хватало напора и сил, чтобы заставить меня изменить мое мнение, и не раз. Это нелегко, потому что я упрям. Теперь

относительно дела... Давайте-ка сядем. Юнис, свистни, пусть эта тварь вернет доктору фон Риттеру стул.

Стул тут же появился, фон Риттер замахал руками, стул отступил.

— Нет времени на все эти церемонии. Чего вы хотите добиться, Йоханн?

Он выпрямился. Стол, подобравший все свои стулья, сам заскользил по направляющим к открывшейся в стене нише.

— Ханс, я специально окружал себя людьми, которые меня не любят. Тот же Байрам — он ведь получил свой пост, противореча мне и оказываясь правым. Иногда он ошибается... но на этот случай есть вы, Ханс. А Паркинсон... да, я публично нахамил ему, потому что он публично призвал к моей отставке. Это ребячество, вы правы, Ханс. Двадцать лет назад — даже десять — я бы никогда не оскорбил человека. Нельзя позволять рефлексам управлять языком. Но я впадаю в маразм, и все это знают.

Фон Риттер молчал.

— Ну так что? — спросил Смит. — Вы поддержите Байрама?

— Уф... Пока да. Посмотрим на ваше поведение...

Он повернулся, чтобы уйти.

— Кончай этот гнилой базар, Ханс. Ты пацан или не пацан?

Фон Риттер оглянулся через плечо. Засмеялся.

— Пацан!..

— Я знал. Спасибо, Ханс. Ладно, вали. Что-то новое, сынок? — повернулся Смит к Байраму Тилу.

— Завтра помощник генерального прокурора прилетает из Вашингтона, чтобы поговорить с вами относительно покупки «МТД» нашим «Ноумкрафтом»...

— Поговорить с тобой, Байрам. Если эта встреча тебе не по зубам, то я в тебе ошибся. Что-то еще?

— На пятом «Морском Ранчо» мы потеряли человека. Акула.

— Черт. Он женат?

— Нет, сэр. И родители не на его иждивении.

— Ладно. Тогда просто соболезнования. У вас там есть

подготовленные ролики с профессиональной озвучкой. Когда мы теряем кого-то из наших людей, пусть все думают, что мы тоже плачем.

— Особенно когда нам наплевать, — сказал Сэлэмэн.

Смит прищурился на него:

— Джейк, неужели ты так глубоко изучил мое сердце? Наша политика — быть щедрыми, когда случается смертельный инцидент. И всякие мелочи, которые так много значат...

— ...и так славно выглядят. Йоханн, у тебя нет сердца — только телефон и всяческая машинерия. Да и не было его никогда.

Смит засмеялся:

— Для тебя будет сделано исключение, Джейк. Когда ты помрешь, мы попробуем все переиначить. Никаких цветов, никаких некрологов, похороны по шестнадцатому разряду на собачьем кладбище...

— Не дождешься. Я сам станцую на твоей могиле, Йоханн.

— Да ну? Давай на пари. Миллион наличными против твоих любимых налоговых льгот? Хотя нет, я не могу заключать пари: чтобы остаться в живых, мне понадобится твоя помощь. Байрам, встретимся завтра. Сестра, подождите за дверью: мне нужно поговорить с моим юристом.

— Нет, сэр. Доктор Гарсиа запретил мне отходить от вас хотя бы на три шага.

Смит растерялся.

— Так. Мисс Клизма, я выучил много разных слов задолго до того, как Верховный суд ополчился на тех, кто пишет на заборах. Но я не буду вываливать на вас этот запас. Давайте по существу: я вас нанял. Я вам плачу́. Вы находитесь в моем доме. Я велел вам выйти и подождать за дверью. Что из этого следует?

Медсестра, плотно сжав губы, молчала.

Смит вздохнул.

— Джейк, какой я все-таки старый. Я никак не могу привыкнуть, что они следуют своим собственным законам. Юнис, где у нас доктор Гарсиа? Пусть он снимет с поста этого часового, чтобы мы могли поговорить приватно.

Доктор Гарсиа прибыл незамедлительно, осмотрел па-

циента, взглянул на ленты самописцев и согласился, что отдаленного мониторинга будет достаточно.

— Мисс Макинтош, во изменение отданного распоряжения...

— Да, доктор. Вы пришлете медсестру, чтобы я могла уйти? Я увольняюсь.

— Хорошо. Сестра...

— Секунду, доктор, — вмешался Смит. — Мисс Макинтош, я приношу вам свои извинения за то, что оскорбил вас. Я впадаю в детство. Это признак очень глубокой старости. Но, доктор, если сестра Макинтош все же решит уйти — я надеюсь, что этого не произойдет, но тем не менее, — выпишите ей премию в тысячу долларов. Ее исполнение обязанностей было совершенным. Несмотря на то что я ей всячески мешал.

— М-м... Посмотрим. Сестра, идемте...

Когда медики вышли, Сэлэмэн сказал сухо:

— Йоханн, ты маразматик только тогда, когда это выгодно.

— Приходится использовать это оружие, — хмыкнул Смит. — Что мне еще остается?

— Деньги.

— Ах, да. Про деньги я и забыл. Так забывают про воздух. Ведь я и жив-то благодаря деньгам... Я просто злюсь, Джейк. Как человек, ни за что посаженный в тюрьму. Тюрьма называется старостью...

— Старости нет, пока ты управляешь собой, Йоханн. Я понимаю, что это заявление дурно пахнет... а впрочем, делай, что хочешь, я ни на чем не настаиваю.

— Спасибо, Джейк, ты настоящий друг. Черт, ты иногда нужен мне даже больше, чем Юнис, хотя она намного симпатичнее. Юнис, скажи, девочка: я несносен?

Секретарша пожала плечами. Это было красивое движение.

— Вы такая лапочка-вонючка, босс... время от времени. Но я научилась не обращать на это внимания.

— Вот, Джейк. Если бы Юнис хоть раз отказалась терпеть мои выходки — вот как ты, например, — то я уже был

бы самый приятный босс в мире. А так я использую ее в качестве предохранительного клапана.

— Юнис, — сказал Сэлэмэн, — в любое время, как только вам надоест это опутанное проводами дерьмо, вы прихóдите ко мне и получаете эту же работу за такое же жалованье...

— Юнис, твое жалованье удвоено.

— Спасибо, босс, — быстро сказала секретарша, — запись сделана, время проставлено. Бухгалтерию я уведомлю сама.

— Понял, да? — закашлялся Смит. — И не пытайся перекупить ее, старый козел. У тебя не хватит «капусты».

— Маразматик, — оскалился Сэлэмэн. — Кстати, о «капусте». Кого ты прочишь на место Паркинсона?

— Еще не думал. Есть кандидат?

— До сих пор не было. Но сейчас мне кажется, что это могла бы быть Юнис.

Долгую секунду Юнис не могла скрыть изумления. Потом на ее лицо вернулось прежнее выражение.

— Об этом я не думал, — признался Смит. — Но мысль хорошая. Юнис, как бы ты отнеслась к перспективе стать директором?

Юнис отключила диктописец.

— Если это шутка...

— Дорогая моя, — сказал Смит мягко, — я никогда не шучу с деньгами. А для Джейка деньги — единственная святыня. Ты знаешь, что он продал свою дочку и бабушку в бордель в Рио?

— Вранье, — сказал Сэлэмэн. — Только бабушку. И старушка не подкачала! Благодаря ей мы прикупили еще одну спальню.

— Босс, но я полный ноль в бизнесе!

— Ну и что? Директора ничем не управляют, они только формируют политику. А про это ты знаешь больше, чем кто-либо из них, — ты же варишься в этом котелке уже хренадцать лет. Будешь исполнять все те же свои обязанности — да еще голосовать, как Джейк. Идет?

— Вы думаете, я справлюсь, сэр?

— Мы же справляемся. Загляни в старые записи — как

бы мы с Джейком ни изображали перебранки, а всегда голосовали так, как договаривались заранее.

— Я это давно заметила, — сказала Юнис.

— Вся конспирация коту под хвост, — сказал Смит. — Решено, Джейк: она — новый директор. Да, и еще один тайный пункт: если нам вдруг понадобится вакансия — ты уйдешь в отставку? Ничего, естественно, не теряя.

— Конечно, сэр. И даже без отступного.

— Почему без? Очень даже с отступным... Понимаешь, Юнис, я хочу быть уверенным, что у Джейка всегда будет надежный запас голосов — причем я не хочу увольнять обскурантов без крайней необходимости. Не стоит подставлять фон Риттеру свой нос для очередного щелчка... Итак, вы директор, дорогая. Формальности — на том же собрании акционеров. Добро пожаловать в истеблишмент. Теперь ты не благородный пролетарий, а контрреволюционер, предатель, штрейкбрехер, шпик, фашистский пес. Как теперь самочувствие?

— Не пес, — возразила Юнис. — Все остальное правильно, но я-то женщина. Значит, сука.

— Юнис, я не только не использую такие слова сам, но, знаете ли, не в восторге, когда их используют леди.

— А может ли фашистский штрейкбрехер быть леди? И вообще — я выучила это слово в детском саду.

— Я впервые услышал его, выбираясь из... э-э... ну, вы меня поняли, ребята, — и пусть оно там и остается.

Сэлэмэн зарычал:

— У меня нет времени выслушивать доморощенных лексикологов! Конференция закончена наконец?

— Что-что? Да она только начинается. Та ее сверхсекретная часть, из-за которой я выставил милейшую мисс Макинтош. Наклонитесь-ка ко мне.

— Постой, Йоханн, — Сэлэмэн огляделся вокруг. — Прежде чем начнутся тайны, давайте удостоверимся, что нас не подслушивают. В кровати есть микрофон — это раз. Кресло, наверное, тоже оборудовано им?

— Э-э... — старик выглядел озадаченным. — Вообще-то я всегда использовал гонг...

— Йоханн, семь к двум, что нас слышат. Юнис, доро-

гая, вы не посмотрите эти медицинские пульты — может быть, разберетесь, где там можно отключить микрофоны?

— Сомневаюсь, конечно... но посмотрю. Если это не слишком отличается от моего столика... Так. Вот это точно не запись речи, а сердце и дыхание. Сердце бьется... Нет, я не нахожу ничего такого. Но речь легко можно снять с любого из этих каналов до того, как звук пройдет через фильтр. Я не знаю, делается ли это... Проклятье, я могу отключить запись, но я не уверена, что это записывается только в одном месте. А не в двух. Или в трех. Мне очень жаль...

— Не расстраивайтесь, дорогая, — сказал Сэлэмэн. — В этой стране с середины прошлого века уединиться невозможно. Я могу позвонить одному парню, и он сфотографирует вас в вашей же ванне, да так, что вы никогда об этом не узнаете.

— И много он берет за это?

— Не хило. От двух тысяч наличными. Но качество снимков превосходное.

— Как интересно! Мистер Сэлэмэн, если у вас появится желание получить такие снимки — позвоните лучше мне. У мужа есть прекрасная китайская камера, и пусть уж лучше меня снимает он, а не посторонний мужчина.

— К порядку, пожалуйста! — воззвал Смит. — Юнис, если ты хочешь продавать порнографию этому старому извращенцу — то не на работе. Давайте сделаем так: Юнис, ты пойдешь туда, где сидит сестра со своими железками, и покрутишься около нее минуты три. Я отсюда крикну: «Мисс Макинтош! Миссис Бранка у вас?» Если ты меня услышишь, то нас подслушивают. Если нет, возвращаешься, и мы обсуждаем наши проблемы без свидетелей.

— Хорошо, сэр. Как мне объяснить свое появление там?

— Все равно. Соври что-нибудь.

Юнис подошла к двери, и в ту же секунду дверь распахнулась. На пороге стояла медсестра.

— Я могу войти?

— Разумеется.

— Спасибо, сэр.

Медсестра подошла к кровати, открыла панель монитора и нажала несколько кнопок.

— Теперь у вас полное уединение, сэр... по крайней мере, с моей точки зрения.

— Спасибо.

— Конечно, я не должна отключать акустику без разрешения доктора, но... Впрочем, в любом случае вы могли не беспокоиться: я вас слышу, но не слушаю. Сэр.

— А как тогда вы, интересно, узнали, о чем мы здесь говорим?

— Но вы же назвали мое имя! Это как команда: «включись!» Я включилась и стала слушать. Впрочем, вы все равно не верите...

— Верю. Так что можете включить все, что вы там повыключали. Значит, так: если я хочу, чтобы меня не подслушивали, я не должен произносить вашего имени? Запомню. Кстати, хорошо, что вас так легко вызвать. Для человека в моем положении это важно...

— Я рада, сэр.

— И я хочу поблагодарить вас за то, что вы снисходительны к моим придиркам — и к дурному характеру.

— Что вы, сэр. Это не так трудно. Я два года проработала в больнице для парализованных.

— С ума сойти! Это там вы так невзлюбили клизмы?

— Да, ужасно. А теперь, сэр, с вашего позволения...

Она ушла. Сэлэмэн посмотрел ей вслед.

— Ты уверен, что она не будет слушать?

— Как тебе сказать... Даже если она не сможет перебороть любопытства — она чертовски горда. А я лучше положусь на ее гордость, чем на всякие железки. Короче, суть дела в следующем: я хочу купить тело. Молодое здоровое тело.

Юнис осталась внешне безучастной. Лицо Сэлэмэна приобрело то характерное выражение, которое появлялось при игре в покер или беседах с атторнеем. Наконец Юнис произнесла:

— Запись вести?

— Нет. Хотя что я несу? Конечно! Вели своей швейной машинке записать разговор, отпечатать по копии для нас и стереть пленку. Мою копию спрячешь в архиве, предназначенном к уничтожению, свою — там же... а ты, Джейк,

засунь свою к бумагам, которыми морочишь голову налоговому управлению.

— Можно спрятать надежнее: в архиве безнадежных должников, — сказал Сэлэмэн. — Йоханн, все это, конечно, между нами, но я давал присягу: не учить клиента обходить закон. А поскольку с нами Юнис, то наш разговор нельзя считать строго доверительным...

— И это я слышу от самого прожженного деляги! Который уже сто лет дважды в неделю учит меня именно этому: как обходить закон! А что касается Юнис, Джейк, то из нее клещами не вытащить ни словечка.

— Йоханн, я далеко не ангел, но связываться с киднепингом или подпольной работорговлей я не стану. Как всякая уважающая себя проститутка, я знаю меру.

— Фи, святой отец, что у вас на уме... Нет, Джейк, то, что предлагаю я, — и законно, и этично. Ты нужен лишь для того, чтобы комар носа не подточил.

— Допустим...

— Я хочу купить тело самым законным путем. То есть никакого киднепинга и похищения трупов. Легальная сделка.

— Но это невозможно.

— Почему? Ведь могу же я завещать свое тело, скажем, медицинскому колледжу?

— Это другое. Тринадцатая поправка: человек не может являться собственностью. Следовательно, ваше тело *не* является вашей собственностью, и продать вы его не можете. Что касается трупа, то — да, это собственность, правда, владелец ее находится слишком уж далеко... Но в принципе труп купить можно.

— Что значит «труп»?

— Труп? Мертвое тело, как правило, человеческое... Так написано в словаре Вебстера. Юридическое определение сложнее, но сводится к тому же самому.

— Давай-ка пройдемся по этому более сложному. Что значит «мертвое»? С какого момента тело считается мертвым и поступает в продажу? Что говорит закон?

— Есть прецедент: дело «Генри Парсонса против Род-

Айленда». Верховный суд постановил: смерть исчисляется с момента прекращения мозговой активности.

— Подробнее, — потребовал Смит.

— Слушай, Йоханн, я юрист корпорации, а не судебный медик! Нужно навести справки...

— Я знаю, что ты не Всевышний. Справки навести успеем. Что ты знаешь сейчас?

— Ну... существуют разные тесты, исследования, имеются всяческие определения: «глубокая кома», «полное отсутствие электрической активности мозга», «необратимые корковые нарушения», но все, в конечном итоге, сводится к одному: опытный врач ручается своей репутацией и дипломом, что данный конкретный мозг мертв и уже никогда не оживет. Работа сердца и легких во внимание не принимается. Что еще?.. При пересадке органов присутствуют обычно еще два врача и коронер... хотя это не оговорено специально законом, да и не все штаты приняли танатологическое законодательство...

— Секунду, мистер Сэлэмэн, — подняла палец Юнис. — Что это за слово? Моя машинка поставила вопрос...

— Что она напечатала?

— Т-А-Н-А-Т-О-Л-О-Г-И-Ч-Е-С-К-О-Е.

— Могучая машинка! Это производное от греческого «танатос», что значит «смерть».

— Тогда занесем это в память... — Юнис нажала клавишу и что-то шепнула. — Она лучше работает, когда ее хвалят, — пояснила она. — Продолжайте.

— Юнис, тебе правда кажется, что она живая?

Юнис нажала клавишу «стоп», а потом «стереть».

— Нет, мистер Сэлэмэн. Но она действительно ведет себя со мной лучше, чем с другими операторами. Если с ней обращаются равнодушно, она начинает дуться.

— Я свидетель, — сказал Смит. — Когда Юнис уходит в отпуск, ей лучше забирать игрушки с собой. Иначе к ее возвращению все так разлаживается, что приходится стенографировать вручную. Ладно, о машинках поболтаем в другой раз: прадедушка устал и хочет поспать.

— Да, сэр, — Юнис включила запись.

— Резюмирую: в случае пересадки органов медики вы-

работали правила и традиции, позволяющие им защитить себя от уголовного или гражданского иска. Они как бы растягивают ответственность на всех и перекрестно страхуют друг друга...

— Хорошо. Джейк, ты не сказал мне ничего нового, но подтвердил, что я не ошибся в своих построениях. Это дело можно провернуть — и мы его провернем. Короче говоря, мне нужно подыскать здоровое тело в возрасте до сорока лет, с хорошим сердцем и прочими внутренними органами... но с юридически мертвым мозгом. Я хочу это тело купить... и пусть мой мозг в него пересадят.

Юнис не прореагировала никак, а Сэлэмэн прищурился:

— И когда ты его хочешь купить? Сегодня?

— Не позже следующей среды. Гарсиа говорит, что до среды я еще дотяну.

— Давай лучше сегодня — чего зря тянуть? И заодно вставим новый мозг. Старый, по-моему, уже того...

— Заткнись, Джейк. Я серьезен. Посмотри на меня: можно выставлять в музее, как египетскую мумию. Кстати, стоит это удовольствие никак не меньше пирамиды. А голова-то в порядке! Спроси меня о вчерашних ценах — ну-ка! Я наизусть помню таблицу логарифмов. Я проверяю себя каждый день... Слушай, старина, я всю жизнь слышу: «В могилу с собой деньги не заберешь!» А раз так — я решил остаться здесь!

— А как же «Поезд дальше не пойдет, просим освободить вагон»?

— Ну и что? Я решил пересесть в следующий поезд, как бы дорого ни стоил билет.

— Знаешь, Йоханн, если бы речь шла о пересадке сердца, я бы сказал: с богом! Но пересадка мозга... ты хоть представляешь себе последствия?

— Нет. Как и ты, кстати. Но у меня информации больше. Я, видишь ли, готовился... Да, почти все операции такого рода кончались неудачно. Но у китайцев есть три пациента, которые живут уже несколько лет.

— Да, но — *как* живут!

— Живут.

— И ты хочешь быть таким же манекеном?

— Нет, манекеном я быть не хочу. Но есть еще два шимпанзе с пересаженными мозгами, которые прыгают по деревьям и жрут бананы.

— А, ты про этого австралийца...

— Доктор Линдсей Бойл. Его-то я и должен заполучить в хирурги.

— Какой-то скандал с ним связан, да? Его, кажется, даже выслали из Австралии.

— Совершенно верно. О профессиональной зависти ты слышал, наверное? Если кто-то один делает то, что остальные считают невозможным, набрасывается вся стая... Нейрохирурги в этом смысле не исключение. Если помнишь, то же самое было и с пересадкой сердца... Взять сейчас любого нейрохирурга и спросить о Бойле — и он будет с пеной у рта утверждать, что тот жулик... хотя обе операции на обезьянах записаны на пленку. Джейк, они его так ненавидят, что добились изгнания из его родной страны, едва он собрался сделать пересадку человеку. Эти мудаки... о, простите, Юнис!

— Ничего. Машинка запрограммирована заменять это слово на «негодяи».

— Спасибо, Юнис.

— И где он сейчас, этот доктор?

— В Аргентине.

— Собираешься туда лететь?

— Нет, конечно! Едва ли найдется самолет, в который можно впихнуть все то, что не дает мне сдохнуть. Тем более что нам нужен теплый труп — и первоклассная клиника. Скажем, «Джонс Хопкинс». Или Стэнфордский медицинский центр.

— Они не пустят Бойла и на порог.

— Брось, Джейк. Ты разве не слышал, что в университетах тоже любят брать взятки?

— Краем уха.

— Все делается легально, торжественно и — по-настоящему большими деньгами. Надо только разузнать, что они хотят получить: стадион, ускоритель, новый факультет... Главное — что они берут деньги. А, на мой взгляд, лучше быть юным банкротом, чем самым богатым трупом в Форест-Лаун! Черт, было бы весело снова стать молодым и

нищим! Так что, Джейк, трать не жалея. Выясни, чего они хотят, — и дай им это. Они сломаются.

Смит помолчал, нахмурился.

— Я думаю, гораздо сложнее будет найти тело. Хотя в день и погибают в авариях более двухсот пятидесяти человек, очень трудно подать тело в операционную пригодным для трансплантации. Тем более что у меня редкая группа крови...

— Йоханн, как ты себе все это представляешь?

— Во-первых, гонорар тому, кто найдет тело. Реанимационные машины с подготовленными бригадами должны дежурить в самых опасных местах на дорогах. Внести хорошие деньги в фонд ликвидации последствий дорожных катастроф, платить всем, кто может нам помешать. Поместить объявления во всех газетах и на телевидении: миллион долларов получит тот, чье тело будет использовано... с правом наследования, разумеется. Аванс каждому, кто подпишет соответствующий договор...

— И жена тут же случайно бьет мужа молотком по голове...

— Детали, Джейк. Сделай так, чтобы убийство и самоубийство были исключены. Зачем пачкать руки? Главное, чтобы как можно больше молодых здоровых людей пришли к нам и заранее согласились на операцию.

— Извините, мистер Смит, — сказала Юнис, — вы говорили, что у вас редкая кровь. Может быть, обратиться в Национальный клуб редкой крови?

— Старый я идиот! Конечно же! Слушай, Юнис, а откуда ты о нем знаешь?

— Я в нем состою, сэр.

— Так ты еще и донор?

— Да, сэр. Четвертая отрицательная группа.

— С ума сойти! Я ведь сам был донором, пока меня не списали по старости — еще задолго до твоего рождения, малышка. И тоже четвертая отрицательная...

— Я сразу подумала о Клубе, когда вы упомянули редкую кровь. Кстати, с моим мужем я там и познакомилась. У него тоже четвертая отрицательная.

— Великолепно. Сейчас придешь домой — и убеди его

нырнуть в пустой бассейн. И сразу станешь не только самой очаровательной, но и самой богатой вдовой.

— Грязно шутите, босс. Я не променяю Джо на жалкий миллион. Какой толк от денег одинокой холодной ночью?

— Это точно. Джейк, я могу изменить свое завещание?

— Вряд ли. Я вставил в него кой-какие позиции, препятствующие изменениям.

— А написать новое?

— Тоже нет. То есть можешь, конечно, но судья его, скорее всего, опротестует.

— Но почему?

— Сам понимаешь: возраст, маразм...

— Проклятье! И что получается: я теперь не могу завещать Юнис миллион, чтобы у нее не появилось соблазна убить своего мужа?

— Босс, вы опять шутите не лучшим образом.

— Юнис, я уже, кажется, говорил тебе, что никогда не шучу с деньгами. Так что, Джейк?

— Самое безотказное — это страховой полис с единовременной выплатой. Правда, стоить он будет побольше миллиона — учитывая твой возраст... Но деньги она получит в любом случае, и никто не сможет это опротестовать.

— Мистер Сэлэмэн, не слушайте его!

— Йоханн, в случае, если ты переживешь Юнис, деньги должны вернуться к тебе?

— М-м... нет. Стукнет судье моча в голову... Пусть они лучше отойдут Красному Кресту. Нет — Национальному клубу редкой крови!

— Прекрасно.

— Оформи все это завтра первым делом. Сегодня! Вдруг я не доживу до утра? Короче: пусть Джек Тауэрс распишется, а Джефферсон Биллингс откроет свою лавочку и примет чек. Действуй только от моего имени, а то мало ли что... Спать не ложись, пока полис не будет подписан. Все.

— О да, Великий и Ужасный! Все сделаю, не беспокойся, я умею это получше тебя. Полис начнет действовать с полуночи. Юнис, будешь выходить — не зацепи все эти шланги и проволочки. А завтра уже можешь не осторожничать. Главное, чтобы никто не увидел.

— Шутки у вас дурацкие, у обоих... Босс, мне не нужен миллион — ни после смерти Джо, ни после вашей.

— Отдашь его Клубу редкой крови.

— Мистер Сэлэмэн, это правда?

— Конечно. Но иметь деньги весьма приятно — особенно когда их у тебя нет. Да и твоему мужу вряд ли понравится, если ты подаришь кому-нибудь миллион...

— Н-ну... — Юнис задумалась.

— Джейк, ты берешь все на себя. Полис, поиски и доставку тела, переговоры с Бойлом, организацию операции — и все остальное. И скажи... хотя нет, я сам. Мисс Макинтош!

— Слушаю, мистер Смит? — донесся голос от пульта у кровати.

— Зовите свою команду. Я хочу спать.

— Да, сэр. Вызываю доктора Гарсиа.

Джейк встал.

— Пока, Йоханн. Ты старый идиот.

— Ну и что? Зато я неплохо веселюсь за свои деньги.

— Это уж точно. Юнис, могу я вас проводить до дому?

— Спасибо, сэр, но мой «Бродяга» внизу ждет меня...

— Юнис, — сказал Смит, — ты же видишь: старому козлу не терпится прокатиться с тобой. Будь лапочкой. Кто-нибудь из моих ребят отведет твою машину куда надо.

— Ну... тогда ладно. Я согласна, мистер Сэлэмэн. Приятных снов, босс.

Они направились к двери.

— Стой, Юнис! — воскликнул Смит. — Замри! Джейк, ты только глянь, какие ножки!

— Вы старый развратник, босс, — улыбнулась Юнис.

— Это точно. И что характерно — с шести лет!

Глава 2

Мистер Сэлэмэн помог Юнис надеть плащ, спустился с нею в гараж, дал знак охранникам отойти и сам, распахнув дверцу, галантно усадил ее в машину. Водитель и охранники забрались в свой отсек, двери закрылись, машина тронулась.

— Какая она большая! — воскликнула Юнис, озира-

ясь. — Я слышала, что «Роллс» велик, но — не до такой же степени!

— Это уже не «Роллс», дорогая, — сказал мистер Сэлэмэн. — Кузов делает «Шкода», мотор — «Империэл Атомикс», а «Роллс-Ройс» ссыпает все в кучу и поливает своей репутацией... Ах, видела бы ты «Роллс» с бензиновым мотором! Это была не машина, а мечта!

— Ну, эта тоже вполне тянет на мечту. Мой «Бродяга» целиком поместился бы в багажнике...

— Куда ехать, сэр? — зазвучал с потолка голос водителя.

Сэлэмэн тронул переключатель.

— Минутку, Рокфор. Куда желаете, дорогая?

— Только домой. Север сто восемнадцать, запад тридцать семь. Девятнадцатый уровень... но я сомневаюсь, войдет ли такая машина в лифт...

— Если не войдет, Роки с напарником проводят вас до двери.

— Хорошо. Джо не любит, когда я езжу одна в пассажирском лифте.

— Он совершенно прав. Доставим вас, как курьерское письмо: из рук в руки. Вы торопитесь?

— Нет. Обычно я возвращаюсь позже.

— Хорошо. Рокфор, — тронул Сэлэмэн переключатель, — мы хотим немного проветриться. Юнис, какая у вас зона? Восемнадцатая?

— Девятнадцатая-В.

— Роки, найдешь кольцевую дорогу вокруг «девятнадцать-В». Потом я дам координаты. Вот и все, — сказал Сэлэмэн, убирая руку с переключателя. — Теперь нас не слышат. И мы можем обсудить кой-какие детали страхового полиса.

— Но это же была шутка!

— Шутка? Миссис Бранка, я работаю на Йоханна Смита двадцать шесть лет, а последние пятнадцать я его доверенный адвокат. Сегодня он сделал меня фактически главой своей промышленной империи. Но если я не выполню его распоряжения насчет страховки — завтра же вылечу с работы без выходного пособия.

— Не может быть! Он же во всем полагается на вас...

— Вот именно. До тех пор, пока знает, что на меня можно положиться. И ни минутой больше... Значит, так: этот полис должен быть оформлен сегодня. Мне показалось, что вы согласились, когда спросили — можно ли передать миллион Клубу редкой крови?

— Да, я... Только я боюсь, что пожадничаю и захочу оставить деньги себе...

— Почему нет? Клуб редкой крови для него пока еще ничего не сделал, а вы сделали немало. А главное — Йоханн хочет, чтобы вы получили по завещанию миллион. И чтобы вы это знали, а он балдел от удовольствия, на вас глядя. И здесь уже... да. Завещание менять поздно. Трюк со страховкой — ловкий трюк, и, если наследники докопаются до документов... я, конечно, постараюсь, чтобы они не докопались, но мало ли что... судья поймет, что это ловкий трюк — и арестует деньги. Вот тут-то нам и поможет Клуб редкой крови: они будут биться за этот миллион и обязательно победят... если вы пообещаете им половину. Но есть лучший вариант: допустим, вы ничего не знаете, а на оглашении завещания выясняется, что покойный босс в благодарность за верную службу отводит вам пожизненную ренту... скажем, по семьсот пятьдесят долларов в неделю. Неужели вы откажетесь?

— Н-ну... Это как-то привычнее, чем сразу миллион...

— Вот именно. И не насторожит наследников. Кроме того, деньги будут неплохо защищены от инфляции — так что когда-нибудь вы вполне сможете передать миллиончик-другой Клубу редкой крови.

— Никогда ничего не пойму в финансах.

— Наплюйте. Я все сделаю сам, и вам останется лишь тратить деньги. Все это мы провернем в Канаде — там не позволят американскому суду копаться в их документации. В том случае, если внучки Йоханна что-то пронюхают...

— Мистер Сэлэмэн, но ведь эти деньги... они должны принадлежать им, правда? Наверное, несправедливо...

— Девочка, не будь такой простой! Это гарпии, стервятницы... Ты слышала о родственниках Йоханна? Он пережил трех жен и развелся с четвертой, которая вышла за него только из-за денег. Его сын погиб на войне, дочки от

второй и третьей жен родили по две девочки и сами умерли — и вот четыре хищных бабенки дрожат в ожидании, когда же дедушку закопают. Впрочем, — Сэлэмэн усмехнулся, — их ждет холодный душ: по завещанию они получат только ренту, которая будет блокирована, если они попытаются высудить себе что-то еще. А теперь — прошу прощения: мне нужно позвонить. Потом я доставлю вас домой и поеду в Канаду...

— Сэр, вы не против, если я сниму плащ? Жарко.

— Включить вентилятор?

— Только если вам тоже жарко. Просто этот плащ плотнее, чем кажется.

— Я заметил, что он тяжелый. Пулестойкий?

— Да. Мне приходится часто ходить одной...

— Снимайте. Вообще можете снять все, что хотите.

— Еще один старый развратник. Только за миллион!

— И цента не дам. Помолчи, детка, и дай мне поговорить по телефону.

— Да, сэр.

Юнис скинула плащ, положила ноги на скамеечку, откинулась на спинку дивана, расслабилась.

Какой странный день! Неужели я и вправду стану богатой? Не верится... не буду тратить, пусть Джо тратит... о, как же трудно нам пришлось в первый год после свадьбы! Мистер Сэлэмэн умеет обращаться с деньгами, а Джо... но он такой милый! Лучшего мужа и желать нельзя... но я больше не позволю ему пользоваться совместным счетом.

Дорогой Джо! ...а неплохие у тебя ножки, сучка этакая... Босс странный. Ему нравятся крепкие словечки, но он такой старомодный, не надо его шокировать современным сленгом... Джо хороший парень, с ним хорошо, никто так не умеет... но насчет денег...

Интересно, что бы он подумал, увидев меня в этой шикарной тачке рядом со старым козлом? Может, и посмеялся бы... но лучше ему об этом не говорить... мужчины мыслят не так, как мы, им не хватает логики... и зря я назвала мистера Сэлэмэна старым козлом. Он ничего себе не позволяет... а ты его провоцируешь, какого черта?.. Хотела

услышать, что он ответит? Ну и получила щелчок по носу...

А он ведь не так стар... хотя кто их разберет: мужчины накачивают себя гормонами по самые уши, так что никто из них не бывает «так стар»... разве что босс... интересно, что босс ни разу не подбивал клиньев, даже когда был в хорошей форме...

Неужели он действительно собирается пойти на трансплантацию мозга? Руки, ноги, почки, сердце — куда ни шло, но мозг?..

Сэлэмэн закончил разговор.

— Вот и все, — сказал он. — Осталось собрать подписи в Торонто.

— Извините... я стала причиной таких хлопот...

— Не хлопот, а удовольствия.

— Все равно: я вам благодарна. Теперь надо придумать, как отблагодарить босса. Сегодня я этого не сделала — просто не думала, что все всерьез.

— Ни боже мой.

— Но я просто не могу не... Правда, я не представляю, чем можно отблагодарить человека, подарившего вам миллион. Тем более что... как бы сказать.... не скатиться в непристойность.

— Такие способы, конечно, есть... Но поверьте, дорогая, в *данном* случае благодарить не надо. Йоханн был в восторге от вашей сдержанности. Я ведь знаю его хорошо... Слишком многие рассыпáлись перед ним в благодарностях, желая раскачать его на добавку. А когда у них срывалось с крючка, начинали Йоханна пламенно ненавидеть. Так что не надо приставать к нему с благодарностями: он связывает их лишь с желанием получить еще и еще. Кстати, я заметил, что вы довольно резки с ним...

— Что делать. Иначе он просто расплющит меня. Поначалу он доводил меня до слез, но потом я стала давать сдачи... и поняла, что он этого и добивался.

— Я же говорю! Этот старый тиран сейчас заключает пари сам с собой: будете ли вы завтра лизать его ручку или нет. Собачка вы или человек. Постарайтесь не разочаровать его... Юнис, знаете что: расскажите мне о себе. Сколько

вам лет, давно ли замужем, дети, детские болезни, почему вас нет на видео, как вы стали секретарем Йоханна, сколько раз вас арестовывали и за что — или просто пошлите меня к черту и ничего не рассказывайте, потому что это ваше частное дело. Но я бы действительно хотел узнать о вас как можно больше — и именно от вас, — потому что с завтрашнего утра нам работать вместе.

— Ответить я могу... но могу ли при этом рассчитывать на взаимность? Или это будет игра в одни ворота?

— Можете, — Сэлэмэн усмехнулся. — Но присягу: «Говорить правду и только правду» — я приносить не буду. Пятая поправка.

— Тогда я тоже оставляю за собой такое право... хотя не знаю зачем. Мне двадцать восемь, я замужем. Детей нет, разрешено иметь троих. Что касается работы... начала я с того, что в восемнадцать лет победила на конкурсе красоты и получила контракт на год — присутствовать на официальных мероприятиях в штате. Потом участвовала в видеоконкурсе, где можно было выиграть семилетний контракт...

— И они прокатили вас? Вот идиоты!

— Да нет... просто в последний момент я решила, что это не для меня. Слишком многое приходится делать девушке, чтобы удержаться на видео. Поэтому я вернулась в школу и занялась секретарской электроникой, получила диплом — и пошла искать работу. — «Как я кончила школу, — подумала Юнис, — про это мы говорить не будем...» — Тут как раз в секретариате миссис Берман возникла вакансия, меня взяли... а когда сама миссис Берман ушла на пенсию, босс назначил меня на ее место. Вот и все. Везучая девушка.

— Везет тому, кто сам везет. Впрочем, не сомневаюсь: Йоханн при найме отдал должное и внешности...

— Не сомневаюсь. Но долго держать меня он бы не стал, если бы, кроме внешности, у меня ничего не было. Я знаю, что выгляжу неплохо, но это же от природы — так что гордиться не приходится. А я хочу иногда и гордиться собой...

— Вы правы. Впрочем, замечено: красивые женщины, как правило, умны.

— Не думаю. Взять миссис Берман...

— Я же сказал: как правило. И потом: что такое красота? Леди Гиппопо наверняка прекрасна с точки зрения ее возлюбленного — иначе у них бы не было детей и гиппопотамы исчезли бы с лица земли... Красота в конечном итоге — это лишь гармоничное сочетание полезных для выживания качеств, и ум — среди них. Счел бы вас красивой мистер Гиппопо?

— Вряд ли.

— Так что, с точки зрения вечности, и вы, и леди Гиппопо одинаково красивы, потому что одинаково целесообразны. Но с точки зрения моей или Йоханна — вы прекрасны... поскольку мы принадлежим к тому же биологическому виду.

— Я знаю, что нравлюсь ему, — сказала Юнис тихо. — Я успела заметить. Когда я только начала замещать миссис Берман, получилось так: я торопилась на работу и облилась кофе. Я носила разовые бумажные костюмы, и у меня в тот момент не оказалось ничего, чтобы переодеться. Я больше боялась опоздать, чем надеть что-нибудь такое, что не понравится боссу, и потому попросила Джо — он у меня художник, я говорила? — просто расписать мне кожу. Джо начал делать — и увлекся. И я все равно опоздала. Но босс ничего не сказал. Зато на следующий день, когда я пришла вовремя и одетая как обычно, он весь день меня шпынял. Так я поняла, *что* ему нравится...

— У вас получается. Но вы понимаете, что подвергаете себя повышенному риску? Не со стороны Йоханна, конечно...

— Издеваетесь? Максимум, что он себе позволял, — это взять меня за руку. Как в воскресной школе.

— Я о другом. На улицах, в лифтах... вы меня понимаете? Женщина с вашей внешностью всегда привлекает внимание всяких подонков.

— Учтено, сэр. Мой плащ вы видели, а в кармане там есть еще кое-что, и я умею им пользоваться.

— Незаконное хранение и ношение оружия?

— В полный рост.

— Что ж... если вы умеете им пользоваться, если у вас

хватит мужества им воспользоваться, если хватит ума тут же смыться и ничего не говорить копам... Сплошные «если».

— Добавлю еще одно: если бы вы были моим адвокатом, то все, сказанное мной, не подлежало бы разглашению, так?

— Хотите, чтобы я стал вашим адвокатом?

— М-м... да, сэр.

— Заметано. Разглашению не подлежит. Можете продолжать.

— Так вот: я однажды уже пользовалась этим оружием. Меня вызвали в Клуб редкой крови, понадобился донор, а Джо не было дома... Короче, я поехала в Больницу Заступницы Милосердной... знаете, где это?

— Нет.

— Ну, неважно. Далеко. Она очень старая, и там нет ни автомобильных лифтов, ни стоянок внутри здания. Только стоянка с одним-единственным охранником, представляете?

— Да уж...

— И только я вышла из машины — на меня кто-то прыгнул. Я даже не поняла, кто: мужчина, женщина... Левой швырнула ему в лицо парализующую бомбу, а правой сделала, как учили... и даже не посмотрела, жив ли он остался. Как понеслась оттуда... Никому ничего не сказала: даже Джо, и то... — «Но понадобилось три таблетки наркотала, чтобы унять дрожь, помнишь? — А, заткнись, дорогая, при чем тут это?..»

— Повезло. Как... э-э... новичку в рулетку. Нельзя быть такой дурой. Ну, нельзя! Мы не можем зависеть от того, насколько вы сильны в рукопашной. Так... у Йоханна есть бронированный лимузин и две смены охранников. В своем «Бродяге» можете разводить цветы. Теперь у вас будет лимузин и охрана.

Юнис даже испугалась.

— Но, мистер Сэлэмэн! Даже с моим новым жалованьем...

— Наплюйте, детка. Машина все равно на приколе, охранники получают свои деньги и занимаются только покером. Подумайте: зачем Йоханну сейчас машина? Так что с

утра она придет за вами, а вечером отвезет вас домой. Ну, и в остальное время можете пользоваться ею по усмотрению...

— Вряд ли боссу это понравится.

— Это я беру на себя. Он разумный человек и понимает, что мы не можем рисковать нашим директором... Сменим тему. Что вы думаете насчет его безумного плана?

— Я слишком мало знаю. Пересадка мозга возможна — или он просто хватается за соломинку? Я вижу, как он мучается из-за всех этих проводов и трубок... Боже мой, я сбила ноги в поисках новых нарядов. Но заставить его улыбаться с каждым днем труднее...

— Вы не ответили.

— Вы тоже. Этот план осуществим?

— Какая разница? Он приказал — мы должны сделать. В этом Клубе редкой крови все имеют четвертую отрицательную?

— Нет, конечно. Нас там меньше четырех тысяч. А всего в стране — около миллиона.

— Маловато... Что вы думаете насчет объявлений в газетах и по телевидению?

— Я думаю, что это будет очень дорого стоить. Но он может себе позволить такие траты.

— А мне это не нравится. Дурацкая идея.

— Почему же?

— Да потому что все, что произойдет, надо постараться сохранить в тайне! Помните историю с замораживанием? Хотя вряд ли, вас тогда и на свете-то не было. Все вопили так, будто им прижигали задницы: что же это делается, большинство людей не могут позволить себе «холодный сон» — так пусть уж всем будет одинаково плохо. Этот наш «Мы, Народ»... можно лопнуть со смеху: наша страна познала и демократию, и диктатуру, и олигархию, и социализм, и помесь всего с каждым — при одной и той же конституции! Теперь у нас полная анархия, возглавляемая всенародно избранным диктатором... хотя законы вроде бы еще не отменили и Конгресс заседает. А народ все тот же, и чего не могут позволить себе все, того не должен иметь никто. И что же начнется, когда один из самых богатых

людей страны вдруг ляпнет во всеуслышание, что не намерен помирать в отведенный природой срок и хочет купить за свои грязные деньги новое тело?

— Но это же не прихоть! Он болен.

— Толпе все равно. Или все, или никто. Взвоет церковь, встанут на дыбы суды, Медицинская Ассоциация запретит своим членам даже думать об этой операции... Конгресс издаст закон, запрещающий пересаживать мозги... Конечно, Верховный суд признает этот закон неконституционным, но к тому времени Йоханн будет уже мертв. Так что — никаких объявлений. Клуб редкой крови знает людей с четвертой отрицательной, которые не являются его членами?

— Вряд ли. Хотя точно не знаю.

— Проверим. Думаю, что четыре пятых населения проходили тест на группу крови, и данные эти где-то хранятся. Я знаю фирму, которая занимается поисками подобной несистематизированной информации. Я запущу все дело, вы будете на подхвате. Потом я смотаюсь в Южную Америку за этим расчленителем...

— Мистер Сэлэмэн! — раздалось с потолка. — Мы вляпались.

— Черт бы вас подрал! — рявкнул Сэлэмэн в интерком. — Эти два красавчика, — повернулся он к Юнис, — просто обожают заезжать в Развалины, чтобы иметь законный повод пострелять. Я не подумал об этом.

— Это я виновата, — сказала Юнис. — Надо было предупредить, что ездить вокруг девятнадцатой и не влететь в Развалины — трудно. Я всегда делаю большой крюк... Но нам же ничего не угрожает?

— Разумеется. Этот старый танк и из пушки не подбить. Но как же я забыл их предупредить?.. Рокфор — спокойный парень, потому-то и рэкет у него не получился. А вот Чарли — его второе имя Бей Первым. Вооружен и очень опасен. Первое убийство в одиннадцать лет. Он...

Поднялись и встали на место стальные щиты, закрыв окна салона. Зажегся свет.

— Получается, что находиться с вашими охранниками

в одной машине страшнее, чем голышом бродить по Развалинам, — сказала Юнис.

— Отнюдь, дорогая, — сказал Сэлэмэн. — Конечно, в разумном обществе их бы уничтожили. А в нашем, безумном... что ж, я пользуюсь их пороками. Они довольны. Я тоже...

Неподалеку ударила пулеметная очередь. Броня загудела под пулями. Потом что-то оглушительно лопнуло над головой. Свет погас. Юнис показалось, что уши у нее забиты ватой.

— Готов! — донесся громкий звенящий голос.

— Нас подбили? — дрожа, спросила Юнис. Она уткнулась лицом в рубашку Сэлэмэна.

— Нет-нет, — одной рукой он погладил ее по спине, другой — крепче прижал. — Это Чарли подбил их. Так ему показалось, по крайней мере. У нас есть пушка на турели. Это она стреляла.

— А почему погас свет?

— От сотрясения. Так бывает. Сейчас включу аварийное... — он потянулся к выключателю.

— Нет-нет, — прошептала Юнис. — Просто обнимите меня, и все. Я не боюсь темноты. Когда вы меня обнимаете, я ничего не боюсь...

— Как хочешь, моя дорогая... — он сел так, чтобы было удобнее обнимать ее. — Какой же ты ласковый котенок...

— Вы тоже ласковый... мистер Сэлэмэн...

— Попробуй сказать: «Джейк». Сможешь?

— Джейк. Да, Джейк. У тебя такие сильные руки... Сколько же тебе лет?

— Семьдесят один.

— Не верю. Ты выглядишь много моложе.

— Я мог бы быть твоим дедом, щеночек. Я только выгляжу так... в темноте. Но уже целый год я живу взаймы у господа.

— Не говори так! Ты молодой. Ох, давай немножко помолчим... Джейк... Дорогой Джейк...

— Милая Юнис...

Несколько минут спустя голос водителя произнес:

— Все чисто, сэр!

Заслонки начали опускаться. Свет хлынул в салон. Юнис поспешно отодвинулась от Сэлэмэна.

— Боже мой! — смущенно улыбнулась она.

— Ничего страшного, — сказал Сэлэмэн. — Стекло прозрачно только изнутри.

— Очень удобно. И все равно — настрой не тот. Свет — хуже холодной воды...

— Это точно. А я только-только начал чувствовать себя молодым.

— Но вы же и вправду молоды, мистер Сэлэмэн!

— Джейк.

— Ой, конечно, Джейк! Года не в счет... У тебя вся рубашка в моей косметике.

— А я зато растрепал твою прическу.

— Я причешусь — а вот что скажет твоя жена?

— Спросит, почему я хожу в грязной рубашке... Юнис, дорогая, у меня нет никакой жены. Сто лет назад она обменяла меня на более современную модель.

— Дура. Ты — классическая модель, а значит, с годами становишься все современнее... Теперь у меня прическа в порядке?

— Вполне.

— Может быть, попросить завести нас еще раз в Развалины? Ты мог бы снова растрепать ее...

— Может быть, тогда уж сразу в Канаду? Вернемся к полуночи.

— Я очень хочу, честное слово. Но не могу. Надо домой. Так что сядь рядышком и обними меня как следует... только не трогай прическу.

— Я буду осторожен...

Сэлэмэн передал водителям координаты квартиры Юнис.

— Только никаких больше Развалин, бандиты! Вам бы только пострелять!

— Хорошо, мистер Сэлэмэн!

Ехали молча. Потом Юнис сказала:

— Джейк... ты ведь чувствовал себя совсем молодым — до того, как нам все порушили?..

— Ты же знаешь.

— Знаю. А я готова была тебе дать... и ты это тоже зна-

ешь. Хочешь, я подарю тебе фотографию, где я голая? И куда лучшего качества, чем мог бы сделать тот шпион...

— Твой муж тебя сфотографирует — и ты украдешь у него снимок?

— Не смейся, Джейк. Я же рассказывала: конкурсы красоты и все такое... Только — никому!

— Разглашению не подлежит. Надежнее, чем в сейфе.

— Какую ты хочешь? Художественную или сексуальную?

— Н-ну... и то, и другое.

— Поняла. Есть такой снимок: я в душевой. Волосы мокрые, по всему телу капли, никакой косметики, ничего... В общем, увидишь. Это в твоем вкусе?

— Да я же волком взвою!

— Считай, что она уже у тебя. Быстро меняем тему — мы уже приехали. Джейк, у босса есть шанс выкарабкаться?

— Не знаю. С точки зрения дилетанта — нет.

— Я почему-то так и подумала... С завтрашнего дня постараюсь услаждать ему взор еще изысканнее. Надо будет поискать что-нибудь эдакое...

— Не забудь духи.

— Он же не чувствует запахов!

— А я?

— О! Есть, сэр! Духи будут. А кроме того...

— Юнис...

— Слушаю, сэр? Да, Джейк?

— Не ходи сегодня по магазинам. Считай, что это приказ босса. Как его адвокат, я имею право отдавать такие приказы.

— Но почему?

— Потому что сегодняшний вечер ты проведешь без охраны. Машина мне нужна, а своя у тебя будет лишь с утра.

— Подчиняюсь, сэр.

— И еще, Юнис. Ты заблуждаешься насчет того, что Йоханн доживает последние дни. Его проблема в том, что он может прожить еще очень и очень долго.

— Не поняла?..

— Он в капкане. Медики не дадут ему умереть. Как только на него натянули этот хомут, он потерял все шансы на

скорую смерть. Ты обратила внимание, как ему сервируют еду? Ни ножа, ни вилки.

— Но у него же просто дрожат руки...

— Подумай об этом, дорогая. Они все сделали так, чтобы он жил, и жил, и жил... Машина жизни. У которой все болит. Юнис, эта затея с пересадкой — всего лишь хорошо продуманный способ самоубийства.

— Нет!

— Да. Он наконец придумал, как обхитрить врачей. И мы с тобой должны ему в этом помочь — то есть сделать все так, как он хочет. Вот и все, мы приехали. Не плачь, муж увидит и спросит, а тебе нельзя говорить. Лучше поцелуй меня на прощание.

— О, конечно...

— Могу я проводить тебя до двери?

— Н-нет, лучше не надо. Как я буду объяснять, что меня, кроме охранников, сопровождает и шеф-консультант? Джо не ревнует меня к боссу, но может приревновать к тебе, а я этого не хочу... особенно потому, что у него есть повод.

— Еще не совсем... но это можно исправить.

— Может быть, дорогой мой. Девочка из Айовы сегодня дала слабину... должно быть, на нее подействовали миллион долларов, шикарный лимузин и городской мальчик. Все. Я пошла, дорогой.

Глава 3

Охранники почтительно проводили Юнис до дверей. Она с интересом присматривалась к Чарли: не может быть, чтобы этот добродушный великан был таким чудовищем, каким его описал Джейк...

Дверь открылась, и Рокфор откозырял:

— Миссис Бранка, в девять сорок мы будем здесь.

— Спасибо, Рокфор. Спокойной ночи. Спокойной ночи, Чарли.

Джо запер дверь, включил сигнализацию и спросил:

— Какого черта? И почему с тобой эти мартышки?

— Это вместо поцелуя? Я ведь не задержалась. Еще нет и шести.

— Поговори мне, женщина! Одна мартышка уже была здесь два часа назад — пригнала твой драндулет. Потом звонил дворецкий босса... — Джо помог ей снять плащ и поцеловал ее. — Где тебя носило, старая бандероль? Я соскучился.

— Наконец-то приятное известие. Ты соскучился!

— Лез на стенку! Что случилось?

— Ты волновался за меня? О, дорогой!

— Да нет, конечно. Этот Смитов привратник сказал, что тебя куда-то заслали, но обратно привезут на танке. Я просто все ждал тебя, а тебя где-то носило. Врубаешься?

— Врубаюсь. Все просто. Босс отправил меня со своим лучшим парнем — Джейком Сэлэмэном. Помнишь?

— Помню. Рублю.

— Мы уехали в его офис, сделали, что босс хотел, — ты же знаешь, в каком он сейчас состоянии, да?

— Бедный старый пачкун дожидается своего. Все там будем.

— Не говори так. Мне его жалко до слез.

— Ты такая, сестра. Я тоже.

— Потому я тебя и люблю. Когда мы кончили работу, мистер Сэлэмэн дал мне машину и охрану. Они поехали через Птичий базар, и там нас обстреляли. На машине сплошные вмятины с одного бока.

— В лом?

— Нисколько! В кайф!

— И как это?

— Очень шумно. Но возбуждает. Я просто торчу.

— Ты от всего торчишь, шлюшка, — он засмеялся и растрепал ей волосы. — Ты дома, остальное не в счет. Ништяк. Поперло вдохновение — по потолку хожу!

— И какого рода вдохновение? — спросила Юнис, стягивая полусвитер. — Ты ел хотя бы? Если начнешь работать, то так и не поешь до самой ночи.

— Что-то ел. Я весь под вдохновением! Оно огромное! Что тебе открыть? Курицу? Спагетти? Пиццу?

— Без разницы. Я лучше поем — раз ты изнываешь только от вдохновения... — Юнис стянула с себя все и, си-

дя на полу, спросила: — Я буду позировать — или ты будешь расписывать меня, а потом фотографировать?

— Все. Я жадный. Будет полный финиш!

— Не рублю. Что значит «все»?

— «Все» значит «все». Увидишь. — Он оглядел ее с ног до головы. — И на стенку я лез по разным причинам...

— Выкрутился!

— Со жратвой подождешь?

— Возлюбленный мой, когда это я была так голодна, что не могла дать? И к черту койку, хватай подушку и вали сюда!

Как хорошо, что в машине ничего не было! — пронеслось в голове Юнис. К черту всех, кроме Джо, — никого не может быть лучше его, нежнее его, дороже его... надо быть верной женой... хотя бы иногда... Сказать ему про прибавку к жалованью? Потом, потом... не сразу...

Она открыла глаза и улыбнулась.

— Спасибо, милый.

— Лучше вибратора?

— Гораздо! Именно этого бедной Юнис недоставало. В такие минуты я верю, что ты Микеланджело.

Джо помотал головой:

— Я не старина Микки. Он был спец по мальчикам. А я бабник. Как Пикассо.

Она обняла его:

— Кем хочешь, тем и будь, милый, всегда, пока я с тобой. Вот теперь я могу и позировать — а перекушу в перерывах...

— Забыл. Письмо от мамы. Прочтешь?

— Конечно. Отпусти меня — и ищи письмо.

Джо принес письмо — еще не вскрытое. Она села и пробежала глазами текст. Полно ошибок... Черт побери! Нешуточная угроза «приехать и погостить как следует». Никогда! Прошлый раз у нас было две комнаты — но теперь-то одна, хоть и огромная! Получается — никаких развлечений на полу? Нет, мама Бранка! Никто не позволит вам развалить наше гнездышко! Живете на свое пособие — ну и живите, а я буду посылать изредка чеки — как бы подарочки от Джо. Но никаких визитов!

— Что там?

— Как обычно. Желудок все еще беспокоит ее, но ксендз порекомендовал ей другого врача, и теперь ей лучше. Впрочем, давай начну с начала. «Мой дорогой малыш, никаких новостей не было с тех пор, как я писала тебе последний раз, но если я не напишу сама, то и ты мне ничего не напишешь. Скажи Юнис, чтобы написала длинное подробное письмо обо всем, что делается у вас и как ты себя чувствуешь, твоя мамочка вся волнуется. Юнис очень милая девочка, пока я не подумаю, что тебе надо было взять хорошую девушку твоей веры...»

— Хорош.

— Терпи. Это твоя мать. Я действительно напишу завтра подробное письмо и пошлю его в конверте «Меркурия» — тогда она его наверняка получит. Босс не будет возражать... Ладно, я тут пропущу: мы и так знаем, что она думает о протестантах. И бывших протестантах. А представляешь, если бы она услышала, как мы распеваем «Омм мани пхадме...».

— Выкинь эту срань!

— О, Джо!.. — Юнис пропустила часть письма, включая и то, где старушка навяливалась в гости. — «Анджела скоро обзаведется еще одним ребеночком, инспектор недоволен ею, но я ему высказала все, что думаю, и теперь он будет знать, как надо обращаться с приличными людьми. Что плохого в том, чтобы родить ребенка?» Которая из твоих сестер Анджела?

— Третья. Инспектор прав. Мама — нет. Не читай подряд. Просто скажи, о чем.

— Хорошо, дорогой. Впрочем, больше ничего нет. Соседи, погода. Ничего, кроме того, что желудок беспокоит меньше и что Анджела опять беременна. Я пойду смою краску, а ты пока разогрей мне пиццу. И, Джо, давай поработаем до полуночи, а завтра встанем вместе, хорошо?

— Смысл?

— Босс. Надо его подбодрить.

Она быстро объяснила, в чем дело.

— Нормально. Зачем вообще одежда? Распишу тебя всю. Дедушка дает дуба, пусть смотрит. Жалко?

— Э-э, ты не рубишь. Босс гордится тем, что современен и все такое — а на самом деле он весь там, в прошлом веке. На девушке должно быть хоть что-то надето, кроме чулок и туфель. Хоть нитка. Тогда она не голая. А я, по его понятиям, порядочная девушка — и такой должна остаться.

— Не рублю, — признался Джо.

— Но ты же сам мне объяснял. Символизм. По нашим понятиям, нагота ничего не значит. А по их — значит очень много. Если я буду без тряпочки, то тут же из милой проказницы превращусь в потаскуху.

— Ну и что? Анджела — потаскуха.

«И дура притом», — подумала Юнис. Вслух она сказала:

— Мне все равно. Но босс таких вещей не понимает. Самое трудное — это въехать в его символику. Мне двадцать восемь, а ему за девяносто, и я не всегда рублю, что он имеет в виду. Если я зайду слишком далеко, он просто уволит меня, и все. Что мы будем делать? Съезжать из этой чудной студии?

Сев в позу лотоса, Юнис огляделась. Да, чудная студия. «Бродяга» у двери и кровать в дальнем углу — а все остальное в полнейшем художественнейшем беспорядке, и каждый день что-то новое... И решетка на окне — ажурная, но из такой крепкой стали, что за безопасность опасаться не приходится. Тепло, надежность, счастье — все было здесь.

— Юнис, дорогая моя...

Она насторожилась. Обычно Джо пользовался упрощенным английским, и Юнис не могла понять, какую прелесть он находит в этой примитивной, без идиом и оттенков, речи. Тем более что нормальным языком Джо владел никак не хуже ее, хотя и закончил только годичные курсы «практического языка».

— Что, хороший мой?

— Я рублю, на самом-то деле. Просто хотел проверить тебя, моя прелесть. Мне не девяносто, но любой художник понимает, как важен фиговый листок. Не знаю, может получиться так, что наша символика окажется трудноватой для мистера Смита... но попробуем. Пусть он напрягается — нельзя, не трогай, мама по попе надает! — а ты тем

временем будешь расхаживать перед ним, как сексуальное преступление в поисках места происшествия.

— Вот!

— И перестань беспокоиться о работе. Конечно, это неплохая пещера, и свет северный, мне это нравится. Но и потеряем — плевать. Я таких вещей не боюсь.

(Но я боюсь!)

— Я люблю тебя, Джо.

— Поэтому мы будем напрягаться не для спасения студии, а для твоего старого мальчугана. Понимаешь?

— О, Джо, конечно, понимаю! Рублю в щепки! Джо, ты самый лучший муж в мире!

Он промолчал. На лице его наметилась гримаса — почти болезненная. Юнис знала это выражение. Начинались родовые муки творчества. Нельзя было мешать. Юнис замерла. Прошло сколько-то времени. Потом Джо вздохнул:

— Вдохновение испарилось... Все съел вопрос: как оформить тебя для твоего босса? Будешь завтра морской девой.

— Прекрасно!

— Но начать придется сегодня. Так: верх тела цвета морской волны с плавным переходом в розовый на губах, щеках и сосках. Ниже талии пойдет чешуя золотой рыбки. При этом как бы в пятнах света, проходящего сквозь толщу воды. Короче, вся романтическая морская символика, но перевернутая вверх ногами.

— А почему?

— Для обмана зрения, — улыбнулся Джо. — Будто ты плывешь. Нырнула: спина прогнутая, волосы распущены, ноги в струночку... красиво. А сделать то же, но не перевернутое — не получится: волосы, грудь, зад — все обвисает.

— Моя грудь не обвисает!

— Не вскипай, Юнис. У тебя прекрасная грудь, но притяжение никуда не денешь. Понимаешь, все это видят — всегда — и привыкли настолько, что не замечают. Но глаз не обманешь, и поэтому, если я не постараюсь, все будут видеть: фальшивка. Подделка. Плохое ремесло. А должно быть — настоящее ныряние. Понимаешь?

— Н-ну... — протянула Юнис задумчиво, — если ты найдешь где-нибудь лестницу, а на пол положишь матрац,

и я с этой лестницы на матрац... э-э... нырну, то, может быть, и не ушибусь и ничего не сломаю...

— Шею, например. Нежную шейку. К черту такие жертвы! Нырять надо вверх.

— То есть?

— Ну, я же говорю!... Все — перевернутое! Ты прыгаешь вверх. Будто ставишь блок в волейболе. Я делаю снимок. Переворачиваю его... Все понятно? Прекрасная морская дева ныряет на дно морское.

— Я такая дура!

— Не дура. Просто не художник. — Он улыбнулся. — Ночью работать не будем. Сегодня пораньше ляжем, завтра пораньше встанем. Сейчас немного потренируемся и сделаем снимки.

— Ты бы мог нанести сегодня фон, а завтра сделать детали. И не понадобилось бы слишком рано вставать...

— Никогда ты не будешь спать в краске. Ясно?

— Ничего не случится...

— Глупости! Ты знаешь, что бывает с девушками, которые не смывают краску подолгу? Прыщи, угри, шелушение, крапивница — жуткое дело. Так что лучше не лениться и краситься по всем правилам. Утром — краска, вечером — душ. И так всегда.

— Есть, сэр!

— Так что отмывайся пока, а я разогрею пиццу.

Сквозь шум водяных струй Юнис услышала, как Джо позвал ее, и выглянула из ванной:

— Что случилось?

— Забыл сказать: Большой Сэм заходил. Пицца готова.

— Отрежь мне кусочек, будь хорошим. Чего он хотел? Денег?

— Нет. Мне показалось, он в порядке. Приглашает на воскресенье. День медитации. У Гиги.

Вытираясь, Юнис вышла из ванной.

— Целый день? Ничего себе. Вчетвером? Или будет вся его свита?

— Нет, не вся. Круг-Из-Семи.

— Беспредел?

— Не знаю. Он не говорил.

— Наверняка — беспредел. Дорогой, — вздохнула она, — я никогда не возражаю, если ты даешь ему пятерку взаймы без возврата. Но ведь Большой Сэм не гуру. Он ученик — и только корчит из себя гуру.

— Но Гиги, она же с Большим Сэмом. И никакого беспредела не было. До сих пор.

— В общем, да. Но ты же знаешь: лучший способ выйти из Круга — это никогда не вступать в него. Особенно в Круг-Из-Семи. Или ты пообещал? Тогда я могу стиснуть зубы и...

— Нет, я не обещал. Сказал, что мы подумаем и завтра сообщим.

— И что ты хочешь, чтобы я сказала?

— Все понятно. Поэтому я скажу «нет».

— Ты не ответил. Есть какие-нибудь особые причины вступать в этот Круг? Там критики? Или дилеры? Если тебя так занимает Гиги, то почему бы тебе не пригласить ее попозировать как-нибудь днем? Она прилетит, задрав хвост.

— Нет, ни за что на свете, могут случиться дети... — засмеялся Джо. — Милая, я не сказал «нет» сегодня только потому, что подумал: а вдруг *тебе* захочется разнообразить меню? А Большого Сэма я не очень люблю: у него плохая аура.

— Ну и ладно. Гора с плеч. Сходим и расслабимся, дорогой. Я же обещала тебе любой беспредел, когда выходила за тебя. И, как я помню, несколько раз тебе это понравилось. Да и мне всего лишь однажды было скучно. Я люблю, когда люди развлекаются...

— Жуй пиццу и лезь на трон. Распишу тебе ноги, пока ты ешь.

— Да, милый...

Она взобралась на трон, держа половинку пиццы обеими руками. Наступила долгая пауза в разговоре — причмокивания и проклятия были чисто производственным шумом, означавшим, что Джо упорно работает. Юнис тихо млела.

Наконец он скомандовал:

— Вниз! — и подал ей руку.

— Можно посмотреть?

— Рано. Еще грудь. Руки не поднимай. Надо посмотреть.

— Будто ты не изучил на ней каждую складочку...

— Отстань. Я думаю. Набедренной повязки мало. — Он помолчал, сосредоточенно размышляя. — Понял.

— Ну, и?

— Абзац! Нарисую тебе бра.

— А это в масть? Морские девы не носят бюстгальтеров.

— Фигня. Была проблема: не было концентрации. Теперь вижу. Использую морские раковины. Плоско-выпуклые и шершавые. Ты знаешь.

— Не знаю, милый. В Айове очень мало морских раковин.

— Не меняет. Морские раковины буду концентрировать. Главный символ. Босс не будет рубить, рисованный бра или настоящий. Весь день будет думать. Если сломается и спросит — я выиграл.

Юнис весело засмеялась:

— Джо, ты настоящий гений!

Глава 4

Когда доктор Бойл вышел из операционной, Сэлэмэн шагнул ему навстречу:

— Доктор!

— Опять? — Бойл притормозил. — Чтоб ты провалился к черту в ад!

— Так оно непременно и будет, — кивнул Сэлэмэн. — Но, доктор, минутку...

Хирург побледнел от ярости.

— Слушай, приятель, я простоял за столом одиннадцать часов! Я бы сейчас всех поубивал, а тебя — первого!..

— Значит, самое время выпить.

Бойл вдруг засмеялся.

— Это точно. Где здесь ближайший паб?

— Шагах в двадцати. В моей машине. Она по самую крышу набита австралийским пивом — холодным и не очень. Не считая виски, джина...

— Ха! Вы, американские ублюдки, умеете делать дела! Но все равно, мне нужно переодеться, помыться...

Он начал поворачиваться, чтобы уйти, но Сэлэмэн вновь удержал его:

— Доктор, я немного посвоевольничал... Короче, ваша одежда тоже там — в моей машине. Так что пойдемте выпьем. И все. Не заботьтесь ни о чем.

— Ладно. Пусть ваша машина провоняет потом. Помоюсь и переоденусь в отеле. «Ну, хвастайся, Макдафф?»

Пока доктор поудобнее усаживался на диване в салоне, Сэлэмэн разлил по бокалам пиво: настоящий «пинок кенгуру» для Бойла и слабенькое американское для себя. В молодости ему приходилось иметь дело с австралийским пивом, и теперь он осторожничал. Рокфор тронул машину с места и повел ее небыстро и плавно. Он знал, что в салоне пьют.

Сэлэмэн подождал, пока доктор осушит бокал, налил еще.

— Ну что, доктор? Как оно все?..

— Как по маслу. Подготовились хорошо — а что еще нужно? Да и команда была отличная...

— То есть — операция прошла успешно?

— ...но пациент умер. Есть такая старая присказка.

Сэлэмэн почувствовал острую жалость — и облегчение.

— Я понимаю. Все равно, спасибо вам. Вы сделали все, что могли.

— Да нет же! Я не говорю, что это *наш* пациент умер! Я просто вспомнил старый анекдот... Что касается нашего — он был в полном порядке. Теперь нужен хороший уход...

— Вы считаете, что он может выжить?

— «Он»? Пожалуй, что уже не «он». А в остальном... Могу сказать точно: тело будет жить. Прекрасное тело, молодое и здоровое. Мозг тоже жив и, думаю, таким и останется: кровь поступает, электрическая активность полная. А вот составят ли тело и мозг одно целое... Вы какой веры?

— Никакой.

— Плохо. А я хотел попросить вас позвонить своему богу и спросить насчет прогноза по этому дельцу... По край-

ней мере, сетчатку глаза и внутреннее ухо я спас. Я первый, кому это удалось, хотя меня и называют шарлатаном... так что он, если повезет, будет видеть и слышать. А вот что касается спинного мозга, наиболее вероятный исход — неблагоприятный... хотя частично, конечно, функции восстановиться могут... Нет, я несу чушь: девять из десяти — за то, что мозг вообще не будет иметь связи с внешним миром.

— Надеюсь, вы преувеличиваете. Ваша премия, кстати, зависит от того, будет ли пациент видеть, слышать и разговаривать — как минимум.

— В сраку.

— Но условия оплаты изменить нельзя.

— В сраку, я сказал. Там значилась какая-то премия. Но у меня нет такого большого мешка, поэтому — в сраку. Слушай, кореш, вы тут как хотите — можете придумывать всякие премии: за срочность, за качество... Мы, мясники, работаем по-другому. Я получаю за операцию. Я режу. Мне платят. Все. Я честный хирург — что бы там ни болтали всякие шкуры...

— Напомнили... — И Сэлэмэн полез в карман, достал пакет. — Ваши деньги.

Хирург небрежно сунул пакет в свой карман.

— Не проверяете? — усмехнулся Сэлэмэн.

— Лишняя работа. Или вы платите, как надо, или я иду в суд. И вообще — плевать.

— Пива добавить? — спросил Сэлэмэн. Он откупорил бутылку портера. — Я оплатил все. Полностью, золотом, через надежный швейцарский банк... В этом пакете ваша банковская книжка. Плюс уведомление, что мы оплатили все счета, гонорары ассистентам, компьютерное время и прочее и прочее. Но я надеюсь, что вы раздобудете где-нибудь хороший мешок — и я вывалю вам столько...

— Ладно, не буду отказываться. Исследования требуют денег, а мне не хотелось бы их прекращать. Мне хочется войти в историю медицины не как шарлатану... понимаете?

— Мне, кстати, хочется того же. Хотя, может быть, по другой причине.

Бойл отпил еще пива и задумался.

— Похоже, я опять вел себя как последнее говно. Извините. Всегда, когда выхожу из операционной, начинаю бросаться на людей. Я забыл, что он ваш друг.

Сэлэмэн вновь испытал те же чувства, что и в начале разговора: смесь жалости и облегчения.

— Нет, — сказал он. — Йоханн Смит мне не друг.

— Ну? А мне показалось.

— У него не было друзей. Я его адвокат, и он, естественно, платит мне за мою преданность.

— Понял. Тогда ладно. Тяжело, если мешаются всякие эмоции. Понимаете, прогноз при такой операции, по определению, не может быть благоприятным — уж это-то я знаю лучше всех остальных. Хотя... — Бойл задумался. — Может, и получится... Группа крови одна, и объем черепных коробок близкий...

— А почему вы тогда так мрачно настроены?

— Господи! Вы хоть представляете, сколько миллионов нервных связей надо было восстановить? И сколько лет длилась бы такая операция? Мы соединили черепные нервы, сопоставили и сшили спинной мозг — и все. Теперь — как в рулетку... красное, черное...

— Понятно... И, значит, эти миллионы нервных окончаний — они что, как-то сами находят, с кем им срастаться? Ведь эти шимпанзе?..

— Черт возьми, да! Это был успех! Или удача... Извините. Понимаете, нервная система чрезвычайно адаптивна. При травмах, например, вместо того, чтобы восстанавливать старые соединения, мозг нагружает неповрежденные той утраченной функцией. Помните опыты с переворачивающими очками?

— Даже не слышал.

— Студентам надевали очки, которые переворачивают изображение. Два-три дня они видели все вверх ногами, их приходилось водить под руки и кормить с ложечки. А потом они начинали видеть как надо. Анализатор переключается и начинает правильно интерпретировать поступающую информацию. Когда очки снимали — мир опять переворачивался... Так и с моими обезьянками. Сначала я думал, что провал. Но потом они стали шевелиться — бес-

смысленно, как младенцы. Приходилось фиксировать их... И постепенно все наладилось. Не спрашивайте меня, как именно — я все равно не отвечу. Не знаю. Может, психиатры... или священники... Слушайте, а куда мы едем? Мой отель уже давно позади.

— Признаюсь: я позволил себе еще одну вольность, док. Ваш счет в отеле оплачен, а вещи упакованы и перевезены в мой дом.

— О, дьявол! Это-то еще зачем?

— Для большей безопасности.

— Но отель показался мне достаточно безопасным. Вооруженная охрана, и даже лифтеры при стволах... черт, не думал я, что попаду в настоящий военный лагерь. Совсем как армия. Тяжело, наверное?

— Привыкли. Ваш отель неплохо защищен, это да. Но пресса туда имеет доступ... как и полиция.

— Юридические проблемы? — недовольно спросил Бойл. — Вы же заверили меня, что все на мази.

— Так и есть. Донор дал предварительное согласие... у нас было несколько тысяч потенциальных доноров, подписавших договор, всего несколько тысяч — так что статистика была против нас. Но вот одного из доноров вовремя убивают... ничего себе оборотец?.. и суд позволил провести операцию. Все равно: пресса поднимет пыль до небес, и кто знает, не найдется ли другой суд, который это решение пересмотрит. Короче, док: в Канаду я могу доставить вас в течение часа, в любую другую точку Земли — в течение суток... и даже на Луну без особой задержки. Если, конечно, вы этого захотите.

— Посмотрим... От Луны я бы не стал отказываться. Интересно. Никогда там не был. Значит, костюм мой в вашем доме?

— Да. И вы там будете самым желанным гостем.

— А лоханка с горячей водой найдется где-нибудь в окрестностях?

— Ну а как же!

— Годится. Значит, еще пива, эта лоханка — и часов десять сна. Пока меня не арестовали. Я не слишком много хочу?

Глава 5

Йоханн Себастьян Бах Смит пребывал неизвестно где — и, что самое интересное, не придавал этому ни малейшего значения. Он даже не знал, что он — это он.

Так продолжалось целую вечность.

Потом, поднимаясь откуда-то со дна, стали приходить обрывки древних снов.

И это тоже длилось вечность.

Или чуть меньше.

...миссис Шмидт, Йонни выйдет?.. ...свежие новости, последние новости, трагедия в Бельгии, читайте все!.. ...Йоханн, никогда, никогда больше не входи без стука, ты испорченный, испорченный ребенок... ...находят в капусте... ...дешевле, чем в магазинах... ...дурак ты, Йохо, — в капусте; они выходят из такой специальной дырочки в животе... ...ой, Джонни, нельзя, а вдруг отец придет?.. ...красивая девочка — она как музыка... ...да пошли, чего смотреть — девчачьей письки не видел?.. ...сержант, я уже сделал одну глупость — пошел добровольцем... ...Отче наш, который на Небеси, установил правила игры, и вот они: каждый за себя, понял Смитти старина ты подписался а я ловлю другую рыбку в пятницу и это все ах Йоханн дорогой как ты мог такое о своей женушке только подумать мать мать мать и я уверен суд согласится со мной за четыре тысячи в месяц самая дешевая проститутка не станет работать и делать такие вещи ты Шмидт если еще раз замечу тебя возле моей дочери пристрелю эти опусы не стоят бумаги на которой напечатаны Йоханн не представляю даже что скажет твой отец когда придет домой в луга где антилопа и олень играют радостно со мной все будет честно вот так девочка вот так еще еще еще кончай еще кончай еще в ее гробу лишь пудинг с кремом а я потерял голову ее старик все слышал это ясно Йоханн и ничего удивительного тела-то нет я не достал тела и никакое тело не прослужит долго взамен другого если стараться преуспеть в бизнесе а девушка которая достаточно старается обязательно выбьется в леди и каждое тело будет набиваться в лучшие подруги моей девушке заботься о ней и вы оба проживете

долго и счастливо в трудах и заботах и честно оплатите фрахт сынок он погашается и звезды покидают мой мир когда-нибудь муж точно убьет меня а соседи косятся на твой велосипед расплата придет Папа если я получу эту проклятую бумагу прижми же меня Джонни крепче крепче какой ты огромный государственный долг никогда не будет выплачен и поэтому мы должны предусмотреть огромную инфляцию поэтому берем и берем кредиты потом легко расплатимся ты думаешь я такая простушка потому что хочу чтобы ты учился в колледже и стал учителем да сынок система раннего предупреждения бесполезна джентльмены без систем ответного удара и как вы обходились с людьми так и люди обойдутся с вами а вы обходились со мной хорошо а я буду обходиться с тобой хорошо Юнис Юнис куда ушла эта девчонка я потерял Рим я потерял Галлию но страшнее всего то что я потерял Юнис... я иду, босс... где тебя носило... я здесь, я все время здесь...

Сны тянулись бесконечно, сказочно яркие, и реальными казались звуки, запахи и прикосновения. И в этом сне была своя логика, логика сна, и потому — как, впрочем, и всякий сон — он не казался нелепым.

Йоханн Себастьян Бах Смит спал, и события в мире текли мимо него. Попытка пересадки мозга от человека к человеку дала поначалу повод для беспардонной болтовни телекомментаторов, приглашавших еще и так называемых «экспертов», то есть людей, имевших право смешивать в одном сосуде предрассудки, домыслы и предположения и называть это «наукой». Какой-то судья, возжелавший известности, выписал ордер на арест «доктора Линдона Дойла» (!!!), но к тому времени доктор Линдсей Бойл был уже вне досягаемости американского «правосудия». А известный и очень модный евангелический проповедник сочинил проповедь, в которой осуждал трансплантацию, используя как основу текст «Книги Экклезиаста».

Но на третий день эффектное и исключительно кровавое политическое убийство вытеснило Йоханна Смита из новостей дня, и евангелист счел за лучшее переделать проповедь, приспособив ее к новому событию. Он знал, что американцы инстинктивно жаждут крови политиков.

Как обычно, число неразрешенных родов превысило число разрешенных, а число абортов превысило эти два, вместе взятые. «Апджон интернэшнл» объявила о сверхдивидендах. Накал предвыборной кампании возрос после того, как лидеры двух консервативных партий, СДС и ПЛА, объявили о проведении объединенного съезда (объединенного, но не объединительного!) с целью (которой никто не оглашал, но все знали и так) обеспечения повторного избрания президента. Глава экстремистского крыла Движения за Конституцию и Свободу объявил этот съезд типичным криптофашистским капиталистическим заговором и предсказал победу на ноябрьских выборах своей партии. Мелкие партии: социалисты, демократы и республиканцы — провели свои съезды тихо. О них в новостях практически не упоминали...

На Среднем Востоке землетрясение погубило девять тысяч жизней — и повысило вероятность новой войны, так как «равновесие страха» покачнулось. Китайско-Американская Лунная комиссия объявила, что колонии уже на восемьдесят семь процентов обеспечивают себя основными продуктами питания, и по этой причине квоты на иммиграцию увеличены; однако требования к образованию иммигрантов остаются прежними.

Йоханн Себастьян Бах Смит все это проспал.

Прошло еще сколько-то времени — как исчислять время во сне? — и он проснулся достаточно для того, чтобы — пусть туманно — осознать себя. Он знал, что он — Йоханн Себастьян Бах Смит, глубокий старик; не ребенок, не мальчик, не юноша... а больше ничего не было, и это он тоже понимал: что больше ничего нет. Лишь темнота, неподвижность и неощутимость. И колоссальное одиночество.

Если операция уже началась, то что он должен чувствовать? Не боль — мозг не имеет болевых рецепторов. А если он уже умер — тогда что?..

И он снова погрузился в глубокий сон, полный видений, не подозревая, как всех поразило изменение корковых ритмов на энцефалограмме, неопровержимо свидетельствовавшее о том, что пациент просыпался.

Потом он проснулся вновь и подумал, что вот эта пус-

тота, немота и неподвижность, должно быть, и есть смерть. Догадка его не испугала: с возможностью собственной смерти он примирился более полувека назад. И если такова смерть, то он явно не в раю... но и не в аду, пожалуй. В этой смерти не было *потери себя* — а именно потери себя он почему-то ожидал. Было просто очень скучно.

И он еще раз уснул, гораздо крепче — потому что дежурный врач, изучив энцефалограмму, решил, что пациент слишком возбудился, и ввел снотворное.

Он опять проснулся. Теперь он постарался оценить ситуацию. Если это и есть смерть — а предполагать иное пока не было оснований, — то что мы имеем и как это не растерять? Ничего не имеем. Хотя нет: память. О ярком сумасшедшем сне — и о том, что я и есть Йоханн Смит. Или был им. Что ж, Йоханн, старый ты ублюдок, давай-ка напрягись и вспомни все, что с тобой было. Если в этом круге нам с тобой предстоит провести где-то около вечности, то почему бы не заняться полезным делом?

Что будем вспоминать? Все или только хорошее? Без соли — пресно. Так что — все как было.

Благо другого развлечения нам пока не предложили.

С чего начнем? Для разминки — с хорошего. Вообще, если подумать, существуют четыре сто́ящих предмета для воспоминаний: деньги, секс, война, смерть. Прочее — труха. Что изберем? Правильно! Именно так, Юнис. Я грязный старикашка — и единственное, о чем жалею, это что не встретил тебя лет этак пятьдесят назад! Да, тебя тогда не существовало даже в виде блеска глаз твоего папочки. А кстати: тот лифчик из морских раковин — он был настоящий или только нарисованный на твоей нежной коже? Весь день ломал над этим голову — а надо было, наверное, просто спросить и дать тебе посмеяться надо мной. Ладно, теперь можно — ну, скажи прапрапрадедушке... позвони и скажи. Ох, извини, я же не знаю номера телефона, и в телефонной книге его тоже нет...

Ты потрясающе выглядишь!

И вспомним другую... нет, Юнис, дорогая, я не смогу забыть тебя никогда — но, черт возьми, до тебя я и пальцем не дотронулся... Уйдем назад, далеко-далеко, к той, до

которой я дотронулся. Самый первый раз... нет, тогда все получилось глупо и неуклюже. А вот второй — было чудесно. Такая гибкая нежная кошка... миссис Викланд. А звали ее?.. Да я, наверное, и не знал никогда. Хотя она позволяла заходить к себе еще не раз... Позволяла? Заманивала, ты хочешь сказать?

Мне было тогда четырнадцать с половиной, а ей... должно быть, около тридцати пяти. Помнится, она говорила, что уже пятнадцать лет замужем... неважно. Главное, что я встретил женщину, которая *хотела* и сумела дать мне почувствовать, что она хочет, и сделала все как надо, чтобы доставить удовольствие мне и чтобы я понял, что ей тоже хорошо, и чтобы не было никакого мутного осадка...

Благослови, господи, ее щедрую душу!

Если ты тоже где-то здесь, в этой темноте — ты ведь умерла давно, много раньше меня, — то я надеюсь, что и ты вспоминаешь меня, и счастлива этим — как счастлив я, вспоминая тебя...

Твоя квартира была этажом ниже. Был холодный ветреный день, и ты дала мне двадцать пять центов — неплохие деньги по тем временам — и попросила сходить в магазин. Что купить? Ну-ка, проверим, хороша ли память у старого козла. Поправка: у старого духа. Впрочем, какая разница, все равно с рогами. В любом случае, я *существую*, и это главное, док. Значит, так: полфунта вареного окорока, пакет красного картофеля, дюжину деревенских яиц (подумать только: семь центов отдал!), десятицентовую буханку гольсумского хлеба... и что-то еще. А, вспомнил: катушку белых ниток шестидесятого номера... покупал в галантерейном магазинчике за аптекой мистера Гилмора... в магазинчике мистера Баума, у него было два сына, один погиб на Первой мировой, а другой сделал имя в электронике... Вернемся к тебе, миссис Викланд.

Ты услышала, как я затащил велик в коридор, и открыла дверь. Я занес продукты на кухню. Ты заплатила мне и предложила чашечку какао... почему я не беспокоился, что мама узнает?.. Отец был на работе, мистер Викланд тоже, а мама... точно, днем она посещала курсы портных...

Пока я пил какао и был весь такой вежливый, ты завела

патефон и поставила пластинку — «Марджи», правильно? И спросила, умею ли я танцевать? О, ты прекрасно научила меня танцевать — только на софе...

Реаниматор внимательно изучал линии на экране энцефалоскопа. Резкое повышение активности мозга он счел проявлением сильного испуга и ввел транквилизатор. Йоханн Смит уснул, не заметив этого. Во сне он танцевал под скрип и шорох механического фонографа. Это был фокстрот, так она сказала; но ему было все равно, как назывался танец. Его рука лежала у нее на талии, ее руки обвили его шею, и ее чистый теплый запах сладко щекотал ноздри. Так она соблазнила его.

После долгого, полного, экстатического блаженства он сказал: «Юнис, чудо, я и не знал, что ты умеешь танцевать фокстрот».

Она засмеялась: «Вы никогда не спрашивали, босс. Не могли бы вы перегнуться через меня и дотянуться до этого чертова патефона?»

«Конечно, миссис Викланд»...

Глава 6

Йоханн Смит внезапно понял, что это преддверье ада не так уж бескрайне: голова на чем-то лежала, во рту ощущалась сухость и присутствие инородного тела — из тех мерзких приспособлений, которые дантисты пихают во рты своим жертвам. И хотя темнота оставалась полной, тишину нарушал непонятный чавкающий звук...

— Эй! Я оживаю! — закричал он.

Сидевший в соседней комнате за пультом дежурный вскочил на ноги, опрокинув стул.

— Скорее доктора Бреннера! Пациент пытается говорить!

От монитора донесся спокойный голос Бреннера:

— Я уже у пациента, Клиф. Давай сюда всю команду. И позови докторов Хедрика и Гарсиа.

— Есть!

— Черт побери, здесь что — никого нет? — попытался сказать Смит, но услышал лишь невнятное мычание.

Доктор прикрепил микродинамик дентофона к зубам пациента и прижал микрофон к своему горлу:

— Мистер Смит, вы слышите меня?

Пациент пробормотал что-то — громко и с нажимом.

— Мистер Смит, к сожалению, я не понимаю, что вы говорите. Если вы слышите меня, то издайте какой-нибудь звук. Любой звук — но один раз.

Одно короткое мычание.

— Прекрасно — значит, вы слышите меня! Договоримся: один звук означает «да», два — «нет». Итак?

Одно мычание.

— Теперь мы можем разговаривать. Один звук — «да», два — «нет». Вас что-нибудь беспокоит?

Два звука:

— Хха...на!

— Прекрасно. Теперь попробуем иначе. Я выну из вашего уха тампон. Пока что звуки проникают непосредственно во внутреннее ухо по костям черепа. Когда я выну тампон, вам может показаться, что речь очень громкая, даже болезненно громкая. Поэтому я начну говорить очень тихо. Вы меня поняли?

Мычание.

Смит почувствовал осторожное прикосновение — и где-то стало свободнее.

— Теперь вы меня слышите?

— Хха...на...

— А теперь?

— Хха...на...йа...маха...ить...иох!

— Не старайтесь говорить предложениями. Один звук или два.

— Да черт тебя побери, дурак, вытащи эту дрянь у меня изо рта! — закричал Смит, но все равно получилась невнятица: гласные иногда еще как-то проскакивали, а вот согласные застревали все.

— Доктор, но как он может говорить, когда у него во рту вся эта механика?

— Помолчите, сестра, — тихо сказал Бреннер. — Мистер Смит, не пытайтесь говорить. У вас в горле аспиратор, удаляющий мокроту и слюну. Я не могу его убрать, по-

этому постарайтесь смириться. Кроме того, на глазах у вас темная повязка, и лишь офтальмолог вправе решать, когда ее снять. Ваш лечащий врач — доктор Хедрик, ему ассистирует доктор Гарсиа. Я — дежурный реаниматор. Я не могу сделать больше, чем мне положено. Итак: вам удобно? Один звук или два.

Один.

— Хорошо. Я остаюсь с вами. Хотите поговорить?

Один.

— Значит, так: я буду называть буквы, и вы остановите меня на нужной. Это довольно медленно, но нам спешить особенно некуда. По-прежнему: один звук — «да», два — «нет». Если хотите что-то сказать, издайте три звука. Итак?

Три звука.

— А. Б. В. Г. Д...

На букве П Смит промычал.

— Первая буква П. Дальше: А. Б. В...

Наконец, получилось: «Правое ухо».

— Хотите, чтобы я освободил правое ухо тоже?

Один громкий звук.

Доктор вынул второй тампон.

— Проверка слуха: «Четыре черненьких чумазеньких чертенка...» Слышите обоими ушами?

Одно мычание. Потом три.

— Понял. А. Б. В. Г...

Вскоре получилось: «Нет тела».

— Вы хотите сказать, что не чувствуете своего тела?

Энергичный ответ.

— Это естественно. Вы еще только начали выздоравливать. Но, должен сказать, вы поправляетесь очень быстро. Восстановились и слух, и речь. Я уже выиграл на вас пятьсот долларов, — соврал доктор зачем-то, — и надеюсь выиграть еще столько же, когда вы встанете и пойдете. Вам досталось прекрасное тело.

Три мычания.

«Как долго?» — получилось в результате.

— Хотите узнать, сколько времени прошло с момента операции? Или как долго придется осваиваться с новым телом?

Звонок прервал этот разговор.

— Простите, мистер Смит, это доктор Хедрик, я должен отчитаться. С вами побудет сестра, а вы пока отдохните.

С лечащим врачом доктор Бреннер встретился у двери.

— Минутку, доктор Хедрик. Вы видели, что на мониторах?

— Конечно. Нормальное бодрствование.

— Он в полном сознании. Я убрал тампоны из ушей...

— Я все слышал. Надо сказать, вы взяли на себя слишком много, доктор.

— Это, разумеется, *ваш* пациент, — нахмурился доктор Бреннер, — но я был здесь один — и должен был принять решение. Если вы считаете, что я не имел права...

— Не горячитесь, коллега. Пойдемте посмотрим на *нашего* больного...

— Да, сэр.

Они вошли в палату.

— Мистер Смит, я доктор Хедрик, ваш лечащий врач. Поздравляю вас с благополучным возвращением в этот скучнейший из миров. Это победа всех — и в первую очередь великого хирурга доктора Бойла.

Три звука.

— Хотите что-то сказать?

Один, но громкий.

— Подождите. Сейчас мы уберем кое-что из вашего рта, и тогда можно будет беседовать спокойно. — «Если крупно повезет... — добавил про себя Хедрик. — Или уже повезло? Я не ожидал, что он начнет восстанавливать функции так быстро. Похоже, этот надменный мясник — на самом деле великий хирург...» — Готовы?

Выразительнейшее мычание.

— Работаем. Держите аспиратор, доктор. Сестра, свет! Поверните монитор сюда! И найдите где-нибудь доктора Фейнстейна.

Смит чувствовал, как с ним что-то делают. Прикосновения были мягкие и осторожные.

— Дайте-ка посмотреть... отлично. Теперь роторасширитель... Мистер Смит, когда мы уберем аспиратор — по-

старайтесь не кашлять. Иначе все пропало. Зато вы сможете говорить.

— Бохэ... ше... уши... ошь!

— Полегче, полегче. Медленно, тихо. Не напрягаясь. Вам предстоит учиться всему, и говорить в том числе...

— Боже... все... полу... чилось!

— Это точно. Первая в истории человечества пересадка мозга. Теперь вы переживете нас всех. Это молодое и здоровое тело.

— Но я... черт... не чус... ничего... ниже шеи...

— Счастливчик, — хмыкнул доктор Хедрик. — Мы держим вас на релаксантах — на случай появления спонтанных движений. Надеюсь, теперь этот день недалек... — «Поживем — увидим», — добавил он про себя.

— Как... долго?..

— Не знаю. Впрочем, шимпанзе доктора Бойла восстановились очень быстро. Не беспокойтесь. Даже если вам придется осваиваться с новым телом месяцы или годы — у вас останется еще очень много лет впереди. Не удивлюсь, если вы дотянете до двухсот. А сейчас я осмотрю вас. Сестра, ширмочку.

— У пациента завязаны глаза.

— Ах, да, точно. Мистер Смит, скоро придет наш окулист доктор Фейнстейн, он решит, не повредит ли вам свет. А пока — сестра, уберите покрывало.

Впрочем, и без покрывала новое тело было более чем закрыто. Пластиковый корсет дыхательного аппарата простирался от шеи до лобка; руки и ноги были фиксированы мягкими ремнями с подушечками; мочеприемник и анальный дренаж функционировали нормально; в вены было введено шесть постоянных катетеров: для искусственного питания, для взятия крови на анализы — и просто на всякий случай. Все оплетали провода и кабели. Тело, скрытое всем этим, было достойно кисти Микеланджело — но сейчас, сию минуту, только врачи могли смотреть на него без содрогания.

Доктор Хедрик казался довольным. Он провел пальцем по подошве правой стопы: пальцы рефлекторно поджались. Впрочем, пациент, как и следовало ожидать, не прореагировал.

— Доктор Хедрик? — раздался голос от пульта.

— Да?

— Доктор Фейнстейн оперирует.

— Понятно.

Он жестом велел сестре укрыть пациента.

— Мистер Смит, вы слышали? Доктор Фейнстейн на операции, поэтому не сможет осмотреть вас. Может быть, это и к лучшему: слишком много впечатлений за один день. Пора спать.

— Нет. Вы... откройте... глаза... мне... глаза...

— Не могу. Подождем доктора Фейнстейна.

— Нет! Вы... здесь... главный...

— Именно поэтому я и требую, чтобы глаза вам открыл окулист.

— Черт по... бери... Джейка Сэ...лэмэна... позовите...

— Мистер Сэлэмэн в Европе. Мы известим его, что вы пришли в сознание. Может быть, завтра он будет здесь. Спите.

— Не хочу!

— Вы будете спать. Знаете, почему? Потому что я здесь главный. — Доктор Хедрик жестом показал Бреннеру, что надо делать. — Сейчас в вашу кровь поступит легкое снотворное, и вам очень захочется спать. Спокойной ночи, мистер Смит, — и еще раз мои поздравления.

— Черт... вас... невоз... невозможно...

Он уснул.

Потом на секунду полуочнулся:

— Юнис?

Да, босс. Все отлично. Спите.

И он заснул снова.

Глава 7

— Привет, Джейк!

— Здравствуй, Йоханн. Как чувствуешь себя?

— Как лиса в капкане. Правда, иногда эти сволочи вкалывают мне что-то, от чего становится этак светло-сладко. Так где тебя носило, старый негодяй?

— Я был в отпуске. Кстати, это был мой первый отпуск за пятнадцать лет. Имею право?

— Да ладно... О, как загорел! И похудел, кажется? Но вообще, Джейк, тем, что тебя не было рядом первые дни, — ты меня обидел. Наплевал в душу.

— Чушь, Йоханн. Откуда у тебя душа?

— Ты не прав, Джейк. Душа у меня есть, только я не очень любил ее демонстрировать... Ох, черт, как же ты был мне нужен!

— Я даже знаю зачем. Ты хотел, чтобы я мешал доктору Хедрику работать. Поэтому я и отсиживался в Европе.

— Скользкий ты тип, Джейк... Что было, то было. Теперь ты здесь. Понимаешь, этот Хедрик — неплохой врач, но слишком уж строг. По всяким пустякам. Это надо поправить. Я тебе скажу, что ты должен велеть ему сделать. А если он растопырит иголки, намекни, что незаменимых нет.

— Нет.

— Не понял?

— Чего тут не понять: нет. Я не буду этого делать. До сих пор я в работу доктора Хедрика не вмешивался, и результаты оказались неплохие. Пусть оно так и идет.

— Джейк, ради бога! Ты просто не понимаешь! Слушай, я ведь уже не в критическом состоянии! Я поправляюсь, Джейк! Знаешь, что я сегодня сделал? Я пошевелил указательным пальцем! Самостоятельно! Понимаешь, что это значит?

— Конечно. Ты уже можешь торговаться на аукционе. Или подзывать официанта.

— Дубина! Я ведь уже шевелил пальцами ног! Через неделю я *встану и пойду*, понял? Я уже дышу сам, без аппарата, и этот корсет — просто на всякий случай. И все равно — они обращаются со мной, как с лабораторной макакой. Разрешают бодрствовать совсем немного — черт, даже бреют меня во сне... и бог знает что еще вытворяют! Я так больше не могу. Я все время привязан. А во время физиопроцедур по крайней мере шесть человек меня держат... Если не веришь, загляни под покрывало. Я заключенный. В моем собственном доме!

Сэлэмэн не пошевелился.

— Я верю...

— Пересядь, мне так неудобно на тебя смотреть. Они мне даже голову привязали. Зачем?

— Я не знаю. Спроси врача.

— Да не буду я его спрашивать, я уже сыт по горло его сержантским тоном!

— А я не буду соваться в медицину, потому что ни хрена в ней не понимаю. Йоханн, давай по-простому: ты идешь на поправку. Подумай, стоит ли менять игрока, благодаря которому команда выигрывает матч? Я не верил в успех. Ты, по-моему, тоже.

— Н-ну... в общем, нет. Я просто решил сыграть на свою жизнь — буквально... И почему-то выиграл.

— Так почему ты даже не пытаешься быть благодарным, а ведешь себя как избалованный мальчишка?!

— Тихо, Джейк, тихо. Не бери пример с меня.

— Бог свидетель: с тебя я примера не беру! Я сам так думаю. Прояви свою благодарность. Возблагодари Всевышнего — и доктора Хедрика!

— И доктора Бойла, Джейк. Я благодарен им, Джейк, благодарен от всей души. Меня вырвали из самых когтей смерти — и я вновь надеюсь на долгую счастливую жизнь. А все, чем я рисковал, — это лишь пара недель невыносимой жизни... Я не могу выразить словами, как я рад. У меня прекрасное зрение, я вижу оттенки, о которых давно забыл. Я слышу высокие ноты... я прошу ставить пластинки с симфониями — и слышу, как звук пикколо поднимается, поднимается... и скрипки! Я слышу все высокие звуки — и мой голос стал выше: теперь у меня должен обнаружиться тенор. И я чувствую запахи, Джейк! Я миллион лет не чувствовал запахов! Сестра, пройдите рядом и дайте вас понюхать...

Сестра, приятная рыжеволосая девушка, улыбнулась, но от монитора не отошла.

— Мне уже разрешили есть, — продолжал Смит. — По-настоящему жевать и глотать. Пока раз в день. Ты знаешь, что заварной крем вкуснее, чем филе-миньон? Точно тебе говорю. Черт, все, оказывается, такое вкусное — я уже и забыл... Джейк, как чудесно жить — жить в этом теле! Я про-

сто не могу дождаться, когда можно будет рвануть за город, гулять по полям, лазать по холмам, любоваться деревьями, слушать птиц... А облака! И загорать, и кататься на коньках, и танцевать на улице... Ты когда-нибудь танцевал на улице, Джейк?

— Было дело. Давно, правда.

— А я вот никогда... Не хватало времени... представляешь? Все. Теперь я найду на это время. Кстати, кто у нас сейчас за главного?

— Байрам Тил, конечно. Все рвется посмотреть на тебя.

— Пусть на тебя смотрит. Я занят. Учусь пользоваться новым телом. Денег у меня сколько-нибудь осталось?

— Хочешь знать всю правду, как бы горька она ни была?

— Джейк, ты что, думаешь, меня может что-то напугать? Даже если пришлось заложить дом, чтобы заплатить этим бандитам... слушай, это же весело! Я еще ни разу в жизни не сидел на вэлфэре — и не намерен. Продержусь как-нибудь...

— Тогда собери все свое мужество: ты стал еще богаче, чем был.

— Тьфу, черт! А я только начал входить во вкус грядущей бедности...

— Старый ханжа.

— Что?

— Я говорю: старый ханжа. И не смотри на меня так. Ты же знаешь прекрасно, что твое состояние невозможно потратить. На всю эту затею ушли лишь проценты с процентов... Впрочем, могу тебя обрадовать: ты больше не хозяин «Предприятий Смита».

— Как это?

— А так. Я посоветовал Тилу занять денег и выкупить часть твоих голосующих акций. И сам сделал то же самое. И теперь контрольного пакета не существует: он разделен между мной, тобой и Тилом. Так все выглядит гораздо респектабельнее. Впрочем, если хочешь, можно вернуться в прежнее состояние.

— Ни в коем случае!

— Ладно, этот вопрос пока оставим открытым. Не хочу пользоваться твоей болезнью.

— Ты не понимаешь, Джейк. Если у меня нет контрольного пакета, то нет и моральной ответственности. Я с легким сердцем оставлю пост председателя совета директоров. Кто из вас — ты или Тил — займет его, мне безразлично.

— Поговорим позже.

— Как хочешь. Но я не передумаю. А теперь самое главное... Сестра, вам не надо что-нибудь вынести, или помыть руки, или проверить крышу — не смыло ли ее? Мне нужно приватно пообщаться с моим юристом.

Сестра с улыбкой покачала головой:

— Я не имею права отлучаться — но я могу отключить звуковой мониторинг, уйти в дальний угол и там включить видео. Тогда я не смогу вас услышать. Доктор Хедрик велел мне поступить именно так. Он знал, что вы захотите побеседовать наедине.

— Ничего себе! Паук-птицеед заговорил человеческим голосом! Так слушайтесь его, сестра!

Через минуту Смит тихо сказал:

— Ты это видишь, Джейк? И так во всем... Слушай, очень важно: у тебя есть зеркальце?

— Что? Никогда в жизни не было.

— Черт! Придешь в следующий раз, обязательно захвати. Хедрик — отличный врач, но он меня держит в смирительной рубашке. Я вчера спросил его: чье у меня тело? И он даже не потрудился соврать — просто сказал, что это не мое дело.

— Так оно и есть.

— Что — и ты тоже?!

— Контракт помнишь? Там...

— Я не читал. Ваша тарабарщина...

— Я объяснял, а ты не стал слушать. Тайна личности донора сохраняется, если нет его собственного специального разрешения на раскрытие ее... причем родственники должны подтвердить это после смерти донора. В нашем случае нет ни того, ни другого. Поэтому тебе никто никогда не скажет, чье это тело.

— У-у, крысы. Все равно ведь узнаю. Слушай: я никому не скажу, но сам-то узнать могу... сейчас?

— Не сомневаюсь, что ты до всего дознаешься. Но я не собираюсь помогать тебе обманывать покойного.

— Да-а... не ожидал от тебя, Джейк, что ты окажешься таким упрямым ублюдком. Ведь никому ни малейшего вреда! Принеси зеркальце. Сходи в ванную, поищи там. Были, я помню. И принеси...

— А зачем конспирация?

— Потому что они все меня от меня прячут. Ты же знаешь, я не слабонервный. Пусть тело в шрамах или... ну, я не знаю... короче, мне все равно. Но они не дают мне взглянуть на себя! Я даже рук своих не видел! С ума сойти...

— Йоханн, ты *действительно* можешь сойти с ума — если увидишь себя раньше, чем как следует окрепнешь.

— Ерунда, Джейк. Ты меня знаешь. Да пусть у меня будет свиная рожа в бородавках и багровых рубцах — выдержу. Ты помнишь — до операции я был страшен, как смертный грех. Хуже быть просто не может. Но меня бесит неизвестность...

— Йоханн, потерпи еще немного. Я ведь знал, что тебе не дают смотреться в зеркало...

— Скотина.

— Мы говорили на эту тему с психиатром. И он считает, что тебе действительно опасно видеть себя раньше, чем произойдет полное восстановление функций. Доктор Хедрик лишь выполняет его предписания.

Смит долго молчал. Потом сказал задумчиво:

— Странно... Я ведь *знаю*, что приобрел другое тело. Что же может случиться еще?

— Раздвоение личности — так он сказал.

— И ты в это веришь? Ну-ка, смотри мне в глаза!

— Какая разница — верю, не верю... Я некомпетентен, и мое мнение роли не играет. Но помогать обманывать врачей я тебе не стану.

— Так, значит, да? Ладно, Джейк. Тебе известно, должно быть, что в городе есть и другие адвокаты?

— Никого больше нет, Йоханн. Я, можно сказать, единственный из всех...

— Что ты несешь?

— Суд отдал тебя под опеку. Мне.

На некоторое время Смит лишился дара речи.

— Это заговор, — выдавил наконец он. — Ну, Джейк, не ожидал от тебя...

— Йоханн, Йоханн...

— Собираетесь держать меня взаперти все время? Или возьмете выкуп? Сколько? А судья тоже с вами? А Хедрик?

— Слушай, Йоханн, помолчи немного и дай мне сказать... Я сделаю вид, что ничего не слышал, хорошо? Так вот: у меня на руках постановление суда и протокол заседания, судья сам дал их мне, чтобы ты мог прочесть. Слушай внимательно...

— Я и так слушаю. Как я могу не слушать? Я же заключенный...

— Йоханн, постановление об опеке отменят, как только ты сможешь самостоятельно прийти в здание суда и убедить судью Мак-Кэмпбелла — ты его знаешь, он честный человек, — убедить его, что ты в здравом рассудке. Мне стоило немалых трудов стать твоим опекуном, потому что не я начал это дело.

— А кто?

— Йоханна Дарлингтон Сьюард et aliae — я имею в виду твоих остальных внучек.

— Ёб... — Смит зажмурился. — Джейк, я тебе бесконечно признателен. Приношу свои извинения.

— За что? — удивился Сэлэмэн. — Судья еще не признал тебя вменяемым — следовательно...

— Хватит, Джейк, сдаюсь! Ты мне уже напихал полный нос табаку! Ах, стервы! Моя маленькая Йоханна — нужно было утопить тебя при рождении! Ее мать, Эвелин, все сажала ее мне на колени и напоминала мне, что мы тезки. А эта мерзавка писала мне на штаны — в знак дружбы. Значит, Джун, Марла и Элинор с нею... ну-ну.

— Йоханн, они почти достигли своей цели. Я пошел на все, кроме государственной измены, чтобы дело попало судье Мак-Кэмпбеллу. И лишь тот факт, что я был твоим поверенным более пятнадцати лет, решил дело в нашу пользу. Это — и еще одно...

— Что?

— То, что твои внучки тупые. Если бы они сразу начали

добиваться опекунства, они бы его получили. Но сначала они решили доказать, что ты мертв.

— Ага. Слушай, Джейк, я — *потом* — смогу выкинуть их из завещания?

— По-моему, ты можешь сделать еще бóльшую гадость. Ты можешь пережить их.

— Это хорошая мысль. Так я и сделаю. Да, это будет забавно!

— Попытка доказать, что ты мертв, была глупой. Такой им адвокат попался. Эксперт за четыре дня подготовил материалы, и суд за четыре минуты решил дело по прецеденту «Поместье Парсонса против Род-Айленда». Я надеялся, что больше не увижу их; этот их пацан с купленным по дешевке дипломом просочился сквозь паркет... Но тут, понимаешь ли, в дело вмешался Паркинсон... а его адвокат — настоящий.

— Паркинсон? Наш малыш Парки? Слабоумный экс-директор?

— Угу.

— М-м... да. Фон Риттер был прав: не стоит никого унижать. Это чревато. Но он-то каким боком влез в дело?

— Формально — никаким. Просто Паркинсон и адвокат его тещи каждый день приходили в суд и консультировали твоих внучек. Йоханн, я решил пока оставить все как есть и не добиваться пересмотра дела: наши свидетели вряд ли смогут поручиться под присягой, что ты восстановишься полностью и сможешь вести дела. Тем более не могли они поручиться тогда... Согласием на признание тебя временно недееспособным мы выбили почву из-под ног твоих девочек и использовали их растерянность: убедили прокурора предложить опекуном меня. Ну, и все. А став твоим опекуном, я принялся тасовать акции: ссудил Тилу денег и продал ему часть контрольного пакета. Все чисто. Никаких залипух типа «десять долларов и прочие ценности»... Таким образом мы собрали новый контрольный пакет: собственные акции Тила, плюс мои, плюс те, которые я ему продал. Потому что, если суд пересмотрит свое решение, завтра же явится Паркинсон, предъявит по-

ручение от внучек — и вышвырнет меня вообще, а Тила — из президентов. Все висело на волоске...

— Я рад, что ты справился. Ну, Парки...

— Еще ничего не кончилось. Впрочем, тебе пока беспокоиться не о чем...

— Я не собираюсь беспокоиться ни о чем! Я буду думать лишь о птичках, пчелках и кудрявых облачках. А есть буду только заварной крем. И пюре из чернослива — в таких баночках с детской мордой. И еще я страшно рад, что мой старый друг не всадил в меня нож, пока я был без сил, — и я страшно сожалею, что такая мысль могла прийти мне в голову. И все равно, Джейк, я продолжаю настаивать: ты мелкий, жалкий и вонючий трусишка в мокрых штанах, который не может даже стащить где-нибудь и принести мне маленькое грошовое зеркальце... Ладно, подождем, пока ты созреешь. Я ведь все понял: ты не хочешь портить отношения с психиатром на случай, если я все-таки сумею убедить судью, что могу сосчитать до одного и попасть ложкой в рот.

— Рад слышать, Йоханн. Ты явно поправляешься. Становишься все тем же мерзким и капризным старым пердуном, каким я тебя знал раньше...

— Спасибо, Джейк, — хохотнул Смит. — Я тоже рад видеть тебя в добром здравии. Пусть мы не доживем до дня, когда нам захочется быть вежливыми друг с другом!.. Что еще нового есть на свете? Ах, да! Где моя чертова секретарша? Где Юнис? Никто из этой банды гангстеров не знает, как ее найти... и никто не желает помочь, даже Гарсиа, который знает ее в лицо... Джейк, а ты?

— Я?.. — Сэлэмэн казался растерянным. — А ты знаешь ее адрес?

— Где-то на севере... надо узнать у бухгалтера. Да ты же ее отвозил домой, как сейчас помню!

— Отвозил... да, на севере — но эти кроличьи ящики такие одинаковые... Может, охранники запомнили? Стойтека... Йоханн, твои охранники сопровождали ее несколько месяцев, пока тебя не положили на стол. Может быть, они знают?

— Джейк, ты спятил? Ко мне же не пускают *никого!* Я не знаю, может, их даже давно нет нигде...

— Когда я уезжал в Европу, они продолжали работать. Впрочем... как раз перед операцией я разговаривал и с самой Юнис...

— И что?

— Н-ну... она не раскрывала всех своих планов, но я понял, что быть секретарем она больше не намерена... а жаль, потому что она отменный секретарь, и я охотно взял бы ее в свою контору...

— Естественно, старый ты козел. Но ты хоть сказал ей, что она в штате пожизненно?

— Сказал. Но она девушка гордая... Я постараюсь найти ее и вернуть — ну а если не удастся, всегда найдутся хорошие секретарши.

— Никакой другой мне не нужно.

— Я имел в виду...

— Догадываюсь, что. Ты бы нашел мне старую ведьму, а Юнис тем временем прибрал бы в свою контору.

— Йоханн, — с трудом сказал Сэлэмэн, — я клянусь всем, что для меня свято: ее нет ни в моей конторе, ни поблизости от нее.

— Ясно: тебя она кинула. Джейк, я спокойно вручаю тебе свою жизнь и состояние; но я убежден, что ты, как любой нормальный мужчина, попытаешься увести такую секретаршу.

— Nolo contenqere. Я предлагал ей работу — в любой момент. Она отказалась.

— Ладно, мы ее найдем. Ты ее найдешь.

— Даже не знаю, с чего начать поиски... Может быть, с мужа? Он, кажется, художник?

— Можно и так сказать... Я бы назвал его альфонсом — не в обиду Юнис будь сказано. Я наводил о нем справки. Картины его покупают плохо, живет он за ее счет, неграмотный... правда, не наркушник — и даже не пьет. Если в наших ведомостях Юнис уже не значится и адреса ее не сохранилось — поищи по агентствам фотомоделей, манекенщиц, актеров видео и прочее. Ищи обоих — парень не менее красив, чем Юнис, я видел его фото.

— Ладно, Йоханн, я обращусь в поисковое бюро.

— Лучше найми побольше детективов, черт побери!

— А если они вообще пропали? Знаешь, как это бывает?

— Он мог пропасть, это я допускаю. Она — нет. Ладно, на всякий случай — пусть детективы прочешут Развалины.

— Это будет очень дорого стоить.

— Не дороже денег.

— Хорошо. Впрочем, наверное, мы зря напрягаемся? Скорее всего, ее адрес есть в бухгалтерии. Или дать на лапу кому-нибудь в налоговой инспекции, чтобы они посмотрели обратный адрес на ее чеке... Я займусь этим.

Сэлэмэн встал, чтобы уйти.

— Постой, — сказал Смит. — Ты придешь завтра? Или позвонишь хотя бы? Передашь через Хедрика, как идут поиски...

— Не беспокойся, Йоханн. Буду держать тебя в курсе.

— Ну, спасибо, Джейк. Ты еще станешь скаутом-орлом. Скажи сестре, что она может занять свое место. Сейчас меня будут усыплять...

В соседней комнате Сэлэмэн остановился поговорить с доктором Хедриком.

— Неловко получилось, — сказал Хедрик.

— Да уж... Долго вы еще не позволите ему посмотреть на себя в зеркало?

— Трудно сказать. Это компетенция доктора Розенталя, а он советует тянуть, пока тянется. Пациент еще очень нестабилен.

— Я его понимаю.

— Мистер Сэлэмэн, у меня такое впечатление, что вам надо принять транквилизатор.

— Он на спирту?

— Да. Шотландского производства.

— Годится. И без воды.

— Я, пожалуй, тоже приму дозу... Тяжелый случай. Особенно, как подумаешь, что мы творим историю медицины...

Глава 8

Доктор Гарсиа прижал ватку со спиртом к месту укола.

— Минуты через три будет готово. Десять кубиков такого зелья — и вы вполне сможете распоряжаться собственным повешеньем.

— Спасибо, доктор, — Сэлэмэн вздохнул. — Я не совсем понял: что сегодня беспокоит Йоханна?

Хедрик потер подбородок:

— Он молчит. Не хочет говорить с нами. Требует вас.

— Он уже знает? А если да, то что дальше?

— Доктор Гарсиа, что вы думаете? — посмотрел Хедрик на коллегу.

— Я уже говорил. Он выздоровел. Он еще слаб — но это потому, что он все время лежит. Постельный режим можно отменять.

— Доктор Розенталь?

Психиатр пожал плечами:

— Сознание — вещь удивительная... чем больше я его познаю, тем меньше могу сказать что-то определенное... Но с доктором Гарсиа я согласен: больше держать пациента в постели нельзя.

— Боюсь, что так... — вздохнул Хедрик. — Единогласно.

— А добровольцем, значит, назначили меня? — уточнил Сэлэмэн.

— Методом исключения, — сказал Хедрик. — Он просто не хочет разговаривать ни с кем из нас. Но мы, конечно, будем наготове...

— Ладно, я пойду, — вздохнул Сэлэмэн. — Будь что будет. Интересно, что я совсем не волнуюсь... ваше зелье действует, похоже...

— Джейк! — закричал Смит, увидев его. — Где тебя носило три недели? Что ты делал такое важное?

— Работал, что еще? — проворчал Сэлэмэн. — В отличие от тебя, я работаю, знаешь ли...

— А что это за слухи о твоей болезни?

— Сердце прихватило — ну, и затолкали меня в койку... десять дней провалялся. Я думал, ты не знаешь. Ладно, не одному тебе валяться...

— Что насчет Юнис?

— Пока пусто. Поисковое бюро ежедневно посылает мне отчеты, как хорошо они работают... могу принести, у меня их целый ящик.

— Насрать. Мне нужна Юнис, а не отчеты. Ох, стрекоза: ну, не хочешь у меня работать — так хоть навести больного! Ладно, это все потом... Сестра, вы не можете нас покинуть?

— Доктор Хедрик сказал, — добавил Сэлэмэн, — что вы можете оставить пост. Мистер Смит не повесится на люстре, даже если у меня и нет диплома медсестры.

— Да, доктор Хедрик предупредил меня, — сказала медсестра. — Но, если я понадоблюсь, нажмите кнопку.

Она улыбнулась и вышла.

— Не ожидал, — удивился Смит.

— Ты почти поправился, — сказал Сэлэмэн. — Хедрик так и сказал.

— «Бойся данайцев, дары приносящих...» Джейк, наклонись, будем говорить шепотом. Эти ребята вполне могут воткнуть микрофончик...

— К маразму добавилась мания преследования?

— У таких молодых, как я, не бывает маразма. А что касается мании... то лучше перебдеть — не так ли? Я не хочу, чтобы мои слова кто-нибудь повторил в суде. Поэтому давай сюда ухо... Джейк, я почти уверен, что мое новое тело — женское!

У Сэлэмэна зазвенело в ушах, и он обрадовался, что Гарсиа оказался таким предусмотрительным.

— Интересная мысль, — протянул он. — И что теперь? Вернешь его в бюро рекламаций — и потребуешь новое?

— Не корчи ты из себя идиота. Какое бы тело ни было — оно мое. В конце концов, половина человечества ходит в женских телах — и ничего... Будет странно поначалу, но, думаю, привыкну. Если я прав, то все становится на места: то, что меня привязали, не дают смотреться в зеркало... Они боятся, что у меня поедет крыша, но ты же знаешь — я не такой слабак. Джейк, быстрее, пока не вернулась сестра: я мужчина или женщина?

Сэлэмэн сидел неподвижно.

— Йоханн... — выдохнул он наконец.

— Что? Ну, Джейк?

— Ты женщина.

Некоторое время Смит молчал. Потом сказал медленно:

— Наконец-то знаю точно... Значит, не свихнулся. Ладно, Джейк, как так получилось?

— Договором пол оговорен не был... ни пол, ни раса... сказано было лишь: «здоровое тело в возрасте от двадцати до сорока лет» — и группа крови.

— Да, это я упустил из виду... думал, подразумевается само собой... Конечно, сердца же пересаживают, невзирая на пол донора... Впрочем, все правильно: не стоило вдвое уменьшать шансы, делая такую оговорку. Ну что же: теперь можно не прятать зеркало, не так ли? Зови этих упрямых — и я не желаю слышать никаких отговорок!

— Ладно.

Нажатием кнопки Сэлэмэн вызвал сестру, а сам вышел. Его не было минут пять. Потом он появился в сопровождении всех трех врачей и еще одной медсестры, которая несла зеркало.

— Как чувствуете себя, мисс Смит? — спросил Хедрик.

Смит криво усмехнулся.

— Сразу «мисс», да? Впрочем, спасибо, все хорошо. Крыша на месте. Могли бы сказать давным-давно, не мучить неизвестностью.

— Возможно. Но я имею право делать только то, что наверняка не повредит пациенту.

— Я понимаю. Но теперь, когда мы достали кота из мешка... пожалуйста, дайте мне посмотреть на себя.

— Хорошо, мисс Смит.

Доктор Гарсиа подозвал сестру с зеркалом и сел в изголовье. Доктор Хедрик встал слева от кровати, Розенталь — справа. Только тогда Хедрик взял зеркало и повернул его так, чтобы пациент мог видеть свое лицо.

Смит рассматривал себя сначала с интересом, потом с тревогой... потом лицо его исказилось от ужаса!

— Боже! Боже мой, что они с нами сделали! Джейк, ты знал?!

Сэлэмэн уже не мог сдержать слез:

— Да, Йоханн!.. Все время знал!.. Потому и не мог ее найти... потому что она была здесь! Здесь... и я... говорил с нею!.. — он зарыдал.

— Джейк, ну как ты мог! Как ты позволил им сделать такое! Юнис, Юнис, прости меня — я не знал!.. Я ничего не знал!

Рыдания наполнили палату.

— Доктор Гарсиа! — махнул рукой Хедрик.

— Уже.

— Доктор Розенталь, отведите Сэлэмэна. Сестра, помогите им! Он же упадет сейчас!

Вскоре стало тихо. Пациент спал. Доктор Гарсиа остался у кровати, Хедрик вышел.

Сэлэмэна он нашел лежащим на кушетке в соседней комнате. Доктор Розенталь сидел рядом. Хедрик вопросительно посмотрел на него, и тот сделал знак: «нормально».

Хедрик подсел к кушетке, взялся за запястье Сэлэмэна, сосчитал пульс.

— Как себя чувствуете?

— В порядке, — сказал Сэлэмэн. — Как... она?

— Спит. Вы ее любили?

— Оба. Доктор, она была ангелом.

— Плачьте. Не надо сдерживаться. Слезы омывают душу. Нам было бы легче жить, если бы мы могли плакать, как женщины. Правда, Розенталь?

— Да. Народы, которые позволяют мужчинам плакать, почти не нуждаются в людях моей специальности... Мистер Сэлэмэн, я оставляю вас в надежных руках. А мне пора за скальпами... Я вам больше не нужен, доктор?

— Приходите утром.

— До свидания, доктор Розенталь. Спасибо вам.

— Не за что, адвокат. И будьте начеку, а то этот ветеринар подсунет вам какой-нибудь порошок от блох...

Он вышел.

— Мистер Сэлэмэн, — сказал Хедрик, — в этом доме ужасно много кроватей. Может быть, вам стоит прилечь? А часов в десять я вам дам маленькую пилюльку, и вы проспите без сновидений до утра...

— Я в полном порядке.

— Вам виднее. Насильно я никого не лечу. Но я немного разбираюсь в людях... и за вас беспокоюсь больше, чем за моего пациента... Когда вы сказали «ангел», то имели в виду донора, а не мисс Смит?

— Да.

— Мне как-то не приходилось иметь дело с ангелами... врачи узнают людей не с лучшей стороны, знаете ли... но тело действительно достойно ангела. Надеюсь, оно поможет нашей пациентке оправиться от шока. Значит, если вы ложитесь...

— Нет. Я не могу спать здесь.

— Не настаиваю. Тогда я сейчас послушаю ваше сердце, измерю давление — и, если что-то не в порядке, вызову вашего врача.

— Он не ездит по домам.

— Тогда он не врач. Врач должен быть там, где он нужен, и точка. Не положено так говорить о коллегах, даже если они бездельники, думающие только о деньгах... так что не выдавайте меня, а то исключат из профсоюза. Раздевайтесь.

— Спасибо, доктор. И пилюлю давайте — приму ее перед сном. Я никогда не глотаю таблетки, но сегодня особый случай...

Через несколько минут Хедрик закончил работу.

— Одевайтесь... Мистер Сэлэмэн, я не так натаскан, как док Розенталь, — но я хороший слушатель. Вам надо выговориться. Самое страшное позади, Йоханн Смит знает, что он мисс Смит, к этому он отнесся достаточно спокойно... а вот то, что это тело принадлежало его секретарше, потрясло его по-настоящему. Но теперь кризис позади. Если что-то еще гнетет вас — попробуйте сказать. В медицине, как и в юриспруденции, есть понятие приватности...

— Я бы и хотел сказать... да вот не знаю что.

— Расскажите, как могло случиться, что такая замечательная девушка погибла. Я ведь ничего не знаю, даже имя сегодня услышал впервые.

— Да, секретность специально оговаривалась... Не знаю, зачем... не знаю. Что-то детское, романтическое: подарить

свое тело боссу, да так, чтобы он не знал, от кого этот подарок... хотя бы поначалу. Нелепо — но очень в ее характере. И смотрите — она оказалась права. Старик Йоханн воспринял это очень тяжело.

— Значит, мы все делали правильно. Не потому, что пациента могла шокировать перемена пола, а из-за близких отношений между ним и донором.

— Не только пациента. Доктор, клянусь, не годись я ей в дедушки — в лепешку бы разбился, но женился бы на ней. И Йоханн — то же самое. Поэтому то, что произошло, ударило по нему гораздо сильнее, чем ударило бы просто сообщение о ее смерти.

— А что произошло? Дорожная авария?

— Нет. Ее убил грабитель. Наверное, психопат... теперь уже не узнать, потому что охранники пришибли его на месте. Они же и спасли ее... точнее, ее тело. Мгновенно доставили в больницу — думали, ей еще можно помочь...

— А как же охранники допустили, что какой-то подонок?..

— Девочка хотела сэкономить десять минут. Она была донором, у нее четвертая отрицательная группа...

— Вот оно что! А я никак не мог понять, почему лицо нашей мисс Смит мне так знакомо! Конечно же, я видел ее несколько раз в клинике. Красивая девушка, очень дружелюбная. Одетая в таком... м-м... экзотическом стиле.

— Эротическом, вы хотели сказать. Да, это была Юнис. Она знала, что красива, и не старалась скрыть это. И вела себя так же.

— Жаль, я не познакомился с нею.

— Жаль. Ваша жизнь стала бы богаче... Ее вызвали сдавать кровь, охранников отправили, чтобы встретили ее у двери и проводили до машины. Но она живет... жила... на девятнадцатом уровне, а автомобильный лифт не мог поднять броневик Йоханна. Не дожидаясь охраны, она решила спуститься на пассажирском лифте...

— Бедняжка. Не знала, что десять минут роли не играют — если мы знаем, что донор на пути к нам.

— Знала, не знала... она всегда старалась успеть. Всегда и во всем.

— Все равно жаль... Так сколько, вы сказали, вам лет?

— Я не говорил. Скоро будет семьдесят два.

— Выглядите моложе. Не столько лицо, впрочем, сколько тело.

— Да, лицо подкачало, я знаю.

— Я бы сказал, что оно своеобразное. А организм вполне пятидесятилетний.

— Я пользуюсь гормонами.

— Возможно, зря. Если хотите, можете ехать домой. Или оставайтесь здесь. Если останетесь, я проведу мониторинг вашего сердца. Чисто профессиональный интерес.

«Хочу убедиться, что ты не откинешь копыта, старина, — подумал Хедрик. — Бывает, что сердце не выдерживает куда меньших эмоциональных нагрузок».

— Вы правы, наверное, — сказал Сэлэмэн. — Я устал... Могу я лечь сейчас, а вы дадите мне две пилюли, чтобы я проспал часов двенадцать?

— Без проблем.

Джейк Сэлэмэн принял снотворное и вскоре уснул. Хедрик поужинал и предупредил ночную команду, что прибавился еще один пациент и что при малейшем отклонении показаний монитора пусть его, Хедрика, будят без всякой жалости. Потом он тоже лег и уснул; он никогда не испытывал потребности в тех лекарствах, которые прописывал другим.

А Йоханн Смит, несмотря на вливание снотворных, спал плохо.

— Юнис... — позвал он во сне.

Я здесь, босс. Спите, спите.

— Да, милая. Я просто хотел узнать, где ты.

Я здесь. Я никуда не делась.

Йоханн улыбнулся во сне и дальше спал спокойно, без кошмаров.

Глава 9

— Доброе утро, мисс Смит! Как вы себя чувствуете? — с этими словами дневная сестра поставила поднос на столик.

— Хочу есть.

— Это хорошо. Сегодня у нас горячая овсянка, апельсиновый сок и яйцо всмятку — им мы пропитаем маленькие тосты, чтобы легче было глотать. Сейчас я приподниму изголовье...

— Миссис Слоун!

— Да? Позвольте, я подоткну салфетку...

— Перестаньте, наконец, или я скажу, куда и что вам подоткнуть! Развяжите меня. Я могу есть самостоятельно!

Босс, не надо так. Она же просто хочет помочь.

Юнис?!

Конечно, дорогой, — я же обещала, что никогда не уйду от вас.

Но...

Тихо! Она что-то говорит...

— Мисс Смит, вы же понимаете, я не могу без разрешения. Пожалуйста, дорогая. Это так вкусно...

— Да-да-да, я понимаю, вы не имеете права без доктора Хедрика и все такое. Извините, я сорвалась...

Неплохо, босс!

— Но не старайтесь накормить меня, прошу вас. Лучше найдите доктора Хедрика и объясните ему, что у меня новый закидон. А если он не пойдет мне навстречу, то пусть вызывает мистера Сэлэмэна, потому что я отказываюсь принимать пищу из чужих рук.

Так лучше, Юнис?

Сойдет. Процентов десять успеха.

У меня нет практического опыта — быть леди.

Я научу, не беспокойтесь.

Юнис, ты правда здесь? Или я рехнулся, как они и предполагали?

Это мы обсудим потом. Сейчас будет разговор с доктором — не вздумайте упоминать обо мне... сами знаете, что они подумают. И тогда уж вам точно рук не развяжут.

Что же я, чокнутый — говорить врачам такое?!

Вопрос несуществен, неправомочен и не по существу дела — так, кажется, выражается наш друг Джейк? Главное, не проболтайтесь Хедрику, что я здесь... а то они наверняка решат, что вы спятили. Так что я помолчу...

Не исчезай!

Я не исчезаю. Я просто помолчу. Будем разговаривать, когда рядом никого нет. Если начнете делать ошибки — я поправлю.

Будешь пилить меня, да?

Йоханн услышал ее негромкий смех.

А что я делала все время? Т-с-с, сюда идут копы!

Сопровождаемый доктором Гарсиа, вошел доктор Хедрик.

— Доброе утро, мисс Смит.

— Доброе утро, джентльмены.

— Сестра сказала, что вы хотите попробовать есть самостоятельно.

— Совершенно верно. И не только это. Я хочу, чтобы меня освободили совсем от этой сбруи!

— То, что вы хотите есть сами, — хорошая идея. Надо попробовать. Что касается остального... тут надо подумать.

— Доктор, но ведь маскарад окончен. Короче, если вы не освободите меня, я объявляю голодовку. Позовите моего юриста.

— К счастью, мистер Сэлэмэн в доме...

— Пусть придет!

— Подождите минутку, пожалуйста... — доктор Хедрик бросил взгляд на Гарсиа, который склонился над монитором; Гарсиа кивнул. — Согласимся на компромисс?

— Смотря что... — *Босс, заткнитесь!* — Хорошо, доктор. Я слушаю.

— Мистер Сэлэмэн — пожилой человек, вчера у него был тяжелый день, он только что встал и еще не завтракал. Как вы смотрите на то, чтобы позавтракать вчетвером? Но полностью отсоединять вас от всяких трубок мы пока не будем, слишком сложная система... Отложим пока — и посоветуемся за завтраком с вашим опе... юристом. Как он скажет, так и будет. Если он решит, допустим, заменить меня...

— Опекуном, чего уж там, — усмехнулся Смит. — Давайте все так и сделаем. Надеюсь, заменять он вас не станет. Я несносный пациент, я удивляюсь вашему терпению, и... огромное вам спасибо...

— Договорились, мисс Смит.

— Мне будет приятно, если вы, джентльмены, составите мне компанию за завтраком... но развяжите же мне наконец руки!

Босс!

Что-то неправильно, малыш? А мне казалось, что я становлюсь настоящей леди?

Да — но ни в коем случае нельзя садиться за стол с мужчинами, не приведя себя в порядок! Мы без макияжа, и волосы не расчесаны! Это ужас!

Но ведь будут только наши врачи — и Джейк...

Это принципиально! Я знаю, что такое быть девушкой. Так что — никаких возражений! Разве я хоть раз пришла на работу ненакрашенной и с пучком соломы вместо прически? Всегда вставала чуть свет...

— Что-то беспокоит, мисс Смит?

— Нет, все в порядке. Так, мысли... Если я теперь — леди, то и вести себя должна, как леди. То есть: причесаться и накраситься. Доктор Хедрик, не могли бы вы прислать мне сестру... Минни? Или Дженни?.. Мисс Джерстен. Она, кажется, разбирается в косметике.

Еще как, босс! Никто и не замечает, что у нее крашеные волосы.

Мя-ау! Спрячь коготки, котенок!

— Винифред Джерстен, — уточнил доктор Гарсиа. — Сестра, найдите Винни. И заберите завтрак: все уже остыло.

Сорок минут спустя мисс Йоханн Смит была готова к приему. Короткие волосы, как могли, изображали модную прическу, и макияж был неплох, хотя...

Я могла бы и получше...

Кровать стояла так, чтобы мисс Смит могла полусидеть. Откуда-то принесли приличный халат. А главное — руки были свободны!

Но — они дрожали. Наверное, от волнения. Донести бы хоть что-нибудь до рта, не опозориться, не перепачкать бы халат...

Спокойно, босс! Еду я беру на себя!

Но...

Без «но». Знаете, сколько лет я ела? Тело помнит все. Так

что забудьте про калории, просто беседуйте с джентльменами. Заткнулись оба, они подходят.

— Мы можем войти?

— Пожалуйста, джентльмены. Доброе утро, Джейк. Надеюсь, ты выспался?

Протяните ему руку, босс.

— Спал, как ребенок.

— Значит, как и я, — Йоханн протянул Джейку руку, и тот, на секунду замешкавшись, поцеловал ее. Это было так неожиданно и так изумило Йоханна, что он чуть было не отдернул руку.

Боже, что это с Джейком? Он решил, что я педик?

Босс, вы — очень красивая девушка. Поговорим позже. Поприветствуйте гостей...

— Не прогоните? — спросил, входя, доктор Розенталь. — Я могу войти, мисс Смит?

— Рада вас видеть. Кто-то же должен растолковать этим джентльменам, что все мои шарики на месте.

— Меня вы убедите в два счета, — поклонился психиатр. — Должен заметить, что вчера вечером вы просто никак не выглядели — но сегодня!..

Йоханн подал ему руку, и Розенталь поцеловал ее, но не порывисто и испуганно, как Сэлэмэн, а тепло и с должным чувством. От такого поцелуя по руке пробежала дрожь.

Ой, что это?

Не подпускайте его к себе, босс. Это настоящий волк.

Розенталь отпустил руку не сразу — выпрямился, улыбнулся и только тогда отошел. Йоханн хотел спросить, всегда ли он так ведет себя с пациентами, но сдержался. Тем более что два других врача не приложились к руке, и это его слегка удивило. Йонни Шмидт родился и вырос там (и тогда), где (и когда) поцелуи руки не практиковались; Йоханн Смит к этому обычаю тоже не привык; но мисс Смит начинала понимать прелесть этого давнего обычая. У нее слегка закружилась голова.

Ее отвлек голос, прозвучавший от двери:

— Можно накрывать, мисс Смит?

— Каннингэм! Рад вас видеть. Да, накрывайте, конечно.

Дворецкий отвел взгляд и сказал напряженно:

— Хорошо, мисс.

И слуги, сервировавшие стол, и дворецкий — все двигались, как зомби. Это было даже немного страшновато.

Да они отчаянно трусят, бедолаги!

Ну, так успокойте их, босс.

— Подойдите, Каннингэм.

— Слушаюсь, мисс.

Дворецкий сделал несколько шагов и остановился.

— Ближе. Еще ближе. Посмотрите на меня. Прямо на меня. Не отводите глаз. Вас шокирует то, как я выгляжу?

Каннингэм стоял, молча вытянувшись; его кадык прыгал.

— Ну, еще бы не шокировало. Тем не менее это я. А теперь представьте, как это шокировало *меня* — ведь только вчера я узнал, что превратился в женщину. Я намерен приспособиться к этому; надеюсь, что и вы приспособитесь. И запомните накрепко: внутри я все тот же придирчивый, вредный и противный старый пердун, который взял вас на службу лакеем-охранником девятнадцать лет назад. И я по-прежнему буду требовать исправного несения службы, а «спасибо» обещаю только по большим праздникам. Мы поняли друг друга?

На лице слуги проступила улыбка.

— Да, сэр... то есть, да, мисс.

— «Мисс» пишем, «сэр» в уме... У меня тоже все путается. Старым собакам трудно осваивать новые трюки. Как люмбаго миссис Каннингэм?

— Говорит, что лучше. Спасибо, мисс.

— Передайте ей мой привет. А теперь можете работать.

Завтракали почти весело. Мисс Смит пригубила вино, которое Каннингэм аккуратно и бережно капнул в ее бокал. Вкусовые ощущения были неимоверны, язык обожгло словно глотком старого бренди, а внутри все затрепетало от восхитительного аромата. Неужели обычное шабли может быть таким?.. Нет, с вином мы повременим, решила она и перешла на апельсиновый сок.

Разговор за столом в основном касался хозяйки, но уже не как пациентки: мужчины наперебой пытались привлечь

ее внимание. И лишь Джейк ел мало и без аппетита — и старался не встречаться с нею взглядом.

Юнис, как быть с Джейком?

Не торопитесь, время покажет...

Когда Каннингэм подошел забрать ее тарелку, она удивилась: незаметно с тарелки исчезли яичница и два гренка, а также одна из трех сосисок.

— Кофе, мисс?

— Не знаю. Доктор, мне можно кофе?

— Думаю, теперь вам можно все.

— Первый мой кофе за десять лет — это надо отметить. Каннингэм, полчашечки для меня, по полной для джентльменов — и бутылочку «Мумм» девяносто седьмого года.

— Сию минуту, мисс.

— А если среди нас есть брюзги, которые не пьют шампанское по утрам, — так скатертью дорога!

Таких, естественно, не оказалось. Когда бокалы были наполнены и пена осела, доктор Хедрик поднялся на ноги:

— Джентльмены, тост! За нашу любимую очаровательную хозяйку — долгих ей лет!

Мужчины выпили стоя — и разбили бокалы. На глаза мисс Смит навернулись слезы.

— Благодарю вас, джентльмены. Новые бокалы, Каннингэм. Джентльмены, я прошу вас встать еще раз. Я хотела бы выпить за доктора Бойла... и за тебя, мой старый друг Джейк... и за вас, доктор Хедрик, и за всех остальных врачей и сестер, которые помогали вам и доктору Бойлу... и на которых я кричала, не в силах сдержаться... Но все это позже. Потом. А сейчас я хочу выпить... — слезы потекли по лицу, — за вечную память самой нежной, самой очаровательной и самой красивой девушки, которую я когда-либо знал... за Юнис Бранка.

Выпили молча. А потом Джейк рухнул на стул и закрыл лицо руками.

Доктор Хедрик и доктор Гарсиа тут же оказались около него. Йоханн беспомощно смотрел на все происходящее.

Я должен был предусмотреть... но это же от чистого сердца, от чистого сердца...

Все правильно, босс. Джейк должен понять наконец, что я умерла. Кстати, вы тоже.

Разве ты умерла, Юнис?

Не придавайте значения словам, босс. Конечно, я здесь. Я же обещала, помните? Что никогда вас не брошу. А разве я нарушала свое слово?

Никогда.

Не нарушу и на этот раз. Надо позаботиться о Джейке.

Как, девочка?

Придет время, скажу. Поговорим позже, когда будем одни.

Доктор Розенталь склонился над нею.

— С вами все в порядке, дорогая?

— Со мной — да. Но ужасно жалко мистера Сэлэмэна. Как он?

— Все будет в порядке. Мисс Смит, не вините себя — вы поступили правильно. Катарсис был ему необходим. Что касается физического здоровья — то пациент в руках доктора Хедрика, а доктор Хедрик за всю свою практику не потерял ни одного больного. В доме есть все, что может пригодиться... а мистер Сэлэмэн даже не болен: ему нужно просто прилечь... и, может быть, принять таблетку.

Розенталь сидел рядом, пока убирали комнату. Потом вернулись доктора Хедрик и Гарсиа.

— Как Джейк? — спросила она.

— Дремлет. Просил прощения за «спектакль» и «скандал» — так он выразился. Впрочем, таблетка избавила его от дальнейшего самобичевания. А вы как?

— Может выдержать шесть раундов, — усмехнулся Розенталь.

— Тогда начнем совещание. То, что я хочу сказать, мистер Сэлэмэн знает и одобряет. Мисс Смит, я вас больше не лечу.

— О, доктор Хедрик, нет! Нет!

— Да. А знаете, почему? Потому что я вас уже вылечил. И со спокойной душой передаю моему коллеге доктору Гарсиа.

Доктор Гарсиа молча поклонился.

— Но... как же так? Вы будете хотя бы изредка... навещать меня? Или нет?

— Обязательно. Но, боюсь, не скоро. Видите ли, предстоит очень интересная трансплантация: сердце и оба легких. Мне предлагают принять участие. До сегодняшнего утра я колебался, но после того, как увидел вас, позвонил и сообщил о своем согласии. Поэтому прошу извинить — но я вас покидаю.

Мисс Смит с тяжелым вздохом протянула ему руку:

— Я понимаю, это ваш долг...

Он наклонился.

— Вы забыли продезинфицировать кожу, — лениво напомнил Розенталь.

— Катитесь, Рози! — и доктор Хедрик приник к руке. Йоханну показалось, что он вложил в поцелуй вдвое больше чувства, чем накануне Розенталь. Мурашки пробежали по руке. Хороший обычай, его надо поощрять...

Не завалить ли нам его, босс?

Юнис!..

А что? Мы теперь сиамские сестрички, и тайн у нас нет. Вам же хотелось со мной переспать? Но — увы... Однако вы это знали, и я это знала. И теперь тоже не получится. Вот с ним — пожалуйста. Кстати, это лучший способ сказать «спасибо» мужчине. Но — аккуратнее, дорогуша, по нему видно, что у него ревнивая жена...

Юнис, я даже обсуждать такое не могу! Ты такая милая девушка... к тому же замужняя...

Увы, дорогая, — уже нет. «Покуда смерть не разлучит нас...» — а я переступила этот порог. Теперь я просто дух. К тому же этот доктор напоминает мне моего вдовца... Ну же — он уходит! Хотя бы улыбнитесь, если эта идея у вас мелькнула...

Мисс Смит улыбнулась:

— До скорого свидания, доктор. До скорого, я подчеркиваю. Надеюсь, вы навестите меня при первой же возможности.

Вы делаете успехи, сестричка, и неплохие успехи...

— Мисс Смит... — начал доктор Гарсиа.

— Да?

— Если вы готовы, я сейчас позову сестер, и мы отсо-

единим вас от всех этих приспособлений. Я могу дать общий наркоз — но лучше провести анестезию.

— Все в ваших руках, доктор.

В течение часа она слушала записи: от классического рока, к которому Йоханн так и не привык за всю свою предыдущую жизнь, до фолькcмюзик, сохраняющей свою популярность еще с времен, предшествовавших его рождению. С ее телом что-то делали, и несколько раз она чувствовала какие-то перемещения внутри себя, а один раз — острую боль, и все равно — ощущения были почти приятные.

Да, не так бы вело себя старое тело... кстати, где оно? По завещанию оно должно было отойти медицинскому колледжу — но, поскольку Йоханн Смит не умер, завещание не вступало в силу... Надо будет поинтересоваться. Сейчас старое тело чем-то напомнило ему тот чрезвычайно подержанный «Форд-I», который они с приятелями на пятерых купили в Балтиморе за семьдесят долларов и на котором пересекли всю страну — без фар, без тормозов (тормозили двигателем), без прав, без инструментов — безо всего! Но маленький уродливый автомобильчик тащил и тащил их на себе во всю мощь своих трех цилиндров (впрочем, не всегда трех), разгоняясь иногда до двадцати пяти миль в час. На стоянках они поливали спицы водой, чтобы те не повыпали... На грязной дороге где-то в Миссури машина чихнула и стала. По запаху нашли прогоревший провод, скрутили, обернули пипифаксом... крутнули заводную ручку, и мотор застучал...

Наконец она почувствовала, что ее моют. Потом сменили простыни и подкладки, убрали ширму. Две сестры ушли, унося какой-то большой ящик.

— Вот и все, — сказал доктор Гарсиа. — Ничего страшного, не правда ли?

— Ничего абсолютно. Все великолепно... — она пошевелила пальцами ног, ступнями, приподняла и опустила ноги. — Великолепно! Свободна наконец! Доктор, раз я больше не присоединена ко всяким трубкам и проводам — нельзя ли мне перебраться на собственную кровать?

— Зачем?

— Там мне будет уютнее, чем на больничной. Причем,

если вас это волнует — моя кровать может делать все то же, что и эта, плюс кое-что еще: например, опускаться почти на уровень пола. Когда-то я упал с кровати — и решил подстраховаться.

— Хорошо. Договоримся так: на время сна вы обязательно будете опускать кровать, а для контроля сердечной деятельности поносите пока радиомонитор. Он легкий и почти незаметен на теле.

— Одобрено, подписано, зарегистрировано, стоит печать. А теперь, доктор, я хотела бы пошептаться с вами тет-а-тет.

Рыженькая сестра улыбнулась:

— Ну, меня вы можете не стесняться.

— Дорогая Винни, вы неплохо поработали с моим лицом, но кое-чего вы еще не поняли. Там, за этим лицом, все еще сидит вредный старикашка, который стесняется обсуждать свои интимные проблемы при молоденькой девушке. Но мне необходимо...

— Сестра, идите в ту комнату и отдохните. Я позову.

Тихо закрылась дверь.

— Доктор, микрофоны отключены?

— Да, мисс Смит.

— Зовите меня Йоханн. Это будет мужской разговор. Дело в том, что я практически ничего не знаю о своем новом теле. Его осматривал гинеколог?

— Да. Все в полном порядке.

— А подробнее?

— Вам представить его отчет или рассказать своими словами?

— И то, и другое. Но отчет можно позже.

— Ну... у вас правильное во всех отношениях женское тело, физиологический возраст — где-то около двадцати пяти. Груди девушки — это такой термин, означающий, что вы грудью не кормили. Следов хирургического вмешательства нет, из чего я заключаю, что аппендикс на месте, а трубы не перевязаны...

— Что это значит?

— Что вы можете забеременеть. Причем предупреждаю: у вас отрицательный резус, значит, резус-положительные

мужчины в отцы вашему ребенку не годятся. Да и для вас спонтанная беременность может плохо кончиться. Поэтому в таких случаях немедленно обращайтесь ко мне.

— Доктор, какого черта... почему вы так уверены, что я буду... а, дьявол, всего несколько часов, как я знаю, что женщина... ну, вы меня поняли? Почему вы так уверены, что я буду женщиной... во всем?

— Да потому что иначе быстро окажетесь у Розенталя или в другом подобном заведении... скажем, в женском монастыре. Природе надо уступать. В вашем теле нормальный женский гормональный баланс, и свой план поведения вы должны строить согласно ему. Кстати, у вас ведь уже был ребенок?

— Что?!

Босс, смените тему. Я сама расскажу, если вы так хотите...

Юнис, заткнись.

— А вы не знали? Я думал, раз это тело вашей секретарши, то вы должны были...

— Я не знал... да и сейчас верится с трудом. Юнис никогда не исчезала так надолго, чтобы выносить и родить ребенка.

— Это факт. Роды оставляют след. Если хотите, я могу...

— Не надо. Вашего слова достаточно.

— Я сказал это для того, чтобы вы были осторожнее. Детородный аппарат миссис Бранка находится в превосходном состоянии и уже прошел апробацию. Каждый лунный месяц он готов к работе...

— Я буду осторожна.

— Хотите лекцию по контрацепции?

— Не сейчас. Пока что у меня есть время, не так ли?

— Особо на это не надейтесь. Девушки, считающие дни, обязательно залетают.

— Это ужасно... Доктор, простите, но мне нужно переварить все, что я узнала сегодня. Пристройте на мне этот ваш маленький монитор, и пусть часа два меня не трогают, ладно?

— Разумеется! Позвольте, я приподниму пока эти поручни...

Глава 10

Юнис?

Хотите узнать о моем маленьком ублюдке? Грязный старикашка.

Да нет же! Я не хочу узнавать ничего такого, чего ты сама не стала бы мне говорить. Роди ты хоть пять засранчиков от какой-нибудь дикой обезьяны — мое отношение к тебе не изменится ни на йоту.

Старый сладкоголосый лицемер! Ты же просто помираешь от любопытства!

Ну, помираю. Все равно — это твое частное дело.

Не получается, босс. Теперь все наши дела — общие. Принимая во внимание нашу предельную близость... которая мне по душе, честное слово... Ты вернул меня к жизни, когда я была мертва... как в легендах. И вот — я счастлива. Будешь чуть настойчивее — и я сдамся...

Хорошо. Как это ты ухитрилась заиметь ребенка, о котором я ничего не знаю? А мне известна вся твоя биография, начиная со школы...

Ага! Помнишь, в том секретном досье была справка — я пропустила семестр из-за ревматической лихорадки?

Припоминаю.

Так вот, там переправлено. Это была «романтическая» лихорадка. Пятнадцать лет, спортивная фанатка — а наша баскетбольная команда как раз выиграла зональный турнир... и я так обрадовалась, что тут же залетела.

Юнис, леди не говорят «залетела».

Ох, босс, иногда ты такой зануда... По вашим правилам, я никакая не леди и никогда ею не была, — но у меня столько же прав находиться в этом черепе, сколько и у тебя, — а поэтому нечего обучать меня говорить так, как твоя мама. Тем более сейчас, когда у меня нет Джо, с которым я отдыхала от чопорности...

Извини, Юнис.

Ничего, босс. Я ведь люблю тебя. Просто мы уж слишком близки — и надо научиться расслабляться и получать удовольствие. Вот я подучу тебя кое-чему... А теперь слушай и не перебивай.

И ангельский голосок Юнис произнес несколько словечек — из тех, что были глухим табу во времена его юности.

Юнис! Пожалуйста, родная, это так не идет тебе!

Ужмись, босс! Я закончу, даже если ты попробуешь заткнуть уши. — Она договорила до конца. — *Ну, вот. Это список слов, от которых я воздерживалась в твоем присутствии. Среди них есть хоть одно, которого ты не знаешь?*

Разве в этом дело? Человек просто не должен использовать выражений, которые могут не понравиться другим.

Я никогда не использовала. На публике. Но сейчас-то я дома — или мне это только кажется? Не хочешь же ты, чтобы я ушла опять?

Нет, что ты, нет! Но... разве ты уходила?..

Конечно. Умирала, мне кажется. Но теперь я снова здесь — и хотела бы остаться. Если ты позволишь... Если я смогу расслабляться, получать удовольствие и не бояться обидеть тебя. И вообще — почему заумные латинские слова делают из меня леди, а нормальные английские, которые означают то же самое, — ни фига? Почему такая несправедливость? Мы думаем одним и тем же мозгом — твоим, едим одним и тем же ртом — моим, кстати, — и ссым через одну и ту же дырочку. Так какого черта мы не можем пользоваться одним и тем же словарем? Кстати, насчет поссать... о, простите, сэр, я хотела сказать, уринировать...

Девочка, полегче с сарказмом!

Кто это тут девочка? А сам? Ну-ка, пощупай, что это у тебя там между ног? О, как ты, бывало, пялился на мои ноги — меня просто в дрожь кидало! Так вот, я опять насчет поссать: пора звать сестру с уткой, потому что трубок больше нет. И учти: я не смогу выйти из комнаты... потому что вокруг очень темно, я могу заблудиться и не найти дорогу обратно... Поэтому ты или привыкнешь, или прогонишь меня навсегда, или наш новенький мочевой пузырь сейчас лопнет!!!

Я все понял, Юнис. Ты отлично объясняешь.

Ты не обиделся?

Ну, в одном ты можешь быть спокойна: на тебя я никогда не обижусь. Ты меня иногда удивляла, иногда смущала — но обидеть не могла никогда. Даже своим перечнем заборных слов.

А я ничем не рисковала. Если ты их знал, то обидеться не мог, — а если не знал, то тем более не мог...

Все, Юнис, ты меня уела. Никакой борьбы за чистоту речи! Никаких запретов на выражения! Замечу только, что все эти словечки я употреблял до того, как родилась твоя бабушка.

Ей шестьдесят восемь.

Точно. Задолго до того, как родилась твоя бабушка, я все эти словечки знал и с удовольствием употреблял, потому что это было нельзя.

Их теперь употребляют в обычном разговоре. Шорт-ток.

Нет, в шорт-ток они не входят. Все это было задолго до того, как видео принялось уродовать язык... Да, кстати — ты употребила-таки одно слово, которого я не знал. «Амамба» — это что?

Верно, тут я ошиблась, это слово не классическое. Оно означает... как это по латыни? — коитус...

Тьфу! Юнцы. Когда я был ребенком, то знал по крайней мере два десятка слов, означающих то же самое.

Не перебивай. Так вот: коитус с двумя или больше партнерами всеми возможными способами и в таких комбинациях, о которых я пока рассказывать не буду, потому что ты свалишься с кровати...

И все? Знаешь, деточка...

Что, сэр? То есть я хотела сказать: мисс Смит. Мисс... я тащусь! Кстати, как тебе Рози, а? В поцелуй ручки он вкладывает больше страсти, чем иной — в игры под простынкой.

Нежная моя, твои грязные мыслишки мечутся так, что я за ними не поспеваю!

Ничем не могу помочь — на самом деле это твои мыслишки, и я — всего лишь одна из них.

Юнис, заткнись, моя очередь говорить. Представь себе, в твоей амамбе нет ничего нового, еще древние греки и римляне так забавлялись. И вообще — на протяжении всей истории, даже в викторианской Англии... Я провел юность в самом сердце Библейского Пояса — и там это было, хотя и считалось чем-то сверхужасным. Юнис, поскольку мы с тобой решили быть совершенно откровенными друг с другом, разреши заметить: все, что ты когда-либо пробовала, видела, слы-

шала или воображала, я делал — и, если мне это нравилось, делал снова, и снова, и снова. Не считаясь ни с каким риском.

Несколько секунд длилось молчание.

Наверное, мы проще к этому относимся. Нет ни риска, ни запретов...

Сомневаюсь.

Ну почему? Я же говорила, что попалась в пятнадцать лет. А начала на год раньше.

Юнис, любовь моя, весь так называемый конфликт поколений происходит оттого лишь, что молодые не могут представить, что старики не всегда были стариками... а старики все еще живо помнят свою юность.

Босс...

Да, милая?

Я никогда так не думала. Я всегда знала, что ты остался молодым — просто заключен в старое тело, и все. Поэтому я одна из первых подписала контракт... точнее, Джо и я. Как только в Клубе редкой крови стало известно о такой возможности...

Юнис!

Ты мне веришь?

Верю... но ты заставляешь нас плакать...

Вытри нос и прекрати. Потому что все получилось очень хорошо. Так ты хотел услышать о моем маленьком ублюдке...

Только если ты сама хочешь рассказать. Юнис. Юнис, любовь моя. Моя единственная любовь...

Я же сказала, что хочу. Тем более что эта история может оказаться тебе полезной — в плане приобретения опыта... Или ту болезненную чушь, которую ты преподнес доктору Гарсиа, нужно принимать всерьез?

А что я сказал?

Что не собираешься становиться полноценной женщиной?

Я так сказал?

По крайней мере, я так поняла.

Ну, Юнис... я не так долго женщина, чтобы уже все понимать про себя. Слушай, вместо того чтобы вести себя как девушка, я сам на девушек заглядываюсь. Взять эту рыженькую...

Я заметила, как ты смотрел ей за вырез. Что ж, девочка что надо и лифчиков не носит... С ней может быть очень хорошо.

Юнис, что я слышу? Неужели ты имела... имела дело, я хотел сказать... с другими... ну...

Босс, давай без околичностей. Ты хочешь спросить, не лесбиянка ли я?

Нет, ничего такого! Но, может быть, я чего-то не понимаю? Ты ведь была замужем... или муж — это лишь прикрытие?.. Что ты имела в виду?

Еще раз: без околичностей. Говорим только прямо и простыми словами. Я не лесбиянка, и Джо сейчас тоже не гомик. Сейчас он нормальный кот, у которого всегда март. Кроме тех дней и часов, когда он работает. Тогда ему ни до чего нет дела. А вообще гомосексуальность — явление обычное, никого особенно не волнующее... да и постоянная пропаганда ограничения рождаемости... Но я никогда не бегала по «розовой стороне» — иначе не приключилась бы у меня «ревматическая лихорадка». С другой стороны, принципиально против девушек я ничего не имею — просто с парнями мне было интереснее. Ну, в какой команде играем? Или в обеих? Или обойдемся без секса?

Ой, нет, только не это! Я имею право голоса?

Обязательно.

Итак: предложение переспать с доктором Хедриком отклоняется, выдвинуто предложение затащить в постель девочку... надеюсь, мы не станем пришивать себе что-нибудь лишнее?

Юнис, не болтай чепухи! Любимая, хоть я и счастлив быть с тобой, но конфликт поколений продолжает довлеть... У меня есть дурная, но застарелая привычка: не говорить женщине всего, пока я с ней не в постели...

Но мы-то как раз в постели! Причем в одной и той же.

Ну да. Поэтому я и стараюсь, хотя мне трудно, говорить, как ты это назвала, «прямо и простыми словами»... Так вот: мне, конечно, трудно вот так сразу взять и стать настоящей женщиной, но еще до того, как мы начали этот разговор, я начал думать, и размышлять, и делать выводы: что это значит — быть женщиной... молодой... и богатой.

Богатой? Вот это мне и в голову не приходило.

Юнис, любимая, нам придется думать об этом. Поскольку мы будем, конечно, настоящей женщиной...

Ура-а-а!!!

Тише, милая. Так вот: будь мы бедны, то просто могли бы попроситься к Джо обратно. Если бы он, конечно, нас принял. Но мы не бедны. Хуже того: мы безобразно богаты. А от состояния избавиться куда труднее, чем его приобрести... Я уже пробовал однажды — безнадежно. Мне было семьдесят лет, и я решил слегка разбросать свой капитал, чтобы моим якобы внучкам досталось поменьше...

Якобы?

Якобы. Видишь ли, после того, как Эгнис, моя первая жена, умерла в родах, я озаботился тем, чтобы в дальнейшем доноры всегда были наготове. Ты знаешь схему наследования групп крови?

Скорее нет.

У моей второй жены была вторая группа, у третьей — третья. А у родившихся дочек — первая.

И что из этого?

Что я не был их отцом. У человека с четвертой группой не могут родиться дети с первой. Но мне это было неважно, на малышек я зла не держал — они же не были ни в чем виноваты... но их матери не допускали их ко мне... пока не оказалось, что я могу обеспечить их неплохим наследством... Тогда честная нелюбовь сменилась такой патокой... противно до сих пор. Но я не чувствую перед ними ни малейших обязательств, потому что они не мои внучки. Вот и все.

Мне нечего сказать.

Даже прямо и простыми словами?

Я думаю, что не наследственность всему причиной. Похоже на то, что ты обижен чем-то давним... стоит ли? Не к лицу...

Ребенок, ты не знаешь сама, что говоришь.

Возможно.

Не «возможно», а точно. Детей надо любить всегда. Юнис, я уже говорил, что моя первая жена, Эгнис, походила на тебя? Я любил ее, а она меня, как любить только мы могли...

...я был дитя, и она дитя в королевстве у края земли...

Ты помнишь это? И все было как в поэме: «Из-за гор черный ветер дохнул — и убил мою Аннабель Ли...» Мы прожили только год... но нашего сына я любил так же, как ее, и когда его убили, то убили и меня... когда мы встанем, напомни — я хочу найти его солдатский медальон, он где-то в шкатулке с драгоценностями.

Хорошо... Но, мне кажется, это ужасно: постоянно нести на руках своих мертвых...

Не знаю. Я горжусь мальчиком: он умер достойно, сражаясь за свою страну. Так вот, на его медальоне значится и группа крови. Первая.

О боже!

Ты все поняла, да? Мой сын был таким же моим, как и дочери. И это не мешало мне любить его.

Но... когда ты узнал? После его смерти?

Нет, конечно. После его рождения. А подозревал, что он не от меня, с того самого момента, когда Эгнис объявила, что она в положении. Но, Юнис, — я носил рога с достоинством и ни разу не дал ей понять, что я что-то знаю. Так что следующие мои жены меня не удивили ничем... По-моему, муж, ожидающий чего-то другого, обязательно нарвется на разочарование. Если вспомнить: я же сам проходил стажировку у замужних дам. И такое, думаю, происходит во всех поколениях. Рога же неприятны только тогда, когда они появляются неожиданно.

И ты думаешь, что все до единой женщины — такие?!

Нет, мне попадались верные пары. Думаю, и сейчас сохранились подобные.

Есть, конечно. Но не думай, что я из такой.

И я тоже. К тому же мне наплевать на статистику. Просто я думаю, что в браке следует ожидать всего, а кто не готов к этому, пусть чешет репу. Так вот, Эгнис: она была ангелом на звонких ножках. Это старый сленг, но, думаю, все понятно. За всю свою короткую жизнь она вряд ли кого ненавидела, а любила — как дышала. Во сколько ты начала, Юнис?

В четырнадцать. Ранняя шлюшка.

Может, и ранняя, но не шлюшка. Мой ангел Эгнис — она начала в двенадцать.

Не слабо, босс!

Я же говорю — вашему поколению мнится, что это вы изобрели секс. Впрочем, рекорд принадлежал не Эгнис — я помню девочку из начальной школы, которая дала, как ты говоришь, в одиннадцать — и при этом оставалась любимицей учителей и отличницей воскресной школы... Моя милая Эгнис была такой же — она просто не видела в сексе ничего грешного...

Но в сексе и нет ничего грешного!

А разве я сказал, что есть? Правда, поначалу я чувствовал себя не в своей тарелке... ей было шестнадцать, мне — двадцать, ее отец был проф по ветеринарной части, и я у него учился, меня пригласили на ужин в воскресенье — и представляешь, прямо в гостиной, на диване... я даже испугался.

Кого? Родителей?

Ну да. Они только-только поднялись наверх и еще не легли... а кроме того — возраст. В те времена выходить замуж можно было лишь после восемнадцати. Впрочем, даже не это... Я просто не ожидал.

И что?

Я не предохранялся. А мне был еще год до диплома, да и потом работа не маячила... и вообще — жениться меня не тянуло никогда.

Ничего не понимаю. Предохраняться — это дело девушки. Потому-то я и чувствовала себя дурой, когда попалась. И мне даже не мерещилось, что из-за этого парень должен на мне жениться... Когда я сказала родителям, они меня отругали, потому что пришлось платить штраф. А о замужестве и речи не шло. Меня даже не спросили, от кого я понесла...

А сама-то ты знаешь?

Ну... более или менее. Было так: наша баскетбольная команда, тренер, учитель гимнастики и нас трое, болельщиц, поселились в одном отеле. Потом взрослые ушли в город, а мы стали отмечать победу. У кого-то оказалась травка. Ну, марихуана. Я зобнула два раза и больше не стала — джин с имбирным элем мне нравились куда больше. Ничего делать я не собиралась, потому что моего парня там не было, а я была привязана к нему... Но когда наша капитанша — в команде болельщиков тоже есть капитаны, ты зна-

ешь? — начала раздеваться... что оставалось делать? Я посчитала в уме, получалось, что еще два безопасных дня у меня есть... Меня никто не заставлял, я все сделала сама... никаких цветов, втоптанных в грязь... В чем я могла обвинить парня?

Но твой ребенок, Юнис? Мальчик? Или девочка? Сколько ему лет? Двенадцать? Где он?

Не знаю... Я подписала отказ — чтобы отец мог получить назад деньги, которые... Это несправедливо: он еле наскреб эти пять тысяч, а всякие на вэлфэре рожают бесплатно и даже могут делать аборты...

Юнис, ты не ответила. Твой ребенок?..

Мне сказали, что он родился мертвым. Но они всем так говорят. Чтобы потом не искали...

Подожди. Деньги возвращают, если ребенок действительно погиб или был усыновлен. Твой отец получил их назад? Что он говорил?

Я не спрашивала. Это было... очень личное. Я переболела «ревматической лихорадкой» и никогда не разыскивала ребенка. В восемнадцать лет мне выдали лицензию на троих...

Это косвенное подтверждение того, что он жив. Мы вполне можем найти его.

Молчание.

Юнис?

Лучше не надо. Что умерло, то умерло.

Ты не хочешь детей?

Я о другом. Ты любил своего сына, хотя и знал, что он не от тебя — и это правильно. А в моем случае... где-то живет ребенок, которому я — чужая. Никто. Стократно никто — ведь меня же убили.

Юнис! О, дорогая!

Видишь сам — ничего не получается. Даже если мы найдем малыша, мы не сможем сказать ему, что я жива... потому что тогда нас опять привяжут, и уже навсегда. Но мы можем обзавестись твоим ребенком... Расскажи мне еще про Эгнис. Она правда была похожа на меня?

Да, очень. Если бы я верил в переселение душ, я бы решил, что в твоем образе ко мне вернулась Эгнис.

А ты не веришь?

Нет. А ты?

Тоже нет. Хотя почти все мои друзья верят. А я... у меня просто нет своего мнения. Впрочем, теперь мне, наверное, стоит его заиметь. Когда тебя убивают, а ты почему-то не умираешь — наверное, надо по-новому взглянуть на эти вещи. Ты же не считаешь, что я — всего лишь продукт твоего воображения?

Йоханн не нашел ответа.

Можешь признаваться, босс, я все равно не обижусь. Я знаю, что я существую, — и это перевешивает все доказательства. Тем более что нашу главную проблему мы так и не разрешили...

Какую?

Да утку же!

О, дьявол!

Расслабься, босс, надо привыкать.

Да не собираюсь я привыкать к ночным горшкам! Слушай, Юнис, ванная за дверью — неужели мы не сможем сделать пять шагов?

Лучше вызови сестру, пусть принесет утку. Потому что без разрешения доктора Гарсиа она нас туда не поведет, а доктор Гарсиа потребует, чтобы вызвали Джейка, а пока прибудет Джейк, мы уже уплывем...

Юнис, ты ужасная. Ладно, давай позвоним...

Босс, а не попробовать ли нам убрать этот поручень?

Я боюсь, что мы просто не дойдем... я ведь уже год не ходил.

Да, но это было до того, как ты получил это, пусть и секонд-хэнд, но почти-как-новое, после капитального ремонта, тело.

Думаешь, дойдем?

По крайней мере, доползти сможем.

Тогда — вперед!

Но сначала надо опустить эти треклятые поручни...

С поручнями пришлось повозиться. Конечно, мрачно думал Йоханн, пытаясь дотянуться до замков, если бы это было легко — значит, конструкция ни к черту... Наконец замок поддался.

Ну как, партнер?

Безупречно! Теперь, держась за край кровати, спускай ноги...

Йоханн встал, держась за поручень. Голова кружилась, все тело дрожало.

Все плывет...

Еще бы! Ладно, давай лучше ползком. И — тихо-тихо! Потому что, если Винни услышит, нас до конца дней будут кормить через решетку.

Ползти мешал халат. Пришлось повозиться, развязывая узлы на шее и спине. Йоханн поразился гибкости рук. Наконец, освободившись от мешающей тряпки, он дополз до двери в ванную и забрался на унитаз.

Ну, все...

Господи, хорошо-то как!.. Обратно попробуем на ногах? Или подзовем кресло?

Ноги держали, и голова не кружилась. Ходить было легче, чем когда-либо за последние двадцать лет. И все же... следовало быть поближе к перилам, предназначенным для старика, всегда боявшегося упасть. По перилам она дошла до трельяжа...

Боже мой, Юнис! Какая ты красавица!

Боже мой! Какая помойная сука! Грудь обвисла, а живот...

Бесподобно красивая! Юнис, дорогая, всегда мечтал увидеть тебя голой. И вот...

Да уж, зрелище... Морда — никуда, волосы торчат. И... точно. Мы воняем.

Эй, что ты?..

Ошиблась кнопкой. Фиг я отсюда выйду, пока не приму нормальную ванну. Так повелось от Вашингтона. Мы не можем в один день победить свои слабости — но мы можем стать чище.

Она повернулась и осмотрела свои ягодицы.

О, черт! Задница должна быть задницей, но это — настоящая жопа!

Юнис, это самая миленькая попка в штате. Нет — во всей стране.

Может быть, и была... И будет — обещаю. Завтра с утра начинаем заниматься. Все надо подтянуть и подобрать.

Не стану возражать — хотя я и сейчас считаю, что ты самая роскошная красавица, которую я видел в своей жизни. Да, Юнис — помнишь тот образ морской девы? Был на тебе лифчик или нет?

О небо! Нет, конечно, — там была только я. И краска. Но тогда мои груди были тверды, как скала: Джо что-то сделал такое с ними. Тогда я была в самом голом виде за всю историю нашего знакомства.

А кого это я разглядываю сейчас?

Я имею в виду — до того, как меня убили. Тогда я была «хорошей девочкой», не позволявшей увидеть больше, чем ты хотел, несносный развратник. Но и тогда ты мог увидеть все — стоило намекнуть...

Буду наверстывать упущенное — по пять часов в день перед зеркалом...

Так оно и будет. Упражнения перед зеркалом делать легче.

Дверь распахнулась.

— Мисс Смит!!!

— Мисс Джерстен, какого дьявола вы влетаете в сортир без стука?

Сестра не ответила. Она обхватила пациентку руками и заговорила быстро и тихо:

— Обопритесь на меня и пойдемте скорее в кровать. О, дорогая, не представляю, как скажу доктору Гарсиа! Он убьет меня... вы хоть в порядке?

— В полном порядке, конечно. Но вы не ответили.

Сестра чуть не плакала.

— О, пожалуйста, дорогая, не злитесь! Пойдемте скорее в постель, пока ничего не случилось! Может быть, доктор Гарсиа не будет так ругаться...

Сестра была не на шутку перепугана своим профессиональным проколом, и Йоханну ничего не оставалось, как позволить ей отвести себя к кровати.

— Дошли! А теперь держитесь крепче за мою шею, а я помогу вам закинуть ноги... Противная девчонка — я так испугалась!..

— Винни...

— Дорогая, ну, ложитесь же! Доктор будет страшно зол...

— Не так сразу. Но, если хотите наябедничать, идите сейчас. Я постою.

На лице сестры проступило отчаяние.

— Меня же уволят... внесут в черный список... Вы этого хотите, да? Что я сделала плохого?

— Винни, дорогая...

— Что?

— Я вовсе не хочу, чтобы доктор Гарсиа что-нибудь узнал.

Рука Йоханна легла на талию рыженькой сестры.

— Да, но... я обязана...

— Пусть это будет нашим маленьким секретом.

— Хорошо...

— Обещаете?

— Обещаю...

И тогда Йоханн поцеловал ее. В первый момент Винни казалась замороженной — но потом ее губы раздвинулись, и поцелуй сделался медленным и страстным.

Когда они оторвались друг от друга, сестра сказала:

— За это меня тоже могут выкинуть в один момент.

В голосе ее прорезалась хрипотца. Она как бы не замечала того, что Йоханн свободной рукой поглаживает ее грудь.

— Пока остановимся на этом. Не надо мне помогать — я лягу сама.

Сестра подняла с пола сброшенные халат и накидку, укрыла Йоханна простыней. На лице ее вновь появилось профессиональное выражение.

— Давайте опять наденем это, упрямая девочка разбросала одежду по полу... Я чуть не поседела!

— Выкиньте все это. Больше я такого не надену.

— Нет-нет, дорогая... Ладно, не будем накидку, но халат... или принести новый?

— Как раз накидка сойдет — а больничный халат я надевать не буду. Лучше уж ходить голой.

— Но доктор Гарсиа...

— К черту доктора Гарсиа! Его не касается, в чем я валяюсь в постели. Буду голой, пока мне не принесут что-

нибудь пристойное. Вы ночуете здесь? Не можете одолжить мне ночную рубашку?

— Я ночую здесь... но я не надеваю ночных рубашек.

— Ну и правильно. К черту ночные рубашки.

— Но в вашем гардеробе есть и ночные рубашки, и неглиже, и прочее...

— С ума сойти! И кто же это так распорядился?

— Не знаю. Но все это принесли и сложили, когда стало ясно, что скоро они понадобятся.

— Неплохо придумано. Тогда найдите мне ночную рубашку посимпатичнее — я буду тренироваться.

— Буду рада.

Сестра вышла из спальни.

Развратник. Совратитель малолетних девочек.

О, какая ерунда, Юнис! Это умный трючок с ее стороны, а я просто долго не мог сообразить, чего же она ждет от меня. Это потребовало времени... отвык.

Развратник. Тебе это понравилось!

Будто бы тебе — нет!

Почему же нет? Она целуется — не оторваться. Но кто-то мне недавно говорил, что спать с девушками аморально? Старый лицемер! И развратник.

Юнис, засунь свои грязные мыслишки сама знаешь куда. Я больше века учился понимать толк в девушках — а ты хочешь переделать меня за одну ночь? Я боюсь представить себе, что будет, когда нас поцелует мужчина...

Бедный босс — не может понять, педик он или лесбиянка. И наплюй, милый. Юнис поможет в трудную минуту — уж она-то знает, как это — целоваться с мужчинами...

Я представляю...

*Что, я опять сказала какую-то непристойность? Но я действительно знаю! Он, видите ли, боится представить. Босс, кто мне говорил, что он делал все? Правда, **все**?*

Слушай, маленькая ковырялка, я ведь не могу быть одновременно совратителем малолетних девочек — и голубым, хотя ты уже успела подвесить мне оба титула. Мои мемуары прочтешь позже. Но называя меня совратителем — кем ты считала Винни? Малолетней девочкой? Очень похоже...

По моей классификации она «честная давалка», а не «сов-

ратительница». Хотя, похоже, и заглядывает на розовую сторону Веселой улицы — но не живет там. Мужчины ей интереснее. Спорим?

Винни вернулась, неся по ночной рубашке в каждой руке.

— Я взяла две, вы выберете, которая больше понравится, мисс Смит...

— Винни!

— Да, мисс Смит?

— Никаких «мисс Смит». Хватит. Ты меня целовала? Или мне померещилось?

Развратник!

Юнис, заткнись. Она нам поможет.

Сестра покраснела и ничего не сказала.

— Ответ получен. Теперь назови меня... нет, черт, я не хочу, чтобы ты называла меня «Йоханн». Винни, дорогая, какое женское имя ближе всего к этому?

— Йоханна.

— М-да. В моей семье уже есть одна Йоханна. А еще?

— Ну... может быть, Джóан? Пишется почти также, а звучит иначе...

— Точно! Ты нашла мне имя! Будешь моей крестной. Ты не против того, чтобы стать крестной матерью старого-старого хрыча, который только что родился заново в образе девушки?

— Я польщена, — улыбнулась Винни.

— Теперь зови меня «Джоан», а не «мисс Смит». Да, нужно же еще второе имя. Юнис. Джоан Юнис Смит. Неплохо, правда?

Спасибо, босс...

Что ты, любимая...

— Винни, ты знаешь, откуда взялось это второе имя?

— Я не должна знать... — замялась сестра.

— Значит, знаешь. Это в честь той милой и доброй леди, которая подарила мне это чудесное тело — и я надеюсь, что она слышит меня, где бы ни находилась...

Слышу, босс!

— ...а теперь брось эти тряпки и подойди поближе. На-

зови меня моим новым именем. Пусть все будет как на настоящих крестинах. И поставь печать.

Маленькая рыжая сестричка, робея, подошла вплотную к кровати.

— Нарекаю тебя Джоан Юнис, — сказала она и поцеловала ее.

Если Винни и хотела отделаться формальным поцелуем, Джоан Юнис этого не допустила...

— Спасибо, милая, — оторвавшись наконец, Джоан провела рукой по щеке медсестры, и та медленно выпрямилась. — Теперь я Джоан. Джоан Юнис. Дай мне носовой платок... да и тебе он тоже нужен.

Ну, как?

Совратитель, ты делаешь успехи. Меня забросило куда-то в пятки...

Кого ты называешь совратителем, совратительница? Меня зовут Джоан Юнис.

Извини: Джоан — это ты, а Юнис — это я, а вместе мы — да, Джоан Юнис... и я никогда не получала лучшего подарка, босс. Джоан. И ты никакой не совратитель... а потому займись поскорее нашей крестной, если хочешь чего-то добиться...

— Какая рубашка тебе больше нравится... Джоан?

— Ой, Винни, я ни черта не понимаю в дамских нарядах. Какая больше нравится *тебе?*

— Ну... пожалуй, вот эта, в критском стиле. Как раз по твоей фигуре.

Нет, босс! Вон ту, с маленьким вырезом.

А я-то думал, ты гордишься своими титечками. Они ничуть не обвисли.

Не в этом дело. Поверь, я знаю, что делаю.

— Наверное, ты права, Винни... но я повременю появляться перед врачами и юристами в таком виде. Начнем понемножку приучать их... Кстати, а как ты узнала, что я в ванной?

— Монитор. Я увидела, что пульс и дыхание участились...

— Винни, темнишь!

— То есть... Джоан? — Винни опять покраснела.

— Я думаю, они зачастили минут за десять до того, как ты прибежала.

— А ты никому не скажешь?

— Сладкие Губки, давай договоримся: никто из нас не будет говорить никому ничего, если мы обе не решим, что это можно сделать. Один за всех, все за одного! Рассказывай, что случилось.

— Да ничего особенного. У тебя все было спокойно, и миссис Слоун задремала, а доктор Гарсиа пошел проведать мистера Сэлэмэна... а туалет был рядом с монитором...

— Понятно. У нас одновременно возникли одни и те же проблемы.

Винни покраснела — в который уже раз.

— Меня следует уволить. Я знаю, что так делать нельзя, нельзя так рисковать пациентом...

— Никто тебя не уволит. Доктор Гарсиа уйдет из этого дома раньше тебя... если ты захочешь задержаться, конечно. Как я выгляжу?

— Потрясающе! Я бы никогда не подумала — но этот халат идет тебе больше, чем тот, с открытой грудью...

Я говорила, босс?

— ...Давай я подкрашу тебе губы, помада стерлась...

— И как такое могло случиться?

— Ой, не спрашивай! Надо и мне подкрасить, пока доктор не вернулся. Джоан, можно я буду говорить «мисс Джоан» при докторе? Он такой строгий...

— Да чтоб его намочило! Ладно, говори. Но наедине — я Джоан. Будешь моим тренером. Задача — сделать из меня леди.

Это моя работа, босс! И непростая, как я вижу...

Тебе же нужны помощники. И не вмешивайся: Винни — наше секретное оружие...

Хорошо. Но учти: такое оружие может и рвануть.

Молчи, чадо. Я умел обращаться с женщинами еще тогда, когда твоей бабушки не было и в проекте...

— Конечно, я буду помогать, как могу... дорогая Джоан.

— Тогда постарайся для начала убедить нашего дорого-

го доктора, что я вполне созрела для ванны. От меня воняет, а от леди вонять не должно.

— Но тебя помыли в постели часа два назад!

— Ох, Винни, ты же знаешь, что мытье в постели — это совсем не то. Продай ему идею, что поможешь мне и забраться в воду, и выбраться обратно. А если будут трудности — тащи его сюда, и он у меня света не взвидит! Сам будет мне спинку тереть... Короче, крась губки — и вперед!

Нравится наряд?

Понимаешь, Юнис, мы вроде бы одеты, и в то же время... кажется, что спереди все прозрачное...

Такая маленькая хитрость: через ткань ничего не видно, но свет она пропускает. Поэтому этот халат куда более сексуален, чем тот, в критском стиле. Обычная мужская ошибка: принимать наготу за сексуальность.

Может быть... хотя я всегда предпочитал открытую кожу.

Не хочу начинать спор, Джоан, но одежду выбирать буду я. Пока ты не станешь думать как настоящая женщина. Но у меня была особая причина выбрать именно этот халат, на первый взгляд более скромный. Я хочу, чтобы Джейк увидел нас в нем.

Боюсь, что Джейк ушел домой. Он пережил тяжелые минуты.

А я ради чего стараюсь? Не мог он уйти, не попрощавшись.

Ерунда. Мы с Джейком легко относились к формальностям.

Босс, Джейк — джентльмен до мозга костей. Он может легко относиться к формальностям, когда речь идет о его старом друге, — но никогда не позволит себе такого по отношению к леди. Йоханн — это одно, а Джоан Юнис — совсем иное.

Да, но он знает, что я — Йоханн.

Тогда почему он поцеловал нам руку? Джоан, ты ничего не смыслишь в мужчинах...

Я пробыл одним из них больше века...

Не имеет значения. И вообще помолчи: он может войти в любую секунду. Джоан, несколько последних месяцев до того, как меня убили, я была его любовницей.

Ну, и как этот старый козел?

Ты именно это хочешь знать?

Ох, Юнис, ты, похоже, всерьез думаешь, что я ничего не понимаю в мужчинах. Может быть, это и правда — в каком-то смысле. Но я бы мог просветить тебя относительно мужчин — взгляд изнутри, — а ты растолковала бы мне, каковы они при взгляде со стороны. Джейк очень сдержан. Но я дважды видел, как он проваливался — и оба раза из-за тебя. Понятно, что твоя смерть — страшный удар для него, и тем труднее было ему участвовать во всем этом маскараде. Но все равно — если бы ты была лишь девушкой, которой он платонически благоволил, с которой он встречался на работе и которая помогала ему в делах, — у него не было бы никаких срывов. Следовательно, он знал тебя ближе, чем хотел показать. А где он мог познакомиться с тобой поближе? Ответ один: в постели.

Не только в постели. Хотя и в постели, конечно. Еще в машине. В его. В твоей. Иногда — в этом доме...

Проклятье! Все слуги, наверное, знают!

Вряд ли. Мы использовали для работы — и на самом деле работали! — твой кабинет, а к нему Каннингэм и близко никого не подпускает. На прямой вопрос — прямой ответ: старый козел был очень хорош — и использовал каждый подвернувшийся шанс. Ни дня мы не пропустили...

Парочка сорвавшихся с цепи — вот вы кто. Что ж, снимаю шляпу.

Ревнуете, босс?

Завидую. Я-то мог просто смотреть на тебя, и все. Этим мои возможности исчерпывались. А теперь — это еще более невозможно. Мне остается только завидовать. Старый козел.

Нет ничего невозможного, Джоан.

Не понял?

Я была просто шокирована, когда увидела Джейка. Моя смерть его подкосила. Он любил меня... Но мы можем вытащить его, Джоан, мы с тобой — только на этот раз не в твоем кабинете.

Что?! Да это же инцест!

Не будь такой смешной. Кто это из нас кровный родич Джейка?

Я имею в виду — производит впечатление инцеста. С Джейком? С Джейком?! Никогда! Я даже не имел его в виду, когда говорил, что мы станем настоящей женщиной!

Ну а я имела.

Выкинь это из головы! Забудь. Я согласен на Хедрика! Или на Джо...

Только не Джо.

Но почему? Он же твой бывший муж, и я...

Потому что для Джо я — зомби. Оживший мертвец. И даже если он сможет прикоснуться к нам... мне будет очень трудно не сказать ему, что я еще здесь.

Но я то же самое испытываю по отношению к Джейку! Для него я — зомби!

Не совсем так. Он понимает, конечно, что мы представляем собой этакого кентавра: твой мозг в моем теле. Но Джейк любил нас обоих... и даже больше тебя, чем меня.

Джейк любил меня? Юнис, ты сошла с ума!

Да? А почему он тогда мирился с твоим мерзким характером? Не из-за денег же: он богат, пусть и не так, как ты. Почему он до сих пор ходит кругами? Из-за меня? Да он бы бежал отсюда сломя голову, только бы не видеть моего тела — это причиняет ему невыносимую боль... Но он остался, потому что знает: ты нуждаешься в нем. Значит, так, Джоан: говорит твоя старшая сестра Юнис, а ты слушайся: будь поласковее с Джейком. Больше ничего не требуется. Я не прошу тебя делать что-нибудь такое, чего ты не хочешь. Он сразу поймет, он разбирается в женщинах. Просто будь милой и ласковой. Позволь ему заботиться о тебе. И все.

Ладно, постараюсь. Джейк подумает, что я чокнутый.

Он подумает, что ты — милая девушка. Может быть, ему захочется стать тебе отцом, а не так, как мне... Ну, в таком случае мы будем хорошим ребеночком.

Постараюсь, Юнис. Но не уверена... Джейк, надо же...

Ты славная девочка, Джоан. Будь беспомощной и женственной, а Джейк сделает все остальное.

Доктор Гарсиа ворвался в комнату и энергично подошел к кровати.

— Какая еще ванна? Я, кажется, ясно сказал: идем медленно и постепенно.

Осади его, Джоан!

Сейчас увидишь...

— Ой, доктор, как вы меня напугали!

— Когда? Как?

— Влетаете в комнату без предупреждения... разве так можно?

Гарсиа, казалось, поперхнулся:

— Но, мисс Смит!.. Я работаю здесь больше года и всегда входил без церемоний... Не понимаю, что вам не понравилось сейчас? После такого долгого срока...

— Срок не имеет значения, доктор. Когда вы пришли сюда впервые, вы имели дело с беспомощным стариком; потом помогали доктору Хедрику в уходе за неподвижной пациенткой, которая большую часть времени была без сознания. Но времена меняются. Теперь я учусь быть женщиной, леди. Это не так просто. И вы должны помочь мне, используя по отношению ко мне те же нормы этикета, как и по отношению к другим леди.

Доктор Гарсиа покраснел:

— У врача нет времени для этикета.

Добавь ему, Джоан! Он еще дергается.

Обязательно!

— Доктор, дорогой, если бы я была в опасности, то сказала бы спасибо за такое вторжение. Моя жизнь в ваших руках. Но вы прибежали, только чтобы сказать, что я не могу помыться в ванне. Согласитесь, это не сверхсрочное сообщение. Я не прошу много — всего лишь рассматривать эту комнату не как больничную палату, а как спальню молодой женщины. Помогите мне. Пожалуйста...

— Хорошо, мисс Смит. Я постараюсь, — сухо сказал Гарсиа.

— Спасибо, сэр. И еще: меня теперь зовут Джоан. Я не могу оставаться Йоханном. Можете звать меня «мисс Джоан» или просто «Джоан» — если у вас нет времени на излишние формальности. Ой, не обижайтесь! Я правда не

хочу быть излишне официальной со своим врачом. Ну, самую малость, чтобы я поскорее научилась быть леди. Вы будете называть меня просто Джоан?

Он криво усмехнулся:

— Хорошо, Джоан.

Она ответила ему лучшей улыбкой Юнис: в стиле «ты мужчина моей мечты!».

— Доктор, буду рада видеть вас в любое время... только предупредите сестру, чтобы я смогла приготовиться к встрече джентльмена. Всякие мелочи, знаете ли... — она приподнялась на локте, отчетливо сознавая, какое впечатление производит в своем полупрозрачном халате. — Взять, например, помаду... — она приоткрыла губы. — Так непривычно. Она не размазалась?

— Вы прекрасно выглядите!

Сотрите и исправьте — «развратника» на «шлюху». Ты же прирожденная шлюха, моя радость. Но где же обещанный нокаут?

Расслабься, подружка. Я еще не закончил расправу.

— Ах, спасибо, сэр! Но скажите мне, пожалуйста, почему я не могу принять нормальную горячую ванну, чтобы не только выглядеть, но и чувствовать себя прекрасно? Я выполню все ваши указания, доктор, но — растолкуйте мне их смысл! И, если это возможно, — без непонятных и таких длинных медицинских слов.

— Ну, как вам сказать... Джоан... Я возражаю не против мытья, а против самих ванн. Люди то и дело ломают там ноги, проламывают черепа... А вы еще не умеете стоять и тем более не умеете ходить.

— Вы правы, — Джоан откинула покрывала и спустила ноги с кровати. — Надо проверить. Вы поможете мне, доктор? Обхватите меня...

— Ложитесь немедленно!

— Неужели я должна только лежать? Мне хорошо. Подвиньте стул, а то ноги до пола не достают.

— Мисс Смит... Джоан... к черту все, бросаю эту работу и иду в старьевщики! Полежите, я позову сестру! Сестра! Сестра!.. Мы будем держать вас с двух сторон. Почувствуе-

те слабость или головокружение, скажите, и мы положим вас обратно...

— Да, доктор, — кротко отозвалась она и легла.

Винни отозвалась на вызов:

— Доктор, вызывали?

— Идите сюда. Будем учить пациентку ходить.

С их помощью Джоан встала с постели. Комната слегка закачалась, но она оперлась на Винни, а плеча доктора едва касалась.

— Как вы себя чувствуете?

— Превосходно. Еще бы музыку — и можно танцевать!

— Не вздумайте пробовать! Ну-ка: аккуратно, маленькими шагами...

Они направились к двери. Джоан наслаждалась: мягкий ковер под босыми ногами...

Юнис, любимая, ты просто не представляешь, какое это прекрасное тело!

Мне оно тоже нравилось. Сейчас оно не в форме, но недельки через две...

Я даже в детстве не чувствовал себя так легко!

То ли еще будет!

Они остановились.

— Так. Осторожно поворачиваемся и идем к постели...

— Доктор! Я ведь уже на ногах — так давайте зайдем в ванную.

— Вы не устали?

— Ничуть. Я даже не опиралась на вас, вы заметили? Вы же обещали: я приму ванну, как только докажу, что могу ходить. Я доказала. Может быть, мне встать на руки? Отойдите, я попробую.

Джоан убрала руку с его плеча, но доктор крепко обхватил ее поперек туловища.

— Без глупостей! Сестра, в ванной есть поручни? Она сможет держаться?

— Конечно, сэр.

— Ну, все. Если она упадет — бегите в Канаду. Чтоб не сбиться с пути — держитесь за мной. Но бежать надо будет очень быстро.

— Винни не позволит мне упасть, — сказала Джоан и

слегка прижалась к доктору. — Но если беспокоитесь, то можете помочь мне и сами. Потереть спинку...

— Десять минут назад вы хотели меня растерзать только за то, что я вошел без стука. А теперь...

— Но ванна — это же совсем другое... — она прижалась к нему плотнее.

— Тереть пациенту спину не входит в круг профессиональных обязанностей врача. Сестра, налейте теплой воды и проследите, чтобы она не плескалась там слишком долго.

Он вышел и закрыл за собой дверь. Джоан обняла Винни и засмеялась:

— Ой, какое у него стало лицо!.. Ты видела, да?

— Джоан, — покачала головой Винни, — мне нечему тебя учить. Ты и так все знаешь.

— Нет-нет, что ты! Я *не знаю*. Я всего лишь опробовала на докторе то, что действовало на меня в его возрасте. Я даже подумала, что он побежит тереть мне спинку...

А я подумала, что ты решила повалить его прямо на коврик.

Издеваешься? Я его даже не ущипнул!

Джоан начала снимать халат.

— Ванна! Горячая! Наконец-то!

— Джоан! Пожалуйста, держись за поручень! Если он зайдет и увидит...

— Он не зайдет никогда! Потому что... — Джоан протянула руку и повернула защелку.

— Этого нельзя делать! В больницах ванны не запираются.

— Мы не в больнице, а в моем доме, и я могу запереть любую дверь, когда захочу. А если доктор попробует войти, обнаружит, что дверь заперта, и скажет мне полслова — о, что тогда будет!.. Винни, лапочка, я слишком долго была своенравным стариком, чтобы так быстро перевоспитаться. Кстати, ты бы лучше сняла свой крахмальный халатик — здесь будет слишком много брызг... А еще лучше — залезай ко мне. Ванна слишком велика для меня одной.

— Не надо...

— Представь себе: я потеряю сознание и утону. Что

скажет доктор Гарсиа? А что сообщат по новостям? Пациент утоп, а сестра никак не могла до него дотянуться.

— Джоан, ты меня дразнишь...

Ну, все, босс. Сотрите и исправьте еще раз: «развратник и шлюха». В одном лице.

Вздор, Юнис, все вздор! Эта ванна вместит всех троих!

Винни закусила губу и начала медленно снимать передник. Джоан повернулась и потрогала воду в ванне, стараясь не слишком разглядывать Винни.

Глава 11

Час спустя Джоан сидела в кресле, положив ноги на стул. Она была облачена в легкое неглиже и домашние туфли на довольно высоком каблуке. Волосы лежали ровно, черты лица подчеркивал аккуратный макияж. Ее духи носили невинное название «Апрельский туман», но правильнее было бы — «Обольщение со взломом». Маникюр Юнис не одобрила, но на первый раз решили, что сойдет. Джоан была в легкой эйфории от чувства чистоты и необычайной легкости.

Кровать заменили, убрали монитор, комната больше не напоминала больничную палату. В нее вернулся уют. Рядом с пианино, на котором маленький Йонни разучивал гаммы, поставили автостенограф Юнис; Джоан велела Каннингэму перенести столик из кабинета и оставить здесь. Он, может быть, и не вписывался в интерьер, но вполне отвечал ее представлениям о домашней обстановке.

Ну, как, лучше? Мне — да!

Как в раю, босс. Но почему ты вдруг перерезал леску?

Да я вообще не собирался ее соблазнять...

Врешь. Лицемеришь. Грязный старикашка. Ты ее подсек. А потом — ушел в кусты. Мне такие попадались: весь пар уходит в гудок, а на прочее сил уже не хватает. Робкие Казановы. Тьфу!

Я не стреляю по сидячей дичи. Если я по-настоящему захочу ее... я не говорю, что так и будет, хотя она такая приятная пышечка...

Она оскорблена!

Ой, заткнись. Если я соберусь еще раз приударить за ней, то все будет честно — а не как сегодня: кролик и удав.

«Честно»! У меня эта честность в печенках сидит! Послушай свою старшую сестренку, Джоан: секс — это не спорт. Это просто способ стать счастливым. Нет ничего более оскорбительного для женщины, чем это: она уже готова дать, и вдруг оказывается, что — некому! Ну, сама поймешь. Будешь реветь в подушку и ненавидеть всех мужчин на свете. До следующего раза...

Юнис, неужели и от тебя отказывались? Ни за что не поверю!

Такое случается с каждой женщиной. Мужчины — они все маменькины сынки. Если бы женщины целеустремленно, буквально за руку, не тащили их в постель, человечество давно вымерло бы.

Хм... мне остается признать, что женщин ты знаешь лучше меня...

Да, и намного!

...так давай лучше поболтаем о детальках. Мы чистые, и я знаю, что мы неплохо выглядим. Но раньше ты выглядела куда лучше. Я не имею в виду раскраску, это пока рано... Что нужно делать? Что значит «подтянуть»? Это всякие упражнения?

В том числе. Но и многое сверх того. Думаю, нам стоит обратиться к профессионалам. Найдем чем заплатить?

О чем речь!

Тогда нужно обратиться в «Хелен Рабинстейн, Ltd.» или в другой салон высшей категории. Впрочем, их можно вызвать и на дом. В команде будут массажистки, маникюрша, педикюрша, парикмахер, депилятор, парфюмер, особые бригады по лицу и по коже, ну и, наконец, костюмер, постановщик речи и манер, кто-то еще, не помню... А, ну да: их босс, художественный директор. И у каждого будут помощники. Если мы захотим уложиться в один день, то заплатить придется больше, если растянем удовольствие — то тоже больше.

Не понял?

Ну, это как налоги: чем больше их платишь, тем больше остаешься должен. Босс, я шучу: нам не нужен весь этот бедлам. С моими знаниями и ходовой частью мы сделаем из

нас такую леди, что и во сне не приснится. Не знаю, найдем ли мы такого же классного художника, как Джо... но если поискать и быть готовым платить — то найдем.

Юнис, я вижу, что быть женщиной — трудное дело...

Расслабься, босс. Быть женщиной легче, чем мужчиной, — и гораздо приятнее. Вот увидишь, я научу тебя быть настоящей женщиной двадцать первого века... а взамен ты научишь меня быть мужчиной двадцатого века, и мы похороним этот глупый «конфликт поколений». Понимать, как любить — с той же силой.

Любимая!

Да, для старого вредного ублюдка ты достаточно мил. Твой мозг и мое тело — это хорошая команда! Мы им покажем!

Покажем, дорогая!

Покажем. Но первым делом нам нужно найти хорошую горничную — а это не легче, чем поймать кита в Канзасе. Скорее всего, придется школить ее самим. А потом она сбежит, как только сообразит, что к чему.

Юнис, а на кой черт она нам нужна? Ты же обходилась как-то без горничной?

Точно. Вела хозяйство, была секретарем одного старого ловеласа, да еще успевала следить за собой. Нет, Джоан, у тебя нет моей подготовки, ты не сможешь.

Не скажи, крошка. Ты застала меня в плохой форме. Я и секретаря-то терпеть не мог... до тебя.

Секретарь нам пока не понадобится, а вот горничная — обязательно.

*Что значит — **пока** не понадобится? Я не собираюсь возвращаться к делам!*

Поживем — увидим... Да, и спасибо за Бетси, я так рада видеть ее тут...

Бетси? Это кто?

Автостенограф.

Ха! Бетси! Я всегда называл его «спрутом»!

Ничего себе, найти такое мерзкое имечко для такого чу́дного создания! Хорошо, что она выключена и не слышит.

Юнис, ну что ты такое несешь? И вообще — где Джейк?

Стрижет ногти на ногах. Даю второй урок на тему «как быть женщиной». Мужчины всегда опаздывают, но никогда-

никогда-никогда этого нельзя замечать! Они так гордятся своей пунктуальностью... Босс, ты же не обещал Винни не вставать из кресла?

Да нет, конечно. Что я, должен сидеть на одном месте? Нет, я еще хочу потрогать зубы этому зверю...

Джоан встала и подошла к пианино. Села, подняла крышку. Припомнила первые такты «Славянского танца» Дворжака, начала играть...

...и получилась звуковая каша.

— Что за черт!

Она в изумлении уставилась на клавиши. Тронула пальцем си средней октавы. Звук был нормальный. Тронула си октавой ниже. Тоже нормально... Пробы одним или двумя пальцами показали, что пианино настроено прекрасно. Но для того, чтобы взять аккорд, ей приходилось смотреть на клавиатуру и внимательно следить за пальцами. Наконец ей удалось сыграть медленную, неровную и упрощенную версию «Рисовых палочек», не отрывая глаз от клавиш. Руки дрожали. Не доиграв, она ударила по клавиатуре всеми пальцами и захлопнула крышку.

Десять лет учебы — коту под хвост!

Вообще-то я даже на гитаре не играла...

Хорошо, что моя мамочка меня не видит! Она так мечтала, чтобы я выступал с концертами. Юнис, ну почему ты не научилась играть на пианино?

Потому что я училась другому — и была этим занята до предела. Босс, мой предмет изучения был куда увлекательнее! Впрочем, и на пианино мы научимся — в твоей памяти все есть, а до рук пока не доходит. Попотеем.

Это все чепуха, дорогая, не стоит возиться...

Джоан встала.

Босс, секунду. Может, заодно зададим овса Бетси?

Ха! Я же ничего не понимаю в автостенографах. Это посложнее, чем тренькать на фоно.

Посмотрим...

Она подошла к автостенографу, присела.

Ну, Юнис? Где тут руль и тормоза?

Расслабься, босс. Просто скажи: «Юнис, диктую...» — а потом просто говори что-нибудь, и все.

Попробуем...

— Юнис, диктую: «Восемьдесят семь лет назад наши отцы заложили основы новой нации, ценящей свободу и преданной идеалам...»

Ее руки легко коснулись сенсоров, включили микрофон, ввели программы корректировки в процессе записи и успели исправить напечатанные машиной слова «Восемь десятсем» — и все это легко и непринужденно.

Черт возьми, Юнис! Как это получается?!

Не думай об этом. А то будет как у той сороконожки. Слышишь, как Бетси мурлычет? Рада мне...

Я тоже рад. Кстати, Юнис, эта машинка... то есть, прошу прощения, Бетси — она может подсоединиться к Сент-Луисскому фонду Библиотеки Конгресса?

Конечно. Она подключена к межбиблиотечной сети, следовательно, может связаться с любой библиотекой.

Проблема такая: я хочу найти все работы по механизмам памяти.

Хорошо. Мне это, кстати, тоже интересно: кажется, у меня есть какие-то странные провалы... хотя я и не уверена... Я сделаю.

Конечно, я ведь не знаю, как обращаться с Бетси. Да и о предмете наших изысканий знаю лишь, что был такой Павлов, который делал роботов из собачек... по-моему, таким способом: когда собачка пускала слюну, он звонил в колокольчик.

Сделаем. Босс, а можем ли мы потратить немного денег?

Чтобы купить Пирамиды? Пожалуйста, если хочешь.

Нет. Я хочу добыть мое секретное досье. Там могут быть материалы, о которых я тебе говорила, но которых нет в официальных документах — а значит, знать ты их не можешь. Так мы убедимся, что я — не твоя фантазия.

Может, не стоит? Я почему-то боюсь, что если я сумасшедший, то меня можно будет вылечить... и найдется какая-нибудь сволочь, которая сделает это!

Я польщена.

Юнис... а ты не помнишь чего-нибудь такого... между своей смертью и воскрешением?

Не знаю... Были какие-то сны... почему-то о тебе. А один

раз было что-то, не очень похожее на сон... все было очень реально — вот просто как эта комната. Только если я расскажу, ты подумаешь, что сумасшедшая среди нас — я.

Ну и что? Очарование от этого не исчезнет.

Только не смейся. Джоан, когда я была вне всего... я вдруг оказалась в каком-то месте. И там был старый-старый человек с длинной белой бородой. Он держал огромную книгу. Он посмотрел в нее, потом на меня и сказал: «Доченька, ты была никчемушной девчонкой. Но что-то в тебе было такое... короче, я даю тебе второй шанс».

Приснилось. Образы из воскресной школы.

Может быть... Но я ведь действительно получила второй шанс!

Сомневаюсь, что от бога. Я, честно говоря, никогда не верил ни в бога, ни в черта...

Но ты ведь и не умирал, дорогой. Хотя... я, пожалуй, не знаю, верю я или нет. Наверное, слишком мало побыла мертвой... Но ты не станешь возражать, если мы будем изредка молиться?

Иисусу Иосифовичу?

*Ох, не надо так. Или я скажу все, что думаю, — **теми самыми** словами.*

Я попал под каблук... Сдаюсь. Только чтобы в церкви было красиво, и хорошая музыка, и не дольше пяти минут.

Да при чем тут церковь? Ты не сможешь молиться в церкви. Будешь не в своей тарелке... Дома, наедине с собой, Джоан. Я тебя научу.

Когда приступим? Сейчас?

Сначала досье. Думай о чем-нибудь постороннем... о Винни: скользкой, в мыльной пене...

Это очень благочестиво — и гораздо приятнее молитвы.

Грязный старикашка! Готова спорить: ты ни разу в жизни не молился!

Нет, я молился — но бог был на рыбалке.

Все, думай о Винни.

Прошло несколько весьма напряженных минут. Затем она откинулась на спинку стула и ласково погладила машину.

Ну, получилось?

Что именно?

Ну, то, что ты хотел сделать с Винни?

Я размышлял о тайнах бытия и чуде мирозданья...

Ну?

Сбился на Винни.

Я же знаю! Я же вся здесь, в твоей голове. Джоан, я должна сказать: для девушки — и даже, в определенном смысле, девственницы — у тебя необыкновенно богатое и нескромное воображение.

Фигня. Могу спорить: у любой девушки такое воображение.

Чистая правда. Но с твоим воображением... я уже ерзаю и не могу дождаться, когда же мы начнем нашу карьеру настоящей женщины. За всю свою богатую сексуальную жизнь я не встретила мужчины, который бы поимел меня таким замысловатым способом!

О-о!.. Меня научила этому одна респектабельная домохозяйка, облегчившая мой путь через юность. Совершенно очаровательная леди.

Хм. Похоже, что я родилась слишком поздно для настоящего дела.

Это я уже пытался тебе втолковать. Кстати, как там досье?

Полный порядок. У Юнис без сбоев! Давайте вернемся в кресло, а то устала спина.

Джоан Юнис пропутешествовала от автостенографа до кресла — тридцать футов по ковру босиком, сплошное наслаждение... но то, что она забыла надеть туфли, дошло до нее лишь тогда, когда она забралась с ногами в кресло и села в позу лотоса. Возвращаться за туфлями не хотелось.

Дверь издала звуковой сигнал.

— Это я, Винни.

— Входи, дорогая.

— Мистер Сэлэмэн просил передать, что скоро зайдет на несколько минут, но на ужин не останется.

— Останется... Иди сюда и поцелуй меня. Что ты сказала Каннингэму?

— Ужин на двоих, как ты велела... приносить по звонку. Но мистер Сэлэмэн твердо намерен уйти.

— А я твердо намерена его удержать. А если не получится... пообедаешь со мной? Не можешь ли принести мои туфли? Они на полу рядом с пианино.

Сестра посмотрела на туфли, потом встала перед Джоан Юнис, уперла кулачки в бока и нахмурилась:

— Джоан. Я не знаю, что с тобой делать. Ты опять ведешь себя плохо. Почему не позвонила?

— Не сердись, дорогая. Вот, сядь на скамеечку, прислонись к моим ногам, и давай поболтаем. Ты не была случайно горничной до того, как выучилась на медсестру?

— Нет, а что?

— Ты так заботишься обо мне — и в ванной, и вообще... мне приятно. Вот я и подумала: медсестра мне вроде бы не нужна, а нужна горничная. С другой стороны, доктор Гарсиа будет настаивать, чтобы медсестра при мне была постоянно. Сколько вам, сестрам, платят?

Винни ответила.

— Боже! Неудивительно, что сестер всегда не хватает. За такую оплату не нанять и сторожа! Как ты думаешь: если ты будешь числиться моей медсестрой, а на самом деле будешь горничной... придумаем, как это сделать... зато получать будешь в три раза больше. И наличными — чтобы без налогов.

Сестра, похоже, задумалась.

— А как ты хочешь, чтобы я одевалась?

— Решай сама. Хочешь — сестринская униформа, хочешь... все, что угодно. Напротив моей двери — другая спальня, там жил мой камердинер. Там есть еще одна комната, где можно сделать гостиную, и ванная. Все можешь обставить по своему вкусу. Будет твое жилье.

Кто это, интересно, говорил, что не стреляет по сидячей дичи?

Заткнись, Юнис. Если мы ее подцепим — это будет ценнейшее приобретение. И никого не надо будет ничему обучать...

Да, преимущества налицо. Особенно то, что дверь напротив, и стоит только позвать: «Сафо-о!» — и она уже в твоей постели. Нет уж, мужчины в нашей жизни будут обязательно, потому что ***я так хочу****!!!*

Расслабься. Видишь — она уже думает о деньгах. Как только она получит эту работу, тут же снова станет говорить «мисс».

— Мисс Джоан... Это будут действительно мои комнаты?

— Абсолютно. Если захочешь, Каннингэм выделит кого-нибудь, чтобы наводили там порядок. Или — туда никто не будет заходить.

— Райские условия, мисс Джоан... я ведь живу сейчас в маленькой комнате с еще двумя девушками... очень дорого, потому что в частном анклаве, безопасно... но никакого уединения...

— Винни. Посмотри на меня. Там стоит маленькая кровать. Но если надо, ее легко сменить на двуспальную.

— О, это было бы здорово! — воскликнула Винни и покраснела.

— Не красней. Тебе надо будет лишь познакомить своего гостя с шефом охраны — и все. Даже я не буду знать, кто он. Ну, будешь работать у меня? Медсестрой, или секретарем, или кем еще?

— Раз уж я буду горничной — то так это и назовем. Мисс Джоан, я буду одеваться как служанка — но в каком вы предпочитаете стиле? Классическом? Или «Акапулько»? Или нечто среднее?

— Только не классический. Пусть будет «Акапулько», если хочешь, твои ножки это позволяют.

Джоан, скажи ей, чтобы не злоупотребляла росписью по коже!

— Только не злоупотребляй росписью по коже. Это вредно.

— Я знаю. Я же рыжая, мне даже загорать нельзя. Так вот: я буду носить маленькую черную юбочку и фартук-лаке размером с блюдце. Маленькую веселенькую шапочку, черный бант. Прилипающие чашечки на грудях, полупрозрачные туфли на высоком каблуке — о, я могу носить на очень высоком, лишь бы изредка отдыхать... И чуть-чуть росписи. Бабочка на плече. Или цветок. Все одноразовое, и на одевание времени почти не понадобится. Не больше, чем сейчас.

— Класс, Винни! Твой друг оценит твой наряд.

— Еще бы — его так легко снять!

Браво, Винни!!!

Юнис, твои мысли устремлены только на одно...

Разумеется, дорогая, ведь это ***твои*** *мысли!*

Винни деликатно вышла. Джейк приблизился к Джоан и коснулся губами ее руки.

— Как себя чувствуешь?

— Отвратительно. А знаешь, почему? Потому что у моего самого старого и верного друга не находится времени, чтобы отметить день, когда я наконец встала на ноги. А все прочее — прекрасно. Небольшая слабость, но это понятно.

— Ты уверен, что не перегружаешь себя?

— Уверен. Со мной полный порядок. А ты?

— Здоров, как бык. Ужасно глупо получилось, Йоханн...

— Нет, это не глупо... и, думаю, Юнис согласна со мной...

Зачем это, босс?!

Помолчи.

— ...Что может быть лучшей данью ее памяти, чем твои честные слезы? — Джоан смахнула слезы со своих глаз. — Она была чистой и замечательной женщиной, настоящей леди, Джейк, и меня очень тронуло, что ты ценил ее так же высоко, как и я. Сядь, я должен тебя кой о чем спросить.

— Ненадолго...

— Зови сюда кресло и садись напротив. Хочешь шерри? Мне доктор разрешил... и очень вовремя, мне просто необходимо выпить. Наполни наши бокалы...

Джоан села, чуть развернув плечи — так, чтобы коварная материя халата облегла грудь. Подняла бокал:

— Тост, Джейк. Не вставай... Тот самый, который мы с тобой пьем, когда никого нет рядом... — Она отпила глоток и поставила бокал. — Джейк...

— Да, Йоханн?

— Не называй меня так. Я больше не могу быть Йоханном. Теперь я Джоан. Ты ведь знал, что я не рассчитывал на благоприятный исход операции? Это была хитрость. Легальное самоубийство.

— Да, Йо... Да, Джоан. Знал. Потому и помогал.

— Значит, верно. Это самое благородное проявление дружбы, что я знаю. Как у японцев назывался друг, который помогал, когда надо было умереть? А, неважно. Джейк, посмотри мне в глаза. Ты понимаешь, что я предпочел бы умереть... чем выжить такой невообразимой ценой? Жить — за ее счет... *Ты это понимаешь?* Или мне придется прожить мою новую жизнь, ненавидя себя?

— Понимаю, — глядя ей прямо в глаза, сказал Джейк. — Это не твоя вина... и ты не должен себя казнить. И... Юнис бы тоже...

— Знаю. Ты плачь, Джейк, не сдерживай слез... ты же видишь — я плачу... Я предпочел бы умереть, чем допустить такое. Если бы не ты, не твоя поддержка — не знаю, как бы я это перенес. Ты — мой единственный друг.

— Скоро их будет множество...

— Нет. Я чувствую себя Вечным Жидом, этим Абас... Агас... как его?.. забыл. Память все-таки не так хороша, как это молодое тело. Но задать один вопрос я не забуду. Джейк, есть ли какая-нибудь вероятность того, что муж Юнис причастен к ее убийству?

Босс, ты бредишь.

Извини, любимая, но я должен убедиться...

— Нет, ни малейшей.

— Этот приз в миллион... не мог соблазнить его? Не стал ли я невольной причиной убийства?

Хватит, босс! Ради всего святого!..

— Повторяю: нет. Впрочем, ты не знаешь всего... Джо был у матери. Я три дня разыскивал его, чтобы получить разрешение.

— Три дня. И не сказал мне?..

— Не сказал. Ты бы не позволил... и мы... и Юнис умерла бы вся. Знаешь, я ведь ненавидел тебя в те дни...

— А сейчас?

Сэлэмэн посмотрел на нее долгим печальным взглядом.

— Нет, конечно. Ты мой старый проверенный друг. Честный и достойный. Хорошее в тебе всегда перевешивало плохое... иногда, правда, совсем чуть-чуть. Ну и, наконец, ты — это единственное, что у меня от нее осталось.

— Это точно. Может быть, теперь я не буду казаться тебе гнусным кровопийцей. Но вернемся к Джо...

— Вернемся к Джо. Когда я его нашел и сказал... он был потрясен, он не мог поверить... а когда поверил, то... В общем, он не взял деньги. Заставил меня передать их Клубу редкой крови. В память Юнис.

О, босс! Я пла́чу...

Мы все плачем...

Но — он же... ему же есть не на что...

Что-нибудь придумаем.

— Есть еще люди на свете, будь он проклят!

— Уже проклят. И мы с тобой — тоже... А вот Джо — нет. Совершенно не светский человек, нищий и из нищей семьи... то самое жемчужное зерно из навозной кучи. Не взял у меня ни цента. Сам платил нотариусу. Занял у кого-то... Сказал: «Банкротство — это не самое страшное».

— Джейк, мы обязаны как-то позаботиться о нем.

— Боюсь, это безнадежно, Джоан. Он чертовски горд... как Юнис... Кое-что удалось, правда. Например, я купил его студию. Теперь ему не придется платить за нее. Кроме того, я добрался до его банковского счета и ухитрился перевести туда немного денег. Года два он сможет не заботиться о пропитании...

Месяца два, не больше. Уж я-то знаю...

Не беспокойся, милая. Мы с Джейком улучим момент...

— У меня камень с души упал, Джейк. И все равно — я беспокоюсь за Джо. Его нельзя выпускать из поля зрения. Надо изловчиться и как-то незаметно субсидировать его.

— Поищем способ. Этот Джо Бранка преподал мне — в моем-то возрасте! — хороший урок: оказывается, есть вещи, которые нельзя купить за деньги. Даже за очень большие деньги... Обедать я не хочу.

— Тогда еще шерри. И мне плесни чуть-чуть. Если ты не можешь остаться, то я ложусь спать. К черту обед.

— Ты должна поесть, Джоан. Чтобы восстановить силы. Ну — если я останусь, ты поешь?

Она подарила ему самую солнечную из улыбок Юнис.

— Да! Да, мой дорогой. Спасибо.

Обед был неформальным, прислуживал только Каннингэм и два лакея. Джоан изо всех сил изображала утонченную и радушную хозяйку — потому что старалась сдержать аппетит: все было невыносимо вкусно! Но она дождалась, когда столик сервируют для кофе — правда, Джейк предпочел стакан портвейна, — и сказала:

— Спасибо, Каннингэм, это все.

Когда они остались наедине, Джоан посмотрела на Сэлэмэна:

— Джейк, с какого момента я стану дееспособной?

— Ну-у... как почувствуешь себя в силах. Торопишься?

— Нет. Готова быть на твоем попечении до конца жизни.

Джейк усмехнулся:

— Если верить статистике, ты протянешь еще лет шестьдесят, а я — десять-двенадцать.

— Это сложный вопрос. Но, надеюсь, ты останешься моим поверенным? Или я хочу слишком уж многого?

Сэлэмэн внимательно изучал свой стакан.

— Джоан... после того, как суд снимет опеку, ты сможешь сама...

Джоан! Меняй тему! Он хочет смыться!

Спокойно!

Скажи ему, какое у нас второе имя!

— Джейк! Джейк, дорогой... посмотри на меня. Ты не хочешь видеть... все это? Да?

— Все не так... не так просто...

*Он **хочет** остаться!*

— Простого нет ничего и ни в чем. Но я думаю, у меня больше оснований бежать и прятаться... Джейк, если ты уйдешь, ты не избавишься ни от чего — а я потеряю своего единственного друга, которому могу полностью доверять. Кстати, что нужно сделать, чтобы изменить имя?

— То есть?

— Ну... как-то оформить все. На множестве документов стоит моя подпись. Ведь мой случай можно рассматривать как изменение пола, не так ли? Изменения в документы должны вноситься по решению суда или как?

Сэлэмэн слегка расслабился: теперь он был в своей стихии.

— По закону каждый волен называть себя так, как желает, и никто не вправе диктовать ему свою волю. Никакого решения суда для этого не требуется. Ты можешь называть себя Йоханн, Джоан или Минивер Чиви — и все это будут твои имена, пока ты сам от них не откажешься. То же самое и с произношением. Я, например, знал человека, который писал свое имя как «Заустински», а произносил как «Джонс» и добился, чтобы это было признано официально...

— А зачем?

— Прихоть его бабушки. По завещанию он должен был изменить имя, чтобы вступить во владение. Но там не оговаривалось, как имя должно произноситься... То есть ты сама можешь выбирать, как тебе называть себя.

— Значит — Джоан Юнис Смит.

Сэлэмэн уставился на нее поверх своего бокала. Он хотел что-то сказать, но не смог.

— Спокойно, Джейк! Я не хочу, чтобы ты опять... Это необходимо, понимаешь? Это моя дань... ей. Признание неоплатности долга. Как в Китае: на стене большими иероглифами пишут: такой-то в долгу у такого-то... Кроме того, старина, я ведь на девяносто пять процентов — Юнис. А старый Йоханн — всего на пять. Так-то. И если ты, дорогой, глядя на меня, забудешься — и назовешь меня «Юнис»... ты не ошибешься, потому что это и мое имя. А если *не забудешься* и назовешь — то это будет лучшим признанием моих грядущих заслуг. А пока — зови меня Джоан Юнис, чтобы я знала, что ты принимаешь меня такой, какая я есть...

— Да... Джоан Юнис...

— Спасибо, Джейк, — улыбнулась она. — Так ведь лучше, правда? Нам обоим...

— Кхм... Да. Лучше. Хорошее имя... Джоан Юнис.

— Ты пролил на себя вино. Отдай пиджак Каннингэму, пусть он посмотрит. И вообще — какого черта ты поедешь в свою Тихую Гавань на ночь глядя? Что — Каннингэм не найдет тебе пары чистых носков?

— Джоан, побойся бога... Джоан Юнис... я уже две ночи...

— А если проведешь под этой крышей третью — то все?

— Да и ехать мне недалеко теперь: я же продаю свой старый дом и снял комнаты в Гибралтарском клубе. Очень удобно: в центре, прекрасный сервис, никаких забот...

— Хорошо, что напомнил: не забыть выйти из Клуба. Они же не пропустят меня дальше дамской гостиной.

— Я взял на себя смелость, — сухо сказал Джейк, — вычеркнуть тебя из списков — как находящуюся под опекой.

Она звонко рассмеялась.

— Это меня-то — основателя Клуба! Пикантно, правда? «Входите, входите, открыты все двери! — Все твари...» — кроме женщин, понятно. Которые — граждане второго сорта. Вот так, дорогой Джейк...

— Сочувствую... Джоан Юнис.

— Поэтому ты мне нужен, как никогда раньше. Где ты ночуешь?

— В Коричневой комнате.

— Каннингэм засунул тебя туда спросонок. Он должен был предоставить тебе Зеленую анфиладу.

— В Зеленой стоит всякое медицинское оборудование. Я сам так распорядился.

— Тогда сам и распорядись, чтобы ее очистили, — теперь она твоя. А оборудование пусть...

— Хедрик уже вывез часть. Остальное он вывезет завтра.

— Ладно, сегодня, так уж и быть, ночуй в Коричневой. А завтра скажу Каннингэму, чтобы подготовил Зеленую.

— Но я пока еще не собираюсь переезжать...

— А кто говорит про переезд? Я просто сказала, что Зеленая анфилада теперь твоя. И это так. Живи там день — или год, — мне можешь даже не показываться. Хотя, надеюсь, ты не будешь злоупотреблять этим последним правилом? Хьюберт, мой камердинер, еще здесь?

— Да. Он и стелил мне прошлой ночью.

— Все, теперь он будет закреплен за Зеленой анфиладой и станет обслуживать вашу честь, когда бы вы ни осчастливили нас своим появлением...

— Да черт возьми!.. Прошу прощения...

— За «черт возьми»? Какой странный день! Мой давний

друг собирается следить за своим языком в моем присутствии. Я помню, ты выражался так, что в сорока ярдах окна запотевали, причем по моему адресу, а не просто в моем присутствии.

— Ну и что? Теперь ты леди, Джоан Юнис.

— Ничего — по части крепких выражений я по-прежнему заткну за пояс любого погонщика мулов. Так что ты хотел сказать?

— Что-то вроде: «Какого черта, мы ведь должны помнить о твоей репутации... Джоан Юнис».

— *О чем?* О моей репутации как *женщины*? Ха! Сомневаюсь, что у меня вообще может быть репутация. Разве что — балаганного уродца... Все это чушь.

— Слушай, ты пока еще не попала в новости — была тяжелая операция, то-се... Но скоро нам предстоит визит к судье... а если кто-нибудь из нашего персонала или из медиков проболтается о выздоровлении — тут и налетят на тебя репортеры...

— Я и говорю: балаганный уродец. И наплевать. Мне уже лет пятьдесят как наплевать, что обо мне пишут и болтают. И имидж, который эти засранцы мне создали, совершенно какой-то не мой. А что касается мнения всяких старух... Джейк, неужели ты думаешь, что Юнис это волновало?

— Это все так, несомненно. Но *ты* знаешь, почему я не должен жить под твоей крышей. И я знаю.

— Джейк, я ни к чему не собираюсь принуждать тебя. Тем более — не хочу тебя компрометировать...

— Меня?! Да я забочусь о твоей репутации — хотя бы среди слуг!

Старый лицемер! Спроси его, как он затащил меня в гардероб — а Каннингэм шел следом! Спроси его, спроси! Давай! Посмотрим, как он запляшет!

— Джейк, это очень мило — но меня совершенно не волнует, о чем судачат слуги. Но я могу защитить от сплетен *вас*, сэр. У меня теперь есть — полностью в викторианском духе — компаньонка, респектабельная горничная. Она будет спать дверь в дверь со мной — как раньше Хьюберт. Если ваша честь пожелает, наши встречи всегда могут происходить в ее присутствии.

Эй, какого черта? Зачем нам еще и Винни? Она, конечно, согласится, но он — никогда! Поосторожнее с этим, дорогая. Юнис, тебя не спрашивают!

Сэлэмэн приподнял бровь:

— Уже наняла горничную? Не ожидал. Впрочем, ты никогда не терял... не теряла времени. Это кто-то из прежнего персонала?

— Не совсем. Одна из медсестер доктора Гарсиа. Винни. Ты ее видел — рыженькая.

— Кажется, да.

Ка-ажется! Сам-то уж наверняка лапал ее за задницу... хотя бы в уме...

— Она будет числиться моей медсестрой, а услуги оказывать будто бы по дружбе — хотя и за деньги. Сейчас она, думаю, спит — но придет и будет присутствовать при нашем свидании... позвать?

— Что? Не говори ерунды, Джоан Юнис. Ты делаешь из мухи слона.

— Вот как? А мне показалось, что это *ты* делаешь. Да, я беззащитная молодая леди — но вы-то, сэр, своим рыцарственным присутствием как раз и обеспечиваете мою безопасность! Кроме шуток, Джейк, я не могу заставить тебя жить здесь — но как мне будет тебя не хватать! Сколько ты снимаешь комнат?

— Две. Как раз сколько мне и нужно.

— Они там не слишком-то велики... гостиная в Зеленой анфиладе больше — примерно такая же, как эта комната. Можно сделать дверь из гостиной в верхнюю библиотеку и оборудовать там твой кабинет. Будет очень удобно... Джейк, ну, какого черта? Почему тебя нужно уламывать? Ты ведь занимаешься и моими делами...

— Да уж... Я тут занялся было твоим домашним хозяйством.

— А где был Каннингэм? Он что, не мог тебя от этого избавить?

— Он старался. Особенно когда понял, что я проверяю расходы. Джоан, они тебя обворовывают внаглую. Особенно Каннингэм.

— Ну и на здоровье.

— Как это понять?

— Джейк, я всегда считала, что грех завязывать рот быку, который крутит молотилку. Пусть они две трети моих денег расходуют на себя — тем больше они будут ценить эту работу. Дорога ли плата за такое полное подобие преданности? Кстати, я думаю, что и шеф охраны приворовывает — на пару с Каннингэмом. Но ломать отлаженный механизм я не намерена.

— Джоан Юнис! Для юной прекрасной леди ваши речи не годятся. Они под стать какому-нибудь циничному старикашке — наподобие того, которого я знал когда-то...

— Да? Придется учиться говорить иначе. Прочь стариковские замашки и ухватки! Я буду леди... если смогу. Но, Джейк, не надо революций в моем доме. Ты же знаешь, что получается после революций? Все то же самое, но много хуже и гораздо дороже.

— Да, я понимаю. Это как с моей поварихой в Тихой Гавани... Обещаю: верну тебе хозяйство в том виде, в каком получил.

— Спасибо, Джейк. Ты настоящий друг. А сейчас... я еще не леди, хотя уже и не старик... я просто женщина, которая долго болела и еще не до конца поправилась. Помоги мне добраться до кровати.

— Лучше, наверное, позвать сестру...

— Джейк, Джейк — ты опять разводишь церемонии из-за моего нового тела... Дай мне руку. С твоей помощью я встану... и дойду до кровати, если ты захочешь меня проводить...

Сэлэмэн уступил. Он протянул руки, Джоан с его помощью встала, дошла до кровати и легла. Потом укрылась одеялом, сняла под одеялом неглиже...

— Спасибо, Джейк.

— Всегда рад помочь, Джоан Юнис.

— Позавтракаешь со мной? Или предпочтешь спать до ленча?

— Ну... пожалуй, второе.

— Ладно, увидим. — Она протянула руку. Джейк задержал ее в своей и решительно поцеловал. — Встань рядом, Джейк. Ближе.

Не выпуская его руки, она приподнялась. Взяла его лицо в ладони.

— Ты любил ее.

— Да.

— И я любил ее.

— Знаю.

— Как меня зовут? Мое новое имя?

— Джоан... Джоан Юнис.

— Спасибо, Джейк. — Она медленно приблизила его лицо к своему и нежно поцеловала в губы. — Спокойной ночи, друг.

— Спокойной ночи, Джоан Юнис.

Он почти выбежал за дверь.

Джоан, сука, не торопи его так!

Ничего.

Какое, к черту, ничего! В следующий раз ты затащишь его в постель!

Как забавно...

И сама ты торопишься.

Юнис, не прискребайся. Мне захотелось его поцеловать — я и поцеловала. В конце концов, есть немало культур, где мужчины целуются с мужчинами — скажем, в знак дружбы.

Кто тут мужчина? Мы — гибрид!

Это я уже заметила. Для сведения особо любопытных: этот поцелуй был чисто символическим. Джейку дали понять, что до меня можно дотрагиваться и даже целовать на прощание — и нечего делать трагедию. Отец, например, всегда целовал меня на ночь... пока я не вырос.

Боюсь, что папочки из Джейка не получится. Знаешь, как он умеет целоваться? Внутри все опускается, а потом начинает таять — от пупка и ниже, ниже...

Может, поспим?

Ты любишь меня?

Никогда не переставал — и никогда не перестану!

И я тоже... Жаль, что мы не можем поцеловаться перед сном. Спи, босс. Все будет хорошо.

Джоан еще не заснула, когда вошла Винни — в тапочках и халатике.

— Мисс Джоан?

— Что, дорогая? Включи свет.

— Мистер Сэлэмэн сказал, что вы уже спите...

— Не успела. Он тебя разбудил?

— Нет, я болтала с миссис Слоун. А доктор Гарсиа велел на ночь опускать вашу кровать до пола. Как это сделать?

— Я могу сама, вот выключатель. Раз — поехали вниз... Скажи доктору, что я паинька.

— Снотворное дать?

— Пожалуй, да. Подай, пожалуйста, воды... и поцелуй меня на ночь. А если ты откажешься, я позову миссис Слоун и попрошу ее...

Рыжая сестричка усмехнулась:

— Зачем беспокоить пожилую женщину?

Минуту спустя Винни удалилась.

А, Юнис? Как тебе?

Впечатляет. Примерно восемь десятых от Джейка.

Искушаешь?

А чего там искушать? Винни — милашечка, но за Джейком годы и годы практики. Впрочем, я совсем не против Винни. Я даже ждала, что ты уложишь ее рядышком...

Когда миссис Слоун следит за нашим сердцем по монитору? Кем ты меня считаешь? Полной дурой?

Да.

Ох, давай лучше спать!

Глава 12

Всемирная ярмарка, проходящая в Париже и Монтевидео, продолжалась, как и было намечено. Продолжались и вооруженные столкновения в разных «горячих точках»; мертвые не возражали. Нового президента Гарварда не допустили к исполнению должности органы студенческого самоуправления; место вакантно. Секретарь комитета по экономии водных ресурсов заявил, что планами комитета предусмотрено повышение содержания воды в бухте Сан-Франциско до 37%, на что комиссия по рекам и заливам ответила категорическим отказом. В Алма-Ате сержант Корпуса Морали помог появиться на свет двухголовому

младенцу, сделав роженице кесарево сечение. Налоговое управление в Вашингтоне объявило о повышении ставок всех налогов еще на 7%. В Майами мисс Вселенная (мисс Гана: 42-22-38) через пресс-секретаря оповестила всех, что намерена стать командиром первого межзвездного корабля, для чего она в течение последних двух лет под гипнозом изучала неоэйнштейновскую баллистику. Генеральный секретарь Общества космонавтов, астронавтов и космических строителей публично усомнился, способна ли мисс Вселенная хотя бы просто сосчитать свои туфли. Мадам президент Всемирной федерации женских клубов заявила, что уважаемый секретарь — фашистский прихвостень, а его заявление — типичное проявление мужского шовинизма. В Лос-Анджелесе смертность от смога снизилась на 3% благодаря энергичным мерам по борьбе с загрязнением и сильному ветру с моря.

В огромном, уродливом, причудливом старом доме мисс Джоан Юнис Смит сидела в позе лотоса на циновке перед зеркалом и разглядывала свою медсестру-компаньонку-служанку, тоже принявшую позу лотоса.

— Удобно, Винни?

— Очень!

— Ты более гибкая, чем я... Ну все, начали.

— Но, мисс Джоан, что это *значит?* Мне это нравится, я так здорово расслабляюсь... Но что значит — «камень», «лотос» и вообще?..

— Не значит ничего. И — все. Если словами — и любовь, и покой, и мир, и все-все хорошее. Но не *думай.* Просто — *будь.* Открой себя этому... *Будь.*

— Да... хорошо...

— Начали. Помни о дыхании. Я здесь, рядом.

— Омм мани пхадме хум.

Омм мани пхадме хум. Босс, какая у нее аура! Похоже, она провела ***настоящую*** *ночь!*

Заткнись, Юнис. Кто придумал эти молитвы?

— Омм мани пхадме хум.

— Омм мани пхадме хум.

Омм мани пхадме хум.

— Омм мани...

Достаточно, Джоан.

Так быстро? Прошло только двадцать минут по часам...

У меня другие часы. Мы разогрелись и приготовились. А Винни, похоже, более чем готова. Надо вытаскивать ее.

— Омм мани пхадме хум. Винни! Винифред! Дорогая, ты слышишь меня? Дети, в школу собирайтесь, петушок пропел давно!

Винни продолжала сидеть в лотосе: подошвы на бедрах, руки свободно брошены на колени ладонями кверху. С дыханием из ее груди исходили слова молитвы. Глаза закатились, из-под век виднелись только белки.

— Сестра, проснитесь!

Она тут же открыла глаза. Вид у нее был в первый момент растерянный, потом она улыбнулась.

— Уже все? Мне показалось, не прошло и минуты. Я уснула?

— Бывает. Ты расслабилась? Тело теплое и мягкое, и мускулы как вата?

— Да-а...

— Тогда начинаем. Сначала — самые простые упражнения.

Джоан Юнис грациозно перетекла в стоящее положение.

— Я показываю, а ты делаешь. Потом попробуем вместе... — Она критически посмотрела на отражение в зеркале. — Похоже, живот немного подтянулся.

— Он в полном порядке, — сказала Винни. Не удержалась и зевнула.

— Все еще спишь, дорогая? Наверное, снились плохие сны?

Винни слегка покраснела, но улыбнулась:

— Не-ет. Все было прекрасно, но время, время... Надеюсь, мы не очень беспокоили вас?

— Ничего не слышала. И ни о чем бы не догадалась, если бы ты сама не сказала вечером — когда целовала меня перед сном. Но раз ты недоспала — тогда, может быть, просто понаблюдаешь?

— Нет-нет! Мне очень много дают эти упражнения, я

не хочу пропускать день лишь из-за того, что Поль... Ой! Чуть не сказала, кто он.

— Что ты сказала? У меня заложило уши.

— Не врите! Он мучил меня до половины третьего. Так что я, конечно, сплю — но это неважно.

— Винни, дорогая, не подумай, что я сую нос не в свое дело, но мне просто любопытно — ведь в определенном смысле я еще девушка...

— Но... — начала говорить Винни — и осеклась.

— Валяй по-честному, — засмеялась Джоан. — Я знаю, что значит это «но». Миссис Бранка была замужем, а Йоханн Смит сменил четырех жен, и это не считая тех случаев, когда он прыгал из окна. Но Джоан Юнис — девушка. Так-то, кукленок. Въезжаешь?

— Ну, если посмотреть с этой стороны...

— Я могу смотреть только с этой. Поэтому я любопытна, как герлскаут. Но рассказами тут ничего не сделать, верно? Когда-нибудь я и так все узнаю. Так что продолжим наши занятия...

После часа вращений и растяжек Джоан Юнис сказала:

— Хватит на сегодня. Еще чуть-чуть — и мы изойдем пóтом. Ты готова к парным упражнениям?

Раздался сигнал входной двери.

— Кого-то черт принес, — фыркнула Джоан. — То есть — раз я леди — кто же это так не вовремя? Черт, черт, черт! Быстро одевайся, я тебе помогу. Скажешь им, что пиццу мы не заказывали!

— Вас понял, сержант! — мгновенно натянув трико, Винни подскочила к двери.

Как мы сегодня, а? Грудки уже ничего?

Полуфабрикат. Нужна еще минимум неделя.

— Мисс Джоан, это доктор Гарсиа и мистер Сэлэмэн.

— Тогда можно не облачаться. Брось мне неглиже — вон то, «лондонский туман».

Джоан подкрасила губы и слегка вспушила короткие волосы щеткой. Потом критически оглядела себя в зеркале. Прозрачность неглиже была на должном уровне, но лицо без макияжа выглядело скромнее, чем хотелось бы. Поэтому она обвела губы темным карандашом.

Босс, мы выглядим, как дорогая блядь.

Надеюсь, что о-очень дорогая. Или ты не одобряешь?

Напротив. Я аплодирую!

Она вошла в будуар, где ее ждали.

— Доброе утро, доктор. Привет, Джейк, дорогой. Не желаете ли сесть? Кофе? Или поискать бутылочку старой кентуккийской крысиной отравы?

— Кофе, — сказал Сэлэмэн. — Ты сегодня замечательно выглядишь, дорогая.

— А еще лучше пахну. После часа упражнений от меня прет, как от лошади.

— Ну, разве что от маленького пони. Могу включить вентиляцию. Доктор Гарсиа хочет тебя осмотреть.

— Что-то случилось? Но я вполне здорова. Если бы не эти чугунные холодные решетки вокруг и не камень вместо подушки...

— Доктор Гарсиа считает, что тюремные решетки можно снять. Джоан Юнис, было бы неразумно обращаться в суд, пока ты находишься под медицинским наблюдением, поэтому мы решили...

— О! Не может быть! Наконец-то. Значит, этот взвод психиатров?..

— Это наши люди. Надеюсь, они не пригодятся — но мы должны быть готовы к отражению самых решительных атак судебных медиков. Приготовься и сама: слушанья могут оказаться долгими...

Еще бы — адвокаты будут отрабатывать свои безумные гонорары. Но не бойся, босс: я не высунусь из окопа, пока хоть один из этих мудозвонов будет болтаться поблизости.

— Это прекрасно! Я страшно рада, что доктор Гарсиа считает меня здоровой. Перейдем в другую комнату, доктор? Винни, проводи нас. Джейк, вот свежий «Уолл-стрит джорнэл»...

Они перешли в гардеробную.

— Мне лечь, доктор?

— Нет, не обязательно. Это то, что называется *pro forma*. Я должен что-то записать в историю болезни, поэтому для очистки совести провожу осмотр. Покажите

язык, скажите «А-а», — ну и прочее в том же духе. Разденьтесь до пояса.

— Да, сэр.

Она по команде дышала и не дышала, кашляла, набирала полную грудь воздуха и выдыхала весь, до последней молекулы. Один раз она легонько взвизгнула:

— Ой, как щекотно! Что это вы делаете?

— Проверяю, нет ли опухоли. Опять же для очистки совести — впрочем, это положено делать время от времени.

Понравилось, пацанка?

Может, тебе это и нравилось — а я предпочитаю более романтические обстоятельства.

Ври, ври. Бабушка все знает. Тебе ***понравилось****...*

Доктор откинулся назад и задумчиво посмотрел на пациентку.

— Что-нибудь еще, сэр? Гинекологический осмотр?

— Ну, только в том случае, если что-то беспокоит...

— Ни капли. Я здорова — хоть сейчас на медведя.

— Да, и осмотр это подтверждает... Но что-то меня беспокоит.

— Что именно?

— Не знаю. Ваш случай уникален, поэтому весь опыт медицины может оказаться недостаточным... Скажу честно: я не верил в такой исход и не ожидал его. Все идет слишком гладко, и поэтому мне тревожно. За последние две недели у меня не было оснований наблюдать за вами больше, чем, скажем, за Винифред... И в то же время я, ставя рядом Винифред и вас, за нее спокоен, так как знаю: если не будет какого-нибудь несчастья, она проживет отведенное ей время... а про вас не могу сказать абсолютно ничего. В чисто медицинском смысле вы непредсказуемы.

— Доктор, — сказала она спокойно, — я знаю, о чем вы хотите сказать, не называя это прямо: об отторжении. Тело отторгнет мозг или наоборот, что мне безразлично, или тромб закупорит сосуды... я все это знаю. Я много читала о пересадках органов еще в своей прежней жизни. Я не боюсь. Если это произойдет — что ж, значит, мне просто удалось увильнуть от мучительной старости и немощи... — она улыбнулась широко и счастливо. — Можно считать,

что сейчас я в раю — хоть и не навеки. Но и пара недель в раю — это уже кое-что.

— Рад, что вы относитесь к этому так философски.

— Вот уж никак не философски — а с радостью и изумлением, и стараясь взять все от каждой золотой секунды!

— Ну, что же... Меня устраивает, что Винифред останется около вас и пробудет достаточно долго...

— Как она сама захочет. Надеюсь, что навсегда.

— ...потому что она может оказать экстренную помощь не хуже меня, тем более что здесь есть все необходимое. Кроме того, вы всегда можете рассчитывать на мою помощь. Давайте-ка снимем передатчик, он больше не нужен. Сестра, спирт и вату!

— Да, доктор!

Винни бросилась к шкафчику с медикаментами.

Доктор отлепил полоски пластыря, удерживавшие прибор.

— Небольшая мацерация, но к завтрашнему дню это пройдет. Да, теперь мне будет не хватать моего утреннего кино...

— Сэр?!

— Не подумайте дурного. Просто каждое утро я наблюдал по монитору за вашей сердечной деятельностью. Как я понимаю, вы делали какие-то щадящие упражнения?

— Да. Мы занимались йогой.

— Ничего себе! Я бы не назвал йогу «щадящей». Или мы говорим о разных вещах?

— Ну, йога, конечно, не стометровка и не поднятие тяжестей... но я — вернее, мы обе — мы принимали классические позы. Кроме стойки на голове, конечно: я не такая уж дура, я помню, что у меня череп из папье-маше.

— Я бы не позволила ей, доктор! — воскликнула Винни. — Но она и не пыталась.

— Доктор, я не наращиваю мускулатуру для показа — я просто хочу научиться владеть этим новым чудесным телом! Вот смотрите...

Джоан вскочила, сбросила неглиже и встала в шести дюймах от края циновки. Перенесла весь вес на левую ногу и, медленно наклоняясь вперед, вперед... ниже... еще

ниже... так, что щекой она смогла коснуться голени, в то время как правая нога смотрела в потолок. Сделав три контрольных вдоха, она оперлась руками в пол и медленно перешла в стойку на руках. Затем плавно, как падающие лепестки, ее ноги коснулись циновки, и все тело перетекло — сначала в позу «арка», потом в «колесо», выпрямилось в «бриллиант» и замерло в классическом «лотосе».

— Омм мани пхадме хум.

Омм мани пхадме хум. Только ты зря выставляешь мышеловку так напоказ.

Да? А какой-то маленький гуру говорил недавно совсем другое.

Шалите, парниша.

Доктор Гарсиа зааплодировал:

— Великолепно! Неимоверно! Как вообще все, что с сами связано. Винни, и вы так можете?

— Еще как! — воскликнула Джоан. — Винни, заголяйся — и выдай доктору все, что можешь!

Медсестра покраснела до ушей:

— Ой, я не могу! Не верьте ей, доктор, я только учусь.

— Ерунда! Все, что ей нужно, это как следует вспомнить, что люди произошли от червяков.

— Подождите... Если не Винни учила вас, то — кто?

Ой-е-ей! осторожно, босс, он почуял мышку!

— Сколько вам лет, доктор?

— Э-э... тридцать семь, а что?

— Получается, что я освоила все это еще за сорок лет до вашего рождения. Осталось лишь вспомнить... да еще поблагодарить миссис Бранка за такую потрясающую гибкость.

Слишком сложно врешь, босс. Не запутайся потом.

С моей практикой? Дитя мое, я врал, не моргая, еще когда твоя бабушка писала в пеленки. Нет, вру — прабабушка.

— Ладно... Я попытаюсь внести это в эпикриз — если сумею сформулировать. Ваше платье, Джоан?

— Спасибо... — она взяла неглиже в руки вместо того, чтобы повернуться к доктору спиной и позволить одеть себя. — Доктор, мистер Сэлэмэн позаботится о вашем гоно-

раре и счетах. Но, чтобы вы поняли, как я вам благодарна, я хочу подарить вам еще кое-что...

Он покачал головой:

— Я не имею права брать сверх обычного гонорара... впрочем, он достаточно велик.

— Это ничего не значит... — Она уронила неглиже. — Винни, отвернись.

Она шагнула к Гарсиа и прижалась, подняв лицо и приоткрыв губы.

На миг он растерялся, а потом — обнял и поцеловал. Джоан глубоко вздохнула и еще крепче прижалась к нему.

Никаких обмороков! Не расплещи ни капли!

Не зуди, Юнис... видишь — я занята...

Доктор отпустил ее, перевел дыхание и посмотрел серьезно и грустно. Потом наклонился, поднял неглиже и помог Джоан одеться.

— Спасибо, доктор, — она улыбнулась.

— Да, теперь я с чистой совестью могу записать, что вы совершенно здоровы. Мистер Сэлэмэн ждет.

— Скажите ему, что я иду.

Джоан подождала, пока дверь закроется. Потом обняла Винни и засмеялась ей в плечо:

— Винни, ты отвернулась, да? Ты не подглядывала?

— Я отвернулась — но там же зеркала! Во фокус, а?

— Еще какой фокус! Так вот на что это похоже!.. Если честно, то я уже не чувствую себя девушкой.

— Он настолько хорош? Впрочем, да, он производит впечатление.

— Не могу судить. Не с чем сравнивать. Мой дорогой Джейк целует меня, как любящий дядюшка. Ты целовала меня... но ты девушка, и ты миниатюрнее меня. Доктор — это первый мужчина, с которым я по-настоящему целовалась... и я почувствовала себя такой маленькой и беззащитной, что чуть-чуть не завалила доктора на циновку. Ты никогда не целовалась с ним?

— С ним? Джоан, да если бы я что-то подобное брякнула перед медсестрами, меня бы засмеяли. Доктор Гарсиа такой строгий, что даже по попке не погладит.

— А меня погладил. То есть мне показалось... Не помню.

— Погладил, я видела. А вы бы вправду заставили меня перед ним раздеться? Или это шутка?

— Никаких шуток! Заставила бы. Я могу, а ты нет?

— Но вы — пациентка, а я — медсестра. Предполагается, что я робот-чичисбей.

— Но мы-то знаем, что нет?

— Н-ну... все равно я не смогла бы сделать, как вы. Это для меня чересчур сложно.

— Ничего, у нас есть время подготовиться. Он еще придет.

— Джоан, опять вы меня дразните... Недели две нам хватит?

— Конечно. Но — никакого трико. Иначе не стоит и стараться. И если будешь стесняться, тоже ничего не получится. Лучше и не пытаться.

— Да, это будет зрелище не хуже поцелуя... Но Полю не понравится.

— Что ему может не понравиться? Доктор увидит, какая у тебя координация движений? Или вдруг поцелует? Или даже сверх того? И вообще — откуда он все это узнает?

Босс, вы развращаете юное поколение нашей страны!

Надо же кому-то это делать. Тем более что этот Поль, похоже, не намерен брать ее замуж... или он уже женат. В любом случае у него нет исключительных прав на Винни. Как вы изволили однажды заметить, секс не спорт, а способ быть счастливым...

— Доктор не станет меня целовать. Медсестра для него не человек и подавно — не женщина.

— Не верю. Вы оба не так тупы, как намерены казаться. Вот объявлю поцелуй призом за отличное выступление — и посмотрю, как ты используешь эти две недели... Где там наш дорогой Джейк?

Глава 13

— ...прийти к обоюдному согласию до того, как суд начнет заседание.

— Ваша честь, истицы считают, что это невозможно. В зале присутствуют все четыре истицы и их адвокаты, но у нас нет уверенности, что ответчик присутствует здесь же!

— К порядку! Прекратить шум немедленно! Или я при-

кажу очистить зал. Адвокат, вы утверждаете, что мисс Смит — вот эта молодая леди, которую я вижу перед собой, — *не* Йоханн Себастьян Бах Смит?

— Ваша честь, утверждения не прозвучало. Я лишь обращаю внимание суда на то, что в представленных документах нет безусловных подтверждений того, что лицо, на которое указал суд, *есть* Йоханн Себастьян Бах Смит. Вопрос о дееспособности не может быть решен *до* того, как личность ответчика будет доказана.

— Адвокат дает инструкции суду?

— О, ни в коей мере!

— Прозвучало именно так. Позволю напомнить адвокату, что суд рассматривает дело по праву справедливости[1], а потому сам устанавливает процедуру.

— Разумеется, ваша честь. Я сожалею, что мое высказывание прозвучало как некая инструкция...

— Вы прошли в одной шестнадцатой дюйма от оскорбления суда и не испытывайте свое везение еще раз.

— Да, ваша честь.

— ...поскольку я до тошноты устал от поведения половины публики и почти всех репортеров, я приказываю бейлифу очистить зал. Берите свой взвод, Эвелин, и чтобы тут никого не осталось — а если расколошматите пару видеокамер, то и черт с ними. Адвокаты, истицы, опекун и подопечная — предполагаемая, так и запишите — могут подождать в моем кабинете, пока тут не останется ни одного тупого рыла.

— Джейк, это забавно! Если я — не я, то я мертва. Значит, у меня ни денег, ни... Джейк, как честный человек, ты просто обязан на мне жениться, чтобы спасти меня от вэлфэра.

— Йоханн, заткнись. Все весьма серьезно.

— Не могу. Представь: я мертв. Значит, вступает в силу завещание. Представляешь, как вытянутся мордочки моих

[1] «Право справедливости» (equity) — процедура рассмотрения в суде гражданских исков, по которым не имеется прецедентов или четко обозначенных законом норм.

внучек, когда им его прочитают? Все бы отдал, чтобы это увидеть! И мне вполне может представиться такой случай!

— А что? Юнис имеет право присутствовать на оглашении завещания. Там же есть: «...и лица, специально не поименованные, но состоящие у меня на службе, после моей кончины...» — и так далее. Так что ты если не Йоханн, то Юнис.

Оба! Оба!

Вот повеселимся-то, девочка!

Часть кабинета судьи Мак-Кэмпбелла представляла собой удобный уголок отдыха. Войдя, он огляделся по сторонам.

— М-м... Джейк, Нед, мисс Смит, Алек, миссис Сьюард, миссис Фрэбиш, миссис Кромптон, я не ошибся? — и миссис Лопес. Паркинсон, а вы какого дьявола сюда заявились?

— Дружеское сочувствие, ваша честь.

— Вы не друг этого суда, и ваше место не здесь.

— Но...

— Вы пойдете ногами или полетите?

Паркинсон предпочел ноги. Когда дверь захлопнулась за ним, судья сказал:

— Сперлинг, настройте этот аппарат так, чтобы я сам мог записывать, когда понадобится, и можете идти. Алек, а вы опять хотите заявить протест?

— Я? Ничего подобного, судья.

— Это хорошо. Потому что в деле сплошной туман, и протестами его не разогнать. Кому-нибудь надо поправить голову? — он подошел к бару. — Алек, джин с тоником, как обычно?

— Да, судья.

— Забыл о дамах. Миссис Сьюард? Что-нибудь крепкое — или кофе? А ваши сестры? Эта машина может заварить и чай, если я вспомню, на что нажимать. Мисс Смит, а вы? Я помню, что вы, бывало, заказывали в Гибралтарском клубе. Ваши вкусы те же?

Это засада, босс!

Расслабься.

— Судья, в этом теле мои вкусы слегка изменились. Но те времена я вспоминаю с нежностью. Добрый старый

«Глен Грант»... правда, потом мне его запретили. До сих пор не пробовал ничего похожего. Нет, перерыв был слишком большой, а вопрос моей дееспособности слишком важен для меня... так что я лучше выпью кофе. Или кока-колы — если ваша коза доится ею.

Судья озадаченно почесал нос.

— До дееспособности мы еще не дошли, а вот что касается личности... впрочем, про «Глен Грант» мог знать и Джейк. Но с кока-колой вы меня сразили.

— Вы просто не знаете всего, — улыбнулась Джоан. — Это был первый напиток, который врачи запретили мне пить. Не только его — вообще газированные напитки. Вы тогда, наверное, только поступали на юридический факультет... Это в том случае, если я — Йоханн Смит. Если нет, то я не являюсь подопечным суда — а значит, должен идти пить в другое место. Я так понимаю.

Судья задумался еще глубже.

— Джейк, ты не хочешь остеречь своего клиента? Нет, не клиента... а кого? Будь я проклят, если знаю. Собственно, это мы и должны установить. Леди, вы присаживайтесь. Кока у нас найдется. Алек, озаботься выпивкой для истиц. Обслужи их. Джейк и Нед — вы уж сами. У нас с Алеком на завтра намечена встреча с кой-какими рыбками в Новой Шотландии, поэтому сегодня надо поставить точку. Алек, загляни в свою ирландскую душу: ты что, всерьез считаешь, что эта леди не та, за кого себя выдает?

— Судья, а не обвините ли вы меня в неуважении к суду, если я скажу, что вопрос неточен и некорректен?

Мак-Кэмпбелл вздохнул:

— Юная леди, не обращайте на него внимания. Он пользуется тем, что делил со мной комнату в наши студенческие годы, и теперь проедает мне плешь. Когда-нибудь я упеку его суток на тридцать — чтобы посидел и подумал. А завтра рано-рано утром столкну его в очень холодную воду... ну, как бы случайно.

— Давай-давай. Я тут же потащу тебя в суд. Учти, там *Канада.*

— Я знаю, что вы снимали одну комнату, — сказала Джоан. — Вы оба были «Большими Баксами» и жили на

Дартмаус, семьдесят восемь, не так ли? Судья, может быть, вы позволите адвокату задавать мне вопросы — тогда он убедится, кто я есть?

— Это не способ! — визгливо заговорила миссис Сьюард. — Первым делом вы должны снять отпечатки пальцев этой... этой самозванки, и...

— Миссис Сьюард!

— Что, судья? Я хочу сказать...

— *Заткнитесь!*

Миссис Сьюард заткнулась. Судья выдержал паузу. Все вели себя прилично.

— Мадам, неформальная обстановка нашего заседания — это еще не повод нарушать установленные процедуры. Если вы не желаете привлечения по делу о неуважении к суду, то впредь обращайтесь ко мне лишь через своего адвоката. Алек, втемяшь ей это в голову.

— Да, ваша честь. Миссис Сьюард, вы поняли? Вы *все* поняли?

— Но я всего лишь хотела сказать...

— Остановитесь. Вы находитесь здесь лишь по любезному приглашению суда, пока процесс установления личности ответчика не завершен. Прошу прощения, судья. Это была моя мысль — усомниться в личности, чтобы прояснить суть дела. В действительности я убежден, что такой опытный юрист, как Джейк Сэлэмэн, не станет морочить нам головы, пуская в игру подставного игрока. Прошу прощения, мисс Смит.

— Я в этом тоже убежден, — кивнул судья. — Дальше что?

— Дальше? Я хотел бы просить вашу честь позволить мне отказаться от роли адвоката истиц по этому делу... если миссис Сьюард будет продолжать настаивать на своем.

Судья погрозил пальцем и осклабился:

— Шалишь, Алек! Ты их сюда приволок, ты их надрочил как следует — а теперь хочешь слинять? Не выйдет, зайчик! Так... Джейк, ты будешь говорить сам или поручишь Неду?

— Я думаю, мы не помешаем друг другу.

— Нед?

— Конечно, судья. Джейк вполне способен говорить сам. Но какое интересное дело! Целый роман!

— Да уж... Ладно, говорите оба. Алек, мне что-то подсказывает внутри, что рыбы нас завтра не дождутся.

Адвокат промолчал.

— Но почему, судья? — удивилась Джоан. — Вот я. Берите ваш кнут и клещи... Я отвечу на любой вопрос.

Судья продолжал сандалить свой нос.

— Видите ли, мисс Смит... — мучительно морщась, заговорил он. — Я лично уже решил для себя вопрос, являетесь ли вы Йоханном Себастьяном Бахом Смитом, главой «Предприятий Смита» и жителем этого города... Но оформить свое мнение в виде приговора суда я пока не вижу возможности. Предложение миссис Сьюард: снять отпечатки пальцев — не выдерживает никакой критики... Алек, истцы принимают как факт то, что мозг их деда был пересажен в другое тело?

— Нет, ваша честь.

— Какая же у них версия?

— «Пропал без вести, возможно, умер». По нашему мнению, кто бы ни называл себя Йоханном Себастьяном Бахом Смитом — он должен это доказать.

— Джейк?

— Я не могу согласиться с тем, что именно моя подопечная должна это доказывать; вполне очевидно, что бремя доказательства *противного* должно лежать на истцах. Однако мой клиент — я подчеркиваю: мой клиент Йоханн Себастьян Бах Смит, присутствующий в этом зале, — готов ответить на любые вопросы суда и адвоката истцов, и я с ним в этом согласен.

— Ваша честь...

— Секунду, мисс Смит. Джейк, вы не против, чтобы она говорила?

— Нет, ваша честь. Пусть говорит.

— Продолжайте, мисс Смит.

— Спасибо. Судья, мои внучки могут спрашивать меня о чем угодно. Я помню их с раннего детства. Скажем, Йоханна... извините, миссис Сьюард... Когда ей исполнилось восемь лет — а это было пятнадцатого мая шестидеся-

того года, как раз в тот день стало ясно, что встреча Хрущева и Эйзенхауэра в Париже не состоится... так вот, в тот день ее мать, а моя дочь Эвелин пригласила меня в гости — посмотреть, как ее маленькое отродье лопает именинный пирог. Эвелин посадила ее мне на колени, и она обмочилась...

— Я этого не делала!

— Да что ты говоришь? Эвелин подхватила тебя и стала извиняться, что это недержание мочи, что ты писаешься в постели... Врала, конечно.

— Судья, вы что — собираетесь так вот сидеть и спокойно слушать, как эта... эта личность оскорбляет память моей покойной мамочки?

— Миссис Сьюард, ваш адвокат вас предупредил. Если вы будете и дальше бесчинствовать, суд посадит вас в бочку, и вы будете говорить только тогда, когда я выну затычку. Или что-нибудь подобное. Алек, ты помнишь суд в «Алисе в Стране чудес»? Я разрешаю тебе применять те же методы, какие были там. Тем более что процесс живо напоминает... Мисс Смит?

— Да, сэр?

— К сожалению, то, что вы говорите о деталях жизни ваших предполагаемых потомков, не доказательно — в чем вы убедились. Не могли бы припомнить нечто, известное Йоханну Смиту и мне, но чего не мог знать Джейк Сэлэмэн?

— Это трудный вопрос, ваша честь...

— Естественно. Но иначе мне придется принять как факт то, что вы самозванка, которую хорошо натаскал опытный юрист. Тогда я буду вынужден завалить вас вопросами, чтобы вы утонули в собственной лжи... Вы, очевидно, понимаете, что идентификация личности должна быть четкой и неоспоримой, как дактилоскопия.

— Это я понимаю... хотя и не представляю, что именно... А дактилоскопия бессмысленна: отпечатки пальцев достались мне от донора.

— Естественно. Но есть разные способы убить кошку — вовсе не обязательно закармливать ее маслом. Ну, так что?

— М-м... Судья, вы позволите мне пожать вам руку?

— Что?

— Пожать руку. Лучше под столом, чтобы никто не видел.

Рукопожатие состоялось. Глаза судьи расширились.

— Черт побери! Простите. Мисс Смит, пожмите руку Алеку.

Джоан повернулась к адвокату и протянула ему руку. Адвокат, пожимая ее, наклонился и шепотом что-то спросил. Джоан так же шепотом ответила.

Босс, я не понимаю...

Это по-гречески. А перевод не для дам.

Мак-Кэмпбелл вопросительно наклонил голову:

— Как я понимаю, мистер Сэлэмэн не мог научить вас этому...

— Да. Джейк был Варваром, а не Эллином.

— Я был Варваром, — подтвердил Сэлэмэн. — Что же мне — становиться «вертволль юде» в группе, которой лень было пересмотреть свой устав? Так что вы выяснили?

— То, что мисс Смит — брат мне и судье Мак-Кэмпбеллу, — сказал адвокат. — Вернее, сестра. Судья, мне кажется, очень легко установить членство Йоханна Смита и Джейка Сэлэмэна в наших тайных обществах. И это будет тем самым документальным обоснованием, которое необходимо.

— Могу я добавить? — спросила Джоан. — Брат Алек, когда вы будете искать меня в списках, учтите, что там я прохожу как Шмидт, а не Смит. Я поменял фамилию в сорок первом. Но вы помните о существовании нашего фонда взаимопомощи?

— Да.

— Конечно, мисс Смит.

— Я был его казначеем с пятьдесят шестого и до конца восьмидесятых, когда отошел от общественной деятельности. Судья, весной семьдесят восьмого вы взяли полторы тысячи долларов...

— Верно. Но сумму я возместил и спустя некоторое время внес такую же — согласно уставу.

— Отлично, вы это помните. Мне изложить обстоятельства, которые убедили меня, что ссуду вам дать необходимо? Я ведь был прижимистым казначеем...

Судья смутился:

— Думаю, это можно обойти. Алек в курсе тех обстоятельств...

— Это точно, — подтвердил адвокат. — Сам бы одолжил, да нечего было.

Эй, босс, что это за история?

Еще одна «ревматическая лихорадка», моя радость.

Деньги на аборт?

Нет, на свадьбу.

— Судья, — сказала Джоан, — я могу продолжить рассказ. Хотите, я изложу тайную родословную семьи Шмидтов? Там много скелетов в шкафах...

— Позже, мисс Смит. Я готов вынести вердикт, вступающий в силу с момента оглашения и действующий до вынесения окончательного решения. Адвокаты сторон готовы?

— Да, ваша честь.

— Возражений не имею, ваша честь.

Судья поднял два пальца.

— Постановляю: идентификация личности не может базироваться исключительно на отпечатках пальцев, рисунке сетчатки и прочих второстепенных косвенных признаках. Имярек может потерять руки и ноги, потерять оба глаза, быть обезображенным до полной неузнаваемости — и в то же время оставаться прежней личностью. Его номер социальной регистрации не изменяется. Нечто подобное случилось и с вами, мисс Смит, хотя я с удовлетворением отмечаю, что обошлось без шрамов. Суд находит убедительными доказательства, представленные ему в подтверждение того, что вы действительно являетесь Йоханном Себастьяном Бахом Смитом, и постановляет считать вас таковым до тех пор, пока не будет доказано обратное. Итак, на время судопроизводства вы — Йоханн Себастьян Бах Смит. Далее: мы вступили в область применения прецедента Парсонса. Поскольку Верховный суд постановил считать, жив или мертв субъект, исключительно по активности мозга, то наш суд постановляет, что личность субъекта может быть идентифицирована исключительно по мозгу. Любое другое решение противоречило бы решению

Верховного суда по делу «Генри М. Парсонс против Род-Айленда». Иные решения и толкования привели бы к хаосу при рассмотрении аналогичных дел в будущем. Итак: личность идентифицируется по мозгу.

Судья перевел дыхание и посмотрел на Сэлэмэна.

— А теперь, Джейк, я возлагаю бремя доказательств по делу на вас и вашего клиента. Вы должны однозначно доказать, что мозг Йоханна Себастьяна Баха Смита был извлечен из его тела и пересажен в тело донора, которое мы и видим перед собой.

Сэлэмэн кивнул:

— Я понял, судья. Сегодня мы не готовы к этому.

— Ничего — мы тоже не готовы... Все из-за вас, Алек, — надо же было предупредить суд и адвоката ответчика, что вопрос будет поставлен именно так.

— Приношу извинения, ваша честь, но я слишком поздно получил указания от истиц.

— Ну, так надо было просить перенести разбирательство... Ладно, ничего страшного не произошло. Разбирательство было любопытным и поучительным. Мисс Смит, вы были взяты под опеку по причине бессознательного состояния после операции; поскольку данная причина более не существует, опека отменяется, а мистер Сэлэмэн освобождается от функций опекуна. В чем дело, Алек?

— Протестую, ваша честь!

— Основания?

— Нет заключения экспертов о дееспособности мисс Смит.

— Интересная мысль. Для установления недееспособности данной особы эксперты не привлекались, как вы помните: речь шла лишь о длительной потере сознания. Каждый гражданин изначально дееспособен, а следовательно, все мы — вы, я, Джейк, мисс Смит, истицы, то неописуемое существо, которое приносит нам пиво и выносит мусорные корзины, — полностью правомочны. Наш суд не станет создавать чрезвычайно опасный прецедент, позволяя проводить промывку мозгов человеку без достаточно веских оснований. Если желаете, Алек, вы можете настаивать на проведении экспертизы, но бремя доказа-

тельства необходимости ее проведения ляжет на вас. И потребуются гораздо более веские доводы, чем просто желание истиц наложить лапу на громадное состояние. Кстати, Джейк...

— Да, судья?

— Вам придется еще, вероятно, отражать такие атаки. Будьте готовы.

— Мы готовы.

— От опекунства вы освобождены, но по-прежнему остаетесь хранителем собственности Йоханна Себастьяна Баха Смита до *положительного*, подчеркиваю, решения суда об идентификации личности вашего клиента. Я должен проследить весь путь мозга Смита в это тело. Как звали хирурга? Бойл? Он понадобится. И другие, кто был там. Я ничего не приму на веру. Вам, Алек, я уже сказал: требовать признания недееспособности мисс Смит будете после моей отставки — или в другом суде. Всем все понятно?

— Да, ваша честь.

— Перерыв.

Миссис Сьюард вскочила. Лицо ее было свекольно-красное.

— Вы уволены! — крикнула она Алеку Трайну.

Мак-Кэмпбелл холодно сказал:

— Мадам, ваше счастье, что вы дождались перерыва. А сейчас — очистите помещение.

Повернулся к остальным истицам:

— Вы трое — тоже.

Джун, сестра Йоханны, подняла руку:

— Ваша честь, могу я задать вопрос?

— Задайте, миссис Фрэбиш.

— Вы оставили эту... эту личность на свободе, судья... ладно. Но неужели вы позволите ей жить в доме нашего деда? Дом полон, дом буквально набит произведениями искусства. Кто помешает ей растащить все это, пока мы не докажем, что она не может быть нашим дедом?

— О, мадам, мистер Сэлэмэн знает свое дело. Ему поручено хранение собственности, следовательно, он ее сохранит. Так, Джейк?

— Никаких проблем, судья. Из дома не будет вынесено ничего, имеющего ценность.

— Судья, могу я добавить? — спросила Джоан.

— Разумеется, бра... мисс Смит.

— Я прошу у суда защиты. Дело в том, что истицы не могут знать, владею ли я какими-либо произведениями искусства: никто из них никогда, ни единого раза, не был в моем доме. Даже в период моей болезни, когда я лежал, прикованный к постели, они не навещали меня и не удосужились хотя бы цветов послать... Но сразу после операции Йоханна, то есть миссис Сьюард, попыталась ворваться в дом.

— Джейк, это так?

— Да, шеф охраны докладывал мне об этом.

— Миссис Сьюард?

— Я была в своем праве. Как наследница.

— Все ясно. Хорошо. Значит, так: вы, леди, слушаете меня внимательно, запоминаете как следует — а потом уходите. Вы не должны входить в дома, офисы и прочие помещения, принадлежащие Йоханну Себастьяну Баху Смиту. Вы не будете делать попыток встретиться и говорить с этой юной леди, которую я называю мисс Смит. Если вам потребуется вступить с ней в контакт, вы сделаете это исключительно через мистера Сэлэмэна, но никак не напрямую. Это постановление обязательно для исполнения, и в случае нарушения его вас ждет наказание за неуважение к суду. Вы все поняли? Вопросы есть?

Вопросов не было. Судья выдержал должную паузу.

— Очень хорошо. А теперь уходите.

Когда дверь закрылась, судья облегченно вздохнул:

— Ну, наконец-то!.. Мисс Смит — или брат Шмидт, как правильнее? Может, тяпнем по-гибралтарски? «Глена Гранта», к сожалению, нет, но «Гленливет»...

— Боюсь, что нет. Я еще не пробовала крепких напитков в этом новом теле — а вам с братом Алеком нужно собираться на рыбалку...

— Суд отклоняет возражение. Снасти в машине Алека, внизу, а мой коптер будет только через час. Так что, еще колы?

— А шерри есть? После бокальчика шерри у меня начинает так приятно шуметь в голове — похоже, мой донор совсем не пил...

А ты меня спаиваешь!

Ш-ш-ш! Потом.

А судья славный. Вот бы его трахнуть!

У тебя одно на уме...

Спроси, как официально сменить имя.

Ладно.

— Шерри найдем. Джейк? Нед? Алек?

— Судья, поскольку Джейк в моих услугах не нуждается, я прошу прощения...

— Как хочешь, Нед. Алек, наливай себе и Джейку, а я хочу поглазеть на брата Шмидта. Возможно, я вас больше не увижу, мисс Смит. Истицы наверняка захотят передать дело в суд высшей инстанции. Сегодня вы победили, потому что причастны к нашему братству. Но временная защита — это пока все, что я могу сделать.

— Это очень много — для меня и сейчас. С переменой тела во мне появилось что-то новое. Когда я был старой развалиной, я ничего не боялся. Теперь я гораздо сильнее, выносливее, я полностью здорова — но почему-то испытываю потребность в защите.

— Брат Шмидт, я буду вашей защитой! — обернувшись, сказал Алек. — И не доверяйтесь брату Мак-Кэмпбеллу — это самый страшный волк в нашем лесу! Отвали, Братец Волк, настал мой черед глазеть на нашего нового брата!

— Парни, я не новый брат — меня посвятили задолго до вашего рождения. А что касается вашего желания поглазеть, то оно объяснимо... Джейк, они знают?

— Судья знает. Алек, наверное, тоже.

А если не знают, скажи. И не забудь про имя!

К чему я и веду...

— Мой донор, Юнис Бранка, бывшая моя секретарша, была самой приятной и очаровательной девушкой из всех, кого я знал. Не так давно она победила на конкурсе красоты... Я понимаю, какое сокровище я унаследовал. Пока я лишь учусь пользоваться этим дивным телом...

Уже неплохо получается, босс.

— Суд считает, что вы уже научились.

— Возражаю, ваша честь! Решение суда вынесено до выступления адвоката! Брат Шмидт, я согласен с этим старым ослом, поскольку он случайно оказался прав. Как известно, даже ржавые часы два раза в сутки...

— Спасибо вам обоим... от имени Юнис. Джейк, теперь, когда судья объявил перерыв, я могу снять этот бабушкин салоп?

— Н-ну... это зависит от того, как много надето под ним...

— Тогда лучше не стоит. Сегодня нужно соблюсти какой-то минимум благопристойности...

Хочешь, чтобы тебя начали просить, уговаривать?..

А кто меня учил? По крайней мере, лифчик на мне не нарисованный.

— Брат Шмидт, — сказал Алек, — поскольку в нашем деле затронут вопрос идентификации личности, может возникнуть необходимость в полном обнажении тела. Родинки... маленькие шрамы... и эти, как их... ну, объясните же ей, судья!

— Не обращайте внимания, брат Шмидт. Кстати, почему вы называете эту великолепную тогу «бабушкиным салопом»? В корне неверно! Но, должен заметить, она явно предназначена для открытого воздуха, и я с радостью помогу вам снять ее...

Босс, опасная зона!

Ша!

Джоан провела пальцем по магнитной «молнии»; Алек, опередив судью, принял плащ.

— Видите? Вот так выглядела Юнис Бранка...

Наряд для тела Юнис Джоан позаимствовала у Винни: черную обтягивающую юбочку, черный же полупрозрачный лифчик, босоножки на шестидюймовых шпильках... Она стояла, они смотрели. Джейк вдруг закашлялся.

— Джоан, если бы я знал, что на тебе надето, я бы не...

— Джейк, милый, а сказал бы ты такое самой Юнис? И кстати — хочу спросить. Судья, я не могу больше носить мое старое имя. Вы разрешите мне сменить его?

— Тут нет предмета для обсуждения, брат Шмидт. Вы

можете называть себя любым именем. Суд должен лишь зафиксировать это. Что вы выбираете? Наверное, Елена? Или Клеопатра?

— Спасибо...

Босс, а судья женат?

Скройся!

— ...но эти имена мне не подойдут. Я хочу носить имя Джоан — от «Йоханн»... Джоан Юнис Смит.

Судья улыбнулся.

— Хорошо звучит. Осталось немного от старого, отдана дань донору. Красиво. Позвольте дать вам совет?

— Я его прошу.

— Подписывайте чеки пока что прежним именем — до окончательного решения суда. Может быть, даже — Верховного суда...

— То же самое говорил и я, — кивнул Сэлэмэн.

— Ничуть не сомневался. Э-э... мисс брат Шмидт, как бы вы хотели, чтобы мы к вам обращались?

— Можно «Джоан», а можно «Юнис». И если в неофициальной обстановке — то лучше без «мисс». Хотя брат Шмидт старше вас обоих, вместе взятых, но Джоан Юнис всего две недели как проклюнулась. У вас могут быть дочери возраста моего тела... Кроме того, я помню, мои братья в обществе называли меня Йонни...

— Мисс Джоан Юнис брат Йонни Шмидт, мне будет исключительно приятно называть вас так, как вам угодно. Дочерей ваших лет у меня нет, но относительно моего бывшего сокамерника — не знаю. Страшно даже подумать, какого возраста могут быть некоторые его самоделки — он такое вытворял в школе!.. — Адвокат расплылся в улыбке. — Да, я еще не сказал, насколько я счастлив, что миссис Сьюард, не к столу будь помянута, меня уволила? Брат Джоан Юнис, я взялся за это дело лишь потому, что меня попросила теща Паркинсона. Сначала все выглядело как защита интересов пожилой и больной леди, едва ли не инвалида...

— Врет, — махнул рукой судья. — Обычно он охотится за клиентами в приемных покоях больниц. Иногда я по-братски подкидываю ему приличное дельце... Вернемся к

нашим баранам. Джейк, будут ли какие-нибудь трудности с доказательствами того, что мозг брата Шмидта был помещен в тело Юнис Бранка?

— Нет. Хотя это сплошное занудство, но трудностей не составляет.

— А доказать, что это тело — это чудесное тело! — принадлежало Юнис Бранка?

— То же самое.

— Понятно. Но никаких письменных показаний, если есть возможность привести свидетеля в суд. Никаких копий — только подлинные документы и фотографии. И так далее. Отпечатки пальцев перед операцией снимали?

— Вот этого не знаю. Когда Юнис убили, мне было не до отпечатков ее пальцев...

Джоан тихонько пожала его руку.

— Тут могу помочь я, — вмешался Алек Трайн. — Когда я начал заниматься этим делом, я тут же затребовал отпечатки с обоих тел, удостоверился в их подлинности — и для себя решил этот вопрос. Поэтому, повторяю, меня ошарашило, когда сегодня перед началом заседания мне сказали... Не знаю, какой паркетный шаркун подал эту идею миссис Сьюард... Паркинсон, наверно. Боже, как же они оба мне осточертели!

— Кхм... Короче, соберите *все возможные* доказательства. Кстати, а где второе тело?

— В морге Медицинского центра. По завещанию, тело должно было поступить для медицинских исследований, но завещание — по понятным причинам — не вступило в силу... Так что тело все еще там.

— Хотел бы я надеяться на это, — пробормотал Алек Трайн. — Если тело не упрятано, то пять к одному, что кто-то из любопытных студентов уже выпотрошил его.

— Алек прав, Джейк. Вам стоит позаботиться о сохранности тела — и как можно скорее. Даже живые свидетели исчезают, когда речь идет о таких больших деньгах. Давайте-ка представим себе, что брату Шмидту противостоят неизвестные нам личности, готовые на *все*. Они будут давать взятки, находить лжесвидетелей, выкрадывать ули-

ки... Как вы думаете, сколько понадобится денег, чтобы выкрасть или уничтожить труп?

— Не знаю. Но если речь идет о неизвестных нам четверых дамах, то можно выяснить...

— Могу пояснить, — сказала Джоан. — Марла и Элинор рано потеряли отца, поэтому я помогала Роберте, моей дочери, содержать девочек, платила за их обучение и прочее — до тех пор, пока они не вышли замуж. И вот за то, что после замужества субсидии прекратились, они меня возненавидели. Впрочем, за их кредитом я продолжала следить. Негоже, чтобы мои родственники сели на шею налогоплательщиков... Почти то же самое было с Йоханной и Джун, разве что девочки вышли замуж при живых родителях. Короче говоря, если никто из них не выиграл миллион в лотерею и не ограбил банк — то у них просто не найдется денег, чтобы в складчину сбацать что-нибудь настоящее.

— Это хорошо, — кивнул судья. — И все-таки, Джейк, не теряйте времени. Меня не будет четыре дня, но номер моего радиотелефона можно узнать у Сперлинга.

— Минутку, — сказал Алек. — Тут речь о деньгах, а Мак знает, как я отношусь к деньгам...

— Как всякий нормальный крохобор.

— Прошу не принимать во внимание реплику судьи! Я беру разные гонорары — от обозначаемых нулем до обозначаемых горизонтальной восьмеркой. В данном случае я долго не хотел браться за дело, потом потребовал *очень* большой гонорар, рассчитывая, что они пойдут искать кого-нибудь подешевле... но деньги мне заплатили мгновенно. Формально я получил их от миссис Сьюард, но, думаю, ясно, чьи они. Следовательно, вопрос стоит так: захочет ли Паркинсон продолжать платить — раз; и два — сможет ли он нанять хорошего взломщика, чтобы в нужный момент вам не хватило какой-нибудь самой важной детали?

— Черт его знает, — сказал Сэлэмэн. — Будем действовать так, как будто он уже занялся этим. Значит, надо торопиться. Извини, Джоан, я упустил это из виду. Старею...

Ничего он не стареет! Скажи ему, босс, скажи!

Джоан погладила его по руке.

— Не расстраивайся, Джейк. Ты не стареешь — просто

не было оснований беспокоиться об этом. Джентльмены, позвольте одну реплику. Я ничуть не расстроюсь, если мои внучки выиграют это дело. Тут так: если они выиграют, то очень сильно проиграют. Если они докажут, что я мертв, и будет оглашено завещание — то они, бедолаги, окажутся без гроша за душой. А возможность потерять это проклятое состояние меня не тревожит — оно мне просто надоело. Так что спасибо Юнис Бранка, Джейку, доктору Бойлу — благодаря им я здорова, полна сил и наслаждаюсь жизнью...

— Брат Шмидт Джоан Юнис, — сказал Алек, — вы толкаете абсолютно антиамериканские речи. Разве так можно говорить о сотнях миллионов долларов?

— Брат Алек! — улыбнулась она. — Пари: если я потеряю все до цента, то уже через пять лет буду иметь миллион чистыми. Спорим на миллион? Джейк, ты поручишься за меня, а то у меня с собой ничего нет?

— Естественно.

— Минутку, минутку! — запротестовал Алек. — Я честный, а потому бедный юрист. Давайте снизим ставку до пятидесяти центов. Мак, ты одолжишь мне пятьдесят центов?

— Только под залог. Это безнадежное пари, Алек. Джоан Юнис, я ничуть не сомневаюсь, что вы полны сил и задора — вступить в этот мир без цента в кармане, но с бодро поднятым хвостом. Однако я просто сердцем чувствую, что здесь, рядом со мной — мой брат Йоханн Шмидт, который поверил мне и дал ссуду, когда она была мне страшно нужна... Старина Эта-Бета-Пи[1] не позволил мне упасть, а я не позволю никому уронить брата Шмидта.

— Спасибо, брат Мак...

— Аристократы дерюжные, — проворчал Джейк. — Еще в колледже меня от вас тошнило... да и сегодня воротит. Судья, единственной причиной, заставляющей нас всех помогать Джоан Юнис, может быть только то, что она *права*. А не то, что она сколько-то там лет назад выудила из дерьма какого-то сопляка-брата...

---

[1] Эта-Бета-Пи (Эгемон, Боулеутэс, Патэр — вождь, советник, отец) — название одного из престижных студенческих обществ США.

— Принимаю ваше замечание, советник. Однако никогда еще наличие братских уз — включая братство Благоговейных Хранителей, к которому мы с вами имеем честь принадлежать, — не влияло на мои умозаключения в суде...

— Какого черта! — вскочил Алек. — Ты принимаешь любые решения, лишь бы — против меня! Спроси кого хочешь!

— ...даже когда мне приходилось указывать этому ирландцу на некоторые тонкости в законодательстве. Я помог бы Джоан Юнис в любом случае... но в данном конкретном — мне было просто очень приятно ответить добром на добро, потому что... — Он вдруг замолчал и стал рассматривать свой бокал. — Джейк, вы в курсе моих *тех* обстоятельств?

— Нет.

— Джоан Юнис расскажет вам... чуть позже. Сейчас мы запишем то, что нам может потребоваться в дальнейшем, и размножим... Не получится, черт! Простите, Джоан Юнис... Сперлинг не сменил пленку.

Босс, давай посмотрим, что у него с автостенографом.

— Я «брат Шмидт» — в любое время, когда вам захочется сказать что-нибудь этакое. Могу я взглянуть на ваш аппарат? У меня такой же.

— Ради бога. Зря мы отказались от стенографистов.

— Угу...

Ну, что, Юнис?

Ерунда. Это недоразвитая сестренка нашей Бетси. Сейчас все будет. Спой-ка про себя «Янки Дудль».

Зачем?

Чтобы не мешать мне.

Понял. Омм мани пхадме хум. Омм мани пхадме...

Вернись, радость моя. Все о'кей.

— Готово, судья.

— Всегда удивляюсь, как люди что-то понимают в этом железе...

— Не так уж я и понимаю. Юнис в свое время объясняла мне, как пользоваться подобным аппаратом, а память у меня неплохая...

А врешь ты вообще замечательно!

Я? Вру?

Ну... говоришь почти всю правду, а получается что-то новенькое.

О! Этот принцип я открыл, еще когда твоя прабабушка ни разу и ни с кем, поняла, козленок?

— Диктую. Первое: подтвердить всеми возможными способами факт смерти Юнис Бранка. Приложить все усилия, чтобы никто не смог подменить или уничтожить соответствующие полицейские документы — даже с помощью очень больших взяток. Тело поступает в больницу, так как жизнь ее еще надеются спасти — следовательно, все это фиксируется в приемном покое. Принять те же меры. Хирурга, осматривавшего тело, — в свидетели. Затем — все относительно пересадки мозга Йоханна Шмидта в тело Юнис Бранка... Джоан Юнис, вам, наверное, неприятно выслушивать все это? Вы можете перейти в умывальню, там есть кушетка.

— Продолжайте: мне надо привыкать жить с этим.

А мне хочется выйти...

Терпи, малышка. На суде нам надо будет выглядеть спокойными, как удав... как два удава.

Омм мани пхадме хум.

Омм мани пхадме хум.

Омм мани... Давай сядем в лотос, кресло позволяет.

Нет возражений...

— ...и непосредственно в суде снимем отпечатки пальцев Джоан Юнис, тем самым замкнув логическую цепочку. Джоан Юнис, теперь это просто выключить?

Он распечатает копии и выключится сам.

— Он распечатает копии и выключится сам. Джейк, мы, наверное, задерживаем джентльменов. Их ждет рыба...

— Рыба дождется, — поднял руку судья. — Минуту... — Он подошел к видеофону и набрал номер. — Эвелин?

— Да, судья?

— Как там снаружи? Штурм отбит?

— А как вы догадались?

— Надо быть мужем большого ума, чтобы *не* догадаться. Потери большие?

— Трое. Отравление газом, набитая морда и сломанное

ребро. По третьему и четвертому каналам новостей все это показывают. Очень похоже, что репортеры и подстроили потасовку: камеры у них оказались наготове.

— Если мы захотим выйти, надо брать охрану?

— Уже нет. Полиция контролирует обстановку. Звонил судья Андрес — просил передать, что ваш с ним договор остается в силе, можете ехать, он вас подменит.

— Я ему позвоню. Счастливо.

Судья переключил видеофон на передачу новостей.

— Вроде бы не слишком... Все равно, этот дом надо бросать к чертовой матери и строить новый — покрепче и подальше от Развалин... — Он переключился на следующий канал новостей — и отшатнулся от экрана. — Ой-е-ей!

Рев толпы ворвался в кабинет. На экране бушевало людское море. Сквозь него, как настоящие броненосцы, шли три полицейских танка «Мерримак»...

— Брат Шмидт, на вашем доме есть вертолетная площадка?

— Нет, — покачала головой Джоан. — Когда я его строила, считалось, что безопаснее не иметь ее.

— И все же... придумайте место, куда я могу вас отвезти на коптере. Или будете ночевать здесь?

— Судья, — сказал Джейк, — у меня ведь «Роллс-Шкода».

— Я вас ни к чему не принуждаю... но давайте прокрутим запись и посмотрим, что послужило поводом...

Через минуту они нашли это место.

«...ость дня! Афера с пересадкой мозга раскрыта! Наши предположения подтвердились: сенсационная операция оказалась блефом! Вопрос один: умер ли Йоханн Смит своей смертью? Или — убит? Последнее мнение более вероятно, учитывая сегодняшнюю наглую попытку прямо в зале суда украсть его огромное состояние! Женщина сомнительной репутации, известная под именем «Бланка»...»

— Может быть, выключим, судья? — сморщился Сэлэмэн.

Судья выключил. Постоял у погасшего экрана, потер переносицу.

— Похоже, что я им всыпал-таки перцу под хвост. И не

могу сказать, что меня тянет пойти и извиниться. Здесь все же суд, а не цирк...

— Мне жаль... — начала Джоан.

— Жаль? Чего? Вас приволокли в суд против вашего желания — так? Вы ведь *ничего не сделали*. А я почему-то до сих пор придерживаюсь немодной концепции: суд не должен потакать толпе — и отвечает лишь перед законом и перед богом. И пока я сижу в этом кресле, я буду вести дела именно так, и мне... э-э... глубоко плевать, что болтают обо мне эти репортеристые шавки и сколько подонков желают увидеть дешевый стриптиз в зале суда...

— Мне жаль, что пострадали ваши бейлифы, — закончила Джоан.

— Этих ребят мне тоже жаль. Но — они на службе. Они знали, куда нанимаются. Джейк...

— Да?

— Вы вольны рисковать своей шеей — но «Шкода» не «Мерримак». Ее можно опрокинуть, если навалиться толпой, можно поджечь — а эти гады сделают такое просто ради удовольствия. Так что я запрещаю Джоан Юнис покидать это здание иначе как на коптере. Или вы хотите, чтобы я возобновил заседание и вновь сделал ее подопечной суда?

— Мой дом находится в безопасном месте, — сказал Джейк. — И там поблизости есть посадочная площадка. Хорошо охраняемая. Потом, когда все поуляжется, туда можно будет прислать мою машину.

— Это неплохой вариант, — кивнул судья. — Подождите, я распоряжусь...

Несколько минут спустя Джейк и Джоан встали: коптер судьи ждал их на крыше. Ни о какой рыбалке Мак-Кэмпбелл не желал и слышать.

— Нет нужды повторять, как я благодарна, — сказала Джоан. — Но я хотела бы, чтобы моя благодарность выражалась не только в словах. Судья, как насчет премии тем людям, которые пострадали?

— Нет.

— Но почему?

— Потому что это можно классифицировать как дачу взятки служащим суда. Так, Джейк?

— Он прав, Джоан... хотя и зациклен на этом.

— Ну, не зациклен, конечно... Джоан Юнис, есть такой приют: для детей погибших полицейских, бейлифов, пожарных... Джейк расскажет. А я не хочу знать, что вы сделаете потом.

— Поняла...

Джоан, не обращая внимания на Джейка, который держал ее плащ, подошла к судье и обняла его за шею.

— А это тоже взятка?

— Думаю, да... но я не стану привлекать вас...

— Конечно, взятка! — закричал Алек. — Брат Шмидт, отойдите от него и отдайте эту взятку мне!

— Куда без очереди, рыжий ирландский черт!

Мак-Кэмпбелл отстранил адвоката. Джоан приоткрыла губы...

О-о-о-о! Я знала...

Юнис, держи меня...

Долгие-долгие секунды спустя Джоан отстранилась от судьи, улыбнулась смущенно:

— Боже мой...

Алек хлопнул судью по плечу:

— Объявляется перерыв! Судья, побудьте где-нибудь...

Джоан прижалась к судье, потом оторвалась — и перешла в объятия его бывшего соседа по комнате. Второй поцелуй она постаралась сделать таким же долгим и глубоким, как и первый.

Ф-фу! И что ты думаешь, Юнис?

Я думаю, что оба понимают толк в оральном сексе... целуются почти не хуже Джейка... и если бы его тут не было, нас бы уже завалили на коврик... Ну, хватит, хватит! Джейк обидится. Брейк!

Сэлэмэн молча помог ей одеться, и они прошли к лифту. Когда дверь закрылась и лифт унес их наверх, Алек Трэйн повернулся к своему другу:

— Мак, почему поцеловать брата Шмидта в десять раз приятнее, чем с иной девчонкой переспать?

— Знамение!..

— Иди ты. А вот представляешь — жениться на такой?

И почему они появляются, когда ты уже на коротком поводке?

— Алек, тебе, наверное, неправильно накладывали щипцы, когда тащили на свет божий. Вот и пришлось делать из тебя юриста...

— А сам ты кто?

— Я — особый случай. Сам знаешь: умишка у меня всегда не хватало, а это кресло я добыл шантажом и подкупом... Боже, какая девочка!

— Принято единогласно. Мак, теперь ответь: неужели даже после такого поцелуя ты станешь утверждать, будто в этом прелестном теле сидит старый купи-продай с мерзким норовом?

— Ну... все сходится. Она знает наш тайный знак...

— Пароль тоже. Но, понимаешь... любой из наших братьев продал бы ей все секреты за один только поцелуй.

— Относительно наших братьев ты — увы! — прав... но у Джоан Юнис почти не было шансов заполучить кого-нибудь из них. Джейк держал ее взаперти — а сам он Варвар... хотя можно, конечно, уточнить этот момент по «Кто есть кто»...

— Вряд ли он стал бы так подставляться. Но почему бы не представить себе, что старик Йоханн *сам* рассказал своей любимой секретарше обо всем, включая, кстати, историю с тобой...

— Это вполне правдоподобно...

— Не более того. Нет, я уверен, что Джоан Юнис — это то, что заявлено: прекрасная девушка с мозгом старого Йоханна в черепушке. Алек, я признаю, что она своими повадками даже не напоминает известного нам Йоханна Смита. Но, поверь мне, даже если бы ей пересадили ту мочалку, которую ты носишь между ушами, общество приняло бы ее с распростертыми объятиями... Да, такая девочка может переключить мужчину с переменного тока на постоянный.

— О, я вижу, она тебя зацепила — и крепко!

— А тебя? Кто мне уши прожужжал, что пора отдохнуть от женщин? И что теперь? Стоит ей позвонить тебе и попросить о чем-то... ты ведь слетаешь на небо и принесешь

луну, не так ли? И не пытайся меня обмануть, я тебя знаю лучше, чем ты сам.

— Не имею намерения обманывать. Но ведь ты и сам готов к тому же, нет? Кстати, Норма в курсе относительно нашей рыбалки?

— В курсе. Алек, ты очень хочешь порыбачить? А то Джейку может срочно потребоваться дружески настроенный судья. Эти хищницы постараются найти спеца по грязным делам, достаточно неразборчивого, чтобы заплатить кому-нибудь за вчинение прямого иска. Я бы не хотел быть где-то там, когда я могу понадобиться здесь.

— Боже мой, душа в душу. Я думал как раз об этом. Нельзя оставлять брата Шмидта без помощи. Мак, как по-твоему: этично предложить Джейку мою помощь? Истицы меня уволили... Если процесс развернется, ему могут потребоваться помощники, и я бы взял на себя часть хлопот...

— И часть гонорара. В форме повременного созерцания брата Шмидта.

— Но закон же не запрещает принимать гонорары в таком виде? А Джейку действительно нужна помощь.

— Закон не запрещает. Так что валяй. Интересно, есть у Джейка телефон в том его покинутом доме? Ладно, так или иначе — мы с ним свяжемся.

— Он снимает комнаты в Гибралтарском клубе...

— Разберемся. Рут тебя не ждет, а Норма не ждет меня, пообедать нам дадут и здесь, про ванну я уже не говорю...

— Верно мыслишь. Давай пока разливай, а я начну звонить. Эй, а с коптером связаться можно?

— Только через пилота. Воздержимся, пусть пока *никто* не знает. Вряд ли до утра мы ему понадобимся... хотя... Короче, если мы ему срочно понадобимся, он позвонит сюда — и напорется на нас.

— Нормально, — Алек опустил протянутую было к телефону руку. — А мне показалось, что брат Шмидт вытеснил из твоей головы все мысли. Оказывается, нет.

— Скажем так: мне было бы приятно обсудить достоин-

ства брата Шмидта с человеком, приятным мне и разделяющим мои взгляды на противоположный пол...

— В таком случае смешай нам пойло и включи что-нибудь спокойное. Я сейчас приду.

Глава 14

Сэлэмэн подсадил Джоан в коптер, забрался сам и закрыл дверь. Коптер взлетел. Пассажирский салон был изолирован от кабины, можно было говорить о чем угодно, но Джейк упрямо молчал и смотрел перед собой.

Джоан недолго терпела такое безобразие.

— Дорогой, ты сердишься?

— Я? Конечно, нет. С чего ты взяла?

— Ты просто где-то далеко. И я подумала: может быть, Джейк разозлился за то, что я целовалась с этими двумя?

— Это не мое дело.

— О, Джейк! Пожалуйста, не дуйся. Такой трудный день, эти чертовы внучки... то есть мои внучки... неуютно, когда рядом кто-то желает твоей смерти. А знаешь, как тяжело сдерживаться и вести себя как леди, если до этого целый век был мужчиной? А знаешь, как мне это вообще удается? Пытаюсь вообразить, как вела бы себя Юнис... я не умею целовать мужчин, ты мог бы меня научить, но всего лишь целуешь меня перед сном — как дорогой дядюшка... И вот — мне захотелось их поблагодарить, а что сделала бы Юнис? Она ведь поцеловала бы их, не так ли?

— Н-ну... пожалуй, да. Юнис поцеловала бы...

Делает вид, что сомневается — хотя прекрасно знает... О, мужчины!

Ему просто очень трудно...

Не ослабляй натиска! Скажи, как он прекрасен, скажи! Джоан, мужчины просто тают — все! — когда им говорят, что они прекрасны!

— Тогда какого черта ты так холоден со мной, а? Ты был *прекрасен* сегодня! Я хотела поцеловать тебя... за то, что ты такой прекрасный... и поцелую... если ты позволишь. Или ты дуешься за то, что я целовала их, не закутавшись в плащ?

— Ну... это было бы чуть пристойнее... для леди.

Еще раз по тому же месту! Джоан, добивай его! Когда я целовала его в первый раз, я была без плаща — а потом вообще голой! Думаешь, он сопротивлялся? Ха!

Сейчас мы его...

— Джейк, но откуда мне знать, что значит быть леди? Откуда? Меня часто шокировало то, что Юнис делала и как она одевалась, но она была совершеннейшей леди, я убеждена! Джейк, руку на сердце: в этих обстоятельствах Юнис — стала бы одеваться? Или прижалась бы к ним голым телом и позволила потискать себя, если бы те захотели — а они хотели, Джейк! Джейк, ты знал ее лучше — так ответь мне, правильно ли я себя вела? В смысле — так же, как Юнис, или не так?

Джейк вздохнул настолько горестно, что почти застонал:

— Черт!.. Да, она бы сделала все точно так же. Это меня и добило.

— Спасибо, Джейк. Мне лестно это слышать... — Джоан провела пальцем по магнитной «молнии» плаща. — Здесь тесно, я не могу это снять — и все равно, поцелуй меня. Поцелуй так, чтобы я забыла тех двоих, сделай так, чтобы Юнис гордилась мной...

— Джоан!..

— Не стыдись меня, Джейк, я теперь девушка, меня нужно целовать, ну, назови меня «Юнис», я так хочу, это мое имя, назови меня так и скажи, что я хорошая девочка...

— Юнис... — простонал он.

— И поцелуй... меня... любимый...

Дрожа всем телом, он сдался.

Поцелуй длился невыносимо долго.

Юнис, я больше не могу...

Стоять! Стоять, подружка! Я так долго этого ждала...

Наконец Джейк откинулся, но она осталась сидеть, прижавшись к нему, а он продолжал ее обнимать одной рукой. Она коснулась его лица:

— Джейк... спасибо тебе... за это — и за все.

— Спасибо *тебе*... Юнис. Джоан Юнис.

— Поназывай меня еще просто Юнис. Я хорошая девочка? Ей не пришлось бы стыдиться меня?

— Не пришлось бы...

— Я старалась. Джейк, ты веришь в духов? Мне почему-то кажется, что Юнис где-то рядом. Без нее я не смогла бы... вообще ничего не смогла бы.

— Интересная мысль...

Интересная мысль! Надо будет продолжать время от времени щекотать его за это место. Кстати, если его пощекотать под ребрышками, он становится такой мягкий-мягкий. Совершенно беспомощный.

Запомним. Но — не сегодня.

— ...в любом случае — да, она бы гордилась тобой. Ты милая девушка.

— Надеюсь, что так и есть. Это все для тебя. Я тебя люблю.

Лишь в одно биение сердца была пауза.

— Я тоже люблю тебя... Юнис. Джоан Юнис.

— Я рада, что ты любишь нас обеих... Ты ведь женишься на мне, Джейк?

— Что? О боже, дорогая! Ты такое говоришь... Я люблю тебя, но... между нами такая разница в возрасте...

— Разве это так важно? Допустим, я на четверть века старше... но это же не бросается в глаза.

— Кхм! Я имел в виду, что я намного старше тебя...

Не давай ему говорить об этом! Скажи, что мужчины — как коньяк: улучшаются с возрастом! Что-нибудь в этом духе! Видела, каким он был молодцом пару минут назад?

Ш-ш-ш!

— Джейк, ну какой ты, к дьяволу, старик? Уж я-то знаю, что такое — быть стариком! Ты — классический тип, а значит, только крепчаешь с годами! Несколько минут назад я успела это заметить...

— Чтоб тебя!.. соплячка!

— О, Джейк! Как это чудесно — быть твоей девушкой! Я не буду набиваться, я подожду. Скоро ты поймешь, что не можешь без меня... и тогда сделаешь из меня честную женщину.

— Х-х-ха! Уморила! Это выше человеческих сил — даже с помощью лицензии на брак.

— Мой милый грубиян! Я подожду. И ты не скроешься от меня... Юнис тебе не позволит.

— Ладно... Переспорить тебя все равно невозможно: Йоханн был упрямее всех на свете, а Юнис... тоже, хотя и по-своему: этакая шелковая веревочка. Я так и не могу понять, кто ты больше: он или она. Как будто бы действительно — раздвоение личности...

Меняем тему!

Не суетись, кошка. Пусть привыкает.

Подождем, пока кончится процесс. Я до сих пор вздрагиваю, когда вспоминаю те ремни, что удерживали нас в постели...

— Ничего удивительного. Сколько ты меня знаешь? Лет двадцать пять?

— Двадцать семь.

— И все это время ты хоть раз видел, чтобы я похлопал по попке секретаршу?

— Нет. Ты был старым сухарем.

— Вот именно. Сначала мне приходилось сдерживать себя, чтобы не выглядеть дураком, потом — старческая немочь... А теперь я получил молодое и здоровое тело. Пусть женское — ну и что? Думаешь, женщины легче переносят воздержание? Да будь я парнем — я бы уже перетрахал полгорода!

— Представляю себе...

— Больше четверти века воздержания — и при этом я в такой форме! Ты и вообразить не можешь, что я чувствую. Зато я стал понимать женщин. Взять мою медсестру Винни — хотел бы ты ее попробовать?

— Черт тебя побери, Йоханн!.. Ну да, она приятная девочка... Нет — Пятая поправка![1]

— Она действительно приятная девочка, но я, кроме того, понимаю, что она постоянно чувствует себя, как

[1]Пятая поправка к Конституции позволяет человеку не давать показаний, идущих ему во вред.

кошка в течку — и ты, старый бык, мог бы пободать ее своим рогом без малейшего сопротивления с ее стороны.

Эй, ты о чем?

Сама не понимаю...

Мы же хотели приберечь Винни для нас.

Боишься, что наша маленькая Винни залетит? Или по какой другой причине?

— Болтаешь черт знает что... Я втрое ее старше...

— Засмущался, старый козел? О, Джейк, прости! Посмотри на меня! Ведь ты любил Юнис, любил это тело, я знаю... а я телом не намного старше Винни...

Да при чем тут Винни?!

Откуда я знаю?

— ...а Юнис всегда была такая леди... Как у тебя с нею началось? Ты ее изнасиловал?

Клевета, черт возьми! Это я изнасиловала его! Хотя, надо сказать, он не оказывал сопротивления...

— Слушай, это нечестно!

— Зато так по-женски... Джейк, я знаю тебя давно — но извне. А Юнис я теперь знаю изнутри... Ты ведь не ухаживал за нею, не волочился — так? Она просто дала тебе понять, что не сделает из тебя дурака — и?.. И что?

И все. Роман длился пять минут, но потом нам помешали, поэтому финальную сцену пришлось отложить на завтра. А так — все уложилось бы в десять. Я имею в виду — ухаживания, цветы, письма, что там еще?..

— Это не твое дело, вообще-то...

— Наполовину, Джейк, наполовину. Йоханн приносит свои извинения... но тело Юнис просит подтвердить, что оно не ошибается. И потом — я же не выспрашиваю подробности...

А мне больше всего хотелось бы узнать подробности! Увидеть все его глазами. О своих впечатлениях я расскажу попозже...

Милая, ну нельзя же быть такой нетерпеливой. Сейчас мы его немножко размягчим, подготовим...

— Джоан Юнис... Юнис... Ты всегда находила способ добиться своего.

— Это твой ответ, Джейк? У меня ведь нет памяти Юнис, я не вполне понимаю...

Как это нет? А я?

Юнис, давай пока не будем в это углубляться. Предадимся философии, когда завалимся с тобой в постельку. Видишь, я уламываю мужчину, и с непривычки у меня плохо получается.

На что спорим, что у нас не будет времени философствовать в постели?

Не говори такого. Я боюсь.

Не бойся. Расслабься и повторяй: «Деньги пахнут, деньги пахнут»[1]. Рулить буду я.

И не дашь подержаться за руль?

Посмотрим... но ты, похоже, настоящая ебливая сучка, босс?

— Я попробую, Джоан... я понимаю, что тебе это нужно — и понимаю зачем. Поэтому я расскажу, как Юнис себя вела. Она была честной и целенаправленной...

Я притворялась, что я такая, — а на самом деле была настоящая змея!

— ...и вбила себе в голову, что я ей почему-то нравлюсь, чем облегчила мою задачу. Ничего похожего на изнасилование... или на соблазнение...

И то, и другое! Только он не знал.

Очаровательно! Но пока мы тут занимаемся эмоциональным стриптизом — помолчи и послушай. Узнаешь кое-что новенькое обо мне.

Слушаюсь и повинуюсь!

— Все так, как я и предполагала. Но это то, что касается моей женской половины. А мужская слишком привыкла быть мужчиной, чтобы... Я не зря спросил о Винни — я с огромным трудом сдерживаюсь, чтобы не начать ее лапать.

Сдерживаешься? Кто бы мог подумать!

Брысь, кому сказано! Или ты хочешь, чтобы я, обняв его, рассказывал о своих похождениях по Розовой улице? Русалка ты бесстыжая! Впрочем, ладно — только пусть это будет сладкий десерт, а не бутербродик...

А чем плох бутербродик? Один сверху, другой снизу...

---

[1]Игра слов: «Деньги пахнут» — «мани хум».

Замолкни!

— Так что, Джейк, старик Йоханн — то есть я — относится к Винни... ну, ты меня понимаешь.

— Да, пожалуй.

— А если принять во внимание, что я на девяносто пять процентов — Юнис?

— Гм-м...

— Джейк, мне чертовски нравится Винни, я хочу затащить ее в постель — хотя не знаю, что в этом новом теле с нею делать. И в то же время только что, когда я целовалась с Алеком и судьей, я почувствовала, что меня тянет к ним. Тянет к мужчинам. Понятно, что в каком-то из этих случаев я проявляю гомосексуальные наклонности — но в каком именно?

— Джоан, честное слово, я затрудняюсь ответить.

— Но, Джейк! Мне надо прибиться к какому-то берегу. Иначе, боюсь, у меня поедет крыша.

— По-моему, это шантаж.

— Упаси бог! Я действительно не могу сориентироваться... хотя до уровня нынешней молодежи не дошла. Знаешь, сколько полов они насчитывают? Шесть! Ортодоксальные мужской и женский, амбивалентные мужской и женский — ну, и гомо, соответственно. А некоторые выделяют еще два: аутосексуальные. Плюс к этому ко всему — асексы, нейтральные.

— По-моему, все это чушь.

— По-моему, тоже. Из своего уникального опыта я могу сделать вывод, что существует один-единственный пол: сексуальный. То есть: сексуальность либо есть, либо ее нет, и форма тела тут ни при чем. Взять, например, меня: правда, мои рекорды — в далеком прошлом, но все равно. Взять тебя: заполучил чудесную замужнюю женщину, вдвое тебя моложе... Взять Юнис: счастливый брак...

— Да, именно так. Я чувствую себя виноватым.

— ...и в то же время всегда не прочь отпустить налево. Причем пойми: я говорю об этом не с осуждением, а с восхищением. Просто в ее сердце было достаточно любви для всех. Она делала счастливым тебя — и не обделяла мужа... и я подозреваю, не ограничивалась вами двумя.

— Слушай, Йоханн!.. Да черт меня побери, если у нее оставалось время на кого-то еще!

Босс, я тебе потом все расскажу. Не мучай Джейка!

Э, ты не понимаешь, ласточка. Последний барьер — это образ Святой Юнис, который запечатлелся в его сердце. Когда мы подрисуем к этому образу недостающие детали, крепость падет.

— Ты так уверен? Ну-ка, потрогай темечко — там ничего не выросло?

— Джоан, тебе не следует говорить о Юнис в таком тоне.

— Джейк, дорогой! Я ведь лишь подчеркиваю ее *достоинства!* Юнис — женщина из нашей команды. Я любил ее, я стремлюсь ей подражать — и если узнаю, что она предпочитала спать с тремя мужчинами одновременно, подрабатывала в подпольном борделе, а в свободное время предавалась лесбийским игрищам — я начну делать это немедленно!

Спасибо, босс. Я могу выйти и поклониться?

Пока нет, хорошая моя.

— Так что, Джейк, одно из двух — или я становлюсь «бесштанной Смит, любительницей девочек», или — ты берешь меня под руку и выводишь на прямую дорогу женского счастья. Потому что мое терпение вот-вот лопнет.

— Джоан, я люблю тебя... но я не женюсь на тебе. Этот вопрос снимается без обсуждения.

— Тогда — постарайся помочь моим внучкам меня разорить.

— Это еще почему?!

— А то ты не понимаешь. Юная незамужняя мультимиллионерша! Шансов найти хорошего мужа не больше, чем у черепахи — догнать Ахиллеса. Кто попадает в мужья таким, как я? Грузинские князья, джигиты и жиголо. Какого черта! Уж лучше в монастырь. Хорошо Винни — спокойно трахается, с кем хочет. Ни денег, ни забот. Джейк, ну?

— Я слишком стар. Если мужчина женится в моем возрасте, то берет не подругу, а няньку.

— Если понадобится, я могу стать нянькой. Но вряд ли эта пора настанет скоро. А пока давай споем «Сентябрьскую песнь».

— Да не буду я ее петь! Вот еще... И вообще, я пою басом.

— Знаешь, Джейк, а ведь если возникнет нужда — мы могли бы и тебе купить новое тело.

— Ну уж нет. Мое меня не подводило, а путь был долог... и я его тоже не брошу, когда придет время. В болото их, этих медиков... Я умру так, как умирали мои предки.

— После этого кто-то здесь говорит о моем упрямстве... Я подняла тебя на вершину горы и показала все царства земные — ты же твердишь, что это Лос-Анджелес. Ну и ладно, было бы предложено. Я перестану докучать вам любовью своею, сэр, и надеюсь, что вы сможете подобрать мне достойного охотника за приданым. Боюсь, что Юнис была слишком простодушна...

Чушь, босс. Я выбирала товар с открытыми глазами... и потому не промахнулась.

Да, конечно. Но Джо Бранка — не меньшая редкость, чем Джейки Сэлэмэны...

— Джоан Юнис, я сочту за честь сопровождать вас... и постараюсь держать всяких «Паскудниксов» на значительном расстоянии...

— Значит, хотя бы ради этого я буду жаться к тебе поближе, о мой почти юный старый друг! Да, Джейк, о дýхах. Ты хоть немножко религиозен?

— По-моему, нет. У меня была очень религиозная семья, меня всем этим пичкали, готовя в раввины... и, наверное, перестарались.

— Что-то подобное получилось и со мной. С детства меня воспитывали в католических традициях, потом отец из деловых соображений решил, что мне лучше стать баптистом, — и в результате уже в четырнадцать лет я не верил ни во что, чего нельзя пощупать руками. Воинствующий, понимаешь, атеист. Но со временем я расслабился, поняв, что вера в отсутствие бога равносильна вере в Его существование — так что последние семьдесят пять лет жизни я был терпимейшим из агностиков, просто оставив религию шаманам...

— Как и я.

— Да. Но вот что случилось, когда я был мертв...

— Мертв? Йоханн, но ты не был мертв.

— Да ну? Без тела, с мозгом, отрезанным от всего на свете, не осознающим себя? Чем это отличается от смерти?

— Ч-черт его знает...

— Я говорил уже, что дух Юнис помогает мне?

— Говорил. Но мало ли что ты успел наболтать...

— Упрямый ублюдок! Речь ведь не идет о спиритизме и прочих прохиндейских штучках. Просто, когда у меня возникают затруднения, я сосредотачиваюсь и задаю себе вопрос: а что бы сделала Юнис? И все, Джейк! — мгновенно приходит ответ. Никакой эктоплазмы или потустороннего свечения — просто мгновенное знание, не основанное на моем опыте. Как с этими поцелуями... Скажи, разве старик Йоханн стал бы целовать здоровенных мужиков? Что ты на это скажешь?

— Я не знаю, что тут можно сказать... Джоан, ты *действительно* ведешь себя как Юнис — во всем, всегда... за исключением тех моментов, когда заявляешь, что ты Йоханн, и действуешь... э-э... от его имени. Но я не верю в духов, в переселение душ, во все такое. Если бы я знал, что мне всю оставшуюся вечность предстоит быть этим вот Джейком Сэлэмэном, я бы... я бы подал жалобу в Высший Суд.

— Тогда позволь мне рассказать, что случилось со мной, когда я предстал перед Высшим Судом...

— Что ты несешь?

— Когда я был мертвый — ну, практически мертвый... я был *там*. Там сидел очень старый человек с длинной белой бородой. Он открыл большую книгу, потом посмотрел на меня, что-то в книге прочитал — и сказал: «Сын мой, ты был изрядным паршивцем. Но что-то в тебе было этакое... Короче, я даю тебе еще один шанс. Делай свое дело лучше всех, и кое-кто поможет тебе». Как тебе это?

И ты, босс?

Ну, Юнис... если это было с тобой, а мы теперь одно и то же, то, значит, это было и со мной, нет? И потом — ты же мне помогаешь, значит, ты мой ангел-хранитель...

Из меня ангел, как из кошки монашка.

Такой, знаешь, земной ангел — без крылышек, зато с дырочкой.

Я тебя тоже очень люблю.

— Антропоморфизм, — покачал головой Сэлэмэн. — Образ из твоей баптистской воскресной школы.

— Ну, естественно. Существо из системы Проксимы увидело бы нечто подобное себе: со щупальцами и фасетчатыми глазками. Происходит клиширование, и то, что я видел некий стандартный символ, ничего не опровергает. Ты же знаешь: все, что мы воспринимаем, наши органы чувств переводят на язык символов... И та символическая картина была для меня более реальной, чем то, что я вижу в обыденной жизни. А главное — у меня ведь действительно появился второй шанс... и мне действительно помогают: врачи, сестры, ты, Мак и Алек... и еще кто-то внутри меня, подсказывающий мне, как повела бы себя Юнис в той или иной ситуации... Я не говорю, что именно Юнис... но ведь и не Йоханн — он просто некомпетентен. Так или нет?

Сэлэмэн вздохнул:

— Неисповедимы пути господни, и нет конца премудростям Его... Джоан, если уж ты ступила на этот путь — то почему бы не пройти его до конца и не постричься в монахини?

— Юнис никогда бы не сделала этого — разве что задумала бы произвести в монастыре сексуальную революцию.

— Да, она могла бы.

— Может быть, и мне придется пойти на это... раз ты не желаешь сделать из меня честную женщину. Или пойти в бордель? Где-нибудь в Бомбее... Будешь меня навещать, Джейк?

— Нет, там очень жарко.

— А вот навещать Юнис тебе бы жара не помешала!

— Юнис никогда бы не пошла в бордель.

— Ну, не пошла бы. Придется оставаться леди... хотя старый Йоханн внутренне против.

— Бедняжка. Да, имея молодость, красоту и денег чуть поменьше, чем у Международного Красного Креста...

— Джейк, у меня еще есть ты. Даже если я потеряю все остальное, я буду счастлива...

Умничка, сестренка! Я смотрю, ты уже обходишься без меня. Не взять ли мне отпуск?

Останься!

Я шучу, босс. Куда я без тебя? Мы сиамские близнецы. Но даже если бы я могла уйти — я не ушла бы. Не хочу.

Юнис, любимая, я так счастлива...

Механический голос произнес:

— Иду на посадку. Пожалуйста, пристегните ремни.

— Ремни пристегнуты, — ответил Сэлэмэн. Посмотрел на Джоан и добавил: — Юнис, застегнись и сядь прямо.

Джоан Юнис надула губки, но послушалась.

Глава 15

На посадочной площадке Сэлэмэна знали и потому пропустили к дому, не проверяя документы. Идти было недалеко. Как это принято во всех частных анклавах высшего класса, соседи делали вид, что не замечают идущих. Дверь открылась по голосовому паролю.

Джоан сбросила плащ на руки Джейка.

— Я осмотрю дом? Не была здесь столько лет. Новая мебель...

— Хочу продать ее вместе с домом. Личные вещи все вывез — к тебе и в Гиб. Кой-какой минимум остался, плюс выпивка и пара пачек бисквитов. И, кажется, копченые устрицы и икра. Нам нужно будет убить час-другой. Впрочем, можно заказать ужин по телефону...

— Тогда я посмотрю, что есть на кухне. С радостью поиграю в домохозяйку. И вообще — интересно.

— Сначала скажи, что будешь пить. Джоан, а ты хоть раз видела кухню?

— Подбери губы, пацан. Я отличный кок. Через мои яблочные штрудели можно было читать газету, а во рту они просто таяли! Впрочем, откуда тебе знать — это было до твоего рождения. Пить я буду шерри или хайболл — шнапс пока не рискну.

— Надо будет как-нибудь дать тебе отведать моей ко-

шерной кухни, девушка, и тогда ты узнаешь настоящую цену вашей баварской тошниловки. Гои никогда не достигнут высот кулинарии, это под силу только избранному народу.

— Заговорили о еде — и в нем проснулась национальная гордость... Джейк, а такое ты пробовал? — мясо, томленное в горшочках, с домашней лапшой... Черт, я жил среди жен, поварих, любовниц — и всегда готовил сам! Может, займемся любовью к еде: приготовим что-нибудь друг другу, а потом обменяемся рецептами? А потом тайно пробираться сюда: если я дома сунусь на кухню, у Деллы будет удар.

— Это было бы забавно. Мы будем есть мою стряпню, когда твое хвастовство пригорит к сковородке. Извини, пойду посмотрю, что есть жидкого в доме...

Джоан Юнис, оглядываясь по сторонам, дошла до спальни.

*Юнис, это **здесь**?*

Конечно. Видишь вмятинку на постели? Лишь здесь нам удавалось проводить вместе всю ночь. Это было божественно!

Всю ночь? Значит, охрана не просто догадывается, а знает наверняка...

Ну и что? Чарли не интересуется женщинами, а Рокфор на моей стороне. Он приветствует все, что аморально, нелегально и бесчестно, — а в нашем случае, с его точки зрения, присутствовали все три элемента. Впрочем, по официальной версии, мы выполняли срочное задание нашего босса...

Оригинально! А что ты говорила Джо?

Что встретила парня и хочу провести с ним ночь.

Еще оригинальнее!

У нас так принято... было.

И что же он?

Как что? Продолжал рисовать, естественно. Целовал меня перед уходом и желал приятно провести время. Он очень милый, Джо. Может быть, он даже был рад, что я ухожу: у него как раз была новая натурщица... в смысле, натурщик: такой очень голубой мальчик.

И тебя это никак не задевало?

С какой стати? Ох, босс, ты никак не въедешь в двадцать первый век! Я же говорила: мы с Джо старались сде-

лать друг для друга все самое приятное... А потом — я ведь не уверена, что у Джо с этим мальчиком что-то было. Может, он был просто натурщиком. Но если бы они позвали меня третьей, я бы не стала возражать... хотя я предпочитаю зрелых мужчин. Но знаешь, как это приятно: два самца так тебя любят, что позволяют видеть, что они делают друг с другом...

Юнис, я спекся. Готов. Лапки кверху... Впрочем, знаешь ли, такой аспект мне и в голову не приходил... Да, это лестно. Мужчины все-таки значительно более застенчивы, чем женщины...

***Ужасно** застенчивы. А мы только притворяемся. Просто у нас внутри есть такая адская машинка, и мы это знаем, и ничего не можем с ней сделать. И нам приходится либо посылать к черту в ад свою застенчивость и делать все, что нравится мужчинам, либо сходить с ума. Так что вот, делай вывод. Пора, пора.*

Да, пора...

Ты знаешь, у тебя получается. Правда, иногда ты похожа на маленького мальчика, который кричит: «Я ничего не боюсь!» — потому что готов уже намочить штанишки от страха.

Ну и что? Ты ведь со мной.

Я с тобой.

Джоан вошла в ванную — просто так, из любопытства. И нашла там то, чего никак не ожидала найти...

— Эй, ты где? — донесся голос Джейка. — О, извини, не заметил... Держи, это замороженное шабли, лучше я ничего не нашел.

— Это *ее?* — в руке Джоан держала роскошное неглиже: две унции тончайшего газа.

Джейк сглотнул.

— Да. Извини.

— За что?

Неожиданно для себя Джоан сбросила с себя все и, оставшись в одних туфлях, надела неглиже.

— Она носила это так, да? Ой, извини, я запахнулась на мужскую сторону... Надо вот так, правильно? Джейк, как ты думаешь, Юнис не было бы стыдно за меня?

— Юнис! Юнис...

Она опустила руки, и неглиже скользнуло с плеч на пол. Джейк обнял ее — и заплакал.

— Не надо, любимый, Юнис не хочет, чтобы ты плакал, Юнис хочет, чтобы ты был счастлив, и Джоан Юнис тоже этого хочет, держи меня крепко, Джейк, держи меня крепко и не отпускай никогда, мы затеряны где-то и одиноки, и все, что у нас есть, — это мы, ты у меня и я у тебя...

Дрожащими пальцами она расстегнула его рубашку.

Юнис, я боюсь!

Расслабься, сестренка! Вспомни, что деньги пахнут. Ну, начали: омм мани пхадме хум.

Омм мани пхадме хум. Омм мани...

И тут грянул телефон. Это было хуже холодной воды. Джоан отпрянула от Джейка — и заплакала.

— О, дьявол!..

— Не обращай внимания, — погасшим голосом сказал Джейк. — Кто-то ошибся номером. Никто не знает, что я здесь.

Они подождали, но звонки продолжались.

— Они будут так звонить и звонить, — сказала Джоан. — Где этот сволочной аппарат? В гостиной?

— Здесь есть параллельный.

— Тогда не отпускай настроение...

Стуча каблучками, Джоан подошла к телефону, встала перед экраном так, чтобы видно было только лицо, и, используя самую деловую интонацию Юнис, сказала:

— Резиденция мистера Сэлэмэна. Кто говорит?

Экран остался пустым. Голос из динамика произнес:

— Срочно. Вызывают советника Сэлэмэна. Третья попытка.

— Говорите, я записываю.

— Это телефонная служба бюро мистера Сэлэмэна. Нам позвонил судья Мак-Кэмпбелл и попросил найти советника. Мы не ожидали, что он окажется в своем старом доме, но судья настоял...

— Соединяйте, — сказала Джоан. Она оглянулась и с досадой увидела, что Джейк уже застегнул рубашку и собрал ее одежду.

— Одну секунду...

Джоан продолжала держаться у экрана так, чтобы видно было только лицо. Джейк подал ей одежду, но одеваться она пока не стала.

Теперь экран засветился.

— Джейк, привет, а это мы... О, брат Шмидт!

— Привет, Алек! Очень рада.

— Брат, не сделаете ли вы пару шагов назад, чтобы я мог увидеть нечто большее, чем... Мак, не толкайся! А где Джейк?

— Вот он, справа от меня.

— А, понял. Белое пятно — это его рубашка. Больше ничего не вижу. Лапочка, ты бы залезла на что-нибудь, чтобы вы оба были на экране. Сейчас начнется четырехсторонняя конференция.

— Вот он, смотрите на него, — Джоан с неохотой повернула камеру на Джейка и натянула лифчик и юбку. — Теперь хорошо?

— Нет, — вступил баритон судьи. — Джейк, шаг назад... так. Джоан, возьми себе стул... Нет, сядь Джейку на колени. Счастливчик Джейк...

— Что происходит, джентльмены? Да, судья, спасибо за транспорт. Долетели быстро и спокойно.

— Де нада, компадре! Джейк, у моего старого сокамерника родилась блестящая идея... думаю, на него подействовало долгое общение со мной.

И судья быстро и четко изложил план дальнейших действий.

— Здесь будет командный центр. Несколько дней я поживу в кабинете. Чтобы быть наготове подписать ордер, пригласить судью по иной юрисдикции или еще для каких-нибудь срочных дел. А когда все будет готово... мы аккуратно забьем гвоздик в крышку их гроба. Алек будет вашим Пятницей. Возьмете его на такую должность? Он, правда, безмозглый, но сильный, так что если надо что-то поднять и перенести... или не поспать пару ночей...

— Думаю, до утра такой необходимости не будет, — сказал Джейк. — Но вы здорово выручили меня, джентльмены. Сам бы я не успел...

— Всегда рады помочь человеку, так хорошо принимавшему у нас экзамены. Правда, Алек?

— Конечно! Мы засунем этих гарпий... куда бы нам их засунуть, Мак?

— Туда, куда позволит закон — и откуда они не вылезут. Джейк, можете звонить сюда, ко мне, в любой момент — днем, ночью... Где вы будете сами? Здесь?

— Пока — да. Когда придет машина, поедем к Джоан. Я позвоню в телефонную службу и проинструктирую их.

— Парни, — сказала Джоан, — у меня просто слезы наворачиваются. Как мне отблагодарить вас?

— Скажем ей, Мак? Она так мило покраснеет... Брат Шмидт, Мака благодарить нельзя — он выполняет свой долг на деньги налогоплательщиков. А меня можно, я доброволец.

— Я отблагодарю вас обоих так, как вы захотите, — она улыбнулась.

— Ты слышал, Мак? Брат Шмидт дал обещание. По законам братства, обещания не нарушаются. Брат Шмидт Джоан Юнис Лапочка, отойди чуть-чуть назад и дай на тебя посмотреть. Джейк, отвали, ты нарушаешь композицию. Сходи пива попей, что ли...

— Не обращайте внимания. Он пьян, — сказал, слишком твердо выговаривая слова, судья.

— Мак тожж пьян. А все равно, в лльбую с'кунду я гтов сесть за штрвал управляемой рак-кеты... если скажет Джейк, куда л'теть...

— Масса Джейк, он совсем отбился от рук. Дикий-дикий стал. Я не разделяю его низколобого энтуазма... энтуазизма... тем не менее спокойной ночи, сэр. Спокойной ночи, Джоан.

Убедившись, что связь прервана, Джоан начала раздеваться.

— Не надо, Джоан, — сказал Сэлэмэн.

Как бы не слыша, она завершила полное разоблачение, скинула туфли и повернулась к Джейку.

— Слушай, я не фарфоровая кукла! Я так не могу...

Он вздохнул:

— Я знаю. Но золотой момент прошел...

— Это ничего не значит. Я все равно буду ходить так. Мне ведь как женщине несколько недель от роду, я очень стеснительная, и мне надо как-то избавляться от этой моей стеснительности — и я хочу, чтобы ты помог мне в этом тоже...

— Хорошо. Ты знаешь, как я ценю твою красоту. Что мы будем делать? Читать вслух, пока не придет машина? Или посмотрим видео?

— Негодяй! Не понимаю, за что́ я тебя люблю... Давай поговорим. О Юнис. И если ты не берешь меня в постель, то дай хоть посидеть у тебя на коленях.

— Девушка, ты доведешь меня до сердечного приступа. Ладно, садись — но при одном условии...

— Боюсь, что мне трудно будет выполнять условия — я так взвинчена...

— Ну, что же. Это *мои* колени. Не пло́тишь — не трожь.

— Надо было вернуться к судье. Эти волки не ставили бы всяких дурацких условий... Ну, расслабься же, Джейк. Я забираюсь к тебе на колени и больше не ворчу...

— Сначала условие.

— О господи!..

— Ты не будешь пытаться изнасиловать меня в этом кресле.

— Не буду — потому что это невозможно. Говорю тебе как Йоханн. Чтобы заниматься любовью в кресле, требуется участие обоих партнеров.

— В общем, да. Ладно, садись. Но как только приедет машина — одеваешься, и мы едем. И без фокусов.

— Ты сказал «мы», дорогой? А я боялась, что ты отошлешь меня одну, как... Впрочем, тогда я велела бы везти меня обратно к Алеку и Маку. Восхитительные волки, правда? И у тебя есть единственный способ защитить меня от них...

— Хм... Джоан, ты умеешь хранить тайны?

— Н-ну... я обещаю: никому, кроме Юнис.

— Это годится. Но никому больше — иначе Маку и Алеку будет по-настоящему плохо. И Юнис бы не одобрила...

— Это волшебная фраза. Ею одной ты сможешь управ-

лять мною всю оставшуюся жизнь. «Юнис бы не одобрила...»

Если Джейк будет не прав, я подскажу, как нам его поправить...

— Ладно. Тайна такая: эти два очаровательных волка — а они действительно очаровательны — голубые, как небо.

— Что-о?! Не верю.

— Факт. Доказательств приводить не буду, но я это знаю *точно*.

— Слушай... я же целовалась с ними. Я, может, эрзац-женщина — но это не так-то просто заметить. А целовались они по-настоящему. И возбуждались от меня. «Ты попал пальцем в небо» — это я прочитала по Брайлю. И потом — они же женаты.

— Вспомни Юлия Цезаря.

— А, ну так они амби. Бисексуалы. Это нормально.

А я заметила... по крайней мере, заподозрила. Ничего, мы еще встретимся с ними — надо же будет поблагодарить...

Это единственный способ?

По крайней мере, самый классный.

Я думал, ваше поколение додумалось еще до чего-нибудь. Оказывается, нет. Все то же самое.

— У тебя широкие взгляды. Но странно, что ты не заметила...

— Джейк, а ты сам-то распознал бы, скажем, девственницу?

— Не знаю. Это кто-то из наших общих знакомых?

— Да.

— Теряюсь в догадках. Кто же этот образец добродетели? Сдаюсь.

— Я.

— Не понял?

— Неужели? Да, Йоханн был старым бодливым козлом, а Юнис была замужем, не говоря уже о старом волке, сбившем ее с пути истинного. Но все это не имеет отношения к новой женщине, сидящей сейчас у тебя на коленях. Я девственница... хотя могла бы ею уже и не быть, если бы не проклятый телефон. И зачем только Дон Амече изобрел его...

— Это кто? Какой-то русский? Телефон изобрел Александр Белл...

— Это такая шутка. Дон Амече играл Белла в кино... впрочем, ты это вряд ли помнишь, молодой человек. Ладно, хватит о забытых актерах, хватит о моей девственности... Мы говорим о Юнис...

Это моя любимая тема!

— ...но нельзя ли как-нибудь увернуть фитиль? Напольного светильника вполне хватило бы.

— Без проблем. Так лучше?

— Намного. А теперь расскажи мне о Юнис. Я хочу научиться заниматься любовью в ее стиле. Ну, давай.

— Джоан, ты же знаешь — я не могу говорить такие вещи о леди...

— *Но я же и есть Юнис*! Ну, представь — со мной что-то случилось, и я все *забыла*. Просто забыла. Помоги мне! Юнис любила тебя, по-прежнему любит... и Джоан Юнис — тоже. Расскажи мне о ней. Она так же хотела тебя, как и я?

— О-о...

Ты молодец! А теперь аккуратно засунь ему руку под рубашку. Только осторожно: он боится щекотки.

— Да, Джоан. Она хотела. Я даже удивлялся поначалу: она, такая юная, красивая — что она нашла во мне, старой песочнице?

— Какая же ты песочница, дорогой? Ты еще очень даже ничего себе. Лучше, чем я — в твои годы. Какое выразительное лицо: будто вытесано из гранита. А тело аккуратное и сильное, как у тридцатилетнего. Мускулы. Гладкая кожа. Джейк, даже если я тебе потом надоем — женись на мне сейчас, чтобы я могла забеременеть от тебя. А потом, если хочешь, разведемся.

Это удар ниже пояса! Я никогда не решалась на такое.

— Юнис! Джоан Юнис!..

— Джейк, я не тороплю. Я еще лет пятнадцать могу ждать этого счастливого момента. Скажи-ка мне, сколько таких вот маленьких Сэлэмэнчиков бегают по свету?

— Ну, трое. Двоих ты знаешь...

— Смотри мне в глаза! Меня интересуют другие. Я уве-

рена, что у тебя еще пара дюжин побочных ребятишек. Я права?

— Права или не права — но любопытна безмерно.

— А Юнис тоже была любопытна? Она спрашивала?

Спрашивала — и мне показалось, что он соврал. Интересно, в скольких он признается на этот раз?

— Ну-у...

— Я никому не скажу. Кроме Юнис. Даже старику с книгой не скажу.

— Хитрый маленький щен! Кажется, у меня есть еще четверо. И один у замужней дамы, но я не уверен, что он мой. Троих я помог поставить на ноги, а четвертому и предполагаемому пятому просто не мог ничего дать, потому что они ни в чем и не нуждались.

— А первые три? Они что, были одиноки? Мотыльки, опалившие о тебя свои крылышки?

— Как сказать... В одном только случае. Я предложил ей выйти за меня замуж, а она не захотела. Потом вышла замуж, муж усыновил ребенка... С другой мы расстались полюбовно — кажется, она получила то, что хотела. Остальные были замужем... с одной, правда, произошел скандал: она оказалась такой честной, что упаси боже! — и все рассказала мужу... пришлось его пришибить в темном углу большим мешком с деньгами. А с последней все было наоборот: ее муж был бесплоден, и они вместе попросили меня... вот.

А про это он мне не рассказывал. Темнит. И тебе, наверное, не про всех рассказал.

Джейк погладил ее по спинке.

— Это единственный случай, когда я на сто десять процентов уверен в своем отцовстве. На выходные мы уплыли на яхте втроем — так что в этом случае в нужном месте и в нужное время был только я. А потом... не знаю, стоит ли об этом говорить...

— Боишься шокировать старого Йоханна?

— Йоханна ничем не шокируешь...

Пусть продолжает, не сбавляй темпа!..

— Ну, Джейк, не заставляй же меня вытягивать из тебя по слову...

— Да нет же, все было очень мило. Мы так и остались добрыми друзьями, и я всегда был желанным гостем в их доме... и в их постели.

— Втроем?! Как интересно!..

— Нет, втроем только иногда...

— Но детей больше не было?

— От меня — нет. Хотя всего у них было четверо — как позволяла лицензия.

— А она была хороша в постели?

— Да. Она была нежная... но не такая изощренная, как Юнис. Если тебя это интересует.

— Это.

Это!

— Юнис — это мечта любого мужчины. Да нет — мало кто решается даже мечтать о такой! Нежнее ангела — но в постели искусна и несдержанна, как самые знаменитые куртизанки в истории...

Я мурлычу!

— Джейк...

— Что?

— Тебя хватало на всех этих неизвестных мне леди, замужних и просто так — но почему ты не хочешь сделать ребеночка мне? Ведь ты же хочешь, я *чувствую*... Ты донесешь меня до кровати?

— Юнис.

— Пойдем. Быстрее!

— Да. Да, дорогая, да...

Она вскочила, взяла его за руку... и тут загремел сигнал домофона.

— Мистер Сэлэмэн, это Рокфор. Машина прибыла! — раскатился голос.

— О боже! — воскликнула Джоан — и разрыдалась.

Джейк обнял ее и погладил.

— Мне очень жаль, родная...

— Джейк, отправь их поужинать. Пусть возвращаются... через два часа.

— Нет.

Она топнула ножкой:

— Джейк, я не хочу так! Я не поеду! Это невыносимо...

— Но ты обещала. Посмотри на меня, дорогая: мне не девятнадцать лет, и это не по мне — развлекаться на задних сиденьях машин или на заднем крыльце, пока в доме идет вечеринка. Мне нужна тишина и покой...

Бессовестно врет! Впрочем, для первого раза... возможно, он прав.

Джоан, не в силах сдержать рыдания, затрясла головой.

— Рокфор! — громко сказал Джейк. — Мы скоро выходим. Держи реактор горячим.

— Понял, сэр!

— А ты, прелесть моя, одевайся.

— Не буду! Если мы уходим — тебе придется тащить меня в машину совершенно голой!

Он вздохнул и легко подхватил ее на руки. Она тут же перестала плакать и улыбнулась...

...и зря, потому что Джейк, присев на стул, перекинул ее через колено и крепко приложил ладонью по заднице. Она заверещала, но вырваться не смогла. Он с размаху шлепнул ее еще несколько раз и поставил на ноги.

— Теперь одевайся. Живо.

Она потерла пострадавшее место.

— Да, Джейк...

Молча они собрались и уселись в машину. Здесь она робко спросила:

— Джейк, ты останешься со мной?

— Конечно, дорогая.

— Помоги мне снять плащ... можно, да?

— Можно, — вздохнул он.

Освободившись от плаща и забравшись Джейку под мышку, Джоан спросила:

— А зачем ты меня нашлепал?

— Не знаю другого способа образумить женщину, которая хочет от мужчины того, чего он ей дать не может.

— Кажется, понимаю... — Она помолчала. — А на Юнис твоя рука поднималась?

— Было раз...

— За это же самое?

— Не совсем. Она просто довела меня... — Он замолчал.

Я его пощекотала. И он меня так поразил, знаешь ли...

— Тогда я рада, что приобщилась к ней и в этом. Джейк...

— Да?

— Я хочу сказать, что мне не было неприятно или обидно... и вообще, у меня такая попа, что по ней грех не шлепнуть — а ты ее до сих пор игнорировал... и вообще, я кончила, когда ты меня шлепал.

— Ничего себе.

— Да. По крайней мере, мне так показалось. Мне, видишь ли, не с чем сравнивать...

— Думаю, что скоро будет с чем.

— Этой ночью?

— Вряд ли. Я слишком изнервничался и устал...

— Я тоже. Но я счастлива.

— Этой ночью мы будем спать. А чуть позже — когда не будет телефонов, слуг, суеты... ты меня понимаешь?

— Да... Джейк, а за что ты отшлепал Юнис?

Он засмеялся.

— Эта маленькая чертовка защекотала меня до умопомрачения. Поэтому я ее и нашлепал. Но мы были одни, так что все кончилось очень хорошо.

— А именно?

— Ну... я показал себя чуть лучше, чем обычно, зато Юнис — нет слов... это было что-то сверхъестественное и невыразимое...

Ничего себе — «чуть лучше»! Я два дня не могла потом ноги свести... не говоря уже обо всем прочем.

— Ну, я когда-нибудь пощекочу тебя... и будь что будет! Если честно: тебе понравилось меня шлепать?

Он ответил не сразу.

— Да. Причем так понравилось, что я шлепал тебя куда слабее, чем следовало. Потому что знал — если сейчас не выгнать тебя из дома, ты вообще никогда не уйдешь. А я не хочу давать слугам лишних поводов для сплетен.

— Тогда женись на мне. Это решает все вопросы сразу.

— Молчи, женщина. Что ты понимаешь в этих делах? На *ком* я должен жениться? Вот уладим все юридические проблемы — тогда...

— Старый мерзавец! Шлепатель невинных девушек! Садист! Держи меня *крепко!*

Глава 16

— Это мы, — сказала Джоан, входя. — Надеюсь, ты ждал нас не слишком долго? Ванна готова? Или надо ее наполнить?

Джейк, в купальном халате и шлепанцах, робко посмотрел на возникших в дверях полунагих дев.

— Я уже принял ванну, — сказал он. — И даже немного поел.

— Отлично! Тогда, значит, сразу в постель. Мы поцелуем тебя на ночь и исчезнем, как сон. Ты сможешь сесть в позу лотоса? Хотя без тренировки это трудно...

— А поза портного подойдет?

— Конечно — если ты сможешь в ней расслабиться.

— До восемнадцати лет мне приходилось иногда и спать в ней...

— Годится. Садимся треугольником.

Джоан сбросила халат и грациозно опустилась на пол, приняв позу для медитации: ступни ног на бедрах, руки на коленях ладонями вверх.

— Слова такие: «Омм мани пхадме хум».

— Я знаю эту фразу. «Сокровища в Лотосе». Но что это значит?

— Что все сосредоточено в нигде. Что мир богат и ярок — но призрачен. Что не надо задумываться над смыслом — надо просто *быть*. Что есть только любовь... А сейчас — не вдумываясь и не истолковывая — просто повторяй с нами.

— Я попробую. — Он начал развязывать пояс халата. — Джоан, а где ты научилась йоге? У Винни?

— О, нет! — воскликнула Винни. — Это мисс Джоан учит меня.

Опасная зона!

Спокойно, котенок.

— Я учился этому давно — когда тело позволяло. И теперь с огромным наслаждением вспоминаю старые уроки...

Чуть не описалась со страху, козявка? Старый Йоханн проходил и не через такие ловушки...

Насчет описаться — пока помолчим. Тут кое-кто забыл сбегать в туалет и собрался расслабляться...

Без проблем. Мне все равно придется приглядывать за Джейком, так что полного расслабления не будет.

Винни последовала примеру хозяйки и опустилась рядом с нею. Джейк справился с халатом. Под халатом у него были боксерские трусы. Он хотел было сесть, но выпрямился и решительно развязал шнурок. Трусы скользнули вниз. Джоан обрадовалась, сочтя это знаком капитуляции, но виду не подала. Винни созерцала свой пуп.

Все сели, образовав треугольник.

— Вдох, — мягко сказала Винни. — Омм мани пхадме хум. Омм мани пхадме хум. Выдох. Омм мани пхадме хум. Не дышим. Омм мани пхадме хум. Держим...

Омм мани пхадме хум. Заставила его обнажить меч, дорогая?

Заткнись. Сбиваешь с волны. Омм мани пхадме хум.

— Омм мани пхадме хум! — пропел Сэлэмэн голосом, который украсил бы любой собор. — Омм мани пхадме хум!

— Винни, — мягко позвала Джоан. — Проснись, дорогая. Надо будить Джейка.

Сестра очнулась и заморгала.

— Джейк... Джейк, это я, Юнис. Сейчас мы уложим тебя в постель. Ты меня слышишь?

— Слышу, Юнис.

— Как ты?

— Великолепно. Полное расслабление. Слушай, это класс.

— А как же. Сейчас мы с Винни отведем тебя в постель.

— Я могу дойти и сам.

— Конечно, но тогда расслабленность исчезнет. Не спорь, Джейк, мы поухаживаем за тобой.

Они отвели его к кровати, уложили, укрыли, поцеловали — и он уснул мгновенно, как провалился.

У двери своей спальни Джоан сказала:

— Поцелуй меня на ночь, Винни, и иди развлекайся. Утром можешь спать, я встану поздно.

— Мое развлечение приедет после полуночи. Ты мне не расскажешь, что было сегодня?

— Конечно, дорогая. Может быть, заберемся в ванну?

— Ой, я только недавно из ванны...

— И уже накрасилась. Понятно. Ладно, я ополоснусь под душем и почищу зубы. Мне кажется, что от меня просто *воняет*.

— Ничуть!

— Винни, найди пока чего-нибудь перекусить. Стакан молока, печенье...

Через пять минут они уже полулежали на огромной кровати, грызли крекеры и щебетали. Историю дня Джоан отредактировала.

— ...а мы гостили у судьи Мака в кабинете, машина ушла без нас, а судья такой лапочка, в жизни таких не встречала, дал нам свой коптер, чтобы мы не выходили на улицу. Даже когда этот опереточный штурм закончился. Мало ли что? И мы долетели до Тихой Гавани и там пересели в машину...

Щадишь ее невинность, сестричка?

О чем ты? Я защищаю репутацию Джейка!

— ...но самое смешное было, когда в кабинете судьи я сняла плащ, и они увидели твое «Акапулько». У них тут же стало «полвторого»...

— Полвторого?

— Это старый сленг. Ну, полвторого — стрелка на часах...

— Хм. Но это не наряд виноват — это ты сама.

— И то, и другое. Короче, они оба поцеловали меня — и это было так близко к изнасилованию...

— Лучше, чем доктор Гарсиа?

— Я боюсь, что доктор не слишком старался. Кроме того, там рядом болталась какая-то рыжая медсестра... А эти двое пропустили по паре рюмок — и, думаю, если бы не Джейк, они бы растянули меня на коврике и трахнули в две секунды.

— И ты бы не сопротивлялась?

Скажем ей правду?

Чтобы она перевозбудилась и сама тебя отстрочила?

Ой, да она просто хочет убить время перед свиданием.

— Если руку на сердце... настоящая леди должна бы умереть от такого признания, но не могу же я кривить душой перед подружкой... им хватило бы легкого толчка ладонью, чтобы преодолеть все мое сопротивление. Ну, была бы групповуха. В тот момент я готова была пропустить целый взвод.

Винни задумчиво сказала:

— У меня так раз было...

— Что? *Взвод?*

— Нет. Групповуха.

— Давай-ка быстренько стряхнем крошки с постели, погасим верхний свет, и ты расскажешь про это своей сестричке. Тебя что, принудили?

— Ой, там такое... я уже краснею... Давай скорее выключим свет, я буду рассказывать тебе на ушко.

— Так хорошо?

— Да.

— Ну, давай. Мамочка слушает.

— Ну, мы отмечали окончание практики. Я была не девушка — да у нас вообще не было девушек в группе, — но такое было в первый раз. Молодые врачи устроили для нас вечеринку. И все было хорошо, но интерны — они же такие кобели... Мы пили шампанское, а еды не было никакой. А до этого я шампанского не пила...

— О-о! Ну, я представляю...

— Да, оно же такое легкое и некрепкое... кажется. И вот я выпила, потом еще... а потом вдруг оказалась в постели — и тут началось представление. Я, конечно, ничуть не удивляюсь и активно во всем участвую, но перед глазами у меня все как-то изменяется. Только что у парня были черные волосы — и тут же стали рыжими, как у меня. Потом смотрю — нет, темные, и усы вдруг выросли. Мигнула — а он стал лысый. Тут я поняла, что дело нечисто. Джоан, там было семь интернов, на той вечеринке. Я думаю, все они меня по-имели. И главное — я ведь поняла... но мне хотелось, чтобы это продолжалось. И до сих пор... Я развратная, да?

— Ох, не знаю... наверное, я тоже. Мне хотелось, чтобы

это случилось, чтобы не прекращалось, чтобы снова и снова... Рассказывай.

— Уже все. Почти все. Я вдруг проснулась от холода. Никого не было. Оказалось, что я голая. Хотела укрыться или одеться, но ничего не нашла. Вдруг вошел мужчина. Я сказала: «О, Тед! Иди ко мне». Он, конечно, не отказался... и мы выделывали такое, что и сказать нельзя. А потом я уснула опять и проснулась в жутком похмелье. Еле-еле смогла сесть — и вдруг вижу: аккуратно сложенная моя одежда, термос с кофе, полпачки датских крекеров, стакан — а на стакане записка: «Выпей это, а потом слегка закуси. Чабби». Чабби — это который лысый.

— Настоящий джентльмен. Если не считать склонности к групповому сексу.

— Да, он оказался очень милым. Раньше я на него и внимания не обращала...

— Так это имело продолжение?

— Ну конечно. Я оценила тот легкий завтрак — а особенно стаканчик с лекарством от похмелья. Оно просто вернуло меня к жизни. Я собралась, оделась, дошла до дому...

— И все было нормально? Ты ничего не подхватила?

— Ничего абсолютно! Ну, они же все врачи, можно было не опасаться... Слушай, мне было *хорошо!* Об этом, конечно, все потом трепались, из девчонок ведь не только я в той групповухе участвовала... но по-настоящему понравилось, наверное, только мне. По-настоящему, понимаешь? С тех пор я больше не пью — боюсь, что не смогу удержаться.

— Разве? Ты ведь как-то пила со мной, и не один раз.

— С тобой-то я в безопасности...

Много она понимает...

Юнис, мы просто нежимся, ты же видишь — ничего, кроме...

Но она же просто умоляет тебя: переступи черту!

Я что, отказываюсь? А, пропади все пропадом...

— Винни! Винни! Уже четверть первого!

— Что? О-о...

— Ты опоздала? Он не дождется?

— Дождется... он еще не приехал, он только в двенадцать уходит с дежурства... Но мне не хочется уходить от тебя! Теперь, после того, как мы... мне было так хорошо, а тебе?..

— Мне тоже, дорогая. Но я же всегда здесь. Не заставляй мужчину ждать. — Джоан неохотно выскользнула из ее объятий. — Подкрась губы, причешись. Можешь быстренько ополоснуться в моей ванне — на тот случай, если он уже в твоей комнате.

— Да. Хорошо. Мисс Джоан, вы так добры...

— Не смей мне говорить «мисс», когда нет посторонних! Поцелуй меня и беги. Я усну раньше, чем ты выйдешь из ванной. Да, и завтра — никаких упражнений.

— Но как же...

— Улыбнись, еще не все потеряно! Все классические позы ты сможешь перепробовать сейчас в постели. Дай ему каким-нибудь особым способом — только не говори, у кого научилась. И не красней... просто поцелуй меня покрепче, и я буду спать.

Горничная-любовница-медсестра поцеловала ее долгим и глубоким поцелуем и тихо отступила. Джоан закрыла глаза и не открывала их до тех пор, пока пару минут спустя Винни не выбралась из ванной и скрылась за дверью.

Ну, что, близняшка? Фортуна повернулась к нам задом?

В общем, да. Я не хотела сворачивать на розовую сторону, пока не... э-э... не окрепну на прямом пути. Это может вызвать сдвиг по фазе...

Я не об этом. Джейк опять сорвался с крючка.

Что да, то да. Страшное разочарование. Наверное, поэтому я и расслабилась сейчас...

С другой стороны, нельзя не признать, что нам крупно повезло. Потому что у нас сейчас опасные дни, а ты беспечна, как юная баскетбольная болельщица... Так что завтра с утра — бегом марш вставлять затычку! Если, конечно, не хочешь забеременеть... или хочешь?

Вообще-то... это было бы слишком. Слишком ново для меня.

Только не подумай, что я отговариваю. Можно, скажем, залететь от Джейка и тут же женить его на себе...

Бесполезно. Железный законник. Ни одного шага навстречу, пока не будут улажены все юридические формальности — а один бог знает, когда это произойдет. Могут пройти годы и годы...

Близняшка, ты наивна, как пингвин. Мужчины женятся лишь тогда, когда им ничего другого не остается... или когда нам удается их убедить, что именно этого они и хотят. И наш железный законник ничем не отличается от прочих. Так вот: чтобы не было никаких ненужных осложнений из-за невинных шалостей, скажем, с судьей и Алеком...

Все ясно. Чем ты пользовалась? Воздержанием?

Никогда не произноси при мне этого слова! О, есть много способов заниматься любовью, при которых залететь невозможно...

Ну, это я знаю не хуже тебя. В школе мы предпочитали именно их.

Но это крайние меры. Рано или поздно сорвешься, и все. Надо иметь лонжу. Я пользовалась диафрагмой.

Но это, кажется, не слишком надежно...

Надо просто в опасные дни носить ее не снимая. Впрочем, ненадежны и не слишком приятны любые контрацептивы. Я их никогда не любила. Во мне жил какой-то инстинкт — в глубине, — что я должна забеременеть. И, босс... есть одна-единственная вещь, о которой я жалела и жалею... что я не смогла забеременеть от тебя...

Дорогая! О, дорогая...

Нет, я счастлива тем, что есть. Омм мани пхадме хум. Карма есть карма. Я счастлива быть половинкой Джоан Юнис...

Юнис... а ***сейчас*** *ты хотела бы иметь ребенка от меня?*

Нельзя так шутить над бедной душой.

Я не шучу.

Но... самая необходимая часть тела мокнет сейчас где-то в спирту... или что они там используют?

Формалин. Но я говорю не о той мумии. Ты слышала про искусственное оплодотворение?

А при чем тут?..

Помнишь, мы субсидировали евгенический фонд имени моей мамочки?

Помню. Я выписывала чеки ежеквартально...

Так вот, главной целью его создания было вовсе не то, что записано в его уставе. После моего четвертого развода я решил, что обычным способом мне сына не получить. Короче, я создал этот фонд со всеми его онерами, сдал сперму — и теперь там хранятся несколько сот миллионов маленьких йоханнчиков... правда, замороженных. Вот что я имел в виду, затевая это дело. А на евгенику мне плевать.

.....

Юнис?

Это я плачу. Может девушка поплакать от счастья? Я согласна.

Глава 17

Утром Джоан обнаружила, что Джейк ушел, не простившись. На подносе лежал конверт.

Дорогая Джоан Юнис!

Я спал как ребенок и чувствую себя превосходно — спасибо тебе и Винни. В любое время с радостью присоединюсь к вашим молитвам. Если, конечно, пригласите.

Если я понадоблюсь, ищи меня через судью.

Биллингсу я дал указания принимать твои чеки со старой подписью и новым отпечатком пальца. Потом, задним числом, я их заверю. Он знал Юнис в лицо, так что проблем не будет. На расчетном счету у тебя четыреста тысяч. Если потребуются карманные наличные, не откажи принять у меня — негласно; я не хочу, чтобы даже брат Мак знал об этом, он весьма щепетилен. Жена Цезаря должна быть вне подозрений.

К ужину я не вернусь, дела оказались более срочными и трудоемкими, чем казались вчера. Алека я уже погнал в Вашингтон.

Хотел написать любовное письмо, но не получается. Прости меня за вчерашнюю скованность.

Привет тебе и огромный поцелуй — такой огромный, что кусочек от него можешь передать Винни. Она очаровательна.

Дж.

Ах он старый ублюдок! Джоан, он видел попку Винни, когда шлепал нашу! Клянусь!

В очередь, в очередь. Ревнуешь, близняшка?

Еще чего — ревновать! Просто сниму с него скальп, и все. Хоть бы он вернулся сегодня!

Сегодня, наверное, ничего не получится.

Почему это?

А то, что мы решили пойти и зачать, — разве не препятствие? Босс, я хочу твоего ребенка — а не гадать потом, на кого он похож...

Ну, радость моя, это не проблема. Я и не такие интриги проворачивал, когда твоя бабушка лежала в пеленках. Так... первым делом нужны, естественно, деньги.

Но Джейк же...

Там слишком много подписей и виз. Не годится. Деньги для взятки нужны особые... Тебе ведь не приходилось давать взятки?

Ну... не деньгами.

Отличный ответ! Да, то, на чем я сейчас сижу, стоит не меньше миллиона... но для нашего дела нужны купюры среднего достоинства и, так сказать, беспородные. Без родословной. Пойдем, я покажу тебе одну штуку, о которой не знала даже моя секретарша Юнис... помнишь такую?

Ты хочешь показать мне сейф в ванной?

Кхм! Откуда ты о нем знаешь?

Я же любопытный щенок.

Никакой приватности... Может быть, ты знаешь и код?

Нет. Но я бы попробовала дату рождения твоей мамочки.

Почесав в затылке, Джоан прошла в ванную, открыла шкаф для одежды, выгребла полотенца, нащупала защелку на задней стенке — и панель отодвинулась. За нею был сейф.

Значит, говоришь, дату рождения?

Да. Но сначала бы я включила лампу для загара над массажным столом и открыла бы холодную воду над раковиной.

И кому же это ты, интересно, давала взятку своей попкой?

Пятая поправка. Лучше посмотрим, не ограбили ли нас.

В сейфе денег было достаточно, чтобы заинтересовать

банковского аудитора. Но пачки были не из банка: не слишком аккуратные, и сумма на бандеролях написана от руки.

«Капуста» толстым слоем. Главное, никто не подозревает об их существовании...

Джоан взяла две пачки денег, закрыла сейф, положила на место полотенца, выключила воду и лампу. Подошла к интеркому:

— О'Нейл?

— Да, мисс?

— Машину, водителя и двух охранников через полчаса.

Повисло короткое молчание.

— Э-э... мисс Смит, кажется, мистер Сэлэмэн забыл сказать мне об этом, когда уходил...

— Естественно. Он не знал. А он сказал, что я больше не под опекой? Или, может быть, вы узнали об этом из других источников?

— Мисс, я не получал этой информации из официальных источников.

— Понятно. Теперь вы знаете это от меня. Официально.

— Да, мисс.

— Не слышу радости в голосе. Если хотите проверить, позвоните судье Мак-Кэмпбеллу.

— Зачем... да, конечно...

— Будете звонить, О'Нейл?

— Если вы настаиваете, мисс. Вы ведь сказали, чтобы я позвонил...

— Вы ведете запись?

— Да, мисс. Конечно, мисс. Как всегда.

— Перемотайте пленку и послушайте, говорила ли я это. Я подожду. Да, кстати... сколько лет вы у меня, О'Нейл?

— Семнадцать, мисс.

— Семнадцать лет и два месяца. Недостаточно для максимальной пенсии... но служба была безупречная. Можете считать себя в отставке с этого утра — с полной пожизненной пенсией, разумеется. Ну так что там с перемоткой?

— Будьте милостивы, мисс, — у меня что-то с головой. Вы не велели мне звонить судье. Вы просто предложили.

— Ну да. Я сказала, что вы можете проверить мои слова. Будете проверять?

— Мисс, я не понимаю...

— Вы уходите на пенсию или нет? Если да, то пришлите ко мне Ментоне. Я хочу побеседовать с ним.

— Мисс, но я не хочу...

— Странно, значит, мне это показалось. То есть вы не хотите искать другого работодателя? Мистера Сэлэмэна, например? Нет?

— Нет, мисс.

— Рада слышать. О'Нейл, вы когда-нибудь согласовывали с кем-нибудь, когда и как мне уходить, приходить?..

— Только если вы мне велели. Все это записано.

— Прекрасно. Тогда сотрите этот разговор, и начнем снова.

Короткий шорох.

— Да, мисс, — сказал он вскоре.

— О'Нейл, это мисс Йоханн Себастьян Бах Смит. Мне нужна машина, водитель, два охранника — через полчаса.

— Будет сделано, мисс Смит.

— Спасибо. Я еду за покупками. Что-нибудь нужно для миссис О'Нейл?

— Это так любезно с вашей стороны... Я не знаю. Спросить ее?

— Да, и пусть составит список. А вы позаботьтесь о машине. Все.

Босс, он обоссался. Разве же так можно?

Приходится иногда. Когда старый Йоханн говорил «аллеоп!» — все прыгали, и О'Нейл выше всех. Надо восстанавливать былые навыки. Что мы наденем в дорогу?

Не прошло и получаса, как Джоан была готова к путешествию.

Как наше лицо, Юнис?

Для шопинга сойдет. Тем более — под вуалью.

Я тоже так подумал. Не стоит звать Винни, пусть отоспится.

Конечно. А то еще увяжется за нами...

Ты читаешь мои мысли?

Как можно!

Итак, вперед, на побитие рекорда, который продержался больше двух тысяч лет... и никаких подставных игроков типа Святого Духа!

Босс, нехорошо так говорить!

А я и не говорю. Юнис, ты же не выдашь меня инквизиции?

Никогда! Я слишком тебя люблю.

Я тоже люблю тебя. Ну, поскакали.

Ур-ра-а!

У лифта ее встретил О'Нейл.

— Все готово, мисс Смит. Машина, охранники и оба водителя.

— Почему оба?

— Смена Финчли, но Дабровски говорит, что он, как старший водитель... Может быть, вы сами решите?..

— Нет, конечно. Это ваша работа. Впрочем, я хочу сказать им несколько слов...

О'Нейл проводил ее к машине. Экипаж встал, приветствуя хозяйку.

— Доброе утро, друзья, — улыбнулась Джоан. — Я так рада вас видеть! Прошло много времени...

— Это действительно так, — за всех ответил Дабровски. — Мисс Смит, мы счастливы видеть вас в добром здравии.

— Спасибо. — Она посмотрела в глаза каждому. Все молчали. — Кто дежурил в ту ночь, когда миссис Бранка была убита?

— Финчли и Шорти, мисс Смит, — не сразу ответил О'Нейл.

— Тогда я должна поблагодарить вас — и за себя, и за нее, — сказала Джоан. — Хотя не сомневаюсь, что и Фред с Дабровски показали бы себя не хуже. А кто из вас отомстил за нее? Или — оба?

Ответил Финчли:

— Это был Шорти, мисс Смит. Руками. Сломал ему шею.

Она повернулась к Шорти: шесть футов шесть дюймов эбеново-черной плоти, двести девяносто фунтов спрессованной смерти... проповедник в свободное время.

— Шорти, от всего сердца... — ее голос дрогнул. — И от Юнис...

*Да, босс, да! Скажи ему, **как** я благодарна! Я ведь не знала — была уже мертва...*

— ...а она бы сказала тебе спасибо и от других девушек, которые благодаря тебе остались живы, которых этот подонок никогда не убьет. Ведь если бы не ты, его уже могли бы выпустить — и он бы снова убивал...

Шорти, прежде молчавший, заговорил:

— Мисс... Финч приложил ему тоже. Так вмазал, что... Неизвестно, отчего тот помер.

— Ладно, ребята, это неважно. Любой из вас не пощадил бы жизни, чтобы защитить ее... и я тоже, чтоб вы знали... Шорти, ты помолишься за нее? Вместо меня... я не умею, понимаешь...

Босс, ну черт тебя побери... Я сейчас расплачусь...

Вспомни, что деньги пахнут. Это для Шорти. Он все еще винит себя за непредусмотрительность.

— Я молюсь за нее каждую ночь, мисс. Только она не нуждается в моих молитвах. Ведь она в раю.

Это он верно сказал, босс. Пусть это и не тот рай, о котором он думает...

Не скажем ему?

Конечно, нет.

— Спасибо, Шорти. Тогда помолись за меня, если Юнис этого не нужно...

Она повернулась к О'Нейлу:

— Шеф, я еду в «Гимблз Компаунд».

— Да, мисс. Финчли — за руль. Стрелки едут оба.

О'Нейл помог Джоан сесть и закрыл дверь салона.

Джоан, а что такого необыкновенного можно купить в «Гимблзе»?

Кляп, например. Для тебя. Изменим маршрут. Кстати, а ты где покупала наряды? По-моему, ты была самой изысканной девушкой в городе...

Нет уж, фигушки. Туда я тебя не поведу.

Почему это?

Почему, почему... будто не понимаешь... Я знаю, куда мы пойдем одеваться. В «Гимблзе» есть два модных салона...

Ладно. Но это — во вторую очередь.

— Финчли! — нажала она кнопку интеркома.

— Да, мисс?

— Я забыла. Нам надо заехать в Мэйн.

— Понял, мисс. Едем в Мэйн.

— Там нет автостоянок, поэтому тебе придется покружить, а когда понадобится, Шорти вызовет тебя по рации.

— Будет сделано, мисс Смит.

Когда машина затормозила, Джоан накинула вуаль, Шорти открыл дверь и помог ей выйти. Рядом с этим гигантом было очень приятно чувствовать себя маленькой и слабой.

— Шорти, я ищу здание номер тринадцать ноль семь. Можешь найти его?

Спросила она лишь для того, чтобы Шорти вновь ощутил свою необходимость: она прекрасно знала, где находится этот принадлежащий ей дом.

— Конечно, мисс. Числа я понимаю хорошо. Буквы тоже знаю... но со словами у меня проблемы.

— Как же так? Ведь ты проповедник, должен читать Библию...

— Я пользуюсь говорящими книгами, мисс. А что касается Книги — то я помню ее наизусть, всю, до по-следнего слова.

— Потрясающе! Хотела бы я иметь такую память...

— Нужно всего лишь терпение. Я выучил Книгу в тюрьме... — Он подумал и добавил: — Иногда мне кажется, что сто́ит все-таки научиться читать, но почему-то не хватает времени...

У входа охранник не потребовал удостоверения, ограничившись только тем, что бросил взгляд на значок «Лицензированный и Полномочный» на униформе Шорти (такой же значок был и у него). Джоан улыбнулась ему, а про себя отметила, что режим охраны следует усилить: охранник должен был потребовать удостоверение Шорти и записать в журнал номер значка.

Босс, но он же не может каждого...

Смотрите-ка, кто подает голос! Да если бы в доме, где ты жила, соблюдался режим охраны, все было бы по-другому!

Ой, не будем спорить, я так волнуюсь...

Я тоже. Только вуаль и спасает...

В коридоре у комнаты ожидания сидели женщины, и Джоан с удовлетворением отметила, что напоминание об официальных целях фонда, посланное с последним ежеквартальным чеком, возымело действие.

— Шорти, посиди здесь. Дальше я в безопасности — там телекамеры.

Она пересекла комнату ожидания, прошла за барьер, отделяющий ее от канцелярии, и жестом привлекла к себе внимание единственного сидящего там клерка.

— В чем дело, мадам? Если вам на процедуру, возьмите во-он там бланк вопросника, заполните его и ждите, вас пригласят...

— Мне директора. Доктора Ольсена.

— Доктор не принимает без предварительной договоренности. Назовите имя, изложите суть дела — тогда вас, может быть, примет его секретарь.

Она нагнулась к нему и тихо сказала:

— Мне нужен только он. Мой муж откуда-то все узнал.

Клерк был ошарашен.

— Как вас зовут?

— Вы что, совсем глупый? Идите и передайте ему, что я сказала.

— Да... сейчас.

Он вышел и через минуту вернулся. Ни слова не говоря, жестом пригласил ее за собой.

Они миновали дверь с табличкой «Директор. Не входить!» и подошли к следующей: «Секретарь директора. Позвоните и ждите». Там сидела дама, живо напомнившая Джоан учительницу Йонни в младших классах. Ледяным тоном «учительница» потребовала:

— Что за глупости вы наговорили? Начнем с того, что вы покажете мне свое удостоверение.

И это секретарша?! Босс, прямой в челюсть — и перешагните через труп!

Может, и придется. Но сначала попробуем старый добрый шантаж.

Еще более ледяным тоном Джоан отрезала:

— Исключено, мисс Перкинс. Иначе почему я в вуали?

Итак, вы пропускаете меня — или мне пригласить полицию и репортеров?

Мисс Перкинс посмотрела злобно, но встала, обогнула свой автостенограф и скрылась за дверью кабинета директора. Вскоре она вышла и бросила:

— Заходите.

Директор Ольсен и не подумал встать навстречу даме.

— Мадам, ваш способ привлечь внимание необычен. В чем дело? Коротко, самую суть.

— Доктор, как насчет предложить леди кресло?

— Если леди — то конечно. Но относительно вас у меня сомнения. Говорите, женщина, или идите себе...

Босс, осторожно, он включил магнитофон!

Вижу. Учтем...

Джоан подошла к столу и приподняла вуаль. У доктора слегка отвисла челюсть: он ее узнал. Джоан протянула руку и выключила магнитофон.

— Это — единственный? — тихо спросила она. — Подслушать за дверью нас не могут?

— Мисс...

— Стоп. Этого достаточно. Ну, так что? Предложите теперь мне кресло? Или мне свистнуть моего юриста?

— Мисс, присаживайтесь, пожалуйста...

— Итак, доктор, вы уверены, что нас не подслушивают? Учтите, что этот момент гораздо важнее для вас, чем для меня.

— Мисс... э-э... Да, уверен.

— Тогда возьмите в хранилище контейнер 551-20-0052 и введите мне его содержимое. Немедленно.

Несколько секунд доктор боролся с изумлением. Потом сказал с профессиональным апломбом:

— Это невозможно, мисс.

— Почему вдруг? Согласно уставу, который я сама же и писала, любая женщина, не имеющая медицинских противопоказаний, может прийти сюда и бесплатно и негласно быть оплодотворенной спермой анонимного донора. У этого тела есть лицензия на троих детей... впрочем, и штраф за незаконную беременность для меня ничего не значит. Осмотр можете произвести прямо сейчас. За чем

дело стало? Или разогрев спермы идет так долго, что дня не хватит?

— О, нет, это полчаса...

— Ну так и сделайте это через полчаса.

— *Вы не поняли меня, мисс. Я просто не намерен нарываться на неприятности.*

— Какие?

— Я же слежу за новостями. Вопрос о вашей личности...

— Во-первых, все, что я от вас хочу, не имеет касательства к вопросу моей личности. Во-вторых, если нас не подслушивают, то и неприятностей быть не может просто в принципе. В-третьих, даже если бы не существовало первых двух доводов... Вы играете на скачках? Значит, вы понимаете, что поставить можно лишь на одну лошадь. Как вам известно, основателем фонда являюсь я, а все прочие попечители — мои заводные куклы. Давайте попробуем представить, что может произойти в ближайшем будущем. Вопрос о моей личности решится, в мир вернется настоящий Йоханн Себастьян Бах Смит. Тогда, вполне возможно, пожертвования фонду удвоятся. Равно как и жалованье директора. Но возможен вариант, при котором директор остается без работы...

— Это шантаж!

— Отнюдь. Это просто предсказание. Видите ли, старик Йоханн был седьмым сыном седьмого сына, поэтому дар пророчества у него в крови.

— Но, видите ли, есть формальности...

— Нет. Не будет никаких формальностей. Не делая записей, вы произведете все операции собственноручно. Причем я буду стоять рядом с вами.

— Мисс, я не произвожу манипуляций — на это есть врачи, медсестры...

— Значит, так: или вы делаете, что я говорю, или я ухожу. Второе будет означать, что ваша квалификация недостаточна для дела, которым вам поручено заниматься, и совет попечителей примет это к сведению. Вы меня поняли?

— Когда-то работа на «Скорой» казалась мне тяже-

лой... — вздохнул доктор. — Учтите, что я не могу гарантировать стопроцентного результата.

— Значит, тогда мы увидимся еще раз... или сколько понадобится. Доктор, если вы выбрали лошадку, на которую ставите, — держитесь. Или мне уйти?

Ольсен встал.

— Вам понадобится теплый комбинезон.

Через сорок минут доктор Ольсен опустил подколенные опоры кресла и подал ей руку.

Юнис, дело сделано!

Да, босс. Любимый мой...

— Спасибо, доктор. Об исходе скачек можете не беспокоиться.

Помогая ей надеть плащ, доктор улыбнулся:

— Не беспокоился ни минуты. Хотите знать почему?

— Конечно.

— Видите ли, я встречался с мистером Смитом в том, прежнем обличье. Никогда не поверю, чтобы девушка вашего возраста смогла так имитировать его сержантские манеры.

— О, дорогой!

— Простите?..

— Доктор, я еще не вполне приспособилась к новому полу — в данном случае к счастью для нас обоих. Но, уверяю вас, недели через три вы меня не узнаете. Загляните как-нибудь на чай, нам нужно будет обсудить, как расширить поле деятельности фонда при новых пожертвованиях. Вы увидите — я могу быть настоящей леди.

— Мисс Смит, я буду горд и счастлив посетить вас по любому поводу и в любое время. Или без повода.

Здорово, босс! А я думала, его уже тошнит от женских жоп. Поцелуем его?

Доктор помог ей застегнуть плащ; их лица оказались рядом. Она приоткрыла губы и улыбнулась. Однако, пока поцелуй длился, она не обняла его и постаралась быть немного скованной и неловкой.

Только не в кресло! У него в кабинете есть диван...

Не сейчас, Юнис, не сейчас.

Дрожа, Джоан оторвалась от доктора. Набросила вуаль.

— Спасибо вам, доктор. Видите — могу быть приятной девушкой. Когда захочу. Как можно выйти, минуя мисс Перкинс?

Глава 18

Управляющий салона «Мадам Помпадур» сам будто бы вышел из эпохи достославной маркизы: букли, каблуки, жесты, голос...

— Мадам, чем могу служить?

— Где у вас демонстрационная комната?

— О, мадам, я провожу вас! А этот может подождать...

— Нет. Телохранитель остается при мне.

Управляющий обиделся.

— Как будет угодно мадам.

В демонстрационной комнате было полутемно и тихо. Джоан села в удобное кресло, сбросила капюшон, расстегнула плащ. Откидывать вуаль она не стала.

— У вас есть манекенщицы с такими вот данными? — она протянула управляющему листки бумаги. — Вторая — с длинными рыжими волосами, бледной кожей и зелеными глазами. Для нее нужно что-то экзотическое.

— Разумеется, мадам. Нет ни малейших проблем. Носит ли мадам парик?

— Ориентируйтесь на мой природный цвет.

— Это чудесный оттенок, мадам! А теперь, поскольку у мадам мало времени — как она дала понять нам, — не угодно ли ей будет передать в бухгалтерию свою кредитную карточку, а я пока приведу манекенщиц?

— Я пользуюсь кредитными карточками с портретами Мак-Кинли, Франклина, Гранта и Кливленда, — Джоан вынула из сумочки и развернула веером пачку бумажных купюр. — Что вы предпочитаете?

Управляющий подавил испуг.

— О боже, мы вовсе не требуем, чтобы наши клиенты расплачивались наличными!

— Я старомодна.

Управляющий, казалось, боролся с приступом острой боли.

— О, но ведь никакой необходимости в этом нет! Если мадам не желает пользоваться общим банковским счетом — к ее услугам счет нашего салона, открыть кредитную линию можно за несколько минут. Если мадам даст удостоверение личности...

— Вы умеете читать? Ну-ка, вот это, маленькими буквами? «Этот билет является законным платежным средством для всех расчетов, официальных и частных». Я не хочу, чтобы мое имя попало в ваш компьютер, поэтому плачу наличными.

— Но, мадам! Мы не принимаем наличных! Бухгалтерия...

— Ладно, не стану причинять вам неудобств. Фред, отвези меня в «Ля Бютик».

Управляющий был на грани обморока.

— О, мадам! Пожалуйста! Один момент, я только переговорю с бухгалтером...

Он исчез.

Босс, а к чему столько сложностей?

Юнис, я презираю эти компьютеры с тех пор, как меня облапошил один книжный клуб. Да и вообще — не стоит пока афишировать, кто мы такие. Потом, после суда, откроем маленький счет на предъявителя... если нас еще хоть раз потянет на шопинг.

О, босс, ты просто не ощутил еще всего удовольствия от этого дела! Но предупреждаю: я оставляю за собой право вето на любую тряпку, ты пока не умеешь в них разбираться...

Ну ты и пила!

А ты — раздутое брюхо! Залетела, залетела!

А ты и довольна?

Я безумно счастлива! Хоть это было и не слишком романтично...

Тсс! Он идет.

Лицо управляющего сияло.

— Мадам! Бухгалтер сказал, что мы можем принять наличные!

— Рада это слышать. Думаю, и Верховному суду это тоже понравилось бы.

— О, вы шутите! Конечно, придется заплатить на десять процентов больше, поскольку...

— Фред! В «Ля Бютик»!

— О, мадам, я указал ему на несправедливость этого решения и нашел способ решить эту проблему!

— Не может быть!

— Мадам! Все, что вы захотите купить, я оплачу со своего счета и приму ваши наличные. Я буду счастлив услужить вам!

По-моему, он нарывается на огромные чаевые.

Если покажет что-нибудь стоящее, он их получит. Мы все равно не сумеем избавиться от своих денег. Лучше помоги со вкусом их тратить.

И следующие два часа прошли в безудержных тратах. Все, что приходилось делать Джоан, — это прислушиваться к внутреннему голосу и не выражать вслух изумления по поводу бешеной стоимости дамских нарядов.

— ...а что вы скажете по поводу гарнитура с искусственными изумрудами? Шикарно и совсем недорого, и так идет к зеленым глазам и рыжим волосам...

Спустив несколько тысяч долларов, Джоан почувствовала усталость и голод. Голод у нее ассоциировался с бедностью — задержалось еще с «Великой депрессии» тридцатых... Желание сорить деньгами пропало.

Она отправила Фреда за Шорти, чтобы тот помог донести свертки, и заплатила безумные деньги.

Юнис, куда мы пойдем есть?

Тут где-то есть ресторан...

Но я не могу пойти в ресторан в вуали. Нас мгновенно узнают, и репортеры налетят прежде, чем мы сделаем заказ.

Тогда надо устроить пикник.

А вот это хорошая мысль. Ты не знаешь полянки поблизости?

Я — нет. А вот Финчли может знать.

Финчли действительно знал такое место. Шорти отправили за продуктами в ближайший супермаркет («Бери всего на шестерых — и не смотри на цены... и обязательно

возьми картофельный салат и несколько бутылок вина...»), а потом выехали на окружную дорогу и понеслись на юг по скоростному шоссе. Пятьдесят миль Финчли одолел за пятнадцать минут. За все время пути в машину ни разу не выстрелили.

Они миновали массивы «спальных районов», потом — обнесенные стенами частные анклавы. Из-за стен торчали чахлые деревца.

Наконец Финчли свернул в какой-то боковой проезд, и вскоре по обе стороны дороги замелькали возделанные поля и сельхозпостройки. Мелькнула эмблема «Предприятий Смита». Впрочем, напомнила себе Джоан, филиалы ей больше не принадлежат...

Юнис, ты не помнишь, что мы здесь выращиваем?

Не знаю, не успела заметить, ты на это почти не посмотрел.

Извини. Ты говори, если нужно, чтобы я что-нибудь сделал.

Ладно. Не помню точно, но кажется, здесь идет облагораживание почв. Борьба с засолением.

Интересно, а что произойдет, когда засоление станет повсеместным и неуправляемым?

Тогда мы все вымрем. Но прежде застроим всю землю домами, домами...

Этим все и кончится. Мальчишкой я мог пешком меньше чем за час добраться до такого дремучего леса, что там хоть голышом по деревьям скачи — никто не увидит. Да из центра Нью-Йорка за пять центов можно было доехать до сельской местности, до деревьев...

Невозможно поверить.

Я сам с трудом верю... Да, все это произошло при мне, на моих глазах и с моим участием... и я утешал себя мыслью, что финала я смогу избежать с помощью одного нехитрого финта. И вот — не получилось. Все разыграется при мне... Что же нам делать?

Молчание.

Юнис?!!

*Я **не знаю**, босс.*

Извини. Я просто вдруг испугался, что ты ушла... ты не отозвалась... извини....

Я все это видела, когда ехала из Айовы, с моей фермы, в большой город. И это не переставало беспокоить меня никогда. Я ведь понимала, что работу я могу потерять, что Джо я надоем, что ты смертен... Я готовилась, босс. Копила деньги.

Ну?

Луна.

Луна... Слушай, это неплохая мысль. Взять билет на корабль «Пан-Ам», слетать, пока наш животик не стал слишком заметен...

Да, конечно...

Ты не рада?

Я просто имела в виду другое. Эмиграцию.

Ты думала об этом — и не сказала ни разу?!

Да, пока я была нужна тебе или Джо — я молчала... и молчала бы и впредь...

Договаривай.

Все дело в детях. У меня лицензия на троих. А я хотела больше. Видишь ли, на Луне нет ограничения... Кажется, мы приехали.

Они остановились у ворот с эмблемой «Агропрод, инк.». Финчли вышел из машины и подошел к охраннику. О чем они беседовали, Джоан не слышала. Потом Финчли вернулся за руль, и ворота открылись. Машина въехала на территорию конкурирующей фирмы.

— Спасибо, Финчли. Сколько стоил въезд?

— О, сущие пустяки, мисс.

— Все равно, надеюсь увидеть эту сумму в недельном счете. Если не увижу, спрошу еще раз.

Финчли затормозил у конторы управляющего хозяйством. Вернувшись, он сказал с улыбкой в голосе:

— Нас пропустили бесплатно. Управляющий даже поинтересовался, не взял ли плату охранник у ворот. Я сказал, что нет.

— Правильно. Зачем нам вести борьбу с коррупцией в стране конкурента? Он не спросил, кто едет?

— Спросил. Я сказал, что это гости мистера Сэлэмэна. Я правильно сделал?

— Более чем. Ты молодец, Финчли.

Будем надеяться, что нам удастся спокойно перекусить. Пока какой-нибудь здешний клерк не догадается, в чем дело, и не позвонит репортерам. И тогда — жди коптера и попыток взять интервью через мегафон.

Босс, а нельзя будет уебать этот коптер из нашей пушки, а когда он свалится, напустить на репортеров Шорти и Фреда, чтобы они разодрали их на кусочки?

Радость моя, откуда такая кровожадность?

Я читала, что у беременных женщин должен резко меняться характер. Я репетирую.

Слушай, а ты уверена, что мы уже беременны? Сколько времени понадобится этому маленькому ублюдку, чтобы добраться до цели? Сутки? Доктор велел не снимать колпачок двое суток... Кстати, потом мы сумеем его снять?

По крайней мере, это легче, чем справиться со автостенографом. Этих колпачков я использовала значительно больше, чем сносила туфель.

Нашла чем хвастаться.

Я просто констатирую. А что оставалось делать? При моей склонности к немедленной беременности мне приходилось предохраняться сверхтщательно. И так год за годом, а если когда и пропускала денек, то не по своей инициативе. Свое предназначение я поняла еще в герлскаутах...

Наконец машина остановилась окончательно.

— О, какая красота! Я и не знала, что сохранилось такое!..

Место было по-настоящему красивым. Небольшая чистая речушка извивалась среди лугов и маленьких рощиц. Густая трава до колен. В высоком прозрачном небе плыли чистые облака...

*Юнис, как **замечательно**!!!*

Да. Напоминает раннее лето в Айове...

Джоан сбросила туфли и прошла босиком по траве. Это было упоительно.

Юнис, а что — Айова до сих пор такая красивая?

Уже не вся. Там, где жила я, тоже начали строить большие дома.

Эта страна дотрахается до своей погибели.

Охранники и Финчли, глядя на нее, тоже начали разуваться.

Надо сказать, это место ужасно напоминает то, где я потеряла свою невинность. Речка... лужок...

Ты сопротивлялась?

Я что — дура?

Нет. Как насчет искупаться?

М-м... Кто знает, что у них там, вверх по течению?..

Да ты просто маменькина дочка!

Наоборот — я будущая мама.

Ладно, разберемся с купаньем попозже. Может, Финчли знает, что почем. А сейчас надо поесть.

Неплохо бы... а то я уже начала думать, что мы завязали с этой дурной привычкой.

Быстро накрыли походный столик, Шорти ловко — похоже, он не всегда был трезвенником — откупорил бутылку и налил Джоан и Фреду.

— А остальным?

— Я за рулем, мисс Смит, — Финчли накрыл бокал рукой.

— Пять капель — под мою ответственность, — Джоан на четверть дюйма наполнила его бокал. — И ты, Шорти. Для тоста. Но сначала прочти нам, пожалуйста, молитву.

Доли секунды Шорти казался озадаченным, затем его обычная невозмутимость возобладала.

— Да, мисс.

Это что, вместо еды?

Крошка, тебе слова не давали. Омм мани пхадме хум.

Омм мани пхадме хум.

Омм мани пхадме хум.

Омм мани пхадме хум...

— Аминь.

— Аминь.

Омм мани пхадме хум. Аминь.

— Аминь. Спасибо, Шорти. А теперь тост... который

тоже молитва в своем роде... Мы выпьем за ту, которой здесь нет, но которая была бы...

Босс, сколько можно? Это уже не смешно.

Займись своим делом.

— ...Кто хочет что-нибудь сказать?

Финчли и Шорти переглянулись. Джоан посмотрела на Фреда.

— Фред?

— Мисс... я не знаю... я просто не знаю, как... — он был расстроен.

— Давайте встанем, — и Джоан сама подала пример, — и скажем то, что мы сказали бы ей, которой нет с нами, но которую мы все любим. Назовите ее, в чью честь мы пьем!

Она подняла бокал. Из глаз вдруг покатились слезы.

Эй, кто это плачет — ты или я?

Наверное, я, босс... я же говорила, не надо ворошить...

Фред произнес:

— Тост за... ту, которую мы все любим... и которая должна была быть здесь... которая здесь! — В глазах его мелькнул суеверный ужас.

— Аминь, — сказал Шорти раскатистым баритоном. — Она здесь, потому что Небеса настолько близки нам, насколько мы сами готовы к тому. И ты, Фред, сердцем понял это...

Он торжественно выпил свои несколько капель вина, и остальные выпили следом.

— Спасибо, ребята, — тихо сказала Джоан. — Она слышала вас.

Джоан, ты все испортишь! Сейчас все расстро-ятся...

Нет.

— Финчли, ты знал ее лучше меня. Что бы она сказала сейчас?

— Она бы... миссис Бранка...

— Ты называл ее миссис Бранка?

— Да, сначала. Потом она стала звать меня «Том», а я ее — «Юнис».

— Ну, и?

— Она сказала бы... сказала бы: «Парни, давайте есть и пить, а то все остынет!»

— Это точно. Юнис никогда и никому не испортила настроения — и не позволяла делать это мне, брюзгливому и взбалмошному старику. Значит, теперь мой черед... Фред, передай мне во-он ту куриную ножку!

Радость моя, слова Фреда прозвучали, как цитата. Откуда?

Ну как... Если мы приезжали поздно, я всегда затаскивала их перекусить. Джо был очень рад. Ему особенно нравился Шорти — он даже пытался уговорить его позировать. Но Шорти оказался не в меру застенчив...

И все?

В общем...

Ладно, ты пока придумывай отмазки, а я займусь светским разговором.

— Том, ты не оставишь мне чуть-чуть пикулей? Спасибо. Шорти, Фред, я поняла, что вы пробовали стряпню Юнис. И как она?

— О-о! — Финчли возвел глаза к небу.

— Да, Юнис прекрасно готовила, — тихо сказал Шорти. — Самые простые блюда... но это было замечательно.

Босс, ему надо повысить жалованье!

Нет. Мы обязательно сделаем что-нибудь для него — хотя бы потому, что он убил того подонка, — но это должны быть не деньги.

— Она была подлинным художником, — сказал вдруг Фред.

— Художником?

— Не в смысле рисовать. Во всем остальном.

— Кажется, понимаю, — кивнула Джоан. — А ее муж был художником в прямом смысле, я не ошибаюсь?

— Я, например, не разбираюсь в искусстве, — сказал Финчли, — но картины Джо мне очень нравились. Шорти, можно, я на тебя настучу?

— Том!..

— Не поверите — но Джо хотел нарисовать вот эту огромную мартышку, которая сидит тут с нами!

Десятка!!! Десятка!!!

Юнис, тебе плохо?

— И нарисовал?

— Нет-нет, но он хотел. Предлагал... да.

Видишь, босс? Видишь? Это же доказательство! Сначала ты услышал об этом от меня, а потом узнал от посторонних! Я существую!

И стоило так шуметь, дорогая?

Но, босс!..

Слушай, я ведь никогда и ни на миг не сомневался, что ты — это ты. Но доказательств быть не может. А вдруг все, что происходит сейчас, — лишь плод моего воображения, а я лежу — изолированный мозг, без всякой связи с внешним миром? Или ты, как загримированный осколочек моей личности, начавший жить своей жизнью, делаешь выводы из известной мне информации по простейшей логической цепочке: Джо — художник, Шорти — колоритен, следовательно, Джо хотел его нарисовать? Нет, дорогая, психиатрам мы никогда и ничего не докажем — не стоит и пытаться. А нам с тобой, думаю, не нужны никакие доказательства. Я тебя люблю — а все прочее может катиться к чертовой матери.

— Фред, налей еще. Эти законники и святоши пить не станут, а мне нужен собутыльник. Мы празднуем мое освобождение из-под стражи.

— Но я на службе, мисс...

— Ничего. Шорти и Том доставят нас по назначению... даже на руках. Так ведь, ребята?

— Никаких проблем, мисс Смит.

— Мальчики, а почему на пикнике я должна называться так официально? Ведь миссис Бранка вы звали «Юнис», а? И вас всех она звала по именам? Или... Шорти?

— Она называла меня «Хьюго».

— Тебе так больше нравится?

— Это имя дала мне мать, мисс.

— Понятно. Я запомню. Так вот: я не хочу, чтобы среди своих вы звали меня «мисс Смит». А старое мое имя не подходит... Хьюго, ты ведь крестил детей?

— Конечно, много раз... мисс...

— Поэтому ты разбираешься в именах. Как по-твоему, имя «Джоан» подойдет девушке, которая раньше была мужчиной и звалась «Йоханн»?

— Да. Вполне.

— Том, а как оно тебе?

— Мне нравится.

— Фред? — Джоан повернулась к нему.

— Не смею советовать... — почти прошептал Фред. — Но это красивое... красивое имя.

Юнис, что это с ним?

Расскажу чуть позже. Поосторожнее, Джоан.

По-моему, ты и здесь наследила?

Ну...

— Но нужно и второе имя. И я выбрала его... и все вы знаете почему. Хьюго, ты служитель божий. Посоветуй, не будет ли святотатством взять вторым именем — «Юнис»?

Босс, если он сейчас заплачет — я не скажу больше ни слова!

Ну что же ты за пила такая! Хьюго не заплачет. Он ведь знает, что ты здесь. У него — единственного из всех нас — есть вера.

— Мне кажется, это прекрасно, — преподобный Хьюго торжественно наклонил голову — и украдкой смахнул слезы.

— Хьюго, Юнис не хотела бы, чтобы кто-нибудь расстраивался... — Джоан тоже вытерла глаза и постаралась улыбнуться. — Итак, мое новое имя — Джоан Юнис. И вы, ее друзья, должны первыми узнать об этом. Теперь, когда я женщина, Юнис является для меня образцом, по которому я собираюсь строить жизнь. И я очень хотела бы, чтобы вы помогли мне в этом. Чтобы вы обращались со мной, как с Юнис... Да, я ваш работодатель, и мне придется это как-то совмещать... ну и что? После всех бесконечных лет, которые я провел заключенным в теле придирчивого старика, мне просто необходима дружественная помощь — а от кого еще я могу ее получить?

Наступило молчание. Потом Финчли сказал:

— Мы поможем... Юнис.

— Я еще не заслужила этого имени... Говорите мне так, когда я буду, как она... пусть это будет наградой. Хорошо?

Никто не ответил. Все переглядывались, и наконец подал голос Фред.

— Я не знаю... тут Шорти... Хьюго сказал, что Юнис была ангелом. Не стану спорить, он проповедник, он понимает. Но в ней были и соль и перец... если вы помните.

— Это уж точно, — кивнул Финчли. — Она могла и обругать... но это было правильно. Она обращалась с нами как с людьми.

— Том, — медленно начал Шорти, — не забывай, что мистер Смит был очень старым и очень больным человеком. Больным трудно относиться к людям хорошо. Я помню, когда мой старик был болен — в последний уже раз, перед тем, как отправиться на тот свет, — он сделался таким несносным... я даже сбежал из дому. Это была самая страшная моя ошибка...

— Боже мой! — Джоан почувствовала, как вспыхнуло ее лицо. — Мне казалось, что я всегда относилась к людям хорошо...

— Мы ведь все всё понимали. Я не виню своего старика, и вы не вините себя. Мы делаем что-то, а потом живем с этим, и ничего уже не изменить. Юнис... *та* Юнис... она теперь ангел, это говорит мне мое сердце. Но ничто человеческое не было ей чуждо. Как и нам всем. И господь не винит нас за это.

— Хьюго... а у меня есть еще шанс попасть на Небеса?

Омм мани пхадме хум! Мы пропали — сейчас он засунет нас в этот ручей и смоет наши грехи...

Стоит ли возражать?

— Не знаю, — тихо сказал Шорти. — Я слишком мало знал мистера Смита. Но Всевышний дал ему второй шанс. А Он всегда знает, что делает.

Пронесло. Я так не люблю, когда вода попадает в нос...

— Спасибо, Хьюго. Да, Он дал мне второй шанс — значит, что-то имел в виду. И я надеюсь, что конфузиться Ему за меня не придется. Скажите, ведь вы трое... точнее, четверо, еще и Антон... Вы были ее ближайшими друзьями среди моих людей. Том?..

— Да... Юнис?

— Вы целовали ее?

Финчли смутился.

— Да... Джоан.

— Ага, значит, я промахнулась с этим вопросом. Правильно, Юнис не стала бы спрашивать... но я еще боюсь, Том. Я не привыкла быть девушкой.

Она встала, взяла Финчли за руку и притянула к себе.

Он чуть не застонал... но обнял ее и поцеловал.

Он умеет лучше!

Тсс! Ему просто тяжело.

Джоан отпустила его и повернулась к Фреду.

Как поцеловать его, сестренка? Чувственно или по-братски?

Поздно...

Фред неожиданно крепко обнял ее, и губы их встретились быстро и горячо. Джоан неожиданно для себя ответила на поцелуй со всей страстью.

Когда она оторвалась от его губ, оба дрожали.

Эй, что это? Ты не предупреждала...

Не успела. Потом. Все потом. Сейчас успокойся, вспомни, что деньги пахнут, и покажись отцу Хьюго пай-девочкой.

Она обошла столик и остановилась перед Шорти. Он встал, серьезно посмотрел на нее сверху вниз. Она положила ему ладони на грудь, робко подняла лицо. Он нежно обнял ее.

Ничего себе. Юнис, он же переломит нас, как былинку!

Не бойся, он — самый нежный человек на свете...

Их губы встретились в чинном и торжественном поцелуе. Шорти будто бы благословил ее — неторопливо, но и не затягивая сверх меры. Несколько секунд она оставалась в его объятиях.

— Хьюго, ты не замолвишь за меня словечко сегодня в своих молитвах? Кажется, мне это нужно...

— Конечно, Юнис.

Он галантно усадил ее на место и сел сам.

Так что там насчет Фреда?

О, ты не поверишь!..

Поверю чему угодно.

— Фред, там есть еще вино? Нет? Хьюго, открой, пожалуйста, еще бутылку. Я вся дрожу...

— Одну минуту...

— Давайте доедим все, что еще осталось. Я почему-то страшно голодная. Том, я все еще Юнис? Или шлюшка, не знающая, как подобает вести себя истинной леди?

— Да, Юнис. То есть я хотел сказать — нет, Юнис... То есть... О, черт!

— Все ясно, Том! Это — лучший комплимент за всю мою коротенькую жизнь. Ведь ты никогда бы не чертыхнулся при какой-нибудь там мисс Смит... — Она засмеялась и посмотрела на всех сразу. — Меня четверть века никто не целовал! Не представляете себе, как это приятно! Вы своими губами приобщили меня к человечеству. Я так благодарна Юнис Бранка за то, что она целовала вас и тем заполучила вашу дружбу... или любовь? Да, я думаю, любовь... Мне так хорошо, что хочется плакать — и делать глупости. Том, эта речка чистая? В ней можно купаться?

— Она чистая, но купаться я бы не советовал.

— Почему?

— Всякие подонки. Они ведь водятся не только в Развалинах — заползают и в такие вот места. А в воде охранять трудно...

— Но почему? Если можно на суше, то и в воде можно точно так же.

— Нет. Один раз я уже опоздал на несколько секунд — и этого мне хватит на всю жизнь.

— Не будем спорить, Том. Я иду в воду.

— Мне очень жаль... Джоан Юнис.

Она вздрогнула всем телом, потом засмеялась.

— Черт побери, я дала вам слишком хороший поводок.

— Не расстраивайся, Юнис, — сказал Финчли. — Даже президент слушается охранников.

— И не расстраиваюсь... но не дергайте же так резко!

— Я только надеюсь, — совсем другим голосом сказал Том, — что ты не станешь вырывать поводок у нас из рук. Если бы она тогда...

— Не стоит плакать над разбитым кувшином, — сказал Фред.

— Простите меня, парни, — тихо сказала Джоан. — Я все испортила. Ладно, поплаваем в другой раз — в более безопасном месте.

Юнис, а ты умеешь плавать?

Спасатель — это было записано даже в моем аттеста-

те! Правда, в соревнованиях не выступала, мне больше нравилось болеть за команду.

В комментариях не нуждается.

Кто бы говорил! Бесштанная Смит!

А кто меня всему этому учит?

Тебя и не надо учить — у тебя природный талант.

Глава 19

Эй, мочалка, так что там у тебя было с Фредом?

Что-что... Все. Ну, не сразу, конечно. Сначала мы целовались просто так, по-дружески. Особенно при Хьюго. Но я всегда чувствовала, что меня целуют мужчины. Фред и Антон просто-таки пылали, и, когда подвернулся случай, я подумала: а почему нет?

Фред и Антон?

Ну да. Как-то мы вернулись поздно, я позвала их перекусить, а Джо дома не было...

И естество восторжествовало?

Босс, я слышу неодобрение — или мне показалось?

Я просто не люблю, когда мне врут так нахально. Двое мужчин? Совершенно трезвые? И каждую минуту мог войти муж? Ни за что не поверю! Я довольно долго был мужчиной и прекрасно знаю, на что они способны, а на что — категорически нет. Так что — либо это было не в первый раз, либо в твоем рассказе что-то изъято цензурой...

Босс! Клянусь всем святым: это было в первый раз! И... все, потому что вскоре меня убили. А что касается купюр... я их заполню. Мы знали, что Джо придет не скоро. Да и войти бы он не смог: дверь была на засове. Видишь ли, Джо хоть и неграмотный, но часы понимает, а в прихожей у нас висят такие, с картонными стрелками — и мы, уходя, ставим стрелки на то время, в которое намерены вернуться. И в тот раз — когда мы вошли, я взглянула на часики. Стрелки стояли на двенадцати. Я сказала Антону и Фреду, что Джо придет поздно и они с ним не увидятся... к сожалению.

То есть ты им так толсто намекнула...

Да. Я им толсто намекнула... и, босс, буду честной до конца: я заранее позаботилась, чтобы хижина была свобод-

ной. Я позвонила от Джейка и сказала Джо, что... Мы ведь с ним всегда старались сделать друг другу приятное. И Джо не имел ничего против моих свиданий, нет! Правда, я никогда не говорила ему о Джейке...

Постой. Давай восстановим хронологию той тяжелой ночи: из постели Джейка ты позвонила Джо, чтобы он очистил местечко для свидания с Антоном и Фредом, а после двенадцати он пришел сам?..

Я тебя опять шокировала? Расписание, как у звезды борделя в день получки, да? Но это все любовь, милый! Любовь и уважение — с Джейком; страсть — с Антоном и Фредом; с Джо — и любовь, и страсть, и уважение, и нежность, и доверие, и преданность... и, босс, уж если Джо не осуждал меня, то кто имеет право?..

Радость моя, да кто же тебя осуждает? И я ничуть не шокирован. За свою долгую жизнь мне пришлось совершить немало сексуальных подвигов... может быть, интенсивность была и пониже, чем у тебя, но продолжительность...

Нет, ты определенно шокирован.

Всего лишь — восхищен твоей выносливостью.

Тогда я рада.

Сколько же тебе удалось поспать?

О, вполне достаточно. Часа четыре. Джоан, женщине в любви не нужно много сна — не то что одинокой... А что касается интенсивности — кто это мне говорил, что ничто не возбуждает так, как сам секс?

Да, но я говорил с точки зрения мужчины...

Для женщины все то же самое!

Надеюсь... Впрочем, да, я слышал нечто подобное от одной прелестной девушки, когда президентом был Гардинг. У нее было очень много общего с тобой. Сейчас ей было бы за сто...

Как ее звали?

Неважно... Девочка, я все понял про Джо. Но как ты обработала Фреда и Антона? По очереди?

Фи! Как грубо. Нет, это был бы дешевый бордель. Я такого не люблю. Нет, в постели мы были втроем.

О!

Джоан, ты просто не можешь себе представить, как мо-

гут возбудиться двое мужчин, когда они целуют и ласкают одну девушку, и при этом они доверяют друг другу...

Ха! До чего же история любит повторяться...

Что?

Ничего. Продолжай, пожалуйста.

Мы довольно долго шли к этому. Сначала были просто поцелуи на ночь, потом они становились все чувственнее, потом мы перешли к петтингу... Ну, не в машине же заниматься любовью, правда? В тот вечер мы поднялись ко мне, я удивилась, что Джо не будет допоздна, и — все. Финиш.

Да ну?

А что еще? Чем мы занимались, ты прекрасно знаешь и так.

Это самая короткая история о групповухе, которую мне только приходилось слышать.

Да никакая это не групповуха! И не извращение! Втроем — это всегда любовь и дружба, и вообще... Да ты и сама была не прочь: с Алеком и Маком. Разве нет?

Ну, я не знаю...

Ах, босс, когда в постели трое и все делается правильно, это самое приятное, что только может пожелать женщина. И не потому, что их двое... какой-нибудь жеребец может отработать и за троих, но это совсем другое. Именно любовь, дружба, уважение, тепло делают чудо. Становится не вдвое приятнее — вчетверо, ввосьмеро... я не знаю... может быть, в сто раз! Арифметика ни при чем. Джоан, пока ты не побываешь в постели с двумя мужчинами, которые доверяют друг другу и оба любят тебя, — ты в каком-то смысле так и останешься девушкой. Я почти все время плакала от счастья... и все еще плакала, когда они ушли, и плакала, когда пришел Джо, и плакала перед ним — и тут же затащила его в постель, все ему рассказала, и он был со мной особенно нежен...

Неужели ему хотелось это услышать?

А тебе?

Мужчины бывают разные. У меня рога никогда не вызывали головной боли.

Тут немножко другое... Я уже говорила, что скрывала от Джо связь с Джейком.

Кстати — почему?

Это было бы неприятно Джо. Джейк богат, Джо беден. А Фред с Антоном — ровня. Я знала, что Джо не станет ревновать к ним. Так и оказалось. Вообще мужская гордость — такая нежная вещь... поэтому с мужчинами нужно обращаться с осторожностью. Учти это.

Да уж... иногда они просто ломаются — в самом прямом смысле. Вторая моя жена довела меня до импотенции.

О ужас!

Ничего, я поправился... с помощью одной прекрасной женщины, которая все понимала. Больше у меня таких проблем не возникало — до времен полного распада.

Да, когда я была молодой и глупой, я обидела одного парня так, что он бросил школу. С тех пор я старалась не доставлять душевных страданий мужчинам. Они только кажутся большими и сильными... Я была противной девчонкой — но вовремя поняла свою ошибку.

Юнис, когда я в последний раз говорил, что люблю тебя?

С полчаса назад.

Очень давно. Я люблю тебя, Юнис!

Глава 20

— Добрый вечер, шеф! — Джоан оперлась на руку О'Нейла и вышла из машины. — Мистер Сэлэмэн уже приехал?

— Добрый вечер, мисс. Нет, мистер Сэлэмэн не приехал и сообщил, чтобы к ужину его не ждали.

— Очень жаль. Тогда распорядитесь, чтобы наверх подали ужин для меня и Винни. Прислуживать не надо.

— Понял, мисс.

— Скажите Дабровски, что завтра я хочу видеть за рулем его.

— Он ушел домой, мисс. Завтра все равно его смена...

— Шеф, вы не поняли? Позвоните ему и передайте мои слова. Ясно? Второе: как только появится машина мистера Сэлэмэна, сообщите мне. До того, как он выйдет из машины!

— Да, мисс. Ужин на двоих, позвонить Дабровски и известить вас о прибытии мистера Сэлэмэна. Если вы позво-

лите мне заметить, мисс: приятно вновь ощутить твердую руку в управлении делами. Прислать Каннингэма?

— Не надо. Финчли, раздели эти коробки между всеми, и пойдемте наверх. Ребята, это не ваши обязанности, я знаю, но не стучите на меня в свой профсоюз, ладно?

В лифте поместились с трудом. Когда лифт тронулся, Джоан нажала кнопку «стоп».

— Хьюго, — она коснулась пальцем его щеки, — спасибо тебе за твою спокойную мудрость, что не позволяет нам сбиться с пути истинного.

И поцеловала: легко и нежно.

— Фред, спасибо тебе — от меня и от Юнис.

Он обнял ее, и ее губы раскрылись сами.

Ты все понимаешь, да?

Да... я буду с ним тиха и осторожна...

— Том, это был лучший день в моей жизни. Надеюсь, и ты получил хотя бы частичку этого удовольствия... Спасибо.

И поцеловала его, не дожидаясь ответа.

О боже! Юнис, у тебя с ним точно ничего не было?

Абсолютно. А что, ты хочешь?..

Не знаю... ничего не знаю...

Лифт снова тронулся. Джоан покачивало.

— Спокойной всем вам ночи...

У двери ждала Винни.

— Винни! Что я тебе сейчас покажу!

— Мисс... Джоан! Где ты была весь день?!

— Все суета, рыжая! Ребята, бросайте это где угодно! Винни, ты ела? Всем спасибо! Спокойной ночи!

— Спокойной ночи, мисс Смит.

Как только дверь закрылась, Джоан обхватила подружку и закружила ее по комнате:

— Ну? Ты ела? Или ждала меня?

— Не ели, не ела, я так волновалась, Джоан, ты сбежала, и никто-никто не знал, где ты и что делаешь, я так напугалась...

— Ерунда! Со мной были такие ребята!

— Но они не медики, я должна быть постоянно при тебе, так распорядился доктор...

— Фигушки, Винни, я больше не пациентка, все, хва-

тит, я свободная взрослая женщина, отвечающая за свои поступки, здоровая как лошадь, и нет смысла бдеть за мной ежесекундно, а сейчас нам принесут ужин и оставят, и мы поедим, когда захочется...

Джоан начала раздеваться.

— Снимай с себя все, крошка Винни, мы начинаем сезон примерок! Весь день я носилась по магазинам и тратила деньги, сильно позолотив ручку национальной экономике. Надо бы принять ванну... чуть позже, перед медитацией. А сейчас — поцелуй меня.

— Джоан, ты ездила по магазинам *без меня?* Это измена!

— Жалобы со всех сторон. Я просто дала тебе поспать. Или Боб не показывался?

Винни покраснела почти до пояса.

— Нет, что ты!.. Но я все равно встала бы. Я *страшно* люблю ходить по магазинам.

— Ладно. Будем считать, что я сбежала из-под надзора, чтобы ты не мешала мне сорить деньгами. А кроме того — вдруг у меня возникла идея пообщаться с застоявшимися интернами, а? Тебя это могло бы шокировать, крошка.

— Дразнишься, да?

— Так, слегка. Винни, есть одно серьезное дело. По-настоящему серьезное. Ты знаешь, что в нашем доме постоянно находятся около сорока человек обслуживающего персонала, и я не могу быть уверенной, что никто из них не проболтается репортерам, окажись я в постели с мужчиной.

— Ой, этого не может быть!..

— Да включи видео и посмотри. Или возьми любую газету. Чем ты известнее или богаче, тем меньше у тебя шансов избежать насилия такого рода. Так вот: пока я слишком уязвима с этой стороны, согласна ли ты в любой момент принять на себя все слухи и сплетни такого рода? Буквально, может быть, пустить в свою постель совершенно незнакомого мужчину — среди ночи, внезапно?.. Без шансов избежать огласки?

Винни вздохнула.

— Да. Боб понял бы меня.

— Но он тоже не должен знать истину!

— Все равно... — Винни зажмурилась. — Все равно. Да.

Джоан крепко поцеловала ее.

— Я страшно рада. Тебе не придется делать ничего такого, никогда и ни за что. Сваливать вину на подругу? Это выше моих сил. Но — подыграть мне в какой-нибудь интрижке, наврать, чтобы прикрыть меня, — сумеешь?

— Ой, это запросто!

— Ну и все. А теперь — мы играем в Рождество! Вот эта круглая, изукрашенная, вся в рюшечках коробка — для Винни!!!

— А-а-а!!! О-о!.. Джоан! Ой, Джоан... тебе не следовало, наверное...

— Я знала, что тебя нужно оставить дома. И вообще — это униформа горничной.

— Ничего себе! Это «Стагнаро Ориджинал», прямо из Рима...

— Тем лучше — будет повод позлить налоговое управление.

— А... это?

— И это тебе.

— Джоан, извини... я не могу принять... это слишком дорогой подарок, и я...

— Это искусственные камни.

— Все равно, это...

— Тогда выброс. Я это носить не смогу, а в магазинах нижнее белье не обменивают.

— Я начинаю чувствовать себя содержанкой...

— Разве это так плохо?

— Я не знаю... не могу понять... Джоан, почему даже теперь?..

— Потому что я боюсь.

— Кого? Меня?

— Нет, себя. Винни, ты представить себе не можешь, как мне трудно. Мне приходилось бывать в очень тяжелых ситуациях: меня носило в лодке в открытом море, мои друзья мерли один за другим... потом по нас стреляли из пулемета, мы спрыгнули в воду... короче, никто больше не выжил. Только я. Но сейчас мне гораздо труднее. Все, что люди делают автоматически, мне приходится контролиро-

вать сознанием. Представь, сегодня я чуть не вошла в мужской туалет... и вот появляешься ты. Мужчина во мне исходит любовным соком, лезет на стенки... я готова убить твоего Боба и занять его место...

— Джоан...

— Что?

— Ты можешь занять его.

Вся дрожа, Джоан обхватила Винни руками — и зарыдала.

— Дорогая, не надо... не надо, зачем? — Винни гладила ее по голове, целовала в лоб, в глаза, в щеки. — Я помогу тебе, конечно, я помогу, я буду ждать, сколько нужно, и ты успокоишься, ты снова станешь уверена в себе и сможешь любить меня, если захочешь и как захочешь, и даже если ты не будешь хотеть меня, я все равно буду твоей подругой и буду любить тебя...

— Спасибо... Винни... как глупо все...

— Мне уйти?

— Нет, что ты! Останься. И поцелуй меня крепко. Как только ты умеешь.

Немного успокоившись, сели за ужин. Напоследок Джоан распаковала последнюю покупку: подарок для Джейка.

Это было ожерелье: толстая золотая цепь тройного плетения с анкхом в виде «crux ansata» — кольца с четырьмя короткими лучами. Винни с сомнением взвесила украшение на руке.

— Джоан, ты действительно хочешь стать настоящей леди?

— Да, конечно.

— Тогда, наверное, тебе надо обменять это на что-нибудь другое. Знаешь, что означает этот символ? Половой акт. Это египетский...

— Я знаю, Винни. Надеюсь, что Джейк тоже знает — как-никак, у него классическое образование... Винни, я ведь не случайно выбрала именно этот анкх. Я ведь уже делала ему предложения. Он не соглашается. Из-за возраста.

— Ну, он придает этому большое значение.

— Смешно. Конечно, я намного старше его, но после операции это не слишком заметно.

— Нет, я имела в виду, что...

— В конце концов, ему не обязательно жениться на мне! Хоть капельку любви... Но он слишком благороден, черт возьми! Короче, этот подарок имеет именно *то* значение...

Винни приняла серьезный вид, вздохнула, поцеловала анкх и торжественно передала его Джоан.

— Мы обе готовы довольствоваться хоть капелькой любви... Будь счастлива.

— Хорошая моя Винни! Давай приведем себя в порядок, мне надо ополоснуться, чтобы приятно пахнуть и быть свеженькой, как котенок. Поможешь?

— Конечно. Во имя любви! Используем «Сладость гарема» — это такие духи, от которых мужчины падают и не могут подняться. А я сотру с себя все...

— Наоборот! Используем эффект гетеродина!

— Это что-то из области радио?

— Применительно к нашему случаю звучит так: если для соблазнения мужчины одной девушки недостаточно, следует использовать двух. Как раз и обновим твои вещички...

Они приняли ванну и уже накладывали последние мазки грима, когда по интеркому раздалось:

— Мисс Смит, машина мистера Сэлэмэна подъезжает.

— Спасибо, О'Нейл.

Через несколько минут Джоан позвонила в Зеленую анфиладу.

— Джейк, дорогой, говорит домашний гуру. Если ты желаешь помолиться с нами, гуру и чела зайдут за тобой в любое время.

— Я буду рад, мой гуру. Минут через двадцать, хорошо?

— Хьюберта там нет? Не хочется одеваться.

— Он спит.

— Тогда до встречи через двадцать минут.

Джейк встретил их в халате, с толстой книгой в руках.

— Привет вам, мои дорогие. Чудесно выглядите. Джоан, я позволил себе взять книгу из твоей библиотеки... — он протянул «Вишнудеванада Йога». — Думал найти какие-нибудь позы попроще, но — увы.

— Это было в моей библиотеке? — удивилась Джоан.

Однако на титульном листе стоял штамп: «Из книг Й.С.Б. Смита».

— Ты запаслива, как крыса, моя радость, — ухмыльнулся Джейк. — Я посмотрел по каталогу — больше десяти тысяч томов!

— Думаю, *намного* больше. Каталог составляли давно. Джейк, ты готов?

— Как скаут-орел: всегда готов!

— Но прежде, чем мы приступим... — Джоан распахнула халат и сняла с шеи ожерелье. — Джейк, это тебе. Наклонись немного...

Он наклонился, и она надела на него цепь, сопроводив церемонию поцелуем.

Он приподнял анкх, посмотрел на него, потом перевел взгляд на Джоан.

— Спасибо, Юнис. Я могу его не снимать?

— Конечно. Винни, ты готова? Начнем...

Джоан сбросила халат и опустилась в «лотос». Винни последовала ее примеру. Джейк сел последним.

— Омм мани пхадме хум.

— Омм мани пхадме хум.

Омм мани пхадме хум.

Джейк уснул мгновенно, едва коснувшись подушки. Девушки тихо вышли из комнаты. Джоан остановилась в дверях.

— Винни...

— Что, дорогая?

— Во сколько на этот этаж поднимаются слуги?

— Не раньше девяти. А что, тебя кто-то разбудил?

— Дело не в этом... В общем, меня беспокоит Хьюберт. Я остаюсь ночевать у Джейка... и мне не хочется, чтобы он ввалился утром...

— Об этом можешь не беспокоиться. Хьюберт никогда не придет без вызова.

— Ну, слава богу. Значит, никто, кроме тебя, не узнает об этом. Сделай еще вот что: поваляйся в моей постели — а утром, часов в восемь, позвони в Зеленую анфиладу. А сей-

час принеси мне пижаму и шлепанцы — на самый крайний случай. Я посижу пока здесь... Нервничаю. Боюсь, наверное, что Джейк устроит мне нагоняй.

По-моему, ты боишься, что он тебе его ***не устроит.***

Юнис, ты что — хочешь, чтобы я сбежала в последний момент?

Наоборот! Кричи «Банзай!» — и вперед!

— Я быстро... Ой, Джоан, у меня у самой все дрожит. Я посплю в твоей постели, ладно?

— Это будет замечательно. Только я могу прийти в любой момент и разбудить тебя...

— Буди. Я буду только рада тебе...

Через несколько минут Джоан проскользнула в комнату Джейка, на ощупь нашла кровать и забралась под одеяло. Пригревшись, она вскоре уснула.

Неизвестно, сколько времени прошло, когда она проснулась от прикосновения руки.

Что это?!

Труби побудку, близняшка! Началось!

Я боюсь!..

Действуем, как договорились! Повторяй: деньги пахнут. Ну!

Омм мани пхадме... ой!

Не говоря ни слова, Джейк уверенно взял ее.

О боже, Юнис! Что же ты мне сразу не сказала?..

Не сказала — что?

Что для женщины это настолько лучше!

Неужели?

В десять раз, в сто раз — не знаю...

Мне было не с чем сравнивать, сестренка... Поцелуй же его, раз тебе так хорошо!

Глава 21

...продолжается захват здания администрации штата Оклахома так называемым Народным правительством аграриев. Марсианская экспедиция сообщила о находке предметов искусственного происхождения возрастом примерно один миллион четыреста тысяч земных лет. Часть членов экспедиции высказывают сомнения в ноогенном

происхождении артефактов и считают возможным инстинктивный генезис (по аналогии с деятельностью пчел, термитов и т.п.). Международное общество «За плоскую Землю» на очередном съезде в Суррее, Англия, приняло резолюцию, согласно которой ООН следует применять санкции к правительствам, которые под видом «космических экспедиций» совершают жульнические операции по присвоению денег налогоплательщиков. За последние девятнадцать лет число самоубийств неуклонно росло, равно как и число смертей от несчастных случаев и преступных деяний. Рост численности населения сохраняется на уровне 300 000 человек в день, при этом на каждые десять рождений приходится лишь четыре смерти. В графстве Изард, штат Арканзас, курица снесла яйцо с изображением креста на нем. Представитель государственного казначейства неофициально сообщил, что правительство отказалось от идеи полного изъятия бумажных денег и перехода на исключительно безналичный расчет. «Мы должны принять как факт, что сделки на черном рынке, взятки, квазилегальные операции и прочее в том же роде являются частью национальной экономики, и прекращение их просто-напросто приведет к депрессии и обвальной инфляции. Бумажные деньги, господа, не что иное, как смазка для колеса прогресса — и президент это понимает». Первая Сатанистская Церковь, инкорпорейтед (сорок четыре отделения в Калифорнии, пять — в других штатах) подала в Федеральный суд жалобу на дискриминационное налогообложение. Первый Апостол заявил: «Если все прочие церкви не травят, не душат налогами, не устраивают расследований, оскверняющих священные места — то и Рука Владыки должна пользоваться такими же правами. Это будет по-американски, как яблочный пирог!» В Рино вновь отменено лицензирование проституции. Глава городского совета заявил, что сборы не покрывали расходы на инспекторов, да и количество проституток резко сократилось с тех пор, как был закрыт федеральный юношеский учебный центр. Объединение «За Человеческое Существование» наращивает темпы своей кампании по порче, взлому и уничтожению пластиковых карт. Главный почтовый инспектор вы-

разил возмущение тем, что в качестве мусорных баков для испорченных карт использовались почтовые ящики. На что глава Объединения заявил, что почтовые ящики испокон веку используются как мусорные, — но отказался объяснить, что конкретно он имеет в виду. Из-за сбоя дорожного компьютера в Хьюстоне, происшедшего в вечерний час пик, несколько десятков тысяч человек ночевали в своих машинах; зарегистрировано около семисот смертных случаев из-за остановок сердца, отравлений газами, насильственных действий. Самоубийств не было. Страховая автомобильная компания Южных штатов отклонила все претензии, поскольку ни один смертный случай не был надлежащим образом (лакуна в сообщении). Лунные колонии провели церемонию присвоения имен двум сверхгигантским гидропоническим бассейнам. Отныне они носят имена «Джордж Вашингтон» и «Грегор Мендель». По этому поводу комиссия Колоний увеличила квоту бесплатной иммиграции, но отказалась от снижения образовательного ценза. Попытки опротестовать это решение через суд нереальны, поскольку Лунные колонии находятся вне юрисдикции Соединенных Штатов. Акции «Лас-Вегаса-В-Небесах» продолжают подниматься на фоне общей вялости рынка ценных бумаг. Джодрелл Банк потерял связь с пилотируемым зондом, летящим к Плутону...

— ...потому что «ид» — это не самостоятельное понятие, а всего лишь первый слог слова «идиот»!

— ...требую порядка в зале!..

— ...позвольте мне привести неоспоримые доводы этого великого ученого...

— ...бред, бред! Любой занюханный лаборант может нарисовать это и делать какие угодно выводы — но все это не относится к предмету!..

— ...могу ли я попросить уважаемого коллегу повторить сказанное, когда мы выйдем отсюда?

— Бейлиф, приструните их!..

— Джейк, они хоть сами-то понимают, о чем говорят?

— ...эй, не светите мне в глаза, а то как бы потом не пришлось фотографировать ваш труп...

— ...перед судом вопрос, какую цель преследует адвокат ответчика, выставляя здесь этот скелет гризли?..

— Ужасно противно. Я что, действительно была *этим*? Хорошо, что нам удалось сменить квартиру...

— Тихо. Мак знает, что делает. Да и я тоже.

— ...надежность свидетеля должна быть установлена прежде, чем его показания будут использованы в деле идентификации личности...

— Уважаемый суд! Эти отпечатки я только что снял с представленного здесь трупа, обозначенного литерами «ММ». А эти — получены мною из архива Фонда Ветеранов. Пользуясь методом простого наложения...

— ...собственноручно сделаны фотографии, которые мы видим здесь и которые обозначены литерами «СС» с номера первого по номер сто двадцать седьмой...

— ...повторяю: *не будет закрытым*. Это будет публичное слушание. Но суд будет наказывать за неуважение к суду по всей строгости. Эвелин, начните вон с той дуры в парике. Десять суток холодной. Секретарь, запишите ее имя. Уведите. Так, есть еще желающие? Ну-ка ты, в заднем ряду, — спрячь свой «Чупа-чупс»! Итак, адвокат ответчика считает, что перед нами не Хосе Бранка?

— О боже, конечно, нет! В смысле: я так не считаю. Я готов удостоверить его личность. Просто я прошу суд не упускать из виду некоторые основные детали.

— Джейк, Джо неважно выглядит. Надо обязательно навестить его.

— Мистер Бранка, посмотрите на этих людей. Есть ли среди них ваша жена?

— Нет.

— Мистер Бранка, посмотрите, куда я показываю.

— Нет, там ее нет.

— Ваша честь, свидетель не желает давать показания. Приходится постоянно направлять его. Вы разрешаете?

— Да. Но учтите, адвокат: его показания не должны опровергать его собственные выводы.

— Спасибо, ваша честь. Мистер Бранка, я указываю на

эту женщину. Посмотрите внимательно. Вот, я кладу руку на ее плечо...

— Уберите руки! Судья, если он еще раз дотронется до меня, я его ударю!

— К порядку! Адвокат, нет необходимости дотрагиваться до ответчика, и вы не должны этого делать.

— Я прошу прощения... Мистер Бранка, я говорю вам, что это — ваша жена, Юнис Бранка.

— Это не Юнис. Она умерла. Судья, мне что — снова жрать это дерьмо? Этот деляга знает все, три часа он из меня жилы тянул. Да, это тело Юнис. Но самой Юнис там нет. Все знают, что произошло...

— Извините, ваша честь. Мистер Бранка, прошу вас отвечать только на мои вопросы. Вы говорите, что ваша жена умерла. Вы видели ее мертвой?

— Чего? Нет. Но операция...

— Только на вопросы! Только. Вы не видели ее мертвой. Я утверждаю, что вам заплатили миллион долларов, чтобы вы не признали эту женщину вашей женой.

— Джейк, какие же они сволочи! Разве так можно — с ним? Ты только посмотри на него...

— Извини, мы ничем не можем ему помочь...

— Судья, этот ублюдок врет, как срет! Все отдали Клубу, ясно? Редкой крови. У меня была эта дурацкая кровь. И у Юнис. Спасали людей. Ну, они предложили деньги — тысячи, миллион, не знаю. Не считал. Я что, такая сволочь? За Юнис — и деньги? Я велел затолкать эти деньги в...

— Ваша честь, я призываю свидетеля к порядку!

— На ваш вопрос он реагирует адекватно, хотя и довольно эмоционально. Продолжайте, мистер Бранка. Итак, вам предложили деньги. За что?

— Ну, Юнис держала при себе босса. Мистер Смит его звали. Йоханн Смит. Такой богатый, что срал в золотой горшок. Но бедный старый пердун загибался, ясно? Только живорезы его и держали, не давали помереть. Так вот. А у него была эта самая дурацкая кровь, ясно? Как у меня, как у Юнис. Я и говорю: ну, если понадобится, пусть берет мое тело или Юнис — ну, когда нам они не будут нужны. Но не за деньги. Так и получилось, как сказали... Ну, по-

жали мы руки — я и его стряпчий, мистер Сэлэмэн. Вон он сидит. Он знает, что я чувствовал, он помог. Основал в Клубе фонд. «Фонд Юнис Эванс Бранка — бесплатная редкая кровь». Спросите его. А я... не взял... ни одного... Бог свидетель — ни одного сраного цента!..

— Джейк, он даже не посмотрел на меня...

— Опусти вуаль, дорогая, и поплачь...

— Есть ли еще вопросы к свидетелю?

— Нет, ваша честь. Может быть, у противной стороны?

— У нас нет вопросов, ваша честь.

— Неужели никто из адвокатов не хочет задать ни одного вопроса важному свидетелю? Суд намерен расширить до предела область интересов, вы можете задавать любые вопросы, пусть даже очень отдаленно касающиеся существа дела. Адвокат истцов?

— Мы закончили допрос свидетеля, ваша честь.

— Ответчики?

— Никаких вопросов — ни сейчас, ни позже.

— Прекрасно. Заседание возобновится завтра в десять часов. Эвелин, проводите свидетеля, отвезите его домой или куда он желает и обеспечьте его охрану.

— Судья? Могу я сказать кой-чего?

— Пожалуйста, мистер Бранка.

— Этот говенный деляга... не мистер Сэлэмэн, тот, другой... Ночи стоят темные. Не забрести бы ему в Развалины... случайно.

— К порядку! Мистер Бранка, в суде не должны звучать угрозы.

— Это не угроза, судья. Это предсказание. Я его не трону. Но у Юнис были *разные* друзья...

— Хорошо. Итак, мистер Бранка, вы свободны, сюда вам не придется возвращаться. Секретарь, позаботьтесь о вещественных доказательствах. Бейлиф, обеспечьте охрану здания. На сегодня все.

— Встать, суд идет!

— ...при всем моем уважении к оппоненту вынужден признать, что его доводы являются полнейшим вздором, поскольку цитируемый великий ученый в работе от 1976

года писал: «Сама суть понятия «личность» лежит вне плоскости научного мировоззрения и служит лишь предлогом для псевдоученых спекуляций, поскольку является лишь обозначением придуманных, фантазийных понятий. Все проявления жизни полностью укладываются в биохимические процессы, как, например...»

— ...даже экзистенционалистская феноменология привлекает телеологические обоснования, следовательно, диалектический материализм, при углубленном изучении, является...

— Кто здесь на кого нападает?!

— Неродившегося ребенка нельзя признать личностью...

— ...законами наследственности объясняются практически все...

— ...говоря словами, понятными суду и прочим присутствующим: «Господи, прости их, ибо они не ведают, что творят!»

— Меня просто *шокировало* то, что я выяснил! Оказывается, ученый судья, которого мы все имеем честь лицезреть, приходится братом по ордену Йоханну С.Б. Смиту! То, что они действительно состоят в тайных взаимоотношениях, может быть проверено по записям, доступным для широкой публики. Прошу этот суд и все последующие суды признать этот факт и требую, чтобы адвокаты ответчика признали этот факт.

— Мы признаем.

— Джейк, а откуда они узнали?

— Через нас.

— Итак, этот уличающий факт признан противоположной стороной! Теперь истцы вынуждены требовать, чтобы председательствующий судья объявил о своей дисквалификации и о неправомочности предыдущих решений этого суда!

— Джейк, по-моему, мы поплыли?

— Спокойно. Этих тайных обществ и братств — как снега в Канаде. Все более или менее видные лица в них состояли или состоят. Это ничего не доказывает и нам ничем не грозит, а внучки все глубже заглатывают приманку. Ти-

хо. Кстати, с членами Верховного суда ты тоже состояла в одном обществе?

— Ну, не со всеми...

— Вот и ответ. Наверху социальной пирамиды все друг друга знают.

И друг с другом спят!

Юнис, брысь!

— Адвокат, я нахожу, что ваше выступление достаточно интересно. Однако должен заметить, что вы несколько торопитесь с выводами. Суд не может объявить свои решения неправомочными, поскольку процесс еще не начинался. Идет лишь разбирательство в суде, имеющее целью установить личность юной леди, именующей себя «мисс Смит». Она не обвиняется в совершении преступления, не так ли? Просто истцы высказали сомнения в ее личности, и суд пытается непредубежденно разобраться, кто есть кто. Но это не процесс, и процессуальные нормы здесь неприменимы.

— Да, ваша честь. Я принимаю ваше замечание. Тем не менее, ваша честь, истцы полагают, что в свете вскрывшихся обстоятельств вы не можете обеспечить то самое непредубежденное разбирательство, о котором говорили.

— Интересная мысль. Давайте рассмотрим это замечание. Итак, вы сказали, что я и Йоханн С. Б. Смит состояли в одном тайном обществе. Не будем задаваться вопросом, желали ли вы, используя слово «тайное», высказать неуважение к суду...

— Ваша честь, уверяю вас!..

— Я сказал: *не будем* задаваться этим вопросом. Слово «тайное» означает: скрытое, секретное, нелегальное. Но, как я понимаю, вы почерпнули эту информацию из справочника «Кто есть кто?».

— Да, ваша честь.

— Замечу попутно, что я не мог состоять в обществе одновременно с Йоханном С. Б. Смитом, поскольку он старше меня на пятьдесят лет. Итак, ваше расследование показало, что мы с упомянутым лицом были членами этого общества. Членами каких еще обществ мы с ним были?

— Истцы не задавались этим вопросом, ваша честь.

— А зря. Вы могли бы найти еще с полдюжины организаций и обществ, в которых мы с ним состояли. Красный Крест, например. Или Коммерческая палата. Я уже не говорю о скаутах. Возможно, что и с вами мы имеем ту же связь. Вы, насколько я помню, Благоговейный Хранитель? Я тоже. Хотите сказать что-нибудь по этому поводу?

— Нет, ваша честь. Я снимаю свое замечание.

— Десятиминутный перерыв!

— К порядку! Адвокат истцов, у вас было время подумать.

— Истцы просят изъять из протокола замечание, касающееся студенческих ассоциаций, и прения по этому поводу.

— Не принимается. Никаких изъятий из протокола производиться не будет. Теперь я хотел бы узнать, на каком основании я должен дисквалифицировать себя?

— Ваша честь, когда я поднимал этот вопрос, он казался мне важным, но теперь...

— Я просто прошу вас изложить свою систему взглядов. У вас ведь была какая-то теория, не так ли?

— Ваша честь, если вы настаиваете... мне казалось, что вскрывшийся факт предполагает определенное пристрастие... я прошу не принимать это за неуважение к суду...

— Пристрастие к кому? К истцам — потому что с их дедом мы состояли в одном студенческом союзе?

— О нет, ваша честь, — пристрастие к мисс... э-э... к противной стороне.

— Интересная мысль! Значит, делая свое замечание, вы исходили из предположения, что Йоханн С. Б. Смит и эта юная леди — одно и то же лицо?

— Боже мой, Джейк! Он затолкал ему в пасть его собственный хвост!

— Да. Мы натянули их по самые уши.

— Нет, ваша честь, мы вовсе не исходим из этого — напротив, именно это предположение мы и подвергаем сомнению!

— Адвокат, я вас не понимаю. Давайте уж: или — или.

Или эта юная леди *не* Йоханн С. Б. Смит, как это и утверждали первоначально истцы, — или она не состояла со мной в одном студенческом союзе. По вашим выкладкам получается, что она — Йоханн Себастьян Бах Смит. Вы продолжаете настаивать на этом?

— Нет, ваша честь. Боюсь, что я первоначально запутался в своих логических построениях. Прошу у суда снисхождения.

— Ничего, бывает. Человеку свойственно ошибаться. Вы все сказали? Продолжим допрос свидетелей.

— Да, ваша честь.

— Но, доктор Бойл, вы *точно знаете*, что взяли мозг из этого тела — этого трупа — и пересадили его в тело вот этой женщины?

— Слушайте, что за идиотство? Мне нужно будет все ответы повторять по два раза?

— Ваша честь, истцы считают, что вопрос во время перекрестного допроса может дублировать вопросы противной стороны. Мы просим содействия суда.

— Свидетель, вы обязаны отвечать, как положено.

— Нет, судья. Это не уголовный процесс, и я здесь нахожусь по своей доброй воле. Тем более я не гражданин вашей страны. В настоящее время я гражданин Китая, и госдеп обещал моему правительству, что я буду пользоваться иммунитетом во время пребывания в ваших джунглях. Хотите взглянуть на мой паспорт?

— Спасибо, не надо. Все это я знаю. Знаю также, что вы не хотели ехать, поскольку это отнимало у вас драгоценное время. Поэтому суд *просит* вас дать ответы, полные, подробные и по существу — в деле, в котором вы являетесь практически единственным заслуживающим полного доверия свидетелем.

— Ну, если так... Когда со мной по-доброму, я тоже... Ладно, начнем от первого звоночка. С год назад на меня вышел этот старый мудозвон... простите, сорвалось, хотел сказать: мошенник... мистер Джейкоб Сэлэмэн, вон он сидит, — и предложил мне сделать то, что «Воскресные какашки» окрестили «пересадкой мозга». Я согласился. По-

сле всех дел — подробностей я не знаю — я сделал операцию. Переместил мозг и кое-какую периферию из одного человеческого черепа в другой. Мозг оставался живым на протяжении операции и после — пока я оставался при пациенте. Значит, дальше: мозг был взят у очень старого человека, мужчины. Тело донора — молодое, здоровое, женское. Что еще? Да все, пожалуй. Разве что добавить, что мужчина был в очень плохой форме, его жизнь поддерживалась искусственно. Женщина была в еще худшей форме — мертва. Травма черепа и мозга, несовместимая с жизнью. Жизнедеятельность внутренних органов поддерживалась инструментально. Сегодня я осмотрел выставленный тут на всеобщее обозрение кусок маринованного мяса. Да, операцию производил я, это несомненно, моя методика уникальна и пока еще никем не воспроизведена. Да и вообще — хирург всегда узнает свою руку. Таким образом, методом исключения я прихожу к выводу: этот труп принадлежал тому самому старику, над которым я... которого я оперировал. Определить же личность юной дамы, в тело которой мозг был пересажен, труднее. Я видел ее один раз, давно, на операционном столе, забинтованную и мертвую. Не думаю, что кто-либо вообще мог бы узнать человека после такого свидания. Швы на кожу накладывал ассистент, пластику черепной коробки производили стандартной тефлоновой пластиной. Конечно, определенные метки остались, но они на черепе, значит, чтобы до них добраться, опознаваемую даму нужно оскальпировать, а она вряд ли на это согласится. Не так ли, дорогая?

— Да, доктор.

— Свидетель, вы *узнаете* ее?

— Да, судья. Но под присягой подтвердить не смогу.

— Ваша честь, истцы так и не уяснили положения дела...

— По-моему, все яснее ясного. Доктор Бойл без колебаний опознал тело, из которого изъял мозг, но заявляет, что идентифицировать женское со стопроцентной уверенностью не может. Итак, перерыв до завтра...

— Судья!

— Да, доктор?

— Вы можете заседать тут хоть до нового потопа, но я улетаю завтра двенадцатичасовым рейсом. Мои исследования не терпят отлагательств... и вы не поверите, на что соглашаются приговоренные к смертной казни! Так что в вашем распоряжении я только сегодня.

— Н-ну, что ж... надо подумать. У сторон есть еще свидетели? Доктор, вы можете сесть.

— Нет, ваша честь, у истцов свидетелей нет.

— У нас тоже, ваша честь.

— Мистер Сэлэмэн, вы будете подводить итог допроса?

— Факты говорят сами за себя, ваша честь.

— Истцы?

— Ваша честь, неужели вы намерены закончить разбирательство сегодня?

— Я еще не решил. Мы торчим тут уже черт знает сколько дней, погрязли в мелочах... Давайте подметем сор и разойдемся по домам. Обе стороны отказались от выставления дополнительных свидетелей, претензий и доводов. Итак, я намерен объявить перерыв и, если новых доводов не будет предъявлено, вынести решение. Особо подчеркиваю, что на длительные отсрочки суд не пойдет, эта тактика нам надоела до смерти. Не говорю уже о манерах и языке некоторых присутствующих — лишь природная мягкость не позволяет мне привлечь их к ответу за неуважение к суду. Так, что у вас, адвокат?

— Ваша честь, не позволено ли мне будет узнать: если суд уйдет на перерыв, то какой длительности будет этот перерыв?

— ...и выслушав стороны, выносим решение. Но вначале — заявление суда. Руководствуясь духом и буквой конституционного закона, суд, поскольку решение его может стать прецедентом, направляет дело, в соответствии с Административным актом от 1948 года, в Федеральный апелляционный суд, с рекомендацией сразу же передать его в Верховный суд. Мы не убеждены, что это обязательно случится, но основания для такого рода действий у суда есть, поскольку дело весьма необычное...

— ...выслушав заявления сторон, выслушав свидетелей и произведя осмотр вещественных доказательств, суд пришел к выводу, что есть возможность вынести одно из следующих постановлений: — как Йоханн Себастьян Бах Смит, так и Юнис Эванс Бранка живы; — Юнис жива, Йоханн мертв; — Юнис мертва, Йоханн жив; — оба мертвы. Суд постановил... мисс Смит, встаньте... следующее: человек, стоящий перед нами, является физиологическим композитом, состоящим из тела Юнис Эванс Бранка и мозга Йоханна С. Б. Смита; следовательно, в соответствии с прецедентом, изложенным в деле «Генри М. Парсонс против Род-Айленда», это человеческое существо женского пола является Йоханном Себастьяном Бахом Смитом.

Глава 22

— ...так скажем, предлагаете мне ваше чудесное тело? О, нет, дорогая, извините меня. Я не интересуюсь женщинами. Мужчинами тоже. Мне до жопы все ваши наряды, духи, каблучки... Я садист. Гениальный садист, если хотите. Правда, я вовремя понял, что нужно делать, чтобы не угодить на виселицу, — и стал хирургом. Есть в этом что-то утонченное, правда? Впрочем, спасибо за предложение. У вас действительно превосходное тело.

Оп-ля, босс! Вот нас и отшили. С почином. Не комплексуй, все женщины проходят через это. Оправь перышки и будь готов!

Всегда готов! Но знаешь, у меня камень с души упал. Отдаться лишь потому, что кто-то имеет моральное право на это тело... Что-то здесь не совмещается с Тринадцатой поправкой.

Ты еще кодекс Хаммурапи вспомни...

— Я ваша Галатея, доктор. И вы можете делать со мной все, что хотите... только не вскрывайте мне больше череп. Я ваша должница пожизненно, знайте это. Все, что вы получили до сих пор, — это лишь скромный аванс... Доктор, вы как-то не по-австралийски реагируете. Да и акцент у вас подозрительный...

— А, это... Я выскочка, дорогая. Из сиднейских тру-

щоб — в специальную школу для отъявленных садистов, в стиле британских закрытых школ, но местного розлива. А оттуда — в Лондонский университет, к лучшим в мире хирургам... Ладно, одевайтесь, мне надо идти. Да, вы не могли бы записать на пленку ваше восхитительное медленное сальто — для архива?

— Куда отправить, доктор?

— Джейк Сэлэмэн знает. Хвост пистолетом, крошка, и постарайтесь прожить подольше. Вы мой шедевр.

— Я постараюсь.

— Валяйте! Пока.

Неопознанный летающий объект дискообразной формы якобы совершил посадку в Пернамбуко, и человекоподобные существа нанесли визит местным жителям; опровержение официальных властей поступило раньше, чем первоначальное сообщение было распространено по каналам новостей. Число лицензированных частных полицейских втрое превысило число находящихся на службе у государства. Мисс Джоан, урожденная Йоханн Смит, получила более двух тысяч брачных предложений и еще большее число предложений менее официального характера, сто восемьдесят семь угроз, неизвестное, но очень большое число писем от вымогателей и шантажистов, четыре бомбы. Одна из бомб взорвалась в почтовом бункере частной почтовой службы «Меркурий», занимающейся обработкой корреспонденции мисс Смит, остальные обезврежены. Главный почтмейстер скончался от сверхдозы снотворных препаратов; его заместитель отказался занять освободившееся место и подал в отставку. В Албании женщина родила «фавна», который был крещен, умерщвлен и кремирован в течение восьмидесяти семи минут. Фотографий сделано не было. Местный священник дал описание существа. ФБР сообщает, что рецидивы составляют на сегодняшний день 71% всех преступлений и 84% особо тяжких. Гарвардский университет по-прежнему парализован.

— Джейк, помнишь: когда ты в прошлый раз отказался жениться на мне, ты все же обещал, что мы отметим победу где-нибудь в городе?

Сэлэмэн поставил чашку на стол.

— Прекрасный ленч, дорогая. Помнится, ты именно в тот раз сказала, что пропуск в ночной клуб не заменяет свидетельства о браке?

— А разве не так? Впрочем, с тех пор, как ваше величество удостоили меня места главной наложницы, я даже не заикаюсь о браке. Я, может быть, заблуждаюсь, когда говорю: главной... я ведь не знаю, Джейк, с кем ты развлекаешься в мое отсутствие.

Сестренка, не дави на него. А то он начнет врать. Нам это нужно?

Я не давлю. Я лишь опутываю его шелковой нитью. Пусть он отвезет нас в ночной клуб, мы покрасуемся там в нашем синем с золотом платье. Не для одной Винни мы его покупали.

— Юнис, ты что, считаешь, что я завел кого-то на стороне?

— Было бы очень самонадеянно с моей стороны судить об этом, сэр. Джейк, я же сижу здесь, как в осаде, и ничего не вижу. Но теперь, когда мы выиграли процесс, — какого черта?.. Хватит мне изображать заключенную! Можем даже устроить вечеринку вчетвером: найдем девушку для тебя, парня для меня... и, если захочешь, можешь вернуться домой пораньше и лечь спать, не дожидаясь меня.

— Оставив тебя в ночном клубе?!

— Да. Я дама дееспособная, и мне чуть больше двадцати одного года. К тому же есть охрана. Что касается развлечений — позвоним в эскортную службу... в «Золотую печать», например... Впрочем, для себя ты можешь взять Винни, она прекрасно танцует. И без ума от тебя.

— Что ты такое говоришь? Это всерьез — нанять жиголо?..

— Конечно. Я же не собираюсь за него замуж. Даже спать с ним не намерена. Просто — танцевать, разговаривать...

— Нет, это не по мне.

— Джейк, ты же понимаешь: наемный партнер — это просто такой дешевый протез тебя на то время, пока ты дуешься и не хочешь танцевать со мной. Вздремнем перед поездкой? Помочь тебе расслабиться? Что ты хочешь: медитацию или гимнастику на простыне?

— Женщина, я еще не сказал, что мы куда-то идем. И потом — нет особых причин для торжества. Пока Верховный суд...

— Неправда! Теперь я мисс Смит по закону, пока не доказано обратное. Мои внучки проиграли во всех забегах. А если мы будем оттягивать празднование, пока Верховный суд раскачается и что-то решит... хо! да нас к тому времени может уже и не быть в живых!

— Чушь. Я скоро лечу в Вашингтон и постараюсь протолкнуть наше дело как можно раньше.

— Джейк, ты протолкнешь, я знаю. Но, допустим, твой самолет разобьется...

— Это было бы неплохо. Примерно такой смерти я для себя и хочу. Без долгого умирания.

— Сэр, надо ли тыкать меня носом в мои давние ошибки? Я все-таки не совсем котенок. Так вот, я хочу закончить мысль, сэр, а вы мне не позволяете. Перебиваете даму. Джейк, помнишь, как-то давно ты сказал, что тебе, по статистике, осталось еще лет десять-двенадцать, а у меня еще по крайней мере полвека? Но это не так, Джейк. На самом деле у меня впереди — нуль.

— Юнис, какого дьявола ты городишь чушь?

— Это не чушь, милый. Это правда. Правда, о которой мы все старательно не вспоминаем. Я — первый человек, у которого произведена пересадка мозга... или пересадка тела — безразлично. По этим операциям нет никакой статистики. Никто не может знать, сколько я проживу. Поэтому я считаю каждый прожитый мною день последним. Джейк, я не паникую, не думай. Я счастлива. Я помню, в детстве мама учила меня молиться. Вот такая была молитва:

Спать я ложусь, закрываю глаза —
боженька мой, береги ты меня!
Если же вдруг умру я во сне —
боженька мой, возьми душу к себе!

Джейк, я девяносто лет не вспоминала ее... а теперь каждый раз читаю перед сном. И каждый новый день — подарок для меня...

Близняшка, ты маленькая лживая сука. Ты читаешь только «деньги пахнут», и все.

Это одно и то же, кошка. Молитва значит все, что ты хочешь выразить.

— Джоан, я помню, ты не была религиозна. Что-то изменилось?

— Естественно. Я же умирала, ты не помнишь? Нет, я по-прежнему считаю себя агностиком, потому что не собираюсь копаться в религиозных вопросах... но я теперь «счастливый агностик»: я поняла, что мир преисполнен мудрости и красоты, что мое существование имеет смысл, пусть он мне и недоступен... Вот и все. А теперь можешь расслабиться и идти куда угодно, и навсегда забыть о том, что я просила свозить меня в ночной клуб.

Это грязный прием, сестренка.

Зато очень эффективный.

— Юнис, если ты действительно так хочешь...

— Нет-нет, дорогой, я же вижу, у тебя не лежит сердце к такого рода развлечениям. Спокойно лети в Вашингтон, а я как-нибудь одна, при охране, разумеется... Алек сказал, что они с Маком могут легко выбраться на свободу, Винни возьмем четвертой...

— Так. Где мой винчестер? Юнис, ты что, думаешь, я отдам тебя этим волкам без боя?

— Это так называемая ревность? Ой, как интересно!

— Нет, этому мазохистскому пороку я не подвержен. Бог спас меня. Просто, юная леди, если вы желаете осмотреть внутренности этого муравейника, обращаться надо к экспертам — то есть ко мне. Так что, радость моя, одевайся — а я пойду смахну пыль со смокингов.

— Платье без верха?

А, киска? Уломала бы ты его так лихо?

Снимаю шляпу, сестренка.

— «Не слишком ли шикарно для низкой публики?» Впрочем, полагаюсь на твой вкус.

— Постараюсь быть достойной вас, ваша милость. Ну, что — будешь спать?

— Да. Вели подать ужин мне в комнату. Час «Ч» — двадцать два ноль-ноль. Отставших не берем.

— Уснешь сам? Или я помогу? Или Винни? Или мы обе?

— Нет, справлюсь сам. Хотя, конечно, с помощью двух прелестных кошечек засыпать приятнее. Но лучше отдохни сама. Веселиться нам придется до утра.

— Есть, сэр!

— А теперь, с вашего позволения... — Сэлэмэн поцеловал ей руку. — Адье!

— Вернитесь и поцелуйте меня правильно!

— В другой раз, дорогая. Я не сторонник поощрения женских капризов.

И вышел.

И кто выиграл этот раунд?

Он думает, что он. Не будем открывать ему глаза, правда, Юнис?

Ты схватываешь все просто на лету!

Джоан вернулась в свои апартаменты и набрала номер.

— Кабинет доктора Гарсиа слушает.

— Говорит секретарь миссис Мак-Интайр, — Джоан слегка изменила голос... — Не мог бы доктор уделить несколько минут миссис Мак-Интайр?

— Сейчас узнаю. Подождите, пожалуйста.

Омм мани пхадме хум. Омм мани пхадме хум. Омм мани пхадме хум.

— Доктор Гарсиа слушает.

— Здесь секретарь миссис Мак-Интайр. Нас не подслушивают?

— Нет, Юнис. Говорите спокойно.

— Есть новости.

— Да. «Греки вошли в Афины».

— Это точно?

— Вне всякого сомнения. Но не беспокойтесь, все анализы я делал лично, так что утечки информации быть не может. Я приглашу доктора Кистра, он абсолютно надежен. Мы обойдемся даже без медсестер...

— О нет, Роберто! Ты не понял, дорогой, — я рада, я счастлива, я хочу родить этого ребенка, — даже если это будет единственное, что я успею сделать в жизни. Ты не представляешь, какую радостную весть ты мне сообщил!

Вот теперь действительно есть что отметить!

Хочу чего-нибудь острого — и еще мороженого!

— Значит, я просто не понял... ты так нервничала, когда сдавала анализы...

— Конечно! Я безумно волновалась, что *не* забеременела.

— Э... Юнис... я чувствую себя лично ответственным... и... Я понимаю, что вы слишком богаты, но брачный контракт можно составить так, чтобы муж не имел права распоряжаться средствами жены, и поэтому... Короче, Юнис, в любой момент вы можете рассчитывать на меня.

— Роберто, ты самый лучший, я знаю! И это самое чистое и самое бесстыдное предложение, которое когда-либо получала подзалетевшая блядешка. Спасибо, родной мой, но ты же знаешь — мне абсолютно насрать на то, что скажут соседи. А считать тебя ответственным за мое дитя я не могу, потому что давала целому взводу...

Ну, это ты загибаешь, конечно...

Все равно — мы старались.

— ...короче, это мой ребенок — и какая разница, кто мне помог?

— Прошу прощения.

— Милый, я не хотела тебя обидеть! Я только хотела сказать: ни о чем не заботься. Если это был ты — то я бесконечно благодарна тебе. И если не ты — все равно бесконечно благодарна... Эй, Роберто! Вместо того, чтобы пытаться делать честную женщину из меня — безнадежное это дело, скажу по-дружески! — лучше бы вынул из Винни ее затычку да вставил бы ей что-нибудь более стоящее. Вот из кого надо делать честную женщину!

— Это да — но она уж очень к тебе привязана. Во всех смыслах.

— Какая беда? В моем сарае столько свободного места, что разместить еще и тебя не составит никаких проблем. А если ты еще и накачаешь ей животик, у нас появится новое совместное развлечение... Все, я заткнулась, решай сам, как жить дальше. Практический вопрос: мне можно пить?

— Сегодня — да. Через пару недель — уже почти нет.

— И еще: не согласишься ли ты разделить мое торжество? Официально мы будем отмечать победу на процессе, насчет захвата Афин знать пока никто не должен.

— Э-э...

— Не хочешь, да?

— Нет, просто у меня сегодня свидание с Винни...

— Ты не понял! Джейк приглашает меня в ночной клуб, а я приглашаю еще и вас с Винни. Я не зову тебя провести со мной ночь в обычном смысле... впрочем, если удастся сделать так, чтобы Винни не обиделась, — почему нет? Нам так недолго удавалось побыть вместе, мой добрый доктор... но это были чудесные минуты, правда?

— Ты — лучшая женщина в моей жизни, Юнис!

— Брось, доктор, ты говоришь это всем пациенткам, я знаю. Ты изумительный вол! Подожди десять минут, я переговорю с Винни и позвоню тебе еще раз. Нет, позвони ей сам.

Джоан переключилась на внутреннюю связь.

— Винни?

— Иду.

Джоан встретила ее у двери.

— Дорогая, ничего серьезного. Я прошу тебя вызвать О'Нейла и передать ему, чтобы он прислал Финчли ко мне сюда. Не звоню сама, чтобы все было по протоколу.

— Понятно. Мне остаться?

— Нет. Тем более что тебе должны позвонить минут через десять, и по весьма приятному поводу: вечером ты, я, Джейк и доктор Гарсиа едем в ночной клуб.

— О-о!

— И пусть остается до утра, позаботься только, чтобы Джейк не узнал... мужчины бывают так застенчивы... Или он уже знает, кто такой «Боб»?

— Ну... да, знает. Я сказала.

— И все равно — прикрой доктора. А теперь — звони О'Нейлу.

Через несколько минут Винни вернулась:

— Финчли ждет.

— Спасибо, Винни. Финчли, войдите! Винни, побудь у себя.

Финчли вошел и поклонился:

— Вы звали меня, мисс?

— Котяра, мы одни, а двери звук не пропускают.

— Чудесно, киска.

— Поцелуй меня и садись. Я хочу от тебя совета. Причем, как ты скажешь, так и будет.

— Женщина, совет будет стоить еще одного поцелуя.

Этот поцелуй был долгим и страстным. Наконец Джоан с трудом отстранилась.

— А под халатом у тебя почти ничего нет... — Финчли облизал губы.

— Не почти, а просто ничего. Не отвлекайся, Томас Котярус. Так вот, я спрашиваю: сегодня мы с Джейком хотим посидеть в ночном клубе. Ты знаешь по-настоящему хорошее место?

— Па-па-па-пам... Вообще-то, Юнис, все приличные ночные заведения находятся в местах с дурной репутацией...

— Но внутри — безопасно?

— Не везде... сейчас подумаю... Да, есть подходящее. Там внутренняя автостоянка и бронированные двери. Я поспрашиваю ребят, но, думаю, лучшего все равно никто не предложит.

— Ладно. Спасибо, кот Том.

— Ладно так ладно. У нас есть время? Я запру вон ту дверь...

— Не заботься. Винни не войдет, так что хватай подушку и роняй меня на пол!

К десяти вечера компания собралась в холле. Джейк был одет ультраконсервативно: смокинг и брюки темно-бордового цвета, ослепительная водолазка; ее благородный шелк служил прекрасным фоном для золотого анкха. Доктор Гарсиа одет был официально, но современно: алого цвета трико и белый просторный свитер, отделанный черным кружевом с жемчугом. Винни обошлась своим гарнитуром с искусственными изумрудами и длинной многослойной юбкой из прозрачного газа. На лбу ее сиял крупный изумруд в оправе.

— На чем он держится, девушка? — удивился Джейк. — На клею?

— На резьбе, — сдерзила Винни — и покраснела. — Хотите, отвинчу?

— Никогда! А вдруг вы говорите правду?

— Правду — в смешанной компании? Такого быть не может. Ладно, в порядке исключения: действительно, на клею. Есть такой медицинский клей, его можно смыть только спиртом.

— Тогда сегодня эта штука имеет все шансы отвалиться.

— Я не пью, советник. У меня печальный опыт по этой части.

— Доктор, может быть, оставим ее дома? Какой толк от трезвой женщины? Будет только шпионить...

— Советник, вы так жестоки? Хотите запереть девушку в доме только потому, что она не пьет?

— Я бы запер ее только за то, что она называет меня «советник». А то и «сэр». Винни, какого черта? После захода солнца я — «Джейк».

— Хорошо, советник, — покорно сказала Винни.

— Доктор, вам удавалось переспорить женщину? — вздохнул Джейк.

— Пока нет. Если у вас получится, позвоните Розенфельду: он собирает всякую казуистику для новой книги.

— По-моему, таких примеров у него не будет... Юнис, а вот если ты встанешь, будешь казаться одетой?

— Вполне. — Юнис поднялась из кресла. — Именно так были одеты полинезийки, пока их не испортили миссионеры...

Наряд Юнис состоял из тысяч шелковых нитей, лежащих в несколько слоев и спадающих от пояса к лодыжкам. Внутренние слои были синего цвета, снаружи стелились золотые нити. При ходьбе цвета переливались, и это было потрясающе красиво. Тех же цветов блестящие звездочки покрывали ее тело от пояса и до шеи, постепенно редея.

— Все готовы? Тогда идем.

Дорога до клуба не заняла много времени. Охранники Джейка — Рокфор, Чарли и Поллак — остались внизу, где специально стоял карточный стол и работал безалкоголь-

ный бар. Гостей метрдотель проводил к столику на четверых напротив оркестра, снял табличку: «Заказано».

— Подойдет ли вам это, мистер Джонс?

— Да, спасибо, — кивнул Сэлэмэн.

Как только они сели, на столе появились два серебряных ведерка. Метрдотель вынул одну из бутылок и продемонстрировал Сэлэмэну этикетку.

— Это был плохой год для «Поль Рожер», — покачал головой Джейк. — Нет ли у вас «Дом Периньон» девяносто пятого?

— Сию секунду, сэр! — официант опрометью понесся выполнять заказ.

Метрдотель склонился в полупоклоне:

— Будут еще замечания, сэр?

Джоан шепнула Джейку:

— Скажи ему, что мне не нравится стул. Дизайн Торквемады.

— О, мадам! — метрдотель неподдельно огорчился. — Я сожалею, что вам не понравились наши стулья. Но наш поставщик тот же, что и для отелей класса «люкс»...

— Это ни о чем не говорит. Я не могу всю ночь сидеть, как будто штык проглотила. Джейк, может быть, поедем в «Газовый свет»?

— Туда мы всегда успеем. Метр, у вас ведь должно быть что-то вроде офиса?

— Разумеется, сэр.

— А в офисе обязательно должны быть такие мягкие вращающиеся стулья с подлокотниками. Принесите, пожалуйста, для нас четыре штуки.

— Я постараюсь, сэр. Боюсь, другим клиентам может показаться странным, что офисная мебель вдруг появится в этом зале...

— Пренебрегите. А если будут приставать, объясните, что эта причуда нам очень дорого стоила... Кстати, может быть, и другие захотят заплатить?

Метрдотель подал карту вин и наркотиков и удалился. Винни с Роберто пошли танцевать. Джоан наклонилась к Джейку и промурлыкала:

— Джейк, милый, а не купить ли мне это заведение?

— Что, так понравилось?

— Нет, просто захотелось развести костерчик из их стульев. Уже успела забыть, как эти гады умеют унижать клиентов.

— Ты просто избалована.

— А я старалась. И вообще, Джейк, этот мир стал бы намного лучше, если бы клиенты скандалили всякий раз, когда чувствуют, что надо поскандалить. Не думай, я не собираюсь переделывать мир: я просто хочу сидеть на удобном стуле. И все. Так, что там у нас? Джейк, а что такое «другие развлечения»? Может быть, на втором этаже шикарный бордель?

— А вон, посмотри: три столика, видишь? Сидят красивые мужчины и женщины, все молодые, все улыбаются, пьют имбирный эль из бокалов для шампанского. Так что твое предположение не лишено оснований.

— Слушай, там же и совсем девочка! Лет двенадцати...

— Она, наверное, с матерью. Подрабатывает...

Сестричка, кто-то только что публично отказался переделывать мир?..

Я и не собираюсь. У правительства не хватает на это средств, а у меня — тем более.

А мне показалось...

Показалось. Сегодня мы веселимся.

Подошла официантка, наполнила бокалы. Она была симпатичная, стройная, одетая лишь в туфли и косметику. Улыбнулась и пошла дальше.

— Джейк, как ты думаешь — она тоже?..

— Ничего не могу сказать. Не знаю правил дома. Тебя это шокирует?

— Что? Что она голая? Знаешь, она напомнила мне официантку в Честерфильдском клубе. Канзас-Сити, год этак тридцать четвертый.

— Забавно. Тогда я еще пешком под стол ходил. И что — здорово было похоже на все это?

— Ну... там было поуютнее — и совершенно демпинговые цены. А в «Деловых Завтраках», например, на полнолуния вообще все ходили голыми. И ничего. Джейк, давай проведем опыт. Вон она идет...

— Какой опыт?

— Просто спроси, можно ли ее снять. Если дать десятку, она даже не обидится.

— Интересно, куда она денет эту десятку... — пробормотал Джейк, знаком подзывая официантку.

— Хотите сделать заказ? — сияя улыбкой, она подошла. — Желаете ширнуться? Наши цены умеренные, качество гарантируется.

— Нет, это удовольствие не для меня, — улыбнулся Джейк. — Юнис, а ты? Не хочешь заторчать?

— Нет. Но я хочу, чтобы шампанское не кончалось. И — нет ли здесь кухни?

— Есть, мэм, и шеф готов сотворить любое блюдо, от соленых сухариков до омаров по-креольски. Меню?

— Необязательно. Просто принесите большое блюдо маленьких сандвичей со всякой всячиной. Джейк... — Джоан подмигнула.

Джейк протянул официантке десятидолларовую бумажку — и бумажка необъяснимым образом исчезла! Официантка склонилась к Джейку, выслушала его вопрос, выпрямилась и ответила, не снижая голоса:

— Нет, сэр. Согласно контракту, мне нельзя даже танцевать с клиентами. Тем более я замужем; но все это очень легко устроить... — Она повернулась в сторону столиков с «красивыми мужчинами и женщинами». — Только для вас, сэр? Или для обоих?

— Спасибо, не надо, — засмеялся Джейк. — Я просто любопытствовал.

— Это я любопытствовала, — сказала Джоан. — Извините.

— Что вы, богатый клиент имеет право спрашивать о чем угодно. Детям нужны ботинки. — Она улыбнулась. — У меня их двое. Мальчишки-близнецы. Хочу еще девочку, но трудно убедить лицензионную комиссию...

— Джейк, побудь еще богатым клиентом, — сказала Джоан. — Я хочу спросить...

— Сэр заплатил больше, чем за один вопрос, — сказала официантка, но и вторая купюра так же молниеносно и необъяснимо исчезла.

— Вы живете в Развалинах? С детьми?

— О боже, конечно, нет! Муж бы никогда не позволил... Заведение имеет автобус, который привозит нас сюда, а утром развозит по домам. Муж постоянно работает в ночную смену, так что все очень удобно...

— А кто ночью с детьми? Няня?

— Моя мама. Она живет с нами. Отлично сложилось, правда? И работа хорошая, не утомительная, и чаевые приличные. Иногда, правда, выпившие клиенты начинают давать волю рукам — но охрана быстро ставит их на место. — Она посмотрела на Джоан и улыбнулась: — Мэм, вы в два счета получили бы здесь работу. У вас прекрасная фигура, и вы дружелюбны — а больше здесь ничего не требуется...

— Я подумаю, — сказала Джоан серьезно.

— Прошу извинить, мэтр усаживает клиентов за мой столик. Сейчас я возьму у них заказ и принесу вам сандвичи...

Она отошла.

— Ну, что? Потанцуем? — приподнял бровь Джейк.

— Под эту музыку? Ты не сможешь.

— Я могу попробовать. А интересно, смогут они сыграть классический рок?

— Насколько же я старше тебя? В мое время рок был верхом непристойности и все танцевали свинг, и ничего больше — это еще называлось «кроличьи потягушки»... хотя я не научился танцевать до самого фокстрота.

— Фокстрот я уже застал. Но я сомневаюсь, что эта шайка траченных молью арфистов сумеет сыграть фокстрот. Как насчет танго?

— Давай. А знаешь почему? Потому что это такой сексуальный танец — если хорошо танцевать, конечно, — что после него честный джентльмен просто обязан сделать даме предложение. У тебя твердые намерения?

— Бу спок, крошка. Так, где же метрдотель?

Но в это время принесли четыре мягких офисных стула, и надо было хоть немного посидеть на них, чтобы не обидеть людей, а потом принесли сандвичи и еще шампанское, и Джоан вдруг поняла, что *очень* хочет и того, и дру-

гого: шампанского, чтобы опьянеть, и сандвичи, чтобы опьянеть не слишком быстро. Потом вернулись Винни и Роберто.

— О, еда! — почти расстроенно сказала Винни. — Прощай, талия. Боб, ты будешь любить меня толстую?

— Не знаю, не пробовал. — Он проглотил один сандвич и тут же потянулся за следующим.

— Винни, вылей ты эту чертову колу и пей шампанское!

— Джоан, ты же знаешь!..

— Знаю. Но, во-первых, ты будешь закусывать, а во-вторых — мы же с тобой!

— Напьюсь. Стану глупой...

— Роберто, поклянись, что ты доставишь этого бедного ребенка домой при любых обстоятельствах.

Можно подумать, там она будет в безопасности! Да над нашим домом можно смело вешать красный фонарь!

Ерунда, Юнис. Наш мужчина не желает жениться на нас — и что остается бедной богатой женщине, как не пуститься в разгул? В конце концов, из определенных рамок я не выхожу... и ты, кажется, вполне довольна нашим разгулом? Или нет?

Что значит — довольна? Глупое слово. Я счастлива!

Я тоже...

Между тем зал наполнялся; свет приглушили, и началось шоу. Два комика старались расшевелить публику новыми, то есть старыми и хорошо забытыми, репризами. Джоан слышала их, но не вслушивалась: в ушах стоял приятный высокий звон, а тело было легким и немного чужим. Комикам, похоже, кое-что удавалось сделать: публика смеялась, иногда — громко. Когда они закончили, Джоан зааплодировала первой.

Свет на миг погас — и за это время на танцевальной площадке возник фермерский домик и двор. Джоан поймала себя на том, что ее очень заинтересовала техника этого фокуса.

Пантомима, которую разыгрывала тройка актеров, была стара как мир (а может быть, и еще старше): участвова-

ли фермер, фермерская дочка и городской щеголь. Оркестр давал музычку в тему.

— Если это фермерская дочка, то я — Адольф Гитлер, — шепнула Джоан Сэлэмэну.

— Что ты понимаешь в фермерских делах, дорогая?

— Для городского мальчика — предостаточно. Я же каждое лето проводил на ферме. А когда учился в школе, подрабатывал на уборке урожая: это был неплохой заработок, плюс — иногда — фермерские дочки... Моя голубая мечта: купить ферму, нагрести самую высокую кучу навоза... впрочем, что-то подобное и получилось: ведь деньги пахнут. Джейк, а может быть, и вправду: купим ферму, вырoем ров, пустим в него акул и крокодилов, мост поднимем — а то и сожжем к чертовой бабушке... В этом городе я начинаю задыхаться.

— Как скажешь, дорогая. Хоть сейчас.

— Подождем до конца представления...

Слушай, интересно, а как он это изобразит?

Мне тоже интересно.

К удивлению Джоан, мимы не стали *изображать*. Шелестящие кредитки быстро превращали фермерскую дочку из недотроги — в жеманницу, из жеманницы — в на все согласную, из на все согласной — в нападающую. Актеры делали все, чтобы было ясно: они не халтурят и не притворяются. Винни покраснела до колен, но смотрела, не отрывая глаз.

Финал был особенно эффектный. Темп движений нарастал, оркестр изображал вздохи и стоны — и тут появился, конечно, фермер с вилами. И в этот момент сено, на котором разлеглась парочка, заполыхало — не иначе, как от трения. Фермер схватил сифон и начал поливать дочку и щеголя как очевидный источник огня...

Джоан решила, что изобретательность и усердие достойны аплодисментов. Винни неуверенно присоединилась к ней — и захлопала во всю силу, когда увидела, что Роберто смеется и аплодирует. Джейк свел ладони — и тут его прервали.

— Что-то случилось, Рокфор?

Джоан удивленно обернулась. Рокфор был чем-то очень расстроен.

— Мистер Сэлэмэн, я должен сказать...

— Ну?

— Этого дурака Чарли убили...

— О боже! Где? Здесь?

— Да, только что. В комнате для охраны. Он не пил, там с этим делом строго... Но он же чокнутый: мы играли, и он все время цеплялся к Поллаку. Цеплялся, цеплялся... Поллак ему раз сказал, два; я ему сказал... А он все цеплялся — ну, и довел Поллака. Короче, тот сломал Чарли шею. Я не успел их разнять. Пока обходил стол... — Рокфор помедлил. — Босс, мы ведь где? Может, оно и лучше?.. Засунуть труп в Развалины, и дело с концом.

— Нет, Роки, он ведь числится на мне. Отвезем в морг, оформим, как положено.

— Вы же можете просто ничего не знать. Исчез, испарился.

— Все. Делаем по-моему. Дорогая, — он повернулся к Джоан, — я очень сожалею.

— Черт. Не надо мне было настаивать...

— Ты здесь ни при чем. Что в Развалинах, что не в Развалинах — Чарли был просто убийцей. Роки, найди метрдотеля. Хотя нет — пойдем сразу к управляющему. Друзья, оставайтесь пока здесь — а мне надо кое-что сделать.

— Джейк, давайте я с вами, — сказал Гарсиа. — Я могу констатировать смерть — а это лучше сделать сразу.

— А кто останется с девушками?

Джоан погладила Джейка по руке:

— Не волнуйся, здесь полно охраны. И вообще, нам с Винни давно пора поправить косметику. Правда же?

Веселье накрылось, но домой они попали только через два часа: не так просто уладить дело с убийством, даже если оно произошло в Развалинах и не было преступлением ни с точки зрения закона, ни с точки зрения справедливости. Чтобы вывезти тело, пришлось вызвать другую машину, с Финчли и Шорти, и Фреда — на место убитого стрелка в машине Рокфора. Никто не горевал по убитому: даже

Рокфор не любил своего напарника, лишь отдавал должное его хорошей реакции и меткой стрельбе.

Юнис, а что происходит с такой сранью, как Чарли, после смерти?

Понятия не имею. Может быть, они умирают насмерть? Как гончар, например, разбивает неудавшиеся горшки... Позвоните в Главный офис, спросите.

Не знаю их номера, котенок. Слушай, как бы нам вернуть веселье? Винни мрачно пьет шампанское...

Единственное, что могу предложить: смешать поровну шампанское и «деньги пахнут» — и побольше, побольше...

А мне казалось, что ты не одобряешь выпивку.

Я просто не чувствовала потребности в вине. Но я никогда не считала это пороком...

В холле своего дома, куда мрачная четверка наконец добралась, Джоан хлопнула в ладоши:

— Народ! Жизнь продолжается, а поэтому... Винни, ты научила Боба нашему ритуалу расслабления?

— Я пыталась, но он такой циник...

— Джейк, ты должен задавить его своим авторитетом! Так вот, мы внесем в ритуал дополнение: трое произносят молитву, а четвертый отпивает из чаши любви. Потом передает по кругу. Согласны?

— Двумя руками за, — сказал Джейк. — А вы, доктор, можете отнести свой цинизм в мою комнату и там предаваться ему в одиночестве. Мы и втроем прекрасно справимся...

— Никогда в жизни я не нарушал компании.

— Отлично, сэр. Но предупреждаю: одно лишь циничное замечание — и возмездие неотвратимо!

— Какое?

Джоан Юнис улыбнулась:

— Выпьете до дна всю чашу — а потом мы все начнем сначала.

Она проснулась отдохнувшей и веселой — только очень хотелось пить. На потолке лежали полосы дневного света.

Джоан шевельнулась — и обнаружила, что в постели она не одна. Тихонько разбудить Джейка? Или пусть до-

сыпает? Ладно, пусть лучше спит — вечером он собирался в Вашингтон... Она приподнялась — но почувствовала, что мужские руки держат ее и не пускают.

— Я не знала, что ты уже проснулся... Роберто?!

— А ты рассчитывала на Санта-Клауса?

— Как ты здесь оказался?

— Ну вот — сама же пригласила...

— Я? Ой, точно... Я все забыла... А где Джейк? Где Винни?

— В постели Джейка, я думаю.

— О боже! Роберто, я наконец-то провела с тобой всю ночь! И подумать только — ничего не помню...

Зато я все отлично помню!

Я тоже кое-что помню. Хотя, возможно, и не все.

Пьяная ебливая сучка. Нет, мы были что надо!

Мне тоже так кажется.

— Как жаль, — вздохнул Гарсиа.

— Да нет, вспоминается понемногу, — Джоан потерлась носом о его плечо. — Это я так, спросонок... Ты был так мил.

— Да? А что ты говорила, когда я не пускал тебя в постель всю в краске?

Джоан посмотрела на себя. Действительно, краски на теле не было. Винни не могла ей помочь, следовательно...

— Мой рыцарь, — сказала она. — Много ли найдется в мире мужчин, которые стали бы мыть в ванне пьяную девку? И вообще — спасибо тебе за эту чудесную ночь. Надеюсь, я не была настолько пьяна, чтобы тебе было противно со мной?

— Юнис, даже в полном отрубе ты была бы лучше многих самых знойных женщин.

— Мне нравится это «бы». Но слушай, все это не повлияет... ну, на ваши дела с Винни?

— Вообще-то это была ее идея — вот так отпраздновать нашу помолвку.

— Что? Мы с тобой помолвлены?!

— С тобой? Нет — я помолвлен с Винни.

— Ах, Роберто... С какой радостью я вышла бы за тебя замуж! Но я не хочу замуж, а Винни хочет. Слушай, а я знала о вашей помолвке?

— Конечно. Поэтому ты просто прыгнула на меня, даже не потрудившись смыть свои звезды.

— Рублю. Помню, что мне вдруг страшно захотелось трахнуться... но из-за чего, не помню. Ох! Роберто, я не проболталась про Афины?

— Не думаю. По крайней мере, не при мне.

— Только бы Джейк не узнал...

— Это его работа?

— Помни клятву Гиппократа! Нет, это партеногенез. Слушай, а почему ты сказал, что это была идея Винни?

— Потому что так оно и было. Когда я сделал ей предложение, она вся покраснела и сказала, что согласится при одном условии: что я уясню раз и навсегда, что она не ангел. Ну, я сказал, что с ангелом в постели делать нечего... Слово за слово — и она заявила, что в знак доказательства попросит Джейка переспать с нею.

— Ничего не помню. Это сколько же я выпила?

— А никто не считал. Пили и пили...

— Хм. А я случайно не помолвлена с Джейком?

— Вот этого не помню уже я.

— А ты не стал спорить с Винни по этому поводу? Все-таки странное распределение ролей после помолвки...

— По-моему, всем все понравилось. Джейк взял ее под мышку и сказал, что это новая постановка «Изнасилования сабинянок».

— Вот ведь старый сатир!

— А я засунул тебя в ванну... а ты отбивалась и орала, что надо скорее кончать всякую дьявольщину — и бежать насиловаться.

— Думаю, я была права. Истина в вине, как известно.

— Тогда я сейчас накрою тебя подушкой, чтобы ты не так громко визжала...

— Не надо подушки, хватит руки... и двери не пропускают шум...

— А то я не знаю. Мисс Йоханн Смит, я успел изучить этот дом...

— Ах ты ублюдок! Ну-ка, скажи: «Юнис»! Или укушу! О, Роберто — я так люблю тебя... и я так счастлива, что ты женишься на Винни...

— Я тоже, Юнис. Заткнись.

— Есть, сэр!

О-о, Юнис! Со мной так еще никто не разговаривал! Сказано было — заткнись! Смотри, что делаешь!

Глава 23

Дабровски поддержал ее под руку, а Фред закрыл двери машины. Молча они дошли до лифта и вошли в него. Джоан Юнис огляделась.

— Должно быть, здесь...

— Может быть, не сто́ит?.. — осторожно сказал шофер.

— Я решила, — сказала Джоан.

— Не знаю, как Дабровски, а я буду ждать под дверью.

— Не упрямься, Фред. То, что случилось тогда, случилось по ошибке, и больше такого не повторится. У меня есть рация, я вызову вас, когда будет нужно, и даю слово, что не высуну носа за дверь, пока вы не постучитесь. А там, внутри, — я в безопасности. Вы же знаете, что Джо и мухи не обидит.

— Мы все равно будем ждать...

— Вы будете ждать два часа. Если за это время я не выйду — значит, остаюсь надолго. На день, на неделю — не знаю. Тогда просто будьте дома и ждите моего звонка. И не дергайтесь — все будет в порядке. Лишь бы он не выгнал меня сразу... Парни, я обязана это сделать, иначе... иначе зачем все?

— Хорошо, — угрюмо сказал Дабровски. — Мы подчиняемся.

— Я сейчас Юнис? Или Джоан?

— Юнис, — невесело усмехнулся он. — Ее почерк.

— Вот мы все и сказали... — она обняла обоих. — Спасибо вам за чудесную ночь... и я придумаю, как сделать, чтобы она была не последней. Но сейчас моя святая обязанность — утешить Джо. Мы уже почти приехали... поцелуйте меня.

Лифт остановился, дверь открылась. Джоан вышла — и с удивлением поняла, что *знает*, куда идти. Ни разу не замешкавшись, она подошла к нужной двери.

Босс, спокойно! Не дрожи так! И не звони, попробуй открыть замок голосом. Скажи: «Откройся!» Ну, давай!

— Откройся! — дрогнувшим голосом сказала Джоан.

Омм мани пхадме хум!

Замок издал негромкий клацающий звук, но дверь не открылась. Вместо этого загорелся транспарант: «Прошу подождать».

Юнис, а если он нас не впустит?

Не знаю... Нам не следовало приходить, босс.

Мы уже здесь. Не ворчи.

Я не ворчу. Я просто не знаю, что делать.

Из-за двери донесся высокий женский голос:

— Джо! О, Джо!

Кто это?

Узнаем...

Наконец дверь открылась. На пороге стоял Джо.

На нем были только заношенные шорты с пятнами красок — он вечно вытирал кисти о штаны. Лицо не выражало ничего. Из-за его спины выглядывала испуганная девушка, завернувшаяся в халатик.

— Видишь? Это она...

— Гиги, на место. Здорово, Лыжа. Привет, Фред.

— Привет, Джо.

— Джо, я могу войти? — голос Джоан упал до шепота.

Наконец он посмотрел на нее.

— Хотите — пожалуйста. Заходите, Даб, Фред.

— В другой раз, Джо, — сказал Дабровски. — Попозже.

— Рублю. В любой день — прошу. Оба.

— Спасибо, Джо. Увидимся...

— Мальчики! — в отчаянии позвала Джоан.

Фред наклонился над нею и поцеловал — быстро и нервно. Дабровски даже целовать не стал, а только шепнул ей на ухо тихо и почти зло: «Юнис, не смей обижать его! Узнаю — выпорю!»

— Пусти, Антон... — она торопливо прошла мимо Джо.

Он запер дверь, посмотрел на нее — и тут же отвел глаза.

— Садитесь?

— Спасибо, Джо...

Она огляделась. Всей мебели было: два стула возле ма-

ленького столика. Она подошла к ним, постояла, ожидая, что Джо поможет ей снять плащ, — и, поняв, что он не собирается этого делать, скинула плащ сама и села.

Хмуро и как-то нерешительно он посмотрел в ее сторону, спросил:

— Кофе? Гиги, «Яву» для мисс Смит!

Девушка, молча стоявшая в углу, подошла к плите, насыпала в чашку кофе, поставила греться воду. Джо вернулся к мольберту и стал накладывать мазки на почти готовую картину, изображающую женщину, которую он называл Гиги.

Халтурная работа, босс.

То есть?!

На холсте отпечатывается фотография. Джо ее лишь раскрашивает.

Почему-то это не считается искусством.

Ерунда какая-то... Все равно ведь — оригинальная живопись маслом.

Я тоже так думаю — но Джо так не считает. Босс, здесь жутко грязно. Эта сука Гиги... Мне просто стыдно за свою квартиру.

Думаешь, она тут живет?

Кажется, да... не знаю.

Гиги принесла кофе, поставила на столик.

— Сахар? Сливок нет... — она нагнулась и свирепо шепнула: — Ну, чего вам здесь надо?!

— Спасибо, пусть будет черный, — сказала Джоан.

— Гиги! — позвал Джо.

— Что?

— Трон!

— А... она? — в замешательстве оглянулась Гиги.

— Быстро. Надо.

С явной неохотой Гиги взошла на трон, скинула халатик и приняла нужную позу. Джоан не смотрела на нее, понимая, каково это — показаться голой своему врагу.

Я не враг!

Босс, ты же все понимаешь...

Как долго он будет рисовать? Всю ночь?

Нет, это простенькая картина. Не больше часа.

Джоан картина не казалась простенькой. Она видела, что художник не просто раскрашивает фотографию: линии становились проще и выразительней, какие-то детали пропадали, какие-то, напротив, подчеркивались. Чем-то напоминало манеру старого художника, писавшего таитянок на черном бархате... как же его звали? Литег?

Юнис, что делать? Неужели — уходить?

Могу только сказать, что бы сделала я...

Я этого и жду!

Ну... всякий раз, когда я приходила и заставала Джо за работой, я его ни от чего не отвлекала, а тихонько смывала роспись, косметику, слегка наводила порядок, готовила что-нибудь поесть на всю компанию...

Значит, все это надо снять и смыть? Думаешь, он ***заметил****?*

Джо замечает все.

За немалые деньги Джоан удалось раздобыть наряд, напоминающий тот, который носила когда-то Юнис: алый и черный цвета, полусвитер, полутрико... Самый дорогостоящий специалист по нательной росписи воспроизвел — весьма приблизительно, конечно, — работу Джо Бранка. И все только для того, чтобы это сбросить и смыть...

Она встала и прошла в ванную. Гиги удивленно посмотрела на нее, но Джоан поднесла палец к губам.

За несколько минут вода и мыло вернули ее телу первоначальную окраску.

Полотенца в шкафчике под раковиной... по крайней мере, раньше они там были.

Полотенца там были и теперь: одно большое и несколько маленьких, для лица. Решив не использовать последнее большое, Джоан кое-как растерлась маленьким, посмотрела в зеркало, решила, что выглядит сносно, и подмигнула отражению.

Что теперь, котенок?

Сначала приберись в ванной. Потом перестели постель...

С ванной справиться было легко, благо чистящая паста и пластиковая губка остались почти на своих местах. При-

шлось повозиться с унитазом: ржавые пятна не желали оттираться.

Вымыв руки, Джоан перешла к постели. Белье было почти свежим, поэтому она просто поправила простыню и застелила покрывалом. На одной из подушек были следы губной помады.

Гиги?

Почему нет?

Что дальше?

Вытри пыль на полках. Только упаси бог: ничего не перекладывай! Все должно остаться на своих местах! Это свято.

Да, сержант!

Сколько-то времени ушло на полки. Джо, конечно, заметил, что она делает, но виду не подал. Картина вроде закончена, но он продолжал трудиться, добиваясь еще чего-то...

Джоан собрала грязную посуду в раковину и приступила к мытью. Наконец и это дело было сделано.

Теперь — еда?

Угу. Загляни-ка в холодильник...

В холодильнике мерзли несколько упаковок готовых завтраков, коробка с пломбиром, спагетти и пицца разных сортов. Пиццы было больше всего, поэтому она решила приготовить ее. Что там еще? Баночка фруктового ассорти слишком мала на троих, но им можно украсить мороженое... Ну, и хватит.

Сервируем на троих...

Джоан почти закончила накрывать на стол, когда Джо сказал:

— Отдыхай, Гиги.

— Джо, ужинать, — сказала Джоан, обернувшись. — Уже все готово.

Джо медленно, всем телом, повернулся к ней, посмотрел в глаза, начал что-то говорить — и вдруг, закрыв лицо руками, глухо зарыдал.

Джоан бросилась к нему.

Босс! Стой! Не трогай его!!!

Что?

На пол! В лотос! Быстро! С ним Гиги. Она поможет. Омм мани пхадме хум.

— Омм мани пхадме хум.

Гиги, обняв Джо, помогла ему сесть на пол. Лицо у нее было, как у матери, чей ребенок больно ушибся.

Босс, попроси ее — пусть замкнет круг. Омм мани пхадме хум.

— Омм мани пхадме хум. Гиги, пожалуйста, — образуем круг!

Гиги посмотрела на Джоан почти испуганно. В лице ее что-то менялось, менялось, менялось...

— Омм мани пхадме хум. Гиги, помогите мне... помогите нам!

Гиги села рядом с Джоан, взяла ее за левую руку, подала Джо свою...

— Джо! Джо, ты слышишь? Замкни круг, Джо!

Джо внезапно замолчал и поднял на Джоан полные слез глаза. Потом начал медленно менять позу — но шорты мешали ему сесть в «лотос». Он растерянно посмотрел на них — и стал расстегивать. Гиги помогла ему.

— Омм мани пхадме хум.

Круг замкнулся — и Джоан испытала удар, будто по живой цепи пропустили ток. Такое было и раньше — но никогда настолько сильно. Потом пришло тепло и расслабление.

— Омм мани пхадме хум.

Мантра ходила по кругу, и в какой-то момент Джоан поняла, что уплывает, но не захотела этому препятствовать. Полная умиротворенность охватила ее...

— Проснись!

— Я не сплю, Винни... Что?

Джоан открыла глаза. Джо и Гиги смотрели на нее.

— Ты говорила, что ужин готов.

— Да, я... О! Сколько же времени прошло?

— Ты в порядке? — Джо всматривался в ее лицо.

— С ней все в порядке, — сказала Гиги. — Иди мой руки — и за стол. Скипидар в аптечном ящичке.

— О'кей. — Джо встал и протянул руки девушкам. Они легко вскочили на ноги.

Джоан посмотрела на часы:

— Не может быть!

— Ты спешишь? — спросила Гиги.

— Нет. — Она вдруг обняла Гиги: — Спасибо тебе.

Гиги прижалась к ней:

— Это тебе спасибо. В первый раз вижу, что Джо отпустило... С тех пор, как...

— Как убили Юнис?

— Да. Он винит за это себя: если бы не поехал в Филадельфию к матери, то ничего бы не было... Девушка, как мне тебя называть? «Йоханн Себастьян Бах» — не самое удобное имя для общения...

— Теперь меня зовут Джоан. Джоан Юнис.

— Как хорошо ты придумала... Джоан Юнис...

Босс, ты молодец. Ты справился. Я так боялась...

Ничего, крошка. Видишь, и это мы одолели. Вдвоем — оно всегда легче.

— Гиги... может быть, не надо называть Джо мое имя полностью? Он может расстроиться.

— Не думаю. А если расстроится... что ж, сядем в круг еще раз. А теперь давай поедим, потому что я уже не могу — весь день во рту ни крошки.

— Эй, кто сказал: «поедим»? — появился Джо. — Быстро-быстро-быстро!

— Ой, Джо, сейчас, мы заболтались...

Джо посмотрел на Джоан и улыбнулся ей:

— А ты в порядке, Джоан Юнис.

— Валите все в раковину! Работаем! Две фигуры!

— О'кей, Джо. — Гиги встала. — Джоан Юнис, ты все поняла? Джо велел: «две фигуры». Придется и тебе попозировать в такое позднее время... Или ты куда-нибудь спешишь?

— Никуда, никогда, ни сегодня, ни завтра, ни послезавтра... Я полностью распоряжаюсь своим временем. И для меня большая честь — позировать такому художни-

ку, как Джо... Но... — она с сомнением посмотрела на Гиги. — Я не буду лишней?..

— Дорогая, — рассмеялась Гиги, — если ты думаешь, что обручальное кольцо продето Джо в нос... ладно, думай так, если хочешь. Но я так никогда не считала. Я ушла от Сэма и месяц болталась непонятно где, и вдруг Джо хватает меня и надевает мне на палец это кольцо... Все было так неловко, угловато и мило. Смешно до сих пор. Среди наших знакомых нет ни одной супружеской пары... Оставайся, ночуй. Поставим раскладушку — без проблем.

Осторожно, босс! Смотри под ноги! Десять против одного, что не Джо будет спать на раскладушке!

Естественно. Там буду спать я. Что я, совсем дура?

Похоже, что да. Это в лифте тебе хватает ума не кататься в одиночку... а вот остаться одной в постели — пожалуйста...

Не спеши. Джо хочет, чтобы я позировала, — я буду позировать. Он захочет большего — он получит большее. Все.

Ну...

Только он не хочет меня. Его женщина — Гиги.

Поживем — увидим. Кто тут недавно утверждал, что брак — это не способ самоубийства?

Джо, похоже, вообще не считал это вопросом. Он потрогал Джоан за бок:

— Мазалась после мытья? Нет. Гиги!

— Мигом... — Гиги бросилась в ванную и вернулась с бутылкой оливкового масла в руках. — Ланолин мягче, но приятней пахнуть салатом, чем овцой... Сейчас мы смажем тебя, а потом вытрем то, что не впитается. Так, тут еще немного краски осталось... снимется с лишним маслом. Джоан, у меня кожа стала вдвое лучше с тех пор, как Джо заставил меня ухаживать за нею...

— У тебя великолепная кожа! — непритворно восхитилась Джоан.

— Джо — такой тиран насчет этого...

— Не стирайте все, — велел Джо. — Должны быть блики.

— Да, маэстро... Мне тоже намазаться?

— Намазаться. Быстро.

— А будет дозволено узнать рабыням, что это будет за картина?

— Акт. Лесбос.

— Но, Джо! Нельзя изображать Джоан на *такой* картине! Нельзя!

— Постой, самка. Я рисую не комиксы. Ты знаешь. Рисую — хоть в церковь. Просто за эти символы старые суки платят хорошие деньги. Но... Джоан Юнис, я могу изменить лицо. Хочешь?

— Джо, делай так, как нужно. Если кто-то узнает меня на твоей картине — я буду только гордиться.

— О'кей...

Джо быстро соорудил подиум из ящиков и досок, набросал сверху подушек, накрыл старой тяжелой портьерой.

— Трон, Гиги. Трон, Джоан. Гиги соблазняет Джоан Юнис...

Он располагал их, поворачивая так и этак, и, наконец, получилось: Гиги, повернувшись, обнимала Джоан рукой и заглядывала в глаза — при этом Джоан служила как бы фиговым листком для Гиги; роль фигового листка Джоан играло ее собственное колено. Джо присмотрелся, переместил руку Гиги под грудь Джоан, еще отошел, вернулся, снова как-то изменил композицию... На этот раз он остался доволен, поправил подушки, чтобы девушкам было удобнее сидеть, принес с кухонного стола поднос и положил с точно рассчитанной небрежностью.

— Это лира, — сказал он. — Название — «Песни Билитис». Пауза в песнях, между ними золотой миг... — он замолчал и еще раз внимательно всмотрелся в композицию и фигуры. — Джоан Юнис, ты залетела?

— Неужели заметно? — страшно удивилась Джоан. — Я не прибавила ни унции!

Стереть и исправить: прибавила девятнадцать унций.

Но это же ***не видно!*** *Кроме сегодняшней пиццы, я не ела ничего мучного...*

Джо покачал головой:

— По фигуре не скажешь. Ты — *счастлива?*

— Джо, я ужасно счастлива... Но я еще никому не говорила.

— Будь спок, Гиги — замóк. — Он улыбнулся и стал необыкновенно красивым. — Ну да, ты счастлива. Залетевшие всегда светятся. Все видят, мало кто замечает. Повезло: я заимел тебя в модели. Вовремя. И жрала меня одна мысль...

— Какая?

Юнис, все нормально?

Абсолютно. Джо любит детей, когда они не путаются под ногами. Ему хорошо, потому что ты счастлива, и от кого и что дальше — не его забота. Впрочем, будь ты без денег, он пригрел бы тебя и потом позаботился бы о ребенке, ни о чем не спрашивая и не жалея. Он знает, что жизнь проста... Почему нет?

— Ты выглядишь как Юнис. Это ясно. Но почему-то — лучше. Невозможно, да? Теперь все ясно. Каждая баба выглядит лучше, когда ей такое заделают.

— Джо, ты считаешь, беременные красивы и потом? В восемь, в девять месяцев?

— Ну! Безумно красивы. Высший символ всего. Заткнулись. Работа.

— Джо, а ты нарисуешь меня, когда я буду большая, как дом?

Он засмеялся.

— Скажешь! Художник не пропустит такой удачи. Бабы — дуры насчет этого. Все! Заткнулись! Ну-ка — страсть! Не изображайте — на самом деле! Джоан, Гиги тебя уже распалила, ты хочешь. Но стесняешься. Еще ни разу не было. Гиги, и ты хочешь! Страшно хочешь! Покажи это — но не двигайся. Только глазами.

Он поправил освещение, набросил на плечи и грудь Гиги промасленную ткань.

— Неплохо. Соски торчат? Джоан, думай о мужиках.

— Сейчас... — прошептала Гиги. — Слушай, дорогая... — И она стала шептать Джоан на ухо, что именно изощренная лесбиянка собирается сделать с юной девой, такой беспомощной в ее объятиях...

Джоан почувствовала, что груди ее твердеют. Облизнув

губы, она смотрела на Гиги, не замечая, что их фотографируют.

— Брэк! — скомандовал Джо. — С трона! Перерыв до утра. Все вышак.

— Боже мой! — Джоан увидела часы. — Уже полночь!

— В койку, — согласился Джо. — Рисуем завтра.

— Я за судомойку, Джо, — сказала Гиги, — а ты ставь раскладушку.

— Ой, Гиги, да я помою, — сказала Джоан.

— Я мою, ты вытирай...

Когда они вернулись, Джо лежал на раскладушке и посапывал носом.

— Где любишь спать, сладкая? — спросила Гиги.

— Все равно.

— Лезь к стенке.

Глава 24

Джоан проснулась на плече Гиги. Гиги смотрела на нее, и это помогло восстановить происшедшее в памяти.

— Привет, дорогая!.. — Джоан потянулась. — Что, уже утро? А где Джо?

— Готовит завтрак. Ты выспалась, моя прелесть?

— Уам-м-м! Который час?

— Понятия не имею. Если хочешь, спи дальше.

— Ой, нет! Я великолепно отдохнула. И вообще...

— За это с тебя один поцелуй. Брать меньше запрещает профсоюз.

— Грабежжж... — Джоан с радостью уплатила по счету.

Впрочем, завтрака Джо не готовил. Он печатал фотографии, которые снял вечером.

— Ну, вот, — сказала Гиги. — Сам же вызвался сбацать завтрак.

— Это же Джо, — улыбнулась Джоан.

— Ладно, посмотрим... Небогато. Не для гостей.

— Я много не ем. Сок, тосты. Кофе.

— Сока нет... — Гиги огляделась в задумчивости. — Сухие завтраки, спагетти — и в том же духе. Надо сходить в

бакалею. Джо посылать нельзя, он купит альбом или краски... И можно ли на него сердиться за это?

Голос Гиги предательски дрогнул, и Джоан услышала это.

— Гиги, вы в прогаре? — тихо спросила она.

Гиги промолчала. Не оборачиваясь, она взяла полбатона и стала нарезать ломти на тосты.

— Гиги, послушай, — не отступала Джоан. — Я богата, ты знаешь. Но Джо не возьмет от меня ни цента. Но ты — пожалуйста!..

— Джоан, — тихо ответила Гиги, — шлюхой я была, когда жила с Большим Сэмом. Вот он посылал меня на заработки, когда мы садились на мель. Не к мужчинам — этого он не любил... к старухам-лесбиянкам. А Джо — он не такой... и я не хочу, чтобы хоть что-то менялось. Да, мы в прогаре: у Джо были какие-то деньги, и все у него занимали, но никто не отдавал... Джоан, кто заплатил за студию? Не ты?

— Нет.

— Но ты знаешь кто?

— Знаю. Один человек, который очень любил Юнис и уважал Джо.

— Но его точно звали не Йоханном?

— Точно. Тогда, Гиги, мы сделаем так: я вызову по рации машину, и мы съездим в магазин. Джо нас отпустит?

— Я думаю, он просто не заметит, что нас нет. Но... нет. Давай лучше доедим пиццу, пока мы не продали еще одну картину. Мне трудно объяснить... но лучше не надо.

Босс, она права! Не надо.

Но слушай! Еды осталось всего ничего!

Не вмешивайся, не вклинивайся, не благодетельствуй их насильно! Оставь это. Гиги умна, она знает, что делает.

Но людям изредка нужно есть!

Знаешь, удлинение пауз между обедами только улучшает аппетит.

Слушай, мелочь, — ты когда-нибудь голодала?

Босс, но ты же все испортишь!

Юнис, прошу тебя...

Оставь их в покое! Или пусть Гиги сходит в бакалею. Но не давай им ничего!

Да, сержант!

— Гиги, во фритюрнице что? Свиное сало?

— Да, я оставляю...

— Отлично! И я вижу два яйца.

— Я их зажарю: для тебя и для Джо...

— Эй, младенец, сейчас я буду учить тебя кулинарии времен «Великой депрессии»! Разогреваем жир...

— Джоан! От твоих слов у меня гусиная кожа... Это получается тебе лет...

— Никто никогда не сможет их сосчитать! В годы Великой депрессии мне было примерно столько, сколько тебе сейчас. С другой стороны, мне буквально несколько недель от роду — точнее, от пеленок. Я все время делаю какие-то дурацкие ошибки. Но можно, наконец, считать, что мне столько, сколько моему телу, — и это лучше всего. Так что, Гиги, не смотри на меня, как на призрака...

Эй! Тут кто-то что-то имеет против призраков?

Ничего подобного! Многие мои лучшие друзья — призраки, но я не хотел бы, чтобы моя сестра вышла замуж за одного из них.

Класс! Кто пишет твои репризы? Ведь мы-то как раз выскочили замуж за призрака — в кабинете доктора Ольсена!

Неужели ты жалеешь об этом?

Наоборот! Ты и есть тот старый приебыш, то есть я хотела сказать — призрак... от которого я бы хотела иметь маленького ублюдка.

Люблю тебя, суетяшка!

— ...теперь пропитаем жиром хлеб, разболтаем яйца с чем угодно — сухое молоко есть? Ну и чудесно... Теперь выкладываем хлеб на сковородку, подрумяниваем — и заливаем яйцами. Сверху — перец, сухая петрушка, что еще есть? Пойдет все, что угодно. И — все! Главное — нарядно накрыть стол. Скатерть, салфетки, цветок или свеча...

— Кто готовил? — с удивлением спросил Джо.

— Вместе, — сказала Джоан.

— Ну? Вкусно.

— Джоан мне все показала, так что можно будет повторить, — сказала Гиги.

— Можно.

— Джоан, ты умеешь читать?

— Да, а что?

— Пришло письмо от матери Джо. Лежит уже три дня.

— Гиги, Джоан пришлая. Нехорошо.

— Что-о?! Джо, я — пришлая? Тогда доедайте завтрак сами, я вызываю машину и уезжаю!

Фи, босс, как грубо!

Зато эффективно.

— Извини, Джоан Юнис, — смутился Джо.

— И это все? — надула губки Джоан. — За такое оскорбление — «извини»? Ты должен поцеловать меня и сказать, что принимаешь меня в семью.

— Она права, — сказала Гиги. — Поцелуй и скажи.

— О, черт, — Джо встал, обошел стол, взял лицо Джоан в ладони и крепко поцеловал ее в губы. — В семье. Не пришлая. Ешь.

— Спасибо, Джо...

Он может лучше.

Знаю.

Почерк мамы Бранка разобрать было чрезвычайно трудно. Джоан прочла письмо вначале про себя — и встретилась с проблемами более серьезными, чем почерк.

Юнис? Как быть?

Цензура. Я всегда так делала.

Да, но ты была его женой, а я — нет. Я не имею права...

Босс, если выбирать между честностью и добротой — ты же знаешь, что я выберу.

Ну, не знаю...

— Сейчас, — сказала она вслух. — Очень трудный почерк. Значит, так: «Дорогой малыш! Мамочка не чувствует...»

— Не все подряд, — сказал Джо. — О чем?

— Да, — согласилась Гиги, — его мать все время пишет какое-то говно: то соседи шумят, то кошечки гадят, то еще что-то... Там новости есть? Или нет?

Рубишь, близняшка?

Ч-черт... Все равно нельзя, наверное, это утаивать.

— Ну, она пишет, что у нее проблемы с желудком...

(«Мама чувствует себя неважно и вряд ли будет лучше. Врачь говорит это не рак желудка но откуда он знает? На его табличке написано что он интернист а все знают интернист это студент а не настоящий врач[1]. Зашто мы платим налоги когда любой студент может хоть убить меня зарезать как они режут собак и кошек и других всяких за закрытыми дверьми как говорят по тиви?»)

— Джо, она пишет, что желудок беспокоит ее, но ее смотрел терапевт, это врач по внутренним болезням, они очень хорошо все понимают, и сказал, что это не рак или что-то подобное...

(«Новый священник от него помощи не жди. Сопляк который думает он знает все про все. Не хочет слушать. Сказал мне дескать меня обслуживаеют как других а сам знает что это не так. Все захватили проклятые ниггеры а мы белые люди которые построили эту страну и платим за все мы теперь грязь. Я иду в больницу и сижу жду а какие то мексиканки подумай проходят вперед меня».)

— Пишет, что новый священник моложе прежнего, что он уверен — ее лечат правильно... Пишет, что приходится подолгу сидеть в очередях в больнице.

— Пусть, — сказал Джо. — Убьет время. Не работа.

(«Аннамария вот вот родит. Этот сопливый священник сказал ее надо везти в роддом. Ты знаешь что за ужас творится в этих домах и это антиамерикански так разлучать семьи. В старые добрые времена никаких таких домов не было я так и сказала инспектору. Подумать как тратят деньги на людей которые их совсем не заслужили вместо того чтобы дать их приличной семье которая только и хочет что бы ее не трогали. Другого близнеца Джонсона не того которого застрелили а которого выпустили под поручительство опять арестовали и давно пора. Есть семьи куда

[1]Мама Бранка по малограмотности путает: выпускник медицинского колледжа — интерн, а интернист — специалист по внутренним болезням, терапевт.

бы инспектору и заглядывать а он говорит мне что бы я занималась своим делом и все».)

— Какая-то Аннамария беременна...

— Которая это, Джо? — спросила Гиги.

— Младшая. Двенадцать. Или тринадцать. — Джо пожал плечами.

— Еще тут о соседях по фамилии Джонсон...

— Пропусти.

(«Мальчик мой ты совсем не пишешь с тех пор как Юнис умерла. Неужели никто не может писать в вашем доме? Ты не знаешь как мама волнуется что нет известий от маленького сыночка. Каждый день заглядываю в ящик. Но нет писем от моего маленького Джози и лишь чеки в месяц раз».)

— Давно не получала писем, беспокоится... Джо, хочешь, я напишу? И отправлю «Меркурием» — чтобы наверняка получила?

— Посмотрим. Спасибо. Сначала картина. Еще много?

Юнис, что же делать?

Пропусти.

Не могу...

(«Видела тебя в тиви и так просто умерла как ты сказал что отказался от тысячи миллионов долларов которые были все тебе. Неужели твоя собственная мать пустое место для тебя? Я не растила что ли тебя и не любила тебя и не заботилась о тебе когда ты сломал свою ключицу чтобы так меня наказали? Иди и скажи этой мисс Ёхан Бассинг Бак Смит скажи ей что бы она свою улыбочку на морде не показывала потому что я хочу по закону мою долю и что я ее получу вот. Я уже была к законнику и он сказал возьмет мою сторону за половину если я дам ему тысячу долларов вперед на расходы. Я сказала ему что он вор. Но ты все равно скажи этой самодовольной мисс пусть плотит а то мой законник пасодит ее на долго!

Что то я думаю надо бы всем собраться и приехать к тебе и жить пока она не заплотит. Или остаться. Очень тяжело оставить здесь в Филли всех моих старых друзей но тебе надо что бы кто то заботился о тебе держать дом жены то

нет сделать что то тебе. Но это не в первый раз мне приносить себя в жертву для моего дорогого мальчика».

Твоя Любящая Мать».)

— В общем, Джо, твоя мать видела репортаж из суда и слышала, что ты все деньги отдал на основание мемориального фонда Юнис. Ей хочется эти деньги вернуть. Пишет, что готова собрать всю семью и приехать сюда — но, судя по тону письма, вряд ли соберется. Ну и все.

— Не ее дело.

— Но, Джо... я могла бы выплачивать ей небольшую пенсию...

— Нет.

— Это был бы еще один маленький фонд — тоже в память о Юнис. Чтобы ей хотя бы хватало...

— Нет, — и в голосе Джо зазвучал металл.

Джоан вздохнула.

— Зря я начала этот разговор. Можно было бы тихо...

— Джоан?

— Да, Гиги?

— Джо прав. Ты — нет.

— Но что?..

— Позже. Дуй в ванную, я пока с посудой. Джо ждет.

Они лежали на подиуме и переговаривались шепотом.

— А посылать ей деньги нельзя вот почему... Джо! Джо-о-о!!! Надень шорты и не вытирай краску о тело! Вот умничка... Так вот, Джоан, если ты хочешь помусорить деньгами, сунь их лучше в унитаз, но матери Джо не посылай. Она пьет.

— О, черт! Мне следовало догадаться...

— Ну. Ей даже вэлфэр выдают не деньгами, а талонами на еду. Но и их она умудряется менять на вино. Что она врет про желудок — забудь. Так что если ты ей дашь еще и наличные деньги — все. Хотя не велика потеря. Детям было бы легче.

Джоан вздохнула.

— Так и умру дурой. Гиги, всю жизнь я раздавала деньги. Хорошего из этого ничего не получилось, а плохое было... Язык мой — враг мой.

— Просто у тебя доброе сердце. Скрепи его — хотя бы на этот раз. Ты ведь не все читала, правда?

— Я выдала себя?

— Только для меня. Я слышала много ее писем, я знаю, как они звучат... После первого же я поняла, что Джо их слышать полностью нельзя — он слишком расстраивается. Поэтому слушала я, а потом пересказывала ему. Память у меня хорошая, я даже в театре немного играла и роли запоминала сразу! И я запоминала, а потом пересказывала ему так, чтобы его поберечь. Я решила, что и ты сообразишь сделать то же самое... так и вышло, но я сократила бы еще.

— Гиги, как так могло получиться, что Джо, такой чудесный, такой талантливый, — вырос в такой семье?

— Кто может знать? Почему мы вообще такие, какие есть? Так получается, и все. Впрочем, Джо — не в мать. Абсолютно не похож.

— Может быть, в отца?

— Наверное — если знать, кто его отец. Но даже его мать вряд ли скажет... Впрочем, кое-что пошло ему на пользу. Угадаешь?

— Пас.

— Джо не пьет. Ни капли! Даже пиво. Не прикасается к наркотикам. Я когда к нему пришла, думала сначала, что он тронутый. Слегка. А потом я стала жить с ним — и вдруг оказалось, что и мне не хочется пить.

— А раньше пила?

— Не так, чтобы по-черному...

— А что ты вообще делала?

— Много чего. Была моделью, была шлюхой. С детьми сидела... Официанткой была в стрип-баре. В голом виде выпивку подавала... только меня уволили, когда нашли грамотную девушку. Дискриминация, правда? Джоан, а вот ты сказала, что всю жизнь раздавала деньги?..

— Ну, не всю жизнь... До Второй мировой я была не слишком богата. Но жадиной не была никогда. Могла отдать последний никель...

— Никель?

— Пятицентовик. Их чеканили из никелевого сплава.

Были серебряные монеты, и я застала еще золотые. Во время «Великой депрессии» я была в полном прогаре с полгода, и люди помогали мне — а потом я помогала другим... иногда — тем, которые помогли мне. Постепенно денег у меня стало столько, что выгоднее оказывалось раздать их, чем тратить или вкладывать — такое смешное было налоговое законодательство.

— А я вот никогда не платила налогов.

— Так тебе только кажется. Ты начала их платить с момента рождения. Легче победить смерть, чем налоги. Поверь моему богатому опыту.

— Да, тебе видней. Не стану спорить. И сколько денег ты раздала?

— До Второй мировой — несколько тысяч. После — несколько миллионов.

— Долларов?!

— Не пугайся, кудряшка. С какой-то суммы деньги перестают быть деньгами. Это просто цифры на бумаге, магнитные поля в компьютере...

— Я не пугаюсь. Просто не могу себе представить столько денег. Могу — сто, могу — тысячу... Но миллион... что-то нереальное. Такого не бывает.

— Ну да. Я же говорю: это уже не деньги. То есть от них не получаешь удовольствия. Они делают только другие деньги, и все. Как игра в шахматы. И я от нее устала... Слушай, кудряшка: за продукты ты мне не позволяешь заплатить. А миллион бы приняла?

— Ах... нет! Это страшно.

— С ума сойти! Откуда берутся такие мудрые девушки? Хоть Диогена зови.

— Кого?

— В Греции был такой философ. Ходил днем с фонарем и искал человека. Не мог найти...

— А я нашла. Джо.

— О, да...

— Десять минут! — скомандовал Джо.

— Отдых, — пояснила Гиги.

— Но мы же и так отдыхали.

— Разомнись. Будет долгий день. Хочешь кофе? А ты, Джо?

— Да.

— Джо, можно посмотреть?

— Нет. В обед.

— Значит, у него получается... Джоан, а правда, что у богатых не бывает друзей?

— Почти правда... Понимаешь, Гиги, богатый человек может иметь друзей — если они не интересуются его деньгами. Как вы с Джо. Но это такая безумная редкость... а ведь надо еще завоевать его дружбу, надо преодолеть свою подозрительность — у богатых она обострена, а это ведь чувствуется... Короче, замкнутый круг. Так что ты почти права.

— Джоан, мы твои друзья!

— Ох, я так надеюсь... — Джоан серьезно посмотрела на Гиги и ее мужа. — Когда мы сидели в круге, я почувствовала вашу любовь... Но вам будет трудно... преодолеть... вы будете думать о Юнис...

— Ну, Джо! Скажи ей! Объясни!

— Гиги права, — ласково сказал Джо. — Юнис умерла. Она хотела, чтобы ты получила то, что получила. Я нутром понял — когда мы сидели в круге.

Босс, может, мне выйти и побродить вокруг? Девушки любят, чтобы по ним страдали — но не в таких же дозах!

Юнис, все, что мы с тобой можем, — это не огорчать его.

Это само собой. Но, если он нас еще раз поцелует — у меня будет огромный соблазн сознаться ему, что я здесь.

Омм мани пхадме хум.

Омм мани пхадме хум... и насрать на тебя и на Диогена в придачу. Поехали домой — и позвоним Роберто.

Ша! У нас еще немало дел...

Есть, сержант! Эта Гиги — не хуже Винни, да?

— Но не все так страшно! — засмеялась Джоан. — Друзья у меня есть: вы двое; врач, который выходил меня, не думая о моих деньгах; медсестра, на которой он скоро женится и которая мне ближе, чем сестра; четверо телохранителей... но они — странно — относятся ко мне скорее

как к ребенку, чем как к подруге или работодателю... И один, только один, оставшийся еще с тех времен друг... друг еще Йоханна Смита, богатого, влиятельного и ненавидимого почти всеми.

— Юнис любила его, — мягко сказал Джо.

— Да, Джо. И бог знает почему. Наверное, любовь просто переполняла ее, и она изливала ее на всех, кто оказывался рядом. Попадись ей заблудившийся котенок, Юнис полюбила бы его — а так ей приходилось любить меня...

Ты не совсем прав, босс...

Нежное сердечко!

— Ты его знаешь, Джо. Это Джейк Сэлэмэн.

— Это человек, — кивнул Джо.

— Ты же встречался с ним?

— Близко. Хорошая аура.

— Джо, это тот, о котором ты мне говорил? Адвокат? — спросила Гиги.

— Ну. Джейк, да. На трон, живо.

— Идем, Джоан, а то он нас побьет...

На троне Джо зачем-то слегка изменил их позы, и Гиги тихонько присвистнула:

— Теперь уже точно до вечера... Не шевелись, не чихай, не дыши глубоко...

— И говорить нельзя?

— Сколько угодно.

— А ты сама знала Джейка?

— Нет, только видела несколько раз. Я тогда была лишь приходящей моделью...

Что-то она мнется... да и Джейк не упоминал о своих встречах с Джо здесь — дела-то он улаживал в Филадельфии...

Эй, свинка, ты на что намекаешь?

Я просто хорошо знаю Джо: он совершенно двуполый...

Ну, все. Если я когда-нибудь сумею до тебя добраться — налуплю по попе...

Постарайся, а? Помнишь, как было здорово, когда нас отшлепали? Будто ракету воткнули в...

Ох, заткнись!

Рада бы — но нечем.

— Если они подружились — это здорово. Они подружились, Гиги?

Гиги задумалась.

— Трудно сказать... Мистер Сэлэмэн... Джейк, как ты его называешь... он приходил обычно вечером, когда я кончала позировать. Я почти не общалась с ним. А с тех пор, как мы с Джо поженились, он не приходил...

Ну, что? Нужны тебе еще доказательства?

Да мне и эти-то не были нужны...

— Гиги, а как Джо получил художественное образование? Или он самоучка?

— Нет, он учился. Но Джо говорит как? Научиться можно лишь технике, но не творчеству. А творчество для него — все. Он не станет откровенно халтурить, если даже халтура продается легко и дорого, а его настоящие картины мало кто покупает. Я пыталась говорить с ним на эту тему, но он меня устыдил. Больше я не пытаюсь. Джо — он сам по себе, его не интересует, что делают другие художники. Его не интересует слава, не интересуют деньги. Многие наши друзья — художники, мы ходим к ним в гости, зовем к себе... Джо никогда не говорит с ними на профессиональные темы. Ему просто приятно, что они добрые люди. А если бы Рембрандт ему не понравился как человек, Джо не стал бы иметь с ним дела. Джо всего лишь хочет рисовать то, что хочет, как хочет... и не спать в одиночестве.

— Вряд ли ему приходилось спать в одиночестве, — усмехнулась Джоан.

— Возможно. Но Джо не стал бы спать даже с Еленой Троянской, если бы она к нему холодно отнеслась... У тебя есть такой большой парень по имени Хьюго?

— Есть. Ты его знаешь?

— Нет, только слышала о нем... этакий ходячий африканский миф. Так вот, Джо очень хочет нарисовать его — и Джо любит его. Духовной любовью, конечно... хотя ни за что не отказал бы, если бы Хьюго его захотел.

Я первая в очереди на Хьюго!

У тебя только блядки на уме...

— ...позировать, но Джо рассказывал мне, какие карти-

ны бы хотел нарисовать. Одну такую: аукцион рабов, и Хьюго на помосте. В цепях, терпеливый, усталый, а вокруг белые работорговцы — и белые женщины не могут оторвать от него горящих глаз... И другую: только Хьюго, огромный, как гора, могучий, мудрый, все понимающий — и любящий. Джо говорит, что это я натолкнула его на эту идею... не помню. Название: «Иегова». Джо просто сгорает от желания написать это...

— Знаешь, я, возможно, сумею помочь...

— Как? Прикажешь Хьюго позировать? Джо не одобрит...

— Разве я такая дремучая дура? Я постараюсь втолковать ему, что это честь — позировать настоящему художнику.

Скажи ему просто, что позировала для Джо голой, — и пусть он это переварит.

Конечно. Но это будет всего лишь первый ход...

О-ля-ля! Не собрался ли тут кто-то совратить Хьюго? Даже по моим понятиям, это слишком. Оставь Папу Хьюго в покое.

Это же для Джо, глупая. Впрочем, Хьюго я слишком многим обязана — так что не стоит выкручивать ему руки.

А зря. Это было бы поучительное зрелище. У него рука толще, чем у нас ляжка.

Я же в переносном смысле...

— Только Джо не должен говорить Хьюго, как будет называться картина. Тут уж он точно откажется. Скажет: святотатство. Но ты мне так и не рассказала, где Джо учился живописи.

— В четырнадцать лет его замели в полицейский участок и оставили до утра. И Джо от нечего делать стал делать наброски — и дежурный сержант их увидел. Тогда он взял Джо, вычеркнул его имя из списка задержанных, отвел к священнику — и потом вместе со священником они отвели его к местному художнику, который был довольно известен и довольно богат. Он посмотрел работы Джо, и они заключили сделку: Джо должен был позировать, а за это мог жить в студии, пользоваться всеми материалами, наблюдать, учиться — ну, и прочее. Вот так Джо выскольз-

нул из рук своей мамочки... это была самая большая удача в его жизни. У художника была то ли жена, то ли любовница... одна из его натурщиц... и всего одна кровать в студии. Там они и спали втроем. И всем это очень нравилось. Но, кроме как спать, этот художник, мистер Тони, совершенно свирепо школил Джо, не позволял ему писать широкой кистью, небрежничать в рисунке — ну, и прочие модные вещи. Джо изучил всю академическую школу: анатомию, композицию, технику письма... И Джо поверил в себя — и стал тем, кто он есть...

— ...если хочешь, можешь положиться на мой совет. Я кое-что знала о матери Джо, потому что Юнис была моей секретаршей...

Босс, ты врешь! Я ничего о ней не говорила.

Вру — но для пользы дела.

— ...она была — и осталась — свиньей и живет как свинья. Эта студия не такая уж большая, и если ты будешь содержать ее в порядке, Джо никогда — слышишь: никогда! — тебя не бросит. Но грязный унитаз и посуда в раковине напоминают ему о матери... ты меня понимаешь?

— Да, но... где взять время? Я почти непрерывно позирую...

— Старайся, сладкая. За счет сна. Джо заслуживает любых усилий. Но мы заговорили о мытье посуды. Для тебя это каторга, а для меня — роскошь. Потому что — символ свободы. Смотри: я уйду, и вы останетесь вдвоем. Со мной же всегда как минимум четверо. А в доме, если сосчитать всех — то одних только взрослых шестьдесят человек.

— Бедная Джоан!

— Вот именно. И вроде бы все они нужны и незаменимы. Смешно. Они все должны, кажется, облегчать мне жизнь — а на самом деле я шагу не могу ступить сама, сплошные проблемы, никакой приватности...

— Но если тебе так тяжело — почему не бросить все, не начать сначала?

— Я не представляю, как это можно сделать — технически. Переехать, выйти из-под охраны — и меня похитят или убьют, двух дней не протяну. Избавиться от денег

практически невозможно... но даже если бы я и смогла — никто бы не поверил, и исход был бы тот же. Наконец, как быть с теми людьми, которые работают на меня? Я просто *не могу* выбросить их за дверь... Короче, я в большом затруднении. Но наличие денег — это не только неудобства. Это и определенные преимущества в преодолении этих неудобств. Я думаю, мои проблемы все-таки разрешимы, надо только найти способ... и я его найду. Может быть, все просто. Скажем, сменить внешность, имя, переехать...

— О, нет! *Нельзя* менять такую внешность!

— *Эту* внешность... Ты права, сладкая: это лицо Юнис, и мне оно лишь доверено. Буду носить вуаль... Но способ должен быть!

— Я не понимаю, — зачарованно сказала Джоан. — Я не понимаю, как он это делает...

Она не могла оторвать глаз от картины. Две нимфы на лугу были чувственны, сладострастны, упоены друг дружкой — но в то же время Джоан знала, что это она и Гиги валяются на старой портьере и болтают о всякой всячине, начиная от алкоголизма и кончая мытьем посуды.

— ...просто холст, краска — а у меня соски встают и внизу все сжимается...

— Обман зрения, — сказал Джо.

— Обман зрения?! — возмутилась Джоан. — Да что ты понимаешь, жалкий мазилка? Это настоящая эмпатия! Джо, я хочу купить эту картину.

— Нет.

— Почему? О, срань! Ты собирался продать это какой-нибудь старой бляди? Поверь, мне перевалило за сто — и я вполне подхожу под это определение...

— Твоя.

— Что? Нет, Джо. Так я не могу. Ты же писал ее на продажу... Гиги, ну, помоги же мне!..

Гиги промолчала.

— Твоя, Джоан, — покачал головой Джо. — Ты хочешь — ты берешь.

— Так, — сказала Джоан. — Или — или. Или ты даришь ее мне, и я тут же режу ее на куски...

— О, нет! — воскликнула Гиги.

— ...или я покупаю ее и тут же дарю Джейку, чтобы он повесил ее над своей кроватью и просыпался счастливым...

Бомба точно в цель, сестренка! А теперь развернись... и с бреющего полета — по всему, что еще шевелится!

— Джо, не упрямься, — сказала Гиги. — Ты же хотел бы, чтобы она была у Джейка.

— Гиги, сколько Джо берет за такую картину обычно?

— Я сама назначаю цену — в зависимости от размера. За такую, как эта, — двести пятьдесят долларов.

— Невозможно!

— Но, Джоан! Ведь Джо работал целый день... это не считая нашего времени. И потом — сюда же входят комиссионные...

— Гиги! Это *невозможно низкая* цена! Я немного разбираюсь в покупке картин и знаю: получить такую картину за тысячу долларов — редчайшая удача. С аукциона она ушла бы... Впрочем, я никогда не назначаю цену. Ты сказала — двести пятьдесят. Я покупаю.

— Но, Джоан, я не договорила. Двести пятьдесят платит покупатель. Из них половина уходит владельцу магазина. Так что цена для тебя — сто двадцать пять.

— Нет.

— Что — нет?

— Просто нет, и все. Как у Джо. Пойми: в нормальном бизнесе производитель всегда важнее продавца. А эта сволочь вас просто грабит: комиссионные не бывают выше четверти стоимости. И еще: никогда не снижай цену, если уже назвала цифру. Никогда. Только в этом случае ты преуспеешь в бизнесе. В искусстве я почти не разбираюсь, но в этом чертовом бизнесе — более чем. Наличные или чек?

— Лучше наличные... если у тебя есть с собой столько... Но можешь заплатить и в другой раз.

— Нет, все сразу, сейчас, и под расписку — иначе твой упрямый муж может передумать...

— Не надо расписки. Есть сертификаты, я просто поставлю номер и подпишусь. Фирма!

— Прекрасно. И еще одно...

— Что, Джоан?

— Меня почему-то никто до сих пор не поцеловал. А я была паинькой: позировала целый день. Поэтому пусть Джо поцелует меня в искупление того, что был такой вонючкой противной, а я поцелую Гиги за то, что помогла мне с ним справиться. А, Джо?

— Да.

— Великолепно! Тогда, Джо, если ты проводишь двух милых дам до ближайшего магазина и если Гиги купит нам по бифштексу, я, ребята, покажу вам такой высший пилотаж...

— А какие бифштексы? Говяжьи или конские?

— Я справлюсь с любым — прочее на твое усмотрение.

— Ну... тогда лучше конский.

— Как скажешь, сладкая. Только смотри, чтобы нам не всучили уздечку.

Глава 25

В ООН бирманская делегация заявила, что деятельность так называемых Лунных колоний является всего лишь прикрытием для создания американо-китайских военных баз. Секретарь комиссии по охране природы заявил, что появившиеся сообщения о вымирании оленьего стада в Йоусемитском национальном парке не более чем вымысел. Разбалансировка экологического статуса имела место, но поводов для тревоги нет, сказал он; новое же оленье стадо будет более крепким, чем прежнее. Преподобный др. Монтгомери Чанг, Самый Смиренный Из Идущих Вверх, заявил на подкомиссии по неписаным законам Судебного комитета сената, что поддерживает законопроект, согласно которому все учителя дзен-буддизма должны получить федеральную лицензию. Чтобы сесть за руль бездушного автомобиля, надо сдать экзамен, а для постижения высших истин — нет? — это слова др-а Чанга; что же касается того, что новый закон якобы покушается на Первую поправку и нарушает священные свободы, то все обстоит с точностью до наоборот. Управление Внутренней Безопасности наложило запрет на публикацию со-

общений о беспорядках. Агентства новостей и телевидение добровольно содействуют УВБ в обеспечении всеобщего благосостояния. В деле магната Й. С. Б. Смита, рассмотренном в Верховном суде, неожиданностей не произошло. Лишь судья Хэнди, внезапно проснувшись во время слушанья, ударил кулаком по столу и крикнул: «Считать разведенными!», после чего вновь уснул. Верховный суд оставил в силе приговор нижестоящего суда. В тот же день по делу «Штат Иллинойс против Сэма Дж. Робертса» суд отменил приговор на том основании, что умерший домовладелец не передал Робертсу своих прав до того, как на имущество был наложен гражданский арест.

«Синяя птица»

РАЙ — СЕЙЧАС! Папа ищет пару! Делить дом и любовь. Дом укреплен, 3 сп., 2 ванн., все удобства, зим. сад! Рядом частная школа. Комптр типы по пргрм «Ранк»: о — 690047, о — 890047 (от 85% и выше) «Один за всех, все за одного!» Без залога, но обязательно стереофото. А/я 69 «Синяя птица, Лтд.».

Под давлением очевидных фактов, представленных китайской делегацией, комиссия по атомной энергетике при ООН сняла ограничения по стронцию-90 для цельного молока. Преподобный Томас Баркер (Лонг-Бич, штат Калифорния) в проповеди по телевидению заявил, что конец света состоялся в полночь 31 декабря 1999 года после Р.Х.; все, что мы видим после этой даты, есть иллюзия, наведенная Дьяволом, без формы, сути и предназначения...

Вид у Джейка был сонный.

— О боже! Где ты была?

— В гостях.

— *Пять дней?*

— О? Цыплята сдохли? Хрюшки разбрелись? Коровы не доены?

— Да не в этом дело...

— Ну, почему не в этом? Дом без меня не развалился, замуж ты меня не взял — так что я могу гулять где вздумается и ходить сама по себе. Впрочем, записку для тебя я все-таки оставила.

— Да, но...

— Так что относительно моей сохранности ты мог быть спок, а если бы я понадобилась — вызвал бы меня по рации или приехал за мной. И был бы желанным гостем. Джо скучает по тебе, а Гиги дружелюбна, как щенок...

— Гиги? Это кто?

— Это жена Джо.

— Что?!

— Надо же, он удивился! Мужчины, случается, женятся, и иногда по второму разу — не знал?

— Не могу поверить... представить, что мужчина, который был женат на Юнис, сможет жениться на другой женщине.

Я сейчас упаду, держи меня! Сегодня мы будем особенно нежны с Джейком.

Ну, нет. Если он не сменит тон, то спать будет один.

Ты же знаешь: мужчины — они такие нелогичные. Их мозг устроен иначе... Если чувствуешь, что мужчина не прав, — нужно немедленно извиниться.

Омм мани пхадме хум. Быть женщиной трудно. Омм мани пхадме хум. Хотя и очень здорово. Это такое удовольствие!

— Жалко, что ты вернулся так рано. Я приготовила тебе всяческие сюрпризы, но даже не успела их распаковать. Как наши дела в суде? Продвигаются понемногу?

Лицо у Джейка вдруг стало таким довольным, что Джоан обо всем догадалась, но не подала виду.

— Малышка, неужели ты никогда не слушаешь новости?

— Ну... если могу — то не слушаю.

— Понятно. Так вот, новость номер один: мы выиграли окончательно!

— Джейк!

— Да, полностью и бесповоротно. Благодари Алека, он показал мировой рекорд расторопности.

— Я не сомневалась, дорогой. Такие асы, такие львы не могли проиграть. Но быстрота поражает... А я приводила в порядок Джо. И, кажется, привела.

— Пять дней... Наверное, для него это было тяжелое испытание.

— Джейк, ты меня до сих пор так плохо знаешь! Неужели я могла бы пять дней угнетать человека своим присутствием? Меня бы там через час не было!

— Тогда я ничего не понимаю. В одной комнате... Или я не имею права задавать такие вопросы?

— Джейк, ты имеешь право на все. Даже спрашивать, где я была и что там делала.

Хитришь, босс. Не упоминаешь, имеет ли он право на правдивый ответ. Лживая сучка.

Я никогда не вру Джейку!..

Вот это уже наглейшая ложь!

...без веских причин. Зачем расстраивать его по пустякам?

— ...Мы медитировали, Гиги мне очень помогла, она подходит Джо, я убедилась... Теперь Джо относится ко мне как к сестре — легко, без зажатости, без напряжения.

Это что за инцест? Какая еще сестра?

Заткнись.

— Я рад, Юнис.

— Джейк, а почему мы стоим? И я все еще в плаще? И подарки не распакованы? — она улыбнулась своей лучшей улыбкой: счастливой маленькой девочки. — Будешь смотреть?

— Конечно! Куда делись мои манеры — я заставил тебя стоять... Позволь плащ. Шерри?

— Лучше шампанское.

— О боже!

— Что такое? — Джоан, сбросив плащ, чуть отступила и повернулась, чтобы Джейк мог рассмотреть роспись. — Тебе не нравится?

— И ты так ехала через весь город? В одной только краске?

— Почему нет? Это первый подарок тебе от Джо. Не волнуйся, в машине я плащ не снимала...

Зачем? Антон и Фред и так сидели в студии... Слушай, Джоан, а Гиги вполне вписалась бы в «техасскую звездочку» с ними, да и Джо тоже, он их любит. Как тебе это? Легкий способ взять ее и Джо под свое покровительство.

Юнис, у нас сейчас на руках совсем другой мужчина...

О, бедная! Лучший способ заполучить мужчину — дать ему почувствовать, что он для тебя не единственный. Такое впечатление, что тебя воспитывали пуритане.

Пуритане? Покажи мне хоть одного пуританина поблизости. Джейк вне подозрений, он еврей. Кстати, о Джейке. Он что, не заметил, что в нашем наряде кой-чего недостает? А если заметил, то почему нас все еще не изнасиловали?

У него просто выпали глаза. Вот подберет, вставит на место — тогда, я надеюсь...

— Джоан, я помню, такая же роспись была однажды на Юнис...

— Верно. Тогда во мне еще что-то шевелилось... я все никак не мог понять, настоящий на ней лифчик или нарисованный. Джо не был уверен, видел ли ты ее в этой раскраске...

— Видел. Я заходил тогда на несколько минут...

— Да? А мне помнится, ты ее отвозил домой...

— Ты что, стараешься что-то пронюхать?

— Да.

— Так вот: я не намерен тешить твое похотливое любопытство.

— А как насчет того, чтобы потешить мою похоть?

— Ну, это другое дело.

— Тогда почему ты даже не поцеловал меня? Или мне нужно принять сначала душ? У Юнис было время успеть смыть краску?

— Значит, так: заткнись — и чтоб больше ни единого слова без моего разрешения!

— Есть, сэр!

Прошло немного времени.

— Теперь можно говорить?

— Да, если ты ограничишься вежливыми словами и заискиванием. Потому что некоторые из твоих замечаний леди не пристали.

— А это потому, что я не леди. Ну, не получается у меня! В обществе я еще как-то справляюсь...

— Джоан Юнис...

— Да, сэр?

— Такой Юнис и была. Истинная леди в обществе — и

полнейшая несдержанность наедине. Это было очаровательно...

— Тебе нравилось? Тогда я тоже буду стараться не сдерживать то, что вырывается само.

— Тогда, может быть, ты скажешь мне, что происходило у Джо?

— Сэр, хотя мое доверие к вам безгранично — это еще не основание для того, чтобы я тешила ваше похотливое любопытство.

— Ха! Ну, в точности, как Юнис... А теперь давай смоем эту краску... хотя нет — сначала надо бы сфотографировать.

— Уже. Джо сделал снимки, они в сумочке. Там же репродукция картины, где Юнис изображена ныряющей русалкой. Хочу нанять сыщиков и найти человека, купившего картину...

— Бесполезно. Потому что этот человек — я. Картина висит в Гибе.

— Это ограбление. Джейк, ты просто старый бандит. Беру назад по десять процентов от каждого комплимента...

— Остаюсь при своих: я в эти комплименты верил процентов на девяносто. Но, если будешь хорошей девочкой, я тебе эту картину подарю.

— Буду! Еще как буду! Эх, поблекли мои подарки, потускнели... можно и упаковку не снимать...

— Как это можно не снимать упаковку? Ну-ка, давай посмотрим...

Первой открыли «Песни Билитис».

— А, Джейк?

Он задумчиво присвистнул:

— А парень-то — настоящий гений...

— Да. Я не подозревала... Но теперь — видишь сам.

— Как прекрасно он использовал резкий свет, чтобы подчеркнуть цвета кожи...

— Особенно если учесть, что у него окна на север. Он ночью фотографировал нас со вспышкой, а потом сумел перенести это на холст.

— А что здесь?

— Открой.

Вторая картина называлась «Три грации». Все три были Джоан Юнис.

— Представляешь — вот это он назвал халтурой. Только потому, что спроецировал фотографии на холст. Но иначе ему пришлось бы работать впятеро дольше... Как тебе эти ямочки на попе? По-моему, прелесть.

— Женщина, ты тщеславна.

— Ничего подобного. Я просто любуюсь. Ну, что: возьмешь «Граций», а «Билитис» я повешу у себя? Или наоборот?

— Трудный выбор...

— Вот если бы мы были женаты, нам делить бы не пришлось. Кстати, почем нынче художественные критики?

— Нормальная презентационная статья — примерно цент за слово, но все это быстро дорожает. Как я понимаю, ты имела в виду помочь Джо?

— Конечно. Он платит огромные комиссионные, его затирают...

— Можешь не говорить дальше. Мы найдем ему хорошего агента, скупим через третьих лиц все, что было продано... это хорошее вложение денег... и купим столько критиков, сколько понадобится. До какого уровня следует поднимать Джо? До «Метрополитен»?

— Джейк, я не думаю, что Джо *хочет* известности. А я не хочу, чтобы какая-нибудь крыса докопалась до нашей подачи. Или чтобы Гиги поняла, в чем дело... а ее на кривой не объедешь. Просто — чтобы его картины хорошо покупались, чтобы Гиги могла покупать продукты и менять постельное белье... этот ребенок пытается вести хозяйство, варя суп из колбасной палочки... Ты «Великую депрессию» не застал, не знаешь, что это такое. А я не понимаю, почему жена честного перед богом художника должна отказывать себе во всем, если ее муж хочет рисовать, умеет рисовать — и рисует! Он ведь трудяга, каких поискать. Может быть, я не знаю, каким должен быть настоящий художник, но я знаю, что такое работа, настоящая работа. Тех, кто умеет вкалывать, осталось так немного...

— Не надо меня убеждать. Такой пустяк мы сделаем — пусть по два цента за слово.

— А хоть по двадцать! Ладно, я в душ... и, Джейк, не сочти за труд: позвони Винни, пусть принесет мне теплый халат.

— Э-э...

— Что? Я опять что-то ляпнула?

— Нет. Просто, видишь ли, доктор Роберто Гарсиа и миссис Винифред Гарсиа уехали в свадебное путешествие...

— Что-о? Ах она маленькая грязная паршивая крыска! Не могла дождаться своей старшей сестрички, чтобы я ее благословила! Бог с тобой! Ой, Джейк, это же здорово... только я сейчас запла́чу...

— Ладно, ты плачь, а в душ пойду я.

— Нет уж. Поплачу, когда она вернется. А в душ мы пойдем вместе, потому что между лопатками я не вижу, и там остается краска. Когда они вернутся? Нужно выбрать для них апартаменты...

А чем плоха нынешняя комната? Дверь в дверь...

Ну, я-то не против — слуги начнут болтать...

Да пошли они — ну, ты понимаешь...

Все? А кто подметать будет?

— Юнис, в твое отсутствие я взял на себя смелость и распорядился приготовить для супругов Гарсиа Золотую башню...

— Нормально. Можно прорубить дверь из моего холла в каминную, а там по лестнице...

— Но молодожены могут предпочесть уединение.

— Ну и ладно. «У меня своя клиентура», как сказала одна старая сводня...

— Тем более дверь за такое короткое время не прорубить, поскольку молодожены возвращаются, как мне доподлинно известно, сегодня вечером.

— Кто же это им такую свинью подложил?

— Поскольку они составляют нашу медицинскую бригаду и обязаны находиться при тебе...

— Джейк, но это же бред! Я здорова, как лошадь! У меня нет даже слабости по утрам...

Ты что, решила сказать?

Не ждать же, пока он сам заметит. Это было бы некрасиво.

— А почему это у тебя должна быть слабость по утрам?

— Так я и говорю: у меня нет слабости по утрам. Нет, и все. Единственное, что меня беспокоит, — это просто волчий аппетит.

— Ты что, беременна?

— Ой, какой суровый взор! Джейк, да! Я залетела — и счастлива, как Золушка! Но — тссс! Никому! Если Винни узнает, она начнет по своей медицинской привычке обихаживать меня...

— Юнис, ты уверена?

— Да. Тест положительный.

— Кто делал?

— Пятая поправка. Не продолжайте эту линию допроса, советник.

— Немедленно женимся.

— Вот тебе — женимся.

— Юнис, без глупостей!

— Знаете что, сэр! Я просилась замуж уже давным-давно. И получала отказы в самой унизительной форме. Думаете, что-то изменилось с тех пор? Нет! Я решила обойтись без мужа — и я обойдусь... хотя по-прежнему останусь вашей любовницей и буду польщена, если вы вернете мне свое расположение после родов...

— Юнис, прямой вопрос: это мой ребенок?

— Это *мой* ребенок! Джейк, ты не хотел жениться на мне даже после того, как мы стали любовниками, — поэтому не спрашивай, от кого он, на такие вопросы у тебя права нет. Я переспала с целым взводом, ты это знаешь... и, хотя люблю я только тебя, вопросов больше не потерплю. Я достаточно богата, чтобы жить так, как хочу, и посылать к чертям все и всех. Наверное, я сказала тебе зря. Отнесись к этому, пожалуйста, как к конфиденциальной информации — и никогда не вспоминай об этом...

— Юнис!

— Что, Джейк?

— Я тебя люблю.

— И я тебя люблю, Джейк.

— Будь я на двадцать лет моложе... даже на десять... я уже женился бы на тебе. А пока — просто позволь мне ве-

рить, что этот ребенок — мой. Клянусь, я ни с кем не буду обсуждать это...

— Джейк... как я могу запретить верить? И даже обещаю, что, если ты скажешь кому-нибудь, что ты отец моего ребенка, — я не стану отрицать это, и даже наоборот... Но сейчас, с глазу на глаз: я не отрицаю и не подтверждаю. Будем считать, что я все сделала сама. Это окончательно.

— Я понял, Юнис. Вопрос исчерпан. Чем займемся? Поиграем в криббидж?

— Ну, если хочешь...

— Видишь ли, у меня есть идея получше. Повеселее.

— С тобой — все, что угодно!

— Но в эту игру надо играть по правилам. Сейчас тогда я позвоню Маку, пусть кто-нибудь из его ребят посуетится... и мы поженимся. Если повезет, мы станем мужем и женой часам к одиннадцати и сможем пару раз сыграть в криббидж, прежде чем лечь спать.

— В криббидж... Оригинально!

— Женщина! Ты отвечаешь «да» или ты отвечаешь «нет»?

— Черт побери!!! Да! Да!! Да-а-а!!! Отпусти, горилла, у меня все ребра... о-о!.. Так обращаться с беременной женщиной...

— Смотри мне! Услышу от тебя еще какую-нибудь глупость... Да, теперь нужно позаботиться о медицинских заключениях. Мой врач мне выпишет...

— Роберто, если успеет, выпишет мне. А можно обратиться к Рози. На мне вряд ли найдется даже микробный труп, если я не подцепила что-нибудь от Гиги и Джо... хотя это маловероятно. А как насчет тебя, дорогой? Вашингтон славится своими венерическими приветами... Ты ничего не привез?

— Ничего — кроме пары скворцов и китайского сифона.

— Такая примерная девочка, как я, не понимает этих выражений.

— Ты маленькая подлая наглячка! В Вашингтоне я спал один! А ты — можешь сказать такое о себе?

— Нет, конечно. Я страшно не люблю спать одна... а Гиги такая нежная... Рекомендую ее вашему вниманию, сэр, вот она на картине, смотрите.

— Ага. Только Гиги, да? А Джо?

— И Джо нежный? Ну-ка, ну-ка!..

— Женщина, ты можешь говорить такие сальности лишь *до* замужества, учти это.

— Привет невесте от жениха... Сэр, я ничего не имела бы против подобных сальностей с вашей стороны — в любое время и в неограниченном количестве. Я буду только рада. О, Джейк, дорогой — наверное, так приятно быть замужем за тобой!..

— Еще бы... чокнутая ты сучка... Где будем свадьбу устраивать? Здесь или у Мака?

— Только здесь. Пусть будут слуги, и оба Гарсиа, если успеют, и надо послать машину за Джо и Гиги... Что мне надеть?

— Не знаю... Белое платье?

— Только не белое! Кто-нибудь сделает фото — и все. «Белое платье для столетней транссексуалки!» Смех. Милый, если ты скажешь, я буду в белом — но тогда давай сразу позовем фотографа из «Лайфа». Нет, надо что-то такое...

— «Слегка старое, слегка новое, слегка чужое, слегка голубое». Помнишь эту дразнилку?

— Можно подкорректировать: «Невеста старая, лицензия новая, тело чужое, жених голубой...»

— Какого черта — голубой... мне просто надо побриться. Все, брысь. Пусти меня. Поди прими ванну. Постарайся пахнуть, как невеста...

— ...а не как шлюха в день получки. Намек понят. Иду.

По белому бархатистому ковру невеста шла к алтарю. Музыка стихла, и стало необыкновенно тихо. Джейк ждал ее. Алек стоял по правую руку от него. Преподобный Хьюго Уайт и судья Мак-Кэмпбелл были необыкновенно серьезны. На Шорти был черный фрак, белая рубашка и узкий галстук; судья кутался в мантию.

Какой шикарный сегодня Джейк! Что это на нем?

Это называется «визитка».

Музейная вещь.

Вполне возможно. Или из театральной костюмерной.

А какой величественный Папа Хьюго! Джо должен написать его вот таким, читающим проповедь...

Хорошая мысль. Одно за другое — глядишь, Джо и воплотит свои замыслы. Надо будет подсказать Гиги.

Подскажи.

Хьюго ведь не против того, чтобы позировать — он просто не уверен до конца, что это дело благое. Надеюсь, при виде «Трех граций» его сердце смягчится... Юнис, у меня начинают коленки дрожать. Что делать?..

Омм мани пхадме хум. Держись, было труднее.

Омм мани пхадме хум. Юнис, помогай...

Джоан Юнис встала перед судьей и священником. Винни приняла у нее букет и отступила назад. Алек подвел Джейка к Джоан и отошел к Винни. Отец Хьюго поднял глаза и сказал:

— Давайте помолимся.

Омм мани пхадме хум. Ты о'кей?

Омм мани пхадме хум. Порядок.

Когда Хьюго сказал: «Аминь», Джо высунулся откуда-то сбоку и сделал первый снимок. И далее, на протяжении всей церемонии, он появлялся то здесь, то там — и снимал, снимал, снимал...

Хьюго открыл Библию, но не посмотрел в нее.

— Мы читаем сегодня из «Псалтири». Сказано там: «Господь — Пастырь мой; я ни в чем не буду нуждаться: Он покоит меня на злачных пажитях и водит меня к водам тихим, подкрепляет душу мою, направляет меня на стези правды ради имени Своего. Если я пойду и долиною смертной тени, не убоюсь зла, потому что Ты со мною; Твой жезл и Твой посох — они успокаивают меня. Ты приготовил предо мною трапезу в виду врагов моих, умастил елеем голову мою; чаша моя преисполнена. Так, благость и милость да сопровождают меня во все дни жизни моей, и я пребуду в доме господнем многие дни...»

Он закрыл Библию.

— Братья и сестры мои! Господь узрел, что одиноко Адаму в райских кущах, и сказал: нехорошо мужчине жить одному. И тогда создал Он Еву, чтобы жила с Адамом. И сказал господь Адаму: вот, ты должен теперь заботиться

об этой женщине, сын мой. Ты понял меня? Блюди ее каждую минуту, как я блюду тебя. А Я взираю на тебя каждую минуту и каждую секунду. Заботься о ней и защищай ее, и тогда у вас не останется времени для плохих дел, и она будет утешением твоим до конца дней твоих...

Он повернулся к Сэлэмэну:

— Джейкоб Сэлэмэн, намерен ли ты это сделать?

— Да.

Преподобный перевел взгляд на невесту:

— И сказал господь Еве: дочь моя, ты должна варить ему пищу и мыть его одежды, растить его детей и не бегать где попало, когда нужно быть дома, и любить его, даже если он усталый и капризный, и не перечить ему, потому что мужчины таковы, и принимать все его плохое вместе с его хорошим — ты слышишь Меня, Ева? Джоан Юнис, намерена ли ты это делать?

— Намерена, отец Хьюго.

— Судья...

— Джейкоб Моше, есть ли в наших законах и обычаях положения, препятствующие вам взять в жены эту женщину?

— Никаких.

— Джоан Юнис, есть ли в наших законах или в вашем сердце причина, препятствующая вам взять в мужья этого мужчину?

— Нет, ваша честь.

Более громко, обращаясь к окружающим, судья произнес:

— Если есть кто-то, знающий нечто, не позволяющее свершиться этому браку, — я приказываю ему говорить!

Юнис, если сейчас кто-то прочистит горло, я... я...

Здесь только друзья, босс.

Омм мани пхадме хум.

— Джейкоб Моше, будешь ли ты любить ее, почитать и заботиться о ней?

— Да.

— Джоан Юнис, будешь ли ты любить его, почитать и заботиться о нем?

— Буду любить, почитать и слушаться его.

Неужели и вправду — слушаться?

— Секунду! — сказал Джейк. — Судья, она сказала не те слова! Я вовсе не требую от нее послушания и не могу позволить...

— К порядку! Джейк, я ведь обращался не к вам, так что лучше помолчите. Джоан Юнис, вы действительно хотите поклясться именно в этом?

— Да, ваша честь.

Босс, ты сошел с ума.

Подумаешь. Нет, просто я уверен, что мы будем получать от Джейка именно те указания, которые будем хотеть исполнить.

А вдруг он заставит нас сидеть, скрестив ножки и держа ручки на коленках?

Это в позе лотоса, что ли?

Босс, не издевайся.

Какие издевки? Просто во мне говорит мой многолетний опыт мужчины: наши маленькие грешки будут неизменно поощряться именно потому, что мы поклялись слушаться мужа во всем. Так что расслабься, радость: это метод моей милой Агнесс... а я в те времена был куда нетерпимее Джейка...

— Позвольте мне еще раз услышать, что вы не изменили своих намерений.

— Я, Джоан Юнис, даю торжественное обещание любить, почитать и заботиться о Джейкобе Моше... и так оно и будет, ваша честь, даже если он сейчас пойдет на попятную и не захочет жениться на мне. В сущности, это и не обязательно, я была бы совершенно счастлива и...

— Хватит, Джоан Юнис. Хватит. Преподобный, все это уже начинает выходить за рамки... Сейчас я быстро завершу формальности, а потом вы накрепко свяжете их молитвой. Хорошо?

— Хорошо, судья. Им не нужна долгая молитва: они готовы.

— Надеюсь, вы правы... Джейк, вы слышали, что сказала эта упрямая маленькая... э-э... леди. Берете ли вы ее в жены, несмотря на это?

— Да.

— Джейкоб Моше, берете ли вы Джоан Юнис, чтобы она стала вашей законной женой?

— Да.

— Джоан Юнис, берете ли вы Джейкоба Моше, чтобы он стал вашим законным мужем?

— Да.

— Ф-фу... Где кольца? Где кольца, я спрашиваю? Алек!.. Джейк, возьмите ее левую руку своей левой рукой. Так.

— «Обручаюсь с тобой...»

— Властью, данной мне, объявляю вас мужем и женой. Преподобный, давайте...

Все...

Все...

— Помолимся же...

Глава 26

На Луне завершено строительство тоннеля «Кеннеди Б», расположенного параллельно тоннелю «Кеннеди А». С вводом его в строй и организацией одностороннего движения в каждом из тоннелей объем перевозок между Луна-Сити и индустриальным комплексом Аполло возрастет в четыре раза. Комиссия пришла к решению начать строительство тоннелей «В» и «G». На гонконгской и нью-йоркской фондовых биржах акции «Вакуумные технологии, Лтд.»., «Лунные предприятия, Лтд.»., «Пан-Ам», «Дайана транспорт» резко поднялись на фоне продолжающегося спада. «Меркурий-сервис» разослал своим особо важным клиентам самоуничтожающиеся письма неизвестного содержания; поскольку часть курьеров не оповестили дирекцию о своем возвращении, генеральный директор фирмы счел за лучшее отбыть в «Лас-Вегас-В-Небе» — хотя данных о том, что письма попали в руки агентов УВБ, пока нет. Источники, близкие к президенту, сообщают, что в городах страны происходят обычные сезонные волнения и причин для паники нет. Программа «Ми-Би-Эс» «День с Дэвом Дэйли» была заменена художественным фильмом исключительно из-за дефектов пленки. То, что на следующий день программа вышла без Дэва, объясняется тем, что

он плохо чувствовал себя из-за сильного переутомления. Мисс Молли Мэгьюэр, самая жаркая звезда частного кинобизнеса, претендует на титул первой в мире женщины, родившей ребенка в небе во время парашютного прыжка. Ребенок благополучно приземлился вместе с командой акушерок. Никто не пострадал. Поскольку самолет взлетал с мексиканской территории, прыжок был совершен над границей, а приземление состоялось на территории Штатов, возникает необычный юридический казус со статусом ребенка. Дело рассматривает суд, и сколько времени продлится разбирательство, предсказать трудно. Скандально известная транссексуалка вышла замуж за своего поверенного и отбыла в свадебное путешествие в неизвестном направлении. Знаменитый репортер напал на их след в Канаде, однако сумел встретиться лишь с четой Гарсиа, принадлежащих к обслуживающему персоналу молодоженов. Миссис Гарсиа, фотогеничная молодая особа, позволила сфотографировать себя и ответила на несколько вопросов о свадьбе. Сенатор от Арканзаса Джеймс Джонс, он же Попрыгунчик Джо, заявил, что кампания по отмене Тридцать первой поправки, позволяющей молитвы в общеобразовательных школах, не что иное, как заговор, организованный продавшимся дьяволу папой римским и его раболепными приспешниками. Восстановление административного здания в Оклахоме приостановлено из-за стачки, организованной, очевидно, тайной организацией «Равные права для белых». Бригадир строителей сказал: «Любой черножопый, если он думает, что его дискриминируют, может пойти в комиссию по найму, и его внимательно выслушают. Беда, на самом деле, в том, что они просто *не хотят* работать».

!!! ВСЕГДА ГОТОВ К РАБОТЕ!!!

Безопасно! Гигиенично! Чувственно!

Вы тоскуете долгими одинокими ночами? А заводить мужчину опасаетесь? Да, мужчины — это хлопотно, дорого и ненадежно. Лучше воспользуйтесь специально для вашего счастья созданным на базе новейших космических технологий ПРИСПОСОБЛЕНИЕМ

!!!!! «ЗЕЛЕНЫЙ ЗАПРИДУХ» !!!!!

Во всех аптеках — без рецептов.

Корпорация «Здоровье — сейчас!», производитель «Безотказки».

Если вы несчастны — вам не помогут ни механические щекоталки, ни наркотики. Единственный разумный выход — обратиться сию же секунду к старому доку Джою, гипнотерапевту с лицензией Нью-Йорка.

«Мистер и миссис Мак-Кензи», граждане Либерии (почему бы нет?) занимали пентхауз отеля: три ванные комнаты, четыре спальни, кухня, столовая, бар, плавательный бассейн, солярий, сад, водопад, студия, фойе, частный лифт — и, наконец, прекрасный вид на бухту, яхты, пляжи, реку, город и горы на горизонте.

Вели они себя странно. Персонал отеля не поднимался к ним, и даже обеды из ресторана официант оставлял на столике у лифта. Они не посещали казино, не ходили на пляжи, не показывались в городе. Почти никто не видел их в лицо — разве что с борта коптеров. Их собственные слуги жили этажом ниже и готовы были вести беседы о чем угодно — кроме как о своих хозяевах.

Она вышла из сада; он оторвал взгляд от книги, спросил:

— Что, дорогая? Чересчур солнечно? Или тот коптер вернулся?

— Нет, Джейк. Просто хочу показать тебе кое-что интересное.

— Неси. Мне лень вставать.

— А мне не поднять эту штуку: она там, на воде. Странное судно, никогда такого не видела. С такими яркими парусами.

Он подошел к перилам:

— Которое? Они все с яркими парусами. Не удивлюсь, если окажется, что тут запрещены простые белые паруса.

— Вон то, оно как раз складывает паруса. А было такое красивое еще минуту назад!

— Опускает паруса. Не говорят «складывает», говорят «опускает». Бросают якорь...

— А как оно называется?

— Тримаран. Яхта с тремя корпусами. Мне они не кажутся красивыми. По мне, настоящая яхта — это килевой шлюп с классическим гротом.

— Наверное, ты прав. Вот, спустили паруса — и уже не на что смотреть.

— Ну, я все-таки так не сказал бы. Тримараны удобны, на них много места. Они никогда не опрокидываются. Самые безопасные из маломерных судов.

— А интересно, можно на нем соорудить бассейн?

— Почему нет? Можно даже на этом, только бассейн будет поменьше нашего. Но бывают ведь тримараны и втрое, и впятеро больше. Можно позвонить в судостроительную фирму и спросить... А к чему вообще это? Хочешь купить такую яхту?

— Еще не знаю... Но это было бы весело, наверное. Ты бы сам хотел яхту? Поплыли бы в кругосветное путешествие... Я объехала весь мир — но ничего не видела! Это ужасно. Вечно не было времени.

— Вернее — жаль было тратить время не на дела.

— Можно сказать и так. Что в лоб, что по лбу. Если у человека слишком много денег, то получается: не они у него, а он у них. Так что: поплывем? Говорят, Рим — самый красивый город мира... Тебя что-то смущает?

— Не знаю. Просто подумал почему-то, что тримаран — любимое судно изгоев.

— То есть?

— Я имею в виду не босяков из Развалин и не тех бродяг, которые промышляют вокруг ферм. Эти странствуют по водам. Их миллионы. Поверь мне, наверняка десятая часть этих яхт имеют регистрационные паспорта той же степени подлинности, что и наши с тобой. У них, конечно, есть свои проблемы, главным образом, с Береговой охраной, но масса преимуществ: ни налогов, ни обязательного обучения в наших ужасных школах, ни проблем с недвижимостью, ни насилия на улицах, ни политики...

— Значит, все-таки можно скрыться от всего этого?

— Не насовсем. Рано или поздно приходится пристать к берегу... Это же невозможно: всю жизнь играть в «Летучего голландца». Но покой и свобода все-таки легче

достижимы в море. Хотя я вряд ли смогу выдержать это долго. Будь я моложе, я поступил бы иначе...

— Как?

— Смотри туда, — и Джейк поднял руку вверх.

— Куда? Там небо...

— А в небе?

— Луна?

— Да. Наш нынешний фронтир. Пространство свободы...

— Ты серьезно, Джейк?

— Более чем. Здесь мы зашли в тупик: не можем продолжать движение в прежнем направлении, но не можем и повернуть назад. Мы задыхаемся в собственном дерьме. Землю ждут тяжелые испытания... слишком тяжелые, быть может. И не потому, что мы плохие, — нет. Просто нас слишком много. И скоро, наверное, станет так много, что потом будет опять мало. Природа расправится с нами. И единственным местом, где удастся избежать дикого, животного взаимоизбиения, будет Луна. И Луна останется хранилищем знаний и культуры человечества. Поэтому все, кто может, кого там примут, — должны отправляться на Луну как можно скорее.

— Я так давно знаю тебя — и никогда не слышала таких речей...

— А что толку сотрясать воздух? Я слишком стар. Но я хотел бы... я умер бы счастливым, если бы знал, что наш ребенок родится на Луне.

— Джейк...

— Что?

— Если этот... — она похлопала себя по животику, — захочет туда — мы ведь поможем ему, правда? В таком раннем возрасте его возьмут.

— Это уж точно. Единственно, чего я не хочу, — это чтобы его прекрасная мамочка покинула меня. Но сыну хороший отец не должен ни в чем препятствовать.

— Договорились. Джейк-младший полетит на Луну, но не на следующей неделе. А теперь вернемся к теме тримаранов... Ты хочешь есть?

— Я перекушу холодной говядиной, а потом посплю.

— А мне с тобой можно?

— Я сказал «посплю» — а с тобой разве поспишь?

— Есть, сэр! Отставить! Смотри, как здорово все получается: Фред — классный механик, и разведен; у Дабровски детей нет, а его Ольга может стать стюардессой — она и здесь прибирается, хотя это и не ее работа. А Финчли — это вообще прелесть! Том плавал на всякой мелкой посуде, занимаясь контрабандой — возил оружие в Центральную Америку. Эстер — ну, ты знаешь, какая она повариха! С Евой проблем не будет, ей хоть и тринадцать, но она уже умеет читать и писать. Если родители намекнут ей про морское путешествие — вот восторгу-то будет! Пойдешь спать — посмотри, кто дежурит у лифта.

— Том и дежурит.

— Пусть зайдет.

— Халат подать?

— А что, здесь много солнца?

— Нет, просто приличия ради.

— Я же купаюсь с ними. И загораю. А что касается приличий, то кто это шлепал Эстер по днищу?

— Где? Когда?

— В бассейне, в среду. Кто?

— Во-первых, это был вторник. А во-вторых, не Эстер. Это была Ева. Мы с ней играли в сексуального маньяка. Так что не ревнуй.

— Бедный Джейк, даже дети не считают тебя дедушкой!

— Знаешь, хоть ей и тринадцать, но скоро стукнет двадцать один. Давай договоримся: я буду очень тщательно смотреть куда-нибудь вдаль, когда ты с ее отцом, — а взамен ты будешь очень тщательно смотреть на меня, когда я с Евой.

— Есть, сэр. Слушаюсь и повинуюсь, повелитель! А как насчет Эстер? Куда мне смотреть?

— Эстер — это не твои проблемы. Смотри по сторонам. Какие красивые яхты в бухте... и сама бухта — когда вот так, издали. Ты же не хочешь, чтобы наши домашние купались в тех канализационных водах, рискуя подхватить какую-нибудь заразу, правда? Пусть лучше купаются здесь, в этом бассейне... и даже преждевременная Ева, которой не терпится опробовать на мне свои женские чары.

— Джейк, о чем речь! Но мы говорили о заднице Эстер...

— Тьфу! Ты еще хуже, чем Ева. Короче, я ложусь спать. Разбуди меня через час. Я пришлю Тома.

Джоан успела окунуться прежде, чем пришел Том.

— Вызывали, мэм?

— Котяра Томас, мы одни.

— Но босс еще не спит... — оглянувшись, сказал Том шепотом.

— Уснет через пару минут. Скажи, ты ходил под парусом?

— Конечно. Я ведь вырос в Чессапик-Бей. Начал со швертботов...

— Тебе нравятся тримараны?

— Ну... это довольно специфическое судно. Он годится для отдыха, но не для настоящего плаванья. Кроме того, во всяких узостях: в проливах, в шхерах — он неуклюж, как двое в ванне.

— А ты занимался этим в ванне?

— Почему нет? Это забавно. Но в постели лучше. Или даже на полу.

— Надувной матрац подойдет?

— Это лучше, чем ничего.

— Тогда идем в солярий.

Глава 27

Продолжается смута в Гарвардском университете. Университетская корпорация проголосовала за прекращение финансирования до тех пор, пока не будет избран новый президент. Соперничающие студенческие группировки и администрация намерены обратиться в суд для отмены этой «поспешной и безответственной акции». Сегодня в теленовостях продемонстрировано интервью с акушеркой, принявшей роды у мисс Молли Мэгьюэр за десять дней до ее сенсационного прыжка. Секс-звезда вчинила иск ведущему новостей, телестудии и видеосети.

!!!!!РАВНОПРАВИЕ ДЛЯ ЖЕНЩИН!!!!!

Не позволяйте унижать себя! Насладитесь их изумлением и испугом, войдя в мужской туалет и воспользовавшись

писсуаром! Это удовольствие вам обеспечит адаптер доктора Мэри Эверс.

«РАВНОПРАВИЕ»!

Легко помещается в сумочке, абсолютно надежен, гигиеничен, отпускается без рецепта, не требует подгонки.

Во всех аптеках и супермаркетах!

Лунная комиссия окончательно отказалась от практики выбраковки кандидатов по анкете. Отныне во внимание принимаются лишь результаты тестирования. Никакие детали биографии не являются позитивными или негативными факторами при отборе. «В новом мире человек все начинает с нуля», — заявил директор. *Горячая линия из Капитолия*: «...не отпугнут!» Это его слова. Но не сможет ли сенатор от великого штата Пуэрто-Рико привести хотя бы один пример, когда преступник совершил рецидивное убийство после собственной казни?

— ...несется как ветер! Джо, черт возьми!..

— Класс.

— Ты такой невозмутимый, а у меня внутри все трепещет! Пойдем на корму, посмотришь на Винни за штурвалом. Она прирожденный моряк, морская вода в ее жилах! Гиги, что с тобой? Тебя укачало?

— Так, слегка...

— Строго между нами: «Кошечка» танцует, как пьяная лошадь, когда за штурвалом Винни. Мне это нравится... но не всем, понятно. Ничего, дорогая, сейчас я попрошу у Роберто таблетки от тошноты...

— Нет, не надо. Все и так пройдет.

— Гиги, Роберто — очень прилежный врач, и этими таблетками он поит свою жену, и не от качки, а чтобы не было тошноты по утрам. Он никогда в жизни не дал бы ей и посмотреть на них, если бы не знал абсолютно точно, что вреда не будет. Пожалуйста, а?

— Гиги!

— Да, Джо?

— Прими.

— Да, Джо. Спасибо, Джоан. Я просто так много видела наркоманов, что боюсь пить даже аспирин.

— Я тоже не люблю лекарств, но всегда принимаю, когда велит Роберто. Постой здесь, на ветерке, я принесу...

— «Плывем, плывем, граница позади...» — напевал Джейк, входя в рубку. — Привет, Даб.

— Доброе утро, капитан. Галс к базовому курсу полтора румба...

— Вижу. Бросай все и иди ешь. А то там ничего не останется.

— Эстер не даст мне умереть.

Дабровски ушел. Джейк посмотрел на приборы, на паруса, решил, что парусность можно увеличить, и включил лебедку. Зафиксировав ручки управления в новых положениях, он откинулся в кресле.

— Доброе утро, капитан.

— Том, не надо издеваться. Уж мы-то двое знаем, кто здесь настоящий капитан, а кто для парадов. Кстати, как там ваши? Я не видел Еву за завтраком.

— Она дуется. Я велел ей носить плавки.

— Это из-за вчерашнего? Том, стоит ли так выделять ее из стаи наших дам? Я хочу лишь, чтобы она не забиралась ко мне на колени голая и не крутилась, как уж на сковородке.

— Это я в нее вколочу, сэр.

— Том, только не надо «вколачивать», пожалуйста. Мы ведь хотим получать удовольствие, все... а мы все — одна большая счастливая семья. Просто попроси Эстер, пусть она объяснит крошке, что старый дядюшка Джейк ее любит, но не выносит, когда по нему ползают. Это вранье, конечно, но что поделаешь?.. На борту и так две беременные женщины, стоит ли заводить третью?

— Доктор Гарсиа дал ей контрацептивные таблетки. Я не люблю напрасного риска, сэр.

— Том! Я зауважал тебя еще больше! Конечно, меня она не сумеет совратить при всем желании, но за прочих мужчин на борту я не поручусь. Соленый морской воздух делает с людьми что-то особенное. А дети растут...

— Она уже выросла, и мы с Эстер не думаем, что она будет вести себя не так, как мы в ее возрасте. Когда баба становится бабой, она обязательно валится на спину.

— Это все знают — но мало кто верит. Я вот чего не мо-

гу понять, Том: при всей твоей осмотрительности — как же ты допустил, чтобы тебя сцапали?

— Лопухнулся. Кэп посулил хорошие деньги начальнику порта, чтобы тот ничего не видел и не слышал, — и не дал. Попер в темноте — проскочим, проскочим! Проскочили, ага. Это он про радары никогда не слышал... Шарах! Береговая охрана... — Том пожал плечами. — Я болван. Ясно же было. Зато и обернулось потом к лучшему. Стал возить мистера Смита — еще того, старого. Зацвел, как роза. Никому теперь не верю, так что нос мне теперь никто не натянет.

— Нет, на циника ты не похож, Том, — засмеялся Джейк. — Ты пролез через самую узкую щель: стал мудрым, не став циничным.

— Этого я не понимаю, советник. По-моему, все, в общем-то, просто: люди — они хорошие, и даже тот дурак кэп — тоже хороший. Просто не нужно их нагружать сверх того, что они могут выдержать. Как эту посудину: рассчитана на три тонны. Без проблем выдержит пять. Но уже не шесть...

— Мы говорим об одном, только разными словами.

— Возможно, сэр... Кстати, раз уж заговорили о яхте: в носовой части среднего корпуса открылся свищ. Хочу его поискать. Разрешите идти?

Он надел фуражку, откозырял и вышел.

Джейк надвинул свою фуражку на глаза и, полузажмурившись, замурлыкал себе под нос:

Жена моряка — его звезда, йо-хо!
Плывем по морям, по далеким морям, йо-хо!
А жена моряка на родном берегу,
А жена моряка...

— Это о ком же ты поешь? — его собственная жена подкралась сзади и обхватила за шею. — Не о Нэнси Ли, случаем?

— Я не называл никаких имен! Никаких имен, дорогая.

— Это точно. Всех своих женщин ты называешь «дорогая».

— Но ведь так оно и есть! Впрочем, твое имя я помню: миссис Джейк Сэлэмэн.

— Льстец! Наверное, ты был главной ударной силой, когда служил на флоте. Со своей еврейской льстивостью ты мог скользнуть в любую щель — и без труда смыться.

— Нет, мэм. Я был милый невинный ребенок, я честно исполнял морской закон: «Когда якоря подняты — все счета оплачены».

— Вот-вот. А через девять месяцев акушеры в портовых городах начинают удивляться: чего это все деточки такие черненькие и носатенькие? Ладно, замнем. Не пора нам взять координаты?

— Хочешь пальнуть по беззащитному солнцу?

— По солнцу, по Луне, по Венере — сделаем триангуляцию.

— Определимся с точностью до пятидесяти миль?

— Ты животный. Чудовищ. Змей. Такое говорить беременной женщине! Да я вдесятеро точнее против тебя! Вспомни, вчера вечером...

— Юнис, а зачем? Мы же не в первобытном море. Куча спутников, радиомаяков...

— Мне просто нравится, вот и все. А потом — вдруг война? И надо будет прокладывать курс... Думаешь, зачем я покупала все эти старинные лоции, карты, лаги, секстанты?..

— Надеюсь, они нам не пригодятся.

— Надежда умирает последней, нет? И вообще — если я запаслива, как крыса, то ты — как целая крысиная семья. Этот карманный родильный дом там, внизу... и полные под завязку кладовые — о чем это говорит? Молчишь, да? Это говорит о том, что мы оба — старые запасливые крысы... и поэтому жутко подходим друг другу. Вот Гиги, скажем, тебе так не подходит...

Хочешь устроить ему скандал?

Ни боже мой!

— Это ты о чем?

— Джейк, а почему у тебя забегали глазки? Или ты забыл, что перед тобой твой старый друг Йоханн? А как бы поступил твой друг Йоханн, если бы узнал, что ты переспал с юной и красивой женщиной?

— Я думаю, он воткнул бы мне в задницу длинную иголку — и обломил бы ее.

— Что-о?! Я когда-нибудь такое делал?!

— А ты просто не залавливал меня.

— Интересная мысль. Не помнишь ли ты такую милую девушку по имени Мэриэн? Фамилия начиналась на Ч, а звал ты ее «Сдобочкой».

— Ч как в слове «черт»? Да, помню. Чертовски хороша.

— Точно. Это было шестнадцать лет назад, и я готовился посвятить тебя в... м-м... интимные подробности жизни корпорации. Поэтому собирал кой-какой материал... Ах, Джейк, я почти плакал, когда огонь пожирал ваши с ней фотографии! Вы были такие... одухотворенные! А некоторых поз я не нашел даже в Камасутре.

— Что-о?

— Целу́ю. Успокойся, негатив я тоже сжег. И пригрозил ребятам, которые для меня все это сделали, что за один-единственный оставшийся в природе отпечаток я сотру их в порошок. Поскольку они живы и здоровы... ты, я помню, хвастался перед Юнис, что можешь их нанять... снимки в ванной... помнишь? Так распушил хвост, так ворковал... Неужели ты думаешь, что я настолько изменился с годами?

— Внешне, пожалуй, да... и внутренне тоже — в определенном смысле.

— Уходишь от ответа. Короче, я надеюсь, что Гиги тебе понравилась не меньше, чем Винни и Эстер...

— Гркхм! И как это тебе могло в голову прийти...

— Расскажу позже. Вот идет Гиги. Привет, сладкая! Поцелуй меня, а его не надо, он на вахте.

— Э, нет, это дискриминация. Юнис, подержи штурвал...

— Ты мокрая, ты купалась?

— Да. Джоан, прошу тебя — на минутку. Мистер Сэлэмэн, извините...

— Эй, что это еще за кличка? Тебя за это следовало бы отодрать... в смысле — линьками! Меня звать Джейк, и все тут.

— Спокойно, Джейк, не возбуждайся. Гиги пришла обсудить со мной наши маленькие лесбиянские проблемы. Мы отойдем в сторонку, а ты постарайся не скомандовать по ошибке «срочное погружение»...

Они забрались в спасательную шлюпку.

— Есть проблемы, Гиги?

Никогда не поверю, что на Джейка можно пожаловаться.

Тут что-то другое... Они уже две недели соображают на троих, и до сих пор все трое были довольны.

— Проблемы?.. Да, наверное. Если прямо... на следующей стоянке мы покинем судно...

— Гиги! О боже! Что-то случилось?

— Ну да. Меня укачивает... а Джо не может работать, ему не подходит свет...

Врет.

Врет. Но почему?

— Гиги, посмотри мне в глаза. Ты не договариваешь.

— Океан... — Гиги моргнула. — Он такой большой... Я думала, он мне понравится. Но я... боюсь. Он смотрит, качает... Джоан, ты так добра, но я больше не могу. Я *устала*. И Джо — он тоже устал. Мы помойные кошки, а не рыбы. Мы живем в городе. А здесь... слишком тихо. Оглушает просто, как тихо. Я по ночам просыпаюсь от тишины...

Джоан поцеловала ее.

— Понятно, сладкая. Я чувствовала, вам здесь не слишком нравится — но не могла понять почему. Теперь поняла. Или есть еще причина? Почему ты назвала Джейка «мистером»?

— Ой, это я просто от расстройства... мне ведь *жаль* уходить...

— То есть у вас с ним все в порядке?

— Конечно.

— Значит, нам можно будет навестить вас и пожить несколько деньков?

— Вчетвером? Квартетом?

— Ну да.

— Конечно, можно! Но как отнесется Джейк?..

— Вот это ты мне скажи.

— Знаешь, с нами он спокоен. Но подбирается, когда ты где-то рядом.

— Это похоже на Джейка. Он старомоднее меня, хотя гораздо младше.

— Никак не могу в это поверить.

— Думаешь, я могу? Просто привыкла, и все. Гиги, а ведь нет никакой необходимости терпеть до стоянки. Я могу вызвать коптер, и после обеда он вас заберет, доставит в аэропорт — и к ужину вы с Джо будете дома. Хочешь?

— О боже, Джоан! Я так *соскучилась* по дому!

— Ну и все. Так и сделаем. Ладно, я сейчас растолкую это Джейку — а потом пришлю его к вам. И вы попрощаетесь с ним как следует. И вот еще что, Гиги. Та картина с Евой... я должна ее купить.

— Мы ее дарим тебе.

— Гиги, ты забываешь наш уговор. Вы можете дарить мне что угодно, кроме картин. За картины я плачу́ — а в особенности за эту, потому что хочу подарить ее мужу.

«Кошечка» лежала в дрейфе, а над ней, рокоча винтами, висел коптер. Том с кормы командовал погрузкой. Супруги Бранка уже забрались в кабину, а багаж все еще частично оставался на палубе.

Джоан, приглашая Джо в круиз, велела ему брать как можно больше холстов и красок, потому что натурщиков будет много, «а если кто не пожелает позировать — отведает соленых линьков». Пиратские сцены, а? Мышцы, абордажные ножи, пистолеты и попугаи? Джо сдался.

Поэтому теперь было много хлопот с погрузкой: софиты, фотолаборатория, свертки полотен, что-то еще, еще, еще... можно сказать, вся студия Джо вдруг оказалась на палубе. Наконец коптер втянул в себя тяжелую корзину с багажом, опорожнил, опустил пустую. Фред и юнга Хэнк, шестнадцатилетний сын кухарки Деллы, стали забрасывать в нее последние вещи.

Когда остался один большой чемодан, налетел ветер. Яхту качнуло, тяжелая корзина вырвалась из рук Фреда. Хэнк бросился на палубу, чтобы избежать удара. Опомнившийся Фред догнал зависшую корзину и вновь зафиксировал ее — футах в десяти от места погрузки. Джоан ухватилась за ручку чемодана, но даже не смогла шевельнуть его.

— Что за черт? Неужели Джо спер якорь?!

— Юнис! — зарычал Джейк. — Ты с ума сошла! Хочешь, чтобы был выкидыш?!

Он выхватил у нее чемодан и метнулся к корзине.

— С дороги, сынок! — бросил он Хэнку, поднял двумя руками чемодан, аккуратно опустил его в корзину — и лег рядом.

Том сделал пилоту знак: отваливай. Опустил голову — и увидел Джейка.

Но Джоан успела первой.

— Дже-е-ейк!!!

Юнис, помоги!

— Зову врача! — Фред скользнул вниз по трапу.

Джейк Сэлэмэн судорожно выдохнул — и вытянулся.

Юнис, где он?

Ищу, но никак...

Он должен быть рядом!

Что за чертовщина?..

Вот он, босс, вот он! Джок, сюда! Сюда!

Юнис, что случилось? Меня как кирпичом по голове...

Тебе больно?

Да не больно ему, босс. Какая может быть теперь боль? Добро пожаловать в нашу компанию, Грустный Джейкус, любимый наш старый ублюдок! О, черт, как я рада тебя видеть!

Юнис?

Вот именно, Юнис, Джок! Старый боевой петух Джок! Джоан и Юнис приветствуют тебя — по очереди!

Всесильные боги...

Юнис, не трещи. Дай ему очухаться. Джейк, все в порядке. Мы опять вместе.

У меня голова кругом идет... Значит, вы все время?..

Да.

Да!

Старый я идиот. Конечно. Ну, теперь все на местах.

Точно. Джоан будет везти и рулить, а мы — давать советы. Вот веселуха-то пойдет!

Омм мани пхадме хум.

Омм мани пхадме хум. Джок, присоединяйся. Пусть это будет наша благодарственная молитва.

Омм мани пхадме хум...

— Джоан, извини... — Роберто склонился над ней.

— Я подержу его...

Босс, кончай эти дамские штучки. Не мешай доктору.

Сейчас. Юнис, держи Джейка покрепче. Видишь?

Да. Джейк, ты видишь? Глазами Джоан?

Вижу. Какая мерзость. Неужели это я?

Уже нет. Это хлам, который больше не пригодится. Джоан, отвернись.

— Фред, Хэнк, отведите ее вниз! И пусть придет Винни, нужна ее помощь...

Джоан лежала с мокрым полотенцем на глазах. Доктора Роберто она узнала по шагам.

Он сел рядом и взял ее запястье.

— Плохие новости, Джоан.

— Знаю. Он умер. Еще до того, как я сюда спустилась.

Он не умер, босс. Зачем так говоришь? Правда, он не живее меня — но и не мертвый в то же время.

Ты слишком придирчива, Длинноножка.

Длинноножка! Как давно меня так не называли!

А прошлой ночью?

Прошлой ночью ты говорил это Джоан, грязный изменщик!

Эй вы, голуби! Ну-ка тихо! Доктора не слышно.

Просим прощения. Джок, давай будем шептаться. Скажи-ка, Джоан лучше или хуже меня по части перепихнуться?

Юнис, я не отвечу на такой вопрос.

Понятно. Что ж, Джоан с моим оборудованием и инструктажем вполне могла меня обогнать. Тем более, не поверишь, у босса такое грязное воображение!.. Для него разницы нет, с кем трахаться: с мужиками, с женщинами... и при этом он такое выдумывает...

Достану — и линьков обоим!

Молчим.

— Юнис, я хочу, чтобы ты знала: даже если бы мы были на берегу, даже в больнице — спасти Джейка нам не удалось бы. Можно было бы подключить его к аппаратам — но это была бы растительная жизнь...

— Он этого не хотел. Он очень болезненно относился даже к тому, что мне искусственно поддерживали жизнь...

— У вас несхожие случаи. Твое тело было изношенным, а мозг в отличном состоянии. У Джейка было крепкое тело, но где-то в сосудах мозга слишком истончилась стенка... и смерть стала неизбежной. Если тебя это утешит, могу заверить, что он ничего не почувствовал.

Интересная мысль! Попробовал бы сам: будто копытом по голове. Впрочем, где-то он прав: секундная боль — и все.

У меня было похоже, Джок, когда меня убили. Босс страдал долго.

Ребята, дайте мне сосредоточиться!.. Потом поговорим.

— Понятно, док. Одна существенная деталь: никаких вскрытий.

— Джоан, но мы должны знать...

— Нет. Он умер, и это все. Вскрытием его не вернешь, а все остальное неважно. Роберто, ты подпишешь заключение о смерти?

— Вообще-то... Видишь ли, когда происходит внезапная внебольничная смерть, врач обязан уведомить власти...

— Пожалей Джейка, Боб. Кого и зачем уведомлять? Кого-нибудь в Вашингтоне? Или власти штата? Но мы в федеральных водах, а к вечеру выйдем в нейтральные. Джейк ведь находился под медицинским наблюдением, не так ли? И смерть наступила в присутствии врача?

Джоан, не насилуй Боба хотя бы в таком смысле! Что за беда, если в этом старом мясе покопается какой-нибудь потрошитель?

Нет, Джейк. Я сказала. Все.

Джоан — упрямая сучка, Джок... но чаще она оказывается в результате права.

— Ну... — доктор Гарсиа почесал подбородок. — Если так, то конечно. Да, он упал на моих глазах, когда я подошел, сердце еще билось. Поскольку аппаратуры для контроля мозговой активности на борту нет, смерть констатирована по совокупности признаков, в первую очередь — по остановке сердца...

Из этого парня получился бы прекрасный свидетель!

— Боб, когда составишь все это — отошли одну копию Алеку Трайну, он хранитель завещания Джейка. А капитан Финчли пусть вклеит оригинал в бортовой журнал.

— Хорошо. Джоан, дать снотворного?

— Зачем? Роберто, я ведь не девочка и даже не молодая женщина, хоть и выгляжу так. Я старик, который пережил столько чужих смертей, что еще одной его не ошеломишь. Это мой давний кореш, старина Смерть. Мы ходим бок о бок не знаю уже сколько лет. Я даже счастлива — что Джейк умер так легко, без мук. А вот о Еве надо позаботиться.

— Ну... я не успел еще. Не успел даже подумать. Дам ей чего-нибудь.

— Капитан, курс в нейтральные воды. И оповестите всех, что похороны состоятся на закате.

— Джоан?

— Неужели ты думаешь, я отдам Джейка этим чучельникам? Он хотел умереть так, как умирали его предки — и он так умер. Я никому не позволю резать его милое тело. Оно вернется домой еще до заката...

— «Всему свое время, и время всякой вещи под небом. Время рождаться, и время умирать; время насаждать, и время вырывать посаженное. Время убивать, и время врачевать; время разрушать, и время строить. Время плакать, и время смеяться; время сетовать, и время плясать...»

Джоан прервала чтение. Огромный оранжево-багровый круг солнца коснулся горизонта. На трапе у борта, зашитое в парусину и с грузом в ногах, лежало тело Джейка. Фред и доктор стояли рядом.

Йоханн, от тебя я ожидал большей изобретательности.

Не нравится — не слушай.

Джок, это же похороны...

Ха! Это мои похороны! А где еще человек может лучше повеселиться, как не на своих похоронах? Может, спляшем и вправду?

Чуть позже. Так я продолжаю?

Конечно, старина. Только не молись о том, чтобы моя душа попала в рай.

Да, босс, не надо. Уж лучше все вместе...

Заметано. Один за всех...

Все за одного!

— «Двоим лучше, нежели одному: потому что у них есть

доброе вознаграждение в труде их. Ибо, если упадет один, то другой поднимет товарища своего. Но горе одному, когда упадет, а другого нет, который поднял бы его. Также, если лежат двое, то тепло им; а одному как согреться?..»

Кстати, действительно — как? Неужели нам придется спать одним?

Юнис, ты вообще о чем-нибудь другом думаешь?

Нет. А о чем еще имеет смысл думать? Не о деньгах же... Кстати, Джок не верит, что быть женщиной в постели гораздо приятнее. И очень любопытствует...

Джейк, это правда?

Ну... в общем, я думал, что не стоит носить траур по живому...

Босс, он стесняется сказать. Но пусть сам оценит, что лучше: ***вставлять*** *Юнис — или* ***быть*** *Юнис. У него будет с чем сравнить.*

Да замолчите вы, дайте закончить! И вообще — когда угодно, но не сегодня! Или я объявлю бессрочную забастовку.

— «...и если станет преодолевать кого-либо одного, то двое устоят против него. И нитка, втрое скрученная, не скоро порвется...»

Босс, Джок, а мне это нравится! Как жаль, что у меня не было похорон!

По тебе была заупокойная служба, Длинноножка.

Да ну? А кто там был?

Только я. И органист. В маленькой часовне. Он играл, а я читал стихи, которые ты любила. Лежали цветы. И все...

Джок, я тронута до слез. Босс, он ведь действительно любит меня...

Да. И я люблю тебя.

Жаль, что меня там не было!

Может, оно и к лучшему. Ты не умеешь вести себя на похоронах.

Старое ты привидение! Меня же никто не слышит!

Как это мило с твоей стороны, Длинноножка, — называть меня «привидением». Джоан, может быть, пора топить этот старый хлам?

— «Доколе не померкли солнце и свет луны и звезд, и не нашли новые тучи вслед за дождем. В тот день, когда задро-

жат стерегущие дом, и согнутся мужи силы; и перестанут мелить мелющие, потому что их немного осталось; и помрачатся смотрящие в окно; и запираться будут двери на улицу; когда замолкнет звук жернова, и будет вставать человек по крику петуха и замолкнут двери пения; и высоты будут им страшны, и на дорогах ужасы; и зацветет миндаль; и отяжелеет кузнечик, и рассыплется каперс. Ибо отходит человек в вечный дом свой, и готовы окружить его по улице плакальщицы; — Доколе не порвалась серебряная цепочка, и не разорвалась золотая повязка, и не разбился кувшин у источника, и не обрушилось колесо над колодезем. И возвратится прах в землю, чем он и был; а дух возвратится к богу, который дал его». Из глубин мы явились, так пусть же тело нашего брата Джейкоба вернется в глубины...

Джоан закрыла Библию. Фред и доктор приподняли трап — и тело Джейка соскользнуло в воду и скрылось без всплеска.

— А теперь все вытрите слезы. Прощание не должно быть печальным. Джейк был готов к тому, чтобы тихо уйти... Ольга, не плачь. Винни, прекрати. Джейк не хотел бы, чтобы ты плакала.

Почему это, Джоан? Я совсем не против того, чтобы такое чудесное существо пролило надо мной пару слезинок.

Пригнись, Джейк. На арене ты блистал, но шоу уже закончилось. Поболтай пока с Юнис.

— Винни, подумай о своем малыше!

Но прикрутить слезный краник у Винни было делом не слишком простым.

— Джоан, неужели ты нисколечко не жалеешь о не-ом?!!

— Но как я могу о нем жалеть, если он по-прежнему со мной? Сокровище в Лотосе — отныне и навсегда.

— Знаю, я знаю... но я не могу вынести этого!..

— Роберто...

— Да, конечно. Как ты сама, Джоан? Дать фенобарб?

— Не надо. Позаботься о Винни. Посади ее рядом с собой и читай «деньги пахнут» с полчаса. А потом ложись — тоже рядышком с ней — и спи до утра. Для Винни это будет лучшим лекарством.

— Но ведь и ты можешь с нами...

— Нет. Сегодня я буду молиться с Джейком и Юнис. И они услышат меня, что бы ты об этом ни думал, глупый безбожник.

— Пусть так. Блажен, кто верует...

— Спасибо, Роберто. Заботься сегодня о Винни. Это важнее всего.

Босс, а как насчет Фреда?

Юнис, у тебя что, течка? Ты перестаешь соображать? Вспомни, как Фред испугался... тогда. Помнишь? Сегодня ему еще хуже, чем Винни... но нам о нем позаботиться не удастся. Будет только хуже.

— Капитан!

— Да, мэм?

— Труби отбой. Команде пора ужинать. Курс — на Сен-Клемент-Айленд.

— Есть, мэм!

О, если бы Кот Том!.. Джок, это было бы здорово.

Длинноножка, а на этом корыте есть хоть один мужчина, которому наша хозяйка еще не давала?

Хэнк. Он положил глаз на Еву, а ее считает старой развалиной. Теперь у него есть шанс на успех... вернее, у Евы.

А жаль, что я оказал ей такое успешное сопротивление. Миллиона бы хватило, чтобы откупиться от любых неприятностей. Тем более, у меня богатая жена...

Заткнитесь, вы, ненасытные! Я с капитаном разговариваю! И предупреждаю: никаких Котов Томов сегодня не будет: он на вахте до полуночи.

— Наверное, мне следует называть *тебя* капитаном? — понизив голос, сказал Том.

— Нет, Кот, не надо. Я ведь не сдавала экзамен. Зови меня, как раньше: «миссис Сэлэмэн» или «Джоан» — в зависимости от компании. А без компании — я по-прежнему твоя «Кошечка». Так?

— Ну... само собой.

— Назови.

— Кошечка. Маленькая храбрая Кошечка. Котенок, чем больше я тебя знаю, тем больше поражаюсь...

— Вот так-то лучше. Кот, а ведь Джейк с самого начала знал, что мы с тобой как кошки...

Вранье! Юнис, она мне никогда не говорила — и только недавно я стал догадываться...

Да, Джок. Это такая штучка... ухитрялась обманывать даже меня.

— Знал?!

— Да, Томас Котярус. Но он... он баловал меня. Впрочем, и сам тоже... баловался. Как у него с Эстер — состоялось?

Джоан, черт тебя...

Джок, пригнись — мне тоже интересно!

— Ну а как же? Я их даже как-то застукал за этим делом. Ну, виду не подал, понятно — тихо смылся. А потом взял ее за жопу...

— Ты ее *побил?!*

— Да ну, что ты! Нежно так взял... Ну, она и раскололась. Раньше бы, говорит, рассказала, да тебя боялась.

— Меня — боялась? С ума сойти! А ты ей обо мне не рассказывал?

— Котенок, ты что, думаешь — я совсем безголовый? Или треплю языком направо и налево? Ну, знаешь...

— Мог бы и рассказать. Немного спустя ей было бы легче привыкнуть к тому, что я веду себя, как настоящая вдова.

«Не скулит и не ревет — всем дает, дает, дает».

Фи, Джок! Сразу после похорон...

— Котяра, как у нас с автопилотом? Он сможет продержать курс до полуночи?

— Ну уж на хер! Будешь спать всю ночь, ясно? А я устроюсь на палубе — тоже сбацаю себе отсыпон. И без никаких! Кошка, обещай: будешь спать, и все. Никаких блужданий по судну. Надеюсь, ты не собираешься сигануть за борт?

— Это приказ, капитан?

— Приказ, черт побери!

— Есть, сэр! Есть спать и есть не сигать за борт. Спокойной ночи, Том. Дурак, что так подумал.

Она направилась к трапу.

Ну что, партнеры? Никто не хочет разделить нашу печаль? Остался Антон...

Пылающий Поляк! Это здорово! Джок, как бы твое сердечко не лопнуло!

К счастью, мое старое уже на большой глубине, и ему ничто не грозит. А то, которое у Юнис выцыганил этот старый обманщик, работает лучше швейцарских часов.

Хватит бренчать! Куда Ольгу денем?

Может, за борт?

Юнис, чтоб тебя!..

Уж и пошутить нельзя...

Если... э-э... мне позволено будет сказать...

Джейк, ты не в суде. Выкладывай прямо.

Я хочу сказать, что Ольгу можно попросить — и она поймет. По крайней мере, посочувствует. Мне она всегда сочувствовала...

Что-о?! Джейк, ты хочешь сказать, что трахнул эту застенчивую ангелицу? Не верю.

Я тоже не верю, Джок. Она даже купается в шортах.

Ну, купаться — это одно, а... в общем, это другое.

Юнис, мне почему-то кажется, что он не врет.

Странно — мне тоже. Хотя это невероятно.

Джейк, мы в восхищении. Мы с Юнис — пигалицы несмышленые. О, Великий Сокрушитель Невинности! Посоветуй, как убрать с пути Ольгу?

А вы действительно хотите ее убрать? Чем она мешает?

Интересная мысль!

Джок, босс! А Ольга знает «Омм мани»?

Нет. Мы обучали только Антона, ты же помнишь.

А она сможет сесть в «лотос»?

Она при желании сможет завязаться узлом, Длинноножка.

Итак, решено! Делаем Круг!

Делаем. Где у нас чета Дабровски?

Глава 28

Открыт конкурсный набор агентов вспомогательной федеральной службы социального обеспечения (категория С). Обладателям коричневых и черных поясов отдается предпочтение. Имеют значение опыт работы в данной сфере, а также военный опыт. Обращаться в местные отделения Гражданской службы или в офисы Социального обеспечения. Оплата по стандартным ставкам с оплатой за риск по

коэффициентам зон обслуживания. Лунная комиссия заявила, что колония обеспечивает себя продовольствием на 102%, но добавила, что десятилетний план иммиграции пересмотрен не будет. Романтическая потеря: ...в море, на яхте, где они проводили медовый месяц. Юная вдова пребывает в уединении...

ВЫКИНЬТЕ ВАШИ БЮСТГАЛЬТЕРЫ

ОНИ НИКОГДА ВАМ НЕ ПОНАДОБЯТСЯ, если...

Если вы воспользуетесь секретом, найденным 2 510 000 лет назад мудрыми и светлыми индусскими мудрецами.

Никаких хирургических вмешательств, медикаментов и уколов!

Звоните в «Меркурий-сервис» — «Адепт».

Конфиденциально.

ЗАВЕДИ ПАРНЯ, ЧУВА. РУБИШЬ?

...дверь для обработки. Был рад встретить вас, миссис Гарсиа, и вас, доктор. Войдите, следующий! Подходите, садитесь. Муж с вами? Или вы «мисс»?

— Я вдова, мистер Бэрнс.

— О? У нас нечасто бывают вдовы. Комиссия не любит связываться с ними. Эмиграция — не средство для решения эмоциональных проблем. И мы не принимаем женщин на таких сроках беременности. За редким исключением — как, скажем, у предыдущей пары. Она беременна, но он — практикующий врач, то есть пользуется максимумом привилегий при субсидированной эмиграции. Поэтому я ее пропустил. Впрочем, я мог бы пропустить ее и саму по себе: она квалифицированная медсестра. Как я понимаю, у вас...

— Я все это знаю. Доктор Гарсиа — мой личный врач.

— О? Но теперь это ничего не значит. Даже если вы пройдете, на Луне он вряд ли останется вашим личным врачом. Разве что случайно...

— Мистер Бэрнс, перед вами мое заявление на эмиграцию. Мой юрист составлял его очень обстоятельно. Может быть, изучив его, вы сэкономите ваше время?

— Все в свою очередь. Вас удивит, наверное, как много людей приходят сюда, не имея представления о том, что их

ждет. Лишь один из двадцати проходит вон в ту дверь. Итак, Сэлэмэн Юнис... Миссис Сэлэмэн, во-первых, я должен предупредить вас... Сэлэмэн?!

— Миссис Джейкоб Моше Сэлэмэн, в девичестве Джоан Юнис Смит.

— Ваше лицо показалось мне знакомым, но...

— Я пополнела. Знаю. Доктор говорит, что такая прибавка — нормальна для моего веса и сложения. И, конечно, срока беременности.

— Хорошо, что вы заговорили об этом. Женщины, как правило, заблуждаются насчет срока. Первенцы появляются на свет раньше, чем объявлено. Лунные транспорты не оборудованы для приема родов. Я хочу, чтобы вы поняли, как это опасно.

— Я полностью осознаю опасность. Но доктор Гарсиа уверен в сроке родов, и... Мистер Бэрнс, наш разговор конфиденциальный?

— Нет. Я имею право разглашать все, что услышу... хотя очень редко этим правом пользуюсь. Если вы не хотите быть откровенной с комиссией, можете оставаться на Земле. Это уже ваши проблемы. Я же должен быть полностью удовлетворен вашими ответами на вопросы, которые я буду задавать, ничем не стесняясь. Итак, вы будете отвечать?

— Ладно, я продолжаю. Я вынашиваю уже не первого ребенка. Нет никаких оснований считать, что роды будут досрочными. Если «Годдард» вылетит по расписанию, ребенок родится уже на Луне.

— Так. Тогда возникают другие проблемы. Этот ребенок будет иметь права на ваше имущество?

— Нет. Именно эта информация должна быть конфиденциальной. *Я* не имела первенца.

— Не понял?

— Вы же знаете, я изменяла пол путем пересадки мозга. Да весь мир это знает!.. Так вот, у донора ребенок был, но внебрачный — хотя теперь это никого не волнует, но все равно — я не хочу компрометировать моего донора.

Босс, ты же знаешь — мне плевать.

Спокойно — это отвлекающий маневр. Сейчас он увлечется этой темой — и подставится.

— Миссис Сэлэмэн, меня беспокоит этот аспект проблемы. Ваш первый ребенок в будущем может предъявить претензии на наследство — а поскольку пятьдесят процентов имущества эмигрантов отходят в общий фонд колонии, то колония кровно заинтересована в том, чтобы этот вопрос вообще не поднимался.

— Мистер Бэрнс, если вы внимательно прочтете «приложение № 6», то увидите, что все предусмотрено. Мною учреждается небольшой траст, предназначенный для погашения любых подобных претензий. Через пятьдесят лет оставшиеся средства будут перечислены на благотворительные цели.

— О? Десять миллионов — это, по-вашему, небольшой?

— Конечно.

— Так... мне надо повнимательнее ознакомиться с цифрами... Кстати, вы знаете, что даже на оставленные вам деньги вы на Луне ничего не сможете купить? Иными словами, и бедные, и богатые начинают с равно низкого старта?

— Конечно, знаю. Мистер Трайн, мой адвокат — очень внимательный юрист. Поэтому я прекрасно знаю ваши законы и понимаю все последствия моих действий. Он их не одобряет. В смысле, мои действия. Но он составил документ, предусматривающий, похоже, все обстоятельства.

— Возможно, возможно. Так, а это справка из банка...

— Да. Но у меня будет одна просьба. Я хочу, чтобы доктор Гарсиа наблюдал за мной после родов.

— Не могу обещать этого. Извините. Такова политика...

Она встала.

— Тогда я никуда не лечу.

— О? Бог мой! Это что — все ваше?! — он не слышал ее, уставившись на банковскую справку.

— Неужели для одной беременной женщины нельзя сделать исключение?

— Не знаю... Это... если это все правда — вы не просто богаты, вы — миллиардерша!

— Возможно. Думаю, ошибок там нет, баланс подбивал «Чейз Манхэттен»... разве что какой-нибудь компьютер пустил пузыря. Ладно, давайте все сюда, потому что, раз уж комиссия не может пойти на такую крошечную уступку...

— Прошу вас, мадам. Я имею право делать подобные исключения — просто обычно не пользуюсь этим правом. Такова политика.

— Чья политика, мистер Бэрнс? Комиссии? Или ваша личная?

— О? Моя, я же говорю...

— Тогда хватит жрать мое время, чертов идиот!!!

Так ему, толстушка!

Да надоело мне это все! Спина болит!

Мистер Бэрнс от акустического удара чуть не вылетел из кресла. Опомнившись, он вскочил:

— Прошу вас, мадам...

— Юноша, хватит болтать попусту! Как видите, я беременна. Вы прочли мне лекцию об опасности родов и сроках зачатия — хотя вы не врач. Я терпела. Потом вы полезли в мою личную жизнь. Я тоже стерпела. Потом вы почему-то старались убедить меня, что врач, давным-давно наблюдающий меня, почему-то не сможет продолжать это делать, хотя мы полетим на одном корабле. Но, оказывается, все это было необязательным... стало необязательным, как только вы взглянули на мою банковскую справку. Значит, это все были ваши личные мелочные придирки, демонстрация мелкой и подлой властишки, врученной вам бесконтрольно. Я сидела перед вами на жестком неудобном стуле, у меня заболела спина. Сколько бедных беззащитных людей стали жертвами вашего неумеренного властолюбия и скверного характера? Но я не бедна и не беззащитна! Поэтому я обещаю вам, что на своем удобном кресле вы сидите последний день!

— Мадам, прошу вас, не надо! Ваш доктор будет с вами, сколько это потребуется. Я всегда иду навстречу пожеланиям кандидатов... насколько это возможно...

— Тогда вынь свою ленивую жопу из кресла — и предложи его мне! А сам посиди пока на стуле.

— Да, мэм...

Они поменялись сиденьями. Через несколько минут пристального изучения документов он поднял глаза:

— Почти все остающиеся у вас средства вы вкладываете в разработку и постройку космических кораблей?!

— Не ваше дело. Мои деньги, как хочу, так и трачу.

— Я не говорю, что мое. Просто это так... необычно.

— Почему? Мой ребенок может захотеть пойти на корабль. И я хочу, чтобы это был хороший корабль. Короче: у вас было время, чтобы заучить мое заявление наизусть. Решайте. Или ставьте визу, или давайте его обратно. У меня разболелась спина, и это вы виноваты, мать вашу, и ваша идиотская «политика, политика»!

Он поставил печать и расписался.

— В эту дверь, миссис Сэлэмэн.

— Спасибо, — она направилась к двери.

— Только тебя там и ждут, старая сука...

Джоан Юнис остановилась, повернулась всем телом и улыбнулась ослепительно и лучезарно.

— О, спасибо, дорогой! Это лучшее, что я услышала от вас! Самое честное — от всего сердца! Конечно, там меня не ждут, и я была не права — отвечать на вашу грубость своей грубостью. И я действительно старая сука, чего уж там.

— Я не должен был говорить так...

— Ну, почему же? Все это — чистая правда. Только я все равно не стала бы отнимать у вас вашу работу — честное слово, это не мой стиль. Просто у меня заболела спина, и я разозлилась. А вы неплохо держались. Как вас звать?

— О? Мэтью.

— Хорошее имя, Мэтью. Крепкое. — Джоан Юнис вернулась, подошла к нему вплотную. — Мэтью, я улетаю на Луну. Навсегда. Я никогда не вернусь оттуда. Простите старую суку... будем друзьями, ладно? Меня некому провожать, Мэтью. Поцелуйте меня... на прощание...

— О...

— Это ничего, что живот большой. Встаньте сбоку, так будет лучше... — Она подняла лицо и закрыла глаза.

Потом она судорожно вздохнула и прижалась к нему.

— Мэтью? Можно, я буду любить вас? Нет, совсем не то, что вы подумали... да мне и нельзя уже... Просто скажите мне, что я могу с любовью вспоминать вас в дороге... а это очень длинная дорога... до Луны. Я даже немного боюсь, когда представляю... Я слишком долго жила без любви, и мне кажется... я просто хочу успеть полюбить всех, всех, кто мне позволит... и будет хоть немного любить меня в ответ. Вы — будете? Или эта сука уж слишком стара?

— О, мадам Сэлэмэн...

— Юнис. Я — Юнис, Мэтью.

— Юнис... Юнис, вы — самая восхитительная сука... думаете, я почему держал вас на том стуле и не отпускал? Мне так хотелось посмотреть на вас... не насмотреться, не потрогать, не поцеловать — только смотреть и смотреть...

— Поцеловать тоже можно...

На этот раз у него получается лучше, намного лучше...

Не мешай, я занята.

— Чудесная... — он перевел дыхание.

— Пузатая и растекшаяся, — усмехнулась Джоан. — Видел бы ты меня полгода назад — а еще лучше — саму Юнис, ту, первую...

— Все равно — ты чудесная. Но нам нужно остановиться... Прощай, Юнис. Тебе — в эту дверь, а там — по указателям...

— Прощай, Мэтью. Я люблю тебя... и буду любить даже на Луне.

— Береги себя...

О, черт! «Врачебный контроль». Сейчас начнется всякое дырколазанье...

Зато нас поцеловали на прощание.

Глава 29

В Луна-Сити миссис Сэлэмэн, как и положено женщине, достигла наконец финиша утомительной девятимесячной дистанции. Ее симпатичный пуп торчал вперед, живот выпятился и вздымал простыню. Рядом сидела медсестра,

тоже беременная, но с меньшим сроком. Джоан Юнис ожидала разрешения от бремени в общественной больнице.

— Винни?

— Да, дорогая?

— Если мальчик — то пусть будет Джейкоб Юнис. Если девочка — Юнис Джейкоб. Обещай.

— Обещаю, дорогая. Я записала, я помню. Мы же договорились: случись что, и я забочусь о твоем ребенке, а ты — о моем. Ты помнишь? Но нам не придется этого делать, потому что все будет в порядке, все будет хорошо...

— Поклянись, это так важно...

Джоан, не называй ребенка Джейкобом! Пусть будет Йоханн.

Джейк, я никогда не соглашусь назвать свое дитя этим идиотским именем! Мне оно стоило многих слез... но потом я научился драться.

Джок, не спорь. Босс прав.

Тогда пусть будет Джон!

Его зовут Джейкоб, и никак иначе!

Джоан, ты была самым упрямым старым ублюдком в Солнечной системе — и перемена пола тебя не изменила. Так что все правильно.

Джейкоб, я тебя люблю.

Я тоже люблю тебя, Джок.

— Клянусь, Джоан! Клянусь чем хочешь...

— Моя нежная Винни. Мы прошли немалый путь вместе... ты, я и Роберто...

— Да, дорогая. Так и было.

— Я больна. Или нет?..

— Джоан, ты не больна. Просто женщины всегда чувствуют себя скверно перед родами...

— Какими родами? Винни, наклонись, я должна сказать тебе... Это безумно важно. Имя ребенка должно быть...

— ...синдром отторжения. Атипичный, но несомненный.

— Почему атипичный, доктор Гарсиа?

— Ну... налицо раздвоение личности. Даже растроение.

В бреду она говорит тремя голосами, причем два из них — голоса умерших.

— Не знаю... Впрочем, я не психиатр. Мое дело — принять здорового ребенка, а на сколько голосов она говорит, мне все равно. Я принимал от женщин, которые вообще ничего не соображали.

— Я тоже не психиатр. Давайте считать, что это просто бред. Просто отторжения я боюсь больше всего...

— Доктор, я не имел дела с пересадками органов, я акушер. Но многие из моих пациенток чувствовали себя гораздо хуже... но на третий день после родов вставали на ноги. Может быть, сказывается еще и адаптационный синдром? Она прибыла меньше месяца назад...

— Видите ли, у этой пациентки был пересажен мозг, а сейчас мы видим нарушение корковых связей. Не знаю, долго ли это будет продолжаться... но, боюсь, мы уже ничего не сможем сделать. Как только нарушатся стволовые связи — все. И я ничего не смогу сделать!

Старый акушер покачал головой:

— Это фронтир, сынок. Здесь мы умираем по-настоящему. Да ведь и будь у вас новейшее оборудование — неужели вы остановили бы начавшееся отторжение? А спонтанная ремиссия может наступить и на обычной койке...

— Нет. Впрочем, никакое оборудование тоже не поможет. Мы смогли бы протянуть еще немного, и это все.

— Что ж... Я понял. Это ваша пациентка, и вы сказали все.

— Да. Нужно спасать ребенка.

— Работаем.

Джоан Юнис очнулась. Над ней плыл потолок коридора.

— Роберто?

— Здесь, дорогая.

— Куда меня везут? Снова на операцию?

— Да, Джоан.

— Зачем?

— У тебя нет схваток. Операция самая простая — кеса-

рево сечение. Ничего не бойся. Это проще, чем убрать аппендикс.

— А кто будет делать? Ты?

— Нет, доктор Френкель. Он акушер. Ты его видела утром.

— Да? Не помню. Роберто, мне надо сказать Винни очень важное. Это насчет имени моего ребенка.

— Она записала, дорогая. Джейкоб Юнис или Юнис Джейкоб.

— Да-да! Правильно. Тогда все в порядке. Но пусть сделают побыстрее...

— Все будет быстро, не волнуйся. Под спинальной анестезией, с барбитуратами...

— Доктор, с Агнесс все будет в порядке?

— Да, Йоханн. Не волнуйся. Все будет в порядке.

— Я ей так и сказал... Доктор, я хочу спать. Можно вот здесь, на диване? Разбудите меня, когда Агнесс пойдет за ребенком...

— Хорошо, Йоханн.

— Спасибо... миссис... Викланд. Я не... знал... может быть... так... прекрасно...

— Роберто? Где ты? Я не вижу...

— Здесь, дорогая.

— Потрогай меня. Дотронься до лица. Я не чувствую ничего ниже... Роберто, я купила себе прекрасный год — и ни о чем не жалею. Они уже начали?

— Нет еще. Хочешь спать, дорогая?

— А что, нужно? Я бы не хотела. Одному богу известно... проснусь ли? Время принять пулю, высоко держа голову... Я счастлива, Роберто. Наклонись, дорогой... не могу говорить громко... ближе...

— Зажим! Черт возьми, сестра, не стойте на дороге!

— Всегда все болит, Роберто, все... Всегда. Но есть вещи посильнее боли. Бак пробит, хвост горит, и машина летит на честном слове и на одном крыле... Это... не я... не то, что я хотела... Это Джейк, он поет, он все время поет... когда он счастлив. Ближе, Роберто, ближе... я хочу сказать... до того... как усну. Спасибо, Роберто, что позволял

мне принимать тебя в себе, пускать тебя в себя... чувствовать тебя, когда ты во мне... когда ты берешь меня... Как плохо быть одной... Ты осенил меня... своим телом... А теперь я усну, пока еще могу... но сначала надо было тебе сказать все это. Омм мани пхадме хум. Иду спать...

— Мы ее теряем! Доктор, мы ее теряем!

Закричал ребенок.

Мир — возник.

— Остановка сердца...

Джейк? Юнис?

Мы здесь, босс! Руку! Давай руку! Я держу его, Джок! Вот он!

Мальчик или девочка? Кто?!!

Какие заботы, Йоханн! Ребенок есть ребенок! Летим!

Один за всех, все за одного!

Старый мир исчез, и больше здесь не было ничего.

ФРАЙДИ. Роман.
Пер. Н. Сосновской 5

ПРОЙДЯ ДОЛИНОЙ СМЕРТНОЙ ТЕНИ. Роман.
Пер. А. Лазарчука 433